

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

На правах рукописи

Белявская Ольга Сергеевна

**Хронология ременных гарнитур Южного Приуралья
III – рубежа VII и VIII вв.**

Исторические науки:

5.6.3 – Археология

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н. В.В. Овсянников

Уфа
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историографический обзор и теоретико-методические основания исследования	14
1.1. Историографический очерк этнокультурной ситуации в Приуралье в I тыс. н.э.	14
1.2. История изучения ременных гарнитур Волго-Уралья III – рубежа VII и VIII вв.	45
1.3. Опыт изучения относительной хронологии.	67
Глава 2. Типология деталей ременных гарнитур	75
2.1. Пряжки.....	89
2.2. Ременные наконечники.....	112
2.3. Ременные накладки.....	123
2.4. Ременные бляхи	147
2.5. Ременные крепежи.....	149
2.6. Ременные петельные крючки.....	149
Глава 3. Хронологическая атрибуция ременных гарнитур Южного Приуралья	151
3.1. Сериация погребальных комплексов с ременными гарнитурами	151
3.2. Датировка других категорий находок, опорных для хронологии.....	184
3.3. Датировка деталей ременных гарнитур по аналогиям.....	206
3.4. Периодизация ременных гарнитур и ее синхронизация с основными хронологическими схемами Восточной Европы.....	241
Глава 4. Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья и интерпретация полученных результатов	257
4.1. Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья с учетом результатов изучения ременных гарнитур.....	257
4.2. Результаты изучения ременных гарнитур Южного Приуралья для понимания историко-культурных процессов.....	285
Заключение	315
Список использованных источников и литературы	321
Список сокращений	385
Приложение 1. Источниковая база исследования	388
Приложение 2. Таблицы	412
Приложение 3. Иллюстрации	516

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Южное Приуралье с бронзового века до позднего Средневековья являлось контактной зоной между оседлым населением лесной и лесостепной зон и кочевниками степей. В I тыс. н.э. на данной территории сохраняется преемственность между археологическими культурами финно-пермского мира. На стыке раннего железного века и раннего Средневековья под влиянием ряда как внутренних, так и внешних факторов пьяноборская культура трансформируется в мазунинскую, а затем – в бахмутинскую культуру. Носители же кара-абызской культуры, на определенном отрезке сосуществуя с «мазунинцами», были включены в другой этнокультурный процесс.

В сер. – 2-ой пол. I тыс. н.э. в Приуралье и Прикамье фиксируются несколько волн миграций, повлиявших на изменение культурной доминанты на данных территориях. Сложившаяся ситуация в материальной сфере отразилась обилием импортных изделий, в т.ч. некоторым количеством нумизматического материала. Это формирует актуальность выделения относительно узких хронологических периодов на основе анализа такого серийного материала как ременные гарнитуры в корреляции с хроноиндикаторами (предметами импорта, в т.ч. монетами и др.). Как ременные наборы, так и отдельные элементы ременных гарнитур являются важным археологическим источником, на основе анализа которого можно проследить изменение общеевразийской «моды» и локальных стилей, а также, при поиске аналогий в различных датированных комплексах и применении специальных методов анализа, – разрабатывать относительную и абсолютную хронологию памятников, в которых они обнаружены.

Степень разработанности проблемы. Ременные гарнитуры Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. рассмотрены ранее специалистами как в рамках изучения инвентаря того или иного памятника археологии или археологической культуры, так и в качестве объекта отдельного исследования.

В первую очередь, необходимо отметить ряд работ, посвященных публикации материалов археологических памятников, которые составили источниковую базу настоящего исследования (Булычев, 1902, 1904; Шмидт, 1929; Ахмеров, 1949, 1951, 1970, 1974; Мажитов, 1959, 1962а, 1968б, 1977, 1981б, 1990; Пшеничнюк, 1968; Матвеева, 1968б; Васюткин, 1967, 1968а, 1970, 1971в, 1977, 1980, 1986; Васюткин, Останина, 1986; Викторова, 1962; Генинг, 1977; Горбунов, 1984; Горбунов, Иванов, 1992; Сунгатов, 1995; Морозов, 2000; Сунгатов и др., 2004; Овсянников и др., 2007; Мажитов и др., 2007; Тагиров, 2007; Шамсутдинов и др., 2015; Русланов и др., 2016; Бахшиев и др., 2017; Сунгатов, Куфтерин, 2020; и др.). Главной задачей в подобных исследованиях являлось введение в научный оборот новых материалов, ременные же гарнитуры зачастую рассматривались авторами работ без какой-либо определенной системы.

Более подробное изучение ременных принадлежностей с позиций типологического, сравнительно-исторического, статистико-комбинаторного и хронологического методов представлено в работах, связанных с исследованием материальной сферы носителей различных археологических культур. Для Южного Приуралья необходимо отметить исследования по бахмутинской (Мажитов, 1968б), мазунинской (Останина, 1997), турбаслинской (Сунгатов, 1998), позднесарматской (Малашев, 2000) и карабызской (Овсянников и др., 2007) культурам.

В отдельную группу следует выделить работы, в которых ременные гарнитуры Южного Приуралья являются главным либо одним из основных объектов исследования. Одна из первых попыток изучения данной категории находок была предпринята В.Б. Ковалевской. Доступный для исследователя материал IV–IX вв., включавший в себя пряжки, известные от Забайкалья на востоке до Поднепровья на западе и от Прикамья на севере до Закавказья и Средней Азии на юге, был проанализирован с точки зрения типологии, огромный массив данных представлен в табличном и иллюстративном виде

(Ковалевская, 1979). В 2000 г. В.Б. Ковалевской опубликована подготовленная в конце 1970-х гг. работа, в которой систематизированы ременные накладки и наконечники из памятников с той же территории, с которой происходят рассмотренные пряжки (Ковалевская, 2000). Данным работам предшествовала публикация обстоятельной статьи, в которой отдельно рассмотрены раннесредневековые ременные принадлежности, происходившие из комплексов на территории Башкирии (Ковалевская, 1972). Исследователем предложены ориентировочные даты элементов ременных гарнитур, для каждого типа вещей указан ареал, в ряде случаев отмечены культурно-исторические связи регионов.

Значительный вклад в разработку относительной и абсолютной хронологии древностей Восточной Европы и Южной Сибири V–VIII вв. на основании корреляции ременных гарнитур с другими категориями вещевого инвентаря внесен А.К. Амброзом. Его специальные исследования, в которых проанализированы материалы из Южного Приуралья, в т.ч. из Бирского, Бахмутинского, Кара-Тамакского, Ново-Турбаслинского, Манякского могильников и целого ряда погребений с территории г. Уфы, и на сегодняшний день также не теряют своей актуальности (Амброз, 1971б, 1973, 1980, 1985, 1989).

Н.А. Мажитовым в результате изучения погребального инвентаря (в т.ч. и ременных принадлежностей) V–X вв. разработана новая периодизация для целого ряда южноуральских комплексов, хронологические рамки которых, в итоге, сдвинулись в сторону их «омоложения» (Мажитов, 1977). Данная точка зрения отличалась от ранее представленных исследователем выводов (Мажитов, 1968б. С. 12, 24, 68–69). Толчком для подобной смены взглядов послужили, в первую очередь, научные изыскания А.К. Амброза, что и отмечает в своей работе Н.А. Мажитов (Мажитов, 1977. С. 13, 15). Идеи Н.А. Мажитова получили развитие в последующих его работах (Мажитов, 1981б, 1987, 1990, 1993).

В.Ф. Генингом при помощи комплексного анализа рассмотрены поясные гарнитуры Прикамья и Южного Приуралья III–IX вв., в т.ч. и некоторые материалы из ряда могильников на территории Башкирии. Исследователем выделены основные этапы эволюции элементов поясного набора, для которых учтены такие признаки как техника изготовления изделий, способ соединения рамок пряжек с обоймой и язычком, способ крепления к ремню, а абсолютные даты периодов уточнены по находкам монет и некоторым аналогиям (Генинг, 1979).

В.А. Ивановым при помощи статистических методов проанализированы материалы (в т.ч. и ременные гарнитуры) из погребальных памятников кушнаренковской и караякуповской культур, в результате чего выделены хронологические группы погребений с характерными для каждой из них керамическим материалом и набором украшений (Иванов, 1981; Иванов, 1999. С. 43–45, 70).

А.В. Богачевым в рамках изучения ременных гарнитур Среднего Поволжья рассмотрены ряд могильников и погребений, расположенных на территории Республики Башкортостан. Исследователем предложен способ типологии материала, основанный на «горизонтальном» принципе размещения «равнозначных» признаков, что позволило выделить как основные, так и смежные (сочетающие черты «старой» и «новой» морфологии) хронологические группы, каждая из которых получила собственное название (Богачев, 1992).

Ряд работ И.О. Гавритухина посвящены уточнению хронологии и генезиса ременных принадлежностей, происходящих из комплексов Среднего Поволжья, Южного Приуралья и Прикамья (Гавритухин, 1996, 1999, 2000, 2001а, 2001б, 2022а, 2022б, 2023б; Гавритухин, Обломский 1996; Гавритухин, Иванов 1999; и др.). В наибольшей степени внимание исследователем акцентировано на ременных гарнитурах «геральдического» облика: выделены стилистические особенности рассмотренных им изделий, разработана их

периодизация, а полученные результаты вписаны в историко-культурный контекст (Гавритухин, 1996, 1999, 2000, 2001б, 2001в, 2022а; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 84–89; Гавритухин, Малашев, 1998; Гавритухин, Иванов, 1999; и др.).

Таким образом, даже столь краткий обзор демонстрирует высокую степень изученности ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. Тем не менее, с момента написания последних обобщающих работ (Ковалевская, 1972, 1979, 2000; Богачев, 1992; Гавритухин, Обломский, 1996; Останина, 1997; и др.), в которых, к тому же, южноуральские материалы были использованы не в полной мере, прошло уже несколько десятилетий. В настоящее время источниковая база по ременным гарнитурам Южного Приуралья благодаря новейшим исследованиям ряда археологических памятников (Бирский, Ново-Турбаслинский, Дежневский, Старо-Муштинский, Шиповский, Ангасякский могильники, могильник Чайка-1, погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа), городища Уфа-I, Уфа-II) значительно увеличилась (табл. 331–333). Без сомнений, накопленный массив материалов требует комплексного изучения на современном научно-методологическом уровне.

Объектом исследования материальная культура населения Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Предметом исследования выступают типолого-морфологическая и эволюционно-хронологическая характеристики элементов ременных гарнитур.

Целью исследования является построение хронологической шкалы ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) Анализ степени изученности темы и выбор методики исследования;
- 2) Создание типологии деталей ременных гарнитур с учетом разработок исследователей (Н.А. Мажитова, А.К. Амброза, В.Ф. Генинга,

В.Б. Ковалевской, Р.Д. Голдиной, Т.И. Останиной, И.О. Гавритухина, А.В. Богачева, В.Ю. Малашева и др.);

3) Выделение хронологических групп комплексов на основе проведения сериации погребений с ременными гарнитурами;

4) Поиск надежно датированных аналогий предметам ременных гарнитур на других территориях;

5) Объединение всех хронологических групп на одном «поле» для построения хронологической шкалы ременных гарнитур Южного Приуралья;

6) Соотнесение полученных результатов с историко-культурным контекстом.

Хронологические рамки исследования обусловлены этнокультурными процессами, происходившими в Южном Приуралье с III в. до рубежа VII и VIII вв. Нижняя хронологическая граница – III в. – связана с изменением историко-культурной ситуации, в результате чего появляются археологические культуры, в материальной сфере которых отражается влияние позднесарматского мира. В конце IV в. позднесарматский период сменяет эпоха Великого переселения народов, которая делится на гуннский, «пост-гуннский» (шиповский) периоды и период «геральдических» гарнитур. Верхняя хронологическая граница исследования обусловлена тем, что на рубеже VII и VIII вв. происходит смена стилей ременных гарнитур (смена ременных принадлежностей «геральдического» круга на пояса катандинского типа), что связано с кардинальными геополитическими и этнокультурными изменениями на территории Евразии, изучение которых требует отдельного самостоятельного исследования.

Территориальные рамки исследования ограничены географией распространения могильников, поселений и местонахождений вещей III – рубежа VII и VIII вв. в Южном Приуралье – бассейнами рр. Белая и Уфа, включающих среднее и нижнее течение р. Белой, нижнее и среднее течение р. Уфы с притоками. В ландшафтном плане рассматриваемая территория

расположена в границах лесной, лесостепной и степной зон. Административно эта территория относится к центральным, северо-западным и северо-восточным районам Республики Башкортостан (рис. 1–2).

Источниковая база исследования. В работе использованы опубликованные и неопубликованные источники, содержащие материалы из 34 могильников и отдельных погребений (всего – 1793 захоронения)¹. Наличие ременных гарнитур зафиксировано в 777 комплексах (43,3 % – от общего количества известных захоронений). Выделить типы ременных принадлежностей (хотя бы в одной категории находок) удалось в 522 погребениях (29,1 % – от общего количества известных захоронений)², которые и составили источниковую базу настоящего исследования (табл. 1, табл. 333).

Кроме того, учтены предметы ременных гарнитур, происходящие с территории 7 поселений (табл. 2), а также из депаспортизированных погребений Бахмутинского (раскопки 1915 г., 1921 г., 1928 г.)³, Мало-Качакского, Старо-Муштинского, Бирского, Ново-Турбаслинского могильников и материалов Никольских находок (табл. 3).

Типологически определены 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков – всего 3276 предметов (табл. 4, табл. 6–7, табл. 319–330).

Методологической основой исследования являются принцип историзма и принцип объективности. Принцип историзма подразумевает рассмотрение объекта исследования в процессе его становления во времени, в закономерном историческом развитии. Принцип объективности основан на

---

¹ Выражаю благодарность С.Л. Воробьевой, Ф.А. Сунгатову, А.Н. Султановой, М.Р. Шамсутдинову за возможность использования в настоящей работе неопубликованных материалов их раскопок.

² Парные / коллективные захоронения, а также «тайники» учтены в рамках одного, того или иного комплекса, но в таблицах имеют отдельную строку.

³ В настоящем исследовании удалось привлечь лишь часть находок из депаспортизированных коллекций Бахмутинского могильника.

критическом анализе источников, всестороннем изучении фактов, исторических процессов и явлений.

Методы исследования являются традиционными для археологической науки. Для систематизации ременных принадлежностей использован типологический метод. Метод сравнения и подбора аналогий использован для анализа элементов ременных гарнитур через их сопоставление с типологически близкими находками в контексте хронологической и культурной изменчивости. В работе применен метод сериации находок по комплексам, позволяющий разместить вещи определенной категории в последовательности, отражающей предполагаемое направление их изменения.

Научная новизна. В рамках диссертационного исследования создана общая типология элементов ременных гарнитур Южного Приуралья, основанная на материалах представительной источниковой базы, с учетом для рассматриваемых изделий особенностей конструктивно-морфологического и функционального характера. Необходимость создания новой типологии обусловлена тем, что столь обширный и зачастую не введенный в научный оборот материал не был отражен полностью ни в одной из созданных ранее классификаций. Впервые за последние несколько десятилетий многочисленные ременные принадлежности из археологических памятников Южного Приуралья рассмотрены единым массивом и в качестве хронологических маркеров. Полученный результат позволяет уточнить картину исторических процессов в регионе в рассматриваемую, во многом судьбоносную, эпоху.

Теоретическая значимость работы заключена в создании хронологической шкалы ременных гарнитур населения Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. на основе обобщения всего комплекса накопленных к моменту написания работы археологических источников и с учетом актуальных историографических подходов к разработке хронологии древностей эпохи Великого переселения народов.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ и подготовки курсов лекций по археологии и древней истории Урало-Поволжья, а также при подготовке выставок и экспозиций в музеях исторического профиля, при определении хронологического контекста вещей, обнаруженных археологами и краеведами.

Личный вклад соискателя в получение результатов диссертации. Соискателем обработаны коллекции из фондов Национального музея Республики Башкортостан, Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, археологического музея им. Н.А. Мажитова Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», археологической лаборатории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Государственного бюджетного учреждения «Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа»» (г. Уфа), Стерлитамакского историко-краеведческого музея (г. Стерлитамак), Государственного исторического музея (г. Москва). На основе чего разработана типология и хронология ременных гарнитур Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

Апробация результатов работы. По теме диссертационного исследования автором опубликовано 12 печатных работ общим объемом 43,3 п.л. (авторский вклад 9,88 п.л.). Из них 4 статьи – в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Отдельные положения и выводы диссертационного

исследования изложены в сообщениях и докладах на научных конференциях регионального (Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Уфа, 2016 г.)), всероссийского (Всероссийская научно-практическая конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа, 2016 г., 2017 г.); Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых (Йошкар-Ола, 2016 г.); XXI Уральское археологическое совещание (Самара, 2018 г.) и международного (Международный научный симпозиум «Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур» (Уфа, 2018 г., 2022 г.); V конференция молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных» (Москва, 2019 г.); III Российско-сербская археологическая конференция «От Дуная до Волги: интеракции и трансформации культуры в I тысячелетии н.э.» (Белград, Нови-Сад, 2019 г.) уровней.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений в виде дополнительных материалов, таблиц и иллюстраций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ременные гарнитуры Южного Приуралья в рассматриваемый период представляют собой важный археологический источник, который выступает в качестве датирующего материала.

2. В результате анализа встречаемости находок по 51 признаку (ХИ) стало возможным выделить 9 групп, некоторые из которых делятся на подгруппы. Объединение сериационных групп на одном «поле» с не вошедшими в сериацию типами реманных гарнитур позволило создать периодизацию реманных украшений Южного Приуралья эпохи перехода от раннего железного века к раннему Средневековью. Выделено шесть этапов: *первый этап* датирован III – 3-ей четв. IV в.; *второй этап* – 2-ой четв. – 2-ой

пол. IV в.; *третий этап* – V–VI вв.; *четвертый этап*, судя по всему, являющийся переходным, ограничен 2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.; *пятый этап* приходится на конец VI – 3-ю четв. VII в.; *шестой этап* датирован сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв. (отдельные погребения Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.).

3. Анализ ременных гарнитур позволил предположить, что немногочисленные группы носителей турбаслинской культуры могли появиться в Южном Приуралье уже во 2-ой пол. IV в. Судя по всему, наиболее богатые турбаслинские комплексы следует датировать не позднее 1-ой пол. / 3-ей четв. VII в., с сер. VII в. турбаслинская культура как культура «в чистом виде» начинает угасать.

4. Распространение «геральдических» ременных гарнитур в Южном Приуралье начинается со 2-ой пол. VI в. Наиболее поздние комплексы с «геральдикой», в большинстве своем, датированы рубежом VII и VIII вв., при этом допускается возможность существования отдельных погребений Бирского могильника до сер. VIII в.

5. Появление носителей кушнаренковской культуры по совместным находкам керамики соответствующего типа с ременными гарнитурами в сериационных *группах IV* и *VI* можно относить к периоду раньше конца VI в., предположительно – к его второй половине.

6. К концу VII в. в большинстве некрополей Южного Приуралья прекращают совершаться погребения с основными «классическими» признаками турбаслинской, романовско-именьковской и бахмутинской культур. Однако черты турбаслинской и бахмутинской культур продолжают фиксироваться еще в захоронениях Бирского могильника, наиболее поздние из которых, предположительно, могли существовать вплоть до сер. VIII в. Кушнаренковская культура постепенно сменяется близкородственной ей караякуповской культурой.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историкографический очерк этнокультурной ситуации в Приуралье в I тыс. н.э.⁴

Степь и лесостепь Южного Приуралья в позднесарматский период

Южное Приуралье в начале I тыс. н.э. было областью обитания этнокультурных групп различного происхождения. Лесостепную часть рассматриваемого региона, ограниченную с востока предгорьями Урала, с юго-запада – Бугульминско-Белебеевской возвышенностью, а с севера – долиной р. Кама (Шакиров, 2011. С. 414–421), занимали оседлые носители кара-абызской и пьяноборской культур (Мажитов, 1968б. С. 59; Пшеничнюк, 1973. С. 163; Овсянников и др., 2007. С. 80; и др.).

По мнению исследователей, пьяноборская и кара-абызская культуры сформировались еще до нашей эры в результате взаимодействия финно-пермского населения с сарматами и носителями культуры гафурийско-убаларского облика (Смирнов, 1957. С. 28–39; Пшеничнюк, 1973. С. 204–210, 226; Овсянников, 2006а. С. 76; Овсянников и др., 2007. С. 83; Иванов, 2009а. С. 64; Мажитов, Султанова, 2010. С. 104; и др.).

Ареал пьяноборских памятников простирался на северо-западе от правобережья р. Камы, против устья р. Белой до г. Дюртюли – на юго-востоке, от верховьев р. Быстрый Танып – на востоке до среднего течения р. Ик – на западе (Агеев, 1992. С. 82–83). Кара-абызские памятники зафиксированы на правобережье р. Белой от р. Бирь на севере до р. Усолки на юге (Археологическая..., 1976. С. 259).

В I–IV вв. на обширных пространствах – от Северного Причерноморья до южноуральских степей – кочевали носители позднесарматской культуры (Пшеничнюк, 1983. С. 120–125; Мошкова, 1989. С. 191; Малашев, Яблонский,

---

⁴ В данном параграфе представлена панорама различных точек зрения, а ряд выводов по этой проблематике с учетом полученной хронологической системы даны в §4.2.

2008. С. 6, 53; Симоненко, 2009. С. 5–7; Скрипкин, 2017. С. 221–228). В степях от Урала до Мугоджара, включая бассейны рр. Утвы и Илека, а также более севернее – в Демско-Бельском междуречье эта культура представлена рядом памятников (Барбастау, Лебедевка, Красный Яр, Целинный, Линевский, Чумарово, Уязыбашево, Леканды и др.). В Зауралье позднесарматские комплексы представлены Темясовскими, Альмухаметовскими, II Сибайскими, III Бекешевскими, IV Комсомольскими, VI Комсомольскими курганными могильниками (Пшеничнюк, 1983. С. 120–125; Мошкова, 2007. С. 105).

О наличии отдельных культурных контактов между оседлым финно-пермским и кочевым сарматским населением может свидетельствовать появление в среднем течении правобережья р. Белой, – в несвойственной для номадов экологической зоне лесостепного предгорья, – крупных курганных могильников (Салиховский, II Ахмеровский) (Пшеничнюк, 1983. С. 131; Овсянников, 2006а. С. 76).

Вопрос о происхождении и этнической характеристике населения, оставившего данные некрополи, остается дискуссионным. Исследователи видели в них «поздних» сармат (Сунгатов, 1998. С. 114; Овсянников, 2006а. С. 76) или «тюркизированных» сармат (Смирнов К.Ф., 1971. С. 75–76). Рядом ученых отмечается культурная многокомпонентность данных могильников. Г.И. Матвеева и С.А. Трибунский, наряду с сарматским компонентом, выделяют элементы населения, контактировавшего с носителями черняховской культуры и переселившегося под натиском гуннов (Матвеева, Трибунский, 2000. С. 288–289; Трибунский, 2003. С. 17–19). По мнению С.М. Васюткина и В.Ю. Малашева, Ахмеровский II могильник оставлен носителями позднесарматской культуры, испытавшими на себе влияние местного оседлого населения (Васюткин, 1977. С. 87–89; Малашев, 2007. С. 114–115). Салиховские курганы С.М. Васюткин связал с «поздними» сарматами и местным населением, а также с пришлыми с востока гуннами (Васюткин, 1986. С. 194–196; Васюткин, 1988. С. 78–79). Отчасти с ним

согласился В.Ю. Малашев, который также видел в «салиховцах» «поздних» сармат и местные этнокультурные группы, но, в то же время, наличие гуннского компонента поставлено им под сомнение (Малашев, 2007. С. 114). Ряд исследователей считает, что рассматриваемые некрополи оставлены «гунно-сарматами» (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 29; Сунгатов, 2020. С. 68). А.В. Богачевым Салиховский могильник определен как «гунно-сарматский-финно-угорский» (Богачев, 2011. С. 219–220). По мнению А.Х. Пшеничнюка, «несарматские» черты в Ахмеровском и Салиховском могильниках являются незначительными, а их происхождение можно связать с влиянием местного населения, оставившего памятники убаларского, а позднее – имендяшевского типов (Пшеничнюк, 1987. С. 74).

К «поздним» сарматам, осевшим на заброшенных кара-абызских поселениях (Матвеева, 1967. С. 54; Овсянников, 2007. С. 204–206), либо к потомкам угров-«убаларцев» (Матвеева, 1971. С. 129; Генинг, 1971. С. 47; Шиманский, 2012. С. 13), исследователи относят носителей керамики имендяшевского типа. Данная керамика (круглодонные и плоскодонные сосуды с уступчиком на месте перехода шейки к тулову, с декором в виде одного или двух рядов треугольных ямок, вертикальных или наклонных насечек, пальцевых вдавлений, резных ломаных линий и примесью песка, дресвы и шамота в тесте) обнаружена на ряде памятников правобережья среднего течения р. Белой и ее притоках (Имендяшевское, Кузнецовское городища, Устиновское, Кумырлинское, Беисовское, Ихтисатовское, Таш-Башском селища) (Васюткин, 1968б. С. 59–60).

Н.С. Савельев считает, что убаларская керамика связана с керамикой пост-маклашеевского и раннекара-абызского круга, а убаларско-имендяшевское население относится к финно-пермским группам племен. По мнению исследователя, нет никаких оснований для выделения особого «имендяшевского» типа или археологической культуры. В III–V вв. («имендяшевский» этап) позднеубаларское население имело активные

культурные контакты с отдельными носителями позднесарматской культуры, оставившими могильники типа Салихово и Ахмерово II, и, в дальнейшем, приняло участие в формировании турбаслинской и бахмутинской культур (Савельев, 2017. С. 33–34).

Изредка отдельные группы «поздних» сармат двигаясь по долине р. Белой, заходили и в предгорья Южного Урала (Савельев и др., 2018. С. 68–69). Расселившись там, данные этнокультурные группы оставили после себя ряд курганных могильников (например, Дербеневские курганы в Мелеузовском районе Республики Башкортостан) (Пшеничнюк, 1992. С. 82–83; Иванов, 1994. С. 69).

Мазунинская и бахмутинская культуры.

В III в. н.э. в силу эволюционного развития местного финно-пермского населения, по мнению одних ученых (Останина, 1997. С. 175–176), либо под влиянием инокультурных компонентов, по мнению других (Султанова, 2000. С. 124–125), в Западном Приуралье и Прикамье начинает складываться новая археологическая культура. К данной культуре одни исследователи применяют название «мазунинская», а другие – «бахмутинская» (Шмидт, 1929. С. 24–25; Генинг, 1967; Мажитов, 1968б; Останина, 1997. С. 16–17; Останина, 2022; Султанова, 2000; Сунгатов и др., 2004).

Бахмутинская культура, впервые выделенная в 1929 г. А.В. Шмидтом по материалам погребений эпонимного могильника, с момента ее открытия и до настоящего времени является предметом дискуссий среди исследователей.

А.В. Шмидт, датировав Бахмутинский могильник V–VIII вв., отметил близость рассматриваемой культуры с харинским культурным типом («IV–V вв.») и ломоватовской культурой («VI–VIII вв.»), а также выдвинул предположение о том, что носители бахмутинской культуры могли быть предками древнемадьярских (протовенгерских) племен (Шмидт, 1929. С. 26).

А.П. Смирнов датировал бахмутинские погребения IV–V вв., связывая их появление с влиянием двух культур – пьяноборской и ломоватовской

(Смирнов, 1952. С. 81), но впоследствии пересмотрел свои взгляды и стал определять бахмутинскую культуру как отличную от них (Смирнов, 1957. С. 50–54).

Р.Б. Ахмеров, приняв датировку бахмутинской культуры А.В. Шмидта, считал, что она сформировалась на местной основе (Ахмеров, 1970. С. 168–175).

В 1954-1956 гг. Удмуртской археологической экспедицией под руководством В.Ф. Генинга исследован Мазунинский могильник, обнаруженный у с. Мазунино Сарапульского района УАССР (совр. Удмуртская Республика). На основании материалов, полученных в ходе раскопок, В.Ф. Генинг выделил мазунинскую культуру (Генинг, 1958). В своих рукописях к научному отчету исследователь предполагал, что население, оставившее Мазунинский могильник, связано с племенами бахмутинской культуры, занявшими в IV–V вв. правобережье р. Камы (Останина, 2014. С. 115), но в последующих работах В.Ф. Генинг меняет свои научные представления (Останина, 2022. С. 126). В III в., с точки зрения исследователя, под влиянием гуннов отмечается значительный приток угорского и тюркского населения из Западной Сибири, оказавшего существенное влияние на местные этнокультурные группы. Результатом синтеза пришлого и местного населения и стало появление в Среднем Прикамье мазунинской культуры. Памятники мазунинского типа локализованы В.Ф. Генингом на р. Каме, от устья р. Сивы до устья р. Иж, и в нижнем течении р. Белой, до устья р. Быстрый Таныш (Генинг, 1961б. С. 40; Генинг, 1962. С. 46–47; Генинг, 1967. С. 8–9; Генинг, 1971. С. 46–47).

Характерными чертами погребального обряда мазунинской культуры, по мнению В.Ф. Генинга, являются грунтовые могильники; погребения, расположенные рядами либо компактными группами; могилы с захоронениями в деревянных гробовищах или – реже – в каменных ящиках; «жертвенные комплексы» в изголовье; круглодонная керамика с растительной,

песчаной и мелкораковинной примесью в тесте (Генинг, Стоянов, 1961. С. 82–83).

Н.А. Мажитов на основе материалов Бирского, Кара-Тамакского и Бахмутинского (раскопки 1960 г.) могильников удревнил бахмутинскую культуру до III в. н.э., а верхняя хронологическая граница определена им не ранее VII в. (Мажитов, 1962б. С. 68–71). Исследователь выступил против выделения отдельной мазунинской культуры, поставив под сомнение концепцию В.Ф. Генинга о пришлое характере ее носителей. По мнению Н.А. Мажитова, население, оставившее раннебахмутинские памятники, – как на территории Башкирии, так и на территории Удмуртии, – связано с носителями пьяноборской культуры. На позднем этапе «бахмутинцы» испытывают влияние этнокультурных групп южного либо юго-восточного происхождения. Вслед за А.В. Шмидтом ученый видел в носителях бахмутинской культуры мадьяр, которые после VIII в. были вынуждены покинуть Приуралье и двинуться на запад (Мажитов, 1968б. С. 77–78).

Несовпадение точек зрения Н.А. Мажитова и В.Ф. Генинга по бахмутинско-мазунинской проблеме породило многолетнюю дискуссию, в которую в той или иной степени были вовлечены многие крупные археологи Урало-Поволжья. Порой разброс мнений был значительным, а представления исследователей об истоках, территории, датировке и соотношении культур между собой менялись на диаметрально противоположные от одной публикации к другой.

В начале 1970-х гг. С.М. Васюткин в одной из своих работ, специально посвященной бахмутинско-мазунинскому вопросу, отметил следующие особенности: 1) дискуссия по данному вопросу велась еще до полной публикации памятников как Уфимско-Бельского междуречья, так и южных районов Прикамья; 2) мнения исследователей постоянно менялись по мере накопления материала; 3) ни один из вопросов не остался до конца решенным (Васюткин, 1971а. С. 92–93).

Прежде всего, стоит отметить, что не сложилось единого мнения о соотношении рассматриваемых культур.

В.А. Иванов и Т.И. Останина на основании результатов анализа поселенческого материала приходят к выводу о существовании двух последовательно сменяющих друг друга мазунинской и бахмутинской культур (Иванов, Останина, 1983. С. 123–124). В дальнейшем Т.И. Останина предложила относить памятники Среднего Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья III–V вв., – с выделением удмуртского и башкирского вариантов соответственно, – к единой мазунинской культуре, а для памятников Уфимско-Бельского междуречья V (конца V?) – VII вв. оставить название бахмутинские (Останина, 1997. С. 16–17; Останина, 2022).

По мнению А.К. Амброза, существовали две самостоятельные, «не покрывающие друг друга», мазунинская и бахмутинская культуры. Они развивались в тесной взаимосвязи, но каждая по своим внутренним закономерностям, вплоть до конца VII в. (Амброз, 1971б. С. 112).

Особняком стоит концепция Р.Д. Голдиной о плавном развитии в Прикамье местной культуры с III в. до н.э. до V в. н.э., прослеженном на примере существования крупных могильников (Тарасовский, Бирский). Исследователь рассматривает мазунинскую культуру как позднюю стадию чегандинской культуры обширной пьяноборской культурно-исторической общности. Бахмутинская культура, как отмечает Р.Д. Голдина, сложилась на основе чегандинской и кара-абызской культур и может быть датирована VI–VII вв. (Голдина, 1999. С. 298).

В дальнейшем Р.Д. Голдина и Н.А. Лещинская развили данные идеи, предложив заменить термин «чегандинская культура» на «тарасовская культура», обосновывая это тем, что могильник Чеганда II, в отличие от Тарасовского могильника, не соответствует роли опорного памятника для указанной культуры (Голдина, Лещинская, 2018. С. 19). По мнению исследователей, материалы Тарасовского могильника, отражающие в целом

«единство и плавное эволюционное нарастание или угасание некоторых признаков погребального обряда», позволяют говорить об отсутствии какой-либо кардинальной смены археологических культур в Прикамье в I–V вв. и возможности рассмотрения целого ряда памятников в рамках выделенной исследователями тарасовской культуры единой пьяноборской общности (Там же. С. 25–33; Голдина, 2022. С. 101–102).

По мнению В.А. Иванова, Тарасовский могильник «фактически представляет собой два могильника: пьяноборский (южная часть) и мазунинский (северная часть)» и не может являться подтверждением процесса «плавного «перетекания»» пьяноборской культуры в мазунинскую (Иванов, 2020. С. 61).

Ряд исследователей поддержали выдвинутую Н.А. Мажитовым концепцию о двухступенчатом развитии бахмутинской культуры, – как для памятников на территории Удмуртии, так и для памятников на территории Башкирии, – с выделением в ней раннего (III–V вв.) и позднего этапов (VI–VII / VIII вв.) (Васюткин, 1968б. С. 61; Васюткин, 1971а. С. 100–101; Султанова, 2000; Сунгатов и др., 2004).

В целом же, тезис о том, что мазунинская / раннебахмутинская культура сложилась на местной (пьяноборской и кара-абызской) основе, был принят большинством археологов (Смирнов, 1957. С. 54; Матвеева, 1971. С. 129; Пшеничнюк, 1973. С. 240–241; Мажитов, 1981а. С. 27; Агеев, 1992. С. 108; Султанова, 2000. С. 123–125; Сунгатов и др., 2004; и др.).

Между тем, некоторые исследователи подвергают сомнению участие «кара-абызцев» в формировании новой общности.

В.В. Овсянниковым и его соавторами на основании анализа материалов Шиповского могильника подтверждается возможность единовременного существования «поздних» «кара-абызцев» и «ранних» «мазунинцев» в III–IV вв., но «южная ветвь «кара-абызцев»» не принимала участия в процессе формирования мазунинской культуры, а была включена «в другой

этногенетический процесс», связанный уже с имендяшевским и турбаслинским населением (Овсянников, 2006в. С. 91; Овсянников и др., 2007. С. 84).

Как отмечает в одной из своих недавних работ В.А. Иванов, точка зрения В.В. Овсянникова о том, что участие носителей кара-абызской культуры «в культурогенезе мазунинской культуры отнюдь не очевидно», имеет под собой реальную почву (Иванов, 2020. С. 61).

В свою очередь, концепция В.Ф. Генинга о западносибирском происхождении «мазунинцев» не нашла поддержки среди исследователей. Данные антропологии также не выявили устойчивых связей носителей мазунинской культуры с населением Западной Сибири. М.С. Акимова, проанализировав краниологический материал из Бирского и Кара-Тамакского могильников, пришла к выводу о европеоидности с некоторой примесью монголоидности умерших и местном происхождении носителей мазунинской (по М.С. Акимовой – бахмутинской) культуры (Акимова, 1961. С. 123; Акимова, 1968. С. 55–62).

Вопрос об исторической судьбе «мазунинцев» и «бахмутинцев» остается дискуссионным, особый интерес представляют точки зрения современных исследователей о верхних хронологических границах рассматриваемых культур.

Согласно концепции Р.Д. Голдиной и Т.К. Ютиной, потомки «мазунинцев» в VI в. могли принять участие в формировании верхнеутчанской культуры, памятники которой расположены в южной части Камско-Вятского междуречья. В дальнейшем верхнеутчанская культура стала основой для сложения южных удмуртов (Ютина, 1984. С. 77; Голдина, 1999. С. 271, 277, 296). В междуречье Белой и Уфы в V–VII вв. функционировали памятники бахмутинской культуры, сложившейся «на основе кара-абызской и чегандинской культур» (Там же. С. 298–299).

По мнению Т.И. Останиной (Останина, 1997. С. 179; Останина, 2022. С. 156), в конце V в. или в начале VI в. «на территории современной Удмуртии и большей части северных районов Башкортостана до р. Бирь население мазунинской культуры прекращает свою деятельность». Вслед за В.А. Семеновым (Семенов, 1982. С. 49–50, 56) исследователь предполагает возможность участия носителей мазунинской культуры «в формировании полемской культуры, предков северных удмуртов». Потомки «мазунинцев», оставившие в V–VIII вв. памятники в междуречье Уфы – Белой – Бири, испытали сильное влияние со стороны пришлых этнокультурных групп – носителей турбаслинской, романовской, кушнаренковской и караякуповской культур. Как отмечает Т.И. Останина, «процесс активной ассимиляции древних жителей» (Останина, 1997. С. 181) «заканчивается в VIII в. «победой» носителей кушнаренковской культуры» (Останина, 2022. С. 156).

Согласно наблюдениям А.А. Красноперова, мазунинская культура существует в Удмуртском Прикамье с III в. вплоть до конца IV или рубежа IV и V вв., но «населения в V в. на этой территории нет». В Башкирии носители мазунинской культуры «продолжают <...> проживать, сохраняя свое этническое своеобразие, весь V в., и немного далее» (Красноперов, 2020. С. 436). В одной из своих недавних работ исследователь приходит к выводу, что «все однокомпонентные собственно мазунинские могильники прекращают функционировать во второй половине IV в.», а финал мазунинской культуры с ее постепенной трансформацией в бахмутинскую «выпадает» на 2-ю пол. IV – V в. (Красноперов, 2022. С. 276).

Как отмечает И.О. Гавритухин, прекращение функционирования могильников на северо-западе мазунинской культуры относится к 3-ей или к началу 4-ой четв. IV в. Финал поздних памятников мазунинской культуры, расположенных «в низовьях Белой и немного восточнее (Югомашево, Старая Мушта, Старо-Кабаново), а также сравнительно недалеко (Тарасово)», датируется исследователем в рамках 4-ой четв. IV в. Население же юго-

восточной части мазунинской культуры, оставившее памятники типа Бирска и Бахмутино, приняло участие в формировании «классической» бахмутинской культуры 3-й четверти 1-го тыс.» (Гавритухин, 2022б. С. 281).

Памятники типов Старая Мушта и Тураево.

По мнению ряда археологов, этнокультурная ситуация в Приуралье и Прикамье начинает меняться с началом движения гуннов, воинственность которых, как считают эти исследователи, заставила многие этнокультурные группы покинуть места своего обитания и отступить в северные лесостепные и лесные районы. По мере продвижения новых групп населения фиксируется появление нетипичного для данных территорий подкурганного способа захоронения. В Нижнем Прикамье возникают, согласно ряду концепций, Старо-Муштинский и Тураевский могильники, а в Среднем Прикамье – Кудашевский могильник. Еще одна группа курганных некрополей (Бродовский, Харинский, Качкинский, Бурковский и др.) уже иного происхождения, обнаружена в Северном Прикамье (Генинг, Голдина, 1973; Генинг, 1976; Gening, 1995; Сунгатов, 1998. С. 3; Сунгатов и др., 2004. С. 4; Голдина, Бернц, 2010; Шмуратко, 2012. С. 136–140; Иванов, 2020. С. 62; и др.).

У исследователей нет единой точки зрения об этнокультурной принадлежности населения, оставившего данные памятники.

В.Ф. Генинг появление Тураевских курганов, датированных исследователем концом IV – 1-ой пол. V в., связал с продвижением гуннов в Нижнем Поволжье и на Южном Урале. По мнению В.Ф. Генинга, «тураевская группа» перед нашествием гуннов на причерноморские степи оторвалась от них и ушла на север в Нижнее Прикамье (Генинг, 1976. С. 108).

С точки зрения Ф.А. Сунгатова, происхождение курганов Старо-Муштинского и Тураевского могильников связано со второй волной миграции в Прикамье двух группировок «позднесарматского» населения из районов лесостепного Подонья и степных районов Нижнего Поволжья (Сунгатов и др., 2004. С. 72–73; Сунгатов, 2020. С. 69–70).

Е.П. Казаковым выдвинута версия о том, что Тураевский могильник оставлен «восточными сарматами», откочевавшими из районов Приаралья (Казаков, 2011а. С. 102).

Д.В. Шмуратко соотносит появление памятников типа Тураево – Старая Мушта и кластера «турбаслинские комплексы – Салихово – Бурково – Митино – Чазево» напрямую с миграцией носителей позднесарматской традиции (Шмуратко, 2011. С. 217).

Ряд исследователей считают, что истоки «тураевцев» следует искать в славяно-германской среде (Голдина, Бернц, 2010. С. 160; Коренюк, Перескоков. 2012. С.137), а памятники типа Харино могли быть оставлены угорским населением Зауралья – носителями саргатской культуры (Голдина, 1999. С. 269; Иванов, 2020. С. 62).

По мнению М.Л. Перескокова, древности типа Тураево – Кудаш, оставленные вооруженными инокультурными воинскими группами, следует рассматривать «как особый культурно-хронологический горизонт со всеми присущими ему признаками, имеющий компактные хронологические рамки (3-я четв. IV – нач. V в.) и условную внутреннюю периодизацию (позднесарматский и предгуннский комплексы вещей)» (Перескоков, 2022б. С. 99–100). Также исследователем выделен хронологический горизонт, датированный «не ранее рубежа IV и V вв. и не позднее середины V в.». Группа погребений, связанных с указанным горизонтом, отражает «период формирования стиля ременной гарнитуры, характерной для памятников харинского типа». Этот горизонт, как отмечает М.Л. Перескоков, «должен быть несколько более поздним, чем культурно-хронологический горизонт Тураево – Кудаш, и частично его перекрывающим» (Перескоков, 2017б. С. 94).

Согласно разработкам И.О. Гавритухина, часть этих комплексов, отнесенных к группе Кала-Урын – Броды (ранняя хронологическая группа харинских памятников), являются практически синхронными группе Тураево – Кудаш. Согласно концепции исследователя, формирование группы Кала-

Урын – Броды, наряду с внутренними процессами «обусловлено новой структурой дальних связей, соотносимых с освоением гуннами Волго-Уральского региона и их дальнейшей экспансией с использованием местного потенциала». Между тем, И.О. Гавритухин не исключает в процессе формирования рассматриваемой группы и влияние внешнего фактора – «миграции, как минимум, носителей мазунинской культуры» (Гавритухин, 2022б. С. 297–300).

Суждение же о том, что Старо-Муштинский могильник является смешанным (курганно-грунтовым), получило, как отмечает И.О. Гавритухин, широкое распространение. Однако ряд признаков (очень низкие насыпи «курганов», отсутствие зафиксированных ровиков и др.), по мнению исследователя, свидетельствуют о том, Старо-Муштинский могильник является грунтовым некрополем мазунинской культуры (Там же. С. 279).

Согласно наблюдениям А.А. Красноперова, курганные и грунтовые комплексы Тураевского могильника «хронологически между собой не смыкаются» (Красноперов, 2022. С. 272). Аналогичной точки зрения придерживается И.О. Гавритухин, уточняя, что «грунтовые погребения <...> датируются раньше, чем расположенные здесь курганы 4-й четв. IV в.» (Гавритухин, 2022б. С. 281).

В Тураевских курганах, по наблюдениям И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова, возможно выделить находки и черты обрядов, сопоставимых с прикамскими, а также «компоненты, явно привнесенные из далеких от Прикамья земель» (Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 190–191). Исследователями в качестве возможных «инородных пришельцев» не рассматриваются носители черняховской культуры, для которой характерно отсутствие оружия в погребениях, «чужды курганы», «показательны наличие в могилах большого числа посуды (нередко сервизы), костюм, включающий фибулы, и другие признаки». Группы населения, оставившие Тураевские курганы, также не могут быть связаны с культурами раннеславянского круга,

аланами и носителями позднесарматской культуры, но могли иметь «сравнительно плотные контакты» с аланами-танаитами, подчиненными гуннами (Там же. С. 191). И.О. Гавритухиным и А.А. Красноперовым выдвинута гипотеза о «связи компактного курганного могильника мужчин-воинов и их индивидуальной дружинной культуры с базой, расположенной в удалении от обычного для региона оседлого населения» (Там же. С. 192). По мнению исследователей, гунны или другие пришельцы из Азии могли создавать для своих походов отряды из зависимого населения или союзного им населения; представители одной из таких групп, оторвавшиеся от родных общин, и могли быть похоронены под Тураевскими курганами (Красноперов, 2022. С. 272–274; Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 192).

Как отмечает Р.Д. Голдина, в 4-ой четв. IV в. в Волго-Камье мигрировали «славяне средневожского варианта киевской культуры или ранние «именьковцы»» (тураево-кудашевская миграционная волна). По мнению исследователя, все подкурганные захоронения Тураевского могильника «хронологически одновременны», т.е. люди, захороненные в них, «погибли в одно время (в один или несколько дней)», – были убиты в битве носителями мазунинской культуры и похоронены ими (Голдина, 2022. С. 118–119). Р.Д. Голдина приводит ряд контраргументов концепции И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова (например: 1) исследователи отмечая «чуждость» курганного обряда захоронений черняховской культуре, признают, что у некоторых групп «черняховцев» подкурганные захоронения все-таки встречались; 2) тезис об отсутствии оружия в могилах «черняховцев» актуален для обычной повседневной погребальной практики, но не для захоронений, оставленных специализированными воинскими подразделениями; 3) «легко бьющаяся хрупкая глиняная посуда» в черняховских захоронениях, для создания которой в «обыденной жизни» имеются необходимые условия, не нужна в дальних походах; и др.) (Там же. С. 118).

Именьковская культура.

Впервые своеобразие ряда памятников I тыс. н.э. в Среднем Поволжье, в дальнейшем отнесенных исследователями к именьковской культуре, отмечено в конце XIX в. членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете П.А. Пономаревым. Археологические изыскания на одном из именьковских поселений проводились А.А. Спицыным (1898) и В.Ф. Смолиным (1925), а первую систематизацию раннесредневековых памятников Самарской Луки (в т.ч. и именьковской культуры) дала В.В. Гольмстен (Сташенков, Вязов, 2022. С. 364).

В 1951 г. Н.Ф. Калининым выделена группа археологических памятников, датированных 2-ой пол. I тыс. – нач. II тыс. н.э. (Калинин, 1951. С. 60–62; Сташенков, Вязов, 2022. С. 364). Данные памятники изначально соотнесены Н.Ф. Калининым с «позднегородецкими» группами населения (Калинин, 1951. С. 60–62), в дальнейшем исследователь отстаивал их принадлежность к восточным буртассам (Калинин, Халиков, 1954. С. 58–62).

В.Ф. Генингом предложено ввести в научный оборот термин «именьковская культура» по наиболее исследованному городищу у с. Именьково (совр. Лаишевский район Республики Татарстан) (Генинг, 1959б. С. 208). Памятники именьковской культуры, существовавшие с III в., локализованы В.Ф. Генингом по нижнему течению р. Камы и прилегающих районов р. Волги (Генинг, 1961б. С. 40). Изначально исследователем отмечалась финно-угорская основа «именьковцев» (Генинг, 1959б. С. 208), но впоследствии он связывал носителей плоскодонной посуды с пришлыми тюркскими (Генинг, 1961а. С. 334; Генинг, 1961б. С. 42–44) либо тюрко-угорскими (Генинг, 1971. С. 53) группами населения.

К.В. Сальниковым памятники на территории Башкирии с толстостенными плоскодонными горшками, имеющими декор из защипов или насечек по краю венчика, было предложено выделять в особый романовский тип, получившим название по наиболее исследованным поселениям у

с. Романовки (совр. Уфимский район Республики Башкортостан) (Сальников, 1962. С. 7; Сальников, 1964. С. 13–14). Ближайшие аналогии памятникам романовского типа исследователь отмечал в городецкой культуре (Сальников, 1962. С. 7). Тезис о существовании романовского типа керамики получил развитие в работах других археологов (Васюткин, 1971б. С. 137–138; Старостин, 1971; Матвеева, 2004. С. 63–64; Овсянников, 2017; и др.).

П.Н. Старостин, собравший в единый свод огромный массив сведений об именьковской культуре, датировал ее от III–IV вв. до VII в. В основе данной культуры археолог, вслед за В.Ф. Генингом, выделяет пришлый тюркский (связанный с турбаслинско-кушнаренковскими памятниками) и местный финно-угорский компоненты (Старостин, 1967. С. 30–31). В последующих работах исследователем отмечено множество схожих черт между именьковскими памятниками в Нижнем Прикамье и памятниками романовского типа в Южном Приуралье (Старостин, 1971. С. 148–150).

Ю.А. Краснов и А.П. Смирнов подвергли резкой критике «тюркскую» теорию происхождения «именьковцев», отметив слабую аргументацию в работах ее сторонников. Именьковская культура, в основе которой, как отмечают исследователи, лежит городецкая культура, связана с древнемордовскими племенами, ассимилировавшими «пьяноборцев» (Краснов, Смирнов, 1969. С. 294–296; Смирнов А.П., 1971. С. 81).

С.М. Васюткин происхождение плоскодонной романовской керамики связывал с территорией распространения городецкой культуры, не отрицая возможность влияния в этот период и «тюркского компонента» (Васюткин, 1971б. С. 137–138).

Г.И. Матвеевой выдвинута гипотеза о связи именьковской культуры с пост-зарубинецкими племенами, продвинувшимися в Среднее Поволжье и Южное Приуралье под натиском готов (Матвеева, 1981. С. 71). В дальнейшем, на основании материалов раскопок ряда городищ и селищ в южной части Самарской Луки, исследователем выделены памятники лбищенского типа,

датированные IV в. и отнесенные к раннему этапу именьковской культуры (Матвеева, 1998. С. 92; Матвеева, 2000. С. 104; Матвеева, 2004. С. 53). Хронологически им предшествовали памятники славкинского типа III–IV вв., выделенные С.А. Агаповым и его соавторами по материалам селища Славкино I (совр. Самарская область) (Агапов и др., 1981. С. 119). Подобные памятники, оставленные пшеворскими (Матвеева, 2000. С. 97) или позднезарубинецкими (Матвеева, 2004. С. 67–68) группами населения, отнесены Г.И. Матвеевой ко II–III вв. (Матвеева, 2000. С. 97). В целом же, «развитая (классическая) именьковская культура» датирована Г.И. Матвеевой V–VII вв. Как отмечает исследователь вслед за В.В. Седовым, после VII в. часть «именьковцев» под напором болгарских племен мигрировала на правый берег Днепра, где приняла участие в формировании волынцевской культуры. Другая часть «именьковцев» могла остаться в Поволжье и внести «свой вклад в формирование болгарской культуры» (Матвеева, 2004. С. 54, 76–77).

Концепция В.Ф. Генинга о возможной тюркоязычности именьковских племен изначально была поддержана А.Х. Халиковым (Халиков, 1971. С. 20) и Е.А. Халиковой (Халикова, 1981. С. 75–76), хотя в дальнейших публикациях Альфред Хасанович согласился с предложенными Г.И. Матвеевой для «именьковцев» зарубинецко-черняховскими параллелями (Халиков, 1986. С. 79).

Как отмечает В.В. Седов, в 1-ой пол. I тыс. под натиском готов и гуннов из Волынско-Верхнеднестровского региона в Среднее Поволжье мигрировало несколько волн пшеворско-черняховского населения. Вслед за Г.И. Матвеевой исследователь склонен считать, что в результате данных миграций в районе Самарской Луки в III–IV вв. получили распространение памятники лбищенского типа. С конца IV и вплоть до рубежа VII и VIII вв. обширные территории «от Самарской Луки на юге до правобережья Нижней Камы – на севере, от среднего течения р. Суры на западе до р. Ик – на востоке» были заняты носителями именьковской культуры. В результате переселения в

Самарское Поволжье после распада Волжской Болгарии больших групп тюркоязычных кочевников «именьковцы» были вынуждены покинуть обжитые места и, возможно, их дальнейшее существование связано с волынцевской культурой в междуречье Днепра и Дона (Седов, 2001. С. 6–7).

Обособленную позицию занял казанский археолог Е.П. Казаков, объединивший памятники турбаслинской и именьковской культур в единую турбаслинско-именьковскую общность. По мнению исследователя, турбаслинско-именьковские племена появились в лесостепи Урало-Поволжья во 2-ой пол. VI в. под влиянием I Тюркского каганата. Многие элементы культуры (бронзовые женские коробочки, крупные бусы из раковин южных морей, сосуды с ручкой на тулове, могилы с подбоями, черепа с искусственной деформацией) свидетельствуют о проникновении в эту среду поздних «азиатских» сармат с элементами джетыясарской культуры Приаралья (Казаков, 2005; Казаков, 2008. С. 43–44; Казаков, 2011а. С. 102; Казаков, 2011б. С. 17–20).

По мнению В.А. Иванова, аргументация Е.П. Казакова не представляется убедительной, т.к. в погребениях позднесарматской и джетыясарской культур не выявлено трупосожжений, характерных для именьковских могильников (Иванов, 2017. С. 15–16). С историко-археологическими построениями Е.П. Казакова также не согласились И.О. Гавритухин и А.Г. Иванов, отметившие, что пока нет прямых доказательств миграции в Поволжье «джетыясарцев», «материальная культура которых разнообразнее выявленных соответствий в комплексах Коминтерновского II могильника» (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 139).

По мнению А.В. Богачева, мигрировавшие под натиском готов в конце IV в. в Среднее Поволжье именьковские племена являлись этническими антами. Верхняя хронологическая граница именьковской культуры определена исследователем последней третью VI в. Из Среднего Поволжья основная масса «именьковцев» была вынуждена уйти в результате давления с

одной стороны тюркоязычных кочевников, а с другой – носителей кушнаренковской и караякуповской культур. В то же время А.В. Богачевым допускается возможность проживания отдельных коллективов на «периферии именьковского мира» и в 1-ой пол. VII в. Не отвергает А.В. Богачев и гипотезу Г.И. Матвеевой об участии отдельных групп «именьковцев» в «формировании этнической основы населения Волжской Булгарии» (Богачев, 2011. С. 77–83).

М.И. Жих на основании анализа ряда письменных источников относит «именьковцев», связанных своим происхождением с пшеворской, зарубинецкой и черняховской культурами, к славянам, а р. Волгу, вслед за С.Г. Кляшторным и Д.Г. Савиновым (Кляшторный, 1964. С. 17–18; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 68–72), отождествляет со «Славянской рекой». По мнению исследователя, потомки носителей именьковской культуры продолжали жить в Поволжье вплоть до X в., имея активные культурные контакты с населением сопредельных территорий (Жих, 2011. С. 19, 59–61, 68–72).

С резкой критикой работы М.И. Жиха выступил Н.А. Лифанов, в целом, считая ее построенной на «крайне сомнительных с точки зрения археологии гипотез С.Г. Кляшторного и В.В. Седова» и дополненной «откровенными фантазиями Е.С. Галкиной» (Лифанов, 2012).

В ответ М.И. Жихом представлено несколько публикаций, в которых разобраны доводы Н.А. Лифанова и, приведены, в свою очередь, контраргументы (Жих, 2014; Жих, 2015).

Л.А. Вязовым, исследовавшим социально-экономическое развитие именьковских племен, выделены два характерных для них варианта хозяйственно-культурных типов. «Южный» вариант, прослеженный в ранних памятниках Самарской Луки и Ульяновского Поволжья, имеет наибольшее сходство с хозяйственными типами культур Поднепровья. В свою очередь, целый ряд черт «северного» варианта, памятники которого зафиксированы на

территории Татарстана, имеют сходство с хозяйственными традициями позднедьяковской и мощинской культур (Вязов, 2011. С. 19–20).

Согласно концепции Д.А. Сташенкова, в Самарском Поволжье памятники именьковской культуры существовали в IV – сер. VII в. (Сташенков, 2016. С. 241). Как отмечает исследователь, на настоящий момент можно выделить ряд памятников славянского типа и типа Сиделькино-Тимяшево, относящихся к группе памятников киевского круга и датированных III–IV вв. (Там же. С. 226–227). Д.А. Сташенков ставит под сомнение «правомерность отнесения памятников типа городища Лбище к раннему этапу именьковской культуры» в силу «принципиальных отличий» как в типе жилищ и хозяйственных сооружений, так и в погребальном инвентаре (сосудах, пряслицах и др.) и способах захоронения рассматриваемых групп населения (Сташенков, 2010. С. 274). Этнокультурные группы, оставившие в Поволжье памятники типа Сиделькино-Тимяшево и лбищенского типа, в сложении именьковской культуры участия не принимали (Там же. С. 274; Сташенков, 2016. С. 226–227).

В одной из своих недавних работ Д.А. Сташенков и Л.А. Вязов указывают, что именьковская культура представляла собой «полиэтническое образование, включавшее в себя представителей ираноязычных, праславянских и финно-угорских народов» (Сташенков, Вязов, 2022. С. 386). Территория именьковской культуры, как отмечают исследователи, «охватывает Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье, от среднего течения р. Суры на западе до р. Белой на востоке и от Самарской Луки на юге до нижнего течения р. Мёши на севере», в т.ч. к именьковской культуре на современном этапе «также относят группу памятников романовского типа в среднем течении р. Белой» (Там же. С. 367).

Турбаслинская культура.

Около сер. I тыс. в Южном Приуралье начинается новый этнокультурный этап, связанный с появлением носителей турбаслинской

культуры (Мажитов, 1968б. С. 65; Сунгатов, 1998. С. 114). Вплоть до 50-х гг. XX в. выявление турбаслинских памятников связано со случайно обнаруженными древними захоронениями на территории г. Уфы (Там же. С. 7).

В населении, оставившем могилы с богатым погребальным инвентарем, уфимский краевед П.Ф. Ищериков видел гуннов, пришедших на данную территорию в IV–V вв. По его мнению, древние башкиры состояли в гуннском союзе и принимали участие в их походах (Ищериков, 1929; Ищериков, 1952. С. 79).

Р.Б. Ахмеровым по материалам уфимских погребений выделена отдельная культура, погребальный инвентарь которой имеет северокавказские аналоги, а искусственная деформация черепов погребенных «является как бы продолжением алано-сарматских традиций в уже новых условиях общественной жизни». При этом исследователем не исключается возможность вычленения в составе носителей «уфимской» культуры угро-финских и гуннских этнических групп (Ахмеров, 1951. С. 134–135; Ахмеров, 1970. С. 186–191; Ахмеров, 1974. С. 245).

А.П. Смирнов связывал уфимские погребения с появлением в Приуралье в IV в. кочевых племен южного происхождения (Смирнов, 1957. С. 55).

Начиная с сер. 1950-х гг. шло активное пополнение источниковой базы, что позволило археологам взглянуть на древности Южного Приуралья с новых позиций. Н.А. Мажитов объединил Ново-Турбаслинский, Дежневский, Салиховский, Шареевский, Кушнаренковский могильники, а также погребения на территории г. Уфы и Ново-Турбаслинское II поселение в единую культуру, получившую название «турбаслинской» (Мажитов, 1959; Мажитов, 1968б. С. 65).

Впоследствии Ф.А. Сунгатовым к вышеперечисленным памятникам причислены Кувыковский, Жилинский и Чесноковский могильники на территории Республики Башкортостан (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1). Кроме

того, с турбаслинской культурой на настоящий момент исследователи соотносят курганный могильник Чайка-1, погребение на ул. Менделеева (д. 10) и погребение на ул. Егора Сазонова на территории г. Уфы (Гарустович, Иванов, 1994; Сунгатов, отчет, 2015; Бахшиев и др., 2017). Поселенческие памятники представлены Кушнареноквским селищем, городищем Уфа-II, а также Улу-Кулевским селищем и Имендяшевским городищем (Генинг, 1972. С. 277; Иванов, 2007. С. 101–102; Иванов, 2017. С. 12; Овсянников, 2017. С. 36).

Погребальный обряд турбаслинской культуры подробно описан Н.А. Мажитовым (Мажитов, 1968б. С. 65–70; Мажитов, 1981а. С. 24–25) и Ф.А. Сунгатовым (Сунгатов, 1998. С. 92–93), поэтому ограничимся лишь отсылкой к данным работам.

Некоторые исследователи отмечают, что ряд памятников, включенных в ареал турбаслинской культуры, имеют специфические черты погребального обряда, отличающиеся от «эталонного» турбаслинского.

В Кушнареноквском могильнике зафиксирован биритуальный обряд захоронений, представленный как ингумацией, так и кремацией умерших, а керамическая посуда в погребениях встречается как круглодонная (турбаслинская), так и плоскодонная (романовский тип) (Генинг, 1972. С. 277; Генинг, 1977. С. 98, 112). По мнению казанских археологов, погребения данного некрополя обнаруживают большое количество параллелей в погребальных обряде и инвентаре Коминтерновского II могильника и недавно открытого Новославского II могильника в Нижнем Прикамье. Указанные некрополи отнесены исследователями к кругу памятников «именьковско-турбаслинской общности» (Казаков, 2011б. С. 17–18; Валиев, 2018).

Как отмечает Г.И. Матвеева, Кушнареноквский могильник является «синкретичным памятником», в котором наряду с «двумя типично именьковскими трупосождениями обнаружены погребения, совершенные по турбаслинскому и кушнареноквскому обряду» (Матвеева, 2004. С. 32–33).

В Ново-Турбаслинском могильнике зафиксированы следы костров над могилами, находки глиняных сосудов и костей животных под насыпью, несколько одновременных захоронений под одним курганом (Мажитов, 1959. С. 140), а в некоторых погребениях, как отмечает В.Ф. Генинг, обнаружены сосуды романовского и кушнареновского («куштерьякского») типов (Генинг, 1972. С. 268, 283).

В Шареевском могильнике выявлены погребальные камеры с подбоями-нишами в одной из длинных стенок, а в ряде погребений без подбоев и ниш встречена керамика кушнареновского типа (Матвеева, 1968б. С. 20).

Некоторые комплексы на территории г. Уфы представляют собой захоронения в могилах-склепах (курган, обнаруженный в 1827 г. и исследованный Р.Г. Игнатьевым; погребение, обнаруженное в 1883 г. С.М. Ларионовым) (Ахмеров, 1970. С. 162–163). Одно из погребений у Театра оперы и балета (№ 2) было покрыто мощным слоем угля, что позволило Р.Б. Ахмерову, учитывая в совокупности и другие признаки (незначительная сохранность скелета, беспорядочное расположение инвентаря), предположить об обряде частичного трупосожжения (Там же. С. 165). Об одном сильно потревоженном в древности погребении с кремацией, обнаруженном на ул. Пушкина (г. Уфа), сообщает Н.А. Мажитов (Мажитов, 1968б. С. 68).

Все указанные особенности, как отмечает Ф.А. Сунгатов, являются частными случаями для погребального обряда «турбаслинцев» (Сунгатов, 1998. С. 96). Касательно погребений с трупосожжениями в Кушнареновском могильнике Н.А. Мажитовым высказано мнение, что «при исследовании этнокультурной принадлежности памятника этому факту не следует придавать серьезного значения» (Мажитов, 1968б. С. 69). Данная позиция исследователя подвергнута резкой критике со стороны В.Ф. Генинга (Генинг, 1987).

Вопрос о причислении того или иного комплекса к собственно турбаслинской культуре остается дискуссионным и требует более детальной проработки в рамках отдельного исследования.

Этнокультурная принадлежность памятников турбаслинского круга в разные годы имела различную трактовку. «Турбаслинцев», как уже отмечалось, связывали с гуннами (Ищериков, 1929), тюркизированными уграми либо угризированными тюрками (Генинг, 1987), «поздними» сарматами либо «ранними» аланами (Ищериков, Мажитов, 1962. С. 162; Васюткин, 1968б. С. 69; Васюткин, 1971б. С. 137; Сунгатов, 1998. С. 114), «ранними» тюрками с возможностью выделения сарматского компонента (Мажитов, 1964. С. 149–150), «тюркоязычными» «савромато-сарматскими» племенами (Мажитов, 1968б. С. 70–71). В то же время ряд ученых определяют «турбаслинцев» как результат взаимодействия «гунно-сарматов» с местным финно-пермским населением (носителями кара-абызской и имендяшевской культур) (Матвеева, 1971. С. 131; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 183; Савельев и др., 2018. С. 68–69).

Хронологические границы турбаслинской культуры изначально определены Н.А. Мажитовым в рамках V–VII вв. (Мажитов, 1968б. С. 68). В дальнейшем они были скорректированы исследователем в сторону «омоложения» до VII–VIII вв. (Мажитов, 1981а. С. 23), а в последующих работах – расширены до IV / V–VIII вв. (Мажитов, Султанова, 2010. С. 139–148). Г.И. Матвеева датировала турбаслинскую культуру VI–IX вв., соотнося с «турбаслинцами» и население, оставившее Стерлитамакский могильник (Матвеева, 1971. С. 132). С.М. Васюткиным и Ф.А. Сунгатовым время существования турбаслинской культуры в Южном Приуралье определено в рамках V–VIII вв. (Васюткин, 1971б. С. 138; Сунгатов, 2020. С. 73). В.А. Иванов датировал турбаслинскую культуру нач. VI – сер. VII в. (Иванов, 1984. С. 32), впоследствии же исследователь согласился с определением нижней хронологической границы концом V в. (Иванов, 2017. С. 17). В одной из недавних работ В.А. Иванов ограничивает время пребывания «турбаслинцев» на территории Приуралья V в. (вероятно, его 2-ой половиной)

– рубежом VI и VII вв., в дальнейшем они были вытеснены в Поволжье носителями кушнаренковской культуры (Иванов, 2022а. С. 356).

Отдельная дискуссия среди исследователей развернулась о соотношении турбаслинской культуры с памятниками романовско-именьковского круга, кушнаренковской и караякуповской культур.

Н.А. Мажитов в своих работах неоднократно предлагал относить неорнаментированную плоскодонную керамику романовского типа и богато орнаментированные кушнаренковские сосуды к турбаслинскому керамическому комплексу. Тем самым исследователь выступил против признания самостоятельности романовской (именьковской) и кушнаренковской культур (Мажитов, 1964. С. 150; Мажитов, 1968б. С. 69–70).

Данная концепция не нашла поддержки у исследователей. С.М. Васюткин выделял отдельную от турбаслинской романовскую (именьковскую) культуру, отмечая их различие как по типам сосудов, так и по погребальному обряду (Васюткин, 1968б. С. 57–58). Г.И. Матвеева отрицала в своих работах близость «турбаслинцев» с именьевской и кушнаренковской культурами, при этом отмечая наличие общих для них поселенческих и погребальных памятников (городище Уфа-II, Ново-Турбаслинское II селище, Кушнаренковский могильник) (Матвеева, 1981. С. 57).

Действительно, ряд поселенческих памятников, связываемых с носителями турбаслинской культуры, отличаются многообразием выявленного на их территории керамического материала. На Ново-Турбаслинском II селище зафиксирована керамика бахмутинского, турбаслинского, кушнаренковского и романовско-именьковского типов с количественным преобладанием последней (Генинг, 1987. С. 87; Овсянников, 2017. С. 34–35).

На Кушнаренковском селище также, помимо сосудов турбаслинского и романовско-именьковского типов (Там же. С. 35), обнаружена керамика,

соотносимая В.Ф. Генингом с кушнаренковским («куштерьякским») и караякуповским типами (Генинг, 1977. С. 118, 120; 125–127, рис. 14–17).

Керамика романовского типа, равно как бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская и караякуповская, выявлена в слоях городища Уфа-II (Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 230–237; Овсянников, 2017; Белявская, Проценко, 2018. С. 211–212). Как отмечает В.В. Овсянников, в публикациях материалов памятника (исследования 2006-2009, 2014 гг.) (Мажитов и др., 2007; Мажитов и др., 2008; Мажитов и др., 2009а; Мажитов и др., 2009б; Мажитов и др., 2011; Шамсутдинов и др., 2015) в группу «турбаслинской» и «турбаслинско-бахмутинской» посуды включены как собственно турбаслинская, так и романовско-именьковская керамика, что является некорректным (Овсянников, 2017. С. 33, 35–36).

Исследования последних лет позволили уточнить вопрос о нижней хронологической границе турбаслинской культуры, которая на основании материалов Дежневского могильника может быть определена не позднее 2-ой пол. IV в. (Красноперов, 2012. С. 218–222; Белявская, 2021б. С. 346–348; Гавритухин, 2022б. С. 306). Вопрос о верхней хронологической границе турбаслинской культуры, судя по всему, остается открытым (Мажитов, 1968б. С. 68; Сунгатов, 1998. С. 113; Казаков, 2011б. С. 18–21; Белявская, 2021б. С. 348–353; и др.).

Кушнаренковская и караякуповская культуры.

Во 2-ой пол. I тыс., по мнению исследователей, в Приуралье в несколько этапов проникают новые группы населения, оставившие после себя небольшие земляные курганы с различным количеством погребений под насыпью.

Одна из групп пришельцев хоронила своих умерших в могилах головой на север или запад, сопровождая захоронение набором вещей, свидетельствующих об образе жизни и социальном статусе погребенных. Некоторые комплексы содержали остатки заупокойной пищи в виде овечьих

или коровьих костей, а в насыпях курганов встречаются захороненные шкуры лошадей. Зачастую в могиле в изголовье или у ног погребенного стоял глиняный тонкостенный слабопрофилированный сосуд средних и высоких пропорций, с приплюснутым дном или шаровидным туловом, украшенный резным орнаментом из горизонтальных линий, чередующимися с мелкой кривой сеткой, двойным зигзагом и горизонтальными поясками оттисков гребенчатого штампа (Иванов, 2009б. С. 189). Подобные сосуды выявлены В.Ф. Генингом в 1959 г. при исследовании селища у с. Кушнареново (совр. Кушнареновский район Республики Башкортостан) (Генинг, 1977. С. 120–126). Археологическая культура населения, оставившего памятники с керамикой вышеуказанного типа, названа «кушнареновской» (Сальников, 1962. С. 8; Иванов, 1994. С. 78).

Другая группа населения, со схожими с «кушнареновцами» погребальными традициями, но имеющие несколько иной тип керамики (слабопрофилированные сосуды средних и низких пропорций, с вертикальными или слабо отогнутыми шейками, приплюснутыми («реповидными») туловами, орнаментированные «жемчужинами», ямками и отпечатками «слепого» зубчатого штампа) и элементы материальной культуры, получила название «караякуповская» – по городищу у с. Караякупово (совр. Чишминский район Республики Башкортостан) (Матвеева, 1968а. С. 120–121; Иванов, 2009б. С. 189).

Происхождение, историческая судьба и хронология «кушнареновцев» и «караякуповцев» породила многочисленные дискуссии. Одни исследователи сопоставляли их с самодийцами (Генинг, 1971. С. 53; Васюткин, 1992. С. 42), уграми (Матвеева, 1971. С. 133–134; Кузеев, Иванов, 1986. С. 10; Могильников, 1988. С. 28; Казаков, 2007. С. 145; Иванов, 2009б. С. 177; Белавин и др., 2009. С. 88–89), тюркоязычными племенами – предками древних башкир (Мажитов, 2013. С. 87), древними мадьярами (Халикова, 1981. С. 74; Боталов, 2013. С. 164; Боталов, 2016. С. 528).

Хронология и периодизация памятников кушнаренковской и караякуповской культур в работах ряда исследователей также получили различную оценку.

Время появления «кушнаренковцев» в Приуралье определялось сер. VI в., послед. третью VI в., концом VI в., в целом VI в. (Матвеева, 1971. С. 133; Халикова, 1981. С. 74; Матвеева, 2006. С. 161; Белавин и др., 2009. С. 79; Боталов, 2016. С. 489; Боталов, 2020. С. 48; Иванов, 1999. С. 43–46; Иванов, 2022б. С. 363). Верхняя хронологическая граница кушнаренковской культуры определялась исследователями 1-ой пол. VIII в. (Иванов, 1999. С. 43–46; Иванов, 2022б. С. 363), рубежом VII и VIII вв. или VIII в. (Мажитов, 1977. С. 16–20; Васюткин, 1992. С. 31).

Общая датировка караякуповской культуры ограничивалась сер. VI – IX в. (Матвеева, 1971. С. 133), 2-ой пол. VIII – IX в. (Иванов, 1981; Белавин и др., 2009. С. 144) / сер. VIII – сер. или 2-ой пол. IX в. (Иванов, 1999. С. 47), IX–X вв. (в основной массе – IX в.) (Мажитов, 1977. С. 25–28) либо X–XI вв. (Мажитов, 1993. С. 119–129, 134–135).

Вопрос о соотношении кушнаренковской и караякуповской культур между собой на сегодняшний день также остается до конца нерешенным. Ряд ученых выделяют их в качестве самостоятельных культур или археолого-этнических типов (Матвеева, 1971. С. 133; Генинг, 1971. С. 53; Генинг, 1972. С. 266–270; Халиков, 1988. С. 73; Гарустович, Иванов, 1992. С. 23; Иванов, 2009б. С. 192; Иванов, 2022б. С. 363; Белавин и др., 2009. С. 79–81; Белавин и др., 2013. С. 172), а схожесть черт погребального обряда позволила другим рассматривать их уже в рамках одной культуры / общности – кушнаренковской (Васюткин, 1992. С. 31), караякуповской (Мажитов, 1981а. С. 27–28) либо кушнаренковско-караякуповской (Боталов, 2013. С. 142; Боталов, 2016. С. 519).

Н.П. Матвеева и А.С. Зеленков среди материалов Тоболо-Иртышья выделяют керамику псевдокушнаренковского типа (Матвеева, 2021; Зеленков,

2019, 2022). Технологически подобная керамика имеет степное происхождение, что «может говорить об ее импортном характере и свидетельствовать в пользу продолжительных взаимодействий аборигенов Западной Сибири и кочевников степи» (Зеленков, 2022. С. 65). По мнению А.С. Зеленкова, «на сегодняшний день представляется необоснованным выделение кушнаренковской культуры за пределами Южного Урала» (Там же. С. 65). Согласно концепции Н.П. Матвеевой, «кушнаренковские и псевдокушнаренковские формы керамики <...> возникли под влиянием торговли и спроса на престижную посуду», и «следует отойти от определения кушнаренковских древностей в ранге культуры и рассматривать как тип с возможностью интерпретации в качестве субкультуры какой-то группы населения» (Матвеева, 2021. С. 75–76).

И.О. Гавритухин в докладах на заседании отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья ИА РАН и в тексте для готовящегося ИА РАН тома 1 «Истории России» разделяет подход Н.П. Матвеевой и считает, что существующие критерии для выделения кушнаренковской, караякуповской и турбаслинской культур методически весьма уязвимы.

Динамика взаимоотношений и исторические судьбы населения Южного Приуралья во 2-ой пол. I тыс.

Большинством ученых отмечено наличие культурного взаимодействия между носителями бахмутинской, турбаслинской, романовско-именьковской, кушнаренковской и караякуповской культур, выраженное в появлении общих могильников и поселений (Дежневский, Бирский, Шареевский могильники, погребения на территории г. Уфы, городище Уфа-II и др.) (Мажитов, 1968б. С. 72; Васюткин, 1968б. С. 62; Иванов, 1984. С. 36–37; Иванов, 1994. С. 77; Останина, 1997. С. 181; Султанова, 2000. С. 128–129; и др.)⁵. Рассмотрим подробнее наиболее актуальные концепции по данной проблеме.

---

⁵ Исключение составляет одна из недавних работ В.А. Иванова (2020. С. 62).

«Турбаслинско-именьковская общность», по мнению Е.П. Казакова, «в течение не менее трех поколений имела не только одну культуру, одну территорию, одну религию, но и политические центры. Главным из них, вероятно, был центр в петле рек Белая и Уфа (территория современного г. Уфы). Здесь известны три городища (в том числе Уфа-II) и настоящие княжеские склепы с богатыми наборами золотых и серебряных изделий» (Казаков, 2018. С. 202). На раннем этапе существования кушнаренковской культуры (2-я пол. VI – 1-я треть VII в.) взаимодействие ее носителей с «турбаслинско-именьковским населением» было мирным (Казаков, 2013б. С. 174). В рамках следующего (манякского) этапа (2-я треть VII – VIII в.), когда появляются Ново-Биккинский, Булгарский и Манякский могильники, «турбаслинско-именьковская общность» была подвергнута уже нападению со стороны «кушнаренковцев» (Там же. С. 174; Казаков, 2018. С. 202–203).

Концепцию Е.П. Казакова в своих недавних работах поддержал Ф.А. Сунгатов, считая продвинувшиеся «в конце VI в.» или «на этапе VII–VIII вв.» в Приуралье носителей джетыасарской культуры родственными по культуре и языку «турбаслинцам-переселенцам первой волны» и объясняя наличие «именьковско-турбаслинских» некрополей с биритуальным обрядом захоронения «инерцией былых контактов и соседства предков тех и других в период их пребывания в сер. I тыс. н.э. в Восточном Приаралье» (Сунгатов, 2002. С. 26–28; Сунгатов, 2020. С. 79). Носителям турбаслинской культуры, по мнению исследователя, «удалось образовать свою этническую территорию с городским центром в пределах современной Уфы» – «город Башкорт» из средневековых и картографических источников, просуществовавший вплоть до XIV–XV вв. (Там же. С. 73–75).

Кушнаренковская культура, истоки которой, согласно разработкам Ф.А. Сунгатова, следует искать также в Восточном Приаралье, имела «разновекторные направления миграций». «Сильную типологическую связь» носителей кушнаренковской культуры с угорским населением лесного

Зауралья и Прииртышья Ф.А. Сунгатов и объясняет следствием подобных миграций. Территория расселения «кушнаренковцев» «покрыла» районы распространения турбаслинской и бахмутинской культур, что отразилось в появлении на площадках могильников указанных культур погребений с кушнаренковской керамикой и соответствующим инвентарем. В VIII в. носители кушнаренковской культуры могли вытеснить часть турбаслинского населения в более западные районы, а «бахмутинцы» предположительно продолжали «оставаться на местах своего обитания» (Сунгатов, 2002. С. 29–30).

С.Г. Боталов солидарен с точкой зрения Е.П. Казакова и Ф.А. Сунгатова о существовании на территории г. Уфы с сер. I тыс. н.э. политического центра бахмутинских, именьковских и турбаслинских групп населения, объединенных под «протекторатом» последних («турбаслинско-именьковско-бахмутинская общность»). «Кушнаренковско-караякуповское сообщество» в VI–VII вв. из Зауралья продвигалось по двум направлениям: на запад в Камско-Бельское междуречье и на юг в зауральские и североказахстанские степи. Южная группировка, испытав на себе влияние «тюрко-болгарского объединения огуров-оногуров», в конце VII – VIII в. появляется в Приуралье, оставив после себя такие могильники как Береговский II, Красногорский II, Булгарский I, Ново-Биккинский, Манякский и др. Все указанные некрополи, по мнению С.Г. Боталова, являются синхронными друг другу. Приток мобильного военизированного населения кардинально повлиял на ситуацию в Урало-Поволжье, и на смену «турбаслинцам» устанавливается доминирование «протомадьярского» кочевого объединения (Боталов, 2020. С. 18–19, 44–51).

Точка зрения, что ареал памятников кушнаренковско-караякуповского круга может быть связан с существованием Великой Венгрии (*Magna Hungaria*), широко распространена (Халикова, 1981. С. 74; Халиков, 1986. С. 81; Халиков, 1988. С. 74–75; Иванов, 1999. С. 81–82; и др.). Другая часть исследователей считает, что население, проживавшее в Южном Приуралье во

2-ой пол. I тыс. н.э., могло принять участие в формировании этноса и культуры отдельных групп башкирского народа (Акимова, 1961. С. 125; Акимова, 1968. С. 97; Васюткин, 1971б. С. 138; Юсупов, 2002. С. 25; Мажитов, 2013. С. 87).

Затронутые вопросы обсуждались и на специальных Международных научных симпозиумах «Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур», прошедших в Уфе в 2018 г. и 2022 г. Отмеченные выше их участники в основном остались на старых позициях, но произвучали и иные точки зрения. Так И.О. Гавритухин считает корректным называть комплекс ярких памятников Уфимского полуострова не «городом», а «центром власти», используя термин, получивший распространение при исследовании ряда культур, расположенных к западу от Волги. Продемонстрировав дальние связи этого центра, он отметил, что в его богатейших находках нет катандинских поясов и других показателей эпохи, наступившей в Восточной Европе около конца VII в., что объяснимо только прекращением существования Уфимского центра. Все участники симпозиумов отмечали необходимость продолжения дискуссии и важность новых исследований прозвучавших проблем.

1.2. История изучения ременных гарнитур Волго-Уралья III – рубежа VII и VIII вв.

Металлические ременные гарнитурсы рассматриваемого периода неоднократно становились предметом исследований в работах различных авторов. Многочисленные ременные украшения, встречающиеся при раскопках памятников, могли относиться не только к поясу, но и служить украшением обуви, портупей, конской сбруи, кожаных сумок и кошельков.

Наиболее разработанными в настоящее время являются направления, связанные с созданием различного рода типологий и реконструкций ременных наборов, изучением культурных связей и уточнением хронологии. Для удобства обзор работ, посвященных как отдельным элементам ременных

гарнитур, так и целым ременным наборам, произведен в рамках крупных блоков, каждому из которых соответствует свой предмет исследования.

Типология ременных наборов по конструктивным особенностям.

В.Ф. Генингом поясные наборы мазунинской культуры разделены на 3 типа: пояс с медной, чаще железной, пряжкой на конце; пояс с пряжкой на одном конце и медным или железным наконечником – на другом; поясной набор с пряжками (застежками), наконечниками, накладками и бляхами на ремне (Генинг, 1967. С. 26–31).

Т.И. Останиной выделено 13 типов поясов в мазунинской культуре, все они простой конструкции, без дополнительных привесок (только с пряжкой; только с накладками; только с наконечником; только с ременными бляхами; с ременными бляхами и наконечником; с ременными бляхами и накладками; с накладками и наконечником; с пряжкой, накладками и ременными бляхами; с наконечником, накладками и ременными бляхами; с пряжкой, накладками и наконечником; с пряжкой и наконечником; с пряжкой и накладками (Останина, 1997. С. 248, рис. 2-а).

А.А. Красноперовым отмечено бытование 2 типов поясов в мазунинской культуре – «простой» конструкции и с дополнительными привесками. По наличию и сочетанию предметов ременных гарнитур внутри типов исследователь выделяет варианты и подварианты (Красноперов, 2006. С. 130–133).

В.А. Бернц разработана система деления поясных наборов мазунинской культуры (Бернц, 2011, 2013). Как отмечает исследователь, «отделы в данной системе выделены по наличию или отсутствию основных деталей в составе пояса, группы выделены по наличию / отсутствию в составе поясного набора блях-раковин; подгруппы выделены по способу застегивания (наличие / отсутствие дополнительного ремешка); типы выделены по количеству основных элементов, закрепленных на основе ремня; подтипы

выделены по наличию / отсутствию в поясном наборе дополнительных деталей» (Бернц, 2013. С. 5–6).

Реконструкция ременных наборов.

Вопросы реконструкции ременных наборов являются одними из наиболее интересных, но, в то же время, и наиболее сложных – в силу плохой сохранности предметов и органики в погребении или всего комплекса в целом.

В.Ф. Генингом подробно описаны пояса из памятников мазунинской культуры, локализованных в Удмуртском Прикамье. Исследователь отмечает, что «мазунинцы», помимо металлических ременных гарнитур, украшали пояса бляхами-накладками из створок крупных раковин, которые иногда были сверху покрыты циркульным орнаментом и в свое время окрашены в ярко-красный цвет (Генинг, 1967. С. 26–31).

Н.А. Мажитовым реконструированы поясные наборы, происходящие из Бирского могильника (пп. 18, 128, 313 и др.) (Мажитов, 1968б). Интерес представляет п. 313 (Русланова, 2018. С. 350, рис. 12), в котором обнаружены просверленные створки раковин вида *Turbo marmaratus* (Останина, 1997. С. 62–63) либо вида *Turbinella pyrum* (Голдина, 2018; Голдина, 2022. С. 110): данные бляхи-раковины входили в состав поясного набора. Также Н.А. Мажитовым установлено, что в поздних бирских комплексах некоторые ремни имели сложную конструкцию, при которой к основной части ремня прикреплялись дополнительные ременные подвески. Весь ремень и подвески были обильно украшены накладками, концы ремней и ременных подвесок заканчивались ременными наконечниками, а для застегивания на пряжку использовался ремешок, пришитый с внутренней стороны ремня (Мажитов, 1968б. С. 37; С. 131, табл. 12, 11; С. 140, табл. 19, 11).

И.О. Гавритухиным и А.Г. Ивановым реконструирован портупейный пояс, обнаруженный в п. 552 Варнинского могильника. Исследователями зафиксировано расположение предметов ременной гарнитуры на ремне,

выдвинуты предположения о конструкции пояса и способу крепления меча к нему (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 129–132; С. 159, рис. 13-А).

Р.Д. Голдиной и ее соавторами представлены реконструкции поясных наборов неволинской культуры (Верхнее Прикамье), происходящих из комплексов Неволинского и Верх-Саинского могильников, в т.ч. разных по структуре т.н. харинских, агафоновских и неволинских поясов (Голдина, Водолаго, 1990. С. 142, табл. XLV, 1–4; Голдина, 2016. С. 12, рис. 1, 1, 2; Голдина и др., 2018. С. 445, табл. 289, 1; С. 458, табл. 302, 1).

Д.Г. Бугровым предложены варианты реконструкции поясных наборов из женских погребений Коминтерновского II могильника (Бугров, 2002. С. 228–229; С. 232, рис. 1).

Т.И. Останиной реконструированы 2 наборных пояса, обнаруженных среди материалов т.н. Кузеебаевского клада в Удмуртии. Конструктивные элементы поясов выделены по аналогиям с изображениями настенной живописи из раскопок Пенджикента в Средней Азии, откуда, по мнению исследователя, прибыл владелец клада. Изучение кожи и результаты реставрационных работ помогли определить и цветовое решение поясов: обработка темными глинистыми продуктами придавало поясам коричнево-бордовый цвет. Сама поясная гарнитура, как отмечает Т.И. Останина, выполнена в полихромном стиле и является примером высокого уровня ювелирного ремесла в эпоху раннего Средневековья (Останина, 2017).

Реконструкция обувных наборов мазунинского времени представлена в работах Т.И. Останиной, А.А. Красноперова, О.С. Крапачевой (Белявской) и др. (Останина, 1997; Красноперов, 2006; Красноперов, 2007б; Крапачева, 2015).

На основании аналогий в комплексах эпохи Великого переселения народов, раннего Средневековья и более поздних этнографических сведений, происходящих с соседних территорий, А.А. Красноперов приходит к выводу, что мазунинское население могло использовать обувь типа высоких поршней,

скроенных из одного куска сыромятной кожи, а также кожаные туфли и сапоги. Состав обувных металлических украшений мог варьироваться от «только пряжка» до сочетания «пряжка+накладки+наконечник» (Красноперов, 2006. С. 25–27). Исследователь не исключает использования в мазунинское время, помимо кожаной, также валяной (войлочной) и плетеной (лапти из лыка и кожи) обуви (Там же. С. 166).

О.С. Крапачева (Белявская), рассмотрев металлические обувные гарнитуры из погребальных комплексов Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв., приходит к выводу, что в составе немногочисленных обувных наборов обнаружены только пряжки и наконечники ремешков. В Бахмутинском (раскопки 1960 г.) и Ангасякском могильниках обувные ремешки украшались исключительно пряжками, а в погребениях Югомашевского и Старо-Кабановского могильников обнаружены более разнообразные, но так же, в основном, неполные сочетания обувных наборов («пряжка+наконечник ремня»). Скорее всего, обувные накладки появляются в рассматриваемых памятниках только в V–VI вв., а обнаружены они уже в Бирском могильнике (Крапачева, 2015. С. 69).

Изучение культурных связей по материалам ременных гарнитур.

Ременные гарнитуры благодаря очень быстрому распространению и смене стилей в их оформлении выступают не только в качестве хронологических индикаторов, но и как показатели связей и культурных миграций у различных народов.

В.Б. Ковалевской рассмотрены ременные гарнитуры IV–IX вв., происходящие из археологических памятников на территории Башкирии. Исследователем определены регионы, из которых ременные гарнитуры поступали в Приуралье. Для IV–V вв. характерно преобладание изделий из Крыма, в меньшей степени – с Северного Кавказа, Поволжья, Поднепровья и Сибири. Для VI–VII вв. характерно преобладание связей Башкирии с алано-болгарским миром евразийских степей Поволжья – Предкавказья, а в VIII–IX

вв. связи с более удаленными регионами сменяются на связи с более близкими – Поволжьем и Прикамьем (Ковалевская, 1972).

В.А. Иванов, рассмотревший генезис наборных поясов ананьинской, кара-абызской, пьяноборской и мазунинской культур, пришел к выводу о том, что для оседлого населения Волго-Камского региона наборные пояса не являются традиционным элементом материальной культуры, а предстают как результат культурного влияния извне. Пояса, украшенные металлическими накладками, в финно-пермской среде выступают только как украшения женского костюма, в отличие кочевнического мира, в котором пояса являлись знаком воинской доблести (Иванов, 2000).

Характер и пути распространения женских поясов неволинского типа на территории Балтии вновь рассмотрены А.М. Белавином и Н.Б. Крыласовой. Исследователи подчеркнули важную роль населения Верхнего Прикамья в жизни североевропейских воинов и знати как поставщиков особого рода «эксклюзивных» товаров (Белавин, Крыласова, 2001).

Е.В. Голдиной и Р.Д. Голдиной в контексте процессов взаимодействия народов Евразии изучены ременные гарнитуры, обнаруженные в памятниках неволинской культуры. По мнению исследователей, прикамские «геральдические» ременные гарнитуры конца VI – VII в. имеют многочисленные аналогии в памятниках джетысарской культуры, что позволяет утверждать о существовании прямых торговых контактов между Прикамьем и Восточным Приаральем (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С. 169; Голдина, 2016. С. 11–16). Распространение поясов неволинского типа на финском побережье Балтийского моря исследователи связывают с проникновением «туда со своим товаром пермских торговцев – выходцев из Прикамья». В неволинской культуре пояса данного типа являются атрибутом женского костюмного комплекса, в то время как в Скандинавии они были распространены в богатых воинских и королевских захоронениях, что

доказывает «значительную престижную ценность этих предметов в данном регионе» (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010. С. 78–179).

М.Л. Перескоковым на материалах позднего этапа гляденовской культуры выделены серии пряжек, являющихся дериватами римских и центральноевропейских пряжек, произведенными на периферии Римской империи (Перескоков, 2017а).

И.Р. Ахмедовым на примере находок «восточных» и прикамских ременных гарнитур в Среднем Поочье в VII – нач. VIII в. выдвинута гипотеза о появлении в данный период «нового направления культурных связей с Прикамьем и Приуральем». «Контрагентами» в процессе поступления «среднеазиатских» или «восточных» импортов в Поочье и в Прикамье в VII в. являлись носители кушнаренковской культуры (Ахмедов, 2020).

Огромный вклад в изучение историко-культурного контекста «геральдических» ременных гарнитур Южного Приуралья и Поволжья сделан И.О. Гавритухиным.

Исследователем выделены две стилистические линии: первая представлена образцами ременных гарнитур позднеантичной (византийско-понтийской) традиции, вторая линия содержит элементы приуральско-сибирской и «восточнокавказской» традиций (Гавритухин, 1996. С. 122–125; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85–96).

Цельнолитые пряжки со щитовидной обоймой по конструктивно-морфологическим особенностям сгруппированы И.О. Гавритухиным в типы, внутри которых выделены серии, объединяющие как основные вариации, так и их дериваты. Материалы из комплексов Южного Приуралья представлены вероятными дериватами кавказской серии (Новиковское погребение в г. Уфа; Бахмутинский могильник, раскопки 1921 г.), основной вариацией (находки у с. Никольское) и дериватами (погребение у г. Ишимбай; Ново-Турбаслинский могильник, п. 1 из кург. 10) черноморско-волжской серии типа «В-образные пряжки с площадками и выступами в задней части рамки, изготовленные

вместе со щитовидной непрорезной обоймой»; черноморско-волжской серией (Новиковское погребение в г. Уфа) и кавказской серией (Лагеревский могильник, п. 2 из кург. 46) типа «В-образные пряжки, изготовленные со щитовидной прорезной обоймой»; дериватами «основной серии» (Ново-Турбаслинский могильник, п. 1 из кург. 10) типа «Маленькие пряжки с боковыми вырезами на обойме»; дериватами (Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 10; Новиковское погребение в г. Уфа) типа «В-образные пряжки без площадок в задней части рамки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой» (Гавритухин, 1999. С. 163–196). В дальнейших публикациях эта работа была продолжена (Гавритухин, 2022а, 2023а): новый материал, полученный за прошедшую четверть века, как отмечает исследователь, позволил «модифицировать типологическую группировку» и откорректировать часть ранее предложенных датировок (Там же. С. 141).

И.О. Гавритухиным разработана периодизация псевдопряжек, появление которых в Европе и Северо-Западной Азии связано с включением различных этнокультурных групп в военно-политическую систему I Тюркского каганата. Как отмечает исследователь, «кроме контингентов из непосредственно подчиненных тюркам племен, в войско каганата, наверное, призывались дружины в рамках даннических или договорных отношений», количество же накладок-псевдопряжек на поясах могло отражать место и статус дружины (Гавритухин, 1999. С. 39–40, 51–52). Согласно наблюдениям И.О. Гавритухина, распространение власти Тюркского каганата в Волго-Уральском регионе произошло без крупных военных действий, что подтверждается отсутствием на исследованных могильниках «каких-либо потрясений, датируемых второй половиной VI в.», и вместе с тем – фиксацией заметных изменений в воинской экипировке (Гавритухин, 2023а. С. 163).

И.О. Гавритухин скептически воспринял идею о связи некоторых типов ременных гарнитур Волго-Уралья с ременными принадлежностями джетыасарской культурой и предположительной миграции «джетыасарцев» на

данную территорию. Как отмечает исследователь, «скорее, наоборот, джетыясарская культура впитывала влияния из Северного Кавказа и Камского региона, опосредованные через степь» (Там же. С. 155).

Хронология.

Вопросы хронологии, как уже отмечалось выше, зачастую являются первоочередными при изучении ременных гарнитур. Связано это с тем, что «в отличие от керамики, деталей погребального обряда и погребальных сооружений, являющихся надежным источником для этнических интерпретаций и выделения археологических культур, поясные наборы подвержены общеевразийской моде, а выделенные ареалы типов свидетельствуют не столько о принадлежности к определенной этнической группе, сколько к определенной хронологической группе или ремесленному центру» (Ковалевская, 1979. С. 5).

Разработке и уточнению хронологии на основании анализа ременных гарнитур Волго-Уралья посвящены работы А.К. Амброза, Н.А. Мажитова, В.Б. Ковалевской, В.Ф. Генинга, И.П. Засецкой, В.А. Иванова, Т.И. Останиной, И.О. Гавритухина, А.В. Богачева, А.Н. Султановой, В.Ю. Малашева, А.А. Красноперова, Н.А. Лещинской, Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, М.Л. Перескокова и др. (Амброз, 1971а, 1971б, 1980, 1985, 1989; Ковалевская, 1972, 1979, 2000; Голдина, 1979; Генинг, 1979; Мажитов, 1968б, 1977, 1981а, 1981б, 1987, 1990, 1993; Засецкая, 1978, 1979, 1994; Иванов, 1981, 1988, 1999; Гавритухин, 1996, 1999, 2000, 2001а, 2001б, 2022б; Гавритухин, Обломский, 1996; Гавритухин, Иванов, 1999; Останина, 1997; Богачев, 1996б, 2011; Султанова, 2000; Малашев, 2000, 2014; Красноперов, 2007в, 2020, 2022; Лещинская, 2014; Голдина, Бернц, 2016а, 2016б, 2017а, 2017б; Перескоков, 2018).

Ниже приведен обзор особо значимых дискуссий по вопросам хронологии древностей Восточной Европы (в т.ч. и материалов из памятников

Южного Приуралья), основанных на анализе погребального инвентаря, и, в первую очередь, ременных гарнитур.

Одной из наиболее ярких в отечественной археологии является многолетняя полемика между А.К. Амброзом и И.П. Засецкой о «группировке, хронологии и исторической интерпретации степных древностей «с полихромными изделиями»» (Амброз, 1985. С. 293). Отправной точкой для дискуссии послужила статья А.К. Амброза (Амброз, 1971б), в которой исследователь подверг критике тезисы И.П. Засецкой о возможности объединения большинства поволжских захоронений с полихромными изделиями, инкрустированными камнями в отдельных гнездах, в «единую одновременную группу» конца IV – 1-ой пол. V в. (Засецкая, 1968б. С. 35; Засецкая, 1979. С. 15; Амброз, 1985. С. 300). Лишь небольшая часть комплексов (в т.ч. Новиковское погребение на территории г. Уфы) датированы Ириной Петровной VI–VII вв. (Засецкая, 1968а. С. 59–60).

А.К. Амброзом к выделенной им I группе кочевнических древностей (V в.) отнесены «могилы знатных воинов эпохи Аттилы, а на территории СССР – и послеаттиловской эпохи» с полихромными диадемами, массивными пряжками с хоботковидными язычками, железными удилами с кольцами из цветного металла, уздечными крестовидными и ромбическими бляхами и т.д. (Амброз, 1971б. С. 115). По мнению исследователя, II группа древностей (VI–VII вв., а на территории Южного Приуралья – VII в.) представлена изделиями, обложенными фольгой с тисненым «дерюжным» орнаментом, круглыми бляхами со изображениями лиц, «цельновыгнутыми» пряжками (Там же. С. 115–116). К III группе кочевнических древностей (VII в.) А.К. Амброз отнес погребения с вещами, обильно украшенными зернью и симметрично расположенными вставками из янтаря и сердолика (Там же. С. 116–119).

В своем докладе на симпозиуме, посвященном проблемам хронологии памятников Евразии в эпоху раннего Средневековья (Ленинград, 1976 г.), И.П. Засецкая, оппонировав А.К. Амброзу, отметила отсутствие стилистической

классификации полихромных вещей. По мнению исследователя, пока не проверена взаимовстречаемость всех признаков и не прослежено развитие одних признаков в другие, нельзя относить «те или иные признаки к числу ранних или поздних». Комплексы же полихромных изделий из Бирского могильника рассмотрены И.П. Засецкой в качестве «грубой реплики», лишь отдаленно напоминающей по своей стилистике кочевнические древности (Засецкая и др., 1979. С. 121).

На ленинградском симпозиуме в 1976 г. концепция И.П. Засецкой была поддержана рядом исследователей (Д.Б. Шелов, В.В. Кропоткин, М.Г. Мошкова). В «защиту» А.К. Амброза выступил Б.И. Маршак, признавший его типологические наблюдения и хронологические выводы чрезвычайно ценными. В то же время исследователь не смог согласиться со многими абсолютными датировками А.К. Амброза, также осталась непонятна и «логика его рассуждений» (Там же. С. 121).

По мнению Д.Б. Шелова, передатировка гуннских древностей, произведенная А.К. Амброзом, представляется уязвимой в том отношении, что в работах последнего никак не объяснен хронологический разрыв между погребениями V в. и VII в., имеющими близкий погребальный инвентарь (Шелов, 1978. С. 81–88).

В дальнейших работах И.П. Засецкая сохранила общее деление кочевнических комплексов на 2 большие группы, первая из которых совпадала по основным признакам с группами I и III, а вторая – с группой II по хронологии А.К. Амброза. Однако, ей были выделены дополнительные подгруппы (А, Б, В, Г, Д). В основе этих подгрупп лежат варианты сочетания погребального инвентаря и «стандартизации форм, общности художественно-технологических признаков изделий» (Засецкая, 1978; Засецкая, 1979. С. 5; Амброз, 1985. С. 296). Анализ вещей из боспорских склепов гуннской эпохи вновь приводят И.П. Засецкую к выводу, что «дата большинства памятников восточноевропейских степей ограничивается концом IV – 1-ой пол. V в.», хотя

исследователь не исключает «хронологические уточнения в ту или иную сторону в отдельных конкретных случаях» (Засецкая, 1979. С. 14–15).

В своей итоговой статье по дискуссии о гуннских комплексах А.К. Амброз заключил, что подобное разделение на подгруппы, предложенное И.П. Засецкой, не подтвердилось фактическим материалом из погребений. Но, в то же время, исследователь отметил, что результатом многолетнего спора является все же «новый подход И.П. Засецкой к степным древностям», а также «некоторое сближение <...> позиций хотя бы в относительной хронологии» (Амброз, 1985. С. 297–300).

В последующих своих работах И.П. Засецкой выделены 2 хронологические группы: ХГЗ-1, датированная концом IV – 1-ой пол. V в., и ХГЗ-2, отнесенная исследователем «к периоду распада гуннского племенного союза» и датированная 2-ой пол. V – нач. VI в. Первая хронологическая группа разделена И.П. Засецкой по типологическим признакам на две подгруппы – ХГЗ-1а и ХГЗ-1б. Как отметила исследователь, «фактическое деление материала на три группы, предложенное А.К. Амброзом, представляется археологической реальностью». В то же время хронологические группы, выделенные А.К. Амброзом и И.П. Засецкой, не являются идентичными друг другу, как по составу вещей, так и по своей датировке. ХГЗ-1а соответствует III группе древностей, ХГЗ-1б частично входит в состав I группы, а ХГЗ-2 включена в группу II по классификации А.К. Амброза (Засецкая, 1994. С. 112).

Отдельная дискуссия о датировке древностей Прикамья состоялась у А.К. Амброза с В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной. Могильники харинского типа первоначально датированы В.Ф. Генингом III – 1-ой пол. V в. (Генинг, 1959а. С. 206). А.К. Амброз, не согласившись с выводами В.Ф. Генинга, «омолодил» дату харинских памятников до V–VII вв. (I период – V в., II период – VI в., III период – VII в.) (Амброз, 1971б. С. 112; Амброз, 1973. С. 298; Амброз, 1980. С. 32). По мнению исследователя, харинские пряжки возможно разделить на 3

группы в соответствии с формой щитка и длиной хоботковидного язычка (Там же. С. 26–27). Вслед за харинским, как отмечает А.К. Амброз, в Прикамье в 1-ой пол. VIII в. начинается неволинский этап, а появление наборных поясов на данной территории запаздывает вплоть до VII–VIII вв. (Амброз, 1971б. С. 112; Амброз, 1973. С. 298).

В дальнейших работах В.Ф. Генинг и Р.Д. Голдина датировали памятники харинского типа уже V – 1-ой пол. VI в. (Генинг, Голдина, 1973. С. 84–86). Исследователями было отмечено, что между харинскими и неволинскими (деменковскими) (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII в.) комплексами в Верхнем Прикамье находятся достаточно хорошо выявленные памятники агафоновского типа 2-ой пол. VI – 1-ой пол. VII в. (Там же. С. 86; Голдина, 1979. С. 79).

А.К. Амброз согласился с тезисом о существовании агафоновского типа памятников, но, по мнению исследователя, агафоновский и деменковский (неволинский) этапы в Прикамье являются одновременными (конец VII – 1-я пол. VIII в.), различия же их связаны с этнографическими особенностями. В подтверждение своей точки зрения А.К. Амброзом приведены следующие аргументы: отсутствие случаев взаимоперекрывания агафоновских могил неволинскими; отсутствие на Верхней Каме памятников с материалами типа Неволино; типологическое различие агафоновских и неволинских поясных накладок (Амброз, 1973. С. 290; Голдина, 1979. С. 83). Впоследствии А.К. Амброз определял, что агафоновская стадия, начавшись одновременно с деменковской (неволинской), заканчивается несколько раньше последней (Амброз, 1980. С. 52). Таким образом, данным утверждением, как отмечает Р.Д. Голдина, исследователь, по сути, согласился с разновременностью двух стадий (Голдина, Водолаго, 1990. С. 93).

Анализ планиграфии Агафоновского могильника, произведенный Р.Д. Голдиной, показал, что он состоит из двух разновременных частей, одна из которых содержит погребения с инвентарем агафоновского облика, другая

– захоронения с деменковскими (неволинскими) материалами (Голдина, 1979. С. 83; Засецкая и др., 1979. С. 122). Исследования Неволинского могильника выявили как комплексы, содержащие только агафоновские вещи, так и погребения агафоновской стадии, перекрытые более поздними могилами с поясами неволинского типа. Еще одним подтверждением одновременности комплексов типа Агафоново и Неволينو является сходство с агафоновским инвентарем бартымских погребений, выделенных среди могил неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990. С. 93).

Как отмечает И.О. Гавритухин, точка зрения А.К. Амброза о том, что агафоновские пояса образуют наиболее поздний этап эволюции геральдической гарнитуры, к которому следует относить и некоторые элементы неволинских поясов, «представляется вполне продуктивной и не противоречащей современным данным» (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 86). Согласно разработкам исследователя, те пояса, которые «относятся Р.Д. Голдиной и многими другими археологами к единому массиву «агафоновских», подразделяются как минимум, на две типологические линии и три периода», причем «собственно агафоновские» относятся к последнему, третьему периоду (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 136–137). И.О. Гавритухиным сформулирован тезис о частичной синхронизации агафоновских, появившихся не ранее сер. VII в., и неволинских поясов (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 86). Также исследователем выделены «доагафоновские» ременные гарнитуры, ставшие прототипами для некоторых элементов неволинских поясов, что указывает на местное происхождение последних (Гавритухин, 1999. С. 39; Гавритухин, Иванов, 1999. С. 137–138).

А.А. Красноперовым, проанализировавшим материалы из Тураевского, Тарасовского, Мокинского, Кудашевского, Дежневского могильников и ряда некрополей на территории Кавказа, выделены полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией серии Цибилиум – Тураево, относящихся к группе «догуннских» полихромных изделий. Исследователь, подчеркивая

существенное отличие «догуннских» полихромных находок от полихромных вещей из харинских комплексов, датирует их не ранее сер. IV в. (вероятно – 3-я четв. IV в.) (Красноперов, 2012).

В контексте изучения хронологии Южного Приуралья исследователями подробно рассмотрен погребальный инвентарь из Бирского могильника.

Н.А. Мажитовым бирские комплексы при помощи метода сериации разделены на 4 хронологические группы (А, Б, В, Г), датированные II–IV вв., IV–V вв., V–VI вв., VI–VII вв. На первоначальном этапе функционирование некрополя связано с местными раннебахмутинскими группами населения, а появление поздних комплексов может быть соотнесено с появлением в Приуралье «турбаслинцев» (Мажитов, 1968б. С. 16–18, 38–43, 72).

Полученные Н.А. Мажитовым результаты подвергнуты критике со стороны В.Ф. Генинга. Как отмечает исследователь, корреляционная таблица Н.А. Мажитова имеет массу ошибок и неточностей, а принцип подбора вещей для таблицы «вызывает недоумение». В свою очередь, В.Ф. Генингом по материалам 72 погребений Бирского могильника выделены 3 «последовательно хронологические группы» (А, Б, В), а также дополнительные группы, отражающие плавный переход от одной хронологической стадии к другой (Генинг, 1972. С. 226–228). Наиболее ранние погребения в Бирском могильнике находились в его северной части, к югу от них располагались погребения группы Б, а погребения группы В рассеяны на периферии некрополя (Там же. С. 228; С. 229, рис. 2).

А.К. Амброз согласился с предложением В.Ф. Генинга изучать хронологию некрополя по его составным частям (зона I – могильник местного населения, зона II – погребения, связанные с влиянием инокультурных групп), указав, что также необходимо учитывать степень сохранности погребений. По мнению А.К. Амброза, Бирский могильник использовался в IV–VII вв.: его первый период датируется IV в., второй – V в., третий – VI в., а четвёртый – VII в. (Амброз, 1980. С. 5, 47).

Масштабные полевые исследования Бирского могильника в 1970-90-х гг. позволили Н.А. Мажитову выделить комплексы с хорезмийскими монетами VIII в. (по определению Б.И. Вайнберг), тем самым «омолодив» верхнюю хронологическую границу некрополя (Мажитов, 1990. С. 263). Нижняя же хронологическая граница памятника, под влиянием работ А.К. Амброза, «поднята» исследователем до IV в. (Мажитов, 1977. С. 15).

Представленные А.К. Амброзом результаты по разработке хронологии погребений Бирского могильника получили оценку в работе И.О. Гавритухина. Исследователем предложена более компактная группировка бирских комплексов, позволившая уточнить наблюдения А.К. Амброза (Гавритухин, 1996. С. 119–120).

Т.И. Останиной проанализирован материал из 73 погребений Бирского могильника (раскопки 1958 г., 1960 г. и 1962 г.), отнесенных ей к позднему этапу мазунинской культуры (башкирский вариант) (Останина, 1997. С. 107–109; С. 207–208, табл. 1–2).

А.Н. Султановой на основании результатов корреляционного и статистического анализов 692 погребений выделены 4 хронологических периода в функционировании Бирского могильника: III–IV вв., V–VI вв., конец VI – VII в., конец VII – VIII в. (Султанова, 2000. С. 81).

Еще одна дискуссия в научной литературе, затрагивающая проблемы датировки раннесредневековых комплексов Южного Приуралья, состоялась между В.Ф. Генингом и Н.А. Мажитовым; в дальнейшем в ней, с критикой последнего, принял участие В.А. Иванов.

Н.А. Мажитовым на основании сравнительно-типологического анализа ременных гарнитур, а также при помощи «ретроспективного метода» и «метода исключения» датированы VII в. ряд погребений Бирского, Кара-Тамакского, Ангасякского, Югомашевского, Дежневского, Ново-Турбаслинского, Кувыковского могильников и некоторые уфимские захоронения (Мажитов, 1977. С. 15–16). Подобная датировка кардинально

отличалась от ранее предложенных исследователем хронологических рамок для некоторых из указанных памятников (Мажитов, 1968б. С. 12, 24, 68–69). Как отмечает сам Н.А. Мажитов, на смену его взглядов повлияли прежде всего работы А.К. Амброза, посвященные проблемам раннесредневековой хронологии Восточной Европы (Мажитов, 1977. С. 13, 15). Время появления кушнаренковских комплексов в Южном Приуралье ограничено исследователем рубежом VII и VIII вв. (Ново-Биккинский, Булгарский, Сынтыш-Тамакский могильники) либо VIII в. (отдельные комплексы Маняжского и Лагеревского могильников, Красногорский II могильник) (Там же. С. 16–20). При уточнении датировки караякуповских комплексов в рамках IX–X в. (в т.ч. и некоторых погребений Лагеревского могильника) Н.А. Мажитовым для ряда категорий погребального инвентаря привлечены венгерские аналогии, а также проанализирован нумизматический материал из рассмотренных захоронений (Там же. С. 25–31).

В дальнейшем Н.А. Мажитов несколько корректирует предложенные им даты. К VII в. исследователем отнесены Ново-Биккинский и Булгарский I курганы, а также некоторые погребения Кушнаренковского, Ново-Турбаслинского и Сынтыш-Тамакского могильников и захоронения на территории г. Уфы, содержащие ременные гарнитуры «геральдического» облика и сосуды турбаслинского и кушнаренковского типов. Для комплексов Маняжского, Лагеревского могильников, Красногорского II могильника и караякуповских некрополей датировка осталась неизменной (Мажитов, 1981б. С. 24–28, 124–131).

Периодизация раннесредневековых памятников Южного Урала, представленная Н.А. Мажитовым в работах 1977 г. и 1981 г., рассмотрена с критических позиций В.Ф. Генингом. Основными недостатками указанных монографий исследователь считает отсутствие подробной классификации погребального инвентаря, «учета взаимовстречаемости типов в комплексах погребений и могильников, построения эволюционных рядов,

корреляционных таблиц» (Генинг, 1982. С. 287–289), отмечая при этом, что «все передатировки и размещение вещей по группам проделаны без какой бы то ни было системы и серьезной аргументации» (Там же. С. 290).

В.А. Ивановым с помощью статистических методов проанализированы и систематизированы материалы южноуральских погребальных памятников – Лагеревского, Стерлитамакского, Каранаевского, Хусаиновского могильников и др. Результатом проведенной работы стало выделение комплексов, характерных для «времени существования этих могильников» – 2-ой пол. VIII – IX в. (Иванов, 1981). В дальнейшем, опять же при помощи статистики, материалы из кушнаренковских и караякуповских памятников исследованы в совместной статье В.А. Ивановым и В.А. Кригером (авторами они объединены в памятники кушнаренковско-караякуповского типа). В результате удалось выделить группы погребений 2-ой пол. VI – VII в. и VIII – 1-ой пол. IX в. с характерными для каждой из них керамическим материалом и набором украшений. Как отмечают исследователи, иерархия кушнаренковско-караякуповского погребального обряда не имеет ничего общего с аналогичной иерархией погребального обряда древнетюркских могильников Алтая, Сибири и Восточного Казахстана и, таким образом, не могут быть связаны с древнебашкирскими племенами (Иванов, Кригер, 1987. С. 109–111).

С критических позиций рассмотрены В.А. Ивановым и обнаруженные Н.А. Мажитовым параллели между материалами из погребальных памятников Южного Приуралья и погребениями венгров «периода обретения родины» (X в.). Исследователь указывает, что применительно к ним можно говорить лишь «именно о сходстве, а никак не о совпадении», что, в свою очередь, формирует «отношение к венгерским древностям X в. как к возможному результату генетического развития бытовавших на Южном Урале и в Приуралье типов украшений и поясных наборов, но отнюдь не как к хронологическому реперу для определения даты последних» (Иванов, 1988. С. 54–55).

Н.А. Мажитовым при помощи метода корреляции объединены в хронологическую группу IV–VI вв. ряд погребений Бирского, Югомашевского, Ангасьякского и Старо-Кабановского могильников. При этом автор отмечает, что в Старо-Кабановском и Югомашевском могильниках обнаружены вещи, датированные им концом VI–VII в. и более поздним периодом. находка хорезмийской монеты в п. 382 Бирского могильника убедила исследователя в обоснованности отнесения к VIII в. некоторых комплексов Манякского, Шареевского и Лагеревского могильников, содержащих типологически близкий «бирскому» инвентарь (Мажитов, 1987. С. 117–122).

В дальнейшем Н.А. Мажитов выступил с критикой результатов, полученных В.А. Ивановым при помощи статистики, считая некорректными «удревнение» датировки ряда некрополей и объединение различных «по времени и типологии» комплексов в единые хронологические группы. В своей статье 1993 г. Н.А. Мажитов датировал концом VI – VII в. Ново-Турбаслинский, Дежневский, Кувыковский, Кушнаренковский, Новиковский, Сынтыш-Тамакский могильники, уфимские и ишимбайское погребения, а также некоторые захоронения Бирского могильника, содержащие ременные гарнитур «геральдического» круга. Исследователь выделяет «значительную группу погребений конца VI – VII в.» в Югомашевском, Старо-Кабановском, Бахмутинском и Каратамакском могильниках, а также подтверждает свои ранее предложенные тезисы относительно датировки в рамках VIII в. некоторых памятников (Манякский, Шареевский могильники и др.), содержащих «геральдику развитых форм». Лагеревский, Бекешевский, Каранаевский могильники Н.А. Мажитов датирует вплоть до X–XI вв., связывая их погребальный инвентарь с материальной культурой древнебашкирских племен (Мажитов, 1993. С. 119–129, 134–135).

В свою очередь, В.А. Иванов при помощи метода статистического выявления комплексов связанных предметов выделяет для кушнаренковских и

караякуповских захоронений Поволжья и Южного Урала 5 групп с характерным для каждой из них набором вещей (ременные гарнитуры, украшения, керамика и т.д.), образующим между собой устойчивую связь и датированным, в целом, от конца VI в. до сер. / 2-ой пол. IX в. Исследователь приходит к выводу, что кушнаренковская и караякуповская культуры, наряду с носителями молчановской и потчевашской культур, являются частью «древнеугорской этнокультурной общности Западной Сибири и Приуралья» (Иванов, 1999. С. 43–45, 70).

Хронологические построения А.В. Богачева, в основе которых – анализ комплексов Среднего Поволжья эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья (Богачев, 1992, 1996б, 1998), положили начало дискуссии с И.О. Гавритухиным (Гавритухин, 2000, 2001а; Богачев, 2001). Последним подвергнуты критике предложенные А.В. Богачевым типологические и хронологические выкладки в отношении целого ряда показательных для археологии Евразии комплексов указанных периодов: погребения у с. Федоровка, кург. 4 могильника Владимировка, кург. 2 Шиповского могильника, впускного погребения в могильнике Новоселки, кург. 4 могильника Кирово-I, случайной находки у г. Маркштадт. И.О. Гавритухин поставил под сомнение возможность выделения «горизонта «Перещепина-Шиловка»» в силу того, что его основу составляют комплексы с «разнородными и разновременными вещами, вырванными из культурного и исторического контекста» (Гавритухин, 2000. С. 26). В свою очередь, А.В. Богачев указал на неверную методологию, используемую его оппонентом при описании и классификации реманных гарнитур, что, по мнению исследователя, ведет и к ошибкам при построении хронологических схем (Богачев, 2001. С. 252–256). В ответной статье И.О. Гавритухин отметил, что для хронологии важно не количество всех учтенных признаков вещи, а конкретная датирующая способность того или иного признака (Гавритухин, 2001а. С. 260–264).

Значительную роль для хронологии памятников Волго-Уралья эпохи Великого переселения народов играют комплексы Тураевского курганного могильника, содержащие ременные гарнитур и предметы вооружения.

Данный памятник, впервые изученный В.Ф. Генингом, был датирован им концом IV – 2-ой четв. V в. (Генинг, 1976. С. 107–108). Как отмечает исследователь, «Тураевский могильник представляет собой большую ценность, прежде всего тем, что это достаточно единый, сравнительно кратковременный комплекс» (Там же. С. 95), а стратиграфические наблюдения в совокупности с анализом хроноиндикаторов позволили выделить в некрополе раннюю (конец IV в.), среднюю (нач. V в.) и позднюю (2-я четв. V в.) группу погребений (Там же. С. 102).

В дальнейшем В.Ф. Генингом определена дата могильника концом IV – 1-ой четв. V в., с выделением ранней (конец IV в.), средней (конец IV – нач. V в.) и поздней (1-я четв. V в.) курганных групп (Gening, 1995. S. 326).

С предложенной В.Ф. Генингом датировкой некрополя согласились Р.Д. Голдина и В.А. Бернц (2010. С. 147). Впоследствии Р.Д. Голдина скорректировала хронологические рамки памятника до 4-ой четв. IV в., предположив, что захороненные в курганах Тураевского могильника люди могли погибнуть в одно время (в один или несколько дней) (Голдина, 2017. С. 341; Голдина, 2022. С. 119).

И.О. Гавритухиным и А.А. Красноперовым среди тураевских материалов отмечен ряд хроноиндикаторов (ХИ), сочетание которых между собой позволило выделить группы комплексов (ТК-1, ТК-2, ТК-1/2). Как отмечают исследователи, «пересечение хронологических отрезков ХИ, с учетом датировок по аналогиям и стратиграфии», дает возможность датировать Тураевские курганы 4-ой четв. IV в. (Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 180–186), концепция же Р.Д. Голдиной об одновременности смерти погребенных в некрополе исследователями не была поддержана (Там же. С. 191–192).

Отдельного рассмотрения требует вопрос о внутренней периодизации и датировке мазунинской культуры.

Т.И. Останиной в рамках всестороннего изучения мазунинской культуры разработана ее периодизация и определены хронологические границы. Исследователем в результате корреляции типов вещей (в т.ч. и ременных гарнитур) выделены 9 групп, 5 из которых «несут самостоятельную хронологическую нагрузку» (III в., конец III – нач. IV в., IV в., конец IV – нач. V в., V в.), а 4 группы – «являются смежными» (III–V вв., конец III – V в., III–IV вв., IV–V вв.). Дата выделенных групп, ввиду отсутствия «абсолютно датированных вещей (например, монет)», «определена на основании аналогии в материалах археологических памятников, в первую очередь, близлежащих» (Останина, 1997. С. 104–109).

А.Н. Султановой материалы из Бирского могильника, относящиеся к раннебахмутинской (мазунинской), по результатам корреляции выделены в хронологическую группу Г (III–IV вв.). Дополнительно исследователем проведена статистическая оценка сопряженности типов, которая позволила выделить 6 хронологических комплексов сопряженных предметов (КСП). Согласно полученным результатам, КСП-1 и хронологическая группа Г во многом совпадают «по содержанию одинаковых типов вещей», и, значит, являются синхронными. Отдельно необходимо отметить выделение КСП-2, датированном исследователем по принадлежностям поясных гарнитур из Тураевского и Старо-Муштинского могильников концом IV – V в. Данный КСП, судя по всему, занимает «промежуточное» положение между хронологическими группами Г (III–IV вв.) и В (V–VI вв.) (Султанова, 2000. С. 72–77).

А.А. Красноперовым предложена двухступенчатая периодизация мазунинской культуры. Первый период, датированный сер. III – концом IV в., объединяет этапы 1-3 по периодизации Т.И. Останиной; второй период, ограниченный концом IV – сер. VI в., включает в себя этапы 4-5 по

периодизации Т.И. Останиной и материалы 1-ой пол. VI в. (Красноперов, 2007в).

Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц разработана периодизация комплексов Тарасовского могильника, относящихся к мазунинской эпохе. Исследователями при помощи метода сериации («культурной стратиграфии») выделено 12 хронологических групп в диапазоне от 1-ой пол. III в. до V в. (Голдина, Бернц, 2016, 2017а, 2017б).

Работа по уточнению периодизации мазунинской культуры была продолжена А.А. Красноперовым (2020, 2022). Исследователь отмечает, что «Т.И. Останина верно показала тенденции эволюции вещей, но большинство конкретных дат более неприемлимы» (Красноперов, 2020. С. 435–436). Причинами этому стали процедурные ошибки в монографии Т.И. Останиной (1997), хронологически-критичные ошибки в рисунках вещей, а также «кардинальный пересмотр хронологии, прежде всего, сарматских культур» (Красноперов, 2020. С. 436).

И.О. Гавритухин, полемизируя с Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, определяет дату финала Тарасовского могильника 4-ой четв. IV в. Многочисленные хроноиндикаторы (прежде всего, ременные гарнитуры) указывают на прекращение функционирования могильников на северо-западе мазунинской культуры в конце 3-ей / начале 4-ой четв. IV в., в то время как на крайнем юго-востоке «Бирск дает модель поступательного развития мазунинской культуры в бахмутинскую» (Гавритухин, 2022б. С. 275, 281).

Конечно, рассмотренные выше работы не являются исчерпывающим библиографическим списком всех публикаций авторов, высказывавших свое мнение по вопросам хронологии, поскольку цель данного параграфа – обзор основных исследований по ременным гарнитурам Волго-Уралья.

1.3. Опыт изучения относительной хронологии

Важность установления достоверной даты археологических объектов достаточно очевидна и не требует подробного разъяснения. Практикуются

несколько способов датировок. Различают относительную хронологию (позволяет установить порядок, некую последовательность тех или иных событий, объектов, слоев, могил, вещей и т.д.), и абсолютную / календарную (датирует событие в абсолютных цифрах с большей или меньшей точностью в какой-либо системе летоисчисления). Датировка при помощи лишь археологических методов без привязки к письменным источникам, естественнонаучным методам, нумизматическому материалу и пр. может быть только относительной.

В данном разделе рассмотрены основные методы, позволяющие уточнить хронологические позиции находок: типологический метод, метод сериации, формализованно-статистический метод, метод «узкой датировки». В качестве дополнительных инструментов при изучении хронологии применяют планиграфический и стратиграфический методы.

Одним из методов относительной хронологии является типологический, или сравнительно-типологический метод. У истоков эмпирического и теоретического оформления данного метода стояли такие исследователи как А. Питт-Риверс, Г. Гиндельбранд, О. Монтелиус, В.А. Городцов (Богачев, 1992. С. 8).

Теоретические основы типологического метода, как отмечает Л.С. Клейн, сформулированы О. Монтелиусом, суть их заключалась в следующем положении: «если типы одного ряда (или части ряда) чаще всего сочетаются с типами другого ряда, аналогичными по их позициям в ряду (крайние с крайними, средние со средними и т.п.), то такие ряды считаются параллельными, т.е. простирающимися одинаково в некоем логическом пространстве» (Клейн, 2011. С. 448–451).

С точки зрения В.А. Городцова, в основе типологического метода лежат собственные законы существования вещественных археологических памятников, основным же результатом при применении типологического

метода исследователь считал «точное определение каждого типа во времени и пространстве» (Городцов, 1927. С. 6–9).

В 1902 г. П. Рейнеке предложено для уточнения относительной хронологии могильников метод, основанный на прослеживании изменения набора типов вещей в погребениях с помощью изучения их совстречаемости в закрытых комплексах (Бажан, Еременко, 1992. С. 14).

Впоследствии данный метод получил широкое распространение среди советских и российских археологов, работавших с волго-уральскими материалами (Амброз, 1971а, 1971б, 1980; Генинг, 1979; Голдина, 1979; Гавритухин, 1996; Останина, 1997; Голдина, Бернц, 2016а, 2016б, 2017а, 2017б; и др.), а одним из первых в России его применил П.П. Ефименко на материалах рязано-окских могильников (Ефименко, 1926). Как отмечает исследователь, при использовании данного метода должны быть точно установлены типы вещей и их варианты. Алгоритм работы состоит из следующих действий: каждое погребение наносится на «карточку» с условным обозначением его инвентаря, по графам. «Карточки» подкладываются по требуемой рубрике, причем легко группируются по типам на ряд последовательных групп. Если изобразить на таблице все типы вещей и соединить их линиями, отмечающими совместное нахождение, то, как указывает П.П. Ефименко, иные из них чаще будут встречаться чаще с одними формами, нежели с другими (Там же. С. 66–67).

Р.Д. Голдина и В.А. Бернц в одной из своих работ указывают, что «заслуга П. Рейнеке состояла в том, что он при определении дат стал оперировать не отдельными вещами, а их комбинациями в закрытых комплексах», но, собственно, корреляционных таблиц данный исследователь не создавал. По мнению исследователей, «следует восстановить историческую справедливость и считать культурно-стратиграфический или корреляционный метод не «методом П. Рейнеке», а методом П.П. Ефименко» (Голдина, Бернц, 2016а. С. 43).

Здесь же уместно привести еще одну обширную цитату из указанной выше работы Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц: «следует учитывать, что в разных по численности выборках метод может дать и разные результаты. На формирование стабильных групп встречающихся вещей могут оказывать влияние не известные исследователям факторы: использование предметов длительного бытования, особая популярность у населения некоторых вещей, длительный повышенный спрос на них, состояние и эволюция базы для производства изделий и мн.др.» (Там же. С. 45).

Одной из особенностей при применении метода сериации («метода корреляции»), как отмечают И.А. Бажан и В.Е. Еременко, является то, что его необходимо применять отдельно для мужских и женских погребений. Связано это с тем, что мужская часть населения постоянно участвовала в контактах с широким кругом контрагентов, в результате которых и получала новые типы вещей, а женский погребальный обряд сохранял архаичные черты, т.к. женщин хоронили с вещами их рода, полученными в приданое (Бажан, Еременко, 1992. С. 16). По мнению исследователей, метод корреляции вещей позволяет определять не даты использования вещей в живой культуре, а даты прекращения использования вещей, близкие датам совершения погребений. При этом надо учитывать, что хронология поселений в этом случае будет отлична от хронологии могильников (Там же. С. 18–20).

Корреляция вещей с выделением хронологических групп как короткого, так и длительного диапазона, выполнена отдельно для женских и мужских погребений Тарасовского могильника Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (2016а, 2016б, 2017а, 2017б). Между тем, в ряде археологических культур (например, черняховской) женский и мужской инвентарь, используемый для анализа (пряжки, фибулы, керамика), не различается между собой, что позволяет не учитывать гендерные различия в сериации (Бажан, Гей, 1997. С. 41–51). Не учтены они и в сериациях, составленных по материалам мазунинской / бахмутинской культур (Останина, 1997. С. 103–109; Султанова, 2000. С. 60–

74; Рис. 34), что связано, судя по всему, с отсутствием сведений о половозрастных характеристиках погребенных.

В.Ф. Генингом на материалах прикамских поясных гарнитур I тыс. н.э. описана процедура построения относительной хронологии, которая включала в себя этапы отбора той или иной категории вещей, создания типологии, группировки типов по памятникам, сравнения комплексов для последующего выделения близких друг другу в единый хронологический горизонт; датировки горизонтов по монетам из комплексов и внешним аналогиям (Генинг, 1979).

Метод сериации при помощи составления таблицы совстречаемости вещей в комплексах, где погребения и признаки расположены по этапам, намеченным при классификации и визуальной группировке комплексов, а внутри этапов – по степени сходства, применен А.К. Амброзом при изучении материалов Бирского могильника. Признаком каждого нового периода является появление новых форм вещей, притом, что одновременно с ними могла использоваться и какая-то часть старых вещей (Амброз, 1980. С. 4).

Аналогичная работа с комплексами Бирского могильника, позволившая скорректировать некоторые выводы А.К. Амброза, была проведена И.О. Гавритухиным (Гавритухин, 1996. С. 119–120).

Вариант периодизации раннесредневековых древностей Кисловодской котловины с использованием компьютерной программы сериации подготовлен И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым. Как отмечают исследователи, полученный результат был откорректирован «вручную», т.к. «использованный алгоритм не в состоянии оценить значение и «вес» таксонов в силу того, что значимость определяется в значительной степени массовостью таксона, а не его специфичностью» Подобный алгоритм приводит «к неоправданному «сжатию» колонок долго существовавших разновидностей <...>, а малочисленные, выразительные для хронологии,

таксоны оказываются в таблице неоправданно «растянутыми» (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 29–30).

В 1960-70-х гг. широкое распространение в советской археологии получают методы математической статистики. Формализованно-статистические методы рассмотрены и применены в исследованиях Г.А. Федорова-Давыдова, И.С. Каменецкого и его соавторов, Я.А. Шера, Р.Д. Голдиной, В.Ф. Генинга и его соавторов, В.А. Иванова, Д.В. Шмуратко и мн. др. (Федоров-Давыдов, 1965, 1987; Шер, 1966; Голдина, 1979; Каменецкий и др., 1975; Генинг и др., 1990; Иванов, 1999; Шмуратко, 2011, 2012, 2013).

Как отмечено Г.А. Федоровым-Давыдовым, «в большинстве археологических работ системы датировок строятся на простом подборе аналогий в памятниках, имеющих более или менее определенные даты». Но, по мнению исследователя, данный путь является чрезмерно упрощенным. Для достижения результата «необходимо выявить такие группы типов, которые закономерно встречаются вместе в одних погребениях» с целью установления их бытования в одно время. Г.А. Федоров-Давыдов при изучении взаимовстречаемости типов в комплексах оперировал понятиями «действительная частость» и теоретическая вероятность. Под частостью понимают долю признака в выборке, выраженную в виде процентов. Если действительная частость превышает ожидаемую по теории вероятности, то явления считаются сопряженными; если показатели равны, то между явлениями нет сопряженности; если теоретическая вероятность превышает действительную частость, то между явлениями присутствует отрицательная сопряженность (Федоров-Давыдов, 1965, 1987).

Я.И. Шером с критических позиций рассмотрен типологический метод. Как отмечает исследователь, «типологический метод может и должен стать не только инструментом для воспроизведения хронологии вещей, но прежде всего средством исследования изменений в быту и определяющих их изменений в производстве и общественных отношениях». Надёжная

результативность типологического метода, по мнению Я.И. Шера, может быть изучена при условии обязательного выполнения в каждой работе, использующей статистические методы исследования, полного цикла: от первичной группировки материала до проверки гипотез по статистическим критериям (Шер, 1966).

И.С. Каменецким и его соавторами, наряду с вопросами археологической классификации, типологии, хронологии и интерпретации, рассмотрены приемы, алгоритмы и критерии формализованной обработки массового материала (Каменецкий и др., 1975).

Отдельно можно выделить работу Р.Д. Голдиной, в которой относительная хронология материалов из верхнекамских могильников VII–IX вв. определена при помощи метода корреляции, а затем правильность выделенных групп проверена по методу сопряженности типов на основе теории вероятности Г.А. Федорова-Давыдова и методу определения доверительных интервалов для вероятности по частоте (Голдина, 1979. С. 57–113).

Наконец, несложная методика определения датировки вещей предложена М.Б. Щукиным. Одной из проблем при разработке хронологии, как отмечает исследователь, является то, что в ряде погребений встречаются артефакты, совокупность которых позволяет установить первоначально только «широкую» датировку комплекса – в пределах одного-двух столетий. «Узкую» же датировку захоронения можно определить, поместив комплекс в том интервале времени, когда все составляющие комплекса сосуществовали. По мнению М.Б. Щукина, подобным способом представляется возможным сузить датировку погребения до нескольких десятков лет (Щукин, 1978. С. 28–33). Однако в более поздних работах М.Б. Щукин использовал метод сериации и другие методы, дающие не столь схематичные результаты.

Стратиграфический метод в изучении хронологии Южного Приуралья рассматриваемого времени практически не применяется, поскольку она

основана главным образом на материалах могильников, где случаи перекрытия одной могилой другой редки и, как правило, малоинформативны из-за бедности одной или всех стратифицированных могил. Учет этих случаев проведен, но с его помощью даты, полученные другими методами, только подтверждаются, но не уточняются.

Полноценное применение планиграфического метода возможно для полностью раскопанных представительных по числу комплексов памятников, которых в Южном Приуралье для рассматриваемого времени пока нет.

ГЛАВА 2.ТИПОЛОГИЯ ДЕТАЛЕЙ РЕМЕННЫХ ГАРНИТУР

Вводные замечания. Первые попытки, основанные на интуитивных представлениях исследователей о выделении среди общего массива ременных гарнитур схожих изделий и определении их хронологических позиций, можно отметить уже в работах Н.И. Булычева, А.В. Шмидта, Р.Б. Ахмерова, А.П. Смирнова и др. (Булычев, 1902, 1904; Шмидт, 1929; Ахмеров, 1949, 1951; Смирнов, 1957).

Обобщающая работа по созданию вертикально-иерархической типологии и определению хронологических позиций ременных пряжек IV–IX вв. с территории Евразии на новом методическом уровне проведена В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979). Как отмечает исследователь, признаки, которые положены в основу выделения отделов, типов и вариантов вещей, должны удовлетворять следующим требованиям: постоянно присутствовать в исследуемой группе; желательно иметь количественное выражение; определяться через процент предметов, обладающих этим признаком, если применяются качественные признаки; наблюдаться непосредственно; комплекс признаков, варьирующих как единое целое, должен рассматриваться как единое целое (Там же. С. 9).

Принципы «вертикальной иерархии», являясь достаточно распространенными, легли в основу классификаций ременных пряжек в ряде работ, посвященных изучению азелинской (Генинг, 1963), мазунинской / бахмутинской (Мажитов, 1968б; Останина, 1997; Султанова, 2000), пьяноборской (Мажитов, Пшеничнюк, 1968), кара-абызской (Овсянников и др., 2007; Воробьева, 2012), турбаслинской (Сунгатов, 1998) культур.

Отдельные положения вертикально-иерархической типологии подвергнуты критике со стороны некоторых исследователей.

А.И. Айбабин выступил против деления на два разных типа круглорамчатые и сегменторамчатые щитковые и бесщитковые пряжки,

мотивируя это тем, что зачастую щиток пряжки, сделанный из тонкой пластины, мог разложиться при зачистке в полевых условиях (Айбабин, 1990. С. 27).

И.П. Засецкая указала на то, что пряжки гуннской эпохи далеко не всегда находят себе соответствие в выделенных В.Б. Ковалевской типах. Если строго следовать указанной типологии, то «нередко пряжки, несомненно принадлежащие к одному типу, оказываются разобщенными, а пряжки, объединенные в один тип лишь формой щитка, в действительности ни в коей мере не являются образцами одного типа» (Засецкая, 1994. С. 77).

Как отмечает И.О. Гавритухин, предложенная В.Б. Ковалевской иерархическая классификация ременных гарнитур в свое время оказала существенное влияние на ряд специалистов, но непосредственно в работе она практически не используется. Недостатками данной типологии, по мнению исследователя, являются высокая обобщенность и формальность выделенных отделов и типов, не позволяющие при анализе конкретной вещи определить локальную, культурную и хронологическую характеристику артефактов (Гавритухин, 1999. С. 160–161). Он присоединяется к оценкам ряда специалистов, что методология и хронологические построения В.Б. Ковалевской не могут быть приняты, продемонстрировав эти и другие слабые места ее работы несколькими примерами (Gavritukhin, 2018. P. 49, 67, 68, 69, 92).

Проблема типологии и хронологии поясных гарнитур рассмотрена А.В. Богачевым на материалах из памятников Среднего Поволжья IV–VIII вв. В отличие от ранее разработанных, построенных на принципах жесткой иерархии признаков, в представленной исследователем классификационной схеме предпочтение отдано горизонтальной шкале «равнозначных» признаков. При этом при составлении описательных кодов для каждой группы ременных украшений А.В. Богачевым использованы разработки В.Б. Ковалевской,

которые были уточнены ввиду накопившегося нового материала (Богачев, 1992. С. 74–84).

Согласно наблюдениям И.О. Гавритухина, при построении классификаций, в т.ч. с использованием таблиц совстречаемости признаков в комплексах («матриц квазитреугольного вида», по терминологии А.В. Богачева), следует учитывать неоднозначность признаков «хотя бы при их отборе, а иногда и при компановке таблиц или ее членении», главным же критерием правильности типологии является ее эффективность (Гавритухин, 1996. С. 116–117). К такому же выводу об оценке правильности типологических систем пришел Е.М. Колпаков в работе, посвященной теоретическим основам классификаций (Колпаков, 2013. С. 166–167).

Типология пряжек. Основными работами, в которых системно рассматривается типология пряжек из памятников Волго-Уралья III – рубежа VII и VIII вв., массово представленных в Южном Приуралье, являются исследования В.Б. Ковалевской, И.П. Засецкой, Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, Т.И. Останиной, Ф.А. Сунгатова, А.Н. Султановой, И.О. Гавритухина, В.Ю. Малашева, С.Л. Воробьевой, Н.А. Лещинской, М.Л. Перескокова (Ковалевская, 1979; Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990; Засецкая 1994; Останина, 1997; Сунгатов, 1998; Гавритухин, 1999; 2023а; Султанова, 2000; Малашев, 2000; Воробьева, 2012; Лещинская, 2014; Перескоков, 2018).

В работе с вещами рассматриваемой категории, как и для других элементов ременных гарнитур, можно выделить два подхода. Первый характеризуется стремлением создать формально строгую систему, учитывающую максимальное число признаков.

В.Б. Ковалевской пряжки разделены на отделы – по форме рамки, внутри отделов выделены типы по форме щитка (его внешнему контуру) и подтипы – по орнаментации или другим признакам (Ковалевская, 1979. С. 10).

А.В. Богачевым для пряжек учтены форма контура рамки, сечение рамки, форма контура щитка, способ соединения рамки с щитком, способ прикрепления щитка к ремню, элементы формы язычка, технологические элементы украшения декора, центральный элемент орнамента (орнаментальные мотивы), техника нанесения орнамента, материал изготовления (Богачев, 1992. С. 77).

И.П. Засецкая разделила пряжки, обнаруженные в погребениях кочевников гуннского времени, первоначально – по материалу (серебряные, золотые, смешанные, бронзовые, железные), далее на отделы – по способу крепления с ремнем (щитковые и бесщитковые), на подотделы – по наличию подвижного или неподвижного кольца, типы и подтипы выделены исследователем по совокупности морфологических и технических признаков (Засецкая, 1994. С. 79).

Р.Д. Голдина, исследовавшая древности ломоватовской культуры, разделила пряжки на отделы по технике изготовления изделия и способу соединения его с ремнем, на типы и подтипы – по форме задних пластин, на варианты – по размерам пряжек (Голдина, 1985). Аналогичная работа по пряжкам неволинской культуры была проведена Р.Д. Голдиной совместно с Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990).

Т.И. Останиной пряжки мазунинской культуры по способу крепления с ремнем и форме рамки разделены на типы, по форме язычка – на варианты (Останина, 1997. С. 63). Аналогичные принципы типологии использованы А.Н. Султановой для пряжек из Бирского могильника (Султанова, 2000. С. 29).

Ф.А. Сунгатовым пряжки турбаслинской культуры «по форме кольца» (рамки) разделены на группы, внутри которых выделены типы (Сунгатов, 1998. С. 62).

С.Л. Воробьевой пряжки кара-абызской культуры разделены по способу крепления на 3 отдела (односоставные, двухсоставные и трехсоставные); по материалу, способу крепления изделия разделены на типы, по форме рамки –

на подтипы, а по орнаментации и особенностям оформления – на варианты (Воробьева, 2012. С. 73).

Н.А. Лещинской пряжки азелинской культуры разделены на отделы по технике изготовления пряжки и по способу соединения ее с ремнем, на типы и подтипы – по форме щитков, на варианты – по размерам пряжек (Лещинская, 2014. С. 67).

Другая линия изучения пряжек представлена А.К. Амброзом и его последователями. Эти исследователи стремятся не создать универсальную систему, а выделить типы, варианты и другие подразделения, отражающие культурно-исторический контекст, уделяя особое внимание датировке и локализации таксонов (Амброз, 1971а, 1971б, 1973, 1980; Айбабин, 1990; Гавритухин, 2001б, 2022а; 2023б (в печати); Гавритухин, Обломский, 1996; Гавритухин, Иванов, 1999; Gavritukhin, 2018).

К этому направлению принадлежит В.Ю. Малашев, уделивший внимание и системному описанию применяемой методики. Для типологии ременных пряжек позднесарматской и связанных с ней культур им выделены ряд признаков, отражающих прежде всего эволюционные изменения (Малашев, 2000; Кривошев, Малашев, 2016). Таковыми для рамок пряжек являются их форма, наличие утолщения в передней части, наличие спрямленности задней части, форма сечения рамки и наличие или отсутствие ограниченности. При выделении типов щитков В.Ю. Малашев учитывает такие признаки как форма, пропорции, наличие или отсутствие фасетировки (или ее имитации в виде загнутых краев). Для язычков пряжек позднесарматского времени важно учитывать длину и степень охвата ими рамки в передней части, наличие фасетировки, наличие уступа у основания язычка, степень выраженности уступа, расположение уступа по отношению к передней или задней части; наличие прогиба язычка.

Близок рассматриваемый подход и М.Л. Перескокову. При выделении типов пряжек, происходящих из археологических памятников Пермского

Предуралья, им сделана попытка учесть не только формальные, но и хронологические признаки материала (Перескоков, 2018. С. 64–70). Как отмечает исследователь, в разных типах и подтипах пряжек один тот же признак мог играть разную роль и, к примеру, такой признак как сечение рамки на определенном этапе не имел значения. Пряжки разделены по материалу изготовления – на отделы, на типы – по комплексному сочетанию признаков, на варианты – по особенностям морфологии и декора.

Типология ременных наконечников. Основными работами, в которых рассматривается типология ременных наконечников III – рубежа VII и VIII вв. Южного Приуралья, являются исследования Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, А.В. Богачева, И.О. Гавритухина, Т.И. Останиной, Ф.А. Сунгатова, В.Б. Ковалевской, А.Н. Султановой, В.Ю. Малашева, С.Л. Воробьевой, Н.А. Лещинской, М.Л. Перескокова (Голдина, Водолаго, 1990; Богачев, 1992; Гавритухин, Обломский, 1996; Гавритухин, Иванов, 1999; Гавритухин, 2022а; Останина, 1997; Сунгатов, 1998; Ковалевская, 2000; Султанова, 2000; Малашев, 2000; Воробьева, 2012; Лещинская, 2014; Перескоков, 2018). Эти и другие типологические схемы выполнены в рамках меодологических подходов, описанных выше при рассмотрении типологических систем пряжек.

Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго наконечники ремней, происходящие из раннесредневековых комплексов Верхнего Прикамья, разделены по форме и способу крепления на ремне – на отделы, на типы – по морфологическим и стилистическим особенностям (Голдина, Водолаго, 1990. С. 82–83).

А.В. Богачевым при разработке типологии наконечников ремней Среднего Поволжья учтены следующие признаки: форма контура наконечника, поперечное сечение лицевой части, способ прикрепления наконечника к ремню, технологические отделки элемента декора, центральный элемент орнамента (орнаментальные мотивы), техника нанесения орнамента, материал изготовления, продольное сечение наконечника (Богачев, 1992. С. 92).

А.Н. Султановой наконечники ремней из Бирского могильника разделены по форме на отделы, по особенностям морфологии и декора – на типы (Султанова, 2000. С. 34).

С.Л. Воробьевой ременные наконечники кара-абызской культуры разделены на типы по способу крепления и форме пластины (Воробьева, 2012. С. 149).

Т.И. Останиной наконечники ремней, происходящие из памятников мазунинской культуры, разделены по функциональному назначению на поясные и обувные, на типы – по форме передней пластины, способу крепления и конструкции, варианты наконечников выделены по форме сечения нижнего конца (Останина, 1997. С. 60–62).

Ф.А. Сунгатовым ременные наконечники турбаслинской культуры разделены на 3 большие группы: с гладкой поверхностью, ораментированные и полые наконечники, состоящие из двух пластин и соединительной дужки. Внутри данных групп выделены типы – по особенностям морфологии и декора (Сунгатов, 1998. С. 67–69).

В.Б. Ковалевской наконечники ремней поделены по сочетанию признаков формы – боковому и верхнему контуру – на отделы, а более дробные градации (типы и варианты) выделены по форме нижнего края, пропорциям и орнаментации (Ковалевская, 2000. С. 136–138).

Н.А. Лещинской ременные наконечники азелинской культуры разделены на отделы по способу крепления с ремнем, типы наконечников выделены по форме и элементам декора (Лещинская, 2014. С. 70).

В рамках исследования вещей из Гапоновского клада и их аналогий И.О. Гавритухиным рассмотрены ременные наконечники Южного Приуралья «геральдического» круга. В основе типологии, предложенной исследователем, лежит сочетание признаков (общая форма изделий, пропорции, орнаментальные мотивы и др.), учет и детализация которых основаны на целесообразности в каждом конкретном случае (Гавритухин, Обломский,

1996. С. 31–32, 35). Эти разработки позднее дополнялись и уточнялись (Гавритухин, Иванов, 1999; Гавритухин, 2022а).

В.Ю. Малашевым при выделении типов наконечников ремней из погребений позднесарматской и связанных с ней культур использовано комплексное сочетание ряда признаков: количество элементов (одночастные / многочастные), форма изделия, способ крепления к ремню, наличие фасетировки или ее имитации, особенности морфологии и декора) (Малашев, 2000. С. 197).

М.Л. Перескоковым наконечники ремней из археологических памятников Пермского Предуралья разделены на отделы – по материалу изготовления, на типы – по комплексному сочетанию ряда признаков (общая форма изделия, способ крепления к ремню), на подтипы и варианты – по особенностям морфологии и декора (Перескоков, 2018. С. 71–72).

Типология ременных накладок. Основными работами, в которых рассматривается типология ременных накладок, встреченных в комплексах Волго-Уралья интересующего нас хронологического периода, являются исследования Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, А.В. Богачева, И.О. Гавритухина, Т.И. Останиной, Ф.А. Сунгатова, В.Б. Ковалевской, А.Н. Султановой, С.Л. Воробьевой, Н.А. Лещинской, М.Л. Перескокова (Голдина, Водолаго, 1990; Богачев, 1992, 2007; Гавритухин, Обломский, 1996; Гавритухин, 2001б, 2022а, 2023б (в печати); Гавритухин, Иванов, 1999; Останина, 1997; Сунгатов, 1998; Ковалевская, 2000; Султанова, 2000; Воробьева, 2012; Лещинская, 2014; Перескоков, 2018). Ниже эти разработки сгруппированы по тем же основаниям, что и при рассмотрении типологических систем пряжек и накладок.

Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго ременные накладки, происходящие из комплексов Верхнего Прикамья, были разделены по форме на типы, на подтипы – по отдельным деталям (Голдина, Водолаго, 1990. С. 80).

А.В. Богачевым при разработке типологии накладок из археологических памятников Среднего Поволжья учтены следующие признаки: форма контура накладок, поперечное сечение лицевой части накладок, способ закрепления накладки на ремне, технологические отделки элемента декора, центральный элемент орнамента (орнаментальные мотивы), техника нанесения орнамента, материал изготовления, форма подвески, способ соединения накладки с подвеской (Богачев, 1992. С. 87; Богачев, 2007).

Т.И. Останиной при выделении типов накладок из комплексов мазунинской культуры была использована информация об их способе крепления, форме, размерах и материале, при выделении вариантов использована информация о размерах и пропорциях изделий (Останина, 1997. С. 57).

Ф.А. Сунгатовым накладки турбаслинской культуры разделены на типы – по основной форме накладки, на варианты – по особенностям морфологии и декора (Сунгатов, 1998. С. 69–72).

Аналогичная типологическая схема использована Н.А. Лещинской при изучении ременных накладок азелинской культур и А.Н. Султановой при создании классификации накладок из Бирского могильника (Султанова, 2000. С. 36; Лещинская, 2014).

В.Б. Ковалевской ременные накладки разделены по сочетанию признаков формы – боковому и верхнему контуру – на отделы, типы и варианты выделены по форме нижнего края, пропорциям и орнаментации (Ковалевская, 2000. С. 143).

С.Л. Воробьевой поясные накладки кара-абдызской культуры разделены по материалу на отделы (бронзовые и костяные), а по форме – на типы (Воробьева, 2012. С. 125).

В основе типологии ременных накладок, предложенной И.О. Гавритухиным, лежит сочетание признаков (общая форма изделий, пропорции, орнаментальные мотивы и др.), учет и детализация которых

основаны на целесообразности в каждом конкретном случае (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 24–28, 31, 33–34).

М.Л. Перескоковым при выделении отделов накладок учтена информация о материале изготовления, в основе выделения типов лежат данные о внешней форме накладок, их сечении и способе крепления к ремню, подтипы и варианты выделены с учетом морфологических и декоративных особенностей изделий (Перескоков, 2018. С. 63–63).

Типология ременных блях. В исследованиях, затрагивающих вопросы типологии блях, которые обнаружены в погребальных комплексах Южного Приуралья и Прикамья (Останина, 1997; Лещинская, 2014; Перескоков, 2018), зачастую нет разделения по их функциональному назначению (например, нагрудные, ременные, уздечные бляхи), – все изделия в данных работах рассматриваются единым массивом. Исключением являются работы А.Н. Султановой (2000) и С.Л. Воробьевой (2012), в которых ременные / поясные бляхи отделены от остального массива блях.

Определить к украшениям какой области костюмного или уздечного комплекса относилось то или иное изделие возможно лишь при детальном изучении расположения находок в погребении. Предположительно, бляхи, обнаруженные в области пояса или между бедрами умершего, входили в состав поясного набора. На мой взгляд, ременные бляхи необходимо рассматривать отдельным массивом от ременных накладок, т.к. они являются специфической категорией прикамского костюмного комплекса, к которой не применимы те же критерии типологического деления, используемые для накладок.

Т.И. Останиной бляхи разделены на типы в зависимости от сочетания формы изделия и способа крепления (Останина, 1997. С. 49–50).

Н.А. Лещинской бляхи азелинской культуры поделены на отделы по способу крепления, на типы и подтипы – по особенностям формы и размерам (Лещинская, 2014. С. 66–67).

М.Л. Перескоковым в основании деления блях на отделы использована информация о материале изготовления, на типы – общая форма и способ крепления, на подтипы и варианты – особенности морфологии и декора (Перескоков, 2018. С. 59–60).

А.Н. Султановой типы ременных блях, происходящих из Бирского могильника, выделены по сочетанию материала, формы изделия, способу крепления к ремню, особенностям морфологии и декора (Султанова, 2000. С. 42).

С.Л. Воробьевой поясные дисковидные бляхи кара-абызской культуры по способу производства разделены на отделы (сделанные из готовых зеркал или изделия местного производства из тонкого листа бронзы), по количеству отверстий на диске – на типы, а по особенностям самих дисков – на подтипы и варианты (Воробьева, 2012. С. 118).

Типология ременных крепежей. Под крепежами в данном исследовании понимаются детали ременных гарнитур, конструктивные особенности которых и расположение на ремне указывают на то, что они могли использоваться не только в качестве украшений, но и выполняли утилитарную функцию – к ним могли подвешивать какие-либо предметы.

У исследователей не сложилось однозначного мнения о функциональном назначении рассматриваемых ниже изделий. Так, крепежи из согнутой пополам пластины с подвеской-кольцом равномерной толщины рассматриваются В.В. Овсянниковым и С.Л. Воробьевой в качестве поясных накладок (Овсянников и др., 2007. С. 73; Воробьева, 2012. С. 142). Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго близкие аналогии крепежам из согнутой пополам пластины с подвеской-кольцом с утолщением снизу были включены в категорию пряжек-колечек, которые, по определению авторов, служили для подвешивания кистей к ремню (Голдина, Водолаго, 1990. С. 80, С. 132, табл. XXXV, 1–16). Т.И. Останиной подобные изделия выделены в категорию наконечников (Останина, 1997. С. 61), а М.Л. Перескоковым – отнесены к

ременным накладкам (Перескоков, 2018. С. 64). В свою очередь, Н.А. Лещинская находки, аналогичные крепежам из согнутой пополам пластины с подвеской-кольцом с утолщением снизу, атрибутировала как «пряжки-колечки, служившие для подвешивания кистей или ножен к ремню» (Лещинская, 2014. С. 69). В целом же, крепежи из согнутой пополам пластины с подвеской-кольцом с утолщением снизу были достаточно распространены в Пермском Предуралье. Примечательно, что здесь встречены экземпляры как из цветного металла, так и из железа (Перескоков, 2018. С. 261, рис. 45, 17–20).

Изделия, отнесенные в настоящей работе к категории крепежей из согнутой пополам пластины, зафиксированы в комплексах Шиповского, Бирского и Старо-Кабановского могильников, общее их количество немногочисленно. В отличие от накладок из согнутой пополам пластины прямоугольной формы с подвеской-кольцом, рассматриваемые изделия отличаются более крупной, а у поздних изделий – даже массивной подвеской. Функциональное значение подобных подвесок может быть связано с возможностью закреплять на них те или иные предметы. Особенно данное предположение справедливо по отношению к крепежам из согнутой пополам пластины с подвеской-кольцом с утолщением снизу, а крепежи с подвеской-кольцом равномерной толщины могли выступать в качестве их прототипов.

И.О. Гавритухиным цельнолитой крепеж, состоящий из комбинации рамчатых прямоугольника и круга, отнесен к крепежным наконечникам, т.к., по мнению исследователя, в ряде комплексов они крепились на конце ремня, а кольцо в нижней части подразумевает возможность использования его для крепежа (Гавритухин, 2015. С. 87).

Типология ременных петельных крючков. Судя по полевым наблюдениям Н.А. Мажитова, петельные крючки в п. 139 Бирского могильника зафиксированы *in situ* снаружи ступней погребенного (Мажитов, 1968б. С. 105), что позволяет с осторожностью предположить, что указанные

изделия могли входить в состав обувной гарнитуры и служить дополнительным элементом для поддержания ремешков обуви. Подчеркну, что данный вывод является предварительным.

*****

В настоящем исследовании создана общая типология деталей ременных гарнитур Южного Приуралья, основанная на материалах представительной источниковой базы, с учетом для рассматриваемых изделий особенностей конструктивно-морфологического и функционального характера. Необходимость создания новой типологии обусловлена тем, что столь обширный и зачастую не введенный в научный оборот материал не был отражен полностью ни в одной из созданных ранее классификаций. Как отмечено Е.М. Колпаковым, «чем больший объем материала охватывается одной-единственной классификацией, тем удобнее с ним работать» (Колпаков, 2013. С. 171).

В основе созданной типологии применены принципы «вертикальной иерархии», т.к. одной из основных задач являлось обобщение данных о деталях ременных гарнитур, разрозненных по различным публикациям, полевым отчетам и музейным собраниям. Для этого наиболее пригоден первый из рассмотренных выше подходов, ориентированный на создание формально строгой системы, учитывающей максимальное число признаков. Им обеспечивается легкость нахождения нужного таксона и сведений об относящихся к нему вещах вне зависимости от той или иной цели исследования. Типологические схемы сторонников этого подхода в данной работе критически переработаны, исходя из опыта их применения в ряде исследований и особенностей учтенного массива данных.

В рамках второго подхода, нацеленного на конкретные исследовательские задачи, используется группировка уже полученных таксонов. Этим обеспечивается единый взгляд на рассматриваемый материал и четкость границ тех его подразделений, которые целесообразны для

хронологических выкладок, рассмотрения эволюционных рядов и других задач данной работы. Для понимания культурно-исторического контекста использованы наблюдения ряда специалистов. Специальные разработки в этом направлении на современном уровне потребовали бы привлечения материалов, далеко выходящих за рамки рассматриваемых территории и хронологических границ.

В погребальных памятниках Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. детали ременных гарнитур различной степени сохранности зафиксированы в 777 погребениях.

При создании классификации ременных гарнитур учтены типологически определимые материалы из комплексов Ангасякского (17 погр.), Ахмеровского II (1 погр.), Бахмутинского (7 погр., раскопки 1960 г.), Береговского II (1 погр.), Бирского (247 погр.), Булгарского I (1 погр.), Галановского II (1 погр.), Дежневского (12 погр.), Камбулатовского I (1 погр.), Кара-Тамакского (5 погр.), Красногорского II (2 погр.), Кувыковского (1 погр.), Кушнарниковского (8 погр.), Лагереvского (10 погр.), Мало-Качакского (2 погр.), Манякского (16 погр.), Ново-Биккинского (1 погр.), Ново-Турбаслинского (17 погр.), Салиховского (6 погр.), Старо-Кабановского (71 погр.), Старо-Муштинского (23 погр.), Сынтыш-Тамакского (3 погр.), Шареевского (3 погр.), Шиповского (35 погр.), Югомашевского (22 погр.) могильников, могильника Чайка-1 (2 погр.), Новиковского погребения, женского погребения во дворе Башмединститута, погребения на ул. Менделеева (д. 10), погребения на ул. Мустая Карима (д. 33), погребения у Театра оперы и балета, погребения на ул. Тукаева (г. Уфа), погребения у г. Ишимбай, – всего из 522 погребений (табл. 4)⁶.

Кроме того, учтены материалы Кушнарниковского селища (раскопки 1959 г.), Ново-Турбаслинского II селища (раскопки 1958 г.), Романовского II

---

⁶ Парные / коллективные захоронения (например, пп. 268а и 268б Шиповского могильника), а также «тайники» при подсчете общего числа погребений учтены в рамках одного, того или иного комплекса; в таблицах же у каждого захоронения – отдельная строка.

селища (раскопки 1989 г.), Янгантауского селища (раскопки 1963 г.), городищ Уфа-I (раскопки 1973 г.) и Уфа-II (раскопки 2006 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г.), а также депаспортизированные коллекции Бахмутинского (раскопки 1915 г., 1921 г., 1928 г.), Мало-Качакского, Старо-Муштинского, Бирского, Ново-Турбаслинского могильников, городища Уфа-II и Кувыковского городища, Никольских находок (табл. 6–7).

В силу различных причин (плохая сохранность материала, утеря предмета и др.) типы ременных принадлежностей не определены в Ангасякском (21 погр.), Бахмутинском (2 погр., раскопки 1960 г.), Бирском (103 погр.), Дежневском (3 погр.), Кара-Тамакском (5 погр.), Кушнарниковском (2 погр.), Мало-Качакском (6 погр.), Манякском (1 погр.), Ново-Турбаслинском (1 погр.), Салиховском (2 погр.), Старо-Кабановском (35 погр.), Старо-Муштинском (6 погр.), могильнике Чайка-1 (1 погр.), Шареевском (2 погр.), Шиповском (45 погр.), Югомашевском (19 погр.) могильниках, погребении на ул. Егора Сазонова (г. Уфа), – всего в 255 комплексах (табл. 5).

2.1. Пряжки

(539 экз.)

При выделении отделов учтено наличие неподвижного / подвижного язычка на рамке пряжки; при выделении подотделов учитывалось количество составных элементов (бесщитковые, с металлическими обоймами / щитками)⁷ и способ крепления к ремню; при выделении групп учитывалась техника изготовления рамки (неполые / полые рамки).

При выделении типов, вариантов и подвариантов пряжек особое внимание уделялось следующим признакам:

---

⁷ Согласно И.О. Гавритухину, «различие терминов «щиток» и «обойма» представляется таким: обойма – система, обеспечивающая крепление рамки пряжки к ремню; щиток – верхняя (обычно специально декорированная) пластина у ряда типов обойм» (Гавритухин, 2023а. С. 189). В данном исследовании термин «щиток» употребляется в основном при описании сложнопрофилированных обойм.

1. Для рамок: внешний контур рамки; наличие или отсутствие утолщения в ее передней части; сечение рамки.

2. Для язычков: длина язычка; степень охвата им рамки в ее передней части; наличие или отсутствие уступа / площадки у основания язычка; степень выраженности уступа; наличие или отсутствие прогиба язычка.

3. Для обойм / щитков: форма контура; способ крепления к ремню.

4. Общие признаки: орнаментальные особенности, техника нанесения орнамента, материал изготовления.

**Отдел I. Цельнолитые; с неподвижным
крючком-застежкой на рамке**

(3 экз.)

***Подотдел А. Бесщитковые;
ремень накидывался на заднюю часть рамки***

(1 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 8; рис. 3, 1). Круглорамчатые. Материал: цветной металл. Размеры: D = 2,5 см.

Местонахождение типа IA.1: Ангасякский могильник (п. 5).

***Подотдел Б. Щитковые; крепление к ремню
при помощи неподвижной задней планки***

(2 экз.)

Тип 1 (1 экз., табл. 9; рис. 3, 2). Щиток округлой формы. Материал: цветной металл. Размеры: 2,5 x 3,5 см.

Местонахождение типа IB.1: Ангасякский могильник (п. 4).

Тип 2 (1 экз., табл. 10; рис. 3, 3). Щиток прямоугольной формы, состоит из основы, обложенной с двух сторон тонкими листами металла и украшенной «веревочным» орнаментом по краю. Материал: цветной металл. Размеры: 1,8 x 3,2 см.

Местонахождение типа IB.2: Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., п. 2).

Отдел II. Пряжки с подвижным язычком на рамке

(536 экз.)

Подотдел А. Бесщитковые пряжки;

ремень накидывался на заднюю часть рамки

(175 экз.)

Группа 1. С неполными рамками

(165 экз.)

Тип 1 (55 экз.). Круглые или овальные рамки, равномерные по толщине. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (54 экз.). С прямыми язычками без выраженного заднего уступа.

Подвариант 1 (32 экз.; табл. 11–12; рис. 3, 4). Язычки не выходят за внешний край рамки. Размеры: D = 2–2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.1а1: 1) Ангасякский могильник (пп. 28, 39, 92); 2) Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); 3) Бирский могильник (пп. 307, 342, 345, 346, 422, 467, 468а, 483, 513, 551, 589, 634, 641, 688); 4) Кара-Тамакский могильник (п. 8а); 5) Старо-Кабановский могильник (пп. 35а, 53, 57а); 6) Старо-Муштинский могильник (кург. 2, п. 5; кург. 10, п. 6); 7) Шиповский могильник (пп. 48б, 59, 82, 91, 96, 282).

Подвариант 2 (22 экз.; табл. 13; рис. 3, 5). Язычки немного выступают за внешний край рамки; встречаются рамки как круглого, так и подпрямоугольного сечения. Материал: цветной металл, железо. Размеры: D = 2–3,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.1а2: 1) Бахмутинский могильник (п. 13); 2) Бирский могильник (пп. 308, 331, 406, 468б, 506б, 507, 552, 555а, 593, 604, 675а, 680а); 3) Старо-Муштинский могильник (р. V, пп. 7, 9); 4) Шиповский могильник (пп. 99, 118, 261, 268б); 5) Югомашевский могильник (р. II, п. 11).

Вариант б (1 экз.; табл. 14; рис. 3, б). Язычок с выступом-«площадкой» у основания, не выходящий за внешний край рамки. Размеры: D = 2,1 см.

Местонахождение типа ПА.1.1б: Шиповский могильник (п. 313).

Тип 2 (93 экз.). Круглые или овальные пряжки с утолщенной в передней части рамкой. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (5 экз.). С короткими, прогнутыми в середине язычками.

Подвариант 1 (1 экз., табл. 15; рис. 3, 7). Без уступа / выступа «площадки» у основания язычка. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2a1: Ахмеровский II могильник (кург. 11).

Подвариант 2 (4 экз., табл. 16; рис. 3, 8). С выступом-«площадкой» у основания язычка. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2a2: 1) Бирский могильник (п. 559); 2) Старо-Муштинский могильник (кург. 15, п. 3; кург. 16, п. 1); 3) Шиповский могильник (п. 187).

Вариант б (11 экз.). С короткими прямыми язычками без выраженного заднего уступа.

Подвариант 1 (9 экз., табл. 17; рис. 3, 9). Язычки не выходят за внешний край рамки. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2б1: 1) Бирский могильник (пп. 43, 50, 562, 650, 686); 2) Старо-Кабановский могильник (п. 65); 3) Шиповский могильник (пп. 177, 228); 4) Югомашевский могильник (р. II, п. 22).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 18; рис. 3, 10). Язычки немного выступают за внешний край рамки. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2б2: 1) Старо-Кабановский могильник (п. 12); 2) Югомашевский могильник (р. II, п. 19).

Вариант в (18 экз.). С язычками без прогиба в средней части, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания. Размеры: D = 1,5-2 см.

Подвариант 1 (11 экз.; табл. 19; рис. 3, 11). Язычки не выходят за внешний край рамки. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2в1: 1) Ангасякский могильник (п. 80); 2) Бирский могильник (пп. 506а, 581, 665, 680а); 3) погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа); 4) Старо-Кабановский могильник (пп. 4, 22, 45, 112, 116).

Подвариант 2 (7 экз.; табл. 20–21; рис. 3, 12). Язычки пряжек выступают за внешний край рамки, но не доходят до ее середины. Размеры: D = 2-3 см.

Местонахождение типа ПА.1.2в2: 1) Бирский могильник (пп. 470, 587, 654, 655); 2) Мало-Качакский могильник (раскопки 1970 г., подъемный материал); 3) Старо-Кабановский могильник (п. 86); 4) Югомашевский могильник (р. III, п. 9).

Вариант з (41 экз.). С язычками, доходящими до середины высоты рамки.

Подвариант 1 (24 экз.; табл. 22–24; рис. 3, 13). С низким уступом или выступом-«площадкой» у основания язычка. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2г1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., п. 6); 2) Бирский могильник (пп. 41, 48, 68, 70, 398, 627); 3) Дежневский могильник (раскопки 1989 г., кург. 9); 4) Кара-Тамакский могильник (пп. 7, 17а); 5) Мало-Качакский могильник (раскопки 1970 г., п. 11; ПМ); 6) Старо-Кабановский могильник (пп. 1, 13, 14, 25, 41); 7) Старо-Муштинский могильник (кург. 17, п. 3, «тайник»); 8) городище Уфа-I (раскопки 1973 г.); 9) Югомашевский могильник (р. II, п. 10).

Подвариант 2 (17 экз.; табл. 25; рис. 3, 14). С высоким уступом у основания язычка. Размеры: D = 2-2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.2г2: 1) Бирский могильник (пп. 25, 58, 59, 60, 399); 2) Кара-Тамакский могильник (пп. 8а, 8б); 3) Старо-Кабановский могильник (пп. 22, 24, 55); 4) Старо-Муштинский могильник (р. V, п. 6; р. VII, п. 4; кург. 17, п. 3, «тайник»); 5) Югомашевский могильник (раскопки 1967 г., п. 1; р. II, п. 17).

Вариант д (18 экз.). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания.

Подвариант 1 (17 экз.; табл. 26–28; рис. 3, 15). Без декора. Размеры: D = 2-3 см.

Местонахождение типа ПА.1.2д1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., пп. 6, 10; раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 1, 3, 10, 13, 44, 56, 169, 177, 298); 3) Дежневский

могильник (раскопки 1967 г., кург. 30); 4) Камбулатовский I могильник (кург. 1); 5) Никольские находки; 6) городище Уфа-II (раскопки 2016 г.).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 29; рис. 3, 16). С поперечными насечками на кончике язычка. Размеры: D = 2-3 см.

Местонахождение типа ПА.1.2д2: Бирский могильник (п. 169).

Тип 3 (5 экз.; табл. 30–31; рис. 3, 17). Сегменторамчатые; с хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания. Материал: цветной металл. Размеры: 2,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.3: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 222, 297); 3) Никольские находки.

Тип 4 (1 экз.; табл. 32; рис. 3, 18). Рамка удлиненной подпрямоугольной формы, с прогнутыми внутрь боками; с прямым язычком, не выходящим за внешний край рамки. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 4 x 6 см.

Местонахождение типа ПА.1.4: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 9, п. 3).

Тип 5 (3 экз.; табл. 33; рис. 3, 19). С удлиненной трапециевидной либо прямоугольной рамкой; рамки круглого, овального или ромбического сечения; с язычками, не выступающими далеко за внешний край рамки. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 3-4,5 x 4-5 см.

Местонахождение типа ПА.1.5: 1) Бирский могильник (п. 379); 2) Манякский могильник (р. I, п. 17); 3) Шареевский могильник (п. 16).

Тип 6 (2 экз.). Прямоугольные горизонтально-удлиненные пряжки. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (1 экз.; табл. 34; рис. 3, 20). С фасетированной квадратной рамкой с площадками по углам; с коротким, прогнутым в середине язычком. Размеры: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.6а: Салиховский могильник (кург. 7).

Вариант б (1 экз.; табл. 35; рис. 4, 1). С рамкой прямоугольного сечения; с прямым язычком, выступающим за внешний край рамки. Размеры: 2,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.6б: Кушнаренковский могильник (п. 27).

Тип 7 (1 экз.; табл. 36; рис. 4, 2). С лировидной рамкой многогранного сечения; с длинным язычком, имеющим выступ-«фиксатор» у основания. Материал: железо. Размеры: 3 x 4,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.7: Бирский могильник (п. 430).

Тип 8 (5 экз.). В-образные пряжки. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (1 экз.; табл. 37; рис. 4, 3). С коротким язычком, не выступающим за внешний край рамки. Размеры: 2,5 x 5 см.

Местонахождение типа ПА.1.8а: Старо-Муштинский могильник (р. V, п. 6).

Вариант б (1 экз.; табл. 38; рис. 4, 4). С рамкой круглого сечения; с хоботковидным язычком из цветного металла, имеющим выступ-«площадку» у основания и декор в виде крестовидной насечки. Размеры: 2 x 4 см.

Местонахождение типа ПА.1.8б: Камбулатовский I могильник (кург. 1).

Вариант в (1 экз.; табл. 39; рис. 4, 5). С рамкой круглого сечения; с хоботковидным язычком, имеющим уступ у основания. Размеры: 4,2 x 4,5 см.

Местонахождение типа ПА.1.8в: Бирский могильник (п. 42).

Вариант г (1 экз.; табл. 40; рис. 4, 6). С широкой уплощенной рамкой; с язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания. Размеры: 2 x 4,7 см.

Местонахождение типа ПА.1.8г: Бирский могильник (п. 25).

Вариант д (1 экз.; табл. 41; рис. 4, 7). С рамкой ромбического сечения; с длинным двухскатным язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания и зооморфную переднюю часть. Размеры: 2,5 x 3 см.

Местонахождение типа ПА.1.8д: Дежневский могильник (раскопки 1968 г., кург. 2).

Группа 2. С полыми рамками

(10 экз.)

Тип 1 (4 экз.). В-образные, с выемками по краям. Материал: цветной металл.

Вариант а (1 экз.; табл. 42; рис. 4, 8). С язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания и не выходящим за внешний край рамки. Размеры: 2 х 3 см.

Местонахождение типа ПА.2.1а: Бирский могильник (п. 295).

Вариант б (3 экз.; табл. 43; рис. 4, 9, 10). С язычками, имеющим выступ-«фиксатор» у основания и не выступающими за внешний край рамки; в одном случае пряжка имела короткий прямой язычок, который, судя по всему, являлся заменой после утери «родного» язычка. Размеры: 2,5 х 4 см.

Местонахождение типа ПА.2.1б: 1) Береговский II могильник (кург. 1); 2) Кушнаренковский могильник (п. 4); 3) Лагереvский могильник (кург. 57).

Тип 2 (1 экз.; табл. 44; рис. 4, 11). Трапециевидной формы со скругленными углами, края рамки – волнистые; язычок с выступом-«площадкой» у основания, заходит за внешний край рамки. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 х 2 см.

Местонахождение типа ПА.2.2: Камбулатовский I могильник (кург. 1).

Тип 3 (4 экз.; табл. 45–46; рис. 4, 12, 13). С лировидными рамками, имеющими «ложе» для язычка; у одной пряжки – язычок не выходит за внешний край рамки и имеет высокий выступ-«фиксатор»; в остальных случаях язычки не сохранились – судя по всему, они были изготовлены из железа. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 2,5-3 х 3-5,5 см.

Местонахождение типа ПА.2.3: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Лагереvский могильник (кург. 54); 3) Манякский могильник (р. II, п. 11); 4) Никольские находки.

Тип 4 (1 экз.; табл. 47; рис. 4, 14). С высокой полый рамкой усечено-конической формы; язычок не сохранился. Материал: цветной металл. Размеры: D = 2 см.

Местонахождение типа ПА.2.4: Салиховский могильник (кург. 22).

***Подотдел Б. Трехсоставные пряжки с подвижными язычками;
с обоймами из согнутой пополам пластины, перегибавшейся через
заднюю часть рамки; ремень зажимался между двумя сторонами обоймы***
(304 экз.)

Группа 1. С неполными рамками
(262 экз.)

Тип 1 (23 экз.; табл. 48; рис. 4, 15, 16). С овальными, в некоторых случаях – В-образными рамками; с короткими язычками, не выступающими за передний край рамки; с подпрямоугольными обоймами с прогнутыми боками. Отдельные экземпляры крепились к ремню при помощи шпеньков с бронзовыми шляпками-«полугорошинами». Материал: железо, цветной металл. Размеры: 3-4 x 8-11 см.

Местонахождение типа ИБ.1.1: 1) Ангасякский могильник (пп. 14, 15, 29, 37, 46); 2) Бирский могильник (пп. 313, 320, 329, 332, 343, 461, 481, 541, 550, 557, 563, 649, 658б, 687); 3) Старо-Муштинский могильник (кург. 17, п. 1); 4) Шиповский могильник (пп. 252, 268а).

Тип 2 (1 экз.; табл. 49; рис. 4, 17). С округлой рамкой восьмигранного сечения; с коротким, немного прогнутым в середине язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания; с обоймой трапецевидной формы с выделенным более широким овальным окончанием; на краях щитка имеется декор в виде треугольных насечек; крепление к ремню происходило при помощи шпенька. Материал: цветной металл. Размеры: 2,7 x 7 см.

Местонахождение типа ИБ.1.2: Шиповский могильник (п. 197).

Тип 3 (6 экз.; табл. 50; рис. 4, 18). С округлыми рамками, равномерными по толщине; с прямыми, короткими язычками; с обоймами круглой формы. Материал: железо. Размеры: 5-5,5 x 7-7,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.3: Бирский могильник (пп. 335, 462а, 503, 536, 550, 677).

Тип 4 (4 экз.; табл. 51; рис. 5, 1, 2). С округлыми рамками, равномерными по толщине; с короткими прямыми или немного прогнутыми в средней части язычками; с удлиненными подпрямоугольными обоймами;

крепление к ремню происходило при помощи 1-2 шпеньков. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 2,5-3 x 4-7 см.

Местонахождение типа ИБ.1.4: Шиповский могильник (пп. 60, 67, 104, 208).

Тип 5 (6 экз.; табл. 52; рис. 5, 3). С округлыми рамками, равномерными по толщине; с короткими прямыми или немного прогнутыми в средней части язычками; с короткими прямоугольными или трапециевидными обоймами, близко подогнанными к рамке; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Встречаются как полностью железные, так и биметаллические экземпляры. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 2-2,4 x 4-4,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.5: 1) Бирский могильник (пп. 516б, 521); 2) Манякский могильник (р. II, п. 1); 3) Старо-Муштинский (р. III, п. 8; кург. 2, п. 4); 4) Шиповский могильник (п. 264).

Тип 6 (1 экз.; табл. 53; рис. 5, 4). С округлой рамкой, равномерной по толщине; с прямым язычком, не выходящим за внешний край рамки; с треугольной обоймой; крепление к ремню происходило при помощи шпенька. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 4,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.6: Бирский могильник (п. 494).

Тип 7 (1 экз.; табл. 54; рис. 5, 5). С округлой рамкой, равномерной по толщине; с коротким прямым язычком; с удлиненно-овальной обоймой; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 2,5 x 3 см.

Местонахождение типа ИБ.1.7: Шиповский могильник (п. 269).

Тип 8 (1 экз.; табл. 55; рис. 5, 6). С круглой рамкой, равномерной по толщине; с коротким язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания; с обоймой круглой формы. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 3 см.

Местонахождение типа ИБ.1.8: Бирский могильник (п. 313).

Тип 9 (22 экз.). С круглыми или овальными, утолщенными в передней части рамками; с треугольными обоймами; крепление к ремню происходило

при помощи шпеньков из бронзы или железа. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (2 экз.; табл. 56; рис. 5, 4). С короткими язычками, не выходящими за внешний край рамки. Размеры: 2-2,5 x 4-5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.9а: Бирский могильник (п. 604).

Вариант б (10 экз.; табл. 57; рис. 5, 8). С язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки. Размеры: 2-2,5 x 2-5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.9б: 1) Старо-Кабановский могильник (пп. 80, 95, 115, 124, 145); 2) Югомашевский могильник (р. II, пп. 7, 8, 20).

Вариант в (10 экз.; табл. 58–59; рис. 5, 9). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания; у некоторых экземпляров пряжек на язычках нанесен декор в виде поперечных насечек; в ряде случаев шпеньки, при помощи которых пряжки крепились к ремню, имели шляпки-«полугорошины». Размеры: 2,5 x 4,5-5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.9в: 1) Бирский могильник (пп. 2, 12, 52, 61, 128, 237, 242); 2) Кувыковское городище (подъемный материал).

Тип 10 (70 экз.). С круглыми или овальными, утолщенными в передней части рамками; с обоймами прямоугольной или близкой к ней форм; некоторые щитки были украшены круглыми вдавлениями или орнаментом в виде концентрических кругов; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 шпеньков из цветного металла или железа. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (1 экз.; табл. 60; рис. 5, 10). С язычком, прогнутым в средней части и не выходящим за внешний край рамки. Размеры: 2 x 4 см.

Местонахождение типа ИБ.1.10а: Ахмеровский могильник (раскопки 1973 г., кург. 11).

Вариант б (1 экз.; табл. 61; рис. 5, 12). С язычком, прогнутым в средней части и имеющим выступ-«площадку» у основания, язычок выходит за

внешний край рамки; с орнаментом на щитке в виде концентрических кругов. Размеры: 4 x 7 см.

Местонахождение типа ПБ.1.10б: Салиховский могильник (раскопки 1967 г., кург. 33).

Вариант в (5 экз.; табл. 62; рис. 5, 11). С короткими язычками без прогиба в средней части. Размеры: 2,5 x 3,4-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.10в: 1) Бирский могильник (п. 315); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 98, 120, 132а).

Вариант г (5 экз.; табл. 63; рис. 5, 13). С язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания; язычки выходят за внешний край рамки, но не доходят до ее середины. Размеры: 2,5 x 3,4-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.10г: 1) Бирский могильник (п. 653); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 17, 21, 99, 115).

Вариант д (2 экз.; табл. 64; рис. 5, 14). С язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания и достигающими до середины высоты рамки. Размеры: 2,5 x 3,4-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.10д: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., п. 6); 2) Старо-Кабановский могильник (п. 90).

Вариант е (56 экз.; табл. 65–66; рис. 5, 15, 16). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания; на некоторых язычках – поперечные насечки на кончике. Размеры: 1-3 x 4-6 см.

Местонахождение типа ПБ.1.10е: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., пп. 5, 12); 2) Бирский могильник (пп. 2, 21, 29, 39, 46, 75, 95, 108, 114, 117, 125, 126, 128, 137, 155, 166, 172, 226, 237, 238, 243, 245, 288, 290, 298, 311, 396); 3) Дежневский могильник (раскопки 1967 г., кург. 30; раскопки 1989 г., кург. 1; кург. 15, п. 2; раскопки 1990 г., кург. 21, п. 2; раскопки 2005 г., кург. 103); 4) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 4); 5) Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 1, п. 2); 6) городище Уфа-II

(раскопки 2014 г., 2015 г., 2016 г.); 7) могильник Чайка-1 (раскопки 2014 г., кург. 1).

Тип 11 (40 экз.). С круглыми или овальными, утолщенными в передней части рамками; с трапециевидными обоймами; крепление к ремню происходило при помощи 1-3 шпеньков, в основном бронзовых, реже – железных. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (4 экз.; табл. 67; рис. 5, 17). С язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки. Размеры: 2,2 x 3-3,3 см.

Местонахождение типа ИБ.1.11а: Югомашевский могильник (р. II, пп. 6, 24).

Вариант б (36 экз.). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания; на некоторых язычках – поперечные насечки на кончике.

Подвариант 1 (21 экз.; табл. 68; рис. 6, 1, 2). Щитки пряжек без дополнительного декора. Размеры: 2,5-3 x 5-7 см.

Местонахождение типа ИБ.1.11б1: Бирский могильник (пп. 71, 78, 93, 101, 126, 133, 139, 154, 158, 169, 195, 239, 280, 285).

Подвариант 2 (15 экз.; табл. 69; рис. 6, 3-5). Щитки пряжек «вычурной» формы обильно украшены насечками и выемками по краям. Размеры: 2,5-3 x 5-7 см.

Местонахождение типа ИБ.1.11б2: Бирский могильник (пп. 52, 81, 89, 113, 116, 189, 272).

Тип 12 (67 экз.). С круглыми или овальными, утолщенными в передней части рамками; с сегментовидными обоймами; крепление к ремню при помощи 1-3 шпеньков из бронзы, иногда – из железа. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (3 экз.; табл. 70; рис. 6, б). С короткими, немного прогнутыми в средней части язычками; в некоторых случаях они имеют декор из крестообразных насечек у основания. Размеры: 2,5 x 3,4-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.12а: Старо-Кабановский могильник (пп. 54, 62, 113).

Вариант б (12 экз.; табл. 71; рис. 6, 7). С короткими язычками, не выходящими за внешний край рамки или немного за нее выступающими; у некоторых экземпляров пряжек язычки имеют уступ или выступ-«площадку» у основания. Размеры: 2-3 x 3-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.12б: 1) Бирский могильник (пп. 550, 577, 578); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 35а, 69б, 88); 3) Старо-Муштинский могильник (р. I, п. 6; кург. 2, п. 3; кург. 7, п. 1; кург. 10, п. 6); 4) Югомашевский могильник (р. II, п. 64; р. III, п. 3).

Вариант в (18 экз.; табл. 72; рис. 6, 8). С язычками, выступающими за внешний край рамки, но не достигающими до ее середины. Размеры: 2,5 x 3,4-4 см.

Местонахождение типа ПБ.1.12в: 1) Ангасякский могильник (п. 28); 2) Бирский могильник (пп. 485, 565, 594, 606); 3) Старо-Кабановский могильник (пп. 2, 20, 36, 37, 42, 46, 68, 86, 124, 129, 138, 153); 4) Старо-Муштинский могильник (кург. 10, п. 3).

Вариант г (27 экз.; табл. 73; рис. 6, 9). С язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания и достигающими до середины высоты рамки. Размеры: 2-2,5x3-3,5 см.

Местонахождение типа ПБ.1.12г: 1) Бирский могильник (пп. 628, 644, 662, 670); 2) Кара-Тамакский могильник (пп. 18в, 18д); 3) Мало-Качакский могильник (раскопки 1967 г., п. 1); 4) Старо-Кабановский могильник (пп. 3, 4, 31, 69а, 70б, 72, 87, 100, 107, 112, 117а, 135, 149, 152); 5) Старо-Муштинский могильник (кург. 17, п. 3 и «тайник»); 6) Югомашевский могильник (р. I, п. 1; р. II, пп. 7, 61).

Вариант д (7 экз.; табл. 74; рис. 6, 10). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания. Размеры: 2-2,5 x 3-3,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.12д: Бирский могильник (пп. 12, 40, 42, 238, 285).

Тип 13 (8 экз.). С круглыми или овальными, утолщенными в передней части рамками; с круглыми или овальными обоймами; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл.

Вариант а (3 экз.; табл. 75–76; рис. 6, 11). С короткими, немного прогнутыми в средней части язычками; у некоторых экземпляров пряжек язычки имеют выступ-«площадку» и декор из крестообразных насечек у основания. Размеры: 2-2,5 х 4 см.

Местонахождение типа ИБ.1.13а: 1) Салиховский могильник (раскопки 1967 г., кург. 19); 2) Старо-Муштинский могильник (р. III, подъемный материал); 3) Шиповский могильник (п. 254).

Вариант б (1 экз.; табл. 77; рис. 6, 12). С коротким, прогнутым в середине язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания; с овальным фасетированным щитком. Размеры: 2 х 3 см.

Местонахождение типа ИБ.1.13б: Салиховский могильник (раскопки 1967 г., кург. 10).

Вариант в (4 экз.; табл. 78; рис. 6, 13). С хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания. Размеры: 2,5 х 4,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.13в: 1) Бирский могильник (пп. 265, 280); 2) Дежневский могильник (раскопки 1989 г., кург. 19, п. 1; раскопки 2005 г., кург. 103).

Тип 14 (8 экз.). С овальными или В-образными рамками, превышающими размер обоймы в 1,5-2 раза; у некоторых экземпляров рамки ромбического сечения; с хоботковидными язычками, имеющими уступ у основания; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 шпеньков. Материал: цветной металл.

Вариант а (4 экз.; табл. 79–80; рис. 6, 14). С подпрямоугольными обоймами; на одной из пряжек имеются следы ремонта в виде замены пластин щитка. Размеры: 3-3,5 x 4-5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.14а: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 3, 15, 173).

Вариант б (4 экз.; табл. 81; рис. 6, 15). С сегментовидными обоймами. Размеры: 3-3,5 x 3-4 см.

Местонахождение типа ИБ.1.14б: Бирский могильник (пп. 5, 157, 161, 296).

Тип 15 (1 экз.; табл. 82; рис. 6, 16). С круглой, утолщенной в передней части рамкой; с язычком, имеющим уступ у основания и достигающим до середины высоты рамки; с обоймой лунницевидной формы, украшенной напаянной вставкой в виде полумесяца, разделенного на 7 треугольников. По краям полумесяца – декор в виде «псевдозерни», в центральном треугольнике сохранилась вставка из красного стекла. Материал: цветной металл, стекло. Размеры: 2,5 x 3 см.

Местонахождение типа ИБ.1.15: Дежневский могильник (раскопки 1961 г., кург. 18, п. 1).

Тип 16 (1 экз.; табл. 83; рис. 6, 17). С сегментовидной, утолщенной в передней части рамкой многогранного сечения; с язычком, имеющим уступ у основания и не выходящим за внешний край рамки; обойма была, предположительно, прямоугольной формы. Материал: цветной металл. Размеры: 3,5 x 5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.16: Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., п. 7).

Тип 17 (1 экз.; табл. 84; рис. 6, 18). С овальной, утолщенной в передней части рамкой; с обоймой квадратной формы с загнутыми краями; с хоботковидным язычком, имеющим высокий уступ и декор из треугольных врезок на площадке. Материал: цветной металл. Размеры: 3 x 6 см.

Местонахождение типа ИБ.1.17: Дежневский могильник (раскопки 2005 г., кург. 103).

Тип 18 (1 экз; табл. 85; рис. 7, 1). С прямоугольной рамкой и прямоугольной обоймой; с хоботковидным язычком, имеющим уступ у основания. Размеры: 3,3 x 4,5 см.

Местонахождение типа ИБ.1.18: Бирский могильник (п. 2).

Группа 2. С полыми рамками

(42 экз.)

Тип 1 (36 экз.). Овальнорамчатые или с рамкой В-образной формы; с прямоугольными обоймами; составные части пряжек обкладывались позолоченной серебряной фольгой. Щиток украшался полихромными вставками, крепление вставок в гнездах происходило, возможно, при помощи пасты; обкладка из фольги имела декор в виде «псевдозерни». Пряжки к ремню крепились с помощью шпеньков либо в отверстие вставлялась согнутая пополам и расправленная на концах проволока («петля с усами»). Материал: цветной металл, стекло.

Вариант а (14 экз.; табл. 86; рис. 7, 5). На язычках мог быть декор в виде поперечных насечек как у основания, так и на конце. Щитки украшались 2-5 вставками из стекла коричневого, светло-коричневого или темно-красного цвета. Размеры: 3,2-3,6 x 5,2-6 см.

Местонахождение типа ИБ.2.1а: 1) Бирский могильник (пп. 77, 83, 123, 130, 156); 2) Галановский II могильник (п. 1); 3) Дежневский могильник (раскопки 1968 г., кург. 1, п. 3; раскопки 1989 г., кург. 19, п. 2; кург. 20); 4) Кувыковский могильник (п. 1); 5) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 8, п. 1; раскопки 1992 г., кург. 30); 6) погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа).

Вариант б (22 экз.; табл. 87; рис. 7, 2-4). Язычки встречаются как короткие, так и заходящие за внешний край рамки, иногда у основания язычка присутствует выступ-«площадка». Щитки украшались вставками из стекла

светло-зеленого, коричневого или светло-коричневого цвета. Размеры: 2,2-2,4 х 3,2-3,7 см.

Местонахождение типа ИБ.2.1б: 1) Бирский могильник (пп. 77, 88, 111, 124, 130, 156, 165); 2) Кувыковский могильник (п. 1); 3) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 11, п. 1); 4) погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа).

Тип 2 (2 экз.). С В-образной или близкой по форме к овалу рамками; с обоймами полуовальной формы; с язычками, имеющими выступ-«фиксатор» у основания; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл.

Вариант а (1 экз.; табл. 88; рис. 7, 6). С В-образной рамкой. Размеры: 5 х 6 см.

Местонахождение типа ИБ.2.2а: Бирский могильник (п. 165).

Вариант б (1 экз.; табл. 89; рис. 7, 7). С овальной рамкой. Размеры: 3,5 х 5,8 см.

Местонахождение типа ИБ.2.2б: Бирский могильник (п. 225).

Тип 3 (1 экз.; табл. 90; рис. 7, 8). С прямоугольной рамкой; с подпрямоугольной раздвоенной обоймой; форма язычка неопределима, судя по всему, он был изготовлен из железа и в дальнейшем утерян. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 2,5 х 4,5 см.

Местонахождение типа ИБ.2.3: Бирский могильник (п. 147).

Тип 4 (2 экз.; табл. 91; рис. 7, 9). С В-образными рамками; с обоймами овальной формы, имеющими полукруглые выступы с отверстиями для крепления к ремню; язычки были как железные (неопределимой формы), так и бронзовые – короткие, с выступом-«фиксатором» у основания. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 3,5 х 6 см.

Местонахождение типа ИБ.2.4: Бирский могильник (пп. 170, 299).

Тип 5 (1 экз.; табл. 92; рис. 7, 10). С В-образной рифленой рамкой, имеющей «ложе» для язычка; с хоботковидным язычком с поперечными

насечками у основания и на конце; с прямоугольной обоймой с гофрированными «лапками»; крепление к ремню происходило при помощи 2 шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Материал: цветной металл. Размеры: 4,5 x 5 см.

Местонахождение типа ПБ.2.5: Бирский могильник (п. 18).

Подотдел В. Пряжки с подвижным язычком и неподвижным щитком; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков или же штифтов, расположенных с внутренней стороны щитка
(57 экз.)

Группа 1. С неполными рамками

(1 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 93; рис. 7, 11). С овальной рамкой; с длинным язычком, имеющим выступ-«фиксатор» у основания; с удлинённым «геральдическим» щитком; крепление к ремню происходило при помощи 3 штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 4,5 см.

Местонахождение типа ПБ.1.1: Бирский могильник (п. 423).

Группа 2. С полными рамками

(56 экз.)

Тип 1 (2 экз.; табл. 94; рис. 7, 12). С В-образными рамками; с короткими щитками полуовальной формы; с фасетированными язычками, имеющими выступ-«площадку» у основания; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПБ.2.1: могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Тип 2 (1 экз.; табл. 95; рис. 7, 13). С В-образной рамкой; с треугольным щитком; с двухскатным язычком, имеющим выступ-«площадку» у основания и декор в виде насечек на конце; крепление к ремню происходило при помощи 3 шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа ПБ.2.2: Бирский могильник (п. 165).

Тип 3 (4 экз.; табл. 96; рис. 7, 14). С овальными рамками; с треугольными щитками, имеющими по краям круглые выступы с отверстиями

для крепления к ремню; с длинными язычками, имеющими выступ-«площадку» у основания. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 3,5-4 см.

Местонахождение типа ПВ.2.3: Бирский могильник (пп. 127, 156).

Тип 4 (8 экз.; табл. 97; рис. 7, 15). С овальными или В-образными рамками; с прямоугольными щитками с прогнутыми боками и задней стороной; с язычками, имеющими уступ или выступ-«площадку» у основания; крепление к ремню происходило при помощи бронзовых или железных шпеньков. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 2-2,5 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа ПВ.2.4: Бирский могильник (пп. 138, 156, 263, 266, 286).

Тип 5 (2 экз.; табл. 98; рис. 7, 16). С овальными рамками; на одном из язычков зафиксирован декор в виде поперечных насечек у основания и на конце; с полуовальными щитками; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с шляпками-«полугорошинами». Материал: цветной металл. Размеры: 2,2-2,5 x 3-3,5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.5: 1) Бирский могильник (п. 220); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 23, п. 1).

Тип 6 (2 экз.; табл. 99–100; рис. 7, 17, 18). С овальными рамками, имеющими «ложе» для язычка; с раздвоенными щитками; язычок, зафиксированный на одной из пряжек, не выходил за внешний край рамки и имел выступ-«фиксатор» у основания. Материал: цветной металл. Размеры: 3 x 3,5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.6: 1) Манякский могильник (р. II, п. 11); 2) Никольские находки.

Тип 7 (11 экз.). С лировидными рамками, имеющими «ложе» для язычка. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (10 экз.). С щитками «геральдической» формы; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 штифтов.

Подвариант 1 (4 экз.; табл. 101; рис. 8, 1). С короткими щитками; с короткими язычками, имеющими выступ-«фиксатор» у основания. В одном случае (погребение № 1 у Театра оперы и балета) язычок, изготовленный из прямоугольного дрота, был прямым и выступал далеко за пределы рамки, – судя по всему, он был поставлен древним мастером в качестве замены после утери «родного» язычка. Размеры: 2-2,5 x 3-4 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7а1: 1) Бирский могильник (пп. 400, 401, 423; 2) погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 102; рис. 8, 2). С короткими щитками; с длинными язычками, имеющими выступ-«фиксатор» у основания. Размеры: 1,5 x 2,8 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7а2: Кушнарниковский могильник (п. 2).

Подвариант 3 (2 экз.; табл. 103; рис. 8, 3). С щитками средних размеров; форма язычков не определима. Размеры: 1,5-2 x 3 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7а3: Манякский могильник (р. II, пп. 4, 12).

Подвариант 4 (1 экз.; табл. 104; рис. 8, 4). С щитком средних размеров, имеющим прямоугольную прорезь в центре; язычок изготовлен из железа, его форма не определима. Размеры: 2,5 x 3,5 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7а4: Манякский могильник (р. II, п. 2).

Подвариант 5 (1 экз.; табл. 105; рис. 8, 5). С удлиненным щитком; язычок, изготовленный из железа, не выходит за внешний край рамки, его форма не определима. Размеры: 2,5 x 4 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7а5: Бирский могильник (п. 416).

Вариант б (1 экз.; табл. 106; рис. 8, б). С прямоугольным щитком; с длинным, немного прогнутым в средней части язычком, – судя по всему, он был поставлен после утери «родного» язычка. Размеры: 2,5 x 4 см.

Местонахождение типа ИВ.2.7б: Манякский могильник (р. I, п. 1).

Тип 8 (15 экз.). С трапециевидной или прямоугольной рамками; в большинстве случаев – с «ложем» для язычка; крепление к ремню происходило при помощи штифтов, иногда – при помощи шпеньков. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (6 экз.; табл. 107; рис. 8, 7, 13). С щитками «геральдической» формы без выемок по бокам; язычки встречаются как с выступом-«площадкой» у основания, так и без него. Размеры: 4 x 4-5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.8а: 1) могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7); 2) Кушнарниковский могильник (п. 17); 3) Ново-Биккинский курган («тайник»); 4) Новиковское погребение (г. Уфа); 5) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 2).

Вариант б (4 экз.; табл. 108; рис. 8, 9, 10). С прямоугольными щитками; язычки могли быть как с выступом-«фиксатором» у основания, так и без него. Размеры: 2 x 2-2,2 см.

Местонахождение типа ПВ.2.8б: 1) Бирский могильник (п. 352); 2) Береговский II могильник (кург. 1); 3) Манякский могильник (р. II, п. 9); 4) Ново-Биккинский курган.

Вариант в (1 экз.; табл. 109; рис. 8, 11). С рамкой, имеющей узкую щель для продевания ремня; с прямоугольным щитком; с язычком, имеющим уступ у основания и облегающим рамку. Размеры: 2,5 x 3 см.

Местонахождение типа ПВ.2.8в: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957-1958 гг., депаспортизировано).

Вариант г (4 экз.; табл. 110; рис. 8, 8, 12). С щитками «геральдической» формы с полукруглыми выемками при переходе к рамке; язычки могли быть как с выступом-«фиксатором» у основания, так и прямыми. Размеры: 2,5-3 x 3-4 см.

Местонахождение типа ПВ.2.8г: 1) Бирский могильник (п. 181); 2) Кушнарниковский могильник (п. 17); 3) женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа).

Тип 9 (10 экз.). С В-образными рамками, имеющими «ложе» для язычка; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл, железо (?).

Вариант а (4 экз.; табл. 111–112; рис. 8, 14). С щитками полуовальной формы, иногда с приостренным концом или «геральдического» вида; язычки у пряжек не сохранились. Размеры: 4-5 x 4,5-6 см.

Местонахождение типа ПВ.2.9а: 1) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 10, п. 1); 2) Никольские находки; 3) погребение у г. Ишимбай.

Вариант б (2 экз.; табл. 113–114; рис. 8, 15). В центре щитка «геральдической» формы – прорезь, повторяющая основной его контур; язычок не сохранился. Размеры: 4 x 5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.9б: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); 2) Новиковское погребение (г. Уфа).

Вариант в (1 экз.; табл. 115; рис. 8, 16). С подпрямоугольным щитком, имеющим полукруглые выемки при переходе к рамке; язычок с небольшим выступом-«площадкой» у основания, не выходит за внешний край рамки. Размеры: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.9в: Ново-Биккинский курган («тайник»).

Вариант г (1 экз.; табл. 116; рис. 8, 17). С прорезным щитком; с длинным язычком, имеющим выступ-«фиксатор» у основания. Размеры: 3 x 5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.9г: Лагеревский могильник (кург. 46, п. 2).

Вариант д (1 экз.; табл. 117; рис. 8, 18). С полуовальным щитком; язычок с выступом-«фиксатором» у основания. Размеры: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа ПВ.2.9д: Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 10).

Вариант е (1 экз.; табл. 118; рис. 8, 19). С щитком «геральдической» формы с прогнутыми боками; язычок не сохранился. Размеры: 3,5 x 5,5 см.

Местонахождение типа ИВ.2.9е: Никольские находки.

Тип 10 (1 экз.; табл. 119; рис. 8, 20). С овальной рамкой, имеющей валикообразный выступ по нижнему краю и «ложе» для язычка; с пятиугольным щитком; язычок с высоким выступом-«фиксатором» у основания и зооморфной передней частью; крепление к ремню происходило при помощи штифтов с пластинами-заклепками. Материал: цветной металл. Размеры: 2,5 x 3,5 см.

Местонахождение типа ИВ.2.10: Бирский могильник (п. 417).

2.2. Ременные наконечники

(324 экз.)

Весь доступный материал разделен на отделы – по способу крепления к ремню, на подотделы – по способу соединения составных частей наконечников между собой, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

Отдел I. Из согнутой пополам пластины; основа ремня зажималась между сторонами наконечника и закреплялась шпеньками

(145 экз.)

Тип 1 (128 экз.). Прямоугольной либо трапециевидной формы; с цилиндрическим расширением на месте сгиба пластины; практически все экземпляры – из цветного металла, отдельные изделия – биметаллические, с железными шпеньками. Материал: цветной металл, железо.

Подтип 1 (85 экз.). Без декора.

Вариант а (30 экз.; табл. 120–121; рис. 9, 1). Короткие. Размеры: 1,2-2,5 x 2-4,5 см.

Местонахождение типа I.1.1а: 1) Бирский могильник (пп. 57, 68, 315, 319, 506а, 577, 592, 628, 644, 653); 2) Салиховский могильник (раскопки 1972 г.,

кург. 22); 3) Старо-Кабановский могильник (пп. 12, 24, 55, 72, 88, 95, 124, 130, 149); 4) Старо-Муштинский могильник (р. III, пп. 2, 5, 7, 8; р. V, п. 9; р. VI, ПМ; р. VII, п. 6).

Вариант б (55 экз.; табл. 122; рис. 9, 2). Длинные; в редких случаях декорированы небольшими круглыми вдавлениями. Размеры: 1,2-2 x 4,5-11 см.

Местонахождение типа I.1.1б: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г., п. 5); 2) Бирский могильник (пп. 18, 257, 319, 516б, 585, 590, 592, 624); 3) Кара-Тамакский могильник (пп. 8б, 18в); 4) Мало-Качакский могильник (раскопки 1970 г., п. 11); 5) Старо-Кабановский могильник (пп. 3, 4, 16, 27, 31, 35а, 36, 39б, 59а, 68, 69а, 69б, 70б, 73, 80, 84, 90, 98, 99, 100, 102, 106, 107, 113, 123, 124, 129, 135, 137, 138, 152); 6) Старо-Муштинский могильник (р. I, пп. 6, 8, 12); 7) Югомашевский могильник (р. II, пп. 7, 10, 15, 16, 55, 66; р. III, п. 5).

Подтип 2 (43 экз.). С декором.

Вариант а (14 экз.; табл. 123; рис. 9, 3). Короткие; шпеньки имели крупные шляпки-«полугорошины». Размеры: 2-2,2 x 2,5-5 см.

Местонахождение типа I.1.2а: 1) Бирский могильник (пп. 5, 112, 121, 125, 126, 128, 137, 148, 161, 280); 2) Югомашевский могильник (р. I, п. 1; р. II, пп. 61, 64).

Вариант б (29 экз.; табл. 124; рис. 9, 4, 5). Длинные; декор в виде насечек, круглых прорезей и шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Размеры: 2-3 x 11-12 см.

Местонахождение типа I.1.2б: Бирский могильник (пп. 22, 53, 61, 71, 81, 108, 121, 125, 126, 128, 133, 137, 148, 154, 166, 195, 221, 249, 257, 265, 282, 288).

Тип 2 (3 экз.; табл. 125; рис. 9, 6). Подпрямоугольные; без цилиндрического расширения на месте сгиба пластины. Материал: цветной металл. Размеры: 1-2 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа I.2: 1) Старо-Муштинский могильник (р. III, п. 8); 2) Югомашевский могильник (р. II, п. 64; р. III, п. 3).

Тип 3 (1 экз.; табл. 126; рис. 9, 7). Прямоугольной формы; внешняя сторона наконечника обложена серебряной позолоченной фольгой с двумя круглыми вырезами для вставок (из стекла?). Между основой наконечника и фольгой находится прямоугольная вставка из цветного металла, все три элемента соединены между собой при помощи 2 шпеньков. Нижняя часть наконечника оформлена в виде рифленого валика. Материал: цветной металл, стекло (?). Размеры: 2,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа I.3: погребение на ул. Тукаева (г. Уфа).

Тип 4 (5 экз.). Двухсоставные наконечники, состоящие из обоймы и подвески на месте сгиба обоймы. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (2 экз.; табл. 127; рис. 9, 8). Щиток (лицевая часть обоймы) подпрямоугольной формы; подвеска трапециевидной формы с диском на конце. Размеры: 0,8-1 x 10 см.

Местонахождение типа I.4а: Бирский могильник (п. 596).

Вариант б (1 экз.; табл. 128; рис. 9, 9). Щиток трапециевидной формы с выделенным фигурным концом; подвеска подтрапециевидной формы с немного прогнутыми боками, треугольным окончанием и декором в виде зубчатых нарезок и фасеток по бокам изделия. Размеры: 2-2,5 x 9,5 см.

Местонахождение типа I.4б: Шиповский могильник (п. 197).

Вариант в (1 экз.; табл. 129; рис. 9, 10). Щиток прямоугольной формы; подвеска подпрямоугольной формы; крепление к ремню происходило при помощи шпенька из железа. Размеры: 1,1-1,3 x 6 см.

Местонахождение типа I.4в: Бирский могильник (п. 466).

Вариант г (1 экз.; табл. 130; рис. 9, 15). Щиток полуовальной формы; с загнутыми краями; подвеска рамчатая, с прямоугольной перемычкой, ведущей к трилистнику на конце. Размеры: основа – 1,5 x 2 см; подвеска – 0,5-1,5 x 3 см.

Местонахождение типа I.4г: могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Тип 5 (2 экз.; табл. 131; рис. 9, 11). С валикообразным расширением на месте сгиба пластины. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2,2 см.

Местонахождение типа I.5: 1) Салиховский могильник (раскопки 1967 г., кург. 1); 2) Старо-Муштинский могильник (кург. 17, п. 3, «тайник»).

Тип 6 (6 экз.; табл. 132; рис. 9, 13). Подпрямоугольной формы, с прогнутыми боками. Материал: железо. Размеры: 2-2,5 x 6-10 см.

Местонахождение типа I.6: 1) Бирский могильник (пп. 320, 333, 481, 541, 563); 2) Старо-Кабановский могильник (п. 19).

***Отдел II. Из двух пластин,
между которыми зажимался ремень***
(87 экз.)

**Подотдел А. Пластины наконечников скреплялись
между собой при помощи шпеньков**
(83 экз.)

Тип 1 (23 экз.). Подпрямоугольные; с секировидным расширением в нижней части. Материал: цветной металл.

Вариант а (19 экз., табл. 133; рис. 9, 14). Без фасетировки или со слабо выраженными следами фасетировки. Размеры: 0,5-1 x 2,5-5 см.

Местонахождение типа II.1а: 1) Кара-Тамакский могильник (п. 16); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 80, 86, 115, 145); 3) Старо-Муштинский могильник (кург. 2, п. 4; кург. 17, п. 3, «тайник»; р. I, п. 13); 4) Югомашевский могильник (р. II, пп. 8, 15).

Вариант б (4 экз.; табл. 134–135; рис. 9, 17, 18). С фасетированными краями. Размеры: 0,5-1,2 x 5-6 см.

Местонахождение типа II.1б: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 2, 280); 3) Старо-Муштинский могильник (р. I, п. 6).

Тип 2 (1 экз.; табл. 136; рис. 9, 19). U-образный; с декором в виде круглых вдавлений, образующих треугольник. Материал: цветной металл. Размеры: 2,8 x 5,5 см.

Местонахождение типа II.2: Бирский могильник (п. 270).

Тип 3 (22 экз.). Подпрямоугольные или подтрапециевидные, с округлыми или приостренными концами. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (8 экз.; табл. 137; рис. 9, 12). Плоские. Размеры: 1-1,2 х 4-5 см.

Местонахождение типа ПА.3а: 1) Бирский могильник (пп. 8, 61, 108, 154); 2) Кара-Тамакский могильник (п. 18д); 3) Югомашевский могильник (р. П, п. 7).

Вариант б (14 экз.; табл. 138; рис. 9, 16). Внешняя пластина – двухскатная; нижняя – плоская. Размеры: 1-1,2 х 4-5 см.

Местонахождение типа ПА.3б: 1) Бирский могильник (пп. 40, 75, 133, 224, 280, 285, 290); 2) Дежневский могильник (раскопки 1990 г., кург. 21, п. 2; раскопки 2005 г., кург. 103).

Тип 4 (36 экз.). Трапециевидные, с прямоугольным выступом-«площадкой» сверху и подтреугольным нижним концом; большинство экземпляров имеют двухскатную внешнюю пластину; ряд экземпляров – с декором в виде зубчатых врезок на верхней площадке. Материал: цветной металл.

Вариант а (33 экз.; табл. 139; рис. 10, 1, 2). Небольшие; у некоторых экземпляров выступ-«площадка» выделяется нечетко. Размеры: 0,6-1,1 х 3-6 см.

Местонахождение типа ПА.4а: Бирский могильник (пп. 71, 79, 81, 93, 95, 121, 125, 126, 128, 137, 166, 176, 238, 272, 280, 288).

Вариант б (3 экз.; табл. 140; рис. 10, 3). С четко выделенным выступом-«площадкой»; шпеньки имели массивные шляпками-«полугорошинами». Размеры: 1,3 х 6-7 см.

Местонахождение типа ПА.4б: Бирский могильник (п. 89).

Тип 5 (1 экз.; табл. 141; рис. 10, 4). Подпрямоугольный; удлиненный; с выделенным диском на конце. Материал: цветной металл. Размеры: 0,5-1,5 х 9 см.

Местонахождение типа IIIA.5: Бирский могильник (п. 645).

**Подотдел Б. Один конец наконечников спаянный,
другой конец крепился к ремню при помощи шпеньков**

(4 экз.)

Тип 1 (2 экз.; табл. 142; рис. 10, 5). Подпрямоугольные; с округлым концом; с фасетированными краями. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 х 6 см.

Местонахождение типа IIБ.1: Дежневский могильник (раскопки 2005 г., кург. 103).

Тип 2 (2 экз.; табл. 143; рис. 10, 6). Подпрямоугольные; с раздвоенным на 2 полукруга концом; внешняя пластина – двухскатная. Материал: цветной металл. Размеры: 0,5-0,8 х 5 см.

Местонахождение типа IIБ.2: Дежневский могильник (раскопки 1989 г., кург. 1, п. 1).

Отдел III. Однопластинчатые наконечники, крепившиеся к основе ремня при помощи шпеньков / заклепок либо штифтов

(82 экз.)

Тип 1 (19 экз.). «Геральдической» формы, с боковыми выступами; со скошенными боками; как правило, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (9 экз.; табл. 144; рис. 10, 7–9). Без прорезей. Размеры: 1-1,4 х 2,5-5 см.

Местонахождение типа III.1а: 1) Бирский могильник (пп. 402, 410, 416, 417); 2) Манякский могильник (р. I, пп. 12, 25; р. II, пп. 2, 12).

Вариант б (10 экз.). С прорезями или их имитацией.

Подвариант 1 (7 экз.; табл. 145–146; рис. 10, 10–12). Орнаментация из двух кружков. Размеры: 0,6-0,7 х 2,5-4 см.

Местонахождение типа III.1б1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 371, 419 (?)); 3) Манякский могильник (р. I, п. 25; р. II, п. 2); 4) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 147; рис. 10, 13). Орнаментация, состоящая из комбинации круглых и месяцевидных отверстий. Размеры: 0,9 x 2,5 см.

Местонахождение типа III.162: 1) Манякский могильник (р. II, п. 2); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Подвариант 3 (1 экз.; табл. 148; рис. 10, 14). Орнаментация в виде прямоугольного отверстия с дисковидным концом. Размеры: 1 x 2,2 см.

Местонахождение типа III.163: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 10, п. 2).

Тип 2 (20 экз.). Большинство наконечников представлены экземплярами с бронзовой основой, обложенной серебряной позолоченной фольгой; с тисненым декором в виде «псевдозерни», состоящим из геометрических или растительных фигур; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков (Белявский, Крапачева, 2017). Материал: цветной металл.

Вариант а (1 экз.; табл. 149; рис. 10, 15). Овальной формы. Размеры: 0,7 x 4 см.

Местонахождение типа III.2а: Кувыковский могильник (п. 1).

Вариант б (17 экз.). Подпрямоугольные; с профилированным концом.

Подвариант 1 (14 экз.; табл. 150–151; рис. 10, 16, 17). С округлым концом. Размеры: 0,8–1,2 x 4–6 см.

Местонахождение типа III.2б1: 1) Бирский могильник (пп. 77, 83, 111, 123, 130, 156, 165); 2) Галановский II могильник (п. 1); 3) Дежневский могильник (раскопки 1989 г., кург. 19, п. 2); 4) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1992 г., кург. 30); 5) городище Уфа-II (раскопки 2006 г.).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 152; рис. 10, 18). Со скошенным концом. Размеры: 1,1 x 5 см.

Местонахождение типа III.2б2: погребение на ул. Тукаева (г. Уфа).

Подвариант 3 (2 экз.; табл. 153–154; рис. 10, 19). С треугольным концом. Размеры: 1,1 x 4 см.

Местонахождение типа III.2б3: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 26, п. 1).

Вариант в (2 экз.; табл. 155; рис. 10, 20). Прямоугольные. Размеры: 1,1 x 4 см.

Местонахождение типа III.2в: 1) Бирский могильник (п. 88); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 15, п. 1).

Тип 3 (13 экз.). Прямоугольные с приостренным концом; с двухскатной поверхностью; со скошенными боками, полые; орнаментация в виде двух круглых отверстий; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (12 экз.; табл. 156; рис. 10, 22). Узкие. Размеры: 0,8-1 x 2-4 см.

Местонахождение типа III.3а: 1) Кушнаренковский могильник (п. 2); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 2; кург. 16, п. 2); 3) Новиковское погребение (г. Уфа); 4) Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 3, кург. 10); 5) могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Вариант б (1 экз.; табл. 157; рис. 10, 23). Широкий. Размеры: 2 x 4 см.

Местонахождение типа III.3б: могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Тип 4 (12 экз.). Подпрямоугольные, с заостренным или округлым концом; со скошенными боками, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (10 экз.). Без декора.

Подвариант 1 (9 экз.; табл. 158; рис. 10, 24, 25). Средней длины. Размеры: 1-1,5 x 3,5-6 см.

Местонахождение типа III.4а1: 1) Бирский могильник (пп. 357, 382, 401, 405, 438, 523); 2) Манякский могильник (р. I, пп. 9, 25).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 159; рис. 10, 21). Удлиненный. Размеры: 1,5 х 9 см.

Местонахождение типа III.4a2: Бирский могильник (п. 400).

Вариант б (2 экз.). С декором и прогнутыми боками.

Подвариант 1 (1 экз.; табл. 160; рис. 10, 26). Декор из «псевдозерни». Размеры: 1,8 х 7 см.

Местонахождение типа III.4b1: Бирский могильник (п. 371).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 161; рис. 10, 27). Декор в виде 2 выступающих ромбов и 2 прорезей неправильной формы. Размеры: 1,1 х 2,2 см.

Местонахождение типа III.4b2: Бирский могильник (п. 358).

Тип 5 (1 экз.; табл. 162; рис. 10, 28). Короткий; U-образный; в центре – прорезь в виде замочной скважины; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1 х 3 см.

Местонахождение типа III.5: Береговский II могильник (кург. 1).

Тип 6 (8 экз.). U-образные; со скошенными боками, полые; с крупной U-образной прорезью в центре, закрытой тонкой тисненой пластиной; крепление к ремню происходило при помощи штифтов или шпильков-гвоздиков. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (7 экз.; табл. 163–164; рис. 11, 1, 2). Узкие; средней длины; с вставкой, украшенной «псевдозернью». Размеры: 0,9 х 4,9–5,2 см.

Местонахождение типа III.6a: 1) Бирский могильник (п. 359); 2) Манякский могильник (р. I, п. 1); 3) городище Уфа-II (раскопки 2006 г.).

Вариант б (1 экз.; табл. 165; рис. 11, 3). Удлиненный; вставка с декором в виде «псевдозерни» по краю и центральной композиции из 5 грифонов (Мажитов, 1981б. С. 6) или 5 крылатых псов-сенмурвов (Белавин и др., 2009. С. 80). Размеры: 1,5 х 12,2 см.

Местонахождение типа III.6b: Манякский могильник (р. I, п. 1).

Тип 7 (1 экз.; табл. 166; рис. 10, 29). С «ушками» в виде спаренных кругов с круглыми прорезями; с орнаментом, представленным сценой охоты хищника на оленя; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,7 x 7,8 см.

Местонахождение типа III.7: Бирский могильник (п. 410).

Тип 8 (1 экз.; табл. 167; рис. 11, 4). U-образный; плоский; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков, расположенных по краям изделия. Материал: цветной металл. Размеры: 3-3,7 x 7,3 см.

Местонахождение типа III.8: Шиповский могильник (п. 228).

Тип 9 (4 экз.). Трапециевидные, с приостренным концом. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (1 экз.; табл. 168; рис. 11, 5). Изготовлен из железа; крепление к ремню происходило при помощи заклепок из цветного металла. Размеры: 2,2 x 6,2 см.

Местонахождение типа III.9а: Ангасякский могильник (п. 37).

Вариант б (3 экз.; табл. 169; рис. 11, 6, 7). Изготовлены из пластин, украшенных точечным орнаментом, вдавлениями и насечками по краю. Размеры: 2-2,5 x 3,8-5 см.

Местонахождение типа III.9б: Ангасякский могильник (пп. 42, 68, 69).

Тип 10 (2 экз.; табл. 170; рис. 11, 8). Подпрямоугольные; с округлым концом; со скошенными боками; полые; с полукруглыми выемками по бокам в верхней или средней части; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа III.10: Кушнаренковский могильник (пп. 17, 21).

Тип 11 (1 экз.; табл. 171; рис. 11, 9). U-образный, с плавным выступом внизу; со скошенными боками; полый; с крупной U-образной прорезью, закрытой пластиной с тисненой «псевдозернью». Крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Размеры: 1,2 x 3 см.

Местонахождение типа III.11: Манякский могильник (р. I, п. 1).

**Отдел IV. «Коробочки», состоящие из 2 пластин
и соединительной дужки**

(9 экз.)

Тип 1 (7 экз.). U-образные; поверхность гладкая; ремень вставлялся в «коробочку» и фиксировался штифтами. Материал: цветной металл.

Вариант а (6 экз.; табл. 172–173; рис. 11, 10). Средних размеров. Размеры: 2-3 x 3,5-6 см.

Местонахождение типа IVA.1a: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Ново-Биккинский курган; 3) Новиковское погребение (г. Уфа); 4) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 18, п. 1).

Вариант б (1 экз.; табл. 174; рис. 11, 11а, 11б). Крупный. Размеры: 1,5 x 12 см.

Местонахождение типа IVA.1б: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Тип 2 (1 экз.; табл. 175; рис. 11, 12). U-образный; крупный; устье окантовано лентой с продольными углублениями; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков и полосы металла по бокам. Материал: цветной металл. Размеры: 3,5 x 16 см.

Местонахождение типа IVA.2: Бирский могильник (п. 18).

Тип 3 (1 экз.; табл. 176; рис. 11, 13). Широкий; средней длины; с окантованной зернью накладной перегородчатой инкрустацией U-образной формы, разделенной тремя горизонтальными отрезками; в каждой из 4 секций – круг с тремя элементами, напоминающими каплевидную запяту. Вставки утрачены. Размеры: 2,7 x 6,5 см.

Местонахождение типа IVA.3: Ново-Турбаслинское II селище, раскопки 1958 г.

Отдел V. Рамчатые; ремень крепился на рамке изделия

(1 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 177; рис. 11, 14). С рамкой трапециевидной формы; с концом в виде спаренных полуovalов, украшенных насечками по краю; со

скошенными боками; полый. Материал: цветной металл. Размеры: 1-1,7 x 4,8 см.

Местонахождение типа V.1: Бирский могильник (п. 423).

2.3. Ременные накладки

(2381 экз.)

Весь доступный материал разделен на отделы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на типы, подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям.

Отдел I. Круглые

(173 экз.)

Тип 1 (24 экз.). Со скошенными боками, в основном полые; крепление происходило при помощи 1-2 штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (17 экз.; табл. 178; рис. 12, 1). Без декора. Размеры: D = 1,1 см.

Местонахождение типа I.1а: 1) Бирский могильник (пп. 357, 423, 523); 2) Лагереvский могильник (кург. 4, п. 2; кург. 14; кург. 29; кург. 46, п. 2); 3) Манякский могильник (р. I, пп. 1, 2; р. II, п. 10).

Вариант б (3 экз.; табл. 179; рис. 12, 2). С X-образной прорезью в центре. Размеры: D = 1,1 см.

Местонахождение типа I.1б: Манякский могильник (р. II, п. 2).

Вариант в (3 экз.; табл. 180; рис. 12, 3). С крупной круглой прорезью и вставкой в нее серебряной позолоченной тонкой тисненой пластины. Размеры: D = 1,1 см.

Местонахождение типа I.1в: 1) Бирский могильник (п. 359); 2) Манякский могильник (р. I, п. 1).

Вариант г (1 экз.; табл. 181; рис. 12, 4). С насечками по краю. Размеры: D = 1,1 см.

Местонахождение типа I.1г: Лагереvский могильник (кург. 43).

Тип 2 (6 экз.; табл. 182; рис. 12, 5). Плоские; крепление к ремню происходило при помощи шпенька и заклепки. Материал: цветной металл. Размеры: $D = 0,8$ см.

Местонахождение типа I.2: Старо-Муштинский могильник (кург. 17, п. 3, «тайник»).

Тип 3 (71 экз.). Полусферические («полушарные»); полые. Материал: цветной металл.

Вариант а (59 экз.; табл. 183; рис. 12, 6). Крепление к ремню происходило при помощи крупного шпенька в центре. Размеры: $D = 0,6-1,2$ см.

Местонахождение типа I.3а: 1) Бирский могильник (п. 645); 2) Старо-Муштинский могильник (р. III, п. 8).

Вариант б (12 экз.; табл. 184; рис. 12, 7). Крепление к ремню происходило через 2 отверстия по краям. Размеры: $D = 0,8-1$ см.

Местонахождение типа I.3б: 1) Бирский могильник (п. 8); 2) Шиповский могильник (п. 298).

Тип 4 (72 экз.). Плоские; в центре – круглая прорезь или имитация шляпки-«полугорошины»; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с шляпками-«полугорошинами». Материал: цветной металл.

Вариант а (55 экз.; табл. 185; рис. 12, 8). Шпеньки с небольшими шляпками-«полугорошинами». Размеры: $D = 1,5-2$ см.

Местонахождение типа I.4а: 1) Бирский могильник (пп. 577, 653); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 80, 98, 115, 117а, 141); 3) Старо-Муштинский могильник (р. VII, п. 6); 4) Югомашевский могильник (р. II, п. 64).

Вариант б (5 экз.; табл. 186; рис. 12, 9). Шпеньки с крупными шляпками-«полугорошинами». Размеры: $D = 1,5-2,5$ см.

Местонахождение типа I.4б: Старо-Кабановский могильник (п. 102).

Вариант в (12 экз.; табл. 187; рис. 12, 10). С имитацией шляпки-«полугорошины» в центре. Размеры: $D = 2-2,5$ см.

Местонахождение типа I.4в: Бирский могильник (п. 154).

Отдел II. Каплевидные

(1 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 188; рис. 12, 11). Со скошенными боками, полая; с крупной каплевидной прорезью в центре; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа II.1: Лагеревский могильник (кург. 29).

Отдел III. Овальные и схожих форм

(11 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 189; рис. 12, 12). Плоская; крепление к ремню происходило при помощи 2 шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: D = 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа III.1: Дежневский могильник (раскопки 1990 г., кург. 21, п. 2).

Тип 2 (2 экз.; табл. 190; рис. 12, 13). Узкие; с выдавленными с обратной стороны «полугорошинами»; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,3 x 5 см.

Местонахождение типа III.2: Бирский могильник (п. 18).

Тип 3 (7 экз.; табл. 191; рис. 12, 14). Почковидные; с 4 круглыми прорезями; крепление к ремню происходило при помощи задней пластины и 2 штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 3,5-4 x 3,5-4 см.

Местонахождение типа III.3: Бирский могильник (п. 18).

Тип 4 (1 экз.; табл. 192; рис. 12, 15). Овальный; декорирован зернью, образующей два креста с расширенными концами и окантовки; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Материал: цветной металл. Размеры: 1,3 x 3,5 см.

Местонахождение типа III.4: женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа)

Отдел IV. Ромбические

(1583 экз.)

Тип 1 (2 экз.; табл. 193; рис. 12, 16). Плоские; крепление к ремню происходило при помощи ушка на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа IV.1: 1) Мало-Качакский могильник (раскопки 1970 г., п. 11); 2) Шиповский могильник (п. 44).

Тип 2 (не менее 1580 экз.⁸; табл. 194; рис. 12, 17). Плоские или немного выпуклые; крепление к ремню происходило при помощи шпенька в центре и, в некоторых случаях, – пластины-заклепки. Материал: цветной металл. Размеры: 0,6-1,2 x 1,3-2,5 см.

Местонахождение типа IV.2: 1) Бирский могильник (пп. 71, 75, 76, 79, 81, 83, 89, 93, 100, 101, 108, 112, 113, 117, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 128, 133, 134, 135, 137, 141, 143, 145, 148, 154, 164, 166, 183, 188, 189, 195, 218, 221, 222, 224, 226, 230, 257, 265, 266, 272, 280, 281, 282, 283, 288, 290, 577, 653); 2) Старо-Кабановский могильник (пп. 4, 98, 102, 115, 135, 141, 154); 3) Старо-Муштинский могильник (кург. 10, п. 3; р. I, п. 12); 4) Югомашевский могильник (р. II, пп. 7, 15; р. III, пп. 4, 5).

Тип 3 (1 экз.; табл. 195; рис. 12, 18). Со скошенными краями; полый; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 0,8 x 1,7 см.

Местонахождение типа IV.3: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 18, п. 1).

Отдел V. Прямоугольные / подпрямоугольные

(33 экз.)

Тип 1 (3 экз.; табл. 196; рис. 12, 19). Со скошенными боками; полые; с крупной прямоугольной прорезью; крепление к ремню происходило при

---

⁸ Для данного типа накладок удалось установить лишь примерное количество экземпляров. Связано это с тем, что в ряде научных отчетов и публикациях, отражающих результаты раскопок Бирского могильника, не всегда указано точное число ромбических накладок, а могли быть использованы такие выражения как «большое количество ромбических накладок», «несколько ромбических накладок» и т.д. Ситуацию осложняет и то, что многие накладки данного типа из бирских комплексов, хранящихся в фондах музеев г. Уфы, были утеряны. По подсчетам А.Н. Султановой, в Бирском могильнике зафиксировано 1353 экз. накладок ромбической формы (Султанова, 2000. С. 37).

помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1-1,2 x 1,5-2 см.

Местонахождение типа V.1: Бирский могильник (п. 270).

Тип 2 (21 экз.). С выдавленными сзади «полугорошинами»; загнутые края накладок зажимались на оборотной стороне ремня. Материал: цветной металл.

Вариант а (20 экз.; табл. 197; рис. 12, 21). Широкие; с 9 «полугорошинами». Размеры: 1,5 x 1,5 см.

Местонахождение типа V.2a: Югомашевский могильник (р. III, п. 4).

Вариант б (1 экз.; табл. 198; рис. 12, 20). Узкая; с 3 «полугорошинами». Размеры: 0,5 x 1,5 см.

Местонахождение типа V.2б: Бирский могильник (п. 686).

Тип 3 (1 экз.; табл. 199; рис. 12, 22). Со скошенными краями; крепление к ремню происходило при помощи 2 шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 x 3 см.

Местонахождение типа V.3: Шиповский могильник (п. 197).

Тип 4 (7 экз.). Плоские; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков или штырей из бронзы или железа. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (3 экз.). Без декора.

Подвариант 1 (2 экз.; табл. 200; рис. 12, 23). Короткие. Размеры: 0,5 x 1,8 см.

Местонахождение типа V.4a1: Старо-Кабановский могильник (пп. 4, 86).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 201; рис. 12, 24). Средней длины. Размеры: 0,8 x 4,5 см.

Местонахождение типа V.4a2: Шиповский могильник (п. 197).

Вариант б (4 экз.). С декором в виде зубчатых насечек по краю.

Подвариант 1 (3 экз.; табл. 202; рис. 12, 25). Средней длины. Размеры: 0,5 x 4-4,5 см.

Местонахождение типа V.461: Бирский могильник (пп. 137, 426).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 203; рис. 12, 26). Длинная. Размеры: 0, 8х 6 см.

Местонахождение типа V.462: Бирский могильник (п. 18).

Тип 5 (1 экз.; табл. 204; рис. 12, 27). Прямоугольная; аналогична типу **V.1**, но с вставкой из тисненой фольги; крепление происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 х 1,8 см.

Местонахождение типа V.5: Манякский могильник (р. I, п. 1).

Отдел VI. Квадратные

(13 экз.)

Тип 1 (3 экз.; табл. 205–206; рис. 12, 28). Плоские, со скошенными боками; в центре – 4 круглые либо крестообразная прорезь; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,1 х 1,1 см.

Местонахождение типа VI.1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 18, п. 1).

Тип 2 (10 экз.; табл. 207; рис. 12, 31). Пирамидальные, со скошенными боками; с 4 круглыми прорезями; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,1 х 1,1 см.

Местонахождение типа VI.2: 1) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 1; кург. 13, п. 2; кург. 18, п. 4); 2) Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 10).

Отдел VII. Лунницевидные

(28 экз.)

Тип 1 (22 экз.; табл. 208; рис. 12, 32). Основа накладок представлена бронзовыми пластинами с «ушком» или без «ушка», обложенными серебряной позолоченной тисненой фольгой (Белявский, Крапачева, 2017). Фольга имела декор в виде «псевдозерни». Края фольги загибались на внутренней стороне основы. Крепление к ремню происходило при помощи бронзовых

шпеньков / «петли с усами». Материал: цветной металл. Размеры: 1-1,5 х 2,5-3 см.

Местонахождение типа VII.1: 1) Бирский могильник (пп. 77, 88, 111, 123, 124, 130); 2) Дежневский могильник (раскопки 1968 г., кург. 1, п. 3; раскопки 1989 г., кург. 19, п. 2); 3) Кувыковский могильник (п. 1); 4) погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа).

Тип 2 (6 экз.). Плоские; крепление к ремню происходило при помощи 3 шпеньков. Материал: цветной металл.

Вариант а (2 экз.; табл. 209; рис. 12, 33). Узкие; с дополнительной пластиной для крепления. Размеры: 0,8-1 х 2-2,5 см.

Местонахождение типа VII.2а: Дежневский могильник (раскопки 1990 г., кург. 21, п. 2).

Вариант б (4 экз.; табл. 210; рис. 12, 34). Широкие. Размеры: 2 х 2,5 см.

Местонахождение типа VII.2б: Дежневский могильник (раскопки 2005 г., кург. 103).

Отдел VIII. Треугольные

(6 экз.)

Тип 1 (6 экз.; табл. 211; рис. 12, 35). В виде «галочки» («накладки-тройчатки») с «полугорошинами» на концах; крепление к ремню происходило через круглые отверстия по краям. Материал: цветной металл. Размеры: 1,4 х 1,5 см.

Местонахождение типа VIII.1: Бирский могильник (пп. 8, 68).

Отдел IX. S-видные

(4 экз.)

Тип 1 (4 экз.; табл. 212; рис. 12, 29). Со скошенными боками, декорированы 2 круглыми прорезями; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 х 2 см.

Местонахождение типа IX.1: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 18, п. 1).

Отдел X. Трехлепестковые

(4 экз.)

Тип 1 (4 экз.). Со скошенными боками; как правило, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (2 экз.; табл. 213; рис. 12, 36). Плоские; без декора. Размеры: 1,5 x 1,7 см.

Местонахождение типа X.1а: Бирский могильник (п. 220).

Вариант б (1 экз.; табл. 214; рис. 12, 30). Плоские; с 3 круглыми прорезями у оснований «лепестков». Размеры: 1,6 x 1,6 см.

Местонахождение типа X.1б: Бирский могильник (п. 165).

Вариант в (1 экз.; табл. 215; рис. 12, 37). С рельефной поверхностью. Размеры: 1,8 x 1,9 см.

Местонахождение типа X.1в: Ново-Биккинский курган.

Отдел XI. Четырехлепестковые

(12 экз.)

Тип 1 (12 экз.; табл. 216; рис. 12, 38, 39). Со скошенными боками; как правило, полые; с 4 круглыми прорезями или их имитацией; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2-1,8 x 1,2-1,8 см.

Местонахождение XI.1: 1) Бирский могильник (п. 270); 2) Булгарский I курган; 3) Кушнаренковский могильник (пп. 2, 17); 4) Красногорский II могильник (кург. 1).

Отдел XII. Сердцевидные

(8 экз.)

Тип 1 (7 экз.). Со скошенными боками; как правило, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (1 экз.; табл. 217; рис. 12, 40). С вырезами по бокам и 2 круглыми прорезями. Размеры: 1,2 x 1,5 см.

Местонахождение типа XII.1а: Красногорский II могильник (кург. 1).

Вариант б (1 экз.; табл. 218; рис. 12, 41). С 3 круглыми прорезями. Размеры: 1,3 x 1,5 см.

Местонахождение типа XII.1б: могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Вариант в (5 экз.; табл. 219; рис. 12, 42). С 2 круглыми прорезями; с двухскатной поверхностью. Размеры: 1,2 x 1,5 см.

Местонахождение типа XII.1в: 1) Кушнарниковский могильник (п. 21); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 1).

Тип 2 (1 экз.; табл. 220; рис. 12, 43). С вырезами сверху; с 2 круглыми прорезями; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 0,8 x 1,5 см.

Местонахождение типа XII.2: Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 3).

Отдел XIII. Крестовидные

(3 экз.)

Тип 1 (3 экз.; табл. 221; рис. 12, 44). С расширениями у края верхней и нижней лопастей; с насечками по краям на боковых лопастях; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с массивными шляпками-«полугорошинами». Материал: цветной металл. Размеры: 0,8 x 2,1 см.

Местонахождение типа XIII.1: Бирский могильник (п. 299).

Отдел XIV. Трехщитковые

(17 экз.)

Тип 1 (12 экз.). Щитки одного вида и одинакового размера; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (3 экз.; табл. 222; рис. 12, 45). Со щитками полуовальной формы. Размеры: 2,1 x 2,1-2,3 см.

Местонахождение типа XIV.1а: Кушнарниковский могильник (п. 17).

Вариант б (9 экз.). Со щитками приостренной или «геральдической» формы.

Подвариант 1 (7 экз.; табл. 223; рис. 12, 46). Двускатная поверхность; с треугольной прорезью в центре. Размеры: 2,1 х 2,1-2,3 см.

Местонахождение типа XIV.161: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 10, п. 2; кург. 13, п. 2).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 224; рис. 12, 47). С ровной поверхностью; с 3 круглыми прорезями в центре. Размеры: 1,3 х 2,7 см.

Местонахождение типа XIV.162: женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа).

Тип 2 (5 экз.). Накладки, состоящие из комбинации 2 щитков и прямоугольной рамки; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (4 экз.; табл. 225; рис. 12, 49). С приостренными щитками и 4 круглыми прорезями в центре. Размеры: 3 х 3 см.

Местонахождение типа XIV.2а: Кушнаренковский могильник (п. 2).

Вариант б (1 экз.; табл. 226; рис. 12, 48). С пятиугольными щитками; без прорезей в верхней части накладки. Размеры: 3 х 3,1 см.

Местонахождение типа XIV.2б: Бирский могильник (п. 400).

Отдел XV. В виде «геральдического» щита, одночастные (33 экз.)

Тип 1 (27 экз.). Со скошенными боками; как правило, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (16 экз.). Без прорезей.

Подвариант 1 (2 экз.; табл. 227; рис. 13, 1). С горизонтальным валикообразным утолщением у верхнего края. Размеры: 1,4-1,6 х 1,8 см.

Местонахождение типа XV.1а1: Бирский могильник (п. 410).

Подвариант 2 (8 экз.; табл. 228; рис. 13, 2). С подчеркнутыми выемками по бокам. Размеры: 1,4 х 1,6 см.

Местонахождение типа XV.1a2: 1) Бирский могильник (п. 416); 2) Лагеревский могильник (кург. 14; кург. 46, п. 2; кург. 55); 3) Манякский могильник (р. II, пп. 3, 10).

Подвариант 3 (4 экз.; табл. 229–230; рис. 13, 3, 4). С вертикальным валикообразным утолщением посередине. Размеры: 1,4 x 1,6–2,5 см.

Местонахождение типа XV.1a3: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (п. 427).

Подвариант 4 (2 экз.; табл. 231; рис. 13, 5). С декором из горизонтальных линий. Размеры: 1,3 x 1,5 см.

Местонахождение типа XV.1a4: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Вариант б (11 экз.). С прорезями.

Подвариант 1 (7 экз.; табл. 232–233; рис. 13, 6). С орнаментацией в виде 2 дуговидных и 2 круглых отверстий. Размеры: 1,4 x 1,6 см.

Местонахождение типа XV.1b1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (п. 384); 3) Кушнаренковский могильник (п. 28); 4) Манякский могильник (р. I, п. 9).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 234; рис. 13, 7). С прямоугольной прорезью. Размеры: 1,6 x 2,2 см.

Местонахождение типа XV.1b2: Бирский могильник (п. 423).

Подвариант 3 (1 экз.; табл. 235; рис. 13, 8). С прямыми боками, приостренная; двускатная; с 3 круглыми прорезями. Размеры: 3 x 3 см.

Местонахождение типа XV.1b3: Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 10).

Подвариант 4 (1 экз.; табл. 236; рис. 13, 9). С круглой прорезью у края. Размеры: 1,8 x 2 см.

Местонахождение типа XV.1b4: Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано).

Тип 2 (5 экз.; табл. 237; рис. 13, 10, 11). Со скошенными боками; полые; с крупной прорезью в середине; в т.ч. с вставками в нее позолоченной серебряной тонкой пластины с тисненым декором; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2-1,3 x 1,5 см.

Местонахождение типа XV.2: 1) Бирский могильник (п. 359); 2) Манякский могильник (р. I, п. 1).

Тип 3 (1 экз.; табл. 238; рис. 13, 13). Пластина с прямыми боками и приостренным завершением; с круглой прорезью. Материал: цветной металл. Размеры: 2,3 x 3 см.

Местонахождение типа XV.3: Бирский могильник (п. 225).

**Отдел XVI. Накладки, состоящие из комбинации
щитка «геральдической» формы и пирамидки
(3 экз.)**

Тип 1 (3 экз.). Со скошенными боками; полые; с 4 круглыми отверстиями или их имитацией на гранях пирамидки; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (2 экз.; табл. 239; рис. 13, 12). С прорезью в виде «улыбки» на щитке. Размеры: 1,5 x 2,5 см.

Местонахождение типа XVI.1а: Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 10).

Вариант б (1 экз.; табл. 240; рис. 13, 14). С вдавлением в виде замочной скважины на щитке. Размеры: 1,4 x 2,6 см.

Местонахождение типа XVI.1б: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 21, п. 1)⁹.

**Отдел XVII. С «раздвоенной» (в основном «рогатой»)
верхней частью, одночастные
(17 экз.)**

---

⁹ В публикации материалов раскопок Ново-Турбаслинского могильника в 1957-1958 гг. указано, что погребения из кург. 21 являются безинвентарными (Мажитов, 1959. С. 134), в то время как в научном отчете в п. 1 кург. 21 отмечены находки 2 серебряных накладок (Мажитов, отчет, 1958). Судя по всему, одна из накладок хранится в фондах МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН (ОФ 30/501).

Тип 1 (7 экз.). Без прорезей; крепление к ремню происходило при помощи 1-2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (4 экз.; табл. 241; рис. 13, 15). Со скошенными боками; обычно полые; нередко двускатные; с ровным нижним краем. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа XVII.1а: 1) Бирский могильник (пп. 401, 410); 2) Лагеревский могильник (кург. 10); 3) Манякский могильник (р. П, п. 10).

Вариант б (1 экз.; табл. 242; рис. 13, 16). С небольшим выступом в нижней части. Размеры: 1,2 x 1,6 см.

Местонахождение типа XVII.1б: Бирский могильник (п. 295).

Вариант в (2 экз.; табл. 243; рис. 13, 17). Со скошенными боками; обычно полые; с 2 дуговидными вырезами в нижнем крае. Размеры: 2 x 2,2 см.

Местонахождение типа XVII.1в: Бирский могильник (пп. 360, 410).

Тип 2 (4 экз.; табл. 244–246; рис. 13, 18). Со скошенными боками; обычно полые; с прямым нижним краем; двускатные; с 4 круглыми прорезями; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5-2,5 x 2-3 см.

Местонахождение типа XVII.2: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Кушнаренокское селище (раскопки 1959 г.); 3) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 2).

Тип 3 (6 экз.). Горизонтальносимметричные; со скошенными боками; обычно полые; с 4 круглыми или овальными отверстиями; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (3 экз.; табл. 247; рис. 13, 19). Крупные; плоские; с прямыми боками; с незамкнутыми отверстиями. Размеры: 1,8-2,5 x 3 см.

Местонахождение типа XVII.3а: Бирский могильник (п. 225).

Вариант б (1 экз.; табл. 248; рис. 13, 20). Крупные; двускатные; с прямыми боками; с замкнутыми отверстиями. Размеры: 1,8 x 2,5 см.

Местонахождение типа XVII.3б: Бирский могильник (п. 165).

Вариант в (2 экз.; табл. 249; рис. 13, 21). Маленькие двускатные; с прогнутыми боками; с замкнутыми отверстиями. Размеры: 1,3 x 1,8 см.

Местонахождение типа XVII.3в: Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 3).

**Отдел XVIII. Накладки, состоящие из комбинации
«раздвоенной» верхней части и нижней фигуры различных форм,
со скошенными боками, кроме некоторых элементов,
как правило – полые**

(31 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 250; рис. 13, 22). Комбинация «раздвоенного» верха и нижней части в виде фигуры с волнистым краем; с 4 круглыми прорезями в верхней части, с круглой прорезью в нижней; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,8 x 2,5 см.

Местонахождение типа XVIII.1: Манякский могильник (р. II, п. 2).

Тип 2 (21 экз.). Комбинация «раздвоенного» верха и нижней части в виде «геральдического» щита или приостренного полувала; «рога» верхней части отогнуты слабо; с прорезной орнаментацией; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (8 экз.; табл. 251; рис. 13, 23–25). С 4 круглыми прорезями в верхней части. Размеры: 1,5-2,1 x 3,5-4 см.

Местонахождение типа XVIII.2а: 1) Кушнарниковский могильник (пп. 17, 21); 2) Манякский могильник (р. I, пп. 8, 9).

Вариант б (9 экз.; табл. 252; рис. 13, 27). С 4 круглыми прорезями в верхней части и 2 круглыми прорезями в нижней. Размеры: 1,5-2 x 3-4 см.

Местонахождение типа XVIII.2б: 1) Кушнарниковский могильник (п. 17); 2) Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1957 г., кург. 13, п. 2); 3) Сынтыш-Тамакский могильник (кург. 3; кург. 10); 4) могильник Чайка-1 (раскопки 2015 г., кург. 7).

Вариант в (1 экз.; табл. 253; рис. 13, 26). С 4 круглыми прорезями в верхней части и гантелевидной прорезью в нижней. Размеры: 2 x 3,8 см.

Местонахождение типа XVIII.2в: Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано).

Вариант з (1 экз.; табл. 254; рис. 13, 28). С 4 круглыми прорезями в верхней части и прорезью в виде замочной скважины в нижней. Размеры: 1,8 x 3,8 см.

Местонахождение типа XVIII.2г: Кушнаренокский могильник (п. 2).

Вариант д (2 экз.; табл. 255; рис. 13, 29). С 4 круглыми прорезями в верхней части; овальная нижняя часть более широкая, чем верхняя, и без прорезной орнаментации. Размеры: 2,5 x 4,5 см.

Местонахождение типа XVIII.2д: 1) Береговский II могильник (кург. 1); 2) Шареевский могильник (п. 9).

Тип 3 (9 экз.). Комбинация «раздвоенного» верха и нижней части в виде «геральдического» щита; «рога» верхней части отогнуты сильно; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (7 экз.; табл. 256–257; рис. 13, 30, 31). Неорнаментированные. Размеры: 2,2–2,5 x 3,5–4 см.

Местонахождение типа XVIII.3а: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 401, 417); 3) Лагеревский могильник (кург. 46, п. 2); 4) Манякский могильник (р. II, п. 9).

Вариант б (2 экз.). С прорезной орнаментацией.

Подвариант 1 (1 экз.; табл. 258; рис. 13, 32). С 4 мелкими круглыми прорезями в верхней части; в нижней части – крупная круглая, мелкие круглые и дуговидные прорези. Размеры: 2 x 3,5 см.

Местонахождение типа XVIII.3б1: Лагеревский могильник (кург. 55).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 259; рис. 13, 33). Двускатная; верхняя часть с двумя парами вырезов по бокам; с 4 круглыми прорезями в верхней части и 2 круглыми в нижней. Размеры: 2 x 4 см.

Местонахождение типа XVIII.3б2: Бирский могильник (п. 400).

Отдел XIX. X-образные

(4 экз.)

Тип 1 (4 экз.). Со скошенными боками; полые; двускатные; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (3 экз.; табл. 260; рис. 13, 35). Без декора. Размеры: 1,5 x 1,7 см.

Местонахождение типа XIX.1а: 1) Бирский могильник (п. 360); 2) Манякский могильник (р. I, п. 22).

Вариант б (1 экз.; табл. 261; рис. 13, 36). С 4 круглыми прорезями. Размеры: 1,5 x 1,7 см.

Местонахождение типа XIX.1б: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Отдел XX. Ж-образные

(8 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 262; рис. 13, 34). С пологими срединными «отростками»; со скошенными боками; без декора; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 2,2 x 3,2 см.

Местонахождение типа XX.1: Бирский могильник (п. 197).

Тип 2 (7 экз.; табл. 263–264; рис. 13, 37). С прямоугольной срединной частью, украшенной врезными горизонтальными линиями; со скошенными боками; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5-2 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа XX.2: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 85, 134, 290).

Отдел XXI. Пятиугольные

(2 экз.)

Тип 1 (2 экз.; табл. 265; рис. 13, 38). С двумя прогнутыми сторонами; с валиком у одной стороны; со скошенными боками; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа XXI.1: 1) Бирский могильник (п. 410); 2) Манякский могильник (р. II, п. 3).

Отдел XXII. Т-образные

(20 экз.)

Тип 1 (13 экз.). С «пламенеvidным» щитком; со скошенными боками; как правило, полые; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (8 экз.). С небольшими прорезями и без прорезей.

Подвариант 1 (6 экз.; табл. 266–267; рис. 13, 39; рис. 14, 1). Без прорезной орнаментации; в некоторых случаях – с декором из горизонтальных линий. Размеры: 2,3–2,5 x 3–3,5 см.

Местонахождение типа XXII.1a1: 1) Бирский могильник (пп. 401, 417, 419); 2) Лагереvский могильник (кург. 46, п. 2); 3) Манякский могильник (р. II, п. 10); 4) Романовское II селище (раскопки 1989 г.).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 268; рис. 14, 2). С прорезной орнаментацией из кружков и дуг, с врезными линиями. Размеры: 2 x 3,3 см.

Местонахождение типа XXII.1a2: Ново-Турбаслинский могильник (раскопки 1958 г., кург. 27, п. 8).

Вариант б (5 экз.). С крупной полуовальной прорезью.

Подвариант 1 (3 экз.; табл. 269–270; рис. 14, 3). Без тенденции к «срастанию» перекладки и щитка. Размеры: 2,2 x 3 см.

Местонахождение типа XXII.1b1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 2) Новиковское погребение (г. Уфа).

Подвариант 2 (2 экз.; табл. 271; рис. 14, 4). Со «сросшимися» перекладной и щитком; с вставкой из тонкой позолоченной серебряной пластины, имеющей тисненый декор. Размеры: 2,5 x 2,8 см.

Местонахождение типа XXII.1b2: Манякский могильник (р. I, п. 1).

Тип 2 (7 экз.). С «раздвоенным» щитком; со скошенными боками; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (4 экз.; табл. 272–274; рис. 14, 5). «Рогатые», с прогнутыми боками; полые; с 2 круглыми прорезями. Размеры: 2,5-2,8 x 3-3,2 см.

Местонахождение типа XXII.2а: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Шареевский могильник (п. 8); 3) Янгантауское селище (раскопки 1963 г.).

Вариант б (1 экз.; табл. 275; рис. 14, 6). Щиток с острыми верхними выступами и прямыми боками; с 2 небольшими круглыми прорезями; с короткой перекладиной. Размеры: 2 x 3,5 см.

Местонахождение типа XXII.2б: Красногорский II могильник (кург. 2).

Вариант в (2 экз.). Щиток с закругленными верхними выступами и чуть наклоненными боками; с крупными прорезями на щитке.

Подвариант 1 (1 экз.; табл. 276; рис. 14, 7). С 2 круглыми прорезями, примыкающими к бокам щитка. Размеры: 1,5 x 3 см.

Местонахождение типа XXII.2в1: Бирский могильник (п. 225).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 277; рис. 14, 8). С 2 овальными прорезями, не примыкающими к бокам двускатного щитка. Размеры: 1,5 x 3 см.

Местонахождение типа XXII.2в2: Бирский могильник (п. 165).

Отдел XXIII. Псевдопряжки

(34 экз.)

Тип 1 (18 экз.; табл. 278–279; рис. 14, 12). Без щитка; с В-образной поллой рамкой; с 2 круглыми прорезями и имитацией язычка. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа XXIII.1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 2) Бирский могильник (пп. 360, 363, 382, 401, 410, 419); 3) Лагереvский могильник (кург. 29; кург. 46, п. 2; кург. 56); 4) Манякский могильник (р. II, пп. 1, 11); 5) городище Уфа-II-1 (депаспортизировано).

Тип 2 (2 экз.; табл. 280; рис. 14, 11). С «рогатым» полым щитком и подвеской, аналогичной типу **XXIII.1**; крепление к ремню происходило при помощи штифта на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 2 x 3 см.

Местонахождение типа XXIII.2: Бирский могильник (п. 361).

Тип 3 (14 экз.). Изделия, близкие по внешнему облику пряжкам типа **ПБ.2.2а** и типа **XXIII.3б**, но с рамкой, малые размеры внутреннего контура которой не удобны для продевания ремешка; язычок подвижный, с выступом «фиксатором» у основания. Материал: цветной металл.

Вариант а (9 экз.). С щитком «геральдического» вида.

Подвариант 1 (8 экз.; табл. 281; рис. 14, 9). С узким внутренним контуром рамки. Размеры: 3,5 x 4-5 см.

Местонахождение типа XXIII.3а1: 1) Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., 1921 г., депаспортизировано); 2) Никольские находки.

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 282; рис. 14, 10). С более широким внутренним контуром рамки. Размеры: 3 x 4 см.

Местонахождение типа XXIII.3а2: Бирский могильник (п. 165).

Вариант б (5 экз.; табл. 283; рис. 14, 13). С полуовальным щитком. Размеры: 3 x 4 см.

Местонахождение типа XXIII.3б: Бирский могильник (п. 225).

**Отдел XXIV. Накладки, состоящие из комбинации
нескольких элементов / фигурные накладки
(106 экз.)**

Тип 1 (3 экз.; табл. 284; рис. 14, 14). Комбинация трапеции и круга; с небольшим валикообразным выступом на нижнем крае; со скошенными боками; крепление ремню происходило при помощи 2 штифтов на обороте. Материал: цветной металл. Размеры: 2,2 x 3 см.

Местонахождение типа XXIV.1: Бирский могильник (п. 220).

Тип 2 (1 экз.; табл. 285; рис. 14, 15). Комбинация ромба и 2 полуovalов; плоская; крепление к ремню происходило при помощи 2 шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 3 см.

Местонахождение типа XXIV.2: Бирский могильник (п. 229).

Тип 3 (2 экз.; табл. 286; рис. 14, 16). Комбинация прямоугольника и 2 полуovalов, отделенных от прямоугольника перемычками; плоские; с декором

из горизонтальных полос; крепление к ремню происходило при помощи 2 шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 3 см.

Местонахождение типа XXIV.3: 1) Бирский могильник (п. 197); 2) Кушнаренковский могильник (п. 10).

Тип 4 (не менее 86 экз.). Комбинация прямоугольника и Т-образных симметричных выступов; плоские; по бокам – декор из насечек; крепление к ремню происходило при помощи шпенька. Материал: цветной металл, железо.

Вариант а (не менее 80 экз.¹⁰; табл. 287; рис. 14, 17). Короткие. Размеры: 1-1,2 x 2-2,2 см.

Местонахождение типа XXIV.4а: Шиповский могильник (пп. 44, 82, 183, 217, 230, 244, 249, 252, 303).

Вариант б (6 экз.; табл. 288; рис. 14, 18). Удлиненные, ряд экземпляров с фасетировкой. Размеры: 1-1,2 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа XXIV.4б: 1) Салиховский могильник (раскопки 1972 г., кург. 19); 2) Югомашевский могильник (р. II, п. 51).

Тип 5 (1 экз.; табл. 289; рис. 14, 19). Фрагмент, состоящий из комбинации трапецевидной рамки и выступа в виде листа и завитков; со скошенными боками; полый; крепление к ремню осуществлялось при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 x 1,5 см.

Местонахождение типа XXIV.5: Бирский могильник (п. 359).

Тип 6 (2 экз.). С прямым нижним, вогнутыми боковыми краями и верхом в виде трех треугольников или одного на горизонтальной поверхности; со скошенными боками; полые; с крупной прямоугольной прорезью; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл.

Вариант а (1 экз.; табл. 290; рис. 14, 20). С верхом в виде трех треугольников; с декором в виде горизонтальных линий у основания. Размеры: 1,5 x 2,3 см.

Местонахождение типа XXIV.6а: Никольские находки.

---

¹⁰ Как отмечают авторы раскопок Шиповского курганно-грунтового могильника, общее количество накладок данного типа составляет не менее 80 экз. (Овсянников и др., 2007. С. 73).

Вариант б (1 экз.; табл. 291; рис. 14, 21). С верхом в виде треугольника на горизонтальной поверхности; без декора. Размеры: 1,5 x 3,2 см.

Местонахождение типа XXIV.6б: Новиковское погребение (г. Уфа).

Тип 7 (2 экз.; табл. 292; рис. 14, 22). Удлиненный приостренный двухскатный верх, отделен полуовальными врезками от прямоугольного низа с прогнутыми боками, который завершается петлей; крепление к ремню происходило при помощи штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2-1,5 x 4 см.

Местонахождение типа XXIV.7: Бирский могильник (п. 220).

Тип 8 (7 экз.). Горизонтальносимметричные; с двумя приостренными, в т.ч. «геральдическими» щитками (обычно – полыми); со скошенными боками; крепление к ремню происходило при помощи штифтов на обороте. Материал: цветной металл.

Вариант а (5 экз.). В центре накладок – ромбическая или круглая перемычка.

Подвариант 1 (2 экз.; табл. 293; рис. 14, 23). С перемычкой ромбической формы без прорези; щитки двухскатные; с 4 круглыми прорезями. Размеры: 1,2 x 3,5 см.

Местонахождение типа XXIV.8a1: Кушнаренковский могильник (п. 2).

Подвариант 2 (1 экз.; табл. 294; рис. 14, 24). С перемычкой, имеющей ромбическую прорезь; щитки плоские; с 4 круглыми прорезями. Размеры: 1,2 x 3,2 см.

Местонахождение типа XXIV.8a2: Ново-Биккинский курган.

Подвариант 3 (1 экз.; табл. 295; рис. 14, 25). С покатой перемычкой без прорези; щитки двухскатные; с 4 круглыми прорезями. Размеры: 1,2 x 3,2 см.

Местонахождение типа XXIV.8a3: Булгарский I курган.

Подвариант 4 (1 экз.; табл. 296; рис. 14, 26). С круглой перемычкой в центре; с 4 круглыми прорезями. Размеры: 1,2 x 3,5 см.

Местонахождение типа XXIV.8a4: Бирский могильник (п. 194).

Вариант б (2 экз.; табл. 297; рис. 14, 27). С «геральдическими» щитками, разделенными полукруглыми боковыми врезками; с прорезной орнаментацией в виде круга в центре, симметрично расположенных 2 полуovalов и 2 кругов; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов. Размеры: 1,3 x 2,7 см.

Местонахождение типа XXIV.8б: женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа).

Тип 9 (1 экз., табл. 298; рис. 14, 34). В виде свастики; с выдавленными с обратной стороны «полугорошинами»; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 5 x 5 см.

Местонахождение типа XXIV.9: Бирский могильник (п. 18).

Тип 10 (1 экз.; табл. 299; рис. 14, 28). Комбинация круга и «геральдического» щита; крепление к ремню происходило при помощи 2 штифтов. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5-1,8 x 3,7 см.

Местонахождение типа XXIV.10: Манякский могильник (р. I, п. 1).

Отдел XXV. В виде диска с прямоугольным выступом (10 экз.)

Тип 1 (3 экз.; табл. 300; рис. 14, 29). Плоские; круглая прорезь в центре; конец выступа загнут, возможно, для подвески, и имеет форму валика. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 1,5 см.

Местонахождение типа XXV.1: Бирский могильник (п. 337).

Тип 2 (6 экз.). Со шляпками-«полугорошинами» у шпеньков. Материал: цветной металл.

Вариант а (3 экз.; табл. 301; рис. 14, 30). Короткие. Размеры: 1,3 x 2 см.

Местонахождение типа XXV.2а: 1) Бирский могильник (п. 536); 2) Старо-Муштинский могильник (р. III, п. 8).

Вариант б (3 экз.; табл. 302; рис. 14, 31). Удлиненный выступ. Размеры: 1,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа XXV.2б: Старо-Муштинский могильник (р. III, п. 8).

Тип 3 (1 экз.; табл. 303; рис. 14, 32). Плоская; с декором в виде насечек по краям. Материал: цветной металл, железо. Размеры: 1-2 x 4 см.

Местонахождение типа XXV.3: Бирский могильник (п. 550).

**Отдел XXVI. Накладки из согнутой пополам пластины,
зачастую – с дополнительной подвеской**
(217 экз.)

Тип 1 (30 экз.; табл. 304; рис. 14, 33). Листовидные; с крестообразной насечкой у основания; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1-1,2 x 2,8-3 см; размеры подвески: 0,8-1 см.

Местонахождение типа XXVI.1: Ангасякский могильник (пп. 19, 37).

Тип 2 (2 экз.; табл. 305; рис. 14, 35). «Двухкружковые» – из двух дисков с перемычкой между ними и подвесным колечком; с декором в виде насечек по краю; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры накладки: 0,7-1 x 3 см; размеры подвески: 0,8-1 см.

Местонахождение типа XXVI.2: Салиховский могильник (раскопки 1972 г., кург. 22).

Тип 3 (26 экз.; табл. 306; рис. 14, 36). Прямоугольные, с подвесным колечком; с фасетировкой; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры накладки: 0,5 x 3 см; размеры подвески: 0,8-1 см.

Местонахождение типа XXVI.3: Бирский могильник (пп. 55, 467).

Тип 4 (71 экз.; табл. 307; рис. 14, 37). Из двух миндалевидных частей с перемычкой-площадкой между ними и подвесным колечком; с прямоугольным выступом в центре; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры накладки: 0,5-0,8 x 2-2,5 см; размеры подвески: 0,8-1 см.

Местонахождение типа XXVI.4: 1) Ангасякский могильник (раскопки 1963 г., п. 1); 2) Бирский могильник (пп. 333, 340, 381, 549, 562).

Тип 5 (1 экз.; табл. 308; рис. 14, 38). Щиток подпрямоугольной формы, подвеска – трапециевидная пластина с треугольным концом; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 0,2-0,5 x 5,4 см.

Местонахождение типа XXVI.5: Бирский могильник (депаспортизировано).

Тип 6 (не менее 44 экз.; табл. 309; рис. 14, 39, 40)¹¹. Дисковидные с подпрямоугольным отростком для подвесного колечка; с декором в виде насечек по краю; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 0,5-2,2 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа XXVI.6: Шиповский могильник (пп. 228, 264).

Тип 7 (16 экз.; табл. 310; рис. 15, 2). Комбинация трапеции и диска с подпрямоугольным отростком для подвесного колечка; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,2 x 3 см.

Местонахождение типа XXVI.7: Ангасякский могильник (п. 93).

Тип 8 (5 экз.; табл. 311; рис. 15, 1). Дисковидные с фигурным отростком, вероятно, для подвесного колечка; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1 x 3 см.

Местонахождение типа XXVI.8: Ангасякский могильник (п. 80).

Тип 9 (1 экз.; табл. 312; рис. 15, 3). Комбинация диска и трапеции с подпрямоугольным отростком, по-видимому, для подвесного колечка; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков. Материал: цветной металл. Размеры: 1,5 x 2 см.

Местонахождение типа XXVI.9: Шиповский могильник (п. 268а).

---

¹¹ Судя по сведениям, предоставленным авторами раскопок Шиповского курганно-грунтового могильника, общее количество накладок данного типа составляет не менее 44 экз. (Овсянников и др., 2007. С. 73).

Тип 10 (21 экз.; табл. 313; рис. 15, 4). Прямоугольные; крепление к ремню происходило при помощи шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами». Материал: железо. Размеры: 0,5-1,2 x 2,5 см.

Местонахождение типа XXVI.10: Старо-Кабановский могильник, п. 61.

2.4. Ременные бляхи

(21 экз.; табл. 314)

Весь доступный материал разделен на отделы – по материалу изготовления, на подотделы – по способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

Отдел I. Из металла

(14 экз.)

Подотдел А. Крепление к ремню при помощи

1-2 «ушек» на обороте

(4 экз.)

Тип 1 (1 экз.; рис. 15, 9а, 9б). Двусоставная: первая бляха круглой формы, с отверстием в центре; через данное отверстие вставлялась вторая плоская бляшка, имеющая декор в виде насечек по краю; крепление к ремню происходило при помощи ушка на обороте второй бляшки. Материал: цветной металл. Размеры первой бляхи: $D = 7,5$ см. Размеры второй бляхи: 2 x 2,5 см.

Местонахождение типа IA.1: Шиповский могильник (п. 244).

Тип 2 (3 экз.). В виде сегмента сферы; литые. Материал: цветной металл.

Вариант а (2 экз., рис. 15, 12). Без декора. Размеры: $D = 2-3$ см.

Местонахождение типа IA.2а: Бирский могильник (пп. 111, 624).

Вариант б (1 экз.; рис. 15, 8). Декор в виде полукруглых «выпуклин» по краю. Размеры: $D = 1,5$ x 2 см.

Местонахождение типа IA.2б: Ангасякский могильник (п. 5).

Подотдел Б. Крепление к ремню происходило через сквозные отверстия на бляхе

(10 экз.)

Тип 1 (9 экз.). Округлой формы; плоские. Материал: цветной металл.

Вариант а (7 экз., рис. 15, 13). Небольшие. Размеры: D = 2-4 см.

Местонахождение типа IB.1a: 1) Бирский могильник (п. 351); 2) Шиповский могильник (пп. 37, 43, 268а, 268б).

Вариант б (2 экз., рис. 15, 10). Крупные. Размеры: D = 4-5 см.

Местонахождение типа IB.1б: Шиповский могильник (пп. 37, 252).

Тип 2 (1 экз., рис. 15, 15). Конусовидная; выпуклая. Материал: цветной металл. Размеры: D = 8 см.

Местонахождение типа IB.2: Шиповский могильник (п. 82).

Отдел II. Из ископаемых моллюсков

(7 экз.)

Тип 1 (6 экз., рис. 15, 11). Круглые; с круглым отверстием в центре; некоторые изделия имеют следы ремонта в виде бронзовых пластин подпрямоугольной формы, которые скрепляли разломанные части; встречаются экземпляры с геометрическим декором. Бляхи изготовлены из раковин моллюсков вида *Turbo marmaratus* (Останина, 1997. С. 62–63) либо вида *Turbinella pyrum* (Голдина, 2018; Голдина, 2022. С. 110). Материал: раковина, металл. Размеры: D = 4-6 см.

Местонахождение типа II.1: Бирский могильник (п. 313).

Тип 2 (1 экз., рис. 15, 14а, 14б). Двусоставная; основная бляха неправильной закругленной формы; с круглым отверстием в центре, в которое была вставлена вторая бляха из металла (по типу **IA.2а**). Основная бляха изготовлена предположительно из раковины вида *Unionidae* (Тагиров, 2007. С. 94, рис. 3-II, 3; С. 97); крепление к ремню происходило при помощи «ушка» на обороте второй бляхи. Материал: раковина, металл. Размеры: бляха из раковины – 3 x 4,5 см; бляха из металла – D = 1,5 см.

Местонахождение типа II.2: Ангасякский могильник (п. 80).

2.5. Ременные крепежи

(9 экз.)

Весь доступный материал разделен на отделы – по технике изготовления и способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

Отдел I. Из согнутой пополам пластины; ремень зажимался между сторонами пластины

(8 экз.)

Тип 1 (8 экз.). Прямоугольные; с круглой подвеской; крепление к ремню происходило при помощи шпенька. Материал: цветной металл.

Вариант а (5 экз.; табл. 315; рис. 15, 5). Небольших размеров; подвеска – кольцо равномерной толщины. Размеры основной части изделия: 1,2 х 2-2,5 см; размеры подвески: 1,2-1,3 см.

Местонахождение типа I.1а: Шиповский могильник (пп. 101, 102).

Вариант б (3 экз.; табл. 316; рис. 15, 6, 7). Более крупные по сравнению с предыдущим вариантом; подвеска – кольцо с утолщением снизу. Размеры основной части изделия: 1-2 х 2,5-4,5 см; размеры подвески: 1,8-2,5 см.

Местонахождение типа I.1б: 1) Старо-Кабановский могильник (п. 86);
2) Бирский могильник (пп. 550, 644).

Отдел II. Цельнолитые

(1 экз.)

Тип 1 (1 экз.; табл. 317; рис. 15, 16). Рамчатый; комбинация прямоугольника и круга; ремень крепился на верхней рамке. Материал: цветной металл. Размеры: 2 х 2,5 см.

Местонахождение типа II.1: Бирский могильник (п. 220).

2.6. Ременные петельные крючки

(2 экз.)

Отдел выделен по технике изготовления, тип – по конструктивно-морфологическим особенностям изделий.

Отдел I. Пластинчатые

(2 экз.)

Тип 1 (2 экз.; табл. 318; рис. 15, 17). С одним загнутым концом.
Материал: железо. Размеры: 0,8-1 x 2,5-3 см.

Местонахождение типа I.1: Бирский могильник (п. 139).

*****

Таким образом, в настоящем исследовании типологически определены 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков – всего 3276 деталей ременных гарнитур.

Выделено 49 типов пряжек, 28 типов ременных наконечников, 72 типа ременных накладок, 6 типов ременных блях, 2 типа ременных крепежей, 1 тип ременных петельных крючков – со своими подтипами, вариантами и подвариантами.

ГЛАВА 3. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ РЕМЕННЫХ ГАРНИТУР ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

3.1. Сериация погребальных комплексов с ременными гарнитурами

Для создания сериации погребальных комплексов проведен предварительный отбор материала, который привел к сокращению числа привлекаемых погребений с предметами ременных гарнитур за счёт удаления из выборки комплексов, содержащих менее 2-х категорий вещей-хроноиндикаторов. Для корректного анализа не подходили погребения, содержавшие только вещи, имеющие широкие хронологические рамки бытования (например, орудия труда, предметы вооружения, некоторые типы украшений). Кроме того, в сериацию не были включены датирующие находки, встречающиеся лишь единожды. Подобные вещи были учтены при уточнении хронологических рамок выделенных кластеров.

Большинство южноуральских комплексов III – рубежа VII и VIII вв., к сожалению, не имеют антропологических определений. Между тем, анализ погребального инвентаря показал, что схожие ременные гарнитуры встречаются с набором вещей, характерных как для мужских (вооружение), так и для женских (бусы, ряд металлических украшений костюмного комплекса) погребений, что, на данный момент, не позволяет относить те или иные типы ременных принадлежностей исключительно к «мужским» или «женским». Из этого следует и то, что для рассматриваемых культур исследование хронологии ременных наборов без учета пола их владельцев вполне допустимо.

В ряде случаев в качестве одного хроноиндикатора (ХИ) используются несколько типов или вариантов вещей – если дробление, уместное в других случаях, для данной работы малоинформативно (Гавритухин, 2023б (в печати)).

Ниже приведен список хроноиндикаторов (ХИ), использованных для построения сериационной таблицы (рис. 62–63):

- 1) **ХИ-1.** Наконечники типа **I.6** (рис. 62, 1);
- 2) **ХИ-2.** Пряжки типа **ПБ.1.1** (рис. 62, 2);
- 3) **ХИ-3.** Накладки из согнутой пополам пластины различных форм (типы **XXVI.1, XXVI.4, XXVI.9**) (рис. 62, 3а, 3б, 3в);
- 4) **ХИ-4.** Крепежи типа **I.1б** (рис. 62, 4);
- 5) **ХИ-5.** Наконечники типа **ПА.1а** (рис. 62, 5);
- 6) **ХИ-6.** Пряжки с язычками, имеющими уступ либо выступ «площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки; с обоймами различных форм (типы **ПБ.1.9б, ПБ.1.12г**) (рис. 62, 6а, 6б);
- 7) **ХИ-7.** Накладки типа **I.4а** (рис. 62, 7);
- 8) **ХИ-8.** Ножны (рис. 62, 8) типа *Останина-3-2* (Останина, 1997. С. 70);
- 9) **ХИ-9.** Подвески-уточка (рис. 62, 9) типа *Останина-4* (Останина, 1997. С. 51);
- 10) **ХИ-10.** Круглые подвески с 4 выступами-лопастями (рис. 62, 10);
- 11) **ХИ-11.** Пряжки типа **ПБ.1.11б1** (рис. 62, 11);
- 12) **ХИ-12.** Наконечники типа **I.1.2б** (рис. 62, 12);
- 13) **ХИ-13.** Лапчатые подвески (рис. 62, 13);
- 14) **ХИ-14.** Наконечники типа **ПА.4а** (рис. 62, 14);
- 15) **ХИ-15.** Серьги с многогранником на конце (рис. 62, 15);
- 16) **ХИ-16.** Пряжки типа **ПБ.1.10е** (рис. 62, 16);
- 17) **ХИ-17.** Наконечники типа **I.1.2а** (рис. 62, 17а, 17б);
- 18) **ХИ-18.** Пряжки типа **ПБ.1.11б2** (рис. 62, 18);
- 19) **ХИ-19.** Пряжки типа **ПБ.1.14б** (рис. 62, 19);
- 20) **ХИ-20.** Накладки типа **VII.1** (рис. 62, 20);
- 21) **ХИ-21.** Наконечники типа **III.2** с вариантами (рис. 62, 21);
- 22) **ХИ-22.** Пряжки типа **ПБ.2.1а** (рис. 62, 22а) и типа **ПБ.2.1б** (рис. 62, 22б);
- 23) **ХИ-23.** Пряжки типа **ПБ.2.2а** (рис. 62, 23а) и типа **ПБ.2.2б** (рис. 62, 23б);

- 24) **ХИ-24**. Накладки типа **XXIII.3a2** (рис. 62, 24a) и типа **XXIII.3б** (рис. 62, 24б);
- 25) **ХИ-25**. Накладки типа **XXII.2в1** (рис. 62, 25a) и типа **XXII.2в2** (рис. 62, 25б);
- 26) **ХИ-26**. Накладки типа **XVII.3a** (рис. 62, 26a) и типа **XVII.3б** (рис. 62, 26б);
- 27) **ХИ-27**. Накладки типа **XVIII.2б** (рис. 62, 27);
- 28) **ХИ-28**. Наконечники типа **III.3a** (рис. 62, 28);
- 29) **ХИ-29**. Пряжки типа **IIВ.2.8a** (рис. 62, 29);
- 30) **ХИ-30**. Накладки типа **VI.2** (рис. 62, 30);
- 31) **ХИ-31**. Накладки типа **XI.1** (рис. 62, 31);
- 32) **ХИ-32**. Накладки типа **XIV.2a** (рис. 62, 32a) и типа **XIV.2б** (рис. 62, 32б);
- 33) **ХИ-33**. Накладки типа **XIX.1a** (рис. 62, 33a) и типа **XIX.1б** (рис. 62, 33б);
- 34) **ХИ-34**. Пряжки типа **IIВ.2.7a1** (рис. 62, 34);
- 35) **ХИ-35**. Наконечники типа **III.1б1** (рис. 62, 35);
- 36) **ХИ-36**. Наконечники типа **III.1б2** (рис. 62, 36);
- 37) **ХИ-37**. Наконечники типа **III.4a1** (рис. 62, 37);
- 38) **ХИ-38**. Перстни с ромбическим щитком (рис. 62, 38a) либо вставкой из камня / стекла (рис. 62, 38б);
- 39) **ХИ-39**. Рожковидные подвески (рис. 62, 39);
- 40) **ХИ-40**. Накладки типа **XXIII.1** (рис. 62, 40);
- 41) **ХИ-41**. Литые подвески-колокольчики (рис. 62, 41);
- 42) **ХИ-42**. Накладки типа **XXII.1a1** (рис. 62, 42);
- 43) **ХИ-43**. Накладки типа **XVIII.3a** (рис. 62, 43);
- 44) **ХИ-44**. Накладки типа **XVII.1a** (рис. 62, 44);
- 45) **ХИ-45**. Наконечники типа **III.1a** (рис. 62, 45);
- 46) **ХИ-46**. Накладки типа **XV.1a2** (рис. 62, 46);

- 47) **ХИ-47**. Накладки типа **I.1a** (рис. 62, 47);
- 48) **ХИ-48**. Накладки типа **XXI.1** (рис. 62, 48);
- 49) **ХИ-49**. Накладки типа **I.1в** (рис. 62, 49);
- 50) **ХИ-50**. Накладки типа **XV.2** (рис. 62, 50);
- 51) **ХИ-51**. Наконечники типа **III.6a** (рис. 62, 51).

Взаимовстречаемость **ХИ** позволяет выделить несколько групп, объединяющих комплексы со схожим набором погребального инвентаря (рис. 63).

Группа I

Включает 6 погребений:

- 1) *Бирский могильник, п. 320 (рис. 16-А);*
- 2) *Бирский могильник, п. 481 (рис. 16-Б);*
- 3) *Бирский могильник, п. 541 (рис. 17-А);*
- 4) *Бирский могильник, п. 333 (рис. 17-Б);*
- 5) *Шиповский могильник, п. 268a (рис. 17-В);*
- 6) *Ангасякский могильник, п. 37 (рис. 18).*

Основу выделенной группы погребений составляют наконечники типа **I.6 (ХИ-1; рис. 16-А, 10; рис. 16-Б, 6; рис. 17-А, 2; рис. 17-Б, 2; рис. 65, 39)**, пряжки типа **IIБ.1.1 (ХИ-2; рис. 16-А, 7; рис. 16-Б, 5; рис. 17-А, 1; рис. 17-В, 1; рис. 18, 3; рис. 65, 11)** и фигурные накладки, зачастую с подвеской на месте сгиба пластины (типы **XXVI.1, XXVI.4, XXVI.9 (ХИ-3; рис. 17-Б, 3; рис. 17-В, 2; рис. 18, 5; рис. 65, 27, 36, 37)**).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы I

Исходным районом для наконечников типа **I.6 (ХИ-1)**, обнаруженных в памятниках лесной зоны Восточной Европы, по мнению И.А. Бажана и И.О. Васкула, могла послужить территория, занятая западнобалтской, вельбарской и пшеворской культурами (Бажан, Васкул, 1988. С. 82–85). Как отмечают исследователи, данная категория находок «в основном распространена вдоль водных путей, ведущих из Прибалтики в Восточную

Европу», а само продвижение «волны импортов» подобных наконечников могло быть на рубеже II и III вв. (Там же. С. 82, 86). Т.И. Останиной рассматриваемые наконечники, происходящие из памятников мазунинской культуры, отнесены к IV–V вв. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 27). Близкие данному типу изделия датированы Н.А. Лещинской IV в. (Лещинская, 2014. С. 171; С. 185, табл. 88, 3, 6, 9, 11). Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц появление в Прикамье данного типа наконечников отнесено ко 2-ой пол. III в., а основное распространение они получили уже в IV в. и, по мнению исследователей, бытовали вплоть до V в. В.Ю. Малашевым и Л.Т. Яблонским отмечены хронологические нестыковки в гипотезе И.А. Бажана и И.О. Васкула о западном происхождении наконечников типа **I.6** (Малашев, Яблонский, 2008. С. 53). Точка зрения В.Ю. Малашева и Л.Т. Яблонского поддержана Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (Голдина, Бернц, 2017а. С. 193).

Пряжки типа **ПБ.1.1 (ХИ-2)** имели широкое распространение в Прикамье (Останина, 1997. С. 259, рис. 13, 20, 21; Старостин, 2009. С. 111, рис. 25, 12; Лещинская, 2014. С. 115, табл. 38, 7, 8; Голдина, Бернц, 2017а. С. 185, рис. 14, 107), а отдельные экземпляры встречены в комплексах рязановских могильников (Ахмедов, 2007. С. 169, рис. 15, 13). Бытование пряжек данного типа Н.А. Лещинской отнесено к III–V вв., а в наибольшей степени – к IV в. (Лещинская, 2014. С. 171; С. 182, табл. 85, 19, 23). По мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, указанный тип пряжек появился в Прикамье в 1-ой пол. III в., а особое распространение он получил уже в V в. Местом производства пряжек типа **ПБ.1.1** исследователи считают южную часть мазунинской территории в Удмуртском Прикамье (Голдина, Бернц, 2017а. С. 193).

В Южном Приуралье они широко представлены в ряде комплексов мазунинской и кара-абызской культур, верхняя граница которых, по мнению исследователей, не выходит за рамки IV в. (Васюткин, 1980. С. 91; Овсянников и др., 2007. С. 84; Тагиров, 2007. С. 104), в то же время

Т.И. Останиной данный тип пряжек датирован в рамках IV–V вв. (Останина, 1997. С. 105; С. 296, рис. 51, 42). На основании материалов погребений Бирского могильника, где подобные пряжки зафиксированы с вещами позднепьяноборского времени, А.Н. Султановой их появление в раннебахмутинской (мазунинской) культуре отнесено к IV в. (Султанова, 2000. С. 74).

Для уточнения датировки пряжек типа **ПБ.1.1** следует обратиться к наблюдениями В.Ю. Малашева относительно отдельных признаков, отражающих эволюцию ременных гарнитур позднесарматского периода. По мнению исследователя, прямые язычки без прогиба в средней части у пряжек наиболее чаще встречаются в IV в. Примечательно, что после 1-ой трети IV в. язычки пряжек доходят до середины высоты рамки, а в «финале IV в. язычки пряжек еще более удлиняются, как бы охватывая рамку или выступая впереди нее» (Малашев, 2000. С. 209). С учетом того, что сохранившиеся до настоящего времени язычки пряжек типа **ПБ.1.1** не выступают за передний край рамки, можно предположить, что верхняя граница бытования данного типа может быть ограничена, по крайней мере, 3-ей четв. IV в.

По наблюдениям И.О. Гавритухина, В-образная форма рамок появилась у пряжек не ранее IV в., хотя ранние формы пряжек со щитком, имеющим прогнутые бока, бытовали и раньше, в основном как обувные. Поясные же наборы с рассматриваемыми пряжками, наконечниками и накладками, близкие типу Суворово в азелинской культуре, сложились под влиянием позднесарматских образцов 2-ой пол. III в., но бытовали в основном в 1-ой пол. – сер. / 3-ей четв. IV в. (Гавритухин, 2022б. С. 282, 284–285, 303).

Фигурные накладки, зачастую имеющие кольцообразную подвеску на месте сгиба (**ХИ-3**), были широко распространены в Прикамье (Останина, 1997. С. 58; Голдина, Бернц, 2017б. С. 56, рис. 5, 43; С. 185, рис. 14, 10-6). Тип **XXVI.1**, по мнению ижевских исследователей, бытовал в IV в. (Там же. С. 57), а накладки типа **XXVI.4** из мужских погребений Тарасовского могильника

датированы 2-ой пол. III – IV в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 37, рис. 6, 54), в женских погребениях они бытовали на протяжении всего IV в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 56, рис. 5, 34). Т.И. Останиной и Н.А. Лещинской данный тип датирован IV в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 46; Лещинская, 2014. С. 187, табл. 90, 3–5). А.В. Богачевым подобные накладки отнесены к типу «двухкружковых», время бытования которых ограничено концом IV – нач. V в. (Богачев, 2011. С. 209, рис. 61, 13).

Для уточнения датировки погребений *группы I* использованы результаты хронологических построений И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова, основанные на анализе инвентаря из Тураевского курганного могильника 4-ой четв. IV в. (Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 180–186). Среди материалов *группы I* хроноиндикаторы, аналогичные «тураевским», не зафиксированы, что позволяет ограничить верхнюю границу комплексов данной группы 3-ей четв. IV в.

Таким образом, датировка погребений *группы I* в соответствии с предложенной В.Ю. Малашевым схемой развития ременных гарнитур позднесарматского периода, хронологическими разработками И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова, а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена в рамках **2-ой пол. / конца III – 3-ей четв. IV в.** Причем комплексы с В-образными пряжками датируются **1-ой пол. – 3-ей четв. IV в.**

Группа II

Подгруппа II-а:

Включает 1 погребение:

7) *Бирский могильник, п. 550 (рис. 19).*

С предыдущей группой данное захоронение связано наличием пряжки типа **ПБ.1.1 (ХИ-2; рис. 19, 1)**. Также в нем зафиксированы крепеж типа **I.16 (ХИ-4; рис. 19, 4; рис. 65, 25)**, имевший распространение уже в материалах последующих групп погребений.

Подгруппа II-б:

Включает 1 погребение:

8) *Старо-Кабановский могильник, п. 86 (рис. 29).*

В данном захоронении обнаружены крепеж типа **I.16 (ХИ-4;** рис. 20, 2), и наконечник типа **ПА.1а (ХИ-5;** рис. 20, 4).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы II

Крепежам типа **I.16 (ХИ-4)** выявлены аналогии в Прикамье (Голдина, Бернц, 2017б. С. 56, рис. 5, 43), на Вятке (Лещинская, 2014. С. 237, табл. 18, 13; С. 240, табл. 21, 7), в Поочье (Ахмедов, 2007. С. 180, рис. 25, 8, 9), Западной Сибири (Матренин, 2017. С. 64) и на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 201, рис. 35, 5–8; Мастыкова, 2009. С. 397, табл. 139, 32). Н.А. Лещинской крепежи данного типа датированы III в. (Лещинская, 2014. С. 180, табл. 83, 8). В женских погребениях Тарасовского могильника, по мнению исследователей, схожие по конструкции изделия бытовали в IV в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 57).

Аналогии наконечникам типа **ПА.1а (ХИ-5)** обнаружены в комплексах Кисловодской котловины и в памятниках позднесарматского круга (Малашев, 2000. С. 203–204). В Южном Приуралье и Прикамье, помимо Бирского, Старо-Кабановского, Кара-Тамакского и Старо-Муштинского могильников, наконечники выявлены в Тураевском, Кудашевском и Тарасовском могильниках (Генинг, 1962. С. 96; Голдина, Бернц, 2016б. С. 45, рис. 8, 81; Перескоков, 2018. С. 263, рис. 47), на городище Чеганда I (Генинг, 1967. С. 27, табл. II, 11). Отдельные экземпляры наконечников данного типа зафиксированы на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 11). Близкие по форме золотые наконечники, богато инкрустированные гранатами в перегородчатых гнездах, обнаружены в погребениях гуннского времени у д. Муслюмово (Приуралье) и в погребении Концешты (Румыния) (Засецкая, 1994. Табл. 19; Казанский, 2014б. С. 45, рис. 1, 1). По мнению Т.И. Останиной, в мазунинской культуре наконечники типа **ПА.1а** характерны для погребений

V в. (Останина, 1997. С. 109). М.В. Кривошеевым и В.Ю. Малашевым наконечники данного типа, происходящие из памятников степной полосы Волго-Уральского региона, датированы «главным образом, от середины IV до раннего V в. н.э.» (Кривошеев, Малашев, 2016. С. 140).

П. 550 Бирского могильника с учетом набора пряжек может быть синхронизировано с ранней частью *группы I* (не позднее **1-ой пол. IV в.**), а п. 86 Старо-Кабановского могильника, с учетом находки наконечника, – с ее поздней частью (**2-я четв. / сер. – 3-я четв. IV в.**).

Группа III

Подгруппа III-а:

Включает 4 погребения:

- 9) *Старо-Муштинский могильник, кург. 17, п. 3 («тайник»)* (рис. 21);
- 10) *Старо-Кабановский могильник, п. 145* (рис. 22-А);
- 11) *Югомашевский могильник, р. II, п. 8* (рис. 22-Б);
- 12) *Старо-Кабановский могильник, п. 115* (рис. 23-А).

В данной подгруппе зафиксированы наконечники типа **ПА.1а (ХИ-5;** рис. 21, 6; рис. 22-А, 1; рис. 22-Б, 1, 2; рис. 23-А, 7, 8; рис. 66, 5), пряжки с язычками, имеющими уступ либо выступ-«площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки (типы **ПБ.1.9б, ПБ.1.12г (ХИ-6;** рис. 21, 3; рис. 22-А, 2; рис. 22-Б, 3; рис. 23-А, 1; рис. 66, 2, 3), и накладки типа **I.4а (ХИ-7;** рис. 23-А, 3; рис. 66, 4).

Подгруппа III-б:

Включает 1 погребение:

- 13) *Старо-Кабановский могильник, п. 80* (рис. 23-Б).

В указанном комплексе обнаружены наконечники типа **ПА.1а (ХИ-5;** рис. 23-Б, 2, 3), пряжки, аналогичные изделиям из предыдущей группы (**ХИ-6;** рис. 23-Б, 4, 8), и накладки типа **I.4а (ХИ-7;** рис. 23-Б, 5). Кроме того, здесь зафиксированы ножны (**ХИ-8;** рис. 23-Б, 12) типа *Останина-3-2* (Останина, 1997. С. 70).

Подгруппа III-в:

Включает 2 погребения:

14) Старо-Кабановский могильник, п. 100 (рис. 24);

15) Старо-Кабановский могильник, п. 152 (рис. 25).

В погребениях данной подгруппы выявлены пряжки с язычками, имеющими уступ либо выступ-«площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки (**ХИ-6**; рис. 24, 3; рис. 25, 1), и ножны типа *Останина-3-2* (**ХИ-8**; рис. 24, 1; рис. 25, 12). В п. 152 Старо-Кабановского могильника обнаружены подвески-уточка типа *Останина-4* (**ХИ-9**; рис. 25, 9). Между тем, в данных комплексах отсутствуют наконечники типа **IIA.1a** (**ХИ-5**) и накладки типа **I.4a** (**ХИ-7**).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы III

Общим признаком для погребений *группы III* является наличие пряжек с язычками, имеющими уступ либо выступ-«площадку» у основания и доходящими до середины высоты рамки (**ХИ-6**); в большинстве захоронений обнаружены наконечники типа **IIA.1a** (**ХИ-5**).

А.К. Амброзом пряжки с аналогичными признаками, происходящие из погребальных комплексов на территории Крыма, датированы IV в. (Амброз, 1989. С. 91, рис. 5, 1, 3–5). По наблюдениям В.Ю. Малашева, язычки у пряжек, доходящие до середины высоты рамки, появляются после 1-ой трети IV в., а в финале IV в. они «еще более удлиняются, как бы охватывая рамку или выступая впереди нее» (Малашев, 2000. С. 209).

В «тайнике» п. 3 кург. 17 Старо-Муштинского могильника наконечники типа **IIA.1a** зафиксированы совместно с наконечником типа **I.5**, имеющим валикообразное расширение на месте сгиба пластины (рис. 66, б) (Сунгатов и др., 2004. Рис. 37). Последнему обнаружены аналогии в Оренбургском Приуралье (Малашев, Яблонский, 2008. С. 286, рис. 162, 3), на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С.224, рис. 58, 1–6), Средней Оке (Ахмедов, 2007. С. 180, рис. 25, 4) и в Крыму (Засецкая, 1979. С. 8, рис. 3, 13). Как

отмечают исследователи, наконечники с валикообразным расширением на месте сгиба были широко распространены в позднеаримское и гуннское время (Малашев, 2000. С. 203; Габуев, Малашев, 2009. С. 125). Согласно наблюдениям В.Ю. Малашева и М.В. Кривошеева, в позднеарматских комплексах наконечники типа **I.5** появляются во 2-ой пол. II в., а бытуют и в гуннское время (Малашев, 2000. С. 203–205; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 139).

Пряжки, аналогичные пряжкам типа **IIA.1a**, и наконечники с секировидным окончанием типа **IIA.1a** обнаружены в курганах Тураевского могильника, датированных исследователями 4-ой четв. IV в. (Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 183, рис. 5, *12a*, *12б*, *12г*).

Датировка погребений *группы III* в соответствии с предложенной В.Ю. Малашевым схемой развития ременных гарнитур позднеарматского периода (Малашев, 2000. С. 209–210), хронологическими построениями И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова (Гавритухин, 2022б. С. 277–281; Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 80–186), а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена в рамках **2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.** Вполне возможно, что особенности вещевого инвентаря, позволившие выделить подгруппы внутри *группы III*, и его хронологическая близость *группам I* и *II* могли являться отражением различий не по хронологическому, а по половозрастному (фибулы, ножны, бусинные наборы обычны для женских уборов) или социальному признакам.

Группа IV

Подгруппа IV-а:

Включает 3 погребения:

16) Бирский могильник, п. 128 (рис. 26);

17) Бирский могильник, п. 78 (рис. 27);

18) Бирский могильник, п. 125 (рис. 28).

В данной подгруппе обнаружены подвески-уточка типа *Останина-4* (**ХИ-9**; рис. 26, 8), круглые подвески с 4 выступами-лопастями (**ХИ-10**; рис. 26, 4; рис. 27, 1; рис. 28, 5), пряжки типа **ПБ.1.1161** (**ХИ-11**; рис. 27, 9; рис. 67, 17), наконечники типа **I.1.26** (**ХИ-12**; рис. 26, 14; рис. 28, 12; рис. 67, 18, 19), лапчатые подвески (**ХИ-13**; рис. 26, 10; рис. 27, 2), наконечники типа **ПА.4а** (**ХИ-14**; рис. 26, 9; рис. 28, 11; рис. 67, 21), серьги с многогранником на конце (**ХИ-15**; рис. 26, 1; рис. 27, 3; рис. 28, 4), пряжки типа **ПБ.1.10е** (**ХИ-16**; рис. 26, 19; рис. 28, 17, 20; рис. 67, 20), наконечники типа **I.1.2а** (**ХИ-17**; рис. 26, 13; рис. 28, 16; рис. 67, 22).

Подгруппа IV-б:

Включает 4 погребения:

- 19) *Бирский могильник, п. 108 (рис. 29);*
- 20) *Бирский могильник, п. 126 (рис. 30-А);*
- 21) *Бирский могильник, п. 93 (рис. 30-Б);*
- 22) *Бирский могильник, п. 154 (рис. 31-А).*

В данной подгруппе зафиксированы пряжки типа **ПБ.1.1161** (**ХИ-11**; рис. 30-А, 3; рис. 30-Б, 1; рис. 31-А, 1), наконечники типа **I.1.26** (**ХИ-12**; рис. 29, 9; рис. 30-А, 6; рис. 31-А, 4), наконечники типа **ПА.4а** (**ХИ-14**; рис. 30-А, 11; рис. 30-Б, 2), серьги с многогранником на конце (**ХИ-15**; рис. 29, 2), пряжки типа **ПБ.1.10е** (**ХИ-16**; рис. 29, 10; рис. 30-А, 4), наконечники типа **I.1.2а** (**ХИ-17**; рис. 30-А, 5).

Подгруппа IV-в:

Включает 5 погребений:

- 23) *Бирский могильник, п. 148 (рис. 31-Б);*
- 24) *Бирский могильник, п. 81 (рис. 32-А);*
- 25) *Бирский могильник, п. 288 (рис. 32-Б);*
- 26) *Бирский могильник, п. 137 (рис. 33-А);*
- 27) *Бирский могильник, п. 166 (рис. 33-Б).*

В данной подгруппе зафиксированы наконечники типа **I.1.2б** (**ХИ-12**; рис. 31-Б, 9; рис. 32-А, 2; рис. 32-Б, 12; рис. 33-А, 1; рис. 33-Б, 5), лапчатые подвески (**ХИ-13**; рис. 32-А, 3), наконечники типа **ПА.4а** (**ХИ-14**; рис. 32-А, 10; рис. 32-Б, 3, 4; рис. 33-А, 3; рис. 33-Б, 4), серьги с многогранником на конце (**ХИ-15**; рис. 31-Б, 2; рис. 33-А, 7; рис. 33-Б, 1), пряжки типа **ПБ.1.10е** (**ХИ-16**; рис. 32-Б, 7; рис. 33-А, 2; рис. 33-Б, 2), наконечники типа **I.1.2а** (**ХИ-17**; рис. 31-Б, 4; рис. 33-А, 8), пряжки типа **ПБ.1.1162** (**ХИ-18**; рис. 32-А, 1; рис. 67, 23).

Подгруппа IV-з:

Включает 2 погребения:

28) Бирский могильник, п. 272 (рис. 34-А);

29) Бирский могильник, п. 95 (рис. 34-Б).

В данной подгруппе обнаружены наконечники типа **ПА.4а** (**ХИ-14**; рис. 34-А, 8; рис. 34-Б, 3), серьги с многогранником на конце (**ХИ-15**; рис. 34-А, 6); пряжки типа **ПБ.1.10е** (**ХИ-16**; рис. 34-Б, 1, 2) и типа **ПБ.1.1162** (**ХИ-18**; рис. 34-А, 3).

Подгруппа IV-д:

Включает 2 погребения:

30) Бирский могильник, п. 5 (рис. 35-А);

31) Бирский могильник, п. 161 (рис. 35-Б).

В погребениях данной подгруппы зафиксированы наконечники типа **I.1.2а** (**ХИ-17**; рис. 35-А, 2; рис. 35-Б, 2) и пряжки типа **ПБ.1.14б** (**ХИ-19**; рис. 35-А, 1; рис. 35-Б, 1; рис. 67, 24).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы IV

Наибольшее количество соответствий пряжки типа **ПБ.1.1161** (**ХИ-11**) имеют в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 73, табл. 4, 2–4) и Пермском Предуралье, где они датированы сер. V – 1-ой пол. VI в. (Перескоков, 2018. С. 310, рис. 94а, 1, 2; С. 311, рис. 94б, 23, 30, 35).

Серьги с многогранником на конце (**ХИ-15**), помимо комплексов Бирского могильника, зафиксированы также в Дежневском, Новотурбаслинском, Кушнареновском могильниках, в ряде погребений на территории г. Уфы (Крапачева, 2016. С. 42–43). За пределами Южного Приуралья серьги данного типа обнаружены в Среднем Поволжье (Матвеева, Богачев, 2000. С. 166; С. 184, табл. 13), Верхнем Прикамье (Перевозчикова, 2009а. С. 84–86), Крыму (Хайрединова, 2002. С. 41–45), на Северном Кавказе (Мажитов, 1959. С. 141; Атаев, 1963. С. 231–235) и в других регионах. По мнению Э.А. Хайрединовой, серьги с литым многогранником появились на рубеже IV и V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае и распространились у оседлых народов гуннского государства, а в V–VII вв. – бытовали в Крыму (Хайрединова, 2002). Как отмечает Ф.А. Сунгатов, серьги данного типа известны с V в. на обширных пространствах от Кавказа до Паннонии (Сунгатов, 1998. С. 45). В могильниках Среднего Поволжья, по мнению исследователей, серьги с многогранником на конце бытовали и в 1-ой пол. VII в. (Матвеева, Богачев, 2000. С. 169), находки из Бирского могильника А.К. Амброз датировал в рамках VII в. (Амброз, 1980. С. 53–56). В Верхнем Прикамье основным ареалом поздних вариантов серег с многогранником являются памятники полемской культуры, где они характерны для мыдланьшайской стадии (конец VIII – IX в.), в неволинской и ломоватовской культурах их находки единичны (Перевозчикова, 2009а. С. 84–86). На Восточном Кавказе, согласно наблюдениям В.Ю. Малашева, такие серьги известны со 2-ой пол. IV в., т.е. раньше, чем в других регионах (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015. С. 91–92).

Все специалисты согласны, что пряжки с утолщенной спереди рамкой и хоботковидными язычками получили распространение на обширных пространствах, начиная с V или конца IV в. (Амброз, 1989. С. 91, рис. 5, 16, 21, 30; С. 100, рис. 14, 22; Засецкая, 1994. Табл. 4, 11; Габуев, Малашев, 2009. С. 126–127).

Пряжки типа **ПБ.1.10е (ХИ-16)** имеют аналогии в Среднем Поволжье (Матвеева, 2004. С. 155, рис. 32, 25), на Северном Кавказе (Гавритухин, 2001в. С. 146, рис. 76; Мастыкова, 2009. С. 278, рис. 42, 3; Габуев, Малашев, 2009. С. 291, рис. 125, 2) и др. Подобные пряжки в северокавказских комплексах датированы исследователями «1-ой пол. V в. (возможно, ближе к середине столетия)» (Там же. С. 126–127). Между тем, в ряде погребений Бирского могильника пряжки с хоботковидными язычками и прямоугольными обоймами встречены с «геральдическими» ременными гарнитурами, что позволяет предположить время их бытования в Южном Приуралье вплоть до конца VI в.

Аналогии пряжкам типа **ПБ.1.1162 (ХИ-18)** выявлены в большом количестве в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 75, табл. 5, 13, 18, 19, 21), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 10). В Пермском Предуралье подобные пряжки были наиболее распространены в 1-ой пол. VI в. (Перескоков, 2018. С. 311, рис. 94б, 18, 19, 21), появившись, очевидно, несколько ранее.

Пряжки типа **ПБ.1.146 (ХИ-19)** имеют аналогии в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 77, табл. 6, 1–8), Пермском Предуралье (Перескоков, 2018. С. 256, рис. 40; Голдина и др., 2018. С. 513–515, табл. 357–359), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 2) и в Приаралье (Левина, 1996. С. 321, рис. 126, 18). Пряжки данного типа датированы некоторыми исследователями в рамках VI в. (Голдина и др., 2018. С. 586, табл. 430, 15). Однако это касается пряжек, типичных для поясов типа Харино, а время появления их прототипов не изучено.

Наконечники типа **И.1.2а (ХИ-17)** были распространены в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 78, табл. 7, 24), Пермском Предуралье (Перескоков, 2018. С. 262, рис. 46) и бассейне р. Вятки (Лещинская, 2014. С. 388, табл. 134, 3; С. 393, табл. 139, 10, 11). Подобные наконечники датированы Н.А. Лещинской концом IV – V в. (Там же. С. 192, табл. 95, 15), в

Верхнем Прикамье они встречаются и в комплексах VI в. (Голдина и др., 2018. С. 586, табл. 430, 17). Как отмечает М.Л. Перескоков, наконечники данного типа небольших размеров известны еще с позднесарматского времени, экземпляры с 3 заклепками зафиксированы в комплексах, датированных от рубежа IV и V вв. до сер. V в., а в V в. распространяются широкие наконечники с 5-7 заклепками (Перескоков, 2017. С. 88, 94). Согласно наблюдениям И.О. Гавритухина, подобные наконечники встречаются в захоронениях, близких по времени Тураевским курганам, и даже в более ранних комплексах. Хронологическое же значение числа заклепок на наконечниках данного типа опровергается материалами группы Тураево – Кудаш (Гавритухин, 2022б. С. 298).

Таким образом, *группа IV* объединяет погребения с инвентарем, основу которого составляют пряжки с хоботковидными язычками типа **ПБ.1.10е**, типа **ПБ.1.1161**, типа **ПБ.1.1162**, типа **ПБ.1.146**, наконечники типа **I.1.2а**, типа **I.1.2б**, типа **ПА.4а**, а также подвески-уточка типа *Останина-4*, круглые подвески с 4 выступами-лопастями, лапчатые подвески, серьги с многогранником на конце.

Судя по всему, общая датировка погребений *подгруппы IV-а* и *подгруппы IV-б* укладывается в рамках V в., не исключая VI в. На основании находок пряжек типа **ПБ.1.1162** и типа **ПБ.1.146** *подгруппы IV-в*, *IV-г* и *IV-д* возможно датировать VI в., не исключая часть V в. Ввиду того, что многие захоронения из *группы IV* являются потревоженными, а погребальный инвентарь в ряде случаев имеет достаточно широкие рамки бытования, представленная хронологическая схема является предварительной и, без сомнений, требует уточнения в будущем.

Группа V

Включает 12 погребений:

32) Бирский могильник, п. 130 (рис. 36);

33) Бирский могильник, п. 77 (рис. 37);

- 34) Бирский могильник, п. 88 (рис. 38);
- 35) Бирский могильник, п. 111 (рис. 39);
- 36) Бирский могильник, п. 123 (рис. 40-А);
- 37) Дежневский могильник, кург. 19, п. 2 (рис. 40-Б);
- 38) Кувыковский могильник, п. 1 (рис. 41);
- 39) Погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа) (рис. 42-А);
- 40) Дежневский могильник, кург. 1, п. 3 (рис. 42-Б);
- 41) Бирский могильник, п. 83 (рис. 43-А);
- 42) Галановский II могильник, п. 1 (рис. 43-Б);
- 43) Ново-Турбаслинский могильник, кург. 30 (рис. 44-А).

Для данной группы погребений характерно наличие накладок типа **VII.1** (**ХИ-20**; рис. 36, 5; рис. 37, 19; рис. 38, 3; рис. 39, 2; рис. 40-А, 3; рис. 40-Б, 3; рис. 41, 6, 7; рис. 42-А, 4; рис. 42-Б, 2; рис. 67, 32), наконечников типа **III.2** с вариантами (**ХИ-21**; рис. 36, 6; рис. 37, 6; рис. 38, 2; рис. 39, 3; рис. 40-А, 2; рис. 40-Б, 2; рис. 41, 4; рис. 43-А, 2; рис. 43-Б, 2; рис. 44-А, 2; рис. 67, 33, 34), пряжек типа **ПБ.2.1а** и типа **ПБ.2.1б** (**ХИ-22**; рис. 36, 3, 4; рис. 37, 2, 3; рис. 38, 1; рис. 39, 1; рис. 40-А, 1; рис. 40-Б, 1; рис. 41, 1, 5, 8; рис. 42-А, 1-3; рис. 42-Б, 1; рис. 43-А, 1; рис. 43-Б, 1; рис. 44-А, 1; рис. 67, 35, 36).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы V

Накладки типа **VII.1** (**ХИ-20**), являясь характерным признаком для комплексов «пост-гуннского» (шиповского) времени, продолжают, как отмечает В.Б. Ковалевская, линию развития накладок гуннской эпохи (Ковалевская, 2000. С. 156). Судя по их расположению *in situ* в ряде комплексов (Бирский могильник, пп. 77, 111, 124, 130; Кувыковское погребение; погребение на ул. Мустая Карима, д. 33) «у ног» / «стоп»/ «между пяточными костями», данные предметы относились к обувной гарнитуре. В качестве ранних аналогий можно привести накладки-лунницы с декором в виде «лжезерни» (по определению А.Х. Пшеничниока) из кург. 20 Дербеневского могильника, обнаруженные в области ног погребенного

(Пшеничнюк, 1992. С. 75). А.В. Мастыкова отмечает, что кавказские аналоги, также обнаруженные в области ног, могли быть как принадлежностью обуви, так и украшать конскую узду, ввиду частого расположения последней в ногах погребенных (Мастыкова, 2009. С. 66).

Соответствия наконечникам типа **III.2** с вариантами (**XII-21**) обнаружены в Крыму (Айбабин, 1990. С. 226, рис. 47, 11), на Северном Кавказе, в Поволжье и Западном Казахстане (Бернштам, 1951. С. 219–222, рис. 5; Амброз, 1971б. С. 114, рис. 10; Амброз, 1989. С. 117, рис. 3; С. 130, рис. 44; Габуев, 2014. С. 162, рис. 43, 1).

Аналогии пряжкам типа **IIБ.2.1а** и типа **IIБ.2.1б (XII-22)** зафиксированы на Северном Кавказе (Амброз, 1980. С. 16; Засецкая, 1994. Табл. 4, 8; Мастыкова, 2009. С. 280, рис. 45), в Прикубанье (Там же. С. 60), Предкавказье (Казанский, Мастыкова, 2010. С. 101, рис. 5) и Приаралье (Левина, 1996. С. 320, рис. 125, 13).

Как уже отмечалось ранее, датировка древностей шиповского круга, к которым относятся рассматриваемые погребения, уже более полувека является предметом дискуссий среди исследователей.

А.К Амброзом погребения, содержащие изделия с полихромными вставками и «чешуйчатым» / «дерюжным» орнаментом, отнесены ко II группе кочевнических древностей и датированы VI–VII вв. (комплексы на территории Башкирии – VII в.) (Амброз, 1971б. С. 114–117; Амброз, 1985. С. 301). И.П. Засецкая обращала внимание на близость ряда элементов шиповского круга древностям гуннской эпохи (Засецкая, 1994. С. 126–128). Шиповский горизонт в Среднем Поволжье датирован А.В. Богачевым сер. – 2-ой пол. VI в. (Богачев, 1996б. С. 186–189), в то время как А.В. Комаром его верхняя граница ограничена 2-ой третью VI в. (Комар, 2000. С. 46). А.В. Мастыковой и М.М. Казанским хронологические рамки подобным изделиям, обнаруженным на Кавказе, определены сер. V – сер. VI в. (Мастыкова, 2009. С. 19; Казанский, Мастыкова, 2010. С. 93). И.Р. Ахмедовым для памятников Средней Оки было

предложено определение «верхней» хронологической границы шиповского горизонта в диапазоне начала первых десятилетий – 1-ой трети VI в. (Ахмедов, 2019. С. 31).

Как отмечают И.О. Гавритухин и В.Ю. Малашев, на сегодняшний день «в отношении древностей круга Шипово <...> всеми специалистами признана точка зрения, впервые сформулированная А.К. Амброзом, что эти материалы принадлежат комплексам, отличающимся от древностей эпохи Аттилы не только стилистически, но и хронологически» (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 47). Формирование ряда особенностей шиповских стилей относится ко 2-ой пол. V в., в VI в. происходит их распространение, но со 2-ой пол. VI в. эти стили уже вытесняются новыми (*см. ниже*) (Гавритухин, 1999. С. 193). Таким образом, датировка погребений шиповского круга в Южном Приуралье (*группа V*) может быть ограничена **2-ой пол. V – VI в.**, а расцвет шиповского стиля приходится на **1-ю пол. – сер. VI в.**

Группа VI

Подгруппа VI-а:

Включает 1 погребение:

44) *Бирский могильник, п. 165 (рис. 44-Б).*

С предыдущей группой данное захоронение сближает наличие наконечника типа **Ш.261 (ХИ-21;** рис. 44-Б, 9; рис. 68, 10) и пряжек типа **ПБ.2.16 (ХИ-22;** рис. 44-Б, 8, 11; рис. 68, 11). Между тем, в п. 165 Бирского могильника зафиксированы новые типы вещей: «геральдические» пряжки типа **ПБ.2.2а (ХИ-23;** рис. 44-Б, 3; рис. 68, 14), накладки типа **ХХШ.3а2 (ХИ-24;** рис. 44-Б, 2; рис. 68, 21), типа **ХХП.2в2 (ХИ-25;** рис. 44-Б, 7; рис. 68, 13), типа **ХVII.36 (ХИ-26;** рис. 44-Б, 1; рис. 68, 19).

Подгруппа VI-б:

Включает 1 погребение:

45) *Бирский могильник, п. 225 (рис. 45).*

В данном захоронении обнаружена «геральдическая» ременная гарнитура: пряжка типа **ПБ.2.2б** (**ХИ-23**; рис. 45, 1; рис. 68, 15), накладки типа **ХХШ.3б** (**ХИ-24**; рис. 45, 2; рис. 68, 16), типа **ХХП.2в1** (**ХИ-25**; рис. 45, 6; рис. 68, 12) и типа **ХVII.3а** (**ХИ-26**; рис. 45, 5; рис. 68, 20).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов группы VI

Пряжка типа **ПБ.2.2а** (**ХИ-23**) имеет аналогии в Предкавказье (Мастыкова и др., 2016. С. 114, табл. 6, 17; Gavritukhin, 2018. P. 298, fig. 115, 41, 48, 49) и Крыму (Айбабин, Хайрединова, 2014. С. 218, рис. 38, 17). Подобные пряжки датированы исследователями в рамках от 1-ой трети VI в. (Мастыкова и др., 2016. С. 13–14) до последней трети VI – нач. VII в. (Гавритухин, 2001в. С. 36–37).

Ко 2-ой пол. VI – нач. VII в. следует отнести и бытование накладок типа **ХVII.3б** (**ХИ-26**), близкие аналогии которым обнаружены в Поволжье (Краснов, 1980. С. 210, рис. 40, 10) и Пермском Предуралье (Гавритухин, 1996. С. 131, рис. 3).

Соответствия накладкам типа **ХVII.3а** (**ХИ-26**) выявлены в Среднем Поволжье (Казаков, 1996. С. 45–46; Казаков, 1998. С. 107; Казаков, 2013а. С. 190) и на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 33), схожие изделия обнаружены в Предкавказье (Пашковский I могильник) (Мастыкова и др., 2016. С. 115, табл. 7, 28). Подобные накладки датированы Е.П. Казаковым 3-ей четв. VI в. Накладка из Пашковского могильника, судя по всему, являющаяся более ранним прототипом для «бирских» экземпляров, отнесена И.Р. Ахмедовым к 1-ой пол. VI в. (Ахмедов, 2016. С. 236).

Накладки типов **ХХШ.3а1**, **ХХШ.3б**, **ХХП.2в1**, пряжки типа **ПБ.2.2б**, согласно разработкам И.О. Гавритухина, показательны для гарнитур с псевдопряжками ранних типов, появление которых связано с эпохой I Тюркского каганата. Пряжки и псевдопряжки с подвижным «геральдическим» щитком сменяют архаичные формы, как отмечает исследователь, в конце VI –

1-ой трети VII в., «а бытуют и позднее» (Гавритухин, 2001б, 2023а; Гавритухин, 2023б (в печати)).

П. 165 Бирского могильника на основании совместного нахождения ременных гарнитур шиповского круга и «геральдических» ременных гарнитур возможно отнести к категории «переходных». В п. 225 Бирского могильника изделия шиповского круга не зафиксированы, что позволяет отнести данное захоронение к одному из наиболее ранних в Южном Приуралье комплексов, содержащих только «геральдическую» ременную гарнитуру.

Датировка погребений *группы VI* в соответствии с разработанной И.О. Гавритухиным схемой развития «геральдических» ременных гарнитур, происходящих из памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья (т.н. *горизонт I*, для которого характерны позднеантичная структура пояса, накладки с верхним краем, оформленным в виде двух овалов, имеющие прямые бока, иногда с вырезами; прямоугольные накладки с упрощенным волнистым верхним краем и др.) (Гавритухин, 1996. С. 115–133; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 83–89), а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена **2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.**

Группа VII

Подгруппа VII-а:

Включает 5 погребений:

46) Могильник *Чайка-1*, кург. 7, п. 1 (раскопки 2015 г.) (рис. 46-А);

47) *Сынтыш-Тамакский* могильник, кург. 3 (рис. 46-Б).

48) *Новиковское* погребение (г. Уфа) (рис. 47);

49) *Сынтыш-Тамакский* могильник, кург. 10 (рис. 48);

50) *Ново-Турбаслинский* могильник, кург. 13, п. 2 (рис. 49-А).

В комплексах данной подгруппы зафиксированы накладки типа **XVIII.26 (XI-27;** рис. 46-А, 6, 9, 10; рис. 46-Б, 1; рис. 48, 2; рис. 49-А, 2; рис. 69, 46), наконечники типа **III.3а (XI-28;** рис. 46-А, 7, 8; рис. 46-Б, 2;

рис. 47, 5, 11; рис. 48, 5; рис. 49-А, 3; рис. 69, 50), пряжка типа **ПВ.2.8а** (**ХИ-29**; рис. 46-А, 1; рис. 47, 1; рис. 49-А, 1; рис. 69, 10, 12), накладки типа **VI.2** (**ХИ-30**; рис. 48, 6; рис. 49-А, 4; рис. 69, 41).

Подгруппа VII-б:

Включает 2 погребения:

51) Кушнареноквский могильник, п. 17 (рис. 49-Б);

52) Кушнареноквский могильник, п. 2 (рис. 50).

В данной подгруппе обнаружены накладки типа **XVIII.26** (**ХИ-27**; рис. 49-Б, 3), наконечники типа **III.3а** (**ХИ-28**; рис. 50, 8), пряжки типа **ПВ.2.8а** (**ХИ-29**; рис. 49-Б, 10, 11), накладки типа **XI.1** (**ХИ-31**; рис. 49-Б, 15–18; рис. 50, 9–12; рис. 69, 34), типа **XIV.2а** (**ХИ-32**; рис. 50, 4–7; рис. 69, 30).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов из погребений группы VII

Накладкам типа **XVIII.26** (**ХИ-27**) определены соответствия в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 440, табл. 284, 16) и Юго-Западном Крыму (Айбабин, 1990. С. 229, рис. 50, 45; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 123, рис. 90, 9, 10). А.В. Богачевым подобные накладки отнесены к зиновьевскому этапу (2-я пол. VI – VII в.) эволюции поясных гарнитур Среднего Поволжья (Богачев, 1992. С. 154, рис. 28). В склепах Скалистинского могильника данный тип обнаружен с пряжками 1-ой пол. VII в. (Айбабин, 1990. С. 52; Веймарн, Айбабин, 1993. С. 177). И.О. Гавритухиным такие и схожие по форме накладки отнесены к ранней части горизонта II волго-уральской «геральдической» гарнитуры, что указывает на дату около 1-ой трети VII в., в пределах конца VI – сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273, рис. 89, 105–107; Гавритухин, Иванов 1999. С. 108–109).

Наконечники типа **III.3а** (**ХИ-28**) были распространены в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 180, табл. 24, 5), Поднепровье (Скіба, 2016. С. 203, рис. 74, 8–10), Причерноморье (Айбабин, 1990. С. 227, рис. 48, 7), Приаралье (Левина, 1996. С. 326, рис. 131, 13, 14, 24) и Центральной Азии (Торгоев, 2005. С. 89, рис. 1, 7), близкие аналогии им зафиксированы на Алтае

(Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, 15). Согласно разработанной А.В. Богачевым периодизации средневожских поясных гарнитур, данный тип наконечников характерен для зиновьевского этапа (2-я пол. VI – VII в.) (Богачев, 1992. С. 154, рис. 28). И.О. Гавритухиным указанные изделия отнесены к 1-ой пол. VII в. (Гавритухин, 2001б. С. 38–40; С. 78, рис. 10, 10), аналогичной датировки придерживаются ижевские исследователи (Голдина и др., 2018. С. 588, табл. 432, 40). В своей недавней работе И.О. Гавритухин определил хронологические рамки таких наконечников в пределах конца VI – 3-ей трети VII в. (Гавритухин, 2022а. С. 114).

Накладки типа **VI.2 (XI-30)** имеют аналогии в Крыму (Ковалевская, 2000. С. 147), а также в Пермском Предуралье, где они датированы 1-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 160, табл. 4, 5, 6; С. 588, табл. 432, 44).

Накладки типа **XI.1 (XI-31)** имеют аналогии в Поволжье (Казаков, 2013а. С. 188, рис. 11), Прикамье (Останина и др., 2011. С. 199, рис. 30, 7; Останина, 2018. С. 288, рис. 12, 3), Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 163, табл. 7, 2; Гавритухин, Иванов, 1999. С. 147, рис. 4, 10), Приаралье (Левина, 1996. С. 327, рис. 132, 16, 18, 22, 23) и Центральной Азии (Ковалевская, 2000. С. 167, рис. XVI, 14). Е.П. Казаковым накладки данного типа отнесены к ««раннегеральдическому» («коминтерновскому») горизонту» и датированы 3-ей четв. VI в. (Казаков, 1998. С. 107). По мнению Р.Д. Голдиной и ее соавторов, в Верх-Саинском могильнике рассматриваемые изделия характерны для погребений 1-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 588, табл. 432, 36). В одной из своих работ И.О. Гавритухиным отмечено, что в Прикамье четырехлепестковые накладки появляются не раньше сер. VI в., а наибольшее их распространение приходится на конец VI – 1-ю пол. VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 107–108). В дальнейшем исследователем предложено ограничивать датировку подобных накладок сер. VI – 3-ей четв. VII в., уточняя, что выделение «пика» их бытования затруднительно (Гавритухин, 2023а. С. 155).

Датировка погребений *группы VII* в соответствии с разработанной И.О. Гавритухиным схемой развития «геральдических» ременных гарнитур, происходящих из памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья (т.н. *горизонт II*, для которого характерны, по сравнению с *горизонтом I*, «некоторое сужение прорезей на рамках пряжек и затухание этого процесса под влиянием новых модификаций, все более широкое распространение поясных пряжек с цельнолитой рамкой и обоймой, появление очень крупных прорезей на накладках и др.») (Гавритухин, 1996. С. 115–133; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 83–89), а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена **концом VI – 3-ей четв. VII в.**

Группа VIII

Подгруппа VIII-а:

Включает 3 погребения:

53) Бирский могильник, п. 400 (рис. 51-А);

54) Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8 (рис. 51-Б);

55) Маняжский могильник, р. I, п. 22 (рис. 52-А).

В погребениях данной подгруппы отмечены находки накладок типа **XIV.26** (**XII-32**; рис. 51-А, 2; рис. 70, 42), типа **XIX.1a** и типа **XIX.16** (**XII-33**; рис. 51-Б, 2; рис. 52-А, 7; рис. 70, 30, 31), пряжек типа **ПВ.2.7a1** (**XII-34**; рис. 51-А, 1; рис. 70, 8), наконечников типа **Ш.161** (**XII-35**; рис. 51-Б, 5; рис. 70, 49), типа **Ш.162** (**XII-36**; рис. 51-Б, 4; рис. 70, 46), перстней с ромбическим щитком или вставкой из камня / стекла (**XII-38**; рис. 52-А, 6), рожковидных подвесок (**XII-39**; рис. 52-А, 5).

Подгруппа VIII-б:

Включает 5 погребений:

56) Бирский могильник, п. 401 (рис. 52-Б);

57) Бирский могильник, п. 423 (рис. 53-А);

58) Маняжский могильник, р. II, п. 2 (рис. 53-Б);

59) Бирский могильник, п. 419 (рис. 54);

60) *Манякский могильник, р. I, п. 25 (рис. 55-А).*

В комплексах данной подгруппы обнаружены пряжки типа **ПВ.2.7а1** (**ХИ-34**; рис. 52-Б, 1; рис. 53-А, 1), наконечники типа **Ш.161** (**ХИ-35**; рис. 53-Б, 4; рис. 54, 2; рис. 55-А, 6), типа **Ш.162** (**ХИ-36**; рис. 53-Б, 6), типа **Ш.4а1** (**ХИ-37**; рис. 52-Б, 5; рис. 55-А, 1; рис. 70, 50), перстни с ромбическим щитком или вставкой из камня / стекла (**ХИ-38**; рис. 54, 5; рис. 55-А, 7, 8), рожковидные подвески (**ХИ-39**; рис. 55-А, 2, 3), накладки типа **ХХШ.1** (**ХИ-40**; рис. 52-Б, 4; рис. 54, 3; рис. 70, 32), литые подвески-колокольчики (**ХИ-41**; рис. 52-Б, 9; рис. 53-А, 6; рис. 53-Б, 2), накладки типа **ХХП.1а1** (**ХИ-42**; рис. 52-Б, 6; рис. 54, 1; рис. 70, 43, 45), типа **ХVIII.3а** (**ХИ-43**; рис. 52-Б, 3; рис. 70, 39), типа **ХVII.1а** (**ХИ-44**; рис. 52-Б, 2; рис. 70, 34), наконечники типа **Ш.1а** (**ХИ-45**; рис. 53-Б, 3; рис. 55-А, 4, 5; рис. 70, 47, 48), накладки типа **I.1а** (**ХИ-47**; рис. 53-А, 12; рис. 70, 23).

Подгруппа VIII-в:

Включает 6 погребений:

61) *Бирский могильник, п. 382 (рис. 55-Б);*

62) *Бирский могильник, п. 523 (рис. 56-А);*

63) *Бирский могильник, п. 357 (рис. 56-Б);*

64) *Лагеревский могильник, кург. 29 (рис. 57-А);*

65) *Манякский могильник, р. II, п. 3 (рис. 57-Б);*

66) *Манякский могильник, р. II, п. 12 (рис. 58-А).*

В данной подгруппе зафиксированы наконечники типа **Ш.4а1** (**ХИ-37**; рис. 55-Б, 3; рис. 56-А, 1, 2; рис. 56-Б, 5), перстни с ромбическим щитком или вставкой из камня / стекла (**ХИ-38**; рис. 57-А, 6; рис. 57-Б, 3), рожковидные подвески (**ХИ-39**; рис. 58-А, 3), накладки типа **ХХШ.1** (**ХИ-40**; рис. 55-Б, 8; рис. 57-А, 12), литые подвески-колокольчики (**ХИ-41**; рис. 55-Б, 6, 7), наконечники типа **Ш.1а** (**ХИ-45**; рис. 58-А, 2), накладки типа **XV.1а2** (**ХИ-46**; рис. 57-Б, 1; рис. 70, 27), типа **I.1а** (**ХИ-47**; рис. 56-А, 3, 4; рис. 56-Б, 1, 2;

рис. 57-А, 7, 8), типа **XXI.1** (**ХИ-48**; рис. 57-Б, 2), а также нумизматический материал (рис. 55-Б, 18).

Подгруппа VIII-г:

Включает 3 погребения:

67) Бирский могильник, п. 410 (рис. 58-Б);

68) Лагеревский могильник, кург. 46, п. 2 (рис. 59-А);

69) Бирский могильник, п. 417 (рис. 59-Б).

В данной подгруппе обнаружены накладки типа **XXIII.1** (**ХИ-40**; рис. 58-Б, 4; рис. 59-А, 13), литые подвески-колокольчики (**ХИ-41**; рис. 58-Б, 3; рис. 59-А, 11, 12), накладки типа **XXII.1a1** (**ХИ-42**; рис. 59-А, 3; рис. 59-Б, 3), типа **XVIII.3a** (**ХИ-43**; рис. 59-А, 2; рис. 59-Б, 2), типа **XVII.1a** (**ХИ-44**; рис. 58-Б, 10), наконечники типа **III.1a** (**ХИ-45**; рис. 58-Б, 6; рис. 59-Б, 4), накладки типа **XV.1a2** (**ХИ-46**; рис. 59-А, 1), типа **I.1a** (**ХИ-47**; рис. 59-А, 5, 6), типа **XXI.1** (**ХИ-48**; рис. 58-Б, 9; рис. 70, 28).

Подгруппа VIII-д:

Включает 2 погребения:

70) Бирский могильник, п. 416 (рис. 60-А);

71) Лагеревский могильник, кург. 14 (рис. 60-Б).

В данной подгруппе выявлены наконечники типа **III.1a** (**ХИ-45**; рис. 60-А, 3), накладки типа **XV.1a2** (**ХИ-46**; рис. 60-А, 2; рис. 60-Б, 1), типа **I.1a** (**ХИ-47**; рис. 60-Б, 2).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов из погребений группы VIII

Накладки типа **XIX.1a** и типа **XIX.16** (**ХИ-33**) были распространены в Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 30, 1), Поволжье (Краснов, 1980. С. 211, рис. 42, 3, 4) и на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 36). Соответствия им зафиксированы в Пермском Предуралье и Верхнем Прикамье, где они датированы 2-ой пол. VII в. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 128, табл. XXXI, 63; Голдина и др., 2018. С. 241, табл. 85, 2; С. 589, табл. 433, 61).

Аналогии пряжкам типа **ПВ.2.7a1 (ХИ-34)** обнаружены в Приаралье (Левина, 1996. С. 322, рис. 127, 9, 10), на Северном Кавказе, в Крыму, Поволжье, Прикамье, на Алтае, в Западной Сибири (Ковалевская, 1979. Табл. XV, 5–7) и Подунавье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 256, рис. 74, 40, 43). Судя по всему, подобные пряжки могли бытовать на протяжении всего VII в.

Наконечники типа **Ш.161 (ХИ-35)** имеют аналогии в Поднепровье (Там же. С. 224, рис. 45; Скиба, 2016. С. 180, рис. 51, 2), Крыму (Gavritukhin, 2018. P. 281, fig. 97, 47), Приазовье (Атавин, 1996. С. 246, рис. 1, 2), на Нижнем Дунае (Трайкова, 2007. С. 496, табл. 133, 1637), в Приаралье (Левина, 1996. С. 326, рис. 131, 8–10), Пермском Предуралье (Ковалевская, 2000. С. 139, рис. VII, 8; Голдина и др., 2018. С. 241, табл. 85, 4). А.К. Амброзом данный тип датирован сер. – 2-ой пол. VII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 78), Р.Д. Голдиной и ее соавторами – VII–VIII вв. (Голдина и др., 2018. С. 367, табл. 211, 4, 5; С. 590, табл. 434, 62). По аналогиям в комплексах Кисловодской котловины наконечники рассматриваемого типа могут быть датированы около 620/630–670/680 гг., что соответствует датировкам их аналогий в других регионах (Гавритухин, 2001в. С. 46, 148, рис. 78, 51).

Близкие наконечникам типа **Ш.162 (ХИ-36)** изделия зафиксированы на Северном Кавказе (Мацулевич, 1927. Табл. IX, 3; Амброз, 1989. С. 108, рис. 22, 41; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 264, рис. 82, 63, 89), Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 589, табл. 433, 56). Ижевскими исследователями наконечники с боковыми выступами и прорезной орнаментацией датированы 2-ой пол. VII в. (Там же. С. 589, табл. 433, 56). И.О. Гавритухин отнес такие наконечники к восточноевропейскому блоку серий «геральдических» наконечников с выступами по бокам, украшенных прорезями схемы «два кружка и треугольник», выделив их в особую вариацию, прототипы которой датированы 1-ой пол. VII в. (Гавритухин, 2022а. С. 117).

Аналогии наконечникам типа **III.4a1 (ХИ-37)** обнаружены в Пермском Предуралье, где они датированы 2-ой пол. VII в. (Там же. С. 589, табл. 433, 55). Однако агафоновские пояса, где такие наконечники представлены, сформировались уже в сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 86–89, рис. 90, колонка «Приуралье»).

Перстни с ромбическим щитком или вставкой из камней / стекла (**ХИ-38**), рожковидные подвески (**ХИ-39**) имеют широкие аналогии в Верхнем Прикамье, где они характерны для комплексов бартымской стадии (конец VI – VII в.) неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990. С. 164, табл. LXVII, 74, 75, 100; С. 164, табл. LXVII).

Накладки типа **XXIII.1 (ХИ-40)** выявлены многочисленные соответствия в Поволжье (Краснов, 1980. С. 211, рис. 42, 9) и особенно в Прикамье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 226, рис. 47, 21; Голдина и др., 2018. С. 456, табл. 300, 27), встречаются в Приазовье (Атавин, 1996. С. 259, табл. 22, 1). Датировка данного типа псевдопряжек неоднозначна. По мнению А.К. Амброза, подобные изделия были распространены в сер. – 2-ой пол. VII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, б). А.Н. Султановой отмечено (Султанова, 2000. С. 64–65), что материалы Перещепинского клада (Маршак, Скалон, 1972), содержащие набор ременной гарнитуры с псевдопряжками и датированные исследователями по наличию более 40 византийских монет 3-ей четв. – концом VII в., отражают «ножницы» между временем функционирования вещей и датой зарытых в кладе монет. Исследователь солидарна с точкой зрения И. Эрдели о том, что все комплексы с псевдопряжками евразийских степей синхронны и должны быть датированы концом VII – VIII в. (Султанова, 2000. С. 64–65). И.О. Гавритухин относит псевдопряжки с такими подвесками (тип 1, в т.ч. вариант без щитка) к позднейшим формам, распространившимся с сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 33; Гавритухин, 2021б. С. 32).

В Приуралье (Мажитов, 1981б. С. 15, рис. 7, 13, 14; С. 23, рис. 11, 11, 12) и Верхнем Прикамье (Голдина, Водолаго, 1990. С. 137, табл. XL, 10–15) обнаружены многочисленные находки литых подвесок-колокольчиков (**XII-41**). А.Н. Султановой данные изделия датированы VII–VIII вв. (Султанова, 2000. С. 61–62). Ижевскими исследователями подвески рассматриваемого типа отнесены к неволинской стадии (конец VII – VIII в.) одноименной культуры (Голдина, Водолаго, 1990. С. 165, табл. LXVIII, 73). Однако следует отметить, что эти оценки основаны на не общепризнанных датах неволинской стадии (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 86–89, рис. 90, колонка «Приуралье»).

Накладки типа **XXII.1a1** (**XII-42**) имеют аналогии в Верхнем Прикамье, Пермском Предуралье, есть в Поочье (Ковалевская, 2000. С. 194, табл. 54), Поволжье (Краснов, 1980. С. 211, рис. 42, 2), Западной Сибири (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 215, рис. 37, 10, 15), встречаются в Крыму (Айбабин, 1990. С. 229, рис. 50, 23) и не мало в Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 25, 26). А.К. Амброзом данный тип датирован сер. – 2-ой пол. VII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 33), Р.Д. Голдиной – VI–VII вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 164, табл. LXVII, 44), Г.И. Матвеевой – 2-ой пол. VI – VII в. (Матвеева, 2004. С. 52). По наблюдениям И.О. Гавритухина, подобные накладки / крепежные наконечники показательны для агафоновских поясов, получивших в Прикамье распространение с сер. VII в. (см. выше).

Накладкам типа **XVIII.3a** (**XII-43**) обнаружены аналогии в Поволжье, Пермском Предуралье, Верхнем Прикамье (Ковалевская, 2000. С. 169, рис. XVIII, б) и на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 30). Датированы В.Б. Ковалевской VII–VIII вв. без обоснования (Ковалевская, 2000. С. 161).

Накладкам типа **XVII.1a** (**XII-44**) зафиксированы соответствия в Верхнем Прикамье (Голдина, Водолаго, 1990. С. 128, табл. XXXI, 41, 42, 46), Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 23, 24), Южной Сибири и Центральной Азии (Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, 12; Азбелев, 1993. С. 90,

рис. 1, 12, 13). А.К. Амброзом данный тип датирован концом VII – 1-ой пол. VIII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 27).

Наконечникам типа **III.1a (XII-45)** выявлены широкие аналогии в Приаралье (Левина, 1996. С. 326, рис. 131, 1–4), на Северном Кавказе (Ковалевская, 2000. С. 139, рис. VII, б), Нижнем Дону (Безуглов, Парусимов, 2013. С. 258, рис. 2, 19, 20) и Северном Урале, в Поволжье, Верхнем Прикамье, Пермском Предуралье (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 39; Ковалевская, 2000. С. 139, рис. VII, б), Зауралье (Боталов, Бабенков, 1998. С. 340, рис. 2, 27) и Западной Сибири (Ковалевская, 2000. С. 139, рис. VII, б). По мнению А.К. Амброза, подобные наконечники бытовали в конце VII – 1-ой пол. VIII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 79), в то время как ижевскими исследователями данный вариант датирован более широко – в рамках VII–VIII вв. (Голдина и др., 2018. С. 367, табл. 211, 4, 5; С. 590, табл. 434, 62).

Следует отметить, что **XII-43, XII-44, XII-45**, наряду с **XII-40**, характерны для гарнитур агафоновского круга (*см. о дате выше*).

Накладки типа **I.1a (XII-47)** имеют аналогии в Поднепровье (Корзухина, 1996. С. 612, табл. 22, 32, 33), Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 15), Южной и Западной Сибири (Гаврилова, 1965. Табл. XV, 9; Ширин, 2014. С. 451, рис. 1, 11; Ковалевская, 2000. С. 162, рис. XI, 1; С. 327–328, табл. 5), Пермском Предуралье, Верхнем Прикамье (Голдина, Водолаго, 1990. С. 128, табл. XXXI, 18–22) и на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 34), в Предкавказье (Gavrituchin, 2018. P. 275, fig. 72), Крыму, на Северном Кавказе, в Средней и Центральной Азии, Поочье и Поволжье (Ковалевская, 2000. С. 162, рис. XI, 1; С. 327–328, табл. 5). Ижевскими исследователями бытование подобных накладок определено вплоть до VIII в. (Голдина и др., 2018. С. 315, табл. 159, 4; С. 327, табл. 171, 4; С. 590, табл. 434, 70). Однако другие авторы отмечают их более широкие хронологические рамки, включая и VII в.

Накладки типа **XXI.1 (XII-48)**, имевшие распространение в Пермском Предуралье (Там же. С. 389, табл. 233, 18) и Зауралье (Боталов, Бабенков, 1998. С. 341, рис. 3-V, 4), по мнению исследователей, могут быть датированы 2-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 589, табл. 433, 51).

Датировка погребений данной группы в соответствии с разработанной И.О. Гавритухиным схемой развития «геральдических» ременных гарнитур, происходящих из памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья (т.н. *горизонт III*, для которого характерны «щитовидные накладки с вырезами у нижнего края; Т-образные бляшки с пламенеvidным щитком и относительно длинной переключиной, иногда сросшейся с краями щитка; резко отогнутые «рога» у соответствующих накладок; малые наконечники с профилированными боками; крупные наконечники удлинённых пропорций; вытеснение прорезной орнаментации, лишь иногда вещи украшаются округлыми отверстиями или узкими, «линейными» прорезями; цельнолитые псевдопряжки») (Гавритухин, 1996. С. 115–133; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 83–89), а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена **сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв.**

Большой интерес в плане уточнения хронологии «геральдических» ременных гарнитур Южного Приуралья представляют сведения о монетах из пп. 382 и 433 (последнее не вошло в сериацию) Бирского могильника. Данные монеты, согласно заключению Б.И. Вайнберг, являются хорезмийскими и могут быть датированы VIII в.

Находки монет в Бирском могильнике позволили Н.А. Мажитову подтвердить ранее высказанную им точку зрения (Мажитов, 1977. С. 16–19) о необходимости «омоложения» до VIII в. целого ряда южноуральских комплексов, содержащих «геральдические» ременные гарнитур, аналогичные ременным принадлежностям из погребений с нумизматическим материалом (Мажитов, 1990. С. 261, 265–266). Впоследствии гипотезу Н.А. Мажитова поддержала А.Н. Султанова, а о датировке VIII в. вещей,

подобным изделиям из Манякского могильника, также высказывался И. Эрдели (Султанова, 2000. С. 61–65).

Среди исследователей бирские комплексы с хорезмийскими монетами получили неоднозначную оценку. По мнению А.В. Комара, Н.А. Мажитов совершил методологическую ошибку, пытаясь расширить полученную дату – VIII в. – и на другие регионы. Как отмечает А.В. Комар, «разные степени открытости, разные уровни развития ремесла, разные темпы введения инноваций и, соответственно, смены мод и облика материальной культуры различных древних сообществ не позволяют создавать системы синхронизации для больших регионов, если нет весомых оснований считать данный регион вовлеченным вследствие каких-либо причин в единый культурно-экономический комплекс» (Комар, 1999. С. 111).

С точки зрения И.О. Гавритухина, столь поздняя дата как VIII в., «особенно для п. 382 Бирского могильника с позднеагафоновскими вещами», может быть связана как с «дискуссионностью некоторых определений хорезмийских монет, так и с запаздыванием некоторых элементов агафоновских поясов, особенно в Башкирии, где они непосредственно сменяются тюркскими с гладкими ажурными и геометрическими накладками VIII в. и вероятно с ними частично сосуществуют». В то же время, исследователь считает, что действительная оценка упомянутых комплексов будет возможна после полной публикации всех материалов из раскопок Бирского могильника, анализа методики исследования всех категорий инвентаря и разработки хронологии всего памятника (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 88–89).

Группа IX

Включает 2 погребения:

72) Манякский могильник, р. I, п. 1 (рис. 61-А);

73) Бирский могильник, п. 359 (рис. 61-Б).

Для данной подгруппы характерны находки накладок типа **I.1a** (**ХИ-47**; рис. 61-А, 2), типа **I.1в** (**ХИ-49**; рис. 61-А, 3; рис. 61-Б, 1; рис. 70, 15), типа **XV.2** (**ХИ-50**; рис. 61-А, 5; рис. 61-Б, 2; рис. 70, 17), наконечников типа **III.6a** (**ХИ-51**; рис. 61-А, 7; рис. 61-Б, 3; рис. 70, 54).

Аналогии и датировки хроноиндикаторов из погребений группы IX

Близкие аналогии накладкам типа **XV.2** (**ХИ-50**), датированным сер. – 2-ой пол. VII в., обнаружены в Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 310, fig. 127, 4b), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис 1, 37), в Верхнем Прикамье и Среднем Поочье (Ахмедов, 2020. С. 39, рис. 1, 5; С. 40, рис. 2, 2, 3).

Аналогии наконечникам типа **III.6a** (**ХИ-51**) (равно как и наконечнику типа **III.11**) выявлены в Верхнем Прикамье (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 83; Голдина, Водолаго, 1990. С. 126, табл. XXIX, 22, 23; Ахмедов, 2020. С. 40, рис. 2, 2, 3) и на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 45). А.К. Амброзом подобные наконечники датированы концом VII – 1-ой пол. VIII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1).

Датировка погребений *группы IX* в соответствии с разработанной И.О. Гавритухиным схемой развития «геральдических» ременных гарнитур, происходящих из памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья (т.н. *горизонт III*) (Гавритухин, 1996. С. 115–133; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 83–89), а также с учетом аналогий, обнаруженных на других территориях, может быть определена **сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв.**, т.е. они синхронны погребениям *группы VIII*. Возможно, новые исследования, в т.ч. специфичных накладок (рис. 61-Б, 4) и сюжета на вставках наконечника (рис. 61-А, 12), помогут определить причину различия этих групп, пока этот вопрос остается открытым.

В заключение, необходимо отметить, что в основе выделенных 9 сериационных групп, без сомнений, лежит хронологический принцип (рис. 64). В свою очередь, подгруппы внутри данных групп могут отражать

различия не только хронологического, но и половозрастного и социально-имущественного порядка. Наиболее справедливым данное предположение является для сериационной *группы VIII*, подгруппы которой на данной момент не удалось соотнести с более «узкими» хронологическими периодами, а также, в определенной степени, для погребений сериационной *группы IV*.

Как уже отмечалось выше, в настоящей работе использованы материалы захоронений, большая часть из которых исследована без привлечения специалистов-антропологов. Я не располагаю сведениями о половозрастной принадлежности умерших и, следовательно, не могу произвести соответствующую корреляцию с погребальным инвентарем. Кроме того, на интерпретацию полученных результатов влияет и тот факт, что многие погребения, представленные в сериации (в т.ч. из *групп IV* и *VIII*), были потревожены в древности и могли потерять определенный процент важной и, к сожалению, уже не восстановимой информации.

3.2. Датировка других категорий находок, опорных для хронологии *Группа I*

В комплексах данной группы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-1, ХИ-2, ХИ-3**), зафиксированы следующие находки: наконечник типа **Ш.9а** (рис. 18, 4; рис. 65, 43), бляха типа **ИБ.1а** (рис. 17-В, 6), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 17-А, 3; рис. 17-Б, 1), височные подвески в виде «знака вопроса» (рис. 16-А, 6; рис. 17-В, 3), гривна с напускной бусиной (рис. 16-А, 9), пронизи (рис. 16-А, 1; рис. 18, 6), бляшки (рис. 17-В, 7; рис. 18, 2), обрывки кольчуги из тонких колец (рис. 16-А, 5), бусы (рис. 16-А, 11–16; рис. 16-Б, 1, 2), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 16-А, 2–4; рис. 16-Б, 3, 4; рис. 17-В, 4, 5, 8, 9; рис. 18, 1), орудия труда (рис. 16-А, 8; рис. 17-А, 4).

К III–IV вв. могут быть отнесены бусы типа *I.1A1z1* (рис. 16-А, 13) по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 47). Типы *I.1A1a* (рис. 16-А, 11), *I.1A1v1* (рис. 16-А, 12), *I.2A1ж1* (рис. 16-А, 14), *I.2A4e* (рис. 16-А, 15) и

I.3A1a (рис. 16-А, 1б), по мнению исследователя, использовались населением Южного Приуралья продолжительное время (III–VII / VIII вв.) (Там же. С. 47; С. 373, рис. 38). В ряде погребений (Бирский могильник, п. 481 (рис. 16-Б, 1, 2); Ангасякский могильник, п. 37 (иллюстрация отсутствует)) типы бус не определены.

Группа II

Подгруппа II-а

В п. 550 Бирского могильника, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-2**, **ХИ-4**), выявлены пряжки типа **ПБ.1.3** (рис. 19, 5; рис. 65, 18), типа **ПБ.1.126** (рис. 19, 3; рис. 65, 17), накладка типа **XXV.3** (рис. 19, 7; рис. 65, 23), прочие находки (рис. 19, 2, 6, 8, 9–13).

Накладке типа **XXV.3** обнаружены аналогии в комплексах позднесарматской культуры 1-ой пол. III в. (Малашев, 2013. С. 56; Рис. 30, 3–5; Рис. 33, 24; и др.), а также в Прикамье и Волго-Вятском междуречье: в Мазунинском могильнике (Малашев, 2014. С. 137, рис. 5, 1), в мужских погребениях Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016б. С. 42, рис. 8, 72), в тураевских комплексах и могильнике Тюм-Тюм (Перескоков, 2022а. С. 63, рис. 6-В, 6–9; рис. 6-С).

Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц находки из пп. 169, 765а, 765б, 1685 Тарасовского могильника, аналогичные рассматриваемой бляхе, датированы 3-ей четв. IV в. (Голдина, 2003. С. 68, табл. 66, 7; С. 333, табл. 331, 1–7; С. 335, табл. 333, 6-2; С. 620, табл. 618, 22–25; Голдина, Бернц, 2016б. С. 42, рис. 8, 72). А.А. Красноперовым парное п. 765, датированное 2-ой пол. II – 1-ой пол. III в., отнесено к кругу «всаднических» захоронений позднесарматского времени (по С.И. Безуглову), характерными чертами которых является наличие поясной гарнитуры определенного вида, а также сбруйных наборов и предметов вооружения (Безуглов, 2000. С. 180; Красноперов, 2011. С. 236; Красноперов, 2015. С. 229). По мнению М.Л. Перескокова, «тарасовские» накладки рассматриваемого типа, имеющие фасетировку по окружности,

распространились в Прикамье на рубеже II и III вв. – 1-ой пол. III в. В свою очередь, экземпляры без фасетированных краев, являющиеся «поздним развитием данных форм сбруи», присутствуют и в погребениях 1-ой пол. – сер. IV в. (Перескоков, 2022а. С. 54–56).

Подгруппа II-б

В п. 86 Старо-Кабановского могильника, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-4**, **ХИ-5**), зафиксированы пряжки типа **ПА.1.2в2** (рис. 20, 1; рис. 66, 8), типа **ПБ.1.12в** (рис. 20, 3; рис. 66, 7), ременные накладки типа **V.4a1** (рис. 20, 5; рис. 66, 9), прочие находки (рис. 20, 6–9).

Группа III

Подгруппа III-а

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-5**, **ХИ-6**, **ХИ-7**), обнаружены следующие находки: пряжки типа **ПА.1.2г1** (рис. 21, 1; рис. 66, 10), типа **ПА.1.2г2** (рис. 21, 2; рис. 66, 11) и типа **ПБ.1.10г** (рис. 23-А, 10; рис. 66, 1), накладки типа **I.2** (рис. 21, 7; рис. 66, 12) и типа **IV.2** (рис. 23-А, 2), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 21, 4; рис. 22-Б, 15; рис. 23-А, 6), фибула типа *Останина-2* (рис. 23-А, 5а, 5б) (Останина, 1997. С. 44–45; Красноперов, 2018б. С. 149, рис. 4, 13), орудия труда (рис. 21, 8; рис. 22-А, 3; рис. 23-А, 9), принадлежности конской узды (рис. 21, 10–12), бусы (рис. 21, 9; рис. 22-Б, 4–14, 16, 17), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 22-А, 4; рис. 23-А, 4).

Пряжки типа **ПБ.1.10г** имеют соответствия в комплексах азелинской культуры конца IV – V в. (Лещинская, 2014. С. 191, табл. 94, 9, 10), близкие изделия зафиксированы также в Тарасовском могильнике (Голдина, Бернц, 2016б. С. 39, рис. 7, 62). Т.И. Останиной данный тип датирован IV в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 63), Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц – 3-ей четв. IV в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 39–40).

Фибулы типа *Останина-2* датированы, в основном, V в., но допускается их единичное использование и в IV в. (Останина, 1997. С. 105; С. 296, рис. 51). По мнению Т.М. Сабировой, выделенный ей *вариант а* фибул данного типа, щитки которых изготавливались из азелинских шумящих подвесок, не могли попасть в Среднее Прикамье раньше начала V в. (Сабирова, 2019. С. 22, 47). В женских погребениях Тарасовского могильника, как отмечают Р.Д. Голдина и В.А. Бернц, подобные фибулы имели распространение во 2-ой пол. V в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 61). Однако такие фибулы встречаются и в памятниках, в которых нет хронологических индикаторов V в., судя по разработкам И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова (2022).

Стеклянный бисер типа *I.1A1a* (рис. 22-Б, 8), типа *I.1A1в1* (рис. 22-Б, 12), типа *I.1A1д* (рис. 22-Б, 13), типа *I.1Г1a* (рис. 22-Б, 10), типа *I.1Г6в* (рис. 22-Б, 14), бусы типа *I.1Г2в* (рис. 22-Б, 11), типа *I.2A1ж1* (рис. 22-Б, 9), типа *I.2A1ж2* (рис. 22-Б, 4), типа *VI.1B2a* (рис. 22-Б, 7), типа *VI.1B3a* (рис. 22-Б, 5), типа *VI.1B4a* (рис. 22-Б, 6) и круглые подвески из раковины типа *VI.1B10a* (рис. 22-Б, 16) по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 47–48; С. 201–212, табл. 47–71; С. 288–296, табл. 77) бытовали на протяжении длительного периода времени (III–VII / VIII вв.). В свою очередь, V – нач. VI в. исследователем датированы бусы типа *I.1B3б* (рис. 22-Б, 17) (Там же. С. 40). Вопрос о соотношении датировки бус типа *I.1B3б* и датировки предметов ременных гарнитур в п. 8 (р. II) Югомашевского могильника на настоящий момент остается открытым, с учетом того, что аналогичные бусы обнаружены в могильнике Тюм-Тюм, функционировавшем в III–IV вв. (Там же. С. 109).

Подгруппа III-б

В п. 80 Старо-Кабановского могильника, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-5**, **ХИ-6**, **ХИ-7**, **ХИ-8**), зафиксированы наконечники типа **I.1.16** (рис. 23-Б, 6), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 23-Б, 7), бусы (рис. 23-Б, 11), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 23-Б, 1, 10), орудия труда (рис. 23-Б, 9).

В рассматриваемом захоронении обнаружены стеклянные бусы типа *I.2A1ж2* (рис. 23-Б, 11) по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 304–312, табл. 79), бытовавшие в Южном Приуралье продолжительное время (III–VIII вв.) (Там же. С. 197, табл. 47).

Подгруппа III-в

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-6, ХИ-8, ХИ-9**), обнаружены наконечники типа **I.1.16** (рис. 24, 9; рис. 25, 8), фибула (рис. 25, 11) типа *Останина-3* (Останина, 1997. С. 45), подвески (рис. 25, 2) типа *Останина-8* (Там же. С. 52), бусы (рис. 24, 4–8; рис. 25, 13–21), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 24, 2, 10; рис. 25, 3–7, 10).

Бусинный материал представлен следующими типами по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 201–212, табл. 47–71; С. 304–312, табл. 79): *I.1A1a* (рис. 24, 6; рис. 25, 13), *I.1A1в1* (рис. 24, 4; рис. 25, 14), *I.1A1д* (рис. 24, 7), *I.1A1з1* (рис. 25, 15), *I.1Г7a* (рис. 24, 5), *I.1Г2в* (рис. 25, 16), *I.2A5e1* (рис. 25, 18), *I.2B1и* (рис. 25, 19), *I.5B1д* (рис. 25, 21). Указанные типы бус имели широкий хронологический диапазон бытования (III – нач. VI в., III–VII / VIII вв.). В V – нач. VI в. были распространены бусы типа *I.4A2б* (рис. 25, 20), типа *I.2A5б* (рис. 25, 17) и типа *III.1A3a* (рис. 24, 8) (Там же. С. 39–40).

Подвески типа *Останина-8* в виде пустотелой объемной лунницы с дужкой для подвешивания являлись местным подражением «калачиковидным» серьгам харинского типа (Останина, 1997. С. 52), речь о которых пойдет ниже.

Фибула типа *Останина-3* и ножны типа *Останина-3-2* датированы Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц 1-ой пол. V в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 57–61). По мнению Т.И. Останиной, в Среднем Прикамье они бытовали на протяжении всего V в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 14, 22). Однако такие фибулы и ножны встречаются и в памятниках, в которых, судя по разработкам

И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова (2022), нет хронологических индикаторов последней четв. IV в., не говоря о V в.

Группа IV

Подгруппа IV-a

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-9, ХИ-10, ХИ-11, ХИ-12, ХИ-13, ХИ-14, ХИ-15, ХИ-16, ХИ-17**), выявлены пряжки типа **ПБ.1.9в** (рис. 26, 6; рис. 67, 25), накладки типа **IV.2** (рис. 26, 20), «калачиковидные» серьги харинского типа (рис. 27, 4; рис. 28, 2), кольцеобразные подвески с многочисленными выступами по краю (рис. 26, 2, 3; рис. 27, 5; рис. 28, 15, 19), двухпластинчатые фибулы (рис. 26, 7; рис. 27, 6), браслеты с зооморфными окончаниями (рис. 26, 18; рис. 27, 7, 8), бусы (рис. 27, 11–17, 19–20), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 26, 5, 11, 12, 16, 17; рис. 27, 10; рис. 28, 1, 6–10, 18, 21–23, 25), орудия труда (рис. 26, 15; рис. 28, 24).

Бусинный материал представлен следующими типами по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 201–212, табл. 47–71; С. 239–247, табл. 73а): *I.1A1a* (рис. 27, 11), *I.1A1в1* (рис. 27, 12), *I.1A1г* (рис. 27, 13), *I.2A1ж* (рис. 27, 14), *I.1Г2в* (рис. 27, 16), *I.1Г9а* (рис. 27, 17), *VI.1B1a* (рис. 27, 20). Указанные типы бусы имели широкий хронологический диапазон бытования (III–VIII вв.). По мнению исследователя, 2-ой пол. VI – VII в. датируются бусы типа *I.1A2д* (рис. 27, 15), а пронизи из коралла типа *VI.1A1a* (рис. 27, 19) – 2-ой пол. VI – VIII в. (Там же. С. 41; С. 211, табл. 68).

Примечательно, что в п. 78 Бирского могильника обнаружен глиняный сосуд (рис. 27, 18) с округлым раздутым туловом и венчиком, декорированным поперечными короткими линиями и овально-удлиненными ямками. Одними исследователями данный сосуд отнесен к кушнаренковскому типу (Мажитов, 1968б. С. 148, табл. 26, 4; Султанова, 2000. Рис. 32, 1), а другими – к керамике «кушнаренковско-караякуповского круга» (Боталов, 2013. С. 154, рис. 12, 8; Боталов, 2016. С. 504, рис. 15, 8).

Кольцеобразные подвески с многочисленными выступами по краю имеют «длинную» хронологию. Генезис подвесок данного типа, как отмечает А.В. Богачев, следует связывать с юго-западом Европы, где в последней трети I тыс. до н.э. они распространяются в культурах латенского круга (Богачев, 1998). Помимо Бирского могильника, в Южном Приуралье кольцеобразные подвески зафиксированы в Бахмутинском и Кушнарниковском могильниках, а также среди Никольских находок (Смирнов, отчет, 1920-1921; Генинг, 1977. С. 93, рис. 3, 41; Белявская, 2019в. С. 151). Появление кольцеобразных подвесок в Волго-Камье связано, по мнению исследователей, с продвижением в этот регион именьковского населения в IV в., в дальнейшем подобные изделия продолжают бытовать здесь вплоть до VII–VIII вв. (Богачев, 1998; Матвеева, 2004. С. 137).

Интересны происхождение и датировка полых «калачиковидных» серег харинского типа. Как отмечает С.А. Перевозчикова, наиболее ранние их образцы, истоки которым, «наверняка, стоит искать среди причерноморских украшений», появились в III в. в комплексах джетысарской культуры (Перевозчикова, 2009а. С. 64; Перевозчикова, 2009б. С. 6–7). В VI в. у населения Прикамья подобные серьги трансформируются в височные подвески. После VI в. их бытование прекращается, возобновляясь лишь в X в., но в этот период «они только внешне напоминают раннесредневековые украшения» (Перевозчикова, 2009а. С. 66–67; Перевозчикова, 2009б. С. 12).

С точки зрения В.В. Мингалёва, генезис данной категории украшения связан с развитием простых «луничных» подвесок под влиянием серег «кара-агачского» типа, появившихся в Поволжье в результате миграции гуннов. Ранние находки «калачиковидных» серег датированы исследователем V в., наибольшего распространения в Приуралье и Прикамье они получили в VI–VII вв., а после VII в. подобные серьги исчезают, прерывая, таким образом, данную генетическую линию развития (Мингалёв, 2006. С. 53–55).

По мнению А.В. Богачева, самые ранние находки полых «калачиковидных» серег «происходят из степных позднесарматских (I–IV вв.) и пост-сарматских (конец IV – V в.) памятников», а «в археологических памятниках лесной полосы Волго-Камья серьги этого типа появляются не ранее V в. н.э.» (Богачев, 1996а. С. 100). Отмечу в этой связи серьги, схожие с харинскими, в комплексах, где нет индикаторов V в. (например, рис. 25).

Двухпластинчатые фибулы, судя по всему, являются дериватами фибул восточногерманской традиции, датированных по кавказским аналогиям сер. V – сер. VI в. (Мастыкова, 2009. С. 54–55). Подобные фибулы, «сделанные целиком из тонкого листа с изготовлявшимся отдельно приемником и пружинящим механизмом», по наблюдениям И.О. Гавритухина и его соавторов, были распространены от Среднего Подунавья до низовий Сырдарьи. Наиболее ранние формы фибул данного типа появляются в гуннское время, а наиболее поздние варианты встречаются во 2-ой пол. VI – VII в. Как отмечают исследователи, «датировку V в. не исключает и ряд находок из Бирска <...>, однако типы вещей, появившиеся в гуннское время <...>, в этом регионе бытуют и заметно позднее, а эти фибулы имеют аналогии Шиповского времени» <...> (Гавритухин и др., 2019. С. 180).

Подгруппа IV-б

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (ХИ-11, ХИ-12, ХИ-14, ХИ-15, ХИ-16, ХИ-17), зафиксированы наконечники типа **IIA.3a** (рис. 29, 7; рис. 31-А, 2), накладки типа **I.4в** (рис. 31-А, 6; рис. 67, 26) и типа **IV.2** (рис. 29, 8; рис. 30-А, 12; рис. 30-Б, 3; рис. 31-А, 7), характерные для мазунинской традиции, двухпластинчатые фибулы (рис. 29, 4), браслеты с зооморфными окончаниями (рис. 31-А, 5), бусы (рис. 29, 12; рис. 30-Б, 6–8), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 29, 1, 3, 5, 6, 11; рис. 30-А, 1, 2, 7, 9, 10, 13; рис. 30-Б, 4, 5; рис. 31-А, 8), орудия труда (рис. 29, 13; рис. 30-А, 8), предметы вооружения (рис. 30-Б, 9; рис. 31-А, 3).

Бусинный материал представлен следующими типами по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 230–247, табл. 73, табл. 73а): *I.2A1ж2* (рис. 30-Б, 8), *I.2A12б2* (рис. 30-Б, 6), *IV.1A1a* (рис. 29, 12), *VI.1B1a* (рис. 30-Б, 7). Бусы типа *I.2A1ж2*, типа *I.2A12б2* и типа *VI.1B1a* имели широкий хронологический диапазон бытования (III–VII / VIII вв.) (Там же. С. 44–45, 47). Крупные дисковидные янтарные бусы в раннесредневековых древностях Европы наибольшего распространения получили в IV–V вв., но встречаются они и позднее, вплоть до нач. VII в. (Мастыкова, 2009. С. 95–96). Более широкий период бытования у бус данного типа в комплексах Северного Причерноморья – с IV в. до н.э. по IV в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 23–24). В Верхнем Прикамье они были наиболее распространены в погребениях харинского этапа ломоватовской культуры, датированных исследователями V–VI вв. (Голдина, Кананин, 1989. С. 73). В Приуралье крупные янтарные бусы появляются в V в. и, по мнению Р.Р. Руслановой, получают распространение уже в комплексах 2-ой пол. VI – VII в. (Русланова, 2018. С. 63–64).

Подгруппа IV-в

В захоронениях данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-12**, **ХИ-13**, **ХИ-14**, **ХИ-15**, **ХИ-16**, **ХИ-17**, **ХИ-18**), обнаружены накладки типа **IV.2** (рис. 31-Б, 13; рис. 32-Б, 6; рис. 33-А, 6; рис. 33-Б, 3), типа **V.461** (рис. 33-А, 5; рис. 67, 27), браслеты с зооморфными окончаниями (рис. 31-Б, 12; рис. 32-А, 7), бутыльчатые подвески (рис. 31-Б, 1), застежки с «псевдошнуром» по краю (рис. 31-Б, 6), кольцообразные подвески с многочисленными выступами по краю (рис. 32-А, 5; рис. 33-А, 9, 10), штурвалообразные подвески (рис. 31-Б, 10), бусы (рис. 32-Б, 8–11), колесовидные накладки (рис. 33-Б, 6), зеркала с «ячеистым» орнаментом и центральной петелькой (рис. 32-А, 9), бусы (рис. 33-Б, 7, 8), прочие находки (рис. 31-Б, 3, 7, 8, 11; рис. 32-А, 4, 8; рис. 32-Б, 5; рис. 33-А, 4, 11), орудия труда (рис. 31-Б, 14).

В п. 148 Бирского могильника выявлен круглодонный сосуд с декором из насечек по краю венчика и его шейки, перемежающихся с 2 рядами круглых наколов (рис. 31-Б, 15). Данный сосуд отнесен Н.А. Мажитовым к 4-ому (турбаслинскому) типу по разработанной исследователем классификации (Мажитов, 1968б. С. 147, табл. 25, б).

В п. 288 Бирского могильника совместно зафиксированы фрагменты керамики зауральского облика (кушнаренковского типа?) (рис. 32-Б, 2) и бахмутинского типа (рис. 32-Б, 1).

Колесовидные накладки в Южном Приуралье, помимо Бирского могильника, зафиксированы среди Никольских находок и на Улу-Кулевском селище (Красноперов, 2018в. С. 87; Белявская, 2019в. С. 152–153). По мнению А.А. Красноперова, время появления и наибольшего распространения подобных изделий приходится на 2-ю пол. V – VI в. (Красноперов, 2018в. С. 87).

В рамках VI в. датированы накладки типа **V.461**, имеющие аналогии на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, б), в могильниках харинского типа в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 78, табл. 7, 1–7) и в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 436, табл. 174, 8; С. 587, табл. 431, 18). Это объяснимо тем, что такие накладки обычны на поясах харинского типа, но появились, они, конечно, раньше (ср. короткие вариации: рис. 12, 23; рис. 66, 9).

Бусы типа *IV.1A1a* (рис. 32-Б, 10) и типа *VI.1B1* (рис. 32-Б, 11) отнесены Р.Р. Руслановой к изделиям с широким временем бытования (III–VIII вв., V–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 213–221, табл. 72; С. 239–265, табл. 73а–74).

Концом VII – VIII в. исследователем датированы бусы типа *I.2B1a* (рис. 32-Б, 8) и типа *I.4B2a* (рис. 32-Б, 9), происходящие из п. 288 Бирского могильника (Там же. С. 41–42; С. 263, табл. 74). Хронологические рамки указанного погребения, с учетом обнаруженных в нем находок, могут быть определены ближе к концу VI в. Судя по всему, вопрос о соотношении

датировки бус и датировок деталей ременных гарнитур в п. 288 Бирского могильника на настоящий момент остается открытым.

Подгруппа IV-2

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-14, ХИ-15, ХИ-16, ХИ-18**), зафиксированы накладки типа **IV.2** (рис. 34-А, 5), кольцообразные подвески с многочисленными выступами по краю (рис. 34-Б, 4), коньковидная подвеска (рис. 34-А, 9), бусы (рис. 34-А, 7, 10–12; рис. 34-Б, 5–12), прочие находки (рис. 34-А, 1, 2), орудия труда (рис. 34-А, 4).

Янтарные бусы типа *IV.1A4b* по классификации Р.Р. Руслановой (рис. 34-А, 10) характерны для погребений V–VII вв. (Там же. С. 49). Коралловые пронизи типа *VI.1A1a* (рис. 34-А, 11; рис. 34-Б, 8) и бусы из створок раковин типа *VI.1B7a* (рис. 34-А, 7), по мнению исследователя, были распространены в погребениях 2-ой пол. VI – VIII в. (Там же. С. 49, 211). Трубочки-пронизи типа *I.1A7a* (рис. 34-Б, 5), бусы типа *I.2A1d2* (рис. 34-Б, 6) и типа *IV.1A1a* (рис. 34-А, 12; рис. 34-Б, 12) отнесены Р.Р. Руслановой к изделиям с широким диапазоном бытования (Там же. С. 213–221, табл. 72; С. 239–265, табл. 73а–74). По наблюдениям исследователя, 2-ой пол. VI – VII в. датированы бусы следующих типов: *I.2B1o* (рис. 34-Б, 7), *I.4B3e* (рис. 34-Б, 9), *I.5B1a* (рис. 34-Б, 10) и *I.5B1e* (рис. 34-Б, 11) (Там же. С. 41).

Появление в Среднем Прикамье коньковых подвесок, зафиксированное еще в комплексах мазунинского круга, связано, по мнению Т.И. Останиной, с контактами местного населения и носителей азелинской культуры (Останина, 1997. С. 51–52). Более поздние экземпляры подобных подвесок обнаружены в Бахмутинском и Бирском могильниках, а также среди Никольских находок (Белявская, 2019в). Данный тип датирован ижевскими исследователями IV–V вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 85, 171). По мнению М.Л. Перескокова, коньковидные подвески в Пермском Предуралье появляются в V в. и продолжают бытовать вплоть до 1-ой пол. VI в. (Перескоков, 2018. С. 99–101).

Подгруппа IV-д

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-17, ХИ-19**), зафиксированы «калачиковидные» серьги харинского типа (рис. 35-Б, 4) (см. о них выше), бусы (рис. 35-Б, 5–8), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 35-А, 3, 4; рис. 35-Б, 3).

Бусинный материал представлен типом *I.1Г9а* (рис. 35-Б, 6), типом *I.1А4а* (рис. 35-Б, 5), типом *I.2А12б2* (рис. 35-Б, 7) и типом *VI.1В1а* (рис. 35-Б, 88) по классификации Р.Р. Руслановой. Бусы типа *I.1А4а* бытовали на протяжении долгого времени, но наибольшего распространения получили в комплексах V – 2-ой пол. VI в. (Русланова, 2018. С. 197, табл. 47). Остальные типы бусы имеют широкие хронологические рамки бытования (III–VII / VIII вв.) (Там же. С. 45, 47). В п. 5 Бирского могильника типы бус определить не удалось.

Группа V

В комплексах данной группы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-20, ХИ-21, ХИ-22**), зафиксированы накладки типа **IV.2** (рис. 40-А, 7, 8; рис. 43-А, 3), ременная бляха типа **IA.2** (рис. 39, 7), обкладки ножен (рис. 42-Б, 3), однолезвийные и двухлезвийные мечи с прямым перекрестием и без него (рис. 36, 15; рис. 37, 20), костяные и металлические наконечники стрел (рис. 36, 10, 12–14; рис. 37, 13–16; рис. 39, 9, 10; рис. 40-А, 4, 5; рис. 41, 2, 3; рис. 43-А, 4–6), костяная подпружная пряжка (рис. 39, 5) и накладки на лук «гуннского» типа (рис. 40-Б, 5), псалии из цветного металла (рис. 38, 8; рис. 39, 12), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 36, 1, 2; рис. 37, 5; рис. 38, 5, 6; рис. 39, 4, 6; рис. 40-А, 6; рис. 40-Б, 6; рис. 42-Б, 4), орудия труда (рис. 36, 11, 16–18; рис. 37, 1, 8, 9, 17, 18; рис. 38, 4, 7, 9, 10; рис. 39, 11, 13; рис. 43-А, 7–9), металлический сосуд (рис. 42-А, 5), глиняные сосуды (рис. 40-Б, 7; рис. 41, 9; рис. 42-Б, 5; рис. 44-А, 3) турбаслинского (по классификации Н.А. Мажитова) типа (Мажитов, 1977. С. 209, табл. X, 2, 11). Продолжают

встречаться браслеты с зооморфными окончаниями (рис. 36, 9), коньковые подвески (рис. 36, 7, 8), двухпластинчатые фибулы (рис. 37, 4).

В п. 123 Бирского могильника обнаружены бусы типа *I.2A1k* (рис. 40-А, 9) по классификации Р.Р. Руслановой, бытовавшие на протяжении III–VII вв. (Русланова, 2018. С. 47; С. 266–272, табл. 75). Также в данной группе погребений зафиксированы бусы из стекла, янтаря и сердолика (Мажитов, 1968б. С. 93–104), типы которых по классификации Р.Р. Руслановой не определены (рис. 37, 7, 10–12; рис. 39, 8; рис. 40-Б, 4).

Группа VI

Подгруппа VI-а

В п. 165 Бирского могильника, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-21, ХИ-22, ХИ-23, ХИ-24, ХИ-25, ХИ-26**), зафиксированы пряжка типа **ПВ.2.2** (рис. 44-Б, 4; рис. 68, 22), накладка типа **Х.16** (рис. 44-Б, 10; рис. 68, 17), металлические наконечники стрел (рис. 44-Б, 5, 6), глиняный сосуд (рис. 44-Б, 12) кушнареновского типа по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 224, табл. XVIII, 1) и А.Н. Султановой (Султанова, 2000. Рис. 31, 1) / «кушнареновско-караякуповского круга» по классификации С.Г. Боталова (Боталов, 2013. С. 154, рис. 12, 2).

Подгруппа VI-б

В п. 225 Бирского могильника, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-23, ХИ-24, ХИ-25, ХИ-26**), зафиксированы накладка типа **XV.3** (рис. 45, 4; рис. 68, 18), пряжка неопределенного типа (рис. 45, 3), бусы (рис. 45, 7, 8), орудия труда (рис. 45, 9, 10), костяные наконечники стрел (рис. 45, 11), сосуд турбаслинского типа (рис. 45, 12) по классификации А.Н. Султановой (Султанова, 2000. Рис. 29, 6). Примечательны находки берестяного колчана (его внешний вид не реконструирован из-за плохой сохранности) и медальона из цветного металла (Мажитов, Агеев, отчет, 1978).

Бусы типа *IV.1A1a* (рис. 45, 8) и типа *VI.1B2a* (рис. 45, 7) по классификации Р.Р. Руслановой бытовали в Южном Приуралье на протяжении

нескольких столетий (III–VIII вв., V–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 45, 49; С. 248–256, табл. 73б). Также в погребении обнаружена «стеклянная мозаичная бусина» (Мажитов, Агеев, отчет, 1978), ее тип по классификации Р.Р. Руслановой не определен.

Группа VII

Подгруппа VII-a

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**XII-27**, **XII-28**, **XII-29**, **XII-30**), зафиксированы пряжки типа **ПВ.2.9б** (рис. 47, 19; рис. 69, 2), типа **ПВ.2.1** (рис. 46-А, 2, 3; рис. 69, 9), типа **ПВ.2.9д** (рис. 48, 1; рис. 69, 7), накладки типа **XII.1б** (рис. 46-А, 4; рис. 69, 37), типа **XII.2** (рис. 46-Б, 4; рис. 69, 38), типа **XIV.1б1** (рис. 49-А, 5; рис. 69, 26), типа **XV.1б3** (рис. 48, 4; рис. 69, 13), типа **XVI.1а** (рис. 48, 3; рис. 69, 49), типа **XVII.2** (рис. 49-А, 6; рис. 69, 18), типа **XVII.3в** (рис. 46-Б, 3; рис. 69, 43), типа **XXII.1б1** (рис. 47, 2, 4; рис. 69, 28), типа **XXIV.6б** (рис. 47, 14; рис. 69, 31), наконечники типа **I.4г** (рис. 46-А, 11; рис. 69, 54), типа **III.3б** (рис. 46-А, 12; рис. 69, 51), фрагменты наконечника ремня типа **IVA.1а** (рис. 47, 10, 12; рис. 69, 53), золотая цепь «сложного» плетения (рис. 47, 18), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 46-А, 5; рис. 47, 3, 6–9, 13, 15–17), фрагменты железного меча, костяные накладки на лук (Булычев, 1902. С. 10) «тюрко-хазарского» типа по классификации Е.В. Круглова (Круглов, 2007; Русланов, 2013. С. 82, табл. 2).

В кург. 10 Сынтыш-Тамакского могильника обнаружен сосуд (рис. 48, 7) кушнаренковского типа по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 218, табл. XV, 11) / «кушнаренковско-караякуповского круга» по классификации С.Г. Боталова (Боталов, 2013. С. 154, рис. 12, 43).

Пряжка типа **ПВ.2.9б**, наряду с экземплярами из Скалистого и Шокши, относится к черноморско-волжской серии восточноевропейских прорезных пряжек и датирована И.О. Гавритухиным от начала до сер. VII в. (Гавритухин, 1999. С. 183–185).

В рамках 1-ой пол. VII в. датированы накладки типа **XVII.3в** (Голдина и др., 2018. С. 197, табл. 41, 2; С. 588, табл. 432, 33). Подобные изделия имеют аналогии на Северном Кавказе (Афанасьев, 1979. С. 44, рис. 1), в Заволжье (Смирнов, 1959. С. 221, рис. 7, 7) и Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 197, табл. 41, 2; С. 588), близкие по морфологии изделия выявлены в Южной Сибири (Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, 16).

По аналогиям в комплексах Кисловодской котловины накладка типа **XV.163** может быть датирована в пределах 560/600–620/630 гг. (Гавритухин, 2001в. С. 48; 147, рис. 77, 38).

Накладки типа **XVII.2** имели распространение в Поволжье (Казаков, 1998. С. 115, рис. 3, 2), на Северном Урале (Голдина, 2012а. С. 370, табл. 224, 21), в Поочье (Спицын, 1901. С. 139, табл. XVI), Прикамье (Гавритухин, 2001б. С. 80, рис. 12, 4), Центральной Азии (Торгоев, 2005. С. 89, рис. 1, 10), Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 28, 33, 34), Приазовье (Лимберис, Марченко, 2011. С. 428, рис. 9, 3, 8), Крыму (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 102, рис. 72, 13, 25). Близкие данным накладкам изделия обнаружены в Нижнем Поволжье (Синицын, 1959. С. 109, рис. 34, 1), в бассейне р. Москвы (Кренке, 2019. С. 304, рис. 135, 5). Данный тип встречается в комплексах конца VI – 1-ой пол. VII в. (Гавритухин, 2001б. С. 56–66). А.И. Айбабиным подобные изделия датированы 1-ой пол. VII в. (Айбабин, 1999. С. 276). По мнению А.И. Торгоева, рассматриваемый тип накладок бытует в Крыму, Башкирии и Приаралье на протяжении VII в. (Торгоев, 2005. С. 88–89).

Накладке типа **XXIV.6б** (равно как и накладке типа **XXIV.6а**, обнаруженной в коллекции Никольских находок) ближайшие соответствия выявлены в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 180, табл. 24, 7). Судя по всему, более ранний образец данного типа, отнесенный исследователями к 1-ой пол. VII в., зафиксирован в Верх-Саинском могильнике, а датировка «новиковского» (как и «никольского») экземпляра может быть определена не позднее сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996.

С. 273, рис. 89, 97, 122; Гавритухин, 2001б. С. 37–40; С. 78, рис. 10, 8; Голдина и др., 2018. С. 587, табл. 431, 26).

Золотые и серебряные цепи «сложного» плетения, аналогичные экземпляру из Новиковского погребения, зафиксированы в Крыму, Подонье, Поволжье и Прикамье (Голдина, 2012б. С. 114, рис. 4; Сунгатов, 2020. С. 78). По мнению Р.Д. Голдиной, данные изделия были изготовлены одной партией в «мастерских византийского круга на рубеже VI–VII вв.», а в Приуралье и Верхнем Прикамье, судя по всему, они распространились уже в VII в. по речным торговым путям (Голдина, 2012б. С. 113). В Башкирии еще одна плетеная цепь выявлена при земляных работах в г. Уфе на Проспекте Октября (Там же. С. 111), также фрагмент подобного украшения (рис. 54, 13) обнаружен в п. 419 Бирского могильника (Мажитов, отчет, 1985) совместно с «геральдическими» накладками, бляшками и наконечниками сер./2-ой пол. VII в. – рубежа VII и VIII вв. (Гавритухин, 2001б. С. 39–40, С. 83, рис. 15; С. 84, рис. 16).

Подгруппа VII-б

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-27**, **ХИ-28**, **ХИ-29**, **ХИ-31**, **ХИ-32**), зафиксированы пряжки типа **ПВ.2.8г** (рис. 49-Б, 1; рис. 69, б) и типа **ПВ.2.7а2** (рис. 50, 1, 2), ременные накладки типа **XIV.1а** (рис. 49-Б, 12–14), типа **XVIII.2б** (рис. 49-Б, 4–6; рис. 69, 47), типа **XVIII.2г** (рис. 50, 3), типа **XXIV.8а1** (рис. 50, 13, 14; рис. 69, 42), наконечник ремня типа **Ш.10** (рис. 49-Б, 19; рис. 69, 58), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 49-Б, 2, 8, 9).

Сосуды из Кушнаренковского могильника отнесены В.Ф. Генингом к романовскому II-ому (рис. 50, 15), турбаслинскому (рис. 49-Б, 21) и бирскому (рис. 49-Б, 20) типам – по разработанной исследователем классификации (Генинг, 1977. С. 112–113). Н.А. Мажитовым и Ф.А. Сунгатовым рассматриваемые экземпляры причислены к турбаслинскому керамическому комплексу: типы 9, 10 и 11 – по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов,

1977. С. 206, табл. VII, 2, 18; С. 207, табл. VIII, 15); круглодонные сосуды средней высоты, низкие и высокие плоскодонные сосуды – по классификации Ф.А. Сунгатова (Сунгатов, 1998. С. 26; С. 28–29, рис. 2, 43, 83, 114).

Пряжки типа **ПВ.2.8г** имеют многочисленные аналогии в Крыму и на Кавказе, встречаются также в Поднепровье, Верхнем Подонье, Нижнем Дону и некоторых других регионах (Генинг, 1977. С. 100; Айбабин, 1990. С. 49, 225; Хайрединова, 2003. С. 141, рис. 1; Безуглов, Парусимов, 2013. С. 258, рис. 2, 15–17; Gavritukhin, 2018. P. 63, fig. 22; Обломский, 2018. С. 367, рис. 10, 19). Данный тип пряжек датирован А.И. Айбабиным концом VI – 1-ой пол. VII в., Э.А. Хайрединовой – от 2-ой пол. VI до 1-ой пол. VII в., И.О. Гавритухиным пряжки рассматриваемого типа отмечены в комплексах, датированных 4-ой четв. VI – 1-ой пол. VII в. (Айбабин, 1990. С. 49; Хайрединова, 2003. С. 141, рис. 1, 22, 28; Gavritukhin, 2018. P. 62–63).

Накладки типа **XXIV.8a1** (равно как и типа **XXIV.8a2**) имеют аналогии в Прикамье и понтийской степи (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 27; С. 218, рис. 40, 9, 10; Голдина и др., 2018. С. 268, табл. 112, 8, 9). В Прикамье подобные накладки своими стилистическими особенностями близки ремненным принадлежностям, датированным 1-ой пол. VII в. (Там же. С. 587–589, табл. 431–433). В Южном Приуралье данные типы накладок характерны для погребений конца VI – 3-ей четв. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273, рис. 89, 63, 82).

Группа VIII

Подгруппа VIII-а

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-32**, **ХИ-33**, **ХИ-34**, **ХИ-35**, **ХИ-38**, **ХИ-39**), зафиксированы накладки типа **XVIII.362** (рис. 51-А, 3; рис. 70, 38), типа **XV.1a4** (рис. 51-Б, 1; рис. 70, 25) и типа **XXII.1a2** (рис. 51-Б, 3; рис. 70, 44), наконечники ремней типа **III.4a2** (рис. 51-А, 6; рис. 70, 55), типа **IVA.16** (рис. 51-Б, 6а, 6б; рис. 70, 57), коньковая подвеска (рис. 52-А, 1), прочие

украшения костюмного комплекса (рис. 51-А, 4, 7, 8; рис. 51-Б, 7; рис. 52-А, 2–4).

В п. 400 Бирского могильника и п. 22 (р. I) Манякского могильника (рис. 51-А, 5; рис. 52-А, 8) обнаружены бусы, типы которых по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018) определить не удалось.

В п. 22 (р. I) Манякского могильника зафиксированы сосуды кушнаренковского типа (рис. 52-А, 9, 10) по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 217, табл. XV, 6; С. 219, табл. XVI, 1). В свою очередь, С.Г. Боталовым данные сосуды отнесены к керамике «кушнаренковско-караякуповского круга» (Боталов, 2013. С. 154, рис. 12, 37, 39).

Подгруппа VIII-б

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-34, ХИ-35, ХИ-36, ХИ-37, ХИ-38, ХИ-39, ХИ-40, ХИ-41, ХИ-42, ХИ-43, ХИ-44, ХИ-45, ХИ-47**), зафиксированы пряжка типа **ПВ.1.1** (рис. 53-А, 2; рис. 70, 11), типа **ПВ.2.7а4** (рис. 53-Б, 1; рис. 70, 10), ременные накладки типа **I.16** (рис. 53-Б, 7; рис. 70, 24), типа **XV.162** (рис. 53-А, 3; рис. 70, 29), типа **XVIII.1** (рис. 53-Б, 5; рис. 70, 40), наконечник ремня типа **V.1** (рис. 53-А, 4; рис. 70, 53), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 53-А, 5), бусы (рис. 52-Б, 12, 13), застежка от цепи «сложного» плетения (рис. 54, 13), птицевидная подвеска-пронизь (рис. 54, 11), орудия труда (рис. 53-А, 7, 14), предметы вооружения (рис. 52-Б, 10; рис. 53-А, 10, 11, 13; рис. 54, 12), прочие находки (рис. 52-Б, 7, 8; рис. 53-А, 8, 9; рис. 53-Б, 8; рис. 54, 4, 7–10; рис. 55-А, 9).

Бусинный материал представлен следующими типами по классификации Р.Р. Руслановой: **I.2A5e2** (рис. 52-Б, 12), **VI.1B1** (рис. 54, 6) и **VI.1B1б** (рис. 52-Б, 13). Указанные типы бус имели широкий хронологический диапазон бытования (III–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 45; С. 257–265, табл. 74).

В погребениях данной подгруппы выявлены сосуды кушнаренковского (рис. 53-А, 15), турбаслинского (рис. 54, 14) и бахмутинского (рис. 52-Б, 11)

типов по классификации А.Н. Султановой (Султанова, 2000. Рис. 26, 12; Рис. 28, 11; Рис. 32, 7), а также сосуд (рис. 53-Б, 9), отнесенный Н.А. Мажитовым к караякуповской культурной группе (Мажитов, 1977. С. 233, табл. XXIII, 4).

Наконечник типа **V.1** имеет аналогии в Приаралье (Левина, 1996. С. 327, рис. 132, 27), морфологически близкие находки представлены в Подунавье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 216, рис. 38, 19; Cosma, 2018, P. 102, pl. 12, 2).

Птицевидным подвескам-пронизям ближайшие аналогии обнаружены в Верхнем Прикамье, где они датированы Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго концом VI – VII в. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 164, табл. LXVII, 78–80). А.Н. Султановой бытование подобных изделий из Бирского и Манякского могильников отнесено к концу VII – VIII в. (Султанова, 2000. С. 62–63).

Подгруппа VIII-в

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**XII-37, XII-38, XII-39, XII-40, XII-41, XII-45, XII-46, XII-47, XII-48**), зафиксированы пряжка типа **ПВ.2.7a3** (рис. 58-А, 1; рис. 70, 2), накладка типа **П.1** (рис. 57-А, 14; рис. 70, 37), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 57-А, 1, 2, 5, 9; рис. 57-Б, 4), бусы (рис. 55-Б, 13–15; рис. 56-Б, 6), прочие украшения костюмного комплекса (рис. 55-Б, 1, 2, 4, 5, 9–11; рис. 56-Б, 3, 4; рис. 57-А, 13; рис. 57-Б, 9), костяные накладки на лук «тюрко-хазарского» типа (рис. 56-Б, 7–12), стремяна (рис. 55-Б, 17; рис. 57-Б, 10), фрагменты металлических ламеллярных доспехов (рис. 57-А, 10), металлические наконечники стрел (рис. 57-А, 3; рис. 57-Б, 7, 8), колчаный крючок (рис. 57-А, 11), орудия труда (рис. 57-А, 4).

В комплексах данной подгруппы также зафиксированы сосуды и фрагменты керамики (рис. 55-Б, 12, 16) бахмутинского (по классификации А.Н. Султановой) (Султанова, 2000. Рис. 27, 6) и караякуповского (рис. 57-Б, 5, 6) (по классификации Н.А. Мажитова) типов (Мажитов, 1977. С. 233,

табл. XXIII, 5, 7). В п. 357 Бирского могильника обнаружен глиняный сосуд, тип которого не определен.

Бисер типа *I.1A1e1* (рис. 55-Б, 13), бусы типа *IV.1A1a* (рис. 56-Б, 6) и типа *VI.1B1б* (рис. 55-Б, 15) по классификации Р.Р. Руслановой, зафиксированные в погребениях данной подгруппы, имеют широкие хронологические рамки бытования (III–VIII вв., V–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 42, 45, 49; С. 257–265, табл. 74). Бусы типа *I.2A7a* (рис. 55-Б, 14), как отмечает исследователь, обнаружены только в погребениях конца VII – VIII в. (Там же. С. 44).

К сер. VII – нач. VIII в., по мнению Е.В. Круглова, можно отнести распространение костяных накладок на лук «тюрко-хазарского» типа (Круглов, 2007. С. 94–98).

Подгруппа VIII-г

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**XII-40, XII-41, XII-42, XII-43, XII-44, XII-45, XII-46, XII-47, XII-48**), зафиксированы пряжки типа **ПВ.2.9г** (рис. 59-А, 10; рис. 70, 3), типа **ПВ.2.10** (рис. 59-Б, 1; рис. 70, 12), наконечник ремня типа **П.7** (рис. 58-Б, 5; рис. 70, 51), накладки типа **XV.1a1** (рис. 58-Б, 7; рис. 70, 26), типа **XVII.1в** (рис. 58-Б, 8; рис. 70, 36), неопределенные типы ременной гарнитуры (рис. 59-А, 4), бусы (рис. 58-Б, 11–20), серьга с гроздевидной привеской на конце (рис. 59-А, 8), крестовидные подвески с 4 лопастями (рис. 58-Б, 2; рис. 59-А, 15), кольцеобразные подвески с многочисленными выступами по краю (рис. 59-А, 18), застежки-подвески с «псевдошнуром» по краю (рис. 58-Б, 21), парные нашивки с изображением голов медведя (рис. 59-А, 17), прочие находки (рис. 58-Б, 1; рис. 59-А, 7, 16), орудия труда (рис. 59-А, 14).

В п. 2 кург. 46 Лагереvского могильника обнаружен фрагмент сосуда (рис. 59-А, 9) кушнаренковского типа по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 225, табл. XIX, 6; Мажитов, 1981б. С. 22). В п. 410 Бирского могильника культурная принадлежность сосуда (рис. 58-Б, 22)

определена А.Н. Султановой как турбаслинская (Султанова, 2000. Рис. 30, 12). В п. 417, как отмечено в полевом отчете (Мажитов, отчет, 1985), в подбое стоял неорнаментированный сосуд турбаслинского типа, также в заполнении могилы «встречены обломки от второго сосуда, но украшенного круглыми ямками» (бахмутинский тип?) (рис. 59-Б, 7).

Бусинный материал представлен следующими типами по классификации Р.Р. Руслановой: *I.1A1e1* (рис. 58-Б, 11), *I.1A1z* (рис. 58-Б, 12), *I.2A5e2* (рис. 58-Б, 14), *V.1A1a* (рис. 58-Б, 17), *VI.1B1a* (рис. 58-Б, 18), *VI.1B2a* (рис. 58-Б, 20) и *VI.1B3a* (рис. 58-Б, 19). Указанные типы имели широкий хронологический диапазон бытования (III–VIII вв., V–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 45, 49; С. 257–265, табл. 74). Для погребений V–VIII вв. характерны бусы типа *I.2A5e1* (рис. 58-Б, 13). В свою очередь, бусы типа *I.2B1d* (рис. 58-Б, 15) обнаружены в комплексах 2-ой пол. VI – VIII в. (Там же. С. 49; С. 257–265, табл. 74), а в конце VII – VIII в. бытовали бусы типа *I.2B2a* (рис. 58-Б, 16) (Там же. С. 43).

Пряжка типа **ПВ.2.9г**, происходящая из п. 2 кург. 46 Лагеревского могильника, близка, по мнению И.О. Гавритухина, «безводнинской» линии эволюции дериватов черноморско-волжской серии непрорезных пряжек и может быть датирована в рамках 2-ой пол. VII в. (Гавритухин, 1999. С. 183, С. 185).

Накладки типа **XVII.1в** были распространены в Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 1), Поволжье (Краснов, 1980. С. 211, рис. 42, 7), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 35), а также в Пермском Предуралье, где они датированы 2-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 526, табл. 370, 23; С. 589).

Подгруппа VIII-д

В комплексах данной подгруппы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**XII-45**, **XII-46**, **XII-47**), зафиксированы пряжка типа **ПВ.2.7a5** (рис. 60-А, 1; рис. 70, 9), фрагмент ножа (рис. 60-А, 4), сосуд

(рис. 60-Б, 3) кушнаренковского типа по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 225, табл. XIX, 7; Мажитов, 1981б. С. 22).

Группа IX

В комплексах данной группы, помимо выделенных хроноиндикаторов (**ХИ-47**, **ХИ-49**, **ХИ-50**, **ХИ-51**), зафиксированы пряжка типа **ПВ.2.76** (рис. 61-А, 1; рис. 70, 1), накладки типа **V.5** (рис. 61-А, 4; рис. 70, 16), типа **XXII.162** (рис. 61-А, 9; рис. 70, 18), типа **XXIV.5** (рис. 61-Б, 4; рис. 70, 22), типа **XXIV.10** (рис. 61-А, 8; рис. 70, 19), наконечники ремней типа **Ш.66** (рис. 61-А, 12; рис. 70, 56) и типа **Ш.11** (рис. 61-А, 6; рис. 70, 14), костяные накладки на лук «тюрко-хазарского» типа (рис. 61-А, 10, 11, 14, 15), двухлезвийный меч с Р-видными скобами для подвешивания и деревянными ножнами с металлическим наконечником (дерево не сохранилось) (рис. 61-А, 16–18), фрагмент ножа (рис. 61-А, 13), прочие находки (рис. 61-Б, 5–7).

Также обнаружены сосуды кушнаренковского (рис. 61-А, 19, 20) и турбаслинского (рис. 61-Б, 8) типов по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1977. С. 222, табл. XVII, 5; С. 227, табл. XX, 1) и А.Н. Султановой (Султанова, 2000. Рис. 30, 11). Согласно классификации С.Г. Боталова, сосуд (рис. 61-А, 20) из п. 1 (р. I) Манякского могильника относится к керамике «кушнаренковско-караякуповского круга» (Боталов, 2013. С. 154, рис. 12, 72).

Пряжки типа **ПВ.2.76** были распространены в Приаралье (Левина, 1996. С. 322, рис. 127, 4), Закавказье и в Среднем Поочье (Ковалевская, 1979. Табл. XV, 14, 15; Ахмедов, 2020. С. 39, рис. 1, 7), близкие аналогии обнаружены в Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 399, fig. 219, 15). Находки с территории Пермского Предуралья датированы исследователями в рамках VII–VIII вв. (Голдина и др., 2018. С. 241, табл. 85, 5; С. 590). Пряжки данного типа, происходящие из памятников Кисловодской котловины, отнесены И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым ко 2-ой пол. VII в. (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 80, рис. 7, 22).

Соответствия мотивам в виде изображения грифонов на тисненой вставке наконечника типа **III.66** имеются, по мнению А.В. Комара, на Северном Кавказе, среди материалов могильников Галиат и Песчанка (1-я пол. VIII в.) (Комар, 2010. С. 177). С точки зрения А.М. Белавина и его соавторов, изображенные на манякском наконечнике существа – это крылатые псы-сенмурвы, являющиеся персонажами иранской мифологии. В кушнаренковской культуре, как отмечают исследователи, ременные гарнитуры с подобными сюжетами могли появиться в результате «тюрко-угорских» связей, в т.ч. и в результате участия «кушнаренковцев» в совместных с древними тюрками военных походах (Белавин и др., 2009. С. 80).

Аналогии двухлезвийному мечу из манякского погребения, как отмечает А.В. Комар, выявлены в Самарском Поволжье (Березовский I могильник), а морфологически близкие ему изделия обнаружены в салтовских комплексах (могильник Заплавка, Дмитриевский могильник) (Комар, 2010. С. 177). В.А. Скарбовенко и Д.А. Сташенковым погребальный инвентарь из Березовского кургана датирован сер. – послед. четв. / концом VII в. (Скарбовенко, Сташенков, 2001. С. 179). По мнению А.В. Комара, плохая сохранность «геральдической» ременной гарнитуры из Березовского кургана и возраст погребенного (40-50 лет) позволяет предположить двухэтапное формирование комплекса, верхняя граница которого может быть поднята вплоть до 1-ой четв. VIII в. (Комар, 2010. С. 177; С. 206, рис. 6).

3.3. Датировка деталей ременных гарнитур по аналогиям

В данном разделе представлены датировки деталей ременных гарнитур на основании аналогичных находок на соседних территориях. Хронологические позиции артефактов из ранних памятников определены, в основном, с опорой на наблюдения В.Ю. Малашева об эволюции ременных принадлежностей позднесарматского времени (Малашев, 2000). Между тем,

И.О. Гавритухин отмечает, что некоторые типы прикамских пряжек могут датироваться позднее позднесарматских аналогий (Гавритухин, 2022б. С. 273).

Пряжка типа **ПА.1.2а1** (рис. 65, 7) имеет близкие соответствия на Нижнем Дону (Безуглов, Копылов, 1989. С. 173, рис. 2, 3), Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 188, рис. 22, 2) и Средней Оке (Ахмедов, 2007. С. 157, рис. 5, 2). Как отмечает В.Ю. Малашев, такой признак как прогнутость язычка в середине чаще всего встречается на пряжках сарматского круга на протяжении II–III вв. (Малашев, 2000. С. 209).

Наличие прогнутого язычка и низкого рельефного выступа (выступа «площадки») у его основания позволяет ограничить время бытования пряжек типа **ПА.1.2а2** (рис. 65, 1) сер. III – концом III / нач. IV в. (Кривошеев, Малашев, 2016. С. 139). По мнению В.В. Овсянникова, в кара-абызской культуре подобные пряжки зафиксированы в комплексах 2-ой пол. III в. (Овсянников, 2006в. С. 93, рис. 2, 28).

Пряжка типа **ПА.1.6а** (рис. 65, 2) обнаружена в кург. 7 Салиховского могильника совместно с большим количеством стеклянных бусин, различными металлическими нашивками, обоймами и полый подвеской-уточкой (Васюткин, 1986. С. 188–189). Близкие по морфологии пряжки обнаружены в Подонье и Крыму (Безуглов, 2000. С. 191, рис. 5, 1; Малашев, 2000. С. 223, рис. 4, Б-5; Красноперов, 2015. С. 218, рис. 8, 14–17). Как отмечает В.Ю. Малашев, в позднесарматское время прямоугольные рамки пряжек встречаются, в основном, до конца III в. (Малашев, 2000. С. 209).

Изделия, наиболее близкие по морфологии пряжке типа **ПБ.1.2** (рис. 65, 12) из п. 197 Шиповского могильника, выявлены в комплексах Среднего Прикамья, Посурья, Среднего и Нижнего Поочья (Грибов, 2014. С. 318, рис. 1, 5; Малашев, 2014. С. 137, рис. 5, 2, 8, 18–22), а также в погребениях позднесарматской культуры, куда они попали в результате культурных контактов с лесостепной и лесной зонами (Там же. С. 133). Как отмечает В.Ю. Малашев, оградительные рамки у пряжек встречаются, в основном, в III–IV

вв., а низкий рельефный выступ на язычках распространяется во 2-ой пол. III в. (Малашев, 2000. С. 209). По мнению В.В. Овсянникова, подобные пряжки характерны для кара-абызских комплексов 2-ой пол. III – нач. IV в. (Овсянников, 2006в. С. 93, рис. 2, 9).

Совместно с указанной пряжкой в п. 197 Шиповского могильника зафиксированы накладки типа **V.3** (рис. 65, 30), типа **V.4a2** (рис. 65, 31) и наконечник типа **I.4б** (рис. 65, 38) (Овсянников и др., 2007. С. 38). Накладки типа **V.3** имеют аналогии в кочевнических комплексах Южного Урала, а также, по мнению И.Э. Любчанского, в отрарско-каратауской и верхнеобской культурах. С точки зрения исследователя, проникновение на Южный Урал прямоугольных накладок, являвшихся украшениями наборных поясов, вероятно, проходило с территории Горного Алтая и Верхнего Приобья через Восточный и Северный Казахстан, а само появление наборных поясов на указанных территориях является следствием начала «движения на запад северных хунну в конце I в. до н.э.» (Любчанский, 2004. С. 205; Любчанский, 2010. С. 19; С. 29, рис. 4). В.Ю. Малашев причисляет подобные накладки к деталям сбруйных наборов, а круг приводимых И.Э. Любчанским аналогий для наборных поясов, по его мнению, относится «почти исключительно, к более позднему времени и связаны с разными традициями их формирования». Исследователь датирует накладки типа **V.3** 2-ой пол. III в., «допуская середину столетия и не исключая возможности захождения в ранний IV в.» (Малашев, 2007. С. 116, 120).

Близкие аналогии в памятниках позднесарматской культуры выявлены пряжкам типа **ПБ.1.4** (рис. 65, 8) (Малашев, 2000. С. 222, рис. 3, *B-4; Д-1, 2; E-1*). Подобные пряжки были распространены в Волго-Вятском междуречье (Лещинская, 2014. С. 237, табл. 18, *11, 12, 18, 19*), на Верхней и Средней Оке (Спицын, 1901. С. 134; Смирнов, 1974. С. 84, табл. V, 6; Белоцерковская, 1998. Рис. 1, 2; Ахмедов, 2007. С. 156, рис. 4, 6–9; Гавритухин, 2015. С. 97, рис. 6, *1, 4*; Кренке, 2019. С. 304, рис. 135, *21*), в Западной Сибири в комплексах булан-

кобинской культуры (Матренин, 2017. С. 47). Подпрямоугольные обоймы у пряжек, как отмечает В.Ю. Малашев, появляются в 1-ой пол. – сер. II в. (Малашев, 2000. С. 209). К III в. пряжки данного типа отнесены в Волго-Вятском междуречье (Лещинская, 2014. С. 180, табл. 83, 9, 11–13). В карабызских комплексах подобные пряжки датированы началом и 1-ой пол. III в. (Овсянников, 2006в. С. 93, рис. 2, 36, 39, 47).

Пряжка типа **ПБ.1.6** (рис. 65, 14) имеет рамку без утолщений и короткий язычок, не выходящий за внешний край рамки. Данные признаки получили наибольшее распространение в III в. (Малашев, 2000. С. 209). Однако наличие обоймы треугольной формы позволяет предположить датировку пряжки в рамках IV в.

Рамка пряжки типа **ПБ.1.10а** (рис. 65, 21) имеет утолщение в передней части, что, согласно наблюдениям В.Ю. Малашева, характерно для ременных гарнитур, начиная с 1-ой пол. III в. Между тем, язычок пряжки – прогнутый в средней своей части, данный признак был распространен во II–III вв. (Там же. С. 209). Таким образом, датировка пряжки данного типа может быть ограничена III в.

Округлые обоймы пряжек наподобие типа **ПБ.1.13а** (рис. 65, 15) появляются, по мнению В.Ю. Малашева, в 1-ой пол. III в. и доживают до конца III в., а новый их пик распространения приходится уже на гуннское время. «Площадка» у основания язычка, отмеченная декором из крестообразной насечки, позволяет определить нижнюю хронологическую границу пряжки в рамках 2-ой пол. III в. (Там же. С. 209). Кроме того, указанные пряжки имеют близкие аналогии на Средней Оке, где они отнесены к периоду 2С мужских комплексов и датированы около 2-ой – 3-ей четв. IV в. (Ахмедов, 2007. С. 142–143; С. 169, рис. 15, 16; Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 49, рис. 30, 17).

Как отмечает В.Ю. Малашев, такой признак как утолщение рамки в передней части пряжек, зафиксированный, в том числе, и на пряжке типа

ПБ.1.136 (рис. 65, 16), появляется с 1-ой пол. III в. и продолжает бытовать в дальнейшем. Язычки, имеющие низкий рельефный выступ, имеют распространение со 2-ой пол. III в. н.э. Щитки овальной формы, согласно наблюдениям В.Ю. Малашева, появляются в конце III или начале IV в. (Малашев, 2000. С. 209). Таким образом, датировка пряжки данного типа может быть определена в рамках IV в., но едва ли его поздней частью, учитывая короткий язычок.

Территория распространения портупейных пряжек типа **ПА.2.4** (рис. 65, 3), как отмечает В.Ю. Малашев, «образует два района повышенной концентрации находок: первый – Пантикапей, восточные районы Боспора и Нижнее Подонье; второй – степная полоса Приуралья», а их датировка ограничена III в. (Малашев, 2013. С. 74).

По разработкам В.Ю. Малашева, наконечники типа **I.4в** (рис. 65, 41) в позднесарматской культуре начинают распространяться не ранее 2-ой пол. II в. н.э. синхронно появлению металлических обойм у пряжек (Малашев, 2000. С. 199). Отдельные аналогии наконечникам обнаружены в аланских погребениях на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 220, рис. 54, 1) и в азелинских комплексах Волго-Вятского междуречья (Лещинская, 2014. С. 119, табл. 42, 29, 30, 35, 36). Н.А. Лещинской данный тип наконечников датирован III в. (Там же. С. 180, табл. 83, 14–17).

Наконечники ремней, аналогичные по морфологии наконечникам типа **I.4а** (рис. 65, 42), – как богато декорированные, с фасетировкой, наколами и прорезями, так и «простые» варианты, подобно бирским экземплярам, – обнаружены в Прикамье (Останина, 1997. С. 258, рис. 12, 30; Голдина, Бернц, 2016б. С. 21, рис. 2, 15), на Средней Оке (Спицын, 1901. С. 145; Ахмедов, 2007. С. 169, рис. 15, 17, 19), в Окско-Сурском междуречье (Гавритухин, 2015. С. 98, рис. 7), близкие аналогии зафиксированы в позднесарматских комплексах (Малашев, 2014. С. 135, рис. 4, 10–12). Для наконечников подобного типа из мужских погребений Тарасовского могильника

Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц была предложена датировка в рамках 1-ой пол. III в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 21, рис. 2). В позднесарматской и связанных с ней культурах В.Ю. Малашев (2000) однотипные наконечники (тип Н5) датирует 2-ой пол. III – первыми десятилетиями IV в. В женских комплексах культуры рязано-окских могильников простые наконечники этого типа характерны для конца III – 1-ой пол. IV в., а обильно орнаментированные бытуют со 2-ой четв. IV в. до начала V в. (Белоцерковская, 2007. С. 199–200).

Наконечник типа **III.8** (рис. 65, 40) выявлен в п. 228 Шиповского могильника совместно с пряжкой типа **IIA.1.261** и накладками типа **XXVI.6** (Овсянников и др., 2007. С. 41), что, в совокупности, позволяет ограничить датировку комплекса 2-ой пол. III – нач. IV в.

Накладки типа **XXIV.4a** и типа **XXIV.4б** (рис. 65, 32) были распространены на обширной территории: они встречены среди материалов кара-абызской (Там же. С. 153, рис. 66, 16; Воробьева, 2012. С. 135), мазунинской (Останина, 1997. С. 57–58; Голдина, Бернц, 2016б. С. 20; С. 21, рис. 2, 3, 4) и азелинской культур (Лещинская, 2014. С. 199, табл. 42, 1–19), а также в комплексах рязано-окского круга (Ахмедов, 2007. С. 169, рис. 15, 12, 14; С. 172, рис. 17, 4) и безводнинско-ахмыловского круга в Поочье (Грибов, 2014. С. 318, рис. 1, 1–4). Р.Д. Голдиной и В.Б. Бернц накладки указанного типа датированы в мужских погребениях Тарасовского могильника 1-ой пол. III в., а в женских – III в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 22–23; Голдина, Бернц, 2017б. С. 53, рис. 4, 28). В Волго-Вятском междуречье данный тип появился в комплексах III в. (Лещинская, 2014. С. 182, табл. 85, 5–7). В рязано-окских могильниках подобные накладки зафиксированы совместно с рассмотренными выше наконечниками типа **I.4a** и пряжками, близкими пряжкам типа **IIБ.1.13a** 2-ой – 3-ей четв. IV в. (Ахмедов, 2007. С. 142–143).

Изделия, относимые в настоящем исследовании к крепежам типа **I.1a** (рис. 65, 24), характерны в кара-абызской культуре для захоронений 1-ой

пол. III в. (Овсянников, 2006в. С. 89; С. 93, рис. 2, 38, 40). В других культурах они не изучались.

Пряжка типа **ПА.1.16** (рис. 65, б) зафиксирована в п. 313 Шиповского могильника, сопровождающий ее инвентарь беден (железные пряжки неопределенного типа, обломки железного ножа) (Овсянников и др., 2007. С. 51). Такой признак как наличие выступа-«площадки» у основания язычка, согласно наблюдениями В.Ю. Малашева, появляется со 2-ой пол. III в. С учетом того, что язычок рассматриваемой пряжки не выходит за внешний край рамки, верхнюю границу ее бытования возможно определить не позднее 1-ой пол. IV в. (Малашев, 2000. С. 209).

Пряжка типа **ПБ.1.7** (рис. 65, 9) зафиксирована в п. 269 Шиповского могильника совместно с бляхой из раковины и железными удилами. Как отмечают авторы раскопок, указанные удила отличаются от других находок из этой же категории, обнаруженных в комплексах Шиповского могильника: они имеют хорошую сохранность и высокое качество изготовления, а на крепежных кольцах зафиксированы железные обоймочки для крепления ремней. Подобные удила, по мнению В.В. Овсянникова и его соавторов, характерны для позднесарматского времени (Овсянников и др., 2007. С. 66). Судя же по особенностям морфологии рассматриваемой пряжки (короткий прямой язычок, округлая рамка без утолщений, округлая обойма), время ее бытования следует определить в рамках III в. (Малашев, 2000. С. 208–209).

Пряжка типа **ПБ.1.106** (рис. 65, 13) обнаружена в кург. 33 Салиховского могильника. Сопроводительный материал данного комплекса представлен лишь двумя обломками керамики (Васюткин, 1986. С. 191). Морфологические особенности пряжки позволяют уточнить датировку погребения. Рамка пряжки имеет утолщение в передней части, что, как отмечает В.Ю. Малашев, является характерным признаком для пряжек, начиная с 1-ой пол. III в. Язычок пряжки имеет рельефный выступ у основания, а его конец почти не выходит за

внешний край рамки, что позволяет определить границы бытования данного экземпляра в рамках 2-ой пол. III – 1-ой пол. IV в. (Малашев, 2000. С. 209).

Генезис и хронологические позиции накладок типа **XXVI.2** (рис. 65, 33), происходящих из кург. 22 Салиховского могильника (Васюткин, 1986. С. 191), подробно рассмотрены А.В. Богачевым. Исследователем выделены многочисленные аналогии данному типу в Прикамье, Среднем Поволжье, Приаралье, Зауралье, Прибалхашье и на Вятке. Указанный тип накладок, по мнению А.В. Богачева, имеет зауральское происхождение, а его распространение в Прикамье и европейских степях связано с продвижением гуннских племен с востока на запад в конце IV – нач. V в. (Богачев, 2007. С. 14–18). Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц данный тип накладок из мужских погребений Тарасовского могильника датирован 2-ой пол. III – IV в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 37, рис. 6, 53), в женских комплексах эти накладки бытовали в IV в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 56, рис. 5, 36). Однотипные накладки встречаются на выделенных И.О. Гавритухиным (2022б) поясах типа Суворово в азелинской культуре и особенно часто на схожих мазунинских поясах 1-ой пол. – 3-ей четв. IV в., но известны и в южноуральской группе позднесарматской культуры, в которой, согласно В.Ю. Малашеву, нет материалов IV в. Это подтверждает даты ижевских исследователей, вероятно, исключая посл. четв. IV в.

Накладки типа **XXVI.6** (рис. 65, 34, 35) отнесены Т.И. Останиной к IV в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 50, 51). В женских погребениях Тарасовского могильника данный тип появился в III в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 53, рис. 4, 29). По мнению В.В. Овсянникова, в кара-абызской культуре подобные накладки характерны для комплексов 2-ой пол. III – нач. IV в. (Овсянников, 2006в. С. 93, рис. 2, 7, 19). Вероятно, их датировка близка рассмотренным выше схожим накладками с двумя дисками.

Наконечники из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба бытуют, начиная со 2-ой пол. III в. и вплоть до

гуннского времени (Малашев, 2000. С. 203–205). В комплексах III–IV вв. преобладают наконечники типа **I.1.1a** (рис. 65, 46).

Накладки типа **XXVI.8** (рис. 65, 28) обнаружены в «жертвенном комплексе» п. 80 Ангасякского могильника (Тагиров, 2007. С. 106). Помимо накладок, в захоронении зафиксированы ременная бляха типа **II.2** (рис. 65, 29a, 29б), бронзовая гривна с железной обмоткой и напускными бусинами типа *Останина-2* (Останина, 1997. С. 105, 108), бабочковидная фибула типа *Останина-1-5* (Там же. С. 43–44), железный наконечник, большое количество бус, височные подвески в виде «знака вопроса», бляшки различных типов. Бабочковидная фибула имеет аналогии в других могильниках мазунинской культуры (Тарасовском, Боярском («Арай»), Покровском, Нивском, Дубровском, Старо-Кабановском, Югомашевском и т.д.) (Там же. С. 43–44; Тагиров, 2007. С. 99, рис. 7, 8). Фибулы подобного варианта, – с двумя боковыми пластинками, украшенными выбитыми с обратной стороны точками, – датированы Т.И. Останиной IV–V вв. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 25). Т.М. Сабировой они отнесены по сопровождающему их в погребениях инвентарю ко 2-ой пол. V в. (Сабирова, 2019. С. 22, 47). Между тем, судя по морфологическим особенностям представленных ременных гарнитур (прежде всего, пряжек) (Там же. С. 136, рис. 54, 20, 24), датировка погребальных комплексов Среднего Прикамья с фибулами рассматриваемого типа не выходит за рамки IV в. Гривны типа *Останина-2*, происходящие из мазунинских комплексов на территории Уфимско-Бельского междуречья, отнесены Т.И. Останиной к IV в. (Останина, 1997. С. 105, 108). В целом же, совокупность перечисленных доводов свидетельствует о датировке п. 80 Ангасякского могильника в пределах IV в., предположительно, его 1-ой половиной.

Как отмечают исследователи, использование в составе ременных (поясных и портупейных) наборов блях из створок раковин моллюсков вида *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae* (по определению Т.И. Останиной)

либо вида *Turbinella pyrum* (по определению Р.Д. Голдиной), обитавших в тропических зонах Индийского и Тихого океанов, имело широкое распространение в Прикамье уже с 1-ой пол. III в. (Там же. С. 62–63; Красноперов, 2007а. С. 109; Голдина, 2018. С. 104). Более ранние единичные случаи зафиксированы в пьяноборской (Ново-Сасыкульский могильник) и позднесарматской (могильник у ст. Камышевской) культурах (Красноперов, 2007а. С. 109), а несколько позднее раковины данного типа обнаружены в именьковской культуре (Коминтерновский II, Старомайнский могильники) (Голдина, Бернц, 2016б. С. 24). По мнению Т.И. Останиной, в мазунинской культуре бляхи-раковины бытовали на протяжении III–IV вв., а подвески из этого материала получили распространение уже в V в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 13, 65). Аналогичной датировки блях-раковин из женских захоронений Тарасовского могильника придерживаются Р.Д. Голдина и В.А. Бернц (Голдина, Бернц, 2017б. С. 58, рис. 6). Появление блях-раковин в Прикамье, как отмечает А.А. Красноперов, может быть связано с культурными процессами, происходившими в степи в 1-ой пол. – сер. III в., а прекращение поступления изделий в сер. I тыс. явилось «следствием изменения перечня престижных импортов из азиатского региона» (Красноперов, 2007а. С. 110).

В Южном Приуралье ременные бляхи типа **II.1** (рис. 65, 22; рис. 71, 11) зафиксированы в п. 313 Бирского могильника. В данном захоронении также обнаружены пряжки типа **IIБ.1.1** (рис. 71, 1) и типа **IIБ.1.8** (рис. 65, 19; рис. 71, 4), бляха (рис. 71, 5), подвески из раковин (рис. 71, 2), бабочковидная фибула типа *Останина-1-5* (рис. 71, 12), халцедоновый диск и другие предметы (рис. 71, 5–10, 13, 14) (Мажитов, отчет, 1981; Останина, 1997. С. 43–44). На основании находок пряжек типа **IIБ.1.1** датировка комплекса может быть определена 1-ой пол. – 3-ей четв. IV в.

Пряжки типа **IIБ.1.5** (рис. 65, 10) имеют аналогии на Средней Оке в комплексах периода 2А, датированных 2-ой пол. III в. (Ахмедов, Воронцов,

2012. С. 44, рис. 25, 9, 12, 13). В Прикамье пряжки данного типа обнаружены в погребениях 1-ой пол. IV в. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 34, рис. 5, 45). В Приуралье подобные пряжки встречаются как с накладками типа **XXVI.6**, так с наконечниками типа **ПА.1а (ХИ-5)** (рис. 66, 5), что позволяет определить время их бытования от 2-ой пол. III в. до 2-ой пол. IV в.

Наконечники типа **ПБ.1** (рис. 65, 45; рис. 72, 11, 12) имеют соответствия в Нижнем Подонье, Крыму, Подунавье (Брюяко и др., 2017. С. 250–251), Прикамье (Голдина, Бернц, 2016б. С. 34, рис. 5, 48) и Пермском Предуралье (Перескоков, 2018. С. 262, рис. 47, 27, 28). В Приуралье наконечники данного типа зафиксированы в кург. 103 Дежневского могильника совместно с пряжками типа **ПБ.1.10е**, **ПБ.1.13в**, наконечниками типа **ПА.3б**, накладками типа **VII.2б**, что позволяет ограничить их датировку концом IV – 1-ой пол. V в.

Наиболее близкие соответствия наконечнику типа **ПА.5** (рис. 65, 44), зафиксированному в п. 645 Бирского могильника совместно с накладками типа **I.3а** (рис. 65, 26) (Мажитов, отчет, 1991), обнаружены в азелинских комплексах IV в. в бассейне р. Вятки (Старостин, 2009. С. 95, рис. 12, 10; Лещинская, 2014. С. 332, табл. 89, 25). Также близкие по форме, но отличающиеся по конструктивным особенностям изделия зафиксированы в Волго-Окском междуречье (Гавритухин, 2015. С. 6; Кренке, 2019. С. 304, рис. 135, 14–16, 23). Между тем, по мнению И.О. Гавритухина, на настоящий момент нельзя утверждать о существовании прямых контактов носителей азелинской и мазунинской культур с Западным Поочьем (Гавритухин, 2015. С. 6).

Пряжки типа **ПА.1.2б1** (рис. 65, 4), типа **ПА.1.2в1** (рис. 65, 5), типа **ПБ.1.9а** (рис. 65, 20), типа **ПБ.1.10в** (рис. 66, 13), типа **ПБ.1.12а** (рис. 66, 14) и типа **ПБ.1.12б** (рис. 66, 15) имеют утолщенные в передней части рамки – данный признак становится распространенным, начиная с 1-ой пол. III в. Язычки пряжек типа **ПА.1.2б1**, типа **ПБ.1.9а**, типа **ПБ.1.12а** и типа **ПБ.1.10в**

не выходят за внешний край рамки, что позволяет ограничить хронологические рамки их бытования III – 3-ей четв. IV в. Язычки пряжек типа **ПА.1.2в1** и типа **ПБ.1.12б** – короткие, с уступом или выступом-«площадкой» у основания; подобные язычки были распространены у пряжек со 2-ой пол. III в. и, возможно, до сер. – 3-ей четв. IV в. Пряжки типа **ПА.1.2б2** (рис. 68, 1б), судя по их морфологическим особенностям (утолщенные в передней части рамки, с немного выступающими за внешний край рамки язычками) могли бытовать и до конца IV в.

Пряжка типа **ПБ.1.15** (рис. 66, 20) имеет близкие аналогии в Нижнем (Тураевский курганный могильник) и Среднем (Тарасовский могильник) Прикамье, Пермском Предуралье (Мокинский и Кудашевский могильники) (Генинг, 1976. С. 105, рис. 32, б; Красноперов, 2012. С. 242, рис. 10, 10; Перескоков, 2018. С. 67; С. 256, рис. 40, 1б; С. 257, рис. 41, 9). С точки зрения Ф.А. Сунгатова, подобные изделия характерны для керченских комплексов IV–V вв., а в Приуралье они начинают фиксироваться в конце V в. (Сунгатов, 1998. С. 66, 85). По мнению М.М. Казанского, появление пряжек рассматриваемого типа связано с распространением сасанидских традиций в результате миграции «в течение V в. каких-то групп кочевников из Центральной Азии», пряжка же из Дежневского могильника датирована исследователем гуннским временем (конец IV – 1-я пол. V в.) (Казанский, 2002. С. 193–197, рис. 1, 8). Как отмечает А.А. Красноперов, «дежневский» экземпляр и его аналоги следует относить к самостоятельному прикамскому варианту серии Цибилиум – Тураево, выделяемой в рамках группы «догуннских» полихромных изделий (по С.И. Безуглову). Подобные ременные гарнитурные имеют прототипы в комплексах «второй группы финального («катакомбного») этапа культуры кочевников Нижнего Подонья позднесарматского времени», а истоки данного полихромного стиля связаны с культурами Закавказья. По мнению исследователя, появление в Прикамье данных пряжек не ранее сер. IV в. (наиболее вероятно – 3-ей четв. IV в.)

связано с возвращением представителей местных племен, – «ветеранов воинского отряда», – принимавших участие в военных действиях в «далеких странах» (Красноперов, 2012. С. 218–222). Наличие такой пряжки в Тураевских курганах свидетельствует о их бытовании и в посл. четв. IV в., но в достоверных более поздних комплексах они не встречены (см. также: Гавритухин, Красноперов, 2022. С. 188, 192; Гавритухин, 2022б. С. 307–309, 312–313).

Морфологические особенности пряжки типа **IIA.1.8г** (рис. 66, 21) (короткий язычок с выступом-«площадкой» у основания) (Малашев, 2000. С. 209), обнаруженной в п. 25 Бирского могильника, позволяют отнести ее ко *второму этапу* (2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.) периодизации ременных гарнитур. Подтверждением данной датировки является также находка в указанном захоронении пряжки типа **IIA.1.2г2** с язычком, достигающим до середины высоты рамки (рис. 66, 11).

Накладки типа **XXV.2а** и типа **XXV.2б** (рис. 66, 17) близки по внешней форме находкам из мужских погребений Тарасовского могильника. Последние – датированы Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц 3-ей четв. IV в. Отличие между ними состоит в том, что тарасовские экземпляры более крупные и украшены шпеньками с массивными шляпками-«полугорошинами» (Голдина, Бернц, 2016б. С. 42, рис. 8, 72). Накладки данного типа обнаружены в Бирском могильнике, а также в одном из старомуштинских комплексов совместно с накладками типа **I.3а** (рис. 66, 18) и наконечником типа **I.2** (рис. 66, 19). Они располагались на кожаном ремешке, прикрепленном к железным кольчатым удилам, что позволяет предположить их использование в качестве украшения конской узды (Сунгатов и др., 2004. С. 30). Вполне можно предположить, что накладки типа **XXIV.2а** и типа **XXIV.2б** являлись результатом «творческой «переработки»» (Красноперов, 2007в. С. 270) местными мастерами первоначальных образцов (сбруйных блях) из позднесарматских комплексов и могут быть датированы IV в.

Накладки типа **V.2a** (рис. 66, 22), как отмечает Т.И. Останина, в мазунинской культуре являются пронизьями-обоймами, которые нанизывались на узкие полоски кожи и входили в состав головного и нарукавных украшений (Останина, 1997. С. 48). В Тарасовском могильнике обоймы данного типа также украшали головные повязки (Голдина, Бернц, 2017б. С. 47–71). Согласно информации из полевого отчета, в п. 4 (р. III) Югомашевского могильника «на тазовых костях погребенного и под ними был обнаружен тлен кожаного ремня, отделанного бронзовыми накладками прямоугольной формы с 9 выпуклинами» (Васюткин, Калинин, отчет, 1975. С. 62). Аналогичные обоймы использовались в составе поясов азелинской культуры (Лещинская, 2014. С. 122, табл. 45, 15, 19; С. 354, табл. 111, 3). С учетом этих сведений накладки типа **V.2a** возможно отнести и к категории поясных.

Накладки типа **V.2б** (рис. 66, 23) также имеют аналогии в Удмуртском Прикамье, где они входили в состав украшений головного убора (Останина, 1997. С. 48). В то же время подобные изделия обнаружены в комплексах азелинской культуры, где зафиксировано их использование в качестве поясных украшений (Лещинская, 2014. С. 122, табл. 45, 15; С. 387, табл. 133, б). В женских погребениях Тарасовского могильника, по мнению исследователей, накладки типа **V.2a** и типа **V.2б** бытовали во 2-ой пол. IV – V в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 62, рис. 9, 71). Т.И. Останиной они датированы V в. (Останина, 1997. С. 296, рис. 51, 21). Однако эти оценки основаны на хронологических схемах, которые вызывают дискуссию (Гавритухин, 2022б).

В п. 4 (р. III) Югомашевского могильника не удалось определить типы ременных пряжек и наконечника, обнаруженных совместно с накладками типа **V.2a**. Имеется только информация из полевого отчета, что язычок одной из пряжек «слегка прогнут и довольно короткий» (Васюткин, Калинин, отчет, 1975). В п. 686 Бирского могильника накладки типа **V.2б** зафиксированы с пряжкой типа **ПА.1.261**. Накладки рассматриваемых типов были распространены в IV в.

Накладки типа **VII.2a** (рис. 67, 1) и типа **VII.2б** (рис. 67, 2; рис. 72, 3–6) имеют аналогии на Северном Кавказе (Амброз, 1989. С. 97, рис. 11, 10; Габуев, 2014. С. 183, рис. 67, 4), в Юго-Западном Крыму (Волошинов, Масякин, 2022. С. 169, рис. 9, 1) и Приаралье (Левина, 1996. С. 324, рис. 129, 5). По северокавказским аналогиям данный тип накладок может быть датирован концом IV – 1-ой пол. V в. (Габуев, Малашев, 2009. С. 126) либо V в. (Амброз, 1989. С. 97, рис. 11, 10). Практически все современные исследователи донских и крымских материалов пришли к тому же выводу, что и В.Ю. Малашев (Гавритухин и др., 2020. С. 238). К этому же времени следует датировать накладки **III.1** (рис. 67, 3) и пряжку типа **ПБ.1.17** (рис. 67, 4), обнаруженных в кург. 103 Дежневского могильника совместно с накладками типа **VII.2б**.

Ряд аналогий наконечникам типа **ПА.3б** (рис. 67, 5; рис. 72, 2), характерным для гуннского времени, выявлены в Рязанском Поочье (Ахмедов, 2007. С. 178, рис. 23, 6), Приаралье (Левина, 1996. С. 324, рис. 129, 34), Крыму (Засецкая, 1979. С. 8, рис. 3, 10–12; Волошинов, Масякин, 2022. С. 169, рис. 9, 2), на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 201, рис. 35, 13) и в могильниках харинского типа в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 78, табл. 7, 23). Схожие изделия зафиксированы в составе уздечных наборов, происходящих из курганов «с усами» на территории казахстанских степей (Грудочко, 2020. С. 300, рис. 94, 17–20).

Пряжки типа **ПБ.1.13в** (рис. 67, 6; рис. 72, 10), датированные гуннским временем, имеют аналогии на Северном Кавказе (Савенко, 2014. С. 124–127, рис. 5, 22) и в Крыму (Волошинов, Масякин, 2022. С. 170, рис. 10, 7).

Наконечники типа **ПБ.2** (рис. 67, 7) зафиксированы в кург. 1 Дежневского могильника (Мажитов, отчет, 1989) совместно с пряжками типа **ПБ.1.10е** (**XII-16**; сериационная *группа IV*). Датировка погребения с учетом аналогий может быть определена в рамках V в. (Матвеева, 2004. С. 155, рис. 32, 25; Гавритухин, 2001в. С. 146, рис. 76; Мастыкова, 2009. С. 278,

рис. 42, 3; Габуев, Малашев, 2009. С. 291, рис. 125, 2). Эта же датировка приемлема для пряжек типа **ПА.1.8в** (рис. 67, 8) и типа **ПБ.1.12д** (рис. 67, 9), имеющих хоботковидные язычки, аналогичные язычкам пряжкам типа **ПБ.1.10е**.

Наконечники типа **ПА.1б** (рис. 67, 10) имеют аналогии в Пермском Предуралье, где датированны 2-ой пол. V в. (Перескоков, 2018. С. 309, рис. 93, 27), в Верхнем Прикамье (Генинг, Голдина, 1973. С. 78, табл. 7, 20) и Приаралье (Левина, 1996. С. 324, рис. 129, 36). Учитывая их явную типологическую связь с секировидными наконечниками типа **ПА.1а** (рис. 66, 5), дата рассматриваемых наконечников может включать и гуннское, а может быть даже несколько более раннее время.

Пряжки типа **ПА.1.2д1** и типа **ПА.1.2д2** (рис. 67, 11, 12) были распространены во многих регионах Европы, на Северном Кавказе, в Средиземноморском бассейне, на Ближнем и Среднем Востоке более всего в V в., но отдельные экземпляры встречаются и позднее, вплоть до эпохи «геральдических» ременных гарнитур, т.е., как минимум, до 2-ой пол. VI в. (Мастыкова, 2009. С. 58; С. 277, рис. 40; Гавритухин, 2015. С. 82).

Пряжка типа **ПА.1.8б** (рис. 67, 13) обнаружена в кург. 1 Камбулатовского I могильника совместно с пряжками типа **ПА.2.2** (рис. 67, 15) (Иванов и др., отчет, 1983. С. 23–24). Датировка погребения на основании морфологических особенностей пряжки типа **ПА.1.8б** (хоботковидный язычок, утолщение в передней части рамки – признаки, характерные для ременных гарнитур из сериационной *группы IV*), может быть определена V–VI вв.

Пряжки типа **ПА.1.3** (рис. 67, 14) зафиксированы в Бирском могильнике (пп. 222, 297) и среди находок у с. Никольское. В п. 222 Бирского могильника выявлены также накладка типа **IV.2**, железный наконечник стрелы, фрагмент сосуда кушнаренковского типа (Мажитов, Агеев, отчет, 1978. С. 7). В п. 297 этого же некрополя обнаружены железные стрелы, удила и проушный топор, костяная подпружная пряжка, халцедоновый диск и двухпластинчатая фибула

(Мажитов, отчет, 1981. С. 17). Судя по всему, данный тип пряжек был распространен в V–VI вв., что не противоречит датировкам встреченных с ними керамики и других вещей.

Накладки-тройчатки типа **VIII.1** (рис. 12, 35), как отмечает Т.И. Останина, нашивались на кожаные ремешки, служившие в качестве нагрудного украшения (Останина, 1997. С. 54). Но стоит отметить, что в п. 8 Бирского могильника, судя по полевым наблюдениям Н.А. Мажитова, данный тип накладок обнаружен в области пояса совместно с накладками типа **I.36** (рис. 12, 7). Все накладки располагались в один ряд, оканчивающийся пластинчатым наконечником ремня, на оборотной стороне накладок зафиксированы остатки кожи. Эти сведения позволяют отнести накладки-тройчатки, равно как и полушарные накладки типа **I.36**, в данном случае – к категории поясных. Совместно с указанными накладками в п. 8 Бирского могильника обнаружена (Мажитов, 1968б. С. 85) лапчатая подвеска (**XII-13**; сериационная *группа IV*). Датировка захоронения может быть определена не ранее V в., хотя накладки типа **VIII.1** и типа **I.3** встречались и в погребениях предыдущих хронологических периодов в качестве украшений женского костюмного комплекса.

Петельные крючки типа **I.1** (рис. 67, 16) зафиксированы в п. 139 Бирского могильника совместно с пряжками типа **ПБ.1.1161** (**XII-11**; сериационная *группа IV*), что позволяет определить датировку погребения в рамках V в., не исключая VI в.

Близкие аналогии пряжкам типа **ПБ.1.18** (рис. 67, 28) и типа **ПБ.2.3** (рис. 67, 29) обнаружены в Закавказье, Центральной Азии (Ковалевская, 1979. Табл. XXI, 24) и Пермском Предуралье (Перескоков, 2018. С. 256, рис. 40, 15). Данный тип датирован А.К. Амброзом VII в. (Амброз, 1980. С. 17). Судя по морфологическим особенностям пряжки типа **ПБ.1.18** (неполая рамка; хоботковидный язычок) и совместное нахождение с ней в п. 2 Бирского могильника пряжек типа **ПБ.1.9в** (рис. 67, 25), типа **ПБ.1.10е** (**XII-16**;

сериационная *группа IV*; рис. 67, 20) и наконечника типа **ПА.16** (рис. 67, 10), ее датировка может быть ограничена в рамках V–VI вв.

Наконечники типа **ПА.46** (рис. 67, 30) имеют близкие аналогии в Пермском Предуралье (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 154–155, рис. 106, 16–20; Перескоков, 2018. С. 263, рис. 47, 5, 8; Голдина и др., 2018. С. 584, табл. 428, 5), Южном Прикамье (Семенов, 1967. С. 171, табл. III, 20; Останина и др., 2011. С. 199, рис. 30, 8, 9), Поволжье (Краснов, 1980. С. 210, рис. 40, 4) и Приаралье (Левина, 1996. С. 324, рис. 129, 34). И.О. Гавритухиным и А.Г. Ивановым выделена «бирско-безводнинская» серия наконечников данного типа, сложившаяся на основе наконечников гуннского времени не ранее сер. VI в. (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 114–117).

Пряжка типа **ПА.1.8д** (рис. 67, 31), согласно сведениям А.К. Амброза, обнаружена в п. 1 кург. 3 Дежневского могильника (раскопки М.Х. Садыковой, 1968 г.) (Амброз, 1989. С. 121, рис. 35, 1). Изучение полевой документации показало, что рассматриваемая пряжка происходит из кург. 2 Дежневского могильника (Садыкова, отчет, 1968). Пряжка типа **ПА.1.8д** отнесена А.К. Амброзом (Амброз, 1989. С. 121, рис. 35) к украшениям «степной группы II», что соответствует сериационной *группе V*.

Пряжки типа **ПВ.2.3** (рис. 67, 37; рис. 74, 3, 4) были распространены в Среднем Поволжье (Матвеева, 2004. С. 155, рис. 32, 8), Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 192, табл. 36, 4), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 8) и Северном Кавказе (Мастыкова, 2009. С. 279, рис. 44, 11), в Крыму (Айбабин, Хайрединова, 2014. С. 218, рис. 38, 16), Приаралье (Левина, 1996. С. 321, рис. 126, 4–6) и других регионах. Как отмечает А.К. Амброз, вопреки общераспространенному мнению, пряжки данного типа характерны не для V в., а для погребений, содержащий инвентарь эпохи «геральдических» ременных гарнитур (Амброз, 1980. С. 16). А.В. Мастыковой и соавторами рассматриваемые пряжки отнесены к характерным предметам шиповского горизонта (Мастыкова и др., 2016. С. 158, табл. 54, 15), А.В. Богачевым они

причислены к «предгеральдическим» и датированы VI в. (Богачев, 1996б; Богачев, 2011. С. 236, табл. I, ч. 3, 59, 60, 66). М.М. Казанский показал, что пряжки данного и схожих типов восходят к позднеримским прототипам, а бытуют, как минимум, до нач. VII в. (Казанский, 2001. С. 52–54). В Волго-Уральском регионе такие пряжки показательны для шиповской эпохи.

Аналогии пряжкам типа **ПВ.2.4** (рис. 67, 39) обнаружены в Зауралье (могильник Каменный Амбар-5) (Костюков, 1995), схожие изделия выявлены в курганах могильников Шипово и Верхнепогромное (Амброз, 1989. С. 119, рис. 33). М.М. Казанским образцы из Бирского могильника отнесены к пряжкам раннесасанидской традиции, а сами погребения, где обнаружены эти пряжки, «относятся к хронологическому постгуннскому горизонту Шипово». Данный горизонт ограничен исследователем 2-ой третью V – 2-ой третью VI вв., но он не исключает попадания отдельных шиповских находок в более поздний контекст (Казанский, 2002. С. 194–196). Примечательно, что изделия из Шипово и Верхнепогромного, близкие пряжкам типа **ПВ.2.4**, причислены А.К. Амброзом к «геральдическим» на основании наличия ряда морфологических особенностей (рамка и щиток, изготовленные из одного листа металла, «имитируют массивные тяжелые вещи с толстыми широкими рамками») (Амброз, 1989. С. 76). Против такой трактовки выступила И.П. Засецкая, указав, что морфологические и технологические характеристики пряжек «геральдического» облика не имеют никаких общих черт с рассматриваемыми изделиями, кроме наличия неподвижных рамок и щитка (Засецкая, 1994. С. 90–91). А.В. Богачевым пряжки с прогнутыми боками и задней стороной отнесены к «предгеральдическим» и датированы VI в. (Богачев, 1996б; Богачев, 2011. С. 236, табл. I, ч. 3, 59, 60, 66). Пряжки данного типа, соотносимые с вещами шиповского круга, могут быть датированы 2-ой пол. V – VI в.

Наконечник типа **I.3** (рис. 67, 36), происходящий из комплекса 2-ой пол. V – VI в. (погребение на ул. Тукаева, г. Уфа), имеет аналогии на

территории урало-казахстанских степей (Бернштам, 1951. С. 220, рис. 5; Амброз, 1989. С. 130, рис. 44; Казанский, Мастыкова, 2010. С. 93; Грудочко, 2020. С. 268, рис. 2, 3).

Пряжка типа **ПБ.2.5** (рис. 68, 1; рис. 73, 1), накладки типа **Ш.2** (рис. 68, 4; рис. 73, 3), типа **Ш.3** (рис. 68, 5; рис. 73, 6), типа **XXIV.9** (рис. 68, 3; рис. 73, 2) и наконечник типа **IVA.2** (рис. 68, 2; рис. 73, 14) обнаружены в п. 18 Бирского могильника совместно с наконечником типа **I.1.16** (рис. 73, 13) и накладкой типа **V.4.62** (рис. 68, 6; рис. 73, 4), янтарными бусами, косметическим пинцетом и рядом других предметов (Мажитов, 1968б. С. 131, табл. 12).

Форма пряжки типа **ПБ.2.5**, рассмотренной А.К. Амброзом в одной из своих работ, является редкой. Как отмечает исследователь, мотив сопоставленных головок известен на провинциально-римских пряжках с IV в., но, в отличие от ранних образцов, у бирского экземпляра имеется полая рамка и украшение язычка двумя поперечными нарезками – рудиментами изображавшейся на этом месте звериной головки, распространенными в VI–VII вв. (Амброз, 1980. С. 17).

Накладки типа **Ш.2**, типа **Ш.3**, типа **XXIV.9** и наконечник типа **IVA.2** имеют ближайшие аналогии в погребальных комплексах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (Коминтерновский II, Новославский II, Рождественский могильники) (Старостин, 1967. С. 81, табл. 17, 23, 28; Казаков, 1998. С. 137, рис. 25; С. 144, рис. 32; Валиев, 2018. С. 221, рис. 3, 6), где они датированы VI в. / 3-ей четв. VI в. (Казаков, 1996. С. 45–46; Казаков, 1998. С. 107; Казаков, 2013а. С. 183, рис. 3, 31; С. 188, рис. 11; С. 189–190; Валиев, 2018. С. 216).

А.В. Богачевым отмечена типологическая близость комплекса вещей из п. 18 Бирского могильника и находок из п. 43 Коминтерновского II могильника, содержащих пряжки «предгеральдических форм», в качестве «широкой» даты которых исследователем предложен VI в., а «узкой» – 2-я – 3-я четв. VI в. (Богачев, 2011. С. 231–240).

Таким образом, датировка п. 18 Бирского могильника с учетом целого ряда хроноиндикаторов не выходит за рамки VI в. Судя по всему, комплексы с аналогичными находками образуют собой хронологический и, возможно, историко-культурный горизонт. Накладки типа **III.2** и типа **III.3**, наряду с другими типами ременных принадлежностей (накладками со скосом по волнообразному контуру (соответствуют накладкам типа **XI.1** и типа **XVII.3a** (рис. 68, 20), «цельновырезными» пряжками (пряжки типа **IIВ.2.4** (рис. 67, 39)), обнаруженными в Коминтерновском II (пп. 43, 46 и др.), Кушнаренковском (пп. 2, 17 и др.) и Бирском (п. 18 и др.) могильниках, Е.П. Казаковым было предложено рассматривать в рамках «раннегеральдического» (коминтерновского) комплекса (Казаков, 1996. С. 45–46; Казаков, 1998. С. 107; Казаков, 2013а. С. 183, рис. 3, 31; С. 188, рис. 11; С. 189–190).

Подобная трактовка материалов Коминтерновского II могильника нашла возражение у И.О. Гавритухина. По мнению исследователя, «никаких специфических элементов геральдических стилей» в коминтерновских погребениях нет, а подавляющее большинство ременной гарнитуры следует связывать со «степной группой II» по А.К. Амброзу (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 139). В одной из своих недавних работ И.О. Гавритухин отметил, что «принадлежность Коминтерновского могильника <...> шиповской эпохе очевидна: безусловных индикаторов гуннского времени здесь нет, а «геральдические» стили представлены лишь одной накладкой, характерной для их раннего этапа» (Гавритухин, 2023а. С. 150).

Соответствия в могильниках именьковской культуры / «турбаслинско-именьковской общности» (Казаков, 2011б. С. 37, рис. 15, 7; Казаков, 2013а. С. 188, рис. 11; Валиев, 2018. С. 225, рис. 9, 5, б) выявлены накладкам типа **XXIV.2** (рис. 68, 8) из п. 229 Бирского могильника (Мажитов, Агеев, отчет, 1978), типа **XXIV.3** (рис. 68, 9) из п. 197 Бирского могильника (Мажитов, 1968б. С. 112) и п. 10 Кушнаренковского могильника (Генинг, 1977. С. 98–99).

Указанные типы накладок характерны, по мнению исследователей, для комплексов VI в. (Матвеева, 2004. С. 149, рис. 26, 3; С. 151, рис. 28, 17; Казаков, 2013а. С. 188; Валиев, 2018. С. 225).

Помимо накладки типа **XXIV.3** в п. 197 Бирского могильника обнаружена накладка типа **XX.1** (рис. 68, 23), которая имеет широкие аналогии в Прикамье (Семенов, 1967. С. 171, табл. III, 22), Пермском Предуралье (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 147, рис. 4; Голдина и др., 2018. С. 295, табл. 139, 2), Поволжье (Казаков, 2013а. С. 188, рис. 11), Приаралье (Левина, 1996. С. 325, рис. 130, 16, 17), на Северном Урале (Савельева, 1979. С. 92, рис. 1, 33) и Северном Кавказе (Мастыкова и др., 2016. С. 115, табл. 7, 28). Близкие изделия обнаружены в Рязанском Поочье и на Средней Оке (Ахмедов, 2007. С. 184, рис. 30, 4; Ахмедов, 2016. С. 242, рис. 4), в Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 281, fig. 97, 47; P. 282, fig. 98, 62). По наблюдениям И.Р. Ахмедова, северокавказские образцы данного типа накладок, датированные исследователем 1-ой пол. VI в., являются упрощенной версией элементов поясных наборов понтийской группы, которые, в свою очередь, принадлежат позднеримской и ранневизантийской воинским традициям (Ахмедов, 2016. С. 233–242).

Пряжки типа **ПБ.2.4** (рис. 69, 1), обнаруженные в пп. 170 и 299 Бирского могильника (Мажитов, 1968б. С. 109; Мажитов, отчет, 1981), имеют аналогии в Прикамье (Ковалевская, 1979. Табл. XX, 12). А.К. Амброзом данный тип датирован VII в. (Амброз, 1980. С. 16), исходя из соотнесения рамки пряжки с изделиями «геральдического» стиля. Однако пряжки с такими рамками есть и в шиповское время (например, рис. 67, 35, 36), а в эпоху «геральдики» они наиболее характерны для ранних комплексов (например, Гавритухин 2001б. С. 69–70, рис. 1, 2; С. 71, рис. 3, 17; С. 84, рис. 16, *группа 1*). Все это указывает на дату VI – нач. VII в. как на наиболее приемлемую. К этому же периоду следует отнести накладки типа **XIII.1** (рис. 69, 15) из п. 299 Бирского могильника.

Пряжки типа **ПВ.2.9а** (рис. 69, 3) имеют аналогии в Крыму (Айбабин, 1990. С. 218, рис. 39, 22), Поволжье (Ковалевская, 1979. Табл. XVIII, 25), Южной Сибири (Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, 23), Пермском Предуралье (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 147, рис. 4, 2) и на Северном Кавказе (Гавритухин, 1999. С. 168). Подобные пряжки отнесены И.О. Гавритухиным к черноморско-волжской серии В-образных пряжек и датированы им концом VI – сер. VII в., а дериваты пряжек данной серии (погребение у г. Ишимбай), как отмечает исследователь, могли «охватывать весь 7 в.» (Там же. С. 169–171).

Пряжки типа **ПА.2.1б** (рис. 69, 4) имеют аналогии в Приаралье (Левина, 1996. С. 322, рис. 127, 20, 22), Верхнем Подонье (Обломский, 2018. С. 374, рис. 16, 4) и многих других регионах. Аналогичные массивные пряжки, но уже с щитком, обнаружены в Прикубанье (Покровский, 1936. С. 165, рис. 6, 1) и Поднепровье (Корзухина, 1996. С. 681, табл. 91, 27, 29; Скіба, 2016. С. 185, рис. 56, б). Подобные пряжки также имели широкое распространение в Нижнем Подунавье и Юго-Западном Крыму (Трайкова, 2007. С. 470, табл. 108, 1234–1236; Обломский, 2018. С. 375). По разработкам И.О. Гавритухина, данный тип может быть датирован концом VI – 3-ей четв. VII в. (Гавритухин, 2001в. С. 31–40; Гавритухин, 2022а. С. 97). Стоит отметить, что наиболее распространенными у пряжек типа **ПА.2.1б** являлись язычки с выступом-«фиксатором» у основания. Вполне возможно, что язычок, обнаруженный у пряжки из кург. 57 Лагеревского могильника, был поставлен древним мастером после утери или поломки «родного» язычка.

Трехщитковые накладки типа **XIV.162** (рис. 69, 25) многочисленны в Крыму (Хайрединоva, 2003. С. 30), встречаются в Закавказье (Гей, Бажан, 1997. С. 84, табл. II, 36) и Поднепровье (Скіба, 2016. С. 175, рис. 46, 5). Близкие аналогии данный тип имеет в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 269, табл. 113, 6, 8, 11, 12) и в комплексах рязано-окских могильников (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 26, рис. 7, 28). А.И. Айбабиным подобные накладки датированы 2-ой четв. VII в. (Айбабин, 1990. С. 54–55).

Э.А. Хайрединовой изделия, наиболее близкие башкирским экземплярам, отнесены к вариантам 4 и 5, датированным 2-ой пол. VI – 4-ой четв. VII в. (Хайрединова, 2003. С. 130). Ижевскими исследователями накладки типа **XIV.162** датированы 1-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 588). И.О. Гавритухиным подобные накладки причислены к серии Нижний Джулат, характерной для центральной части Северного Кавказа, и датированы 1-ой пол. – сер. VII в. В Крыму зафиксирована подобная накладка, которая «датируется немного ранее» (Gavritukhin, 2018. Р. 87; Гавритухин, 2023б (в печати)). Женское захоронение во дворе Башмединститута (г. Уфа), в котором обнаружены накладки данного типа, датированы в одной из моих работ концом VI – сер. VII в. (Белявская, 2019а. С. 134).

Пряжки типа **ПВ.2.8б** и типа **ПВ.2.9в** (рис. 69, 11), накладки типа **X.1в** (рис. 69, 32) и типа **XXIV.8a2** (рис. 14, 24) зафиксированы в Ново-Биккинском кургане совместно с пряжкой типа **ПВ.2.8а** (рис. 69, 12) (**XII-29**; сериационная *группа VII*) и наконечником типа **IVA.1a** (рис. 69, 53) (сериационная *группа VII*). Аналогии пряжкам типа **ПВ.2.8б** (рис. 69, 8) обнаружены в Предкавказье (Мастыкова, 2009. С. 394, табл. 132, 5), Крыму (Айбабин, 1990. С. 225, рис. 46, 22, 23), Приазовье (Ишаев, Смоляк, 2017. С. 165, рис. 4, 9), Приаралье (Левина, 1996. С. 323, рис. 128, рис. 9–11), Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (Казанский, 2014а. С. 107, рис. 12, 1–9). В Приазовье пряжки данного типа обнаружены в комплексе 2-ой пол. VI – 1-ой пол. VII в. (Ишаев, Смоляк, 2017). Ограничить датировку Ново-Биккинского кургана сер. VII в. позволяющие находки костяных накладок на лук (Мажитов, 1981б. С. 17, рис. 8, 30, 31, 34, 35) «тюрко-хазарского» типа, распространенные, по мнению исследователей, в сер. VII – нач. VIII в. (Круглов, 2007. С. 94–98; Русланов, 2013. С. 82, табл. 2).

Ближайшие аналогии накладкам типа **XXIV.8б** (рис. 69, 22), отнесенным И.О. Гавритухиным к серии Клинь-Яр – Нижний Джулат, зафиксированы в центральной части Северного Кавказа и Северной Сирии, где они датированы

в рамках конца VI – сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 218, рис. 40, 27, 28; Gavritukhin, 2018. P. 88, 89; p. 279, fig. 96, 27). Морфологически близкие изделия обнаружены в комплексах Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Поднепровья (Корзухина, 1996. С. 610, табл. 20, 5; С. 681, табл. 91, 22; Хайрединова, 2003. С. 142, рис. 2). А.И. Айбабиным подобные накладки датированы 1-ой четв. VII в. (Айбабин, 1990. С. 64), Э.А. Хайрединовой – 2-ой пол. VI в. (Хайрединова, 2003. С. 129, рис. 2, 8). Женское захоронение во дворе Башмединститута (г. Уфа), в котором обнаружены накладки данного типа, датированы в одной из моих работ концом VI – сер. VII в. (Белявская, 2019а. С. 134).

Накладки типа **XX.2** (рис. 69, 24) имеют аналогии в Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 590, табл. 434, 73), Попсёлье (Родинкова, 2020. С. 142–144), близкие соответствия встречены также на Северном Кавказе (Азбелев, 1993. С. 89–91, рис. 1, 15). Как отмечено А.К. Амброзом, Ж-образные накладки из Бирского могильника своей рельефностью близки «неволинским» образцам, в то время как на юге накладки данного типа обычно плоские, более широкие и с прорезями (Амброз, 1980. С. 16–17). По наблюдениям И.О. Гавритухина и А.Г. Иванова, можно выделить отдельную бирскую серию Ж-образных накладок с прямоугольной пластиной в центре, которая сформировалась на основе поволжских гарнитур V–VI вв., во многом находящихся соответствия в материалах позднеантичных традиций (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 111–112). В Верхнем Прикамье накладки данного типа продолжают бытовать вплоть до VIII в. (Голдина и др., 2018. С. 590, табл. 434, 73). В п. 290 Бирского могильника накладки рассматриваемого типа зафиксированы с наконечником типа **IIA.36** и пряжкой типа **IIБ.1.10е**. Последняя является хроноиндикатором (**XII-16**) сериационной *группы IV*, датировка которой может быть ограничена V–VI вв.

Накладки типа **XII.1a** (рис. 69, 36) из кург. 1 Красногорского II могильника обнаружены совместно с накладкой типа **XI.1** (рис. 69, 34) (**XII-31**;

сериационная *группа VII*), что позволяет ограничить время их бытования концом VI – 3-ей четв. VII в. К этому же периоду возможно отнести накладку типа **XXII.26** (рис. 69, 29). Стилистически близкие Т-образные накладки относятся к архаичным вариациям (Гавритухин, 2001б. С. 71, рис. 3, 4, 14; С. 84, рис. 16, *группа I*), которые могут быть синхронны рассматриваемой или относится к кругу ее ближайших прототипов. Это свидетельствует в пользу ранней части указанного хронологического отрезка.

Накладки типа **XXII.2a** (рис. 69, 27) имеют соответствия в Поволжье (Богачев, 1992. С. 151–152, рис. 26; Ковалевская, 2000. С. 195, табл. 63), Пермском Предуралье, Верхнем Прикамье, Поднепровье, Поочье, на Северном Кавказе (Голдина, 1985. Таб. LIV; Гавритухин, Обломский, 1996, С. 216, рис. 38; Ковалевская, 2000. С. 195, табл. 63), в Приазовье (Атавин, 1996. С. 259, табл. 22, 6, 7), близкие изделия обнаружены в Центральной Азии и Южной Сибири (Торгоев, 2005. С. 89–90, рис. 1, 4; Торгоев, 2011. С. 52). Рассматриваемый тип накладок датирован А.В. Богачевым 3-ей четв. VI в. (Богачев, 1992. С. 151–152), А.Г. Атавиным – 2-ой пол. VI – 1-ой пол. VII в. (Атавин, 1996. С. 226), И.О. Гавритухиным – 2-ой четв. – сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 93). Датировка данных накладок укладывается в рамки *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) по разработанной периодизации ременных гарнитур.

Накладки типа **IV.3** (рис. 69, 39), типа **VI.1** (рис. 69, 40) и типа **IX.1** (рис. 69, 35) зафиксированы в п. 1 кург. 18 Ново-Турбаслинского могильника совместно с наконечником типа **IVA.1a** (рис. 69, 53) (сериационная *группа VII*) и могут быть датированы концом VI – 3-ей четв. VII в.

Аналогии накладкам типа **V.1** (рис. 69, 16), зафиксированным в п. 270 Бирского могильника совместно с накладками типа **XI.1** (рис. 69, 34) и наконечником типа **IIA.2** (рис. 69, 52) (Мажитов, отчет, 1981), выявлены в Предкавказье, Прикаспии, Приаралье, Поволжье и других регионах (Гавритухин, 2002. С. 226, рис. 2, 10, 12–14). По мнению В.Б. Ковалевской,

ареалом подобных накладок, помимо Башкирии, являются Крым, Северный Кавказ, Сибирь (более всего) и Поволжье (Ковалевская, 2000. С. 148; С. 163, рис. XII, 19). Как отмечает И.О. Гавритухин, опираясь на наблюдения А.К. Амброза, накладки данного типа известны от Японии до Центральной Европы; но полые изделия, наиболее близкие рассматриваемому, встречены на памятниках, датированных от послед. трети VI в. до начала или «около середины» VII в. (Гавритухин, 2002. С. 221–222).

Наиболее близкие соответствия накладкам типа **XXIV.8a4** (рис. 69, 20) обнаружены на Северном Кавказе (Мацулевич, 1927. Табл. IX, 7), а также в Пермском Предуралье, где они датированы исследователями 1-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 588, табл. 432, 42). Морфологически близкая данному типу накладка типа **XXIV.8a3** (рис. 69, 21), зафиксирована в Булгарском I кургане совместно с накладкой типа **XI.1 (XI-31; сериационная группа VII;** рис. 69, 34).

Аналогии накладкам типа **XV.161** (рис. 69, 19) выявлены в Зауралье (Боталов, Бабенков, 1998. С. 340, рис. 2, 22, 23), Приазовье (Атавин, 1996. С. 247, табл. 10, 5), Поднепровье (Скіба, 2016. С. 204, рис. 75, 5, 6), Крыму (Айбабин, 1990. С. 229, рис. 50, 1, 7, 32, 36; Скіба, 2016. С. 203, рис. 75, 4), на Северном Кавказе (Афанасьев, 1979. С. 46, рис. 2, 38), в Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 57; P. 399, fig. 219, 8a, 18a), на Балканах (Jarić, 2009. P. 74, pl. 2, 10) и в Подунавье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 220, рис. 42, 27; Трайкова, 2007. С. 481, табл. 118; С. 482, табл. 119). И.О. Гавритухиным подобные накладки в Кисловодской котловине датированы в рамках 560/600–620/630 гг. (Гавритухин, 2001в. С. 147, рис. 77, 17). Как отмечает исследователь, накладки данного типа рассматривались ранее «как показательные для 2-й четверти 7 в., не исключая более широкую дату в пределах 1-ой пол. – сер. 7 в.», но, судя по новым находкам, в Крыму они появились во 2-ой пол. VI в. (Гавритухин, 2023б (в печати)). В Манякском могильнике накладка типа **XV.161** обнаружена совместно с наконечником

типа **III.4a1 (XII-37)**, что позволяет предположить использование в Приуралье накладок рассматриваемого типа, как минимум, до сер. VII в.

Накладки типа **XXIV.1** (рис. 69, 17) имели распространение в Предкавказье (Амброз, 1989. С. 110, рис. 24, 30; Gavritukhin, 2018. Р. 68; Р. 281, fig. 97, 43, 48), Западной Сибири (Ширин, 2014. С. 451, рис. 1, 12; Ковалевская, 2000. С. 169, рис. XVIII, 22), схожие изделия обнаружены в Пермском Предуралье, где они датированы 1-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 589, табл. 433, 46). Как отмечает И.О. Гавритухин, ранний вариант данных накладок представлен в комплексах конца VI – нач. VII в., ряд вариантов подобных накладок был распространён широко в VII в. (как минимум, до сер. VII в.) (Гавритухин, 2023б (в печати)). В Южном Приуралье накладки типа **XXIV.1** зафиксированы в п. 220 Бирского могильника (Мажитов, Агеев, отчет, 1978) совместно с пряжками типа **IIВ.2.5** (рис. 69, 5), накладками типа **X.1a** (рис. 69, 33), типа **XXIV.7** (рис. 69, 48) и ременным крепежом типа **II.1** (рис. 69, 14). Последний имеет аналогии в Предкавказье (Мастыкова, 2009. С. 393, рис. 130, 7; С. 418, табл. 178, 4; С. 424, табл. 187, 2; Gavritukhin, 2018. Р. 317, fig. 134, 58), на Северном Кавказе (Амброз, 1989. С. 126, рис. 40, 8, 21; Гавритухин, 2015. С. 101–102, рис. 10, 11), Верхней и Средней Оке (Воронцов, Столяров, 2015. С. 21, рис. 4, 3; Гавритухин, 2015. С. 101–102, рис. 10, 11), в Поволжье, Прикамье, на Вятке, Алтае, в Центральной Азии (Там же. С. 101–102, рис. 10, 11) и Подунавье (Kazanski, 2014. Р. 51, fig. 6, 1, 7; Гавритухин, 2015. С. 101–102, рис. 10, 11; Kazanski, 2018. Р. 180, fig. 1; Cosma, 2018, Р. 102, pl. 12, 15). Близкие аналогии обнаружены в Поднепровье (Скіба, 2016. С. 177, рис. 48, 2, 4, 6; С. 219, рис. 90, 4) и Нижнем Поволжье (Kazanski, 2014. Р. 51, fig. 6, 1, 7). Датировка п. 220 Бирского могильника может быть ограничена концом VI – 1-ой пол. VII в.

Накладки типа **XVIII.2в** (рис. 69, 45) и типа **XVIII.2д** (рис. 69, 44) были распространены в Прикамье (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 22; Голдина, 1985.

С. 261, табл. LIV, 7), Поочье и Средней Азии (Ковалевская, 2000. С. 169, рис. XVIII, 9). А.К. Амброзом подобные изделия датированы сер. – 2-ой пол. VII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 21, 22). И.О. Гавритухиным накладки типа **XVIII.2д** отнесены к «основному» варианту волчихинской серии «рогатых» накладок, датированному 1-ой пол. – сер. VII в. (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 108). Накладка типа **XVIII.2д** зафиксирована совместно с пряжками типа **IIA.2.16** (рис. 69, 4) и типа **IIВ.2.86** (рис. 8, 10), наконечником типа **III.5** (рис. 69, 57) в кург. 1 Береговского II могильника, а также в п. 9 Шареевского могильника. Указанные комплексы следует датировать в рамках 1-ой пол. – сер. VII в.

Накладка типа **III.4** (рис. 69, 23) имеет близкие аналогии в Приазовье (Атавин, 1996. С. 239, табл. 2), Крыму (Айбабин, 1990. С. 231, рис. 52, 19), Поволжье, Поднепровье (Скіба, 2016. С. 215, рис. 86, 14), Предкавказье, на территории Ирана (Амброз, 1989. С. 123, рис. 37, 39). В Кисловодской котловине накладки данного типа встречены в захоронениях, датированных И.О. Гавритухиным 1-ой пол. VII в. («в некоторых случаях не исключая середину этого столетия») (Гавритухин, 2023б (в печати)). В Приуралье подобная накладка обнаружена в захоронении, отнесенном мной к концу VI – 1-ой пол. VII в. (Белявская, 2021б. С. 352, рис. 4-А).

Аналогичная датировка у наконечников типа **III.163** (рис. 69, 56), зафиксированных в Ново-Турбаслинском могильнике совместно с накладками типа **XIV.161** (рис. 69, 26) (сериационная *группа VII*).

Практически прямые аналогии наконечнику типа **IVA.3** (рис. 69, 55), происходящему с Ново-Турбаслинского II селища (Мажитов, 1962а. С. 157, табл. II, 4), обнаружены в крымской коллекции А.Л. Бертъе-Делагарда (Айбабин, 1985. С. 198, рис. 8, 40). В комплексе из Кисловодской котловины наконечник рассматриваемого типа датирован ок. 600 – 630/650 гг. (Гавритухин, 2001в. С. 147, рис. 77, 36).

Совместно с пряжкой типа **IIA.1.7** (рис. 70, 7) в п. 430 Бирского могильника зафиксирована литая подвеска-колокольчик (**XII-41**; сериационная *группа VIII*), что, в целом, позволяет датировать рассматриваемое погребение сер. – 2-ой пол. VII в. Эта дата подтверждается датировкой таких пряжек на Северном Кавказе (Гавритухин, 2001в. С. 147, рис. 78, 32).

Пряжки типа **IIA.2.3** (рис. 70, 6) имеют аналогии в Прикамье (Останина, 2018. С. 288, рис. 12, 14), Предкавказье (Гавритухин, 2001в. С. 148, рис. 78, 32), на Северном Кавказе, в Поволжье, Поочье, Западной Сибири и Центральной Азии (Ковалевская, 1979. Табл. XIV, 13, 14). Подобный тип пряжек датирован А.К. Амброзом VII–VIII вв. (Амброз, 1971а. С. 117, рис. 6, 13, 14). Типологически такие пряжки архаичнее типа **IIA.1.7** (рис. 72, 36), т.е. появились несколько ранее сер. VII в. и могли некоторое время сосуществовать с указанным типом, но, наверное, вышли из употребления раньше его. Сказанное указывает на дату около 2-ой – 3-ей четв. VII в. (Гавритухин, 2023б (в печати)).

Пряжки типа **PIV.2.6** (рис. 70, 4, 5) имеют аналогии в Поочье (Ковалевская, 1979. Табл. XVI, 5), Нижнем Поволжье (Комар, 2005. С. 169, рис. 4, 1; Сеницын, 1959. С. 109, рис. 34, 1), Крыму, близкие аналогии им встречены в Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 387, fig. 209, 12; Амброз, 1989. С. 106, рис. 20, 15; С. 128, рис. 42, 2). А.И. Айбабиным данный тип пряжек датирован 3-ей четв. VII в. (Айбабин, 1990. С. 64; С. 219, рис. 40, 12, 13). Не ранее «развитого» VII в. их датировали и другие специалисты. Однако пряжки с двумя неподвижными щитками зафиксированы и в более раннем контексте, – как минимум, с конца VI в. (Гавритухин 2023б (в печати)).

Наконечник типа **III.461** (рис. 70, 52), обнаруженный в п. 371 Бирского могильника (Мажитов, отчет, 1984) совместно с наконечником типа **III.161** (рис. 70, 49) (**XII-35**; сериационная *группа VIII*), может быть датирован сер. / 2-ой пол. VII в. – рубежом VII и VIII вв.

Бликие аналогии наконечнику типа **III.462** (рис. 70, 13) из п. 358 Бирского могильника (Мажитов, отчет, 1983) зафиксированы в Южной Сибири (Гаврилова, 1965. Табл. XV, 4) и Среднем Поочье (Ахмедов, 2020. С. 39, рис. 1, 2). А.А. Гавриловой захоронение с подобным наконечником отнесено к раннекудыргинским комплексам кудыргинского типа, датированным VI (концом VI?) – VII вв. (Гаврилова, 1965. С. 24; табл. XXXI). Наконечники ремней из могильника Курман датированы И.Р. Ахмедовым 3-ей четв. VII в. (Ахмедов, 2020. С. 34).

Накладка типа **XVIII.361** (рис. 70, 41) зафиксирована в потревоженном кург. 55 Лагеревского могильника совместно с накладками типа **XV.1a2** (рис. 70, 27) (**XII-46**; сериационная *группа VIII*; сер. / 2-я пол. VII в. – рубеж VII и VIII вв.). Однако он выглядит архаичнее на фоне агафоновских ременных гарнитур и может синхронизироваться с ранней частью этого хронологического отрезка.

Накладки-псевдопряжки типа **XXIII.2** (рис. 70, 33), зафиксированные в п. 361 Бирского могильника, имеют аналогии в Верхнем Прикамье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 226, рис. 47, 17; Голдина и др., 2018. С. 526, табл. 370, 19; С. 589) и Поволжье (Краснов, 1980. С. 211, рис. 42, 9). Близкая по внешнему облику накладка, но отличающаяся по конструктивно-морфологическим особенностям, обнаружена в Южной Сибири (Азбелев, 1993. Рис. 1, 12). А.К. Амброзом данный тип датирован концом VII – 1-ой пол. VIII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 7, 8). Ижевскими исследователями подобные изделия отнесены ко 2-ой пол. VII в. (Голдина и др., 2018. С. 526, табл. 370, 19; С. 589, табл. 433, 58). Согласно И.О. Гавритухину, агафоновский этап, для поясов которого показательны такие и типологически близкие псевдопряжки, начинается в сер. VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 87–89).

Накладки типа **XV.1a3** (рис. 70, 20, 21) имеют аналогии в Приаралье (Левина, 1996. С. 327, рис. 132, 51). А.К. Амброзом подобный тип накладок

датирован концом VII – 1-ой пол. VIII в. (Амброз, 1973. С. 288, рис. 1, 53, 56). Стоит отметить, что, к примеру, накладки-псевдопряжки с аналогичными валикообразными утолщениями на щитках появились не позднее сер. VII в. (Гавритухин, 2001б. Рис. 12, 2, 3, 11; Рис. 15, 2, 9), и могли бытовать вплоть до рубежа VII и VIII вв. Аналогичная датировка приемлема и для накладок типа **XV.1a3**.

Ременные принадлежности с широким хронологическим диапазоном

Анализ ременных гарнитур, происходящих из комплексов Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв., показал, что некоторые выделенные в настоящем исследовании типы бытовали на протяжении долгого периода времени.

Наиболее ранние экземпляры бесщитковых пряжек с подвижным язычком типа **ПА.1.1a1** (рис. 3, 4), по мнению исследователей, появляются в III в. до н.э. у хунну. Они могли заимствовать подвижный фиксатор ремня от китайцев, у которых в период династий Цинь и Западной Хань существовали оригинальные металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, применявшиеся в конском снаряжении и воинской экипировке. Во II в. до н.э. пряжки с подвижным язычком распространились в Минусинской котловине, на Алтае и в Средней Азии, в I в. до н.э. – на Среднем Енисее, Верхнем Приобье, с рубежа эр пряжки данного типа стали активно применять кочевники степной полосы европейской части России (Матренин, 2013. С. 228–231; Матренин, 2017. С. 41–42). В целом же, пряжки типа **ПА.1.1a1** в связи с простотой своей формы имеют широкие хронологические рамки и встречены на обширной территории: в Верхнем и Нижнем Прикамье (Gening, 1995. S. 300, abb. 23, 2; Голдина, Бернц, 2017а. С. 185, рис. 14, 104; Голдина, Бернц, 2017б. С. 62, рис. 9, 73), Южном (Агеев, 1992. С. 131, табл. 12, 3) и Оренбургском Приуралье (Малашев, Яблонский, 2008. С. 287, рис. 163, 4, 5), Поволжье (Краснов, 1980. С. 209, рис. 39; Матвеева, 2004. С. 135, рис. 12, 16), на Вятке (Старостин, 2009. С. 90, рис. 8, 3; Лещинская, 2014. С. 238, табл. 19)

и Средней Оке (Спицын, 1901. С. 134; Ахмедов, 2007. С. 161, рис. 9-а, 5), в Москворечье (Смирнов, 1974. С. 84, табл. V, 3; Кренке, 2019. С. 303, рис. 134, 1, 2), Западной Сибири (Матренин, 2017. С. 30) и др.

Аналогичные выводы справедливы и по отношению к пряжкам типа **ПА.1.1а2** (рис. 3, 5). Они также имеют широкие хронологические рамки бытования, а ареал их очень велик, аналогии им встречены как в 1-ой пол. I тыс., так и значительно позднее (Краснов, 1980. С. 212, рис. 43, 1, 3; Васюткин, Калинин, 1986. С. 112, рис. 14, 18, 25; Агеев, 1992. С. 131, табл. 12, 14; Старостин, 2009. С. 90, рис. 8, 7; Голдина и др., 2018. С. 580, рис. 424, 7).

Пряжки типа **ПА.1.5** (рис. 3, 19) встречаются как в памятниках южнорусских степей (Засецкая, 1994. Табл. 3, 11), так и в Поволжье (Краснов, 1980. С. 212, рис. 43, 6, 8), Пермском Предуралье (Голдина и др., 2018. С. 579, табл. 423, 1, 2; С. 580, табл. 424, 6), Нижнем Прикамье (Gening, 1995. S. 295, abb. 18, 3), на территории Волго-Окского междуречья (Розенфельдт, 1974. С. 106, рис. 6, 8), в Карпатской котловине (Котигорошко, 2009. С. 122, рис. 39). Простая конструкция пряжек данного типа способствовала довольно раннему их появлению и широкому распространению. В связи с этим, они так же не несут хронологической нагрузки. Как отмечают исследователи, исходя из значительного количества находок удили и их деталей, не исключена возможность принадлежности части подобных пряжек конской сбруе (Котигорошко, 2009. С. 72).

Аналогии пряжке типа **ПА.1.6б** (рис. 4, 1) зафиксированы на обширных пространствах от Западной Сибири (Матренин, 2017. С. 37, рис. 11, 16–18), Пермского Предуралья (Голдина и др., 2018. С. 478, табл. 332, 3, 7), Поволжья (Краснов, 1980. С. 212, рис. 43, 9) вплоть до территории Белоруссии (Кенько, 2012. С. 147, рис. 7, 9, 10). Данный тип также имеет «длинную» хронологию, встречаясь как в комплексах раннего, так и развитого Средневековья.

Для «пьяноборцев» и «кара-абызцев» характерны были пряжки типа **IA.1** (рис. 3, 1) и типа **IB.2** (рис. 3, 3) (Мажитов, Пшеничнюк, 1968. С. 44;

Васюткин, Калинин, 1986; Агеев, 1992. С. 130, табл. II). Отдельные их экземпляры продолжают встречаться в ряде могильников мазунинской / раннебахмутинской культуры (Бахмутинский могильник, п. 2, раскопки 1960 г.; Ангасякский могильник, пп. 4, 5) (Мажитов, отчет, 1960; Васюткин, 1980).

Бляхи типа **ІБ.1а** (рис. 15, 13), типа **ІБ.1б** (рис. 15, 10) и типа **ІА.2б** (рис. 15, 8) имели широкое распространение в пьяноборское и пост-пьяноборское время в Поволжье и на Южном Урале (Агеев, 1992. С. 127, табл. 8, 4, 32; Зубов, 2011. Рис. 39; Рис. 55, 1), в бассейне р. Вятки (Лещинская, 2014. С. 108, табл. 31), на Средней Оке (Спицын, 1901. С. 132), в Пермском Предуралье (Перескоков, 2018. С. 249, рис. 35, 10).

Происхождение бляхи типа **ІБ.2** (рис. 15, 15) своими корнями уходит в пьяноборское время. По мнению исследователей, данный тип, скорее всего, производился в местных мастерских из привозного сырья. Основное время использования подобных блях приходится на I–II вв. (Голдина, Бернц, 2016а. С. 72), но также они встречаются и в более поздних комплексах мазунинской и азелинской культур (Останина, 1997. С. 49–50; Старостин, 2009. С. 94, рис. 11, 28; Лещинская, 2014. С. 108, табл. 31).

К I в. н.э., по мнению исследователей, относится появление литых ромбических накладок типа **ІV.1** (рис. 12, 16) (Голдина, Бернц, 2016а. С. 46). Широкие аналогии данный тип имеет в кара-абызской и пьяноборской культурах (Бернц, 2015. С. 73–74; Агеев, 1992. С. 127, табл. 8, 5), подобные изделия встречаются и в ранних комплексах азелинской культуры (Лещинская, 2014. С. 110, табл. 33, 9). Истоки данного типа зафиксированы среди материалов ананьинской эпохи: в I тыс. до н.э. накладки были выпуклыми и имели на внутренней стороне планку для крепления, использовались для украшения головных уборов. А.В. Збруева связывает их появление с влиянием кобанской культуры, распространенной на Северном Кавказе (Збруева, 1952. Табл. XXX, 5, 6). В пьяноборское время (конец I

тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.) подобные накладки стали плоскими, часть их была украшена спиралями или небольшими кругами по углам, часть – ажурно-прорезным орнаментом в виде спиралей и треугольников. К основе они прикреплялись с помощью перекладин или петелек; ими оформляли как одежду (головные и нагрудные украшения, ожерелье / воротник), так и собственно пояса (Воробьева, 2012. С. 136; Бернц, 2015. С. 75–76). В Южном Приуралье накладки типа **IV.1** зафиксированы в п. 44 Шиповского могильника и п. 11 Мало-Качакского могильника. В шиповском захоронении литая ромбическая накладка «сосуществовала» с накладкой типа **XXIV.4a** (как на рис. 14, 17), датировка которой, судя по аналогиям (Лещинская, 2014. С. 182, табл. 85, 5–7; Голдина, Бернц, 2016б. С. 22–23; Голдина, Бернц, 2017б. С. 53, рис. 4, 28), не выходит за рамки III в. В п. 11 Мало-Качакского могильника обнаружены также пряжка типа **IIA.1.2г1** (рис. 3, 13) и наконечник типа **I.1.1б** (как на рис. 9, 2), что позволяет датировать весь комплекс 2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.

Ромбические накладки типа **IV.2** (рис. 12, 17), рассматриваемые в литературе в качестве реминисценции литых ромбических накладок типа **IV.1**, имеют широкие аналогии в Прикамье (Останина, 1997. С. 59; Лещинская, 2014. С. 122, табл. 45, 12; Бернц, 2015. С. 75–76). Отдельные экземпляры встречаются в Приаралье (Левина, 1996. С. 324, рис. 129, 19, 20), Западной Сибири (Матренин, 2017. С. 64), на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 201, рис. 35, 10б–д) и Средней Оке (Ахмедов, 2007. С. 176, рис. 20). Они являются одним из самых многочисленных типов накладок в Бирском могильнике (Ковалевская, 2000. С. 149). Ижевские исследователи отмечают, что ромбические накладки типа **IV.2** в Среднем Прикамье получают наибольшее распространение в V в. (Голдина, Бернц, 2017б. С. 63; Останина, 1997. С. 282, рис. 36, 29). Судя по всему, развитие данного типа шло в направлении от небольших и плоских экземпляров в мазунинский период (Бернц, 2015. С. 75–76) до относительно крупных и немного выпуклых – в

комплексах сер. – 2-ой пол. I тыс. (Амброз, 1980. С. 23, рис. 7, 20). К сожалению, сохранность материала из южноуральских комплексов не позволяет произвести более детальную классификацию ромбических накладок типа **IV.2**, нежели представленную в настоящем исследовании.

3.4. Периодизация ременных гарнитур и ее синхронизация с основными хронологическими схемами Восточной Европы

Выделенные при помощи сериации группы погребений представляют собой своеобразное «ядро» целого массива комплексов. Отмечу, что комплексы с ременными гарнитурами III в. в основном не отражены сериацией. Наряду с погребениями из сериационных групп, при рассмотрении хронологических периодов были учтены и те погребения, которые не вошли в сериацию по формальным признакам, но содержат ременные гарнитуры, присущие определенной группе.

Выделено шесть этапов: *первый этап* датирован III – 3-ей четв. IV в.; *второй этап* – 2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.; *третий этап* – V–VI вв.; *четвертый этап*, судя по всему, являющийся переходным, ограничен 2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.; *пятый этап* приходится на конец VI – 3-ю четв. VII в.; *шестой этап* датирован сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв. (отдельные погребения Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.). При выделении этапов учтены основные тенденции в развитии ременных гарнитур.

На *первом этапе* (сериационные *группы I и II*, а также не вошедшие в сериацию детали ременных гарнитур; III – 3-я четв. IV в.; рис. 65) в Южном Приуралье, равно как в Прикамье и Поволжье (Генинг, 1979. С. 103; Богачев, 1992. С. 106; Голдина, Бернц, 2016а. С. 42), на смену цельнолитым пряжкам с неподвижными крючками, поясным накладкам с креплением при помощи ушек-петель на обороте приходят ременные гарнитуры, представленные многочастными пряжками с подвижными язычками, пластинчатыми наконечниками и накладками, крепление к ремню которых осуществлялось

через сквозные отверстия, зачастую при помощи шпеньков. Вместе с тем необходимо отметить, что процесс смены одного стиля ременных гарнитур другим был постепенным, и в ряде погребений совместно с новыми вещами еще продолжали встречаться ременные принадлежности архаичного облика (пряжки типа **IA.1** (рис. 3, 1), типа **IB.1** (рис. 3, 2), типа **IB.2** (рис. 3, 3); накладки типа **IV.1** (рис. 12, 16)).

В III в. язычки у пряжек зафиксированы как короткие и прогнутые в средней части (типы **IIA.1.2a1** (рис. 3, 7), **IIA.1.2a2** (рис. 3, 8), **IIA.1.6a** (рис. 3, 20), **IB.1.10a** (рис. 5, 10), **IB.1.13б** (рис. 6, 12)), так и прямые, не выходящие за внешний край рамки (типы **IB.1.4** (рис. 5, 1, 2), **IB.1.7** (рис. 5, 5)). Единичным экземпляром на территории Южного Приуралья встречена пряжка с полой рамкой усечено-конической формы (тип **IIA.2.4** (рис. 4, 14)). Со 2-ой пол. III в. и в дальнейшем в основании язычков появляются низкие уступы или выступы-«площадки» (пряжки типа **IIA.1.1б** (рис. 3, 6), типа **IB.1.10б** (рис. 5, 12), типа **IB.1.2** (рис. 4, 17), типа **IB.1.13a** (рис. 6, 11)). Обоймы пряжек, обхватывающие рамку в задней ее части, изготавливались из согнутой пополам пластины, в основном, округлой или прямоугольной форм. В 1-ой пол. – сер. / 3-ей четв. IV в. были распространены пряжки типа **IB.1.1** (рис. 4, 15, 16) (Гавритухин, 2022б. С. 282).

Наконечники ремней наиболее представлены экземплярами из согнутой пополам пластины: одночастными с цилиндрическим расширением на конце (тип **I.1.1a** (рис. 9, 1)); двухсоставными, с подвеской на месте сгиба обоймы (типы **I.4a** (рис. 9, 8), **I.4б** (рис. 9, 9), **I.4в** (рис. 9, 10)); подпрямоугольной формы с прогнутыми боками (тип **I.6** (рис. 9, 13)). Менее были распространены однопластинчатые наконечники, крепившиеся к ремню при помощи шпеньков / заклепок (типы **III.8** (рис. 11, 4), **III.9a** (рис. 11, 5), **III.9б** (рис. 11, 6, 7)). Единичными находками являются наконечник с валикообразным расширением на месте сгиба (тип **I.5** (рис. 9, 11)) и наконечник с секировидным окончанием (тип **IIA.1a** (рис. 9, 14)).

Накладки встречаются прямоугольной (типы **V.3** (рис. 12, 22), **V.4a2** (рис. 12, 24)) и сложных фигурных форм (типы **XXIV.4a** (рис. 14, 17), **XXIV.4б** (рис. 14, 18), **XXV.3** (рис. 14, 32)). Наиболее распространенными были накладки, изготовленные из согнутой пополам пластины, на месте сгиба которой, в большинстве случаев, крепилось кольцо-подвеска (типы **XXVI.1** (рис. 14, 33), **XXVI.2** (рис. 14, 35), **XXVI.3** (рис. 14, 36), **XXVI.4** (рис. 14, 37), **XXVI.5** (рис. 14, 38), **XXVI.6** (рис. 14, 39, 40), **XXVI.7** (рис. 15, 2), **XXVI.8** (рис. 15, 1), **XXVI.9** (рис. 15, 3)).

В погребениях данного этапа зафиксированы металлические ременные бляхи различных форм (типы **IA.1** (рис. 15, 9а, 9б), **IA.2a** (рис. 15, 12), **IB.1a** (рис. 15, 13), **IB.1б** (рис. 15, 10), **IB.2** (рис. 15, 15)), а также бляхи, изготовленные из раковин моллюсков (типы **II.1** (рис. 15, 11), **II.2** (рис. 15, 14а, 14б)). Немногочисленными экземплярами представлены ременные крепежи (типы **I.1a** (рис. 15, 5), **I.1б** (рис. 15, 6, 7)).

Крепление ременных принадлежностей происходило, в основном, при помощи шпеньков через сквозные отверстия. Наиболее распространенными приемами декора на данном этапе являлись фасетировка или ее имитация, насечки по краю, крестообразные насечки на язычке и т.д. Если в 1-ой пол. III в. население Южного Приуралья изначально использует «импортные», позднесарматские образцы ременных гарнитур и их дериваты, то уже со 2-ой пол. III в. – нач. IV в. позднесарматский импульс постепенно затухает и появляются изделия, изготовленные местными мастерами уже по мотивам привозных образцов.

На *втором этапе* (сериационная *группа III*, а также не вошедшие в сериацию детали ременных гарнитур; 2-я четв. – 2-я пол. IV в.; рис. 6б) пряжки приобретают новые черты: все больше распространяется такой признак как утолщение в передней части рамки; язычки пряжек становятся длиннее, они выходят за внешний край рамки или уже доходят до середины высоты рамки, а в основании язычков пряжек повсеместно фиксируются

уступы или выступы-«площадки» (типы **ПА.1.2г1** (рис. 3, 13), **ПА.1.2г2** (рис. 3, 14), **ПБ.1.9б** (рис. 5, 8), **ПБ.1.10г** (рис. 5, 13), **ПБ.1.10д** (рис. 5, 14), **ПБ.1.11а** (рис. 5, 17), **ПБ.1.12в** (рис. 6, 8), **ПБ.1.12г** (рис. 6, 9), **ПБ.1.15** (рис. 6, 16) и др.). Между тем, в погребениях с подобными пряжками продолжают «сосуществовать» и пряжки с короткими язычками (типы **ПБ.1.10в** (рис. 5, 11), **ПБ.1.12а** (рис. 6, 6), **ПБ.1.12б** (рис. 6, 7) и др.). Обоймы пряжек продолжают изготавливаться в пластинчатой технике, но основные их формы уже – треугольная и сегментовидная; реже встречаются обоймы трапециевидной, прямоугольной или овальной форм.

Наконечники ремней более всего представлены изделиями из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на конце (типы **I.1.1а** (рис. 9, 1), **I.1.1б** (рис. 9, 2)); реже встречаются экземпляры с валикообразным расширением (тип **I.5** (рис. 9, 11)) либо без расширения на месте сгиба пластины (тип **I.2** (рис. 9, 6)). Получают распространение наконечники с секировидным окончанием (тип **ПА.1а** (рис. 9, 14)), а также двухпластинчатые наконечники простой формы (тип **ПА.3а** (рис. 9, 12)).

Накладки зафиксированы, в основном, ромбические, круглые и прямоугольные (типы **I.4а** (рис. 12, 8), **I.4б** (рис. 12, 9), **IV.2** (рис. 12, 17), **V.2а** (рис. 12, 21), **V.2б** (рис. 12, 20), **V.4а1** (рис. 12, 23)), менее представлены накладки иных форм (типы **XXV.2а** (рис. 14, 30), **XXV.2б** (рис. 14, 31), **XXVI.10** (рис. 15, 4)). Продолжают встречаться крепежи типа **I.1б** (рис. 15, 7).

На *третьем этапе* (сериационные группы **IV** и **V**, а также не вошедшие в сериацию детали ременных гарнитур, отдельные типы которых могли появиться уже в конце IV в.; V–VI вв.; рис. 67) в Южном Приуралье распространяются ременные гарнитуры нового облика.

Язычки пряжек на данном этапе нависают над рамкой в виде «хоботка», в ряде случаев имеющего поперечные насечки-желобки у основания или на конце (типы **ПА.1.2д1** (рис. 3, 15), **ПА.1.2д2** (рис. 3, 16), **ПА.1.3** (рис. 3, 17), **ПА.1.8б** (рис. 4, 4), **ПА.1.8в** (рис. 4, 5), **ПБ.1.9в** (рис. 5, 9), **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15,

16), **ПБ.1.1161** (рис. 6, 1, 2), **ПБ.1.12д** (рис. 6, 10), **ПБ.1.13в** (рис. 6, 13), **ПБ.1.17** (рис. 6, 18), **ПБ.1.18** (рис. 7, 1) и др.). Уступ у основания язычка становится выше, а рамки пряжек имеют выраженное утолщение в передней своей части. Внешний контур рамок зафиксирован, в основном, круглый, овальный и сегментовидный, а в сечении большая часть рамок – круглые, но встречаются и многогранные. Обоймы пряжек зафиксированы, в основном, прямоугольной, треугольной и трапециевидной форм; реже встречаются сегментовидные.

Характерным признаком этого периода является трансформация распространенных в Приуралье наконечников из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба в экземпляры, богато украшенные разнообразным декором из насечек, круглых прорезей и шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами» (типы **I.1.2а** (рис. 9, 3), **I.1.2б** (рис. 9, 4, 5)). Имели также распространение двухпластинчатые наконечники ремней, крепившиеся к ремню при помощи шпеньков (типы **ПА.16** (рис. 9, 17, 18), **ПА.3б** (рис. 9, 16), **ПА.4а** (рис. 10, 1, 2)). Единичными экземплярами представлены наконечники, состоящие из двух пластин, спаянных между собой на одном из концов (типы **ПБ.1** (рис. 10, 5), **ПБ.2** (рис. 10, 6)).

Наиболее многочисленными на данном этапе являются накладки ромбической формы (тип **IV.2** (рис. 12, 17)); в меньшей степени представлены круглые, овальные и лунницевидные накладки (типы **I.4в** (рис. 12, 10), **III.1** (рис. 12, 12), **VII.2а** (рис. 12, 33), **VII.2б** (рис. 12, 34)), характерными чертами которых является декор в виде насечек по краю и наличие шпеньков с крупными шляпками-«полугорошинами».

В VI в., наряду с вышеописанными ременными принадлежностями, получают распространение пряжки с обоймами трапециевидной «вычурной» формы, зачастую обильно украшенными насечками и выемками по краям или шляпками-«полугорошинами» (тип **ПБ.1.1162** (рис. 6, 3–5)), и пряжки с

овальной или В-образной рамкой, превышающей размер обоймы в 1,5-2 раза (типы **ПБ.1.14а** (рис. 6, 14), **ПБ.1.14б** (рис. 6, 15)).

Не ранее чем с сер. V в. приуральское население начинает использовать ременные гарнитуры шиповского круга. Пряжки представлены экземплярами с широкими В-образными или овальными полыми рамками, массивными язычками с уступами или выступами-«площадками» у основания и насечками на концах; на щитках пряжек фиксируются полихромные вставки из камней или стекла (типы **ПБ.2.1а** (рис. 7, 5), **ПБ.2.1б** (рис. 7, 2–4)). Подобные ременные принадлежности, равно как накладки (тип **ВП.1** (рис. 12, 32)) и наконечники (тип **I.3** (рис. 9, 7), тип **Ш.2** с вариантами (рис. 10, 15–20)), обкладывались тисненой, зачастую серебряной позолоченной фольгой с декором из «псевдозерни», а крепление к ремню происходило при помощи шпеньков либо «петли с усами». Распространенными являлись пряжки с прогнутыми боками и задней стороной, а также пряжки с треугольным щитком, имеющим округлые выступы по краям (типы **ПВ.2.3** (рис. 7, 14), **ПВ.2.4** (рис. 7, 15)).

Четвертый (переходный) этап (2-ой пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.; рис. 68) выделен по материалам сериационной *группы VI*, а также не вошедших в сериацию деталей ременных гарнитур из захоронений Бирского и Кушнаренковского могильников.

В данный период отдельные образцы ременных гарнитур *третьего этапа* (пряжки типа **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15, 16), типа **ПБ.2.1б** (рис. 7, 2–4), наконечники типа **ПА.3б** (рис. 9, 16), типа **Ш.2б1** (рис. 10, 16, 17)) зафиксированы совместно с «геральдическими» ременными гарнитурами (пп. 165, 290 Бирского могильника), что является еще одним из свидетельств постепенной смены одних стилей другим. Примечательно, что «геральдические» пряжки (типы **ПБ.2.2а** (рис. 7, 6), **ПБ.2.2б** (рис. 7, 7), **ПВ.2.2** (рис. 7, 13)) и накладки (типы **Х.1б** (рис. 12, 30), **ХV.3** (рис. 13, 13), **ХVII.3а** (рис. 13, 19), **ХVII.3б** (рис. 13, 20), **ХХII.2в1** (рис. 14, 7), **ХХII.2в2** (рис. 14, 8),

XXIII.3a2 (рис. 14, 10), **XXIII.3б** (рис. 14, 13)) на данном этапе представлены как литыми изделиями, так многосоставными экземплярами, у которых рамка, язычок и обойма изготовлены отдельно.

К этому же периоду следует относить ременную гарнитуру коминтерновского типа, не попавшую из-за своей малочисленности в сериационную выборку, но в некоторых случаях зафиксированную совместно с «геральдическими» ременными гарнитурами (один из примеров: накладка типа **XX.1** (рис. 13, 34) из п. 197 Бирского могильника). К изделиям коминтерновского типа относятся овальные и почковидные накладки (типы **III.2** (рис. 12, 13), **III.3** (рис. 12, 14)); накладка в виде свастики (тип **XXIV.9** (рис. 14, 34)); накладки, состоящие из комбинации ромба или прямоугольника и 2 противоположащих полуovalов (типы **XXIV.3** (рис. 14, 16), **XXIV.2** (рис. 14, 15)).

На *пятом этапе* (сериационная *группа VII*, а также не вошедшие в сериацию детали ременных гарнитур; конец VI – 3-я четв. VII в.; рис. 69) массово распространяются «геральдические» ременные гарнитуры (Гавритухин, 1999. С. 193), окончательно вытесняя собой ременные принадлежности *третьего этапа* и *четвертого этапа*.

Пряжки на данном этапе отличаются массивностью, достигавшейся как за счет выпукло-вогнутых щитков и длинных язычков с высокими уступами, так и за счет полых многогранных В-образных, овальных или прямоугольных рамок. Щитки у пряжек, в основном, полуovalной формы или в виде «геральдического» щита, реже встречаются квадратные и прямоугольные обоймы (типы **IIA.2.1б** (рис. 4, 9, 10), **IIБ.2.4** (рис. 7, 9), **IIВ.2.1** (рис. 7, 12), **IIВ.2.5** (рис. 7, 16), **IIВ.2.8а** (рис. 8, 7, 13), **IIВ.2.8б** (рис. 8, 9, 10), **IIВ.2.8г** (рис. 8, 8, 12), **IIВ.2.9а** (рис. 8, 14), **IIВ.2.9д** (рис. 8, 18) и др.).

Наконечники ремней зафиксированы как однопластинчатые, крепившиеся к ремню при помощи штифтов на обороте (тип **III.3** с вариантами (рис. 10, 22, 23), типы **III.5** (рис. 10, 28), **III.10** (рис. 11, 8) и др.),

так и сложносоставные, в виде «коробочки» (типы **IVA.1a** (рис. 11, 10), **IVA.3** (рис. 11, 13)). Единичными находками являются наконечники из согнутой пополам пластины (тип **I.4г** (рис. 9, 15)) или состоящие из двух пластин (тип **IIA.2** (рис. 9, 19)).

Ременные накладки зафиксированы различных форм: квадратные, прямоугольные, ромбические, трапециевидные, сердцевидные, трех- и четырехлепестковые, S-образные и Ж-образные, в виде «геральдического» щита и др. (типы **IV.3** (рис. 12, 18), **V.1** (рис. 12, 19), **VI.1** (рис. 12, 28), **VI.2** (рис. 12, 31), **IX.1** (рис. 12, 29), **X.1a** (рис. 12, 36), **X.1в** (рис. 12, 37), **XI.1** (рис. 12, 38, 39), **XII.1** с вариантами (рис. 12, 40–42), **XII.2** (рис. 12, 43), **XIII.1** (рис. 12, 44), **XIV.1** с вариантами (рис. 12, 45–47), **XV.163** (рис. 13, 8), **XX.1** (рис. 13, 34), **XX.2** (рис. 13, 37), **XXII.161** (рис. 14, 3), **XXII.2a** (рис. 14, 5), **XXII.2б** (рис. 14, 6), **XXIII.3a1** (рис. 14, 9) и др.). Встречаются накладки сложных фигурных форм или имеющие сочетания из «геральдического» щита с иными фигурами (типы **XVI.1** с вариантами (рис. 13, 12, 14); **XXIV.1** (рис. 14, 14), **XXIV.6** с вариантами (рис. 14, 20, 21), **XXIV.7** (рис. 14, 22) и др.). Широко были распространены одночастные и многочастные накладки с раздвоенными верхом / краями (типы **XVII.2** (рис. 13, 18), **XVII.3в** (рис. 13, 21), **XVIII.2б** (рис. 13, 27), **XVIII.2в** (рис. 13, 26), **XVIII.2г** (рис. 13, 28), **XVIII.2д** (рис. 13, 29)). Кроме того, на данном этапе зафиксированы ременные крепежи типа **II.1** (рис. 15, 16).

В рассматриваемый период «геральдические» ременные гарнитуры характеризуются наличием прорезной орнаментации из парных кругов, фигур в виде «замочной скважины» и др.; иногда прорезь повторяет внешний контур изделия. По технике изготовления встречаются как литые, так и штампованные экземпляры; крепление к ремню осуществлялось, в основном, при помощи штифтов с внутренней стороны изделий.

В ряде захоронений данного этапа (сериационная *подгруппа VII-б*) зафиксированы пряжки с лировидной рамкой типа **IIВ.2.7a2** (рис. 8, 2), а

также накладки, состоящие из комбинации 2 «геральдических» щитов и прямоугольной рамки (тип **XIV.2a** (рис. 12, 49)), – схожие по морфологии изделия продолжают встречаться и в погребениях следующего хронологического периода.

На *шестом этапе* (сериационные *группы VIII* и *IX*, а также не вошедшие в сериацию детали ременных гарнитур; сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв. (отдельные погребения Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.); рис. 70) ременные гарнитуры также представлены изделиями «геральдического» круга, но с морфологическими и стилистическими признаками уже иного порядка.

По сравнению с предыдущим этапом наибольшего распространения получают «геральдические» бесщитковые и цельнолитые щитковые пряжки с полыми овальными, В-образными или лировидными рамками, имеющими выделенное «ложе» для язычка (типы **IIA.2.3** (рис. 4, 12, 13), **PIB.2.7a1** (рис. 8, 1), **PIB.2.7б** (рис. 8, б), **PIB.2.9г** (рис. 8, 17), **PIB.2.10** (рис. 8, 20) и др.). Щитки пряжек чаще всего представлены короткими и удлиненными вариантами «геральдического» щита; вместе с тем встречаются единичные экземпляры пряжек с прямоугольными и раздвоенными фигурными щитками. Язычки пряжек, в большинстве своем, длинные, с высокими выступами-«фиксаторами»; при этом, в отличие от «геральдики» *пятого этапа*, довольно часто встречаются железные (прямые?) язычки или свидетельства их прежнего наличия в виде остатков железа на рамке.

Наконечники, в подавляющем большинстве, литые однопластинчатые – подпрямоугольной формы с округлым или заостренным окончанием (типы **III.4a1** (рис. 10, 24, 25), **III.4a2** (рис. 10, 21), **III.4б1** (рис. 10, 26), **III.4б2** (рис. 10, 27)); «геральдической» формы с боковым выступами (типы **III.1a** (рис. 10, 7–9), **III.1б1** (рис. 10, 10–12), **III.1б2** (рис. 10, 13)). Вместе с тем, встречаются единичные экземпляры более сложных форм и конструкций (типы **III.7** (рис. 10, 29), **IVA.1б** (рис. 11, 11a, 11б), **V.1** (рис. 11, 14)).

Накладки зафиксированы, в основном, круглых, Х-образных, пятиугольных, Т-образных форм, в виде «геральдического» щита, псевдопряжек, накладок с «рогатым» верхом и др. (типы **I.1a** (рис. 12, 1), **XV.1a1** (рис. 13, 1), **XV.1a2** (рис. 13, 2), **XV.1a3** (рис. 13, 3, 4), **XV.1a4** (рис. 13, 5), **XV.162** (рис. 13, 7), **XVII.1a** (рис. 13, 15), **XVII.16** (рис. 13, 16), **XVII.1в** (рис. 13, 17), **XIX.1a** (рис. 13, 35), **XIX.16** (рис. 13, 36), **XXI.1** (рис. 13, 38), **XXII.1a1** (рис. 13, 39; рис. 14, 1), **XXII.1a2** (рис. 14, 2), **XXIII.1** (рис. 14, 12), **XXIII.2** (рис. 14, 11) и др.). Также были распространены сложные сочетания «геральдического» щита с другими фигурами (типы **XVIII.3a** (рис. 13, 30, 31), **XVIII.361** (рис. 13, 32), **XVIII.362** (рис. 13, 33)). Характерными чертами накладок данного периода являются высокая степень загиба «рогов» и тенденция к их слиянию с другими частями изделий.

Судя по всему, для более ранних ремennых принадлежностей *шестого этапа* (сериационная *подгруппа VIII-а*) еще характерно наличие мелкой «прорезной» орнаментации, в дальнейшем же распространение подобных изделий снижается. Между тем, на данном этапе зафиксированы ремennые гарнитуры описанных выше форм, но некоторые из них имели крупные прорезы со вставками из позолоченной серебряной фольги, повторяющими основной контур изделия (наконечники ремней типа **III.6a** (рис. 11, 1, 2), типа **III.66** (рис. 11, 3), типа **III.11** (рис. 11, 9); накладки типа **I.1в** (рис. 12, 3), типа **V.5** (рис. 12, 27), типа **XV.2** (рис. 13, 10, 11), типа **XXII.162** (рис. 14, 4), типа **XXIV.10** (рис. 14, 28); сериационная *группа IX*).

*****

Для сопоставления полученных результатов привлечены работы с хронологическими схемами, основанными на анализе обширных материалов из археологических памятников Южного Приуралья, Поволжья и Прикамья. К таковым относятся исследования Н.А. Мажитова, В.Б. Ковалевской, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго, А.В. Богачева,

И.О. Гавритухина, Т.И. Останиной, Ф.А. Сунгатова, В.А. Иванова, А.Н. Султановой, Н.А. Лещинской.

Н.А. Мажитовым в результате корреляции погребального инвентаря разработана подробная периодизация 206 захоронений Бирского могильника, исследованных им в 1958-1960 гг. и 1962 г. (Мажитов, 1968б. С. 12–20, 38–45; табл. I). Ременные гарнитуры Бирского могильника, морфологически идентичные изделиям *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) и *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.), отнесены исследователем к хронологической группе А (II–IV вв.); вещевой комплекс из погребений *третьего этапа* (V–VI вв.) – к хронологической группе В (V–VI вв.); ременные гарнитуры *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.), *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) и *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв. (отдельные погребения Бирского могильника могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.)) могут быть соотнесены с хронологической группой Г (VI–VII вв.). Группа Б (IV–V вв.), судя по всему, являющаяся переходной (Там же. С. 18; табл. I), находит соответствия в комплексах как *третьего этапа*, так и *четвертого этапа*.

В дальнейшем Н.А. Мажитовым разработана новая периодизация раннесредневековых могильников Южного Приуралья (Мажитов, 1977. С. 15–38). Хронологические рамки целого ряда комплексов (в т.ч. из Бирского могильника) под влиянием работ А.К. Амброза были пересмотрены. С наиболее ранним хронологическим рядом А (VII в.) следует соотносить некоторые комплексы с ремёнными гарнитурами *второго этапа* (в т.ч. и комплексы из Ангасякского, Старо-Кабановского, Кара-Тамакского и Югомашевского могильников), *третьего этапа* и *четвертого этапа* включительно. К хронологическому ряду Б (VIII в.) Н.А. Мажитовым причислены погребения с ремёнными гарнитурами из Манякского и Лагеревского могильников, отнесенные в настоящей работе к *шестому*

этапу. Наконец, промежуточное положение между хронологическими рядами А и Б (рубеж VII и VIII вв.) занимают погребения *пятого этапа*.

Впоследствии Н.А. Мажитовым пересмотрена предложенная им хронологическая схема древностей Приуралья. Ременные гарнитуры хронологической группы А, датированной исследователем концом VI – VII в., могут быть уже соотнесены с ремennыми гарнитурами выделенных в настоящей работе *третьего этапа* (V–VI вв.), *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) и *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.), а также с некоторыми комплексами *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.). С хронологической группой Б, ограниченной VIII в., соотносится большая часть комплексов *шестого этапа* (сериационные *группы VIII* и *IX*) (Мажитов, 1987. С. 119–126; Мажитов, 1993. С. 121–131). Между тем, исследователем отмечается наличие в некоторых бахмутинских некрополях захоронений и более раннего периода (IV–VI вв.) (Мажитов, 1987. С. 121; Мажитов, 1993. С. 124–126).

В.Б. Ковалевской проанализированы поясные гарнитуры, происходящие из южноуральских погребальных комплексов IV–IX вв. (Ковалевская, 1972. С. 105–106, рис. 8). Ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) находят аналогии в материалах ее хронологического этапа IV–V вв., ременные гарнитуры *третьего этапа* (V–VI вв.) – в находках, датированных V – нач. VI в. Ременные гарнитуры *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) и *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) соотносятся с материалами 2-ой пол. VI – VII в., а ременные гарнитуры *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.) – с артефактами 2-ой пол. VII – VIII в.

Хронология поясных гарнитур I тыс. н.э. по материалам могильников Южного Приуралья и Прикамья разработана В.Ф. Генингом (1979. С. 98–103). С его периодом III–IV вв. следует соотносить ременные гарнитуры *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) в целом. Ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я

четв. – 2-я пол. IV в.), *третьего этапа* (сериационная группа IV; V–VI вв.) и частично *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) имеют соответствия в материалах периода V – 1-ой пол. VI в. К поздним комплексам этого периода отнесены ряд погребений с ременными гарнитурами *третьего этапа* (сериационная группа V; 2-я пол. V – VI в.) и *четвертого этапа* (сериационная группа VI; 2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.). Ременные гарнитуры из комплексов *пятого этапа* (сериационная группа VII; (конец VI – 3-я четв. VII в.)) и *шестого этапа* (сериационная группа VIII; сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.) соотносятся с периодом 2-ой пол. VI – 1-ой пол. VII в. Наконец, отдельные аналогии ременным принадлежностям *шестого этапа* (сериационная группа IX) возможно обнаружить в периоде, датированном В.Ф. Генингом 2-ой пол. VII – 1-ой пол. VIII в.

Р.Д. Голдиной в результате применения корреляционных и статистико-математических методов разработана хронология материалов, происходящих из памятников ломоватовской культуры V–IX вв. на Верхней Каме (Голдина, 1985. С. 124–133). С харинской стадией (V–VI вв., «вероятно, без конца VI в.») синхронизируются погребения с ременными гарнитурами *третьего этапа* (V–VI вв.), с агафоновской стадией (конец VI – VII в.) – погребения с ременными гарнитурами *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) и *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.)

Периодизация погребальных комплексов неволинской культуры (Верхнее Прикамье) представлена в работе Р.Д. Голдиной и Н.В. Водолаго (Голдина, Водолаго, 1990. С. 90–94). Ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) соответствуют материалам бродовской стадии (IV–V вв.), ременные гарнитуры *третьего этапа* (V–VI вв.) следует соотносить с верх-саинской стадией (VI в.), а ременные гарнитуры *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.), *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) и *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.) – с бартымской стадией (конец VI – VII в.).

Если рассматривать эволюцию поясов, разработанную А.В. Богачевым для археологических памятников Среднего Поволжья (Богачев, 1992. С. 146–157), то можно отметить, что ременные гарнитуры *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) имеют общие морфологические признаки с изделиями тезиковского периода (III–IV вв.), с тураевским периодом (V – 1-я пол. VI в.) в наибольшей степени соотносятся материалы выделенного в настоящей работе *третьего этапа* (V–VI вв.); «геральдические» ременные гарнитуры *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) имеют соответствия среди материалов новоселковского периода (3-я четв. VI в.), а с зиновьевским этапом (2-я пол. VI – VII в.) частично синхронизируются ременные принадлежности *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) и *шестого этапа* (сериационная *группа VIII*; (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.).

«Геральдические» ременные гарнитуры Поволжья VI–VII вв. рассмотрены И.О. Гавритухиным. *Четвертый этап* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) частично соответствует выделенному И.О. Гавритухиным горизонту I (сер. VI – нач. VII в.), *пятый этап* (конец VI – 3-я четв. VII в.) – горизонту II (около конца VI – 3-ей четв. VII в.), а *шестой этап* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.) – аналогичному по датировке горизонту III (Гавритухин, 1996. С. 122–125; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 84–89; С. 273, рис. 89; Гавритухин, 2023а. С. 142, 157).

Т.И. Останиной в результате применения корреляционного метода разработана хронология памятников мазунинской культуры Среднего Прикамья, в т.ч. Ангасякского, Югомашевского, Старо-Кабановского могильников и ранних комплексов Бахмутинского и Бирского могильников (Останина, 1997. С. 103–109). Ременные гарнитуры *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) имеют соответствия в группе III (IV в.), группе IV (переходной) (конец IV – нач. V в.) и 3-ей смежной группе (IV–V вв.), а ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) – в группе V (V в.).

Ф.А. Сунгатовым выделены группы комплексов сопряженных предметов (КСП) для погребений турбаслинской культуры (Сунгатов, 1998. С. 85–88). Наибольшие аналогии некоторым ременным гарнитурам *третьего этапа* (сериационная *группа IV*; V–VI вв.) отмечены в КСП-2 (конец V – VI в.); с КСП-3 (2-я пол. VI – 1-я пол. VII в.) возможно соотнести ременные гарнитуры также *третьего этапа* (сериационная *группа V*; 2-я пол. V – VI в.); отдельные ременные принадлежности *пятого этапа* (сериационная *подгруппа VII-б*; конец VI – 3-я четв. VII в.) соответствуют КСП-6 (VII – нач. VIII в.), а с КСП-4 и КСП-5 (также VII – нач. VIII в.) частично соотносятся материалы *шестого этапа* (сериационная *группа VIII*; сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.).

В.А. Ивановым «геральдические» ременные гарнитуры *шестого этапа* (сериационная *группа VIII*) выделены в КСП-1 и датированы концом VI – VII в. Материалы п. 1 (р. I) Манякского могильника, отнесенного в настоящей работе также к *шестому этапу* (сериационная *группа IX*), рассмотрены исследователем уже в рамках КСП-2, датированном 2-ой пол. VII – VIII в. (Иванов, 1999. С. 43–46).

Комплексному анализу материалов из 692 погребений Бирского могильника посвящена работа А.Н. Султановой (Султанова, 2000. С. 60–82; рис. 34–38). Ременные гарнитуры *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) соотносятся с хронологической группой Г (III–IV вв.), выделенной корреляционным методом; ременные гарнитуры *третьего этапа* (V–VI вв.) имеют соответствия в хронологических группах В (V–VI вв.) и Б (2-я пол. VI – VII в.); с последней группой также соотносятся ременные гарнитуры *четвертого этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) и *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.); с хронологической группой А (конец VII – VIII в.) – ременные гарнитуры *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.; отдельные комплексы Бирского могильника могли существовать в сер. VIII в.).

Н.А. Лещинской предложена хронология погребальных памятников I–V вв., расположенных на территории Вятского края (Лещинская, 2014. С. 165–175). Некоторые ременные гарнитуры *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.) синхронизируются с материалами четвертой хронологической группы (IV в.). С поздними комплексами пятой хронологической группы (V в.) следует соотносить ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.).

Таким образом, ременные гарнитуры *первого этапа* и *второго этапа* не имеют полной синхронизации с периодами ни в одной из рассмотренных хронологических систем; ременные гарнитуры *третьего этапа* синхронизируются с хронологической группой В по периодизации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1968б. Табл. I) и харинской стадией ломоватовской культуры по периодизации Р.Д. Голдиной (Голдина, 1985. С. 124–126); *четвертый этап* частично соответствует выделенному И.О. Гавритухиным горизонту I; *пятый этап* – горизонту II; *шестой этап* – горизонту III (Гавритухин, 1996. С. 122–125; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 84–89; С. 273, рис. 89; Гавритухин, 2023а. С. 142, 157).

ГЛАВА 4. ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

4.1. Хронология погребальных комплексов Южного Приуралья с учетом результатов изучения ременных гарнитур

Ременные гарнитуры, характерные для *первого этапа* (III – 3-я четв. IV в.), зафиксированы в захоронениях Ахмеровского II, Салиховского, Шиповского (раскоп XIII), Ангасякского, ряда погребений Старо-Муштинского, Старо-Кабановского, Бахмутинского (раскопки 1960 г.) и Бирского могильников.

Ременные гарнитуры *второго этапа* (2-я четв. – 2-я пол. IV в.) обнаружены в Кара-Тамакском, Югомашевском, Мало-Качакском, Старо-Кабановском могильниках, в ряде погребений Старо-Муштинского, Дежневского, Бахмутинского и Бирского могильников, а также в погребении на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа).

Ременные гарнитуры *третьего этапа* (V–VI вв.) выявлены в Камбулатовском I и Сынтыш-Тамакском могильниках, могильнике Чайка-1 (раскопки 2014 г.) (изделия, характерные для сериационной *группы IV*; V–VI вв.), в погребении на ул. Тукаева (г. Уфа), погребении на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа), Галановском II и Кувыковском могильниках (изделия, характерные для сериационной *группы V*; 2-я пол. V – VI в.), в ряде погребений Дежневского, Ново-Турбаслинского, Бахмутинского и Бирского могильников (изделия, характерные для сериационных *групп IV* и *V*).

Ременные гарнитуры *четвертого (переходного) этапа* (2-я пол. / 3-я треть VI – нач. VII в.) на данный момент зафиксированы в захоронениях Бирского и Кушнаренокского могильников.

Ременные гарнитуры *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) представлены в погребениях Кушнаренокского, Красногорского II, Береговского II, Сынтыш-Тамакского, Шареевского, Ново-Турбаслинского и Бирского могильников. Также они выявлены в могильнике Чайка-1 (раскопки

2015 г.), Булгарском I и Ново-Биккинском курганах, женском погребении во дворе Башмединститута (г. Уфа), Новиковском погребении (г. Уфа), а также среди депаспортизированных материалов Бахмутинского могильника.

Ременные гарнитуры *шестого этапа* (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.) зафиксированы в погребении № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), погребении у г. Ишимбай, Манякском и Лагеревском могильниках, в ряде комплексов Ново-Турбаслинского и Бирского могильников, а также среди депаспортизированных материалов Бахмутинского могильника.

Анализ ременных гарнитур совместно с другими хроноиндикаторами (фибулами, серьгами, подвесками, бусами и т.д.) позволяет уточнить хронологические рамки некоторых могильников и отдельных погребальных комплексов, датировка которых является наиболее дискуссионной. К таким памятникам относятся Ахмеровский II, Салиховский, Ангасякский, Кара-Тамакский, Югомашевский, Мало-Качакский, Дежневский, Ново-Турбаслинский, Сынтыш-Тамакский, Кушнаренковский, Шареевский, Манякский, Бахмутинский и Бирский могильники, женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа) и могильник Чайка-1. Дата рассматривается только для раскопанных частей некрополей, а полученные результаты являются предварительными.

Ахмеровский II могильник.

Хронологические рамки данного некрополя, по мнению С.М. Васюткина, должны быть ограничены III–IV вв. (Васюткин, 1977. С. 85); с точки зрения А.Х. Пшеничнюка – II–III вв. (Пшеничнюк, 1992. С. 80). С.Г. Боталов датирует памятник концом IV – V в. (Боталов, 2008. С. 208), аналогичная датировка встречена в одной из работ Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой (Мажитов, Султанова, 2010. С. 137). Как отмечает В.Ю. Малашев, «металлический инвентарь указывает на дату III в. н.э.; индикаторов развитого IV в. н.э. в публикуемых материалах нет» (Малашев, 2007. С. 115; Малашев, 2013. С. 18).

Если обратиться к достаточно немногочисленным хроноиндикаторам из ахмеровских комплексов, то помимо пряжек типа **ПА.1.2а1** (рис. 3, 7) и типа **ПБ.1.10а** (рис. 5, 10), датированных в данной работе III в., интерес представляют две фибулы (кург. 28, п. 2; кург. 31, п. 2) и серьга (кург. 31, п. 2) (Васюткин, 1977. С. 83, рис. 6, 20, 23, 24).

Рассматриваемые застёжки следует относить к одночленным крупным фибулам с завитком на конце сплошного приемника и коленчато изогнутой спинкой (Мошкова, 2000. С. 188, 192) по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966. С. 46). Последним фибулы данного типа датированы III – нач. IV в. (Там же. С. 46). А.С. Скрипкин ограничивал бытование подобных изделий концом III – IV в. (Скрипкин, 1977. С. 115). По мнению М.Г. Мошковой, серию фибул из погребений кочевников Южного Приуралья можно датировать нач. III в., а, предположительно, – и 2-ой пол. II в.; между тем, «на лесостепных территориях Башкирии и Зауралья они могли употребляться до конца IV в. и позже» (Мошкова, 2000. С. 190). С точки зрения В.Ю. Малашева, начало распространения данного типа застёжек относится к 1-ой пол. III в., «с последующим использованием во второй половине столетия» (Малашев, 2013. С. 106). И.Э. Любчанским и Д.В. Денисовой рассматриваемый тип фибул датирован последней четв. II – III в. (Любчанский, Денисова, 2014. С. 125).

Полая серьга «калачиковидной» формы с гроздевидным выступом в нижней части (Малашев, 2013. С. 111) имеет многочисленные аналогии в позднесарматских комплексах Южного Приуралья и Зауралья, которые могут быть датированы, по разработкам В.Ю. Малашева, сер. – 2-ой пол. III в., хотя наиболее ранние образцы данного типа серег встречаются и в погребениях 1-ой пол. III в. (Там же). По классификации «калачиковидных» серег С.А. Перевозчиковой ахмеровский экземпляр отнесен к типу 3-б-1 («Калачик с небольшим выступом», «Основа без дополнений») (Перевозчикова, 2009б).

С. 5–6). В позднесарматских могильниках подобные серьги, как отмечает исследователь, появляются в конце III в. (Там же. С. 7).

Таким образом, датировку Ахмеровского II некрополя на основании находок ряда хроноиндикаторов (пряжек, фибул, серег) возможно предварительно ограничить III в.

Салиховский могильник.

Данный памятник, впервые исследованный в 1953 г., датирован К.В. Сальниковым II–IV вв. (Сальников, 1958. С. 30). С.М. Васюткиным время функционирования рассматриваемого некрополя предложено ограничить концом IV – V в. (Васюткин, 1986. С. 194), аналогичной датировки придерживается С.Г. Боталов (Боталов, 2008. С. 208). К.Ф. Смирновым материалы Салиховских курганов датированы III–VI вв. (Смирнов К.Ф., 1971. С. 76). С точки зрения Н.А. Мажитова, Салиховский могильник возник не ранее VI–VII вв. (Мажитов, 1977. С. 21). В одной из своих работ датировку некоторых курганов указанного некрополя исследователь ограничивал VII–VIII вв., относя их к памятникам турбаслинской культуры (Мажитов, 1981а. С. 24). Впоследствии, Н.А. Мажитовым и А.Н. Султановой рассматриваемый памятник датирован IV–V вв. (Мажитов, Султанова, 2010. С. 137). По мнению В.Ю. Малашева, набор хроноиндикаторов из Салиховского могильника «указывает на вторую половину III – IV вв. н.э. (допуская и ранний V в. н.э.)» (Малашев, 2007. С. 114; Малашев, 2013. С. 18). И.О. Гавритухиным данный некрополь отнесен к группе памятников «без индикаторов 2-ой пол. IV в.» (Гавритухин, 2022б. С. 274, рис. 1, 62).

Одним из аргументов С.М. Васюткина в пользу «омоложения» датировки Салиховского могильника являлись находки подвесок-уточек в кург. 7 (Васюткин, 1986. С. 189, рис. 7, 12, 13). Указанные подвески, по мнению исследователя, получают распространение в Южном Приуралье и Прикамье только с V в. (Там же. С. 194–195). Как уже отмечалось ранее, подвески-уточка в Волго-Камье бытуют на протяжении IV–V вв. (Лещинская,

2014. С. 195; Голдина, Бернц, 2017б. С. 59, рис. 7, 48), встречаются они, к примеру, и в комплексах сериационных *групп III* и *IV* (**ХИ-9**; рис. 62, 9).

«Калачиковидная» серьга (подвеска харинского типа – по определению С.М. Васюткина), обнаруженная в Салиховском могильнике, датирована исследователем V в. (Васюткин, 1986. С. 194). Этой же датировки придерживается и В.В. Мингалёв (Мингалёв, 2006. С. 53). К сожалению, данная серьга / подвеска, судя по информации из полевого отчета, была утеряна в ходе раскопок (Васюткин, Горбунов, отчет, 1972. С. 16), в публикации материалов могильника изображение изделия отсутствует. Внешний вид находки не определим, и, следовательно, невозможно подтвердить или опровергнуть предложенную датировку. Отмечу лишь, что полые «калачиковидные» серьги на протяжении нескольких веков (III–VI вв.) претерпевали морфологические, технологические и функциональные изменения, что наглядно представила в своей работе С.А. Перевозчикова (Перевозчикова, 2009б), и при, казалось бы, внешнем сходстве изделия III в. будут отличаться от образцов V–VI вв.

Ременные гарнитуры Салиховского могильника, представленные пряжками типа **ПА.1.6а** (рис. 3, 20), типа **ПА.2.4** (рис. 4, 14), типа **ПБ.1.10б** (рис. 5, 12), типа **ПБ.1.13а** (рис. 6, 11), типа **ПБ.1.13б** (рис. 6, 12), наконечниками типа **I.1.1а** (рис. 9, 1), типа **I.5** (рис. 9, 11) и накладками типа **XXIV.4б** (рис. 14, 18), типа **XXVI.2** (рис. 14, 35), в целом, позволяют согласиться с нижней границей некрополя, предложенной В.Ю. Малашевым, – **2-ой пол. III в.** Верхнюю границу могильника, опираясь на наблюдения, представленные в данной работе с учетом замечаний И.О. Гавритухина (2022б), можно определить не позднее **сер. IV в.**

Ангасякский могильник.

Время существования рассматриваемого памятника С.М. Васюткиным ограничено 2-ой пол. / концом III – IV в. (Васюткин, 1980. С. 86). По мнению исследователя, ранние погребения данного могильника, содержащие пряжки с

неподвижным крючком, налобные повязки с бронзовыми полусферическими бляшками, кольцевые подвески с ушками и двумя кольцами снизу, литые бляшки с ушками на обороте и другие подобные вещи, «хронологически следуют за поздними погребениями <...> могильников пьяноборской и кара-бызской культур», и, возможно, являются даже одновременными им (Там же. С. 85–86).

Т.И. Останина датировала Ангасякский могильник IV в. (Останина, 1997. С. 120). Как отмечает исследователь, в погребениях некрополя отсутствуют височные подвески в виде «знака вопроса», изготовленные из простого стержня (тип *Останина-1*), что исключает «начало IV в.». Между тем, здесь обнаружены «типы вещей, встречающиеся только в период II–III четверти IV <...>, а также на протяжении IV–V вв.», по разработанной Т.И. Останиной периодизации мазунинской культуры (Там же. С. 120).

Ф.М. Тагировым нижняя дата некрополя с учетом находок пряжек пьяноборского и кара-бызского типов, вслед за С.М. Васюткиным, определена 2-ой пол. / концом III в. Верхняя дата – IV в. – основана на взаимовстречаемости железной гривны с бронзовой обмоткой в одном комплексе с полусферическими бляшками, наконечниками кольчужного плетения и бесщитковыми пряжками. В качестве еще одного довода исследователь указывает «отсутствие бронзовых фигурок медведя, не известных ранее V в. н.э.» (Тагиров, 2007. С. 104).

На территории Южного Приуралья подвески-пронизи в виде стилизованного изображения медведя обнаружены в Югомашевском, Старо-Муштинском, Мало-Качакском, Бахмутинском, Кара-Тамакском, Бирском могильниках, среди материалов городищ Уфа-II и Каменная гора, и др. Кроме того, аналогичные подвески зафиксированы в Нивском и Тарасовском могильниках (Среднее Прикамье), в Первомайском (Вятка), Красноярском и Кудашевском могильниках, на Гляденовском костыще (Верхнее Прикамье), а также в бескурганной части Тураевского могильника и среди материалов

Именьковского I городища (Нижнее Прикамье, Среднее Поволжье) (Смирнов, 1957. С. 51–54; Мажитов, 1968б. С. 152. табл. 30; Голдина, Бернц, 2016б. С. 39–40; Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 223, рис. 5, 1; Перескоков, 2018. С. 250, рис. 34). Их появление одни исследователи относят к IV в. (Сунгатов и др., 2004. С. 45), другие же датируют данные изделия концом IV–V вв. (Голдина, Бернц, 2016б. С. 62, рис. 9, 64) либо только V в. (Останина, 1997. С. 105). С учетом обнаруженных на сегодняшний день подвесок-пронизей рассматриваемого типа, как минимум, в ранних комплексах Старо-Муштинского и Тарасовского могильников (см. ниже), аргументация Ф.М. Тагилова уже не может в полной мере быть использована для данного памятника.

По мнению И.О. Гавритухина, исследованная часть Ангасякского могильника «прекратила функционировать не позднее первых десятилетий IV в.». В качестве аргументов исследователь приводит отсутствие в ангасякских захоронениях ременных гарнитур IV в., а также «этнографичного» набора вещей, характерного для поздних комплексов мазунинской культуры (Старо-Кабановского, Югомашевского могильников и др.) (Гавритухин, 2022б. С. 280–281).

Бусинный материал в Ангасяке представлен как изделиями с широкими ареалом и хронологическими рамками бытования (III – нач. VI в., III–VIII вв.), так образцами III–IV вв., зафиксированными только в данном некрополе (Русланова, 2018. С. 103–111, 113–115, 117–118, 122–124).

Ременные гарнитуры Ангасякского могильника представлены пряжками типа **IA.1** (рис. 3, 1), типа **IB.1** (рис. 3, 2), типа **ПБ.1.1** (рис. 4, 15, 16), типа **ПА.1.1a1** (рис. 3, 4), типа **ПА.1.2в1** (рис. 3, 11), типа **ПБ.1.12в** (рис. 6, 8), наконечниками типа **III.9a** (рис. 11, 5), типа **III.9б** (рис. 11, 6, 7), накладками типа **XXVI.1** (рис. 14, 33), типа **XXVI.4** (рис. 14, 37), типа **XXVI.7** (рис. 15, 2), типа **XXVI.8** (рис. 15, 1), ременными бляхами типа **II.2** (рис. 15, 14a, 14б), –

т.е. находками, основная часть из которых имела распространение в Южном Приуралье в III–IV вв.

Верхняя хронологическая граница некрополя может быть ограничена **сер. IV в.** на том основании, что в ангасякских погребениях отсутствуют пряжки с язычками, доходящими до середины высоты рамки (признак, распространенный в комплексах сериационной *группы III*).

Кара-Тамакский могильник.

Данный некрополь отнесен Н.А. Мажитовым к типичным памятникам раннего этапа бахмутинской культуры и датирован II–IV вв. Как отмечает исследователь, инвентарь в погребениях беден и, помимо ременных гарнитур, представлен, в основном, височными подвесками в виде «знака вопроса», стеклянными и сердоликовыми бусами, подвесками-пронизьями, орудиями труда и предметами вооружения (Мажитов, 1968б. С. 20–21).

По мнению Т.И. Останиной, указанные Н.А. Мажитовым датировки находок привели к той ситуации, когда «получалась довольно широкая дата Каратамакского могильника, где 19 погребений были оставлены населением в течение трех столетий» (Останина, 1997. С. 9).

В дальнейшем нижняя граница некрополя изменена Н.А. Мажитовым в сторону «омоложения». Основанием для этого послужили находки подвесок-пронизей в виде фигурок медведей, датированных исследователем, вслед за А.К. Амброзом, VII в. (Мажитов, 1977. С. 15–16). В последующих своих работах Н.А. Мажитов определяет верхнюю границу Кара-Тамакского могильника концом VI – VII в., при этом отмечая наличие в данном памятнике и захоронений V–VI вв. (Мажитов, 1993. С. 126).

Ременные гарнитуры могильника представлены изделиями, характерными для *второго этапа* по разработанной периодизации (пряжки типа **ПА.1.2г1** (рис. 3, 13), типа **ПА.1.2г2** (рис. 3, 14), типа **ПБ.1.12г** (рис. 6, 9); наконечники ремней типа **ПА.1а** (рис. 9, 14)).

Бусы и бисер из каратамакских комплексов представлены типами, в основном, с широкими хронологическими рамками бытования – III–VII / VIII вв. (Русланова, 2018. С. 103–106, 110–111, 114–116, 120, 127, 144; С. 174–184, табл. 33). Между тем, в данном некрополе выявлены бусы, распространенные только в V – нач. VI в. (Там же. С. 119–120, 128, 141). Следует иметь в виду, что эти даты основаны на рассмотренных выше датировках Н.А. Мажитова.

Хронологические рамки могильника с учетом находок ременных гарнитур могут быть предварительно ограничены **IV в.**

Югомашевский могильник.

Рассматриваемый некрополь авторами раскопок датирован сер. I тыс. н.э. и отнесен к памятникам бахмутинской культуры (Васюткин и др., 1976. С. 164). Н.А. Мажитовым в одной из своих работ время существования Югомашевского могильника определено VII в. (Мажитов, 1977. С. 15). В дальнейшем исследователем выделены погребения IV–VI вв., а также выдвинуто предположение о датировке одного из югомашевских захоронений в рамках VIII в. Аргументом в пользу указанной даты послужила находка в нем литого колокольчика с ушком, отделенным от основания длинным перехватом, – признака, характерного для группы Б согласно периодизации исследователя (Мажитов, 1987. С. 120–121).

И.О. Гавритухиным Югомашевский могильник отнесен к группе памятников «с находками 4-ой четв. IV в.» и более раннего времени (Гавритухин, 2022б. С. 274–275, рис. 1, 39), материалов же более позднего времени в указанном некрополе на данный момент не выявлено (Там же. С. 281).

Т.И. Останина Югомашевский могильник датировала V в., отметив, что разделение на более дробные хронологические периоды не представляется возможным, т.к. погребения некрополя содержат однотипный и синхронный материал (Останина, 1997. С. 130). По мнению исследователя, индикаторами V в. являются: пряжка из п. 24, «имеющая длинный хоботковидный язычок,

характерный для стиля V в.»; пряжки с треугольным щитком (пп. 7, 8, 19) с близкими аналогиями в Тураевском I могильнике; «маленькие пряжки с трапециевидной обоймой и язычком, свисающим до середины приемника», аналогии которым Т.И. Останина находит среди харинских ременных гарнитур V в. Кроме того, в качестве аргументов привлечены находки бронзовых бесщитковых пряжек с коротким язычком (пп. 7, 10, 16, 19 (р. II), п. 8 (р. III), для которых указана широкая датировка III–V вв. со ссылкой на хронологические построения В.Б. Ковалевской (Там же. С. 109).

Большинство типологически определимых ременных пряжек Югомашевского могильника представлены образцами с утолщенной в передней части рамкой, с язычком, достигающим до середины высоты рамки и плотно ее облегающим; встречаются как бесщитковые пряжки, так и изделия с обоймами сегментовидной, трапециевидной и треугольной форм. При этом, в данном могильнике совершенно отсутствуют как пряжки типа **ПБ.1.1** и наконечники типа **I.6**, характерные для *первого этапа*, так и пряжки с хоботковидными язычками, характерные для *третьего этапа* и сопоставимые, к примеру, с находками из Дежневского, Ново-Турбаслинского и других могильников.

Последнее утверждение применимо и к конкретным иллюстрациям югомашевских пряжек, представленным Т.И. Останиной в составе «комплексов вещей V в.» (Останина, 1997. С. 282, рис. 36, 7–9, 20, 21, 32 и др.). Захоронения Югомашевского могильника могут быть датированы **IV в.**, возможно, **сер. – 4-ой четв. IV в.**

Мало-Качакский могильник.

Н.А. Мажитов, изучивший в 1967 г. одно малокачакское погребение, указал, что оно содержит инвентарь бахмутинской культуры (Мажитов, 1968а. С. 108–109). С.М. Васюткин, исследовавший в 1970 г. 14 погребений, отметил, что вопрос о хронологических рамках памятника остается открытым. По мнению археолога, среди материалов погребений нет хорошо датированных

вещей, которые могли бы точно отнести некрополь к раннему (III–V вв.) либо позднему (V–VII вв.) этапам бахмутинской культуры (Васюткин, 1971в. С. 155).

Действительно, погребальный инвентарь Мало-Качакского могильника немногочисленен и сравнительно беден. В одной из статей мной было предложено отнести указанный памятник к позднему этапу мазунинской культуры, предварительно датировав его IV – нач. VI в. (Белявская, 2018в. С. 270).

На настоящий момент время функционирования этого некрополя может быть ограничено **IV в.**, возможно, **2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.** Данное предположение основано, в первую очередь, на наличии в малокачакских погребениях пряжек с язычком, доходящим до середины высоты рамки (типы **ПА.1.2г1** (рис. 3, 13), **ПБ.1.12г** (рис. 6, 9); *второй этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур). Не противоречит указанной датировке и обнаруженный в Мало-Качакском могильнике и бусинный материал (типы *I.1A1в2, I.1A1д, I.1A2в, I.1A9д, I.1Г2в, I.1Г6б, I.1Г6г, VI.1Б2а* по классификации Р.Р. Руслановой (Русланова, 2018. С. 149–157, табл. 3)), а также подвеска-пронизь в виде стилизованного изображения медведя.

Дежневский могильник.

А.Х. Пшеничнюком наиболее яркие находки из исследованных им дежневских комплексов датированы IV–V вв. (Пшеничнюк, 1968. С. 111). Н.А. Мажитовым хронологические рамки могильника ограничены VII в. (Мажитов, 1977. С. 15; Мажитов, 1981а. С. 24) либо концом VI – VII в. (Мажитов, 1993. С. 121). Ф.А. Сунгатовым некрополь датирован V–VII вв. (Сунгатов, 1990. С. 31; Сунгатов, 1995. С. 135) либо концом V – 1-ой пол. VII в. (Сунгатов, 1998. С. 85–86).

К одним из ранних захоронений данного могильника, датированным концом V в., Ф.А. Сунгатовым отнесено п. 1 кург. 18 (Там же. С. 85). Материалы рассматриваемого комплекса представлены пряжкой с язычком,

доходящим до середины высоты рамки, и вставками из красного стекла в перегородчатых выемках, расположенных на внешней накладке щитка (тип **ПБ.1.15** (рис. 6, 16)), костяным наконечником стрелы и двумя глиняными плоскодонными сосудами (Пшеничнюк, 1968. С. 109; Красноперов, 2012. С. 223) «низких и средних пропорций» (Сунгатов, 1998. С. 85). Последние датировки (Красноперов, 2012. С. 218–222) позволяют отнести пряжку типа **ПБ.1.15** к ремненным гарнитурам *второго этапа*.

А.Х. Пшеничнюком плоскодонные сосуды из Дежневских курганов соотнесены с керамикой романовского типа (Пшеничнюк, 1968. С. 111). Н.А. Мажитовым данные сосуды выделены в типы 8 и 9 турбаслинской керамической группы (Мажитов, 1977. С. 47–48; С. 204, табл. V, 11; С. 205, табл. VI, 8). Г.И. Матвеева, рассматривая в целом Дежневский могильник в качестве раннего памятника турбаслинской культуры, интерпретировала находки плоскодонной керамики в его комплексах как показатель тесных связей между «именьковцами» и «турбаслинцами» (Матвеева, 2004. С. 63; С. 156, рис. 33, 11, 12). По мнению Ф.А. Сунгатова, сосуды с плоским дном низких и средних пропорций имеют сходство с керамикой из памятников позднесарматского времени (Сунгатов, 1998. С. 39–40), а близость турбаслинской плоскодонной посуды с именьковскими (романовскими) образцами может быть объяснена соседством предков носителей указанных керамических традиций «в период их пребывания в сер. I тыс. в Восточном Приаралье» (Сунгатов, 2002. С. 27).

Таким образом, если вслед за Ф.А. Сунгатовым причислять п. 1 кург. 18 Дежневского могильника к комплексам турбаслинской культуры, то новейшие датировки пряжки с перегородчатой инкрустацией на щитке никак не согласуются с концепцией исследователя о появлении в Приуралье новых групп населения лишь в конце V в. В то же время круг вопросов, связанный с находками плоскодонной керамики в турбаслинских некрополях (в т.ч. и поздних), не может быть решен на данный момент однозначно и требует

дополнительного рассмотрения в рамках специализированной работы (Белявская, 2021б. С. 346–348).

Пряжка типа **ПА.1.2г1** (рис. 3, 13) из кург. 9 также должна быть отнесена ко *второму этапу* по разработанной периодизации ременных гарнитур. Ф.А. Сунгатов, отмечая архаичный облик данной пряжки, не считает ее находку достаточным «основанием для отнесения всего комплекса вещей Дежневского могильника к более раннему времени» (Сунгатов, 1995. С. 135–136), что является, на мой взгляд, спорным утверждением.

Ременные гарнитуры *третьего этапа* представлены в Дежневском могильнике пряжками типа **ПА.1.2д1** (рис. 3, 15), типа **ПА.1.8д** (рис. 4, 7), типа **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15, 16), типа **ПБ.1.13в** (рис. 6, 13), типа **ПБ.2.1а** (рис. 7, 5); наконечниками типа **ПА.3б** (рис. 9, 16), типа **ПБ.2** (рис. 10, 6), типа **Ш.2б1** (рис. 10, 16, 17); накладками типа **VII.1** (рис. 12, 32), типа **VII.2а** (рис. 12, 33), типа **VII.2б** (рис. 12, 34) (Там же. С. 120, рис. 2, 1, 2, 4–6, 7–9, 11; К проблеме городов..., 2018. С. 327, рис. 170, 1–19; С. 328, рис. 172). Среди материалов более 80 курганов, изученных на настоящий момент, пока не зафиксированы ременные гарнитуры «геральдического» круга, что, впрочем, не исключает вероятности обнаружения их в дальнейшем, при полном доисследовании площадки некрополя.

«Калачиковидные» серьги, обнаруженные в Дежневском могильнике (Там же. С. 326, рис. 169, 6, 16, 17), относятся к типам 1-б-4, 1-в-6 и 1-д-3 по классификации С.А. Перевозчиковой (Перевозчикова, 2009б. С. 10, рис. 3, 1, 19; С. 11, рис. 4, 19), а их датировка, судя по всему, может быть определена в рамках IV в. (Там же. С. 7).

Зеркала с «ячеистым» орнаментом и петлей в центре для подвешивания датированы Ф.А. Сунгатовым V–VI вв. (К проблеме городов..., 2018. С. 127; С. 326, рис. 169, 21; С. 327, рис. 170, 22).

Примечательна находка бляхи-медальона с изображением византийских военачальников, являющейся полной аналогией медальону IV–V вв. из

погребения на ул. Егора Сазонова (г. Уфа) (Гарустович, Иванов, 1994. С. 143–144; К проблеме городов..., 2018. С. 155; С. 329, рис. 172, 7).

Бусинный набор Дежневского могильника представлен образцами как с широкими хронологическими рамками бытования (III–VII / VIII вв., V–VIII вв.), так и бусами, имеющими более «узкую» датировку (VI–VII вв., 2-я пол. VI – VII в.) (Русланова, 2018. С. 49, 106, 112, 114, 119–121, 138–139, 144).

Итак, датировка некрополя может быть предварительно определена от **2-ой пол. IV в. до конца VI в.**

Ново-Турбаслинский могильник.

Как отмечал Н.А. Мажитов в публикации материалов данного некрополя, большинство обнаруженных находок (ременные гарнитуры, серьги с многогранником на конце, антропоморфная фигурка и др.) могут быть отнесены к IV–VII вв. (Мажитов, 1959. С. 140–142). В последующих статьях ряд курганов (№№ 8, 9, 11, 12, 14, 23, 27) датированы исследователем VII в., при этом указано и наличие комплексов рубежа VII и VIII вв. (курганы №№ 10, 13, 18, 27) (Мажитов, 1977. С. 15, 20) либо VII в. (Мажитов, 1981а. С. 24). В дальнейшем хронологические рамки некрополя ограничены Н.А. Мажитовым VI–VII вв., «но в основном VII в.» (Мажитов, 1993. С. 123–124). Ф.А. Сунгатовым Ново-Турбаслинский могильник отнесен к памятникам VII–VIII вв. (Сунгатов, 1998. С. 111).

Ременные гарнитуры рассматриваемого некрополя, как и в Дежневском могильнике, представлены находками, характерными для **третьего этапа** по разработанной периодизации (пряжки типа **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15, 16), типа **ПБ.2.1а** (рис. 7, 5), типа **ПБ.2.1б** (рис. 7, 2, 3, 4); наконечники ремней типа **Ш.163** (рис. 10, 14), типа **Ш.263** (рис. 10, 19), типа **Ш.2в** (рис. 10, 20)). Кроме того, здесь обнаружены ременные гарнитуры «геральдического» круга, характерные для **пятого этапа** (пряжки типа **ПВ.2.8а** (рис. 8, 7, 13), типа **ПВ.2.9а** (рис. 8, 14), типа **ПВ.2.5** (рис. 7, 16); наконечники ремней типа **Ш.3а** (рис. 10, 22), типа **IVA.1а** (рис. 11, 10); ременные накладки типа **IV.3** (рис. 12,

18), типа **VI.1** (рис. 12, 28), типа **VI.2** (рис. 12, 31), типа **IX.1** (рис. 12, 29), типа **XII.1в** (рис. 12, 42), типа **XIV.161** (рис. 12, 46), типа **XVI.16** (рис. 13, 14), типа **XVII.2** (рис. 13, 18), типа **XVIII.26** (рис. 13, 27), типа **XIX.16** (рис. 13, 36)) и *шестого этапа* (наконечники ремней типа **III.161** (рис. 10, 10–12), типа **III.162** (рис. 10, 13), типа **IVA.16** (рис. 11, 11а, 11б); ременные накладки типа **XV.1а4** (рис. 13, 5), типа **XIX.16** (рис. 13, 36), типа **XXII.1а2** (рис. 14, 2)) по разработанной периодизации.

Наиболее поздним в Ново-Турбаслинском могильнике является п. 8 кург. 27 (сериационная *группа VIII*) (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273, рис. 89, 35–41; Белявская, 2021б. С. 352, рис. 4-Б, 1–6).

Антропоморфная фигурка (амулет) из п. 7 кург. 14 Ново-Турбаслинского могильника датирована Н.А. Мажитовым концом IV – V в. на основании близких аналогий в Бахмутинском и Подболотьевском могильниках (Мажитов, 1959. С. 131, рис. 4; С. 140–141). Ряд схожих находок выявлены в Кушнареновском, Коминтерновском II и Старомаинском III могильниках, на селище Ош-Пандо-Нерь, Романовском II и Щербетьском островном I селищах (Матвеева, 2004. С. 150, рис. 27; Казаков, 2011б. С. 35, рис. 13, 11; С. 37, рис. 15, 24), – т.е. на памятниках, связанных с именьковской культурой либо относящихся к полиэтничным (турбаслинско-именьковско-кушнареновским) некрополям.

Целая серия антропоморфных металлических фигурок (близких, но не идентичных приуральским и средневожским образцам), «часто выраженного фаллического характера», обнаружены на Северном Кавказе и в Крыму. Их датировка, как отмечают А.В. Мастыкова и ее соавторы, является дискуссионной (от гуннского периода и вплоть до VII в.); между тем, северокавказские находки исследователи относят к «постгуннскому времени, то есть к позднему V – 2-ой трети VI в.» (Мастыкова и др., 2016. С. 23–24).

Г.И. Матвеевой «антропоморфный идол», обнаруженный на селище Ош-Пандо-Нерь, датирован VI в. (Матвеева, 2000. С. 122–123). Аналогичная

находка из п. 27 Кушнаренокского могильника зафиксирована совместно с костяными накладками на лук. Последние отнесены Е.В. Руслановым к составным частям лука «тюрко-хазарского» типа по классификации Е.В. Круглова и датированы VII – нач. VIII в. (Круглов, 2007; Русланов, 2013. С. 74; С. 82, табл. 2). Е.П. Казаковым коминтерновские погребения датированы, в основном, 2-ой пол. VI – нач. VII в. (Казаков, 2011б. С. 16). И.О. Гавритухиным и его соавторами отмечено, что антропоморфные фигурки, аналогичные находке из Ново-Турбаслинского могильника, имели широкие хронологические рамки бытования. Наиболее ранние экземпляры данного типа встречены в комплексах шиповской эпохи, представлены они и в «эпоху «геральдических» наборов как 2-го горизонта поволжских гарнитур, так и агафоновских поясов» (Гавритухин и др., 2023. С. 223).

Бусинные украшения из Ново-Турбаслинского могильника имеют, в основном, широкие хронологические рамки бытования (III–VII / VIII вв., V–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 105, 111, 114, 120, 122, 138). Между тем, некоторые типы бус были распространены только во 2-ой пол. VI – VII в. (Там же. С. 105, 108, 134, 139).

Таким образом, датировка Ново-Турбаслинского могильника с учетом рассмотренных хроноиндикаторов (ременные гарнитур, украшения костюмного комплекса, бусы и др.) должна быть ограничена **V–VII вв.**

Кушнаренокский могильник.

В.Ф. Генингом данный некрополь датирован 2-ой пол. VI – 1-ой пол. VII в. Как отмечает исследователь, ременные принадлежности, аналогичные кушнаренокским, в Крыму, Прикамье, Сибири, на Северном Кавказе и Алтае сопровождаются нумизматическим материалом указанного хронологического периода (Генинг, 1977. С. 135–136). Н.А. Мажитов ограничивал время функционирования Кушнаренокского могильника рубежом VII и VIII вв. (Мажитов, 1977. С. 20) либо VII в. (Мажитов, 1993. С. 122, рис. 2, 24ж–24к).

Ременные гарнитуры Кушнареновского могильника, в большинстве своем, представлены образцами, характерными для *четвертого этапа* (вещи коминтерновского круга: ременная накладка типа **XXIV.3** (рис. 14, 16)) и *пятого этапа* (пряжки типа **ПВ.2.7a2** (рис. 8, 2), типа **ПВ.2.8a** (рис. 8, 7, 13), типа **ПВ.2.8г** (рис. 8, 8, 12); наконечники ремней типа **Ш.3a** (рис. 10, 22), типа **Ш.10** (рис. 11, 8); ременные накладки типа **XI.1** (рис. 12, 38, 39), типа **XII.1в** (рис. 12, 42), типа **XIV.1a** (рис. 12, 45), типа **XIV.2a** (рис. 12, 49), типа **XVIII.2a** (рис. 13, 23–25), типа **XVIII.2б** (рис. 13, 27), типа **XVIII.2г** (рис. 13, 28), типа **XXIV.8a1** (рис. 14, 23)) по разработанной в настоящем исследовании периодизации.

Для уточнения хронологических рамок некрополя интерес представляют фибулы (Генинг, 1977. С. 102, рис. 9, 2, 21), бусы (Там же. С. 106, рис. 11, 7–12), серьги с многогранником на конце (Там же. С. 98, рис. 6, 17), антропоморфная фигурка и костяные накладки на лук «тюрко-хазарского» типа.

Фибулы из Кушнареновского могильника выделены Ф.А. Сунгатовым в варианты Г и Д типа II («Литые двухпластинчатые фибулы») (Сунгатов, 1998. С. 58; С. 59, рис. 7, 7, 8). Фибула варианта Г по северокавказским аналогиям отнесена исследователем к VII в. (Там же. С. 60). Фибула варианта Д, судя по всему, наиболее близка фибулам, происходящим из погребений сериационной *группы IV*. И.О. Гавритухиным и его соавторами эта фибула причислена к позднему варианту двухпластинчатых фибул с цельным корпусом из тонкого листа, датировка которых может быть определена 2-ой пол. VI – VII вв., т.е. эпохой ременных гарнитур «геральдического» стиля (Гавритухин и др., 2019. С. 180).

Бусинный материал, представленный типами *I.1A1б2*, *I.1Г2в*, *VI.1Б1в*, *VI.1Б2a* и *VI.1Б3a* по классификации Р.Р. Руслановой, имеет широкие хронологические рамки бытования (III–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 103, 110, 145). К V–VIII вв. отнесены бусы типа *IV.1A1a* (Там же. С. 49). Погребения

Кушнаренковского могильника, содержащие бусы типа *I.2A1e1*, типа *I.2A15b*, типа *I.4B1a*, типа *I.5B1b*, типа *V.2A3a* и типа *VI.1B8a*, могут быть датированы концом VII – VIII в. (Там же. С. 113, 121, 131, 134, 142–143; С. 190, табл. 34). Необходимо отметить, что эти даты получены на основе рассмотренных выше взглядов Н.А. Мажитова.

Итак, время функционирования Кушнаренковского могильника возможно ограничить **2-ой пол. / концом VI – 3-ей четв. VII в.** Хронологические позиции большинства других датирующих находок (за исключением некоторых типов бус), обнаруженных в некрополе, не противоречат предложенной датировке.

Сынтыш-Тамакский могильник.

Как отмечает С.М. Васюткин, рассматриваемый некрополь состоит из 18 разновременных курганов, один из которых (№ 8) относится к абашевской культуре бронзового века (Васюткин, отчет, 1966. С. 38; Васюткин, 1967. С. 121). Часть захоронений (п. 2 кург. 1; кург. 3; кург. 10; пп. 2 и 3 кург. 16) причислены С.М. Васюткиным к турбаслинской культуре и датированы им V–VII вв. В настоящее время исследователи относят данные комплексы к кушнаренковской культуре (Овсянников, 1995. С. 138–139; Иванов, 1999. С. 43). Н.А. Мажитовым захоронения с ременными гарнитурами датированы рубежом VII и VIII вв. (Мажитов, 1977. С. 20) либо концом VI – VII в. (Мажитов, 1993. С. 121). Датировка остальных курганов (Васюткин, отчет, 1966. С. 38–39; Васюткин, 1967. С. 122–123) является дискуссионной, но, в целом, может быть определена эпохой позднего Средневековья (Антонов, 2020).

Ременные гарнитуры в Сынтыш-Тамакском могильнике представлены изделиями, характерными для **третьего этапа** (пряжка типа **ПБ.1.10e** (рис. 5, 15, 16)) и **пятого этапа** (пряжка типа **ПВ.2.9д** (рис. 8, 18); наконечники ремней типа **ПЗ.3a** (рис. 10, 22); ременные накладки типа **VI.2** (рис. 12, 31), типа **XV.163** (рис. 13, 8), типа **XVI.1a** (рис. 13, 12), типа **XVII.3в** (рис. 13, 21),

типа **XVIII.26** (рис. 13, 27)) по разработанной в настоящем исследовании периодизации.

Другие хроноиндикаторы немногочисленны. Интерес в данном плане представляют только костяные накладки на лук, обнаруженные совместно с ремennыми гарнитурами в п. 2 кург. 1 и кург. 3 (Васюткин, отчет, 1966. С. 29–30). В.В. Овсянниковым указанные костяные накладки отнесены к частям сложносоставного лука гуннского типа (по типологии Д.Г. Савинова). Как отмечает исследователь, подобное вооружение, распространившееся в южной части приуральской степи в конце VI – VII в., имеет прямую связь с «азиатским регионом и аварскими древностями Европы» (Овсянников, 1995. С. 141; Овсянников, 1997. С. 8).

Датировка рассмотренных в настоящем исследовании курганов Сынтыш-Тамакского могильника может быть определена **концом VI – 3-ей четв. VII в.**, т.к. на поздний характер п. 1 из кург. 2 с находками ременной гарнитурой *третьего этапа* указывает наличие в нем вышеописанных костяных накладок на лук.

Могильник Чайка-1.

Данный некрополь состоит из 17 курганных насыпей, относящихся как к разным культурным общностям, так и хронологическим периодам (Воробьева, отчет, 2014. С. 4–5; Сунгатов, отчет, 2015. С. 35; К проблеме городов..., 2018. С. 156). С.Л. Воробьевой исследованы курганы №№ 1 и 8 (Воробьева, отчет, 2014), Ф.А. Сунгатовым – курганы №№ 4, 5, 7 (Сунгатов, отчет, 2015; Сунгатов, отчет, 2018; К проблеме городов..., 2018. С. 156).

Курган № 1 по сопровождающей металлической ременной гарнитуре датирован автором раскопок 2-ой пол. VI – VII в., а курган № 8 отнесен к «жертвенно-поминальным комплексам» или «меморативным курганам», наиболее характерным для эпохи Золотой Орды (XIII–XIV вв.) (Воробьева, отчет, 2014. С. 12–13).

Курган № 4, культурная принадлежность которого не установлена, датирован Ф.А. Сунгатовым по находке медальона с изображением летящей птицы предположительно X–XII вв. (Сунгатов, отчет, 2015. С. 3).

В ограбленном кургане № 5 обнаружены язычок пряжки, 2 неорнаментированных фрагмента керамики и бронзовая монета римского императора Константина I (Сунгатов, отчет, 2018; К проблеме городов..., 2018. С. 156). По мнению Ф.А. Сунгатова, язычок пряжки – хоботковидный, что позволяет отнести указанный комплекс к V в. Как отмечает исследователь, «монета, датированная началом IV века, с учетом ее запаздывания, отложились в погребение гораздо позднее и вряд ли имеет датирующее значение» (Сунгатов, отчет, 2018. С. 17, 20).

Курган № 7, оставленный носителями турбаслинской культуры, содержал «геральдическую» ременную гарнитуру, датированную исследователями VII – 1-ой пол. VIII в. (К проблеме городов..., 2018. С. 158; Сунгатов, Куфтерин, 2020. С. 106).

Если рассматривать комплексы с ременными гарнитурами, то хронологические рамки кургана № 1 могут быть определены V–VI вв. (пряжка типа **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15, 16); *третий этап* по разработанной периодизации), кургана № 7 – концом VI – 3-ей четв. VII в. (пряжки типа **ПВ.2.1** (рис. 7, 12), типа **ПВ.2.8а** (рис. 8, 7, 13); наконечники ремней типа **I.4г** (рис. 9, 15), типа **Ш.3а** (рис. 10, 22), типа **Ш.3б** (рис. 10, 23); ременные накладки типа **ХП.1б** (рис. 12, 41), типа **ХVIII.2б** (рис. 13, 27); *пятый этап* по разработанной периодизации) (Белявская, 2021б. С. 349, рис. 2-А, 1–12), а кургана № 5 – не ранее IV в.

Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа).

Р.Б. Ахмеровым данное захоронение датировано V–VII вв. (Ахмеров, 1949. С. 116). Н.А. Мажитовым дата комплекса ограничена рубежом VII и VIII вв. (Мажитов, 1977. С. 20) либо концом VI – VII в. (Мажитов, 1993. С. 121). К

VII–VIII вв. отнесено рассматриваемое погребение и Ф.А. Сунгатовым (Сунгатов, 1998. С. 106; Сунгатов, 2020. С. 78).

Помимо ременных принадлежностей в погребении зафиксировано большое количество ювелирных украшений – золотых колтов, медальонов, перстней и подвесок (рис. 75, 4–13, 15, 17), богато декорированных зернью и вставками из стекла, а также серебряные браслет (рис. 75, 18), ложка с длинной ручкой (рис. 75, 16), фрагменты кожи и ткани (шелк?) (Ахмеров, 1970. С. 163–164; К проблеме городов..., 2018. С. 319, рис. 162; С. 320, рис. 163).

Колты и перстни, обнаруженные в захоронении (рис. 75, 4–12, 17), датированы И.П. Засецкой и ее соавторами 2-ой пол. VI – нач. / 1-ой пол. VII в. (Засецкая и др., 2007. С. 16, рис. 2, 6; С. 27, 42). Не противоречит указанным датировкам и находка ременной накладки типа **III.4** (рис. 75, 14), имеющей близкие соответствия в Приазовье (Атавин, 1996. С. 239, табл. 2), Крыму (Айбабин, 1990. С. 231, рис. 52, 19), Поволжье, Поднепровье (Скіба, 2016. С. 215, рис. 86, 14) и Предкавказье (Gavritukhin, 2018. P. 316, fig. 133, 49, 50). Хронологические позиции парных деталей металлической обувной гарнитуры, – пряжек типа **IV.2.8г** (рис. 75, 1), ременных накладок типа **XIV.162** (рис. 75, 3) и типа **XXIV.86** (рис. 75, 2), – по многочисленным аналогиям с территорией Причерноморья, Северного Кавказа и Поднепровья определены от 2-ой пол. VI в. до сер. VII в. (Айбабин, 1990. С. 49, 54–55, 64, 225; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 218, рис. 40, 27, 28; Хайрединова, 2003. С. 129; С. 130, рис. 2, 8; С. 141, рис. 1, 22, 28; Gavritukhin, 2018, P. 62–63; P. 87–89, fig 96, 27; P. 279), а вероятное время возникновения самого комплекса ограничено **концом VI – сер. VII в.** (Белявская, 2019а. С. 134; Белявская, 2021б. С. 351; С. 352, рис. 4-А, 1–18).

Манякский могильник.

Н.А. Мажитовым указанный могильник датирован VII–VIII вв. (Мажитов, 1981б. С. 16). Как отмечает В.А. Иванов, в данном некрополе

зафиксированы находки конца VI – VII в. (КСП-1) и в меньшей степени – предметы 2-ой пол. VII – VIII в. (КСП-2) (Иванов, 1999. С. 43–46).

Ременные гарнитуры в Манякском могильнике представлены изделиями, характерными для *шестого этапа* (пряжки типа **IIA.2.3** (рис. 4, 12, 13), типа **IV.2.6** (рис. 7, 17, 18), типа **IV.2.7a3** (рис. 8, 3), типа **IV.2.7a4** (рис. 8, 4), типа **IV.2.8b** (рис. 8, 9, 10), типа **IV.2.7b** (рис. 8, 6); наконечники ремней типа **III.1a** (рис. 10, 7–9), типа **III.1b1** (рис. 10, 10–12), типа **III.1b2** (рис. 10, 13), типа **III.4a1** (рис. 10, 24, 25), типа **III.6a** (рис. 11, 1), типа **III.6b** (рис. 11, 3), типа **III.11** (рис. 11, 9); ременные накладки типа **I.1a** (рис. 12, 1), типа **I.1b** (рис. 12, 2), типа **I.1v** (рис. 12, 3), типа **V.5** (рис. 12, 27), типа **XV.1a2** (рис. 13, 2), типа **XV.2** (рис. 13, 10, 11), типа **XVII.1a** (рис. 13, 15), типа **XVIII.1** (рис. 13, 22), типа **XVIII.3a** (рис. 13, 30, 31), типа **XIX.1a** (рис. 13, 35), типа **XXI.1** (рис. 13, 38), типа **XXII.1a1** (рис. 13, 39; рис. 14, 1), типа **XXII.1b2** (рис. 14, 4), типа **XXIII.1** (рис. 14, 12), типа **XXIV.1** (рис. 14, 28)) по разработанной периодизации. Наиболее ранними комплексами с ременными принадлежностями (предположительно, сер. VII в.) являются пп. 8 и 9 (р. I), в которых зафиксированы накладки типа **XV.1b1** (рис. 13, 6) и типа **XVIII.2a** (рис. 13, 23–25), стилистически близкие ременным гарнитурам *пятого этапа*. Примечательно, что в п. 1 (р. II) Манякского могильника совместно с накладками типа **XXIII.1**, характерными для *шестого этапа*, зафиксированы 2 пряжки, одну из которых возможно отнести к типу **II.1.5** (рис. 5, 3). Подобная встречаемость предметов, судя по всему, является свидетельством «длинной» хронологии пряжек данного типа.

Таким образом, датировка могильника может быть ограничена **сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв.**

Шареевский могильник.

Г.И. Матвеевой рассматриваемый могильник на основании находок пряжек с фигурными щитками, колесовидных подвесок, круглых подвесок с ушком и полусферических колокольчиков датирован VII–VIII вв. (Матвеева,

1968б. С. 20). Аналогичной точки зрения в одной из своих публикации придерживался Н.А. Мажитов (Мажитов, 1981б. С. 21), но в дальнейшем исследователь сузил хронологические рамки некрополя до VIII в. (Мажитов, 1987. С. 119; Мажитов, 1993. С. 126). Основанием для этого послужил тот факт, что погребальный инвентарь Шареевского могильника имеет многочисленные аналогии в Манякском могильнике (Мажитов, 1981а. С. 24), отнесенный Н.А. Мажитовым к памятникам VIII в. (Мажитов, 1977. С. 16–17; Мажитов, 1981б. С. 28; Мажитов, 1987. С. 119; Мажитов, 1993. С. 126–127). Ф.А. Сунгатовым Шареевский могильник датирован VII–VIII вв. (Сунгатов, 1998. С. 111).

Материалы некрополя являются «достаточно невыразительными» (Там же. С. 111). Бусы типа *I.1A1a* и типа *I.1A1b2* по классификации Р.Р. Руслановой имеют широкие хронологические рамки бытования (III–VIII вв.) (Русланова, 2018. С. 103).

Датировка деталей ременных гарнитур (Матвеева, 1968б. С. 13–19, рис. 18, 24, 33) из пп. 8 и 9 (накладки типа **XXII.2a** (рис. 14, 5) и типа **XVIII.2д** (рис. 13, 29)) не выходит за рамки VII в., скорее всего, 1-ой пол. – сер. VII в.

Вещевой инвентарь (в т.ч. и изделия из металла) рассматриваемого могильника опубликован Г.И. Матвеевой более полувека назад, и, к сожалению, иллюстрации представлены только слабораспознаваемыми черно-белыми фотографиями. Более предметно говорить о хронологических рамках некрополя станет возможным лишь после его полной перепубликации (Белявская, 2021б. С. 353).

Бахмутинский могильник.

А.В. Шмидтом датировка памятника определена V–VII вв., а сами бахмутинские комплексы, по мнению исследователя, можно разделить на ранние (V – нач. VI в.) и поздние (VI–VII вв.) (Шмидт, 1929. С. 19–23). А.П. Смирновым время существования ранней группы погребений Бахмутинского могильника ограничено IV–V вв., а конечной датой некрополя

является «VI в. н.э., может быть, – самое начало VII в. н.э.» (Смирнов, 1957. С. 54). Н.А. Мажитов в одной из своих работ датировал могильник II–VII вв. (Мажитов, 1968б. С. 21–25, 44).

Судя по всему, к наиболее ранним закрытым комплексам некрополя следует отнести п. 2 (раскопки 1960 г.). В данном захоронении пряжка типа **ИБ.2** (рис. 3, 3) сопровождалась большим количеством мелкого бисера синего, голубого, желтого, зеленого и красного цветов, а также височными подвесками в виде «знака вопроса» и подвеской-пронизью в виде стилизованного изображения медведя (Мажитов, отчет, 1960. С. 60–61). Р.Р. Русланова, исследовавшая бусы из п. 2 Бахмутинского могильника, датировала его V – нач. VI в. (Русланова, 2018. С. 326–332, табл. 82). Однако обнаруженные металлические изделия позволяют ограничить хронологические рамки комплекса III – 1-ой пол. IV в.

Среди погребений, исследованных в 1960 г., зафиксированы также ременные гарнитуры *второго этапа* (пряжки типа **ПА.1.2г1** (рис. 3, 13), типа **ПБ.1.10д** (рис. 5, 14), типа **ПБ.1.16** (рис. 6, 17)) и *третьего этапа* (пряжки типа **ПА.1.2д1** (рис. 3, 15), типа **ПБ.1.10е** (рис. 5, 15, 16)) по разработанной периодизации. Последний этап представлен ременными принадлежностями, характерными для сериационной *группы IV*, которые сопровождалась в погребениях подвесками-пронизьями в виде стилизованного изображения медведя, подвесками-лунницами, и др. (Мажитов, отчет, 1960. С. 62–67).

«Геральдические» ременные гарнитуры, характерные для *пятого этапа* и *шестого этапа*, обнаружены в погребениях, материалы которых на данный момент депаспортизированы (раскопки 1915 г., 1921 г., 1928 г). Из этих же коллекций происходят витые гривны, халцедоновые печати, медальоны со вставками из стекла, окаймленными зернью, серьги с многогранником на конце, сьюльгамы, коньковые, колесовидные, штурвалообразные и бутыльчатые подвески и др. (Шмидт, 1929. С. 20–23; Смирнов, 1957. С. 51, табл. VI; С. 53, табл. VII).

Бусинный материал, происходящий в т.ч. и из депаспортизированных низок, представлен, как отмечает Р.Р. Русланова, изделиями из стекла, янтаря, сердолика и халцедона (Русланова, 2018. С. 18, 59). Одни типы бус имели распространение в Уфимско-Бельском междуречье на протяжении долгого времени, другие же встречаются только в бахмутинских комплексах V – нач. VI в. (Там же. С. 103–119).

На основании вышеизложенного хронологические рамки Бахмутинского могильника (раскопки 1915 г., 1921 г., 1928 г., 1960 г.) можно ограничить **от III в. до рубежа VII и VIII вв.**

Бирский могильник.

На настоящий момент в публикациях представлено несколько точек зрения касаясь времени функционирования данного некрополя: его датируют III–VII вв. (Голдина, 1999. С. 219); IV–VII вв. (Амброз, 1980. С. 3; Останина, 1997. С. 107–109, 180); IV–VIII вв. (Мажитов, 1993. С. 124–125), III–VIII вв. (Султанова, 2000. С. 135).

В Бирском могильнике зафиксированы захоронения с ременными гарнитурами всех выделенных хронологических этапов, что позволяет вслед за другими исследователями (Мажитов, 1968б. С. 10; Амброз, 1980; Султанова, 2000. С. 134) считать данный памятник эталонным для хронологии древностей Южного Приуралья.

Всего в Бирском могильнике, по имеющимся данным, обнаружено 350 погребений с ременными гарнитурами, из которых в 103 погребениях (29,4 %) не удалось определить типологическую принадлежность изделий. Соотнесение погребений, содержащих ременные гарнитуры, с данными планиграфии (Там же. Рис. 44) позволяет уточнить вектор заполнения площадки некрополя (рис. 77, рис. 80).

Захоронения с ременными гарнитурами ***первого этапа***, расположены, в основном, в северо-восточной и восточной частях могильника. Погребения с ременными гарнитурами ***второго этапа*** зафиксированы в северной и

восточной частях памятника. Стоит отметить, что в выделенной сериационной *группе III* бирские комплексы отсутствуют. Судя по всему, это связано с тем, что погребальный инвентарь из данных захоронений, представленный в основном проволочными браслетами, коническими пронизиями-трубицами, подвесками-пронизиями в виде стилизованного изображения медведя, колоколовидными подвесками, бусами, в единичных случаях – металлическими обкладками ножен, предметами вооружения (костяными и железными наконечниками стрел, фрагментами кольчуг, наконечниками копий и др.) и орудиями труда (ножами, топорами и т.д.) (Мажитов, 1968б. С. 88, 91–94; Мажитов, отчет, 1984; Мажитов, отчет, 1990; Мажитов, отчет, 1991), малочисленен и не образует устойчивой корреляционной связи с ременными принадлежностями.

Комплексы с ременными гарнитурами *третьего этапа*, аналогичными находкам из сериационной *группы IV*, расположены в центральном, северном и западном секторах памятника. Погребения с ременными гарнитурами, аналогичными находкам из сериационной *группы V*, сосредоточены в центральной части некрополя.

Захоронения с ременными гарнитурами *четвертого (переходного) этапа* обнаружены как в центральной, так и в северной и западной частях некрополя. Ременные гарнитуры *пятого этапа* зафиксированы в центральном и западном секторах Бирского могильника.

В свою очередь, ременные гарнитуры *шестого этапа* сосредоточены в южной и юго-восточной частях некрополя, и лишь одно захоронение (п. 523) расположено на некотором удалении от основного массива комплексов – в восточной части памятника.

Таким образом, наиболее ранние погребения Бирского могильника сосредоточены в его северо-восточной и восточной частях. В дальнейшем же, на протяжении нескольких столетий, некрополь расширялся в западном и

южном направлениях, а наиболее поздние комплексы зафиксированы в его южной части.

Большинство погребений Бирского могильника должны быть датированы **III – рубежом VII и VIII вв.** Вопрос о возможности «омоложения» верхней границы памятника до **сер. VIII в.** на основании находок хорезмийских монет из пп. 382 и 433 (Мажитов, 1990) пока остается открытым. Вполне вероятно, что еще одним аргументом в пользу концепции «позднего Бирска» может являться находка фигурка всадника на коне из п. 362 (Султанова, 2000. С. 63; Сунгатов, Юсупов, 2006). Как отмечают исследователи, подобные изделия зафиксированы на пространствах от Урала до Монголии, а местом их изготовления следует считать ремесленные центры Согда или бассейна Средней Сырдарьи в конце VII – VIII в. (Смагулов, 2017; Король, 2020. С. 156–158). В определенной степени, в качестве аргумента можно привлечь и немногочисленные находки сосудов (6 экз.) из погребений *шестого этапа*, выделенные А.Н. Султановой в караякуповский тип (VIII–IX вв.) (Султанова, 2000. С. 58). Если же допустить, что упомянутые захоронения действительно совершены в VIII в., то перенос этой же даты на комплексы с аналогичными ременными гарнитурами из Манякского, Шареевского и Лагеревского могильников не является, на мой взгляд, оправданным.

Здесь же, исходя из сведений, предоставленных Р.Р. Руслановой, отмечу, что не во всех случаях датировки комплексов с бусинным материалом совпадали с разработанной периодизацией ременных гарнитур. Например, к III–IV вв. исследователем отнесены пп. 12, 29, 53, 114, 245 (Русланова, 2018. С. 213–229, табл. 72, табл. 72а), в то время в настоящей работе они причислены к захоронениям *третьего этапа* (V–VI вв.). К этому же этапу относятся пп. 288, 290, 297, 426 и др.; Р.Р. Руслановой же указанные захоронения датированы концом VII – VIII в. (Там же. С. 257–264, табл. 74). Подобные хронологические нестыковки в очередной раз подтверждают необходимость полной публикации материалов Бирского могильника с

дальнейшим комплексным анализом всех категорий погребального инвентаря и уточнением хронологических позиций каждого захоронения.

*****

Создание периодизации ременных принадлежностей и анализ сопровождающего их материала позволил уточнить хронологические рамки для целого ряда памятников Южного Приуралья.

В большинстве некрополей зафиксированы ременные гарнитуры, характерные только для одного хронологического этапа. К таковым относятся Ахмеровский II, Салиховский, Шиповский (раскоп XIII), Ангасякский (*первый этап*), Кара-Тамакский, Югомашевский, Мало-Качакский, погребение на ул. Менделеева (д. 10) (г. Уфа) (*второй этап*), Камбулатовский I, Галановский II, Кувыковский могильники, погребение на ул. Тукаева (г. Уфа), погребение на ул. Мустая Карима (д. 33) (г. Уфа) (*третий этап*), Красногорский II, Береговский II, Шареевский могильники, Булгарский I и Ново-Биккинский курганы, женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа), Новиковское погребение (г. Уфа) (*пятый этап*), погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), погребение у г. Ишимбай, Манякский и Лагеревский могильники (*шестой этап*).

Ременные гарнитуры, характерные для нескольких хронологических этапов, обнаружены в Старо-Муштинском, Старо-Кабановском (*первый, второй этапы*) и Дежневском могильниках (*второй, третий этапы*), Сынтыш-Тамакском могильнике и могильнике Чайка-1 (*третий, пятый этапы*), Ново-Турбаслинском (*третий, пятый, шестой этапы*), Кушнаренковском (*четвертый, пятый этапы*) и Бахмутинском (*первый, второй, третий, пятый, шестой этапы*) могильниках. Ременные гарнитуры всех выделенных шести этапов представлены на данный момент лишь в Бирском могильнике.

Примечательным является тот факт, что в рамках *третьего этапа* в Дежневском, Ново-Турбаслинском, Бирском и Бахмутинском могильниках

выявлены ременные принадлежности *групп IV и V*, являвшихся на определенном хронологическом отрезке синхронными друг другу. Кроме того, только в Кушнарниковском и Бирском могильниках в Южном Приуралье представлены ременные гарнитуры коминтерновского типа. Безусловно, находки подобного рода могут свидетельствовать о историко-культурных процессах, в которые было вовлечено население, оставившее указанные некрополи (об этом речь пойдет ниже).

Многие памятники, рассмотренные в исследовании, на данный момент до конца не изучены и, возможно, содержат ранее не зафиксированные в них типы ременных гарнитур. Перспективными в данном отношении являются могильник Чайка-1, Дежневский, Кушнарниковский, Бахмутинский и Бирский могильники. Вполне возможно, что в результате последующего археологического изучения территории Южного Приуралья список подобных памятников может быть расширен.

4.2. Результаты изучения ременных гарнитур Южного Приуралья для понимания историко-культурных процессов

Основные гипотезы и теории об этнокультурных процессах, происходивших в Южном Приуралье в эпоху перехода от раннего железного века к раннему Средневековью, рассмотрены в §1.1 данной работы. Ниже речь пойдет о возможности занять в этих дискуссиях определенную позицию, опираясь на представленные выше разработки по ременным гарнитурам и хронологии конкретных памятников, привлекая и другие данные о них.

Исследования нескольких поколений ученых-антропологов позволили сделать выводы о том, что население Южного Приуралья (равно как и Прикамья) на протяжении всего I тыс. до н.э. и вплоть до сер. I тыс. н.э. формировалось на основе европеоидных групп местного происхождения, не имевшего заметной монголоидной примеси (Акимова, 1961. С. 123; Акимова, 1968. С. 26, 33–35; Нечвалода, 2016; Широбоков, 2016. С. 272–273; Куфтерин, 2018б. С. 104–105). Результаты изучения костных материалов, происходящих

из могильников пьяноборской, кара-абызской и мазунинской культур, подтвердили их антропологическую близость (Акимова, 1968. С. 61–64).

Сравнение погребального обряда и вещевого комплекса указанных культур также показывает высокий коэффициент формально-типологического сходства между ними, особенно, в парах «пьяноборье-кара-абыз» и «пьяноборье-мазунино» (Останина, 1997. С. 174–175; Султанова, 2000. С. 103, табл. 5), что позволяет искать непосредственные истоки мазунинской культуры, возникшей на рубеже II и III вв. (Останина, 1997. С. 174–175), в пьяноборской культуре.

Отдельные категории специфических пьяноборских украшений (пряжки с неподвижным крючком-застежкой, литые накладки с ушком на обороте, шейные подвески, «сапожковидные» пронизки, эполетообразные застежки и т.д.) продолжают встречаться в дальнейшем в погребениях «ранних» «мазунинцев» (Красноперов, 2018а. С. 57–59). По мнению Т.И. Останиной, подобные находки, связанные с предшествующей эпохой, в мазунинской культуре являются анахронизмами (Останина, 1997. С. 176). А.А. Красноперовым выдвинут тезис о существовании комплексов «переходного» периода, сочетающих характерные признаки как пьяноборской, так и мазунинской культур. По наблюдениям исследователя, мазунинская культура появилась в III в., в то время как пьяноборская «не обрывается резко во II в., а продолжается некоторое время, не далее сер. III в.» (Красноперов, 2018а. С. 59).

Материалы поздних комплексов кара-абызской культуры (Шиповский могильник, раскоп XIII) и наиболее ранних мазунинских некрополей в Южном Приуралье (Ангасякский, Старо-Муштинский могильники, ряд погребений Бахмутинского и Бирского могильников) свидетельствуют о длительном сосуществовании «кара-абызцев» и «мазунинцев», которое приходится, судя по всему, на весь III – нач. IV в. (возможно, вплоть до 1-ой пол. IV в.). Данное обстоятельство позволяет, вслед за другими

исследователями, не рассматривать участие «кара-абызцев» (южной группировки) в этногенезе мазунинского населения (Овсянников, 2006в. С. 91; Овсянников и др., 2007. С. 84; Овсянников, 2014. С. 377; Иванов, 2020. С. 61).

Анализ ременных гарнитур позволяет утверждать, что с III в. в Южном Приуралье (равно как в Прикамье и Поволжье) фиксируется массовое распространение вещей нового облика, связанное с включением данной территории в широкий ареал евразийской моды (Генинг, 1979. С. 103; Богачев, 1992. С. 106; Голдина, Бернц, 2016а. С. 42). Появление ременных принадлежностей нового типа (*первый этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур) в среде финно-пермского населения напрямую связано с влиянием носителей позднесарматской культуры. Расцвет последней на всей ее территории распространения приходится на 2-ю пол. II – 1-ю пол. III в. (Малашев, 2009; Кривошеев, Борисов, 2019. С. 49–50; Малашев, Кривошеев, 2022. С. 31, 36), хотя, как отмечают исследователи, в Южном Приуралье «яркие выразительные комплексы еще демонстрируют памятники сер. – 2-ой пол. III в.», но «индикаторы развитого IV в. <...> неизвестны» (Малашев, 2009. С. 50).

Примечательно, что в то время, когда вся территория волго-уральских степей активно осваивается носителями позднесарматской культуры, на основании данных палеопочвоведческого анализа фиксируется процесс аридизации климата (Демкин, 2012. С. 174–175). В IV в., когда, как отмечают исследователи, наблюдается противоположный процесс гумидизации и заметное улучшение палеоэкологической ситуации, «позднесарматская культура окончательно приходит в упадок, что в совокупности представляет собой довольно парадоксальное явление» (Малашев, 2009. С. 50).

Небольшое количество позднесарматских комплексов с бедным погребальным инвентарем зафиксировано в Нижнем Поволжье, в то время как в Северном Причерноморье, Нижнем Подонье и Южном Приуралье таковые в IV в. уже отсутствуют (Малашев, 2009. С. 50; Малашев, Кривошеев, 2022.

С. 31). По мнению исследователей, именно изменение климата в виде процесса гумидизации, повлекшее частую смену периодов оттепелей и похолоданий и вызвавшее резкое возрастание невыпасных дней зимой, поставило под угрозу существование традиционной хозяйственной модели ранних кочевников (Кривошеев, Борисов, 2019. С. 51–53; Малашев, Кривошеев, 2022. С. 37).

Несмотря на то, что позднесарматский палеосоциум был ориентирован помимо кочевого хозяйства, также и на военное дело, а большая часть мужчин молодого и зрелого возраста, судя по характеру прижизненных травм, являлись профессиональными воинами (Демкин, 2012. С. 25), некоторые исследователи предполагают, что контакты между двумя столь разными мирами, – кочевым сарматским и оседлым финно-пермским, – в основном, носили мирный характер, вплоть до заключения брачных союзов и установления хозяйственно-экономических и культурных отношений (Овсянников, 2006а. С. 74; Шиманский, 2012. С. 12–13).

Как отмечает В.Ю. Малашев, в начале III в. в среде воинской верхушки населения степи позднесарматского времени «выработалась престижная мода на предметы ременных гарнитур», достаточно быстро распространившаяся на обширных территориях, занятых, собственно, «носителями позднесарматского культурного комплекса» (Малашев, 2014. С. 136). Уже с сер. III в. южноуральские кочевники были вынуждены обратить внимание на производственные центры лесной и лесостепной зон Волго-Уралья. Причиной этому, по мнению исследователей, послужила дестабилизация обстановки на дунайских границах Римской империи и в Северном Причерноморье в результате готских военных предприятий, спровоцировавшая разрыв контактов с теми мастерскими, которые работали на степных варваров. Данная ситуация окончательно переориентировала южноуральских кочевников на лесную и лесостепную зоны Волго-Уралья, ставшие для них

основной производственной базой (Малашев, Яблонский, 2008. С. 54; Малашев, 2014. С. 136).

Если обратиться к прикамским материалам, то планиграфические наблюдения на Тарасовском могильнике «показывают плавное поступательное проникновение импорта» на рассматриваемую территорию, свидетельствующее «об устойчивых и налаженных торговых контактах с позднесарматским населением Поволжья / Приуралья вплоть до 2-ой пол. III в.». (Сабирова, 2019. С. 49). Важную роль в распространении в лесной зоне образцов престижной позднесарматской «моды» сыграли, судя по всему, отдельные представители степного населения, оставившие после себя во 2-ой пол. / конце II – 1-ой пол. III в. захоронения «всаднического» круга, содержащие богатые наборы фасетированных ременных гарнитур и предметы вооружения (Красноперов, 2011; Красноперов, 2015; Перескоков, 2022а. С. 57–58).

В Прикамье уже с 1-ой пол. III в. мог существовать и центр по производству фасетированных бронзовых изделий, мастера которого владели в совершенстве технологией различных вариантов фасетировки (Малашев, Яблонский, 2008. С. 52–54; Голдина, Бернц, 2016б. С. 21–22). Изделия, изготовленные прикамскими мастерами, качественно отличались от фасетированных ременных гарнитур, распространенных в степной полосе Восточной Европы, что, по мнению исследователей, связано с высоким уровнем бронзолитейного дела, своими корнями уходящего еще в пьяноборскую эпоху (Малашев, 2000. С. 208; Голдина, Бернц, 2016б. С. 22). В дальнейшем, с сер. III в., массовое поступление импорта прекратилось и началось производство местных изделий (Голдина, Бернц, 2017б. С. 54; Сабирова, 2019. С. 49).

В Южном Приуралье влияние позднесарматского импульса в распространении инноваций и его дальнейшее постепенное затухание можно проследить в захоронениях Шиповского могильника (раскоп XIII). Материалы

из комплексов указанного памятника всесторонне рассмотрены В.В. Овсянниковым и его соавторами (Овсянников, 2006б; Овсянников, 2006в; Овсянников, 2007; Овсянников и др., 2007). Изучение планиграфии раскопа XIII позволило выделить 12 участков захоронений, а наиболее яркие находки дали возможность определить 5 хронологических групп погребений II–IV вв. (Овсянников, 2006в. С. 88). В 4-ой и 5-ой группах погребений (2-я пол. III в. – нач. / 1-я пол. IV в.), представленной на участках Г и Ж (пп. 42, 46, 183, 187, 192, 290, 298, 301, 310, 313 и др.), Е и К (погребения пп. 63, 183, 197, 213, 216, 217, 222, 223, 224, 228, 244, 246, 254, 264, 267, 268а, 268б, 282 и др.) (Там же. С. 88–89), зафиксировано максимальное разнообразие типов ременных гарнитур, не встречающихся на предыдущих этапах (1-3) конца II – нач. III в. / 1-ой пол. III в. и, судя по всему, в большинстве своем и являющихся продукцией прикамских и приуральских ремесленников. Отдельные типы ременных принадлежностей, – результат переработки местными мастерами позднесарматских образцов, – встречаются на протяжении всего IV в., в основном, в комплексах Ангасякского, Старо-Муштинского и Бирского могильников.

В рассматриваемый период южная часть носителей кара-абызской культуры имели контакты с убаларско-имендяшевским населением (Овсянников, 2006в. С. 89; Овсянников и др., 2007. С. 83). Данное взаимодействие, по-видимому, возможно проследить только на основе изучения керамического материала и изменений характеристик погребального обряда, что выходит за рамки настоящего исследования. В то же время в некоторых кара-абызских и мазунинских комплексах зафиксированы детали ременных гарнитур, происхождение которых можно рассматривать в контексте взаимоотношений данных этнокультурных групп с населением Посурья, Поочья и Волго-Вятского междуречья (Малашев, 2014. С. 133; Красноперов, 2018б. С. 151, рис. 6, 13, 14).

К концу III в. могильники позднесарматской культуры, распространенные в степях Южного Приуралья и Зауралья, прекращают функционировать (Малашев, 2013. С. 6). На Нижнем Дону и части прилегающих территорий позднесарматские комплексы после сер. III в. вытесняются аланскими, в Северном Причерноморье во 2-ой пол. III в. «происходит постепенное угасание типичных черт этой культуры», а в Нижнем Поволжье в IV в. еще встречаются поднесарматские захоронения, но их инвентарь является бедным (Малашев, 2009. С. 50; Кривошеев, Малашев, 2016. С. 143; Скрипкин, 2017. С. 226).

Начало *второго этапа* развития ременных гарнитур совпадает с изменением этнокультурной обстановки в Южном Приуралье. К сер. IV в. перестают функционировать могильники кара-абызской культуры, и, как отмечает В.В. Овсянников, «бывший ареал южных группировок кара-абызского населения (охлебининской, шиповской и уфимской)» занимают «имендяшевцы» (Овсянников, 2006б. С. 87; Овсянников, 2006в. С. 91). Данные этнокультурные группы на короткий срок могли стать доминирующими в центральной части правобережья р. Белой, что археологически отразилось в широком распространении керамики соответствующего типа (Там же. С. 91) при практически полном отсутствии их погребальных комплексов. Исключение, судя по всему, составляет хронологически более поздний кург. 1 Камбулатовского I могильника, в котором обнаружен глиняный сосуд, характерный для «имендяшевского этапа убаларского культурного типа» по определению Н.С. Савельева (Савельев, 2017. С. 33). Как отмечают В.С. Горбунов и В.А. Иванов, данный сосуд «своей формой, элементами и зоной размещения орнамента» повторяет керамику имендяшевского типа (Горбунов, Иванов, 1992. С. 108).

В мазунинской культуре на территории Уфимско-Бельского междуречья, помимо уже существующих некрополей, начинают функционировать Кара-Тамакский, Мало-Качакский, Югомашевский

могильники. В отдельных погребениях Старо-Кабановского могильника (пп. 19, 61) встречены детали ременных гарнитур, характерных для *первого этапа*, но более всего представлены ременные гарнитуры *второго этапа*. Увеличение количества погребальных памятников в начале *второго этапа* в Уфимско-Бельском междуречье, равно как и в Удмуртском Прикамье (например, Покровский, Усть-Сарапульский могильники и др.), возможно, вслед за исследователями (Голдина, 1999. С. 219), связать с возросшей плотностью населения и освоением новых территорий.

Т.И. Останина, проанализировав планиграфию Старо-Кабановского и Югомашевского могильников, пришла к выводу, что каждый из указанных некрополей оставлен несколькими крупными патронимиями, состоявшими из малых или патриархальных семей.

Изучение вещевого комплекса позволил исследователю выделить тенденцию к наличию имущественного неравенства в «югомашевском» обществе.

В Старо-Кабановском могильнике выделяется многочисленная группа захоронений, инвентарь которых позволяет предположить, что умершие, «особенно мужская часть», «занимали особое положение» не только в «старо-кабановском» роде, но и среди всего мазунинского населения – вполне, возможно, они защищали устье р. Белой «от проникновения врага на основную территорию» (Останина, 1997. С. 128–129). В мужских погребениях данной группы, как отмечает Т.И. Останина, зафиксированы различные наборы вооружений и орудий труда, сочетания которых варьируются от «нож+копье» до «нож+копье+топор+коса+наконечники стрел». Практически в каждом из захоронений выявлены предметы ременных гарнитур (Там же. С. 129–130; С. 310, рис. 63, 3).

Какой-то определенной корреляции между указанными категориями находок, – типами ременных принадлежностей, вооружением и орудиями труда, – в настоящем исследовании выявить не удалось. Можно лишь

отметить, что в погребениях, где зафиксирована взаимовстречаемость оружия в виде «только» ножей и копий, ременные гарнитуры достаточно бедные и, зачастую, типологически не определимые из-за плохой сохранности металла, либо вовсе отсутствуют. В свою очередь, погребения, в которых обнаружено максимально возможное сочетание предметов вооружения и орудий труда, содержат и более богатые наборы ременных гарнитур, представленные не только пряжками и поясными наконечниками ремней, но также накладками и обувными наконечниками (Васюткин, Останина, 1986. С. 82–92). В целом же, различия в составе погребального инвентаря Старо-Кабановского могильника подтверждают точку зрения Т.И. Останиной о возможном существовании военной иерархии в данном обществе (Останина, 1997. С. 130).

Если рассматривать другие мазунинские могильники Южного Приуралья, то можно отметить следующее. Комплексы Мало-Качакского и Кара-Тамакского могильников (в т.ч. и погребения с ременными гарнитурами) содержали немногочисленный инвентарь. Данное утверждение будет справедливо и по отношению к захоронениям Бирского могильника, сосредоточенных в северной и восточной частях памятника. В указанных бирских комплексах также зафиксировано определенное количество вооружения и орудий труда, но их доля гораздо меньше по сравнению с находками из Старо-Кабановского могильника. Вполне возможно, что скудность материалов может быть связана как с недоисследованностью площадок некрополей, так и со слабой вовлеченностью какой-то части населения в некоторые процессы, протекавшие на тот момент в мазунинском обществе.

На рубеже IV и V вв. в Прикамье фиксируется волна распространения могильников с подкурганым способом захоронения. Как уже отмечалось (см. §1.1), у исследователей нет единого мнения, связанного с историко-археологической интерпретацией указанных курганных некрополей. Недавняя дискуссия Р.Д. Голдиной с И.О. Гавритухиным и А.А. Красноперовым

(Голдина, 2022; Гавритухин, Красноперов, 2022) показала, что эти вопросы на неопределенное время остаются открытыми. Я поддерживаю точку зрения исследователей о том, что, несмотря на минимальное участие «пришельцев» (кем бы они не являлись), материальная культура финно-пермских этнокультурных групп Прикамья и Южного Приуралья все же претерпела определенные изменения, пополнившись новыми типами вооружения, орудий труда, ременных гарнитур и украшений костюмного комплекса (Иванов. С. 60–61; Сунгатов, 2020. С. 73).

Этнокультурную ситуацию в Южном Приуралье кардинально меняют «турбаслинцы», появление которых напрямую связано, согласно концепции Ф.А. Сунгатова, с военными неудачами конфедерации гуннских племен. В результате неблагоприятно сложившейся военно-политической обстановки часть потомков носителей позднесарматской культуры, с точки зрения исследователя, в конце V в. либо в V в. возвращается на свои исходные места проживания уже совместно с награбленными богатствами (Сунгатов, 1998. С. 106–107; Сунгатов, 2020. С. 73).

Однако материалы некоторых захоронений Дежневского могильника, – одного из ранних памятников турбаслинской культуры, – свидетельствуют о начале заполнения площадки некрополя уже во 2-ой пол. IV в. Подтверждением этому являются находки деталей ременных гарнитур в кург. 9 и п. 1 кург. 18 (Белявская, 2021б. С. 347–348). К этому же времени относится, как минимум, еще один турбаслинский комплекс, обнаруженный на территории г. Уфы, – погребение на ул. Менделеева, д. 10. Т.е., носители турбаслинской культуры небольшими группами могли проникать в Южное Приуралье в течение 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V в. Наиболее организованная и многочисленная группа «турбаслинцев» продвинулась на данную территорию во 2-ой пол. V в., что и нашло отражение в массовом появлении погребальных комплексов с ременными гарнитурами *третьего этапа* (сериационные *группы IV и V*).

Судя по всему, турбаслинская культура представляла собой сложное, многокомпонентное образование, что подтверждается материалами как археологии (особенности погребального обряда, керамического комплекса и др.), так и антропологии. Исследованные черепа из погребения на ул. Менделеева (д. 10) и могильника Чайка-1 (раскопки 2014 г., 2015 г.) относятся к европеоидному типу с некоторой примесью монголоидности (Сунгатов, отчет, 2015. С. 51; Бахшиев и др., 2017. С. 57; Куфтерин, 2018а. С. 120). Это сближает их с серией черепов из Дежневского могильника (Сунгатов, 2002. С. 26; Сунгатов, отчет, 2015. С. 49; Куфтерин, 2018а. С. 120), где, по наблюдениям М.С. Акимовой, обнаружены черепа с аналогичными признаками, а также один череп монголоидного облика (Акимова, 1968. С. 74–75). Черепа из Ново-Турбаслинского и Кушнаренковского могильников (происходящие, судя по всему, из комплексов более поздних хронологических этапов), как отмечают антропологи, относятся к ярко выраженному европеоидному типу (Там же. С. 69–74; Юсупов, 2002. С. 33).

Вполне возможно, что носители турбаслинской культуры, появившись в Приуралье, первое время сохраняли свою обособленность от других этнокультурных групп. Со временем, перейдя к оседлому образу жизни (Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское, Улу-Кулевское селища, городище Уфа-II и др.), «турбаслинцы» были включены в процесс активного взаимодействия (вероятно, в диапазоне от военных столкновений до брачных контактов) с другими группами населения (Мажитов, 1968б. С. 28; Матвеева, 1968б. С. 5; Сунгатов, 2002. С. 29). Это подтверждается не только наличием могильников с биритуальным обрядом захоронения (Кушнаренковский могильник), функционированием совместных поселений (наболее яркий пример – городище Уфа-II), обнаружением нетипичной посуды в захоронениях турбаслинских могильников, но и распространением культурных инноваций в погребальном инвентаре.

Именно с проникновением «турбаслинцев» следует связывать появление в Приуралье большого количества импортных вещей южного происхождения (прессованные двухпластинчатые фибулы, янтарные и коралловые бусы, серьги с многогранником на конце, браслеты с зооморфными окончаниями, кольцевидные и кольцеобразные подвески, стеклянная и металлическая посуда, остатки глиняных сосудов с обкладками из позолоченной фольги по краю венчика и др.) (Мажитов, 1968б. С. 65–69; Мажитов, 1977. С. 49; Мажитов, 1981а. С. 23–24; Сунгатов, 1998. С. 106; Сунгатов, 2002. С. 25).

Захоронения с подобным инвентарем обнаружены и в Бирском могильнике, комплексы которого, как отмечают исследователи, отражают сложный процесс взаимодействия между местным и пришлым населением (Мажитов, 1968б. С. 71; Сунгатов, 1998. С. 111; Султанова, 2000. С. 107–110).

Одной из особенностей бирских комплексов с ременными гарнитурами шиповского круга является наличие в них, помимо одно-и двухлезвийных мечей, наконечников копий, костяных и железных наконечников стрел, фрагментов луков и др., также и таких категорий погребального инвентаря как скобели, «ложкари» и тесла (Мажитов, 1968б. С. 65–69). Подобные находки, по мнению В.В. Овсянникова, восходят к традиции носителей мазунинской (раннебахмутинской) культуры, по которой некоторые захоронения мужчин выделяли сельскохозяйственными орудиями труда (косами) (например, в комплексах Старо-Кабановского могильника) (Овсянников, 1994. С. 67–68). «Ложкари» и скобели зафиксированы и в погребениях с ременными гарнитурами сериационной *группы IV*, большая часть из которых, к сожалению, является разрушенной (Там же. С. 68).

Взаимовстречаемость находок, связанных с военным делом (берестяной колчан с костяными и железными наконечниками стрел) и уже упомянутых орудий труда, и «геральдической» ременной гарнитурой, зафиксирована в п. 225 Бирского могильника (Мажитов, Агеев, отчет, 1978). Примечательно, что обычай класть в погребения совместно с оружием деревообрабатывающий

и кузнечный инструментарий для обозначения высокого статуса умерших обнаружен, по сведениям В.В. Овсянникова, и на других территориях (например, в поздних мужских комплексах полемской культуры) (Овсянников, 1994. С. 70).

В турбаслинских погребениях *третьего этапа* аналогичные орудия труда не зафиксированы. Вероятно, это является одним из свидетельств того, что на раннем хронологическом отрезке (судя по всему, во 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V в.) в качестве своеобразного «реципиента» различных культурных инноваций выступало лишь местное население, а интенсивное взаимовлияние между этнокультурными группами происходило уже на следующем этапе их взаимодействия.

А.К. Амброзом в одной из своих работ, посвященной изучению бирских захоронений, предложено разделение некрополя на несколько крупных зон. Анализ планиграфической ситуации Бирского могильника, на площадке которого в «зоне I-б» (зона местного населения) (рис. 78) и «зоне II» (зона пришлого населения) (рис. 79) в большом количестве представлены погребения с ременными гарнитурами сериационных *групп IV* и *V*, позволил исследователю очертить компактные скопления непо потревоженных могил, отличающихся между собой набором погребального инвентаря.

К скоплению «А» отнесены пп. 77, 130 (сериационная *группа V*), п. 156 (рис. 74, 1–21); к скоплению «Б» – пп. 125, 128 (сериационная *подгруппа IV-a*), п. 126 (сериационная *подгруппа IV-б*), пп. 122, 129, 132, 136, 137, 138, 139, 162; к скоплению «В» – п. 78 (сериационная *подгруппа IV-a*), п. 108 (сериационная *подгруппа IV-б*), пп. 80, 96. Каждое из выделенных скоплений могло являться семейным участком с наиболее ранними захоронениями для «зоны I-б» (Амброз, 1980. С. 42–43). Кроме того, А.К. Амброзом отмечено расположение в «зоне II» п. 148 (сериационная *подгруппа IV-б*), с которого, по мнению исследователя, здесь началось заполнение могильника (Там же. С. 43–46).

С семейным участком, в котором сосредоточены уже упомянутые погребения воинов, вооруженных клинковым оружием, соотносит скопление «А» (сериационная *группа V*) и В.В. Овсянников. По мнению исследователя, в бахмутинском обществе, равно как и в турбаслинском, имевшим родоплеменную организацию войска, отсутствовала категория воинов-дружинников (Овсянников, 1997. С. 15). Как отмечает В.В. Овсянников, «возникновение дружинных институтов предполагает противопоставление вновь возникшего образования родовой организации», что зафиксировано в ряде древнерусских курганов, а также в Андреевских (Мордовская Республика) и Тураевских (северо-восток Татарстана) курганах. В свою очередь, захоронения мужчин, расположенные на родовом кладбище в границе семейных участков, «только из-за наличия богатого набора вооружения нельзя причислять к дружинной прослойке» (Овсянников, 1994. С. 62). Погребения с клинковым оружием в Бирском могильнике отнесены археологом к семейной группе, выделившейся в ходе военных столкновений с пришельцами, но не обособившейся от племенной организации и не развившейся в дружину (Там же. С. 68; Овсянников, 1997. С. 15).

Свидетельством инфильтрации в Южное Приуралье наиболее ранних носителей кушнаренковской культуры является керамическая посуда соответствующего типа, обнаруженная в сериационной *группе IV*. К таковой, в частности, относится сосуд из п. 78 Бирского могильника. Как отмечает Е.П. Казаков, аналогичная керамика зафиксирована еще, как минимум, в пп. 104, 107 и некоторых других комплексах некрополя (Казаков, 2013б. С. 174). К сожалению, в данной работе не удалось достоверно выделить типы ременных принадлежностей в указанных захоронениях, но, судя по особенностям погребального обряда (могилы с подбоями, кости животных на сосудах) и сопровождающему инвентарю (янтарные и коралловые бусы) (Мажитов, 1968б. С. 99), они могут относиться к *третьему этапу*.

Е.П. Казаковым данные захоронения причислены к наиболее раннему периоду (2-я пол. VI – 1-я треть VII в.) единой кушнаренковской общности (с включенными в нее памятниками караякуповской культуры) (Казаков, 2013б. С. 174). Как отмечает исследователь, кушнаренковские племена «проникают в Европу <...> во второй половине VI в.» (Казаков, 2007. С. 146). С.Г. Боталовым сосуд из п. 78 Бирского могильника отнесен к ранней группе керамики «кушнаренковско-караякуповского круга», датированной им в пределах VI–VIII вв. (Боталов, 2016. С. 497). То, что п. 78 Бирского могильника является наиболее ранним среди могил «зоны II», отмечал А.К. Амброз (1980. С. 47).

Примечательно и то, что в п. 288 Бирского могильника (сериационная *подгруппа IV-в*) совместно с ременной гарнитурой и керамикой бахмутинского типа зафиксированы также фрагменты кушнаренковского сосуда. Находки подобного рода в Бирском могильнике, наряду с изменением конструкций могил и некоторых черт погребального обряда, являются отражением взаимной ассимиляции местных и пришлых групп населения (Султанова, 2000. С. 108–110). То, что указанные процессы здесь начали происходить уже в VI в., и подтверждают хроноиндикаторы из рассматриваемого погребения.

На настоящий момент очевидно, что на определенном хронологическом отрезке погребения из *группы IV* были синхронны комплексам *группы V*. Различия между ними, по мнению А.К. Амброза, определяется «по этнографическим признакам» (Амброз, 1980. С. 42).

Если рассматривать керамический комплекс захоронений с ременными гарнитурами сериационной *группы IV*, то можно отметить, что среди них наиболее распространенными являются бахмутинские сосуды 2-ого и 3-его типов по классификации Н.А. Мажитова (Мажитов, 1968б. С. 143, табл. 22, 1–3, 5, табл. 23, 3, 7, 8; С. 144, табл. 24, 1, 2, 4; Мажитов, 1977. С. 203, табл. IV; Мажитов, Агеев, отчет, 1978; Мажитов, отчет, 1985), в меньшем количестве

встречены турбаслинские сосуды (Мажитов, 1968б. С. 146, табл. 24, 1, 2, 4) и керамика кушнаренковского типа (Там же. С. 148, табл. 26, 7).

Изучение конструктивных особенностей могил сериационной *группы IV* показало, что здесь присутствуют как захоронения с нишами-подбоями, так погребения простой конструкции «с закругленными углами, вертикальными стенками и горизонтальным полом» (Там же. С. 84). В последних неоднократно зафиксированы «жертвенные комплексы» (в некоторых случаях – в берестяных коробах), имевшие распространение и на раннем этапе функционирования Бирского могильника (Там же. С. 16; Султанова, 2000. С. 102). Также в погребениях обоих типов встречаются остатки поминальной тризны (?) в виде костей лошади, овцы и т.д. На некоторых черепах погребенных зафиксированы следы искусственной деформации (Мажитов, отчет, 1981).

В захоронениях Бирского могильника с ременными гарнитурами сериационной *группы V* лишь в одном случае (п. 123) обнаружен сосуд, отнесенный Н.А. Мажитовым к бахмутинскому типу (Мажитов, 1968б. С. 143, табл. 22, 1), а в остальных погребениях керамика не выявлена. В ряде комплексов зафиксированы находки костей животных (пп. 88, 124, 130, 156). В п. 111 обнаружены остатки сгнившего дерева, вероятно, от гроба или настила пола ямы, подобная деталь погребального обряда встречается неоднократно в погребениях мазунинской (раннебахмутинской) культуры (Султанова, 2000. С. 91). В п. 77 череп погребенного имел следы искусственной деформации, а само захоронение, между тем, сопровождалось «жертвенным комплексом». Предположительно, «жертвенные» дары, обернутые в лубок или бересту, обнаружены и в п. 138. В п. 156 череп у костяка отсутствовал (Мажитов, 1968б. С. 95–96, 105, 107–108), что, по мнению А.Н. Султановой, можно объяснить «гибелью в ходе военных столкновений и отчленением черепа как трофея» (Султанова, 2000. С. 89). Примечательно, что в рассматриваемых погребениях с ременными

гарнитурами шиповского круга (как в ограбленных, так и относительно непо потревоженных) не зафиксировано никаких особых конструктивных особенностей могил в виде ниш-подбоев или заплечиков (Мажитов, 1968б. С. 100).

На основании представленных сведений можно предположить, что ременные гарнитуры сериационной *группы IV* в Бирском могильнике представлены как в погребениях бахмутинского населения, испытавшего значительное инокультурное влияние, но, вместе с тем, сохранившего множество черт своей погребальной обрядности, характерной и для раннего этапа, так и в погребениях, связанных определенным образом с турбаслинскими и кушнаренковскими этнокультурными группами.

Погребения с ременными гарнитурами сериационной *группы V* в Бирском могильнике оставлены, на мой взгляд, только бахмутинским населением, подвергшихся влиянию со стороны носителей турбаслинской культуры. Вполне возможно, что различия в данной группе захоронений, кроме культурного, могли быть и социально-имущественного характера, а состав погребального инвентаря напрямую зависел от того, какое положение в древнем обществе занимали умершие. Более конкретные выводы, основанные на сравнении данных планиграфии и хронологии Бирского могильника, возможно представить лишь после полной публикации всех его комплексов.

К погребальным памятникам *третьего этапа* (V–VI вв.) относятся ряд захоронений Дежневского, Ново-Турбаслинского и Сынтыш-Тамакского могильников, один из исследованных в 2014 г. курганов могильника Чайка-1, погребение на ул. Тукаева (г. Уфа), погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа), Галановский II и Кувыковский могильники. Данные некрополи оставлены носителями турбаслинской и кушнаренковской культур. Мазунинские могильники *второго этапа* (Мало-Качакский, Старо-Кабановский, Югомашевский, Кара-Тамакский) к концу IV в. прекращают использоваться, но продолжают функционировать Бахмутинский и Бирский

могильники, являющиеся, по мнению исследователей, поликультурными некрополями (в т.ч. связанными с носителями бахмутинской культуры) (Амброз, 1980. С. 3; Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 19, 20; Султанова, 2000. С. 134; и др.). И, как уже отмечалось, предположительно с имендьяшевским населением можно соотносить появление Камбулатовского I могильника.

Вполне возможно, что наиболее поздние погребения сериационной *группы IV* могли быть синхронны погребениям из сериационной *группы VI* (*четвертый этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур). В группобразующем комплексе последней – п. 165 Бирского могильника, – также зафиксирована одна из ранних находок сосудов кушнаренковского типа (Боталов, 2013. С. 153). Рассматриваемый комплекс, совместно со схожими по составу захоронениями в Поволжье и Прикамье (Армиевский, Верх-Саинский могильники и др.), содержит, как отмечает И.О. Гавритухин, наиболее престижные вещи и представляет собой хронологический горизонт, когда «геральдические» ременные гарнитурные элементы здесь только появились и сосуществуют с древностями круга Шипово. Признаком данного горизонта является позднеантичная структура поясов, для которой характерно наличие пряжки, противопоставленной ей ременной накладке и одного наконечника (Гавритухин, 1996. С. 123; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85; С. 273, рис. 89, 118–120, 137–139).

Кроме того, во 2-ой пол. – конце VI в. «геральдическим» ременным гарнитурам были синхронны и находки коминтерновского типа, происходящие из Бирского и Кушнаренковского могильников. Подобные изделия в Коминтерновском II могильнике, в отличие от приуральских захоронений, зафиксированы совместно с накладками (Казаков, 1998. С. 142, рис. 30, 1, 2; С. 148, рис. 36, 7, 8, 10–12, 21–24; Казаков, 2013а. С. 188, рис. 11), рассматриваемыми в представленной работе в качестве ранней «геральдики». Существует и иная точка зрения, согласно которой «никаких специфических элементов геральдических стилей» в коминтерновских погребениях нет, а

подавляющее большинство ременных гарнитур следует связывать со «II степной группой» по терминологии А.К. Амброза (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 139). Здесь стоит отметить, что расхождения во взглядах исследователей являются, по сути, терминологическими.

С конца VI в. «геральдические» ременные гарнитур (сериационная *группа VII; пятый этап* по разработанной периодизации; конец VI – 3-я четв. VII в.) распространяются не только в уже упомянутых Бирском и Кушнаренковском, но и в Ново-Турбаслинском и Бахмутинском могильниках. На данном хронологическом отрезке появляются (скорее всего, не одновременно) ряд комплексов на территории г. Уфы (Новиковское погребение, захоронения во дворе Башмединститута), один из исследованных в 2015 г. курганов могильника Чайка-1, Красногорский II и Береговский II могильники, Булгарский I и Ново-Биккинский курганы, ряд курганов Сынтыш-Тамакского могильника (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273, рис. 89, 56–70, 88–102). К этому этапу следует относить все погребения с ременными гарнитурами Шареевского могильника, что не исключает возможность возникновения остальных комплексов данного некрополя в более позднее время (Белявская, 2021б. С. 353).

Если говорить про истоки «геральдического» стиля ременных гарнитур, то, по мнению исследователей, они зафиксированы в ранневизантийском воинском обиходе как продолжение римской военной традиции; впоследствии же данный стиль получает самостоятельное развитие и в воинской культуре различных групп населения Восточной Европы и Азии (Амброз, 1980. С. 11; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85–86; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 18). Распространение «геральдического» стиля и связанной с ним воинской «моды» можно отнести ко 2-ой пол. VI в. (Амброз, 1980. С. 51), финал его в ряде культур приходится на 3-ю треть VII в., а в некоторых культурах (в т.ч. приуральских) – на более позднее время (Гавритухин, 2023б (в печати);

Гавритухин, Обломский, 1996. С. 89; Гавритухин, Тотев, 2010; Торгоев, 2011. С. 54).

Своеобразным катализатором широкого распространения «геральдических» ременных гарнитур на обширных евразийских пространствах послужила этнокультурная и геополитическая обстановка того времени. Начиная уже с V в. и вплоть до 1-ой пол. VII в. ситуация на территории Евразии в военно-политическом плане характеризуется противостоянием двух крупнейших держав того времени – Византийской империи и Сасанидского Ирана. Несмотря на то, что основные военные действия происходили на Ближнем Востоке, отголоски данного конфликта простирались на огромные расстояния, а в само противостояние, в рамках даннических и договорных отношений, со временем было вовлечено все больше различных варварских группировок (Амброз, 1971а. С. 122; Васильев, 1998. С. 201–202, 268–273; Гавритухин, Иванов, 1999. С. 141; Ковалевская, 2000. С. 210). Во 2-ой пол. VI в. в степях Восточной Европы происходят глобальные геополитические изменения, связанные с возникновением Аварского и I Тюркского каганатов, активно включившихся в евразийскую систему экономических и политических отношений (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 89–90; Гавритухин, 1999. С. 51–52; Гавритухин, 2023а. С. 162–163; Комар, 2006. С. 108).

В рассматриваемый период значительная часть Урало-Поволжского региона в результате похода тюрков на запад, преследовавших бежавшие группы жуаньжуаней (авар) или группировок принявших имя «авары», оказалась в зоне тюркского влияния (Кызласов, 1998. С. 348–349; Казаков, 1998. С. 110; Гавритухин, 1999. С. 51–52; Гавритухин, 2023а. С. 163; Сунгатов, 2002. С. 26; Комар, 2009. С. 100). Сюда начинают массово проникать изделия византийского, сасанидского, среднеазиатского и переднеазиатского происхождения (Даркевич, 1976. С. 15–42; Морозов, 1996. С. 153; Чичко (Барынина), 2012. С. 200–201; Иванов, 2020. С. 63), и на обширных

территориях вплоть до рр. Ока и Кама, как отмечают исследователи, фиксируется осязаемый культурный импульс, представленный «черноморско-волжским контекстом» (подавляющее большинство ременных принадлежностей) и отдельными компонентами азиатского происхождения (псевдопряжки, наклонно-подвесное клинковое оружие) (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 141).

С сер. / 2-ой пол. VII в. вплоть до рубежа VII и VIII вв. (возможно, и до сер. VIII в.) в Южном Приуралье (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85) распространяются «геральдические» ременные гарнитурные агафоновского стиля / круга (Голдина, 1979. С. 81, 90; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 86–89; Торгоев, 2011). Появление ременных принадлежностей подобного облика (сериационные *группы VIII* и *IX*; *шестой этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур) исследователи связывают с недолговременной переориентировкой приуральских групп населения на отношения с «хазарами, доминировавшими на Северо-Восточном Кавказе и тюркскими группами в Средней Азии» (Гавритухин, Иванов, 1999. С. 142). Это демонстрируется тем, что на данном этапе зафиксированы образцы ременных принадлежностей с лировидными пряжками, прорезными деталями и «меньшей вычурностью очертания вещей», относящиеся к восточнокавказским и сасанидским традициям (Амброз, 1980. С. 49–50; Гавритухин, 1996. С. 124–125).

В этот период продолжают функционировать Ново-Турбаслинский и Бахмутинский могильники (не позднее конца VII в. / рубежа VII и VIII вв.). На данном этапе возникают погребение № 1 у Театра оперы и балета, погребение у г. Ишимбай, Манякский и Лагеревский могильники. В Бирском могильнике погребения с «геральдикой», некоторые из которых могли быть совершены в сер. VIII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 88–89), компактно сосредоточены в наиболее поздних, южном и юго-восточном секторах некрополя.

Рассмотрение генезиса турбаслинской и кушнареновской культур выходит за рамки данного исследования. Однако материалы археологических памятников позволяют занять определенную позицию по ряду дискуссионных вопросов истории Южного Приуралья в период с конца VI в. до рубежа VII и VIII вв.

Не отрицая безусловного наличия близких контактов между «турбаслинцами» и «именьковцами», отмечу, что их следует рассматривать не как единую культурную общность (как это декларируется в работах Е.П. Казакова), а в качестве носителей самостоятельных и территориально совершенно не соизмеримых друг другу археологических культур. Именьковская культура, происхождение которой на настоящий момент остается дискуссионным, включает в себя, по данным исследователей, как минимум, 6 групп: сурскую (Восточная Мордовия и Южная Чувашия), ульяновскую, южную (Самарская Лука), северо-восточную (Удмуртия), нижекамскую (Татарстан) и романовско-именьковскую (северо-западная Башкирия) (Матвеева, Никитина, 2015. С. 52). «Турбаслинцы» же, как отмечает В.А. Иванов, занимали лишь узкую полосу территории «протяженностью в 180 км по среднему течению р. Белой между современным г. Бирском и устьем р. Сим» (Кушареновское селище и могильник, Ново-Турбаслинское II селище и могильник, городище Уфа-II и ряд погребений на территории г. Уфы, Улу-Кулевское селище и Шареевский могильник), также к турбаслинской культуре относится «группа могильников и поселений в районе устья Камы» (Иванов, 2017. С. 12).

Я согласна с концепцией уфимских археологов о том, что «западный анклав» турбаслинской культуры вплотную примыкал к памятникам нижекамской группы именьковской культуры (Там же. С. 13), а какая-то часть именьковского населения могла вклиниться вглубь турбаслинских, бахмутинских и кушнареновских территорий (Овсянников, 2017. С. 35). Археологически последнее выразилось в широком распространении керамики

романовско-именьковского типа на поселениях и, судя по всему, в появлении на территории г. Уфы нескольких захоронений со следами обряда кремации (Мажитов, 1968б. С. 68; Ахмеров, 1970. С. 165; Казаков, 2011б. С. 17), которые предварительно можно соотнести с «именьковцами».

Если рассматривать материалы из Бирского могильника, то следует отметить, что наличие имениковского компонента в них выразилось, в основном, в инновациях в погребальном инвентаре (пп. 18, 197, 229) (Мажитов, 1968б. С. 86–87, 112; С. 125, табл. 6, 28; С. 131, табл. 12; Мажитов, Агеев, отчет, 1978. С. 9). Характерная плоскодонная посуда романовско-именьковского типа обнаружена в указанном некрополе только в одном случае (Султанова, 2000. С. 55). Основываясь на сведениях о более 600 бирских погребений, А.Н. Султанова отмечает, что «ритуально-обрядовой нормой на всем протяжении существования могильника была ингумация с положением умерших на спине, с вытянутыми конечностями» (Там же. С. 88). Однако в ходе раскопок Бирского могильника, проведенных в 2017 г., в ряде захоронений были выявлены фрагменты кальцинированных костей погребенных. По сопровождающему инвентарю и особенностям конструкций могил рассматриваемые комплексы датированы Р.Р. Руслановой и Е.В. Руслановым III–IV вв. (Русланова, Русланов, 2022. С. 44–52). В связи с тем, что недавно введенные в научный оборот материалы из бирских захоронений еще находятся на стадии первичного анализа и осмысления, стоит воздержаться от попытки соотнести столь нетипичный для Бирского могильника погребальный обряд с влиянием какой-то определенной культурной общности, но сам факт его наличия представляется интересным.

Примечательным в контексте изучения турбаслинско-именьковского взаимодействия является и то, что поселенческие памятники, на которых зафиксированы следы совместного проживания «турбаслинцев» и «именьковцев», не являются исключительно турбаслинско-именьковскими. В той или иной степени на данных памятниках представлены и материалы

других археологических культур, в первую очередь, – бахмутинской и кушнаренковской (Мажитов, 1962а; Генинг, 1977. С. 130–134; Матвеева, Никитина, 2015; Белявская, Проценко, 2018; и др.).

Наиболее ранние комплексы (2-я пол. VI – нач. VII в.) носителей кушнаренковской культуры зафиксированы, как уже отмечено, в Бирском могильнике. О заметном присутствии «кушнаренковцев» с конца VI в. на территориях, прилегающих как к верхнему, так и к среднему и нижнему течению р. Белой, свидетельствуют обнаруженные здесь Сынтыш-Тамакский, Береговский II и Красногорский II могильники, Ново-Биккинский и Булгарский курганы (Викторова, 1962. С. 170; Васюткин, 1967; Горбунов, 1984; Мажитов, 1981б. С. 18; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 273, рис. 89, 56–70), и далее на запад – Такталачукский могильник (Казаков, 1981. С. 136–138).

В Кушнаренковском могильнике, являющимся, как отмечает Г.И. Матвеева, «синкретичным памятником», наряду с «двумя типично именьковскими трупосожжениями зафиксированы погребения, совершенные по турбаслинскому и кушнаренковскому обряду». Именно с влиянием носителей кушнаренковской культуры, по мнению исследователя, следует связывать обнаруженный в п. 2 Кушнаренковского могильника жертвенный комплекс из челюсти и конечностей лошади (Матвеева, 2004. С. 32–33).

К кушнаренковской культуре В.В. Овсянниковым отнесены ряд захоронений (турбаслинских – по мнению Н.А. Мажитова и Ф.А. Сунгатова) на территории г. Уфы (во дворе Башмединститута и у бывш. д. Новиковки (совр. ул. Полярная)) (Овсянников, 1995. С. 138–139; Археологическая..., 1976. С. 125–126; Сунгатов, 1998. С. 68, рис. 10, 4; С. 70, рис. 11, 2; С. 106; Сунгатов, 2020. С. 78; Белявская, 2021б. С. 351–352), погребальный инвентарь которых (поясной набор, золотая цепь, вооружение) имеет аналогии в Сынтыш-Тамакском и Такталачукском могильниках (Васюткин, отчет, 1966. С. 30–34; Казаков, 1981. С. 137).

В одном из захоронений (п. 1 кург. 10) Ново-Турбаслинского могильника сосуд кушнаренковского типа зафиксирован совместно с «геральдической» ременной гарнитурой *пятого этапа* (конец VI – 3-я четв. VII в.) (Мажитов, 1959. С. 125–126, рис. 3; Васюткин, 1968б. С. 59).

Наконец, если рассматривать комплексы Бирского могильника с ременными гарнитурами, то кроме уже упомянутого ранее п. 288, как минимум, еще в одном захоронении (п. 194) кушнаренковская керамика обнаружена совместно с «геральдическими» накладками и сосудом, украшенным по шейке и изгибу ее круглыми ямками. Последний сосуд отнесен Н.А. Мажитовым к бахмутинскому типу (Мажитов, 1968б. С. 112; С. 143, табл. 23, 5; С. 148, табл. 26, 2).

Таким образом, уже на раннем этапе существования кушнаренковской культуры в Приуралье у ее носителей зафиксировано функционирование как отдельных небольших могильников, так и использование площадок некрополей других этнокультурных групп. Совместное нахождение в захоронениях кушнаренковских сосудов с керамикой других типов, возможно, свидетельствует о наличии культурных контактов, в отдельных случаях развившихся до уровня брачных отношений.

Городище Уфа-II, наиболее ранние находки которого следует относить к III–IV вв. (К проблеме городов..., 2018. С. 124–125; Русланова и др., 2019. С. 161), достигает своего наивысшего расцвета в V–VII вв., что подтверждается как обнаруженными хроноиндикаторами, так и результатами радиоуглеродного анализа (К проблеме городов..., 2018. С. 134). Изделия IX–XII вв. и XIII–XIV вв. с городища представляют собой группу интересных, но однотипных и выявленных локально (например, в виде клада монет) находок (Там же. С. 131–132; Белявская, 2022. С. 113).

Малочисленность хроноиндикаторов и скудность культурных слоев XI–XIV вв. позволила одним исследователям выдвинуть версию о разрушении поздних горизонтов памятника вследствие «активной хозяйственной

деятельности в XVIII–XIX вв.» (К проблеме городов..., 2018. С. 162), а другим – предположить, что в данный период основная часть городища, занятая населением чияликской культуры, была заброшена, а «обжитая часть представляла собой небольшое поселение, возможно, сезонное» (Русланова и др., 2019. С. 166).

Изучение проблемы соотнесения городища Уфа-II с «городом Башкорт», в целом, выходит за рамки настоящей работы. Можно лишь предположить, вслед за исследователями (Казаков, 2018. С. 202; Боталов, 2020. С. 18–19, 44–51), что рассматриваемый памятник в V–VII вв. являлся своеобразным центром поликультурного (бахмутинского, турбаслинского, романовско-именьковского) населения Уфимского полуострова, выполняя при этом не только административные, но и торговые функции. Согласно концепции И.О. Гавритухина, для городища Уфа-II более подходит термин «центр власти», а не «город». Подобные «центры власти» реконструируются и для других регионов Восточной и Центральной Европы, но для Приуралья это явление – уникально. Городище Уфа-II, как отмечает исследователь, прекратило существование незадолго до VIII в., и нет никаких оснований отождествлять его с «городом Башкорт»¹².

Здесь же отмечу, что материалы раскопок, проведенных в 2017 г. на городище, не подтверждают мнение В.А. Иванова, основанное на анализе стратиграфии залегания керамики, что «совместное проживание бахмутинцев и турбаслинцев на этом поселении весьма сомнительно» (Иванов, 2020. С. 62). Взаимовстречаемость керамики как бахмутинского, так турбаслинского и романовско-именьковского типов, зафиксирована и в непо потревоженных поздними вкопами нижних пластах городища, и в заполнении хозяйственной ямы, выявленной на исследованном участке (Белявская, Проценко, 2018. С. 213; С. 217, табл. 2; Белявская и др., 2022. С. 85–90; С. 91, табл. 7–8).

---

¹² Устный доклад И.О. Гавритухина, представленный на Международной научно-практической конференции «Кочевые цивилизации средневековой Евразии» (II-е Мажитовские чтения, 2-5 декабря 2022 г., г. Уфа).

Керамика кушнаренковского типа, обнаруженная на городище Уфа-II в 2017 г., четко фиксируется лишь в верхних слоях раскопа (Там же. С. 102–104). Примечательно, что с момента появления «кушнаренковцев» на городище зафиксировано резкое сокращение доли керамики бахмутинской культуры и постепенное снижение доли керамики турбаслинского и романовско-именьковского типов (Там же. С. 91, табл. 7–8), что, судя по всему, и отражает смену культурно-исторической доминанты в регионе.

На городище Уфа-II в различные годы выявлен и небольшой процент керамики бакальского и караякуповского типов, обломки сосудов с «сетчатым» орнаментом, а также практически целые импортные гончарные сосуды-пифосы, поступавшие в Приуралье не ранее VII в., предположительно, из Терско-Сулакского междуречья (Овсянников, 1992. С. 70; Русланов и др., 2016. С. 45–54; К проблеме городов..., 2018. С. 81–82; Белявская, Проценко, 2018; Белявская и др., 2022. С. 89–90).

О процессах тесного взаимодействия между этнокультурными группами, проживавшими на Уфимском полуострове во 2-ой пол. I тыс., свидетельствуют и обнаруженные в ходе раскопок в 1957 г. на площадке городища Уфа-II более десятка погребений. Большинство комплексов по сопровождающему их керамическому материалу отнесены И.И. Бахшиевым и Р.Р. Насретдиновым к бахмутинской и турбаслинской культурам. По мнению исследователей, присутствие в захоронениях черепов со следами искусственной деформации может свидетельствовать о превалирующей роли турбаслинской погребальной обрядности, а совместное нахождение в погребениях бахмутинской и турбаслинской керамики является отражением активных интеграционных процессов, происходивших в турбаслинско-бахмутинской среде. Но, судя по находкам в могилах и обломков плоскодонных сосудов (Бахшиев, Насретдинов, 2009. С. 34–35), нельзя исключать и некоторое влияние романовско-именьковского компонента.

Со 2-ой пол. VII в. турбаслинская культура как «культура в чистом виде» начинает угасать. Одним из свидетельств данного процесса является практически полное отсутствие в некрополях «турбаслинцев» погребений с ремennыми гарнитурами *шестого этапа*. Исключение составляет лишь п. 8 кург. 27 Ново-Турбаслинского могильника. Материалы Шареевского могильника, в котором, помимо турбаслинских сосудов, зафиксирована и керамика кушнаренковского типа (Матвеева, 1968б. С. 20; Генинг, 1987. С. 86; Султанова, 2000. С. 128), являются немногочисленными и невыразительными (Сунгатов, 1998. С. 111). О возможности ограничить существование турбаслинской культуры сер. VII в. писал В.А. Иванов (Иванов, 1984. С. 32). О том, что большинство турбаслинских могильников к VIII в. прекращает свое существование, указывал в своих ранних работах и Ф.А. Сунгатов (Сунгатов, 1998. С. 111).

В кушнаренковской культуре в рассматриваемый период, напротив, зафиксированы новая волна переселенцев, археологически отразившаяся в появлении погребения у г. Ишимбай, Манякского и Лагеревского могильников. К данному этапу относится также погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), но его культурная принадлежность на настоящий момент не определена.

Если согласится с точкой зрения Е.П. Казакова, что носители именьковской культуры Нижнего Прикамья подвергались военным набегам «кушнаренковцев» (например, гибель Щербетьского городища, Щербетьско-Островного I селища и поселения Девичий городок (Казаков, 2018. С. 202–203)), то подобные действия могли исходить во 2-ой пол. / конце VII в. от групп населения, оставивших Манякский, Лагеревский могильники и погребение у г. Ишимбай. Данное предположение, в целом, не противоречит концепциям Е.П. Казакова и С.Г. Боталова, за исключением датировок некоторых кушнаренковских некрополей (Ново-Биккинский, Булгарский I и

т.д.) (Боталов, 2020. С. 48–49, 51), существовавших несколько раньше, нежели Манянский и Лагеревский могильники.

В бирских комплексах с ременными гарнитурами *шестого этапа* зафиксированы сосуды (в некоторых случаях – и по 2 экз.), связанные с различными культурными группами. Так, керамика обнаружена в п. 357 (рис. 76, 3), п. 358 (рис. 76, 4), п. 361 (рис. 76, 6), п. 363 (рис. 76, 5), п. 371 (рис. 76, 1), п. 401 (рис. 52-Б, 11), п. 410 (рис. 58-Б, 22), п. 417 (рис. 59-Б, 5), п. 419 (рис. 54, 14), п. 423 (рис. 53-А, 15), п. 438 (рис. 76, 7, 8) и др. (Мажитов, отчет, 1983; Мажитов, отчет, 1984; Мажитов, отчет, 1985; Султанова, 2000. Рис. 28, 1, 5; Рис. 29, 13, 15; Рис. 30, 12, 16). Примечательными являются в некоторых погребениях «случаи совместного нахождения керамики различных групп» (например, бахмутинских с турбаслинскими (п. 417); бахмутинских и кушнаренковских (п. 438), турбаслинского и кушнаренковского (п. 301) типов – по классификации А.Н. Султановой (Там же. С. 51–58). Стоит отметить и тот факт, что в поздней части Бирского могильника (пп. 425, 435 и др.) зафиксировано небольшое количество сосудов, выделенных А.Н. Султановой в караякуповский тип (Там же. Рис. 33, 1–6; Мажитов, отчет, 1985). Как уже было указано выше, в одном из поздних погребений выявлен плоскодонный сосуд романовского типа (Султанова, 2000. С. 55).

Судя по всему, во 2-ой пол. VII в. в Южном Приуралье продолжается процесс активного взаимодействия этнокультурных групп, отраженный в изменении инвентаря, погребального обряда и керамики поздних погребений Бирского могильника (Там же. С. 126–128). Вполне возможно, что речь идет уже не о мирной инкорпорации в новую среду, характерной для ранних этапов переселения «кушнаренковцев» (Боталов, 2020. С. 48–49), а о военном подчинении (возможно, в некоторых случаях и уничтожении) бахмутинских, турбаслинских, и, вероятно, романовско-именьковских групп населения.

К концу VII в. в большинстве некрополей Южного Приуралья прекращают совершаться погребения с основными «классическими» признаками турбаслинской, романовско-именьковской и бахмутинской культур. Однако черты турбаслинской и бахмутинской культур продолжают фиксироваться еще в захоронениях Бирского могильника, наиболее поздние из которых, предположительно, могли быть совершены в сер. VIII в.

Кушнарниковская культура постепенно сменяется близкородственной ей караякуповской культурой. Караякуповские сосуды выявлены не только в упомянутых комплексах Бирского могильника, но и в некоторых захоронениях Манякского могильника (Иванов, 2009б. С. 191, табл. 5), являющихся, судя по сопровождающему их погребальному инвентарю, наиболее ранними в караякуповской культуре. Манякский могильник В.А. Ивановым отнесен к смешанным кушнарниковско-караякуповским памятникам, в которых кушнарниковская керамика является преобладающим типом (Иванов, 1999. С. 56, рис. 6). Караякуповские сосуды выявлены и в Лагеревском могильнике (Мажитов, 1981б. С. 68–84; Иванов, 1999. С. 45), но в захоронениях, относящихся к более позднему хронологическому периоду, нежели интересующий нас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение данных по ременным гарнитурам из комплексов Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв. показало, что источниковая база по теме является представительной для ее всестороннего исследования. Изучение ременных гарнитур велось при помощи методов типологии, сравнения и подбора аналогий, сериации.

Типология деталей ременных гарнитур в настоящей работе, основанная на изучении конструктивно-морфологических и функциональных особенностей изделий, включает в себя сведения о 3276 предметах: 539 экз. пряжек, 324 экз. ременных наконечников, 2381 экз. ременных накладок, 21 экз. ременных блях, 9 экз. ременных крепежей, 2 экз. ременных петельных крючков.

При выделении отделов у пряжек учтено наличие неподвижного / подвижного язычка на рамке пряжки; при выделении подотделов учитывалось количество составных элементов (бесщитковые, с металлическими обоймами / щитками) и способ крепления к ремню; при выделении групп учитывалась техника изготовления рамки (неполые / полые рамки). При выделении типов, вариантов и подвариантов пряжек особое внимание уделялось следующим признакам: внешний контур рамки; наличие или отсутствие утолщения в ее передней части; сечение рамки; степень охвата им рамки в ее передней части; наличие или отсутствие уступа либо выступа «площадки» у основания язычка; степень выраженности уступа; наличие или отсутствие прогиба язычка; форма контура щитка / обоймы; способ крепления к ремню; общие признаки (орнаментальные особенности, техника нанесения орнамента, материал изготовления).

Наконечники ремней разделены на отделы – по способу крепления к ремню, на подотделы – по способу соединения составных частей наконечников между собой, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

Ременные накладки поделены на отделы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на типы, подтипы, варианты и подварианты – по морфологическим и декоративным особенностям.

Ременные бляхи распределены на отделы – по материалу изготовления, на подотделы – по способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий; на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

Ременные крепежи разделены на отделы – по технике изготовления и способу крепления к ремню, на типы – по общей форме (внешнему контуру) изделий, на варианты – по морфологическим и декоративным особенностям изделий.

В основе деления ременных петельных крючков на отделы лежит информация о технике изготовления, тип выделен по конструктивно-морфологическим особенностям изделий.

Выделено 49 типов пряжек, 28 типов ременных наконечников, 72 типа ременных накладок, 6 типов ременных блях, 2 типа ременных крепежей, 1 тип ременных петельных крючков – со своими подтипами, вариантами и подвариантами.

Для создания сериации погребальных комплексов проведен предварительный отбор материала, который привел к сокращению числа привлекаемых погребений с предметами ременных гарнитур за счёт удаления из выборки комплексов, содержащих менее 2-х категорий вещей-хроноиндикаторов. Для корректного анализа не подходили погребения, содержавшие только вещи, имеющие широкие хронологические рамки бытования (например, орудия труда, предметы вооружения, некоторые типы украшений). Кроме того, в сериацию не были включены датирующие находки, встречающиеся лишь единожды. Подобные вещи были учтены при уточнении хронологических рамок выделенных кластеров.

В результате анализа взаимовстречаемости в комплексах находок по 51 признаку (ХИ) стало возможным выделить 9 групп, которые делятся на подгруппы.

Объединение сериационных групп на одном «поле» с не вошедшими в сериацию типами ременных гарнитур позволило создать периодизацию ременных украшений Южного Приуралья эпохи перехода от раннего железного века к раннему Средневековью. Выделено шесть этапов: *первый этап* датирован III – 3-ей четв. IV в.; *второй этап* – 2-ой четв. – 2-ой пол. IV в.; *третий этап* – V–VI вв.; *четвертый этап*, судя по всему, являющийся переходным, ограничен 2-ой пол. / 3-ей третью VI – нач. VII в.; *пятый этап* приходится на конец VI – 3-ю четв. VII в.; *шестой этап* датирован сер. / 2-ой пол. VII – рубежом VII и VIII вв. (отдельные захоронения Бирского могильника, возможно, могли быть совершены и в сер. VIII в.).

В большинстве некрополей зафиксированы ременные гарнитуры, характерные только для одного хронологического этапа. К таковым относятся Ахмеровский II, Салиховский, Шиповский (раскоп XIII), Ангасякский могильники (*первый этап*), Кара-Тамакский, Югомашевский, Мало-Качакский могильники, погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа) (*второй этап*), Камбулатовский I, Галановский II, Кувыковский могильники, погребение на ул. Тукаева (г. Уфа), погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа) (*третий этап*), Красногорский II, Береговский II, Шареевский могильники, Булгарский I и Ново-Биккинский курганы, женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа), Новиковское погребение (г. Уфа) (*пятый этап*), погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа), погребение у г. Ишимбай, Манякский и Лагеревский могильники (*шестой этап*).

Ременные гарнитуры, характерные для нескольких хронологических этапов, обнаружены в Старо-Муштинском, Старо-Кабановском (*первый, второй этапы*) и Дежневском могильниках (*второй, третий этапы*), могильнике Чайка-1 и Сынтыш-Тамакском могильнике (*третий, пятый*

этапы), Ново-Турбаслинском (*третий, пятый, шестой этапы*), Кушнаренковском (*четвертый, пятый этапы*) и Бахмутинском (*первый, второй, третий, пятый, шестой этапы*) могильниках. Ременные гарнитуры всех выделенных шести этапов представлены на данный момент лишь в Бирском могильнике.

Анализ деталей ременных гарнитур совместно с другими хроноиндикаторами (фибулами, серьгами, подвесками, бусами и т.д.) позволяет уточнить хронологические рамки некоторых могильников и отдельных погребальных комплексов, датировка которых является наиболее дискуссионной. К таким памятникам относятся Ахмеровский II (III в.), Салиховский (2-я пол. III – сер. IV в.), Ангасякский (III – сер. IV в.), Кара-Тамакский (IV в.), Югомашевский (IV в., возможно, сер. – 4-я четв. IV в.), Мало-Качакский (IV в., возможно, 2-я четв. – 2-я пол. IV в.), Дежневский (2-я пол. IV – конец VI в.), Ново-Турбаслинский (V–VII вв.), Кушнаренковский (2-я пол. / конец VI – 3-я четв. VII в.), Сынтыш-Тамакский (конец VI – 3-я четв. VII в.), Шареевский (VII в., скорее всего, 1-я пол. – сер. VII в.), женское погребение во дворе Башмединститута, г. Уфа (конец VI – сер. VII в.), могильник Чайка-1 (V – 3-я четв. VII в.), Манякский (сер. / 2-я пол. VII – рубеж VII и VIII вв.), Бахмутинский (III – рубеж VI и VIII вв.) и Бирский могильники (III – рубеж VII и VIII вв. (некоторые погребения могли быть совершены, предположительно, в сер. VIII в.)). Дата рассматривается только для раскопанных частей могильников, а полученные результаты являются предварительными.

Результаты изучения ременных гарнитур позволили уточнить некоторые дискуссионные вопросы, связанные с историко-культурными процессами, происходившими в Южном Приуралье в III – на рубеже VII и VIII вв.

Так, в дискуссии о нижней хронологической границе турбаслинской культуры рассмотренный материал из Дежневского могильника и погребения на ул. Менделеева (д. 10) в г. Уфа позволяет предположить, что

немногочисленные группы носителей турбаслинской культуры начали проникать в Южное Приуралье уже со 2-ой пол. IV в. Наиболее организованная и многочисленная группа «турбаслинцев» продвинулась на данную территорию во 2-ой пол. V в., что и нашло отражение в массовом появлении погребальных комплексов с ременной гарнитурой *третьего этапа* по представленной в данном исследовании периодизации (V–VI вв.; сериационные *группы IV и V*).

Ременные гарнитуры и обнаруженные вместе с ними сосуды кушнаренковского типа из сериационных *групп IV и VI (третий и четвертый (переходный) этапы* по разработанной периодизации ременных гарнитур) позволяют предположить о появлении в Южном Приуралье наиболее ранних носителей кушнаренковской культуры уже во 2-ой пол. VI в.

Судя по материалам погребений с ременными гарнитурами *пятого и шестого* этапов, наиболее богатые турбаслинские комплексы следует датировать не позднее 1-ой пол. / 3-ей четв. VII в, с сер. VII в. турбаслинская культура как культура «в чистом виде» начинает угасать.

Во 2-ой пол. VII в. (*шестой этап* по разработанной периодизации ременных гарнитур) продолжается процесс активного взаимодействия этнокультурных групп, отраженный в изменении вещевого инвентаря, погребального обряда и керамики поздних погребений Бирского могильника. На данном этапе фиксируется новая волна переселения носителей кушнаренковской культуры. Вполне возможно, что речь идет уже не о мирной инкорпорации в новую среду, характерной для ранних этапов переселения «кушнаренковцев», а о военном подчинении (возможно, в некоторых случаях и уничтожении) бахмутинских, турбаслинских, и, вероятно, романовско-именьковских этнокультурных групп. К концу VII в., судя по материалам некрополей, «турбаслинцы», «именьковцы» и «бахмутинцы» как самостоятельные этнокультурные общности окончательно прекращают свое существование. Однако черты турбаслинской и бахмутинской культур

продолжают фиксироваться еще в погребениях Бирского могильника, наиболее поздние из которых, предположительно, могли существовать вплоть до сер. VIII в. Кушнарниковская культура постепенно сменяется близкородственной ей караякуповской культурой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические коллекции

Коллекция Ангасякского могильника. Раскопки С.М. Васюткина, 1964 г., 1966 г., 1969 г.; ОФ 361 (261) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Ангасякского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1964 г.; ОФ 124 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Ахмеровского могильника. Раскопки С.М. Васюткина, 1972-1973 гг.; ВХ 3919-3934 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Салиховского могильника. Раскопки С.М. Васюткина, 1967 г.; ОФ 260 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Мало-Качакского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1967 г.; ОФ 190 (306) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Старо-Кабановского могильника. Раскопки С.М. Васюткина, 1967-1970 гг.; ОФ 363 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Югомашевского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1967 г.; ОФ 323 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Югомашевского могильника. Раскопки С.М. Васюткина, В.К. Калинина, 1975 г.; ОФ 183 (224) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Бахмутинского могильника. Раскопки В.В. Гольмстен, 1915 г.; ОФ Б-510 / ГИМ.

Коллекция Бахмутинского могильника. Раскопки М.С. Смирнова, М.И. Касьянова, 1921 г.; ОФ 258, ОФ 260, ОФ 261 / НМ РБ.

Коллекция Бахмутинского могильника. Раскопки М.С. Смирнова, 1921 г.; ОФ 69, ОФ 70 / СИКМ.

Коллекция Бахмутинского могильника. Раскопки А.В. Шмидта, 1928 г.; ОФ 255 / НМ РБ.

Коллекция Бахмутинского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1960 г.; ОФ 46 (59) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Камбулатовских I курганов. Раскопки В.А. Иванова, 1983 г.;
ОФ 688 (771) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Кушнаренокского I могильника. Раскопки В.Ф. Генинга,
1959 г.; ОФ 907 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Дежневских (Уфимских) курганов. Раскопки
К.В. Сальникова, 1961 г.; С.М. Васюткина, 1966 г.; А.Х. Пшеничнюка, 1968 г.;
М.Х. Садыковой, 1968 г.; Н.Г. Рутто, 1974 г.; Н.А. Мажитова, 1989 г., 1990 г.;
ОФ 48, ОФ 358, ОФ 298, ОФ 307, ОФ 508, ОФ 912 (61, 259, 438, 448, 254, 840,
841) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Ново-Турбаслинских курганов. Раскопки Н.А. Мажитова,
1957 г., 1958 г.; ОФ 14, ОФ 23 (10, 30) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Ново-Турбаслинских курганов. Раскопки Н.А. Мажитова,
1957 г., 1958 г.; ОФ 17046 / НМ РБ.

Коллекция Шареевского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1963 г.;
Г.И. Матвеевой, 1964 г., 1966 г.; ОФ 359 (125, 130) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Ново-Биккинского кургана. Раскопки Н.А. Мажитова, 1970
г.; ОФ 453 (676) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Манякского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1967 г.,
1968 г.; ОФ 181 (222) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Лагереvского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1964 г.,
1972 г.; ОФ 129, 460 (156, 231) / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Сынтыш-Тамакских курганов. Раскопки С.М. Васюткина,
1966 г.; ОФ 360 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Бирского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1958-1960
гг., 1962 г., 1978 г.; ОФ 21, ОФ 41, ОФ 47, ОФ 77, ОФ 617 (24, 51, 60, 98, 677) /
МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция Бирского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1981
г., 1983-1985 гг., 1990 г., 1991 г.; ОФ А9, ОФ А10, ОФ 321, ОФ 322, ОФ 323,
ОФ 328 / Археологический музей им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ.

Коллекция Бирского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1958-1960 гг., 1962 г.; ОФ 6179, ОФ 6171, ОФ 6444, ОФ 7376, ОФ 7413 / НМ РБ.

Коллекция Кара-Тамакского могильника. Раскопки Н.А. Мажитова, 1959 г.; ОФ 6172, ОФ 6173, ОФ 7461, ОФ 7480, ОФ 7481 / НМ РБ.

Коллекция из Новиковского погребения (г. Уфа), случайные находки; ОФ 383 / НМ РБ.

Коллекция Никольских находок, случайные находки; ОФ Б-515 / ГИМ.

Коллекция вещей из погребения, обнаруженного на ул. Тукаева (г. Уфа). Раскопки Р.Б. Ахмерова, 1970 г.; ОФ 6579 / НМ РБ.

Коллекция вещей из погребения, обнаруженного на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа). Раскопки П.Ф. Ищерикова, 1946 г.; ОФ 4561 / НМ РБ.

Коллекция вещей из женского погребения, обнаруженного во дворе Башмединститута (г. Уфа). Раскопки М.И. Касьянова, 1936 г.; ОФ 307, ОФ 359 / НМ РБ.

Коллекция вещей из погребения № 1, обнаруженного у Театра оперы и балета (г. Уфа). Раскопки Б.А. Коишевского, 1939 г.; ОФ 357 / НМ РБ.

Коллекция находок, обнаруженных на городище Уфа-II. Раскопки Ф.А. Сунгатова, 2006 г.; М.Р. Шамсутдинова, 2014 г., 2016 г.; Е.В. Русланова, 2015 г.; ОФ 30, ОФ 198, ОФ 306 / ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Коллекция находок, обнаруженных на Янгантауском селище. Раскопки Н.А. Мажитова, 1963 г.; ОФ 125 / МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН.

Коллекция находок из курганного могильника Чайка-1. Раскопки С.Л. Воробьевой, 2014 г.; Ф.А. Сунгатова, 2015 г.; ОФ 327, ОФ У40 / НМ РБ.

Акты и научные отчеты

Акимова М.С., Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях археологических памятников у с. Кушнаренково Башкирской АССР в 1959 г. / НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4.

Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1966 г. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 3242, № 3242а.

Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1967 г. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 3513, № 3513а.

Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в 1968 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 3753.

Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1970 г. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 4164, № 4164а.

Васюткин С.М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1971 г. Альбом иллюстраций к отчету. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 4457, № 4457а.

Васюткин С.М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1972 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 4713, № 4713а.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет об исследованиях первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1974 г. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5415, № 5415а.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1975 году / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 6. Д. 15а.

Воробьева С.Л. Информационный научно-технический отчет об итогах спасательных археологических раскопок на территории курганов №1 №8 выявленного объекта археологического наследия «Чайка-1, курганный могильник», расположенных в зоне строительства объекта ЦНТВ (г. Уфа,

ул. Р. Зорге, западнее радиостанции «Алтай»). Уфа, 2014. 40 с. / Рабочие материалы НМ РБ.

Гарустович Г.Н. Отчет об археологических работах 1988 года в пределах Краснокамского и Дуванского районов Башкирской АССР (в 2 частях). Ч. I. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 13130, № 13132.

Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах в Краснокамском районе Башкирии и в Шатровском районе Курганской области летом 1991 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 16593.

Горбунов В.С., Васюткин С.М. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского Государственного университета в 1973 году. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5185, № 5185а.

Иванов В.А., Горбунов В.С., Васильев В.Н. Отчет о раскопках и разведке в Оренбургской обл. и Башкирской АССР в 1983 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 9697.

Исмагилов Р.Б. Научный отчет об итогах раскопок городища Уфа-II в Кировском районе административного округа г. Уфа в 2008 году / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 42931.

Мажитов Н.А. Отчет младшего научного сотрудника Мажитова Н.А. об археологических работах в зоне строительства Черниковского нефтеперерабатывающего завода г. Уфы в 1957 году. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 1639, № 1639а.

Мажитов Н.А. Отчет мл. научного сотрудника Института истории, языка и литературы БФ АН СССР Мажитов Н.А. об археологических исследованиях 1958 года в Башкирии. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 1762, № 1762а.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологической экспедиции в Бирский, Бураевский, Балтачевский и Калтасинский районы БАССР за 1959 г. Альбомы иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2005, № 2005а, № 2005б.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в Бирском, Покровском и Нуримановском районах Башкирской АССР за 1960 г. Альбомы иллюстраций / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2105, № 2105а, № 2105б.

Мажитов Н.А. Научный отчет археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР за 1961 г. / НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. № 533.

Мажитов Н.А. Отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. по теме «Эпоха бронзы и железа в Башкирии». Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2531, № 2531а.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в северо-восточных районах БАССР за 1963 г. / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 2. Д. 3.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 2889.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1967 г. / НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 2. Оп. 3. № 717.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1970 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 4106.

Мажитов Н.А., Агеев Б.Б. Отчет о результатах археологических исследований в Башкирской АССР в 1978 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 8371.

Мажитов Н.А. Отчет о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. Альбом иллюстраций к отчету / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 8674, № 8674а.

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях в северной Башкирии в 1983 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 9750.

Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1984 г. в северной Башкирии / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 2. Д. 2.

Мажитов Н.А. Отчет об итогах раскопок на Бирском могильнике в 1985 году / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 2. Д. 21.

Мажитов Н.А. Отчет о раскопках Дежневских курганов в г. Уфе в 1989 году / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 2. Д. 39.

Мажитов Н.А. Отчет об итогах раскопок 1989 года на городище Тра-Тау в Башкирской АССР / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 2. Д. 34.

Мажитов Н.А. Отчет о раскопках на Бирском могильнике Башкирской ССР в 1990 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 14862.

Мажитов Н.А. Отчет об итогах археологических раскопок на Бирском могильнике в 1991 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 16133.

Мажитов Н.А. Отчет о раскопках Ново-Турбаслинских курганов в Благовещенском районе Республики Башкортостан в 1992 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 17558.

Матвеева Г.И. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского государственного университета в 1965 г. / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 3. Д. 4.

Матвеева Г.И. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского государственного университета в 1966 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 3301.

Матвеева Г.И. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР за 1967 год / Учебно-научный архив археологического музея им. Н.А. Мажитова ИИГУ УУНиТ. Ф. 3. Д. 5.

Матвеева Г.И. Отчет о раскопках селища Романовка-II в 1989 г. (Башкирская АССР) / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 14383.

Мухаметдинов В.И. Научный отчет об итогах охранных раскопок городища Уфа-II в Кировском районе административного округа город Уфа Республики Башкортостан в 2011 году в 3 томах. Т. I. 223 с. / Рабочие материалы ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Овсянников В.В. Отчет об охранных раскопках Шиповского могильника в 1995 году. Альбом иллюстраций к отчету. Уфа, 1996 / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 20123, № 20124.

Проценко А.С. Научный отчет о проведении археологической разведки на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городища Уфа-II» в границах кварталов №533, № 570 городского округа Уфа Республики Башкортостан в 2018 году. 112 с. / Рабочие материалы ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Русланова Р.Р. Научный отчет об итогах проведения Археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Уфа на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2012 году / Рабочие материалы ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Рутто Н.Г. Отчет о результатах археологических работ на территории г. Уфы в 1974 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 5520.

Садыкова М.Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции в 1968 г. / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 4269.

Смирнов М.С. Отчеты о произведенных раскопках в 1920-1921 гг. близ г. Стерлитамака/ НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. № 81.

Сунгатов Ф.А. Отчет об охранных раскопках в 2002 г. Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника в Краснокамском районе Республики Башкортостан / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 27904.

Сунгатов Ф.А. Отчет об итогах охранных археологических раскопок ОАН «Чайка-1, курганный могильник» в Октябрьском районе городского округа город Уфа Республики Башкортостан, проведенного в 2015 году / Рабочие материалы ООО «Архпроектизыскание».

Сунгатов Ф.А. Научный отчет об итогах охранных археологических раскопок кургана № 5 ОАН «Чайка-1, курганный могильник» в Октябрьском районе городского округа город Уфа Республики Башкортостан, проведенного в 2018 году / Рабочие материалы ООО «Архпроектизыскание».

Шамсутдинов М.Р. Научный отчет об итогах проведения охранных полевых археологических работ (археологические раскопки) в г. Уфа на территории объекта культурного наследия «Городище Уфа-II» в 2016 г. Т. 1. 152 с. / Рабочие материалы ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Щербаков Н.Б., Шутелева И.А. Научный отчет о проведении археологической разведки в городе Уфе и Уфимском районе Республики Башкортостан в 2011 году по Открытому листу № 996. 87 с. / Рабочие материалы ГБУ НПЦ.

Шутелева И.А. Научный отчет об археологических исследованиях памятника федерального значения Городище Уфа II на территории Республики Башкортостан городского округа город Уфа кварталов № 570 и 533 Кировского района, в 2015 г. по открытому листу № 1150 / Рабочие материалы ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа».

Шокуров А.П. Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе Башкирской АССР / НА ИА РАН. Ф.-1. Р.-1. № 1096.

Рукописи

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2012. 291 с.

Вязов Л.А. Социально-экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тыс. н.э.: по материалам именьковской культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Казань, 2011. 21 с.

Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Полужья. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / АН УССР. Ин-т археологии. Киев, 1988. 461 с.

Ищеригов П.Ф. Гуннские могилы в Уфе (Вновь открытые страницы из предыстории Башкирии) / НА ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 1929. Ф. 39. Оп. 1. № 3. 6 с.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. д. н.э. – V в. н.э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2006. 29 с.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III в. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 2013. 207 с.

Овсянников В.В. Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V–XIV вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Уфа, 1997. 19 с.

Перевозчикова С.А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2009а. 218 с.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Уфа, 2000. 202 с.

Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (вопросы хронологии): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 2011. 223 с.

Трибунский С.А. Позднесарматская культура. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2003. 21 с.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Казань, 2012. 190 с.

Литература

Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1981. С. 108–119.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: Изд-во БНЦ УрО РАН, 1992. 138 с.

Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып. 3. С. 89–93.

Айбабин А.И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Сборник Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 1. С. 4–96, 175–241.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 гг. // Боспорские исследования. Supplementum. Симферополь-Керчь. 2014. 400 с.

Акимова М.С. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 121–129.

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Г1-12). М.: Наука, 1978. 120 с.

Алишев С.Х. Традиционная последовательность в развитии государственности у тюрков // Древнетюрский мир: история и традиции. Матлы одноименной научной конференции. Казань, 24-25 января 2002 г. / Редкол.: А.А. Арсланова, Л.Ф. Байбулатова; отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 5–9.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. (САИ. Вып. Д1-30). М.: Наука, 1966. 111 с., 28 табл.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. 1971а. № 2. С. 96–123.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. 1971б. № 3. С. 106–134.

Амброз А.К. Рец. на: I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Akadémia Kiadó. Budapest, 1969, 93 стр., 26 рис. В тексте, 101 табл., 1 карта, 2 плана // СА. 1973. № 2. С. 288–298.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.

Амброз А.К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971-1984 гг.) // СА. 1985. № 3. С. 293–303.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука, 1989. 132 с.

Антонов И.В. Об этнической принадлежности позднесредневековых погребений Сынтыштамакского могильника // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 2. С. 81–93.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 264 с.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 208–264.

Атаев Д.М. Височные подвески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3. С. 231–235.

Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 41–51.

Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений / И.Р. Ахмедов, 2007 // *Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Археология славян и их соседей (Раннеславянский мир. Вып. 9)* / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ахмедов И.Р. Поясной набор с птицевидной накладкой из погребения 14.1949 г. Пашковского могильника № 1 / И.Р. Ахмедов, 2016 // Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1: в 2 т. Т. 2.: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2016. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 233–242.

Ахмедов И.Р. Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4. Ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. С. 23–71.

Ахмедов И.Р. «Восточные» и «прикамские» ременные гарнитуры в Среднем Поочье в VII – начале VIII в. // Археология Волго-Окского региона: сб. тезисов к юбилею И.В. Белоцерковской / Ред.-сост. Н.А. Биркина. М.: ГИМ, 2020. С. 34–42.

Ахмедов И.Р., Воронцов А.М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3 / Под. ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 9–54.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 17–39.

Ахмеров Р.Б. Древние погребения в Уфе // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 113–117.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 125–137.

Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 161–193.

Ахмеров Р.Б. Археологические находки в Башкирии // СА. 1974. № 2. С. 240–248.

Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия нашей эры // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1988. С. 76–89.

Бажан И.А., Еременко В.Е. Некоторые аспекты изучения хронологии железного века по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Под ред. М.Б. Щукина, О.А. Гей. СПб.: Научно-археологическое объединение "Ойум" ВМЦ, 1992. С. 14–21.

Бажан И.А., Гей О.А. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа / Ин-т археологии РАН. М.: б.и., 1997. 143 с. + Прил. (1 л. табл.)

Барынина Т.В., Иванов В.А. Военно-политическая история евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Мат-лы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: ПО «Самвен», 1998. С. 232–241.

Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Погребения на территории городища Уфа-II: к вопросу о «длинной» хронологии памятника // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках разработки 7-томного издания «История башкирского народа» (Уфа-Сибай, 27-29 мая 2009 г.) / Отв. ред. М.М. Кульшарипов, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.М. Юсупов; редкол.: Р.Н. Сулейманова и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 33–37.

Бахшиев И.И., Куфтерин В.В., Бахшиев Р.И., Гиззатов Д.З. Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2017. № 1 (15). С. 52–69.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.

Безуглов С.И., Парусимов И.Н. Раннесредневековое погребение из хут. Пухляковский на Нижнем Дону // Хазарские древности: сб. науч. статей / Ред. В.В. Ключников, А.А. Кулаков. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 256–262.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Мат-лы 5 чтений памяти Анны Мачинской / Науч. ред. Д.А. Мачинский, А.А. Селин. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2001. С. 88–94.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века / БГПУ им. М. Акмуллы; ПГГПУ; Пермский филиал ИА УрО РАН. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 278 с., ил.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Приуралье // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 167–173.

Белоцерковская И.В. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина) / МГУ им. М.В. Ломоносова;

редкол.: В.Л. Янин (отв. ред.) и др. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 40–49.

Белоцерковская И.В. Инвентарь женских погребений / И.В. Белоцерковская // / Восточная Европа в середине I тыс. н.э. Археология славян и их соседей (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–212.

Белявский А.А., Крапачева О.С. Ременная гарнитура с полихромным декором «шиповского горизонта» на территории Башкортостана (к вопросу о морфологии и технологии изготовления) // Международная археологическая школа: сборник мат-лов конференции «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы» / Отв. ред. А.Г. Ситдилов; редкол.: Е.М. Макарова, Л.А. Вязов, Н.Л. Айтуганова. Казань-Болгар: ИА им. А.Х. Халикова; К(П)ФУ, 2017. С. 41–55.

Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура и хронология погребения Югомашевского могильника // Вестник Пермского университета. История. 2018а. Вып. 1 (40). С. 86–100.

Белявская О.С. Ременные наборы Югомашевского могильника мазунинской культуры (к вопросу о типологии и реконструкции) // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди: сб. науч. статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018б. С. 3–16.

Белявская (Крапачева) О.С. Ременная гарнитура Мало-Качакского могильника // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: мат-лы всероссийской научной конференции с международным участием / Редкол.: А.А. Выборнов (пред.) и др. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018в. С. 268–271.

Белявская О.С. К изучению элитного раннесредневекового погребения на территории Уфы // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных.

Мат-лы V Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019а. С. 133–135.

Белявская О.С. Ременная гарнитура с раннесредневековых поселенческих памятников Республики Башкортостан // ПИФК. 2019б. № 1. С. 186–201.

Белявская О.С. «Никольские находки» III–VII вв. в лесостепном Предуралье // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019в. № 4. С. 144–159.

Белявская О.С. Результаты раскопок городища Уфа-II // АО. 2017 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019г. С. 355–358.

Белявская О.С. К вопросу о выделении локальных вариантов в мазунинской культуре // X Башкирская археологическая студенческая конференция (X БАСК): мат-лы научной конференции, посвященной 100-летию отдела археологии Национального музея Республики Башкортостан и 10-летию с момента создания ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» (г. Уфа, 16 декабря 2021 г.) / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Е.В. Русланов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021а. С. 43–51.

Белявская О.С. О некоторых дискуссионных вопросах турбаслинской культуры // УАВ. 2021б. Т. 21. № 2. С. 346–357.

Белявская О.С. О некоторых аспектах хронологии городища Уфа-II в контексте изучения древностей эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья / О.С. Белявская, 2022 // Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. С. 112–120.

Белявская О.С., Проценко А.С. Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора

исторических наук Н.А. Мажитова. Г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов / Под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа: Мир печати. С. 204–224.

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Бернц В.А. Пояса Заборьинского могильника в Удмуртском Прикамье // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 55–59.

Бернц В.А. К вопросу о типологии поясов древнего населения Удмуртского Прикамья (по позднепьяноборским материалам III–V вв. н.э.) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. статей / АлтГУ, каф. археологии, этнографии и музеологии; отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 3–6.

Бернц В.А. Пояса с ромбическими накладками (по материалам могильников мазунинского времени на территории Удмуртского Прикамья) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 1 (28). С. 70–84.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // СМАЭ. Т. XIII. 1951. С. 216–229.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: Артефакт, 1992. 208 с.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996а. С. 99–114.

Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древности «гуннского круга» // РА. 1996б. № 3. С. 186–189.

Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тысячелетия н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 151–166.

Богачев А.В. О некоторых аспектах ведения научного поиска и научной дискуссии в раннесредневековой археологии // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. С. 252–258.

Богачев А.В. Хронология двукружковых поясных накладок и проблема миграции в Волго-Камье на рубеже IV–V вв. // Проблемы археологии Оренбуржья. Вып. VIII / М-во образования Рос. Федерации. Оренбург. гос. пед. ун-т; редкол.: Н.Л. Моргунова (отв. ред.) и др. Оренбург: Оренбургская губерния, 2007. С. 14–18.

Богачев А.В. Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 340 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. 672 с., ил., табл.

Боталов С.Г. Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 139–166.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья / С.Г. Боталов, 2016 // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) (Серия «Этногенез уральских народов»): колл. монография / Редкол.: С.Г. Боталов, А.Д. Таиров и др. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 468–541.

Боталов С.Г. Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии. Причины возникновения и механизм существования // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: мат-лы VIII Междунар. науч. конф / Редкол. В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Гос. истор. музей Южного Урала, 2020. С. 21–57.

Боталов С.Г., Бабенков К.Н. Памятники VIII–IX вв. горно-лесного Урала и лесостепного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Мат-лы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1998. С. 331–343.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.

Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Мадыда-Легутко Р. *Studia Baltica et Pontica* (Сармато-германский комплекс на городище Картал в низовьях Дуная) // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2017. № 4. С. 233–264.

Бугров Д.Г. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: мат-лы международной научной конференции: к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции / УдГУ; Институт истории и культуры народов Приуралья; редкол.: Р.Д. Голдина (глав. ред.) и др. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 227–233.

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 30 с.

Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. II. СПб.: «Товарищество художественной печати», 1904. 15 с.

Валиев Р.Р. Новый памятник «Коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018. С. 211–226.

Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / Науч. ред. и перевод с англ. яз. А.Г. Грушевого. СПб.: Алетейя, 1998. 510 с.

Васюткин С.М. Сынтыш-Тамакский курганный могильник // V УАС / АН СССР, Коми фил.; редкол.: Я.Н. Безносиков, Г.М. Буров и др. Сыктывкар: Изд-во «Коми», 1967. С. 121–123.

Васюткин С.М. Новые материалы по археологии раннего средневековья Башкирии // АО. 1967 г. 1968а. С. 129–130.

Васюткин С.М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. // СА. 1968б. № 1. С. 56–72.

Васюткин С.М. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Ученые записки Башкирского университета. 1970. Вып. 54. № 12. С. 163–177.

Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // СА. 1971а. № 3. С. 91–105.

Васюткин С.М. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III–XIII вв.) // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971б. С. 135–139.

Васюткин С.М. Раскопки Мало-Качакского могильника // АО 1970 г. / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971в. С. 154–155.

Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала / АН СССР, БФ ИИЯЛ; редкол.: Р.Г. Кузеев (отв. ред.) и др. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1977. С. 67–89.

Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи раннего средневековья в Верхнем

Прикамье / УдГУ им. 50-летия СССР; редкол.: В.Ф. Генинг (отв. ред.) и др. Ижевск: б/и, 1980. С. 79–91, 187–197.

Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.

Васюткин С.М. К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры в Среднем Поволжье // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 75–79.

Васюткин С.М. О происхождении и этнической принадлежности населения кушнаренковской культуры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: Изд-во УдГУ. 1992. С. 31–44.

Васюткин С.М., Калинин В.К., Обыденнов М.Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // АО 1975 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1976. С. 164–165.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / ИИЯЛ БФ АН СССР; редкол.: А.Х. Пшеничнюк (отв. ред.) и др. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1986. С. 95–122.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник-памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. и науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–130.

Волошинов А.А., Масякин В.В. Могильник Сувлу-Кая III – первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: «Наукова думка», 1993. 204 с.

Викторова В.Д. Материалы к Археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 155–173.

Воронцов А.М., Столяров Е.В. Городище Велегож на правом берегу Верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 9–56.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии Владикавказ: Гос. музей искусства народов Востока: Ин-т истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, 2014. 184 с.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа // МИАР. 2009. № 11. 468 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.

Гавритухин И.О. К изучению ремennых гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1996. С. 115–133.

Гавритухин И.О. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой / Прил. к ст. Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье: сб. науч. статей (Archaeologia Permica. Вып. 1) / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Изд-во Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 160–209.

Гавритухин И.О. К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В.Алабина, 2000. С. 25–32.

Гавритухин И.О. Об «основаниях» и основном в дискуссии // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2 /

Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В.Алабина, 2001а. С. 259–265.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В.Алабина, 2001б. С. 31–86.

Гавритухин И.О. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла / И.О. Гавритухин, 2001в // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН, 2001. С. 40–49, 146–148.

Гавритухин И.О. Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // МАИЭТ. Вып. 9 / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Изд-во КО ИВ НАН Украины, 2002. С. 217–228.

Гавритухин И.О. Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4. Ч. 1 / Под ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 80–102.

Гавритухин И.О. Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля / И.О. Гавритухин, 2022а // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография (Раннеславянский мир. Вып. 21) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Спб.: Нестор-История, 2022. С. 95–121, 443–454, 540.

Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов / И.О. Гавритухин, 2022б // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под

общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 272–316.

Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22. № 1. 2023а. С. 139–202.

Гавритухин И.О. Эволюция «геральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины // Плиска-Преслав. 2023б. Т. 14. (в печати)

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: Коллективная монография (Раннеславянский мир. Вып. 3) / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э.: вопросы хронологии. Мат-лы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. / СОИКМ им. П.В. Алабина; отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: ПО «СамВен», 1998. С. 28–86, вкл.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье (Archaeologia Permica. Вып. 1) / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: Изд-во Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.

Гавритухин И.О., Тотев Б. О двух накладках геральдического круга из Добричского музея // Stephanos Archaeologocos in honorem Professoris Stephcae Angelova. Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. V, 2010. PP. 423–430.

Гавритухин И.О., Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 170–189.

Гавритухин И.О., Мастыкова А.В., Свиридов А.Н., Суханов Е.В., Язиков С.В. Финал могильника Фронтное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 235–247.

Гавритухин И.О., Красноперов А.А. Тураевский курганный могильник / И.О. Гавритухин, А.А. Красноперов, 2022 // *Археология Волго-Уралья*. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 175–192.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии / И.О. Гавритухин, А.М. Обломский, А.И. Торгоев, 2023 // *Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья: коллективная монография (Раннеславянский мир. Вып. 21)* / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Спб.: Нестор-История, 2022. С. 170–226, 487–508, 542.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // *Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья* / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992. С. 17–31.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Уникальное произведение позднеантичной торевтики с изображением воинов // *Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала* / Отв. ред. В.С. Горбунов. Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1994. С. 137–145.

Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа. М.: ИА РАН, 1997. 144 с.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмурт. изд-во, 1958. 192 с.

Генинг В.Ф. Могильник Качка / В.Ф. Генинг, 1959а // Отчёты Камской (Боткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: б/и, 1959. С. 196–209.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: Изд-во КФ АН СССР, 1959б. С. 157–219.

Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март 1960 г. / АН СССР; Сиб. отд-е; редкол.: В.И. Дулов (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961а. С. 329–336.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. 1961б. Вып. 1. С. 23–47.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 5–52.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. // ВАУ. Ижевск, 1963. Вып. 5. 158 с.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7: Памятники мазунинской культуры (Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 3). 1967. С. 7–84.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. С. 44–54.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. статей сов. и венг. археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Редкол.: А.Х. Халиков (отв. ред.), и др. Казань: Изд-во ИЯЛИ КФ АН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII в. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ ИИЯЛ АН СССР, 1977. С. 90–135.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.

Генинг В.Ф. Рец. на: Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с., ил.; Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XIII вв. М.: Наука, 1981. 164 с., ил. // СА. № 1. 1982. С. 284–293.

Генинг В.Ф. Так называемая «турбаслинская культура» в Башкирии // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1987. С. 81–102.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 76–90.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 60–125.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–113.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. 422 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с., ил.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Приуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск: Удмуртия, 2012а. 442 с.

Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012б. № 2 (10). С. 108–119.

Голдина Р.Д. К юбилею Фаяза Шариповича Хузина // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 9–20.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III–V вв.) // Stratum plus. 2017. № 4. С. 295–356.

Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 97–107.

Голдина Р.Д. Общая характеристика культурных процессов в Среднем и Нижнем Прикамье (2-ая пол. I – V вв.) / Р.Д. Голдина, 2022 // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 101–125.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской

археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016а. № 1 (15). С. 41–88.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016б. № 3 (17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. 2017а. №1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017б. № 2 (20). С. 47–72.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018. С. 17–55.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2018. 720 с.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) / Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010 // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск, 2010. С. 154–247.

Горбунов В.С. Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала / АН СССР, БФ ИИЯЛ; редкол. В.А. Иванов (отв. ред.) и др. Уфа, 1984. С. 55–60.

Горбунов В.С., Иванов В.А. Новые памятники ранних кочевников в Южном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры: сб. статей / Под ред. А.С. Скрипкина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 99–108.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии. Рязань: Рязгостиполит, 1927. 9 с.

Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; ИА РАН, 2014. С. 316–319.

Грудочко И.В. Курганы с усами. Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт: Martin Opitz, 2020. 205 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока, VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

Демкин В.А. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пушкино: Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, 2012. 216 с.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1 / Этнографический отдел Государственного русского музея. Л.: Изд-во Государственного русского музея, 1926. С. 59–84.

Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.

Жих М.И. Ответ Н.А. Лифанову // «Румянцевский музей»: [Электронный ресурс], 2014. URL: [http:// www.rummuseum.ru/portal/node/2120](http://www.rummuseum.ru/portal/node/2120) (дата обращения 1.10.2014)

Жих М.И. «Именьковская проблема»: продолжение дискуссии (ответ Н.А. Лифанову) // Конфликтогенный потенциал национальных историй (сборник научных статей) / Отв. ред. и сост. А.В. Овчинников. Казань: Юниверсум, 2015. С. 213–225.

Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968а. № 2. С. 52–62.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968б. Вып. 10. С. 35–53.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // СА. 1978. № 1. С. 53–71.

Засецкая И.П. Боспорские склепы Гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая И.П., Маршак Б.И., Щукин М.Б. Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 121.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С., Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. 212 с., ил.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. 326 с.

Зеленков А.С. О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего средневековья // Ав

origine: археол.-этногр. сб. Тюм. гос. ун-та. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2019. Вып. 11. С. 24–44.

Зеленков А.С. Кушнаренковская культура или псевдокушнаренковский тип керамики в Тоболо-Иртыше // *Nadak útján. A népvándorlások kutatóinak XXIX. konferenciája*. Budapest, 2019. november 15–16. 29th. MŐK Kiadványok 4.1; *Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia* 24.1. Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Kutatócsoport, Pázmány Péter Katolikus Egyetem BTK, Régészettudományi Intézet, Martin Opitz Kiadó, Budapest, pp. 55–71.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.): миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды по материалам археологических данных. Hamburg: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 209 с.

Иванов В.А. К хронологии и этнической интерпретации раннесредневековых могильников Южного Урала // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири* / Ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 61–64.

Иванов В.А. Путиами степных кочевий. Уфа: Башкнижиздат, 1984. 136 с.

Иванов В.А. Magna Hungaria – археологическая реальность? // *Проблемы древних угров на Южном Урале* / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 53–66.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.; Уфа: Грань, 1994. 113 с.

Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Иванов В.А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века // *УАВ*. 2000. Вып. 2. С. 94–97.

Иванов В.А. Средневековые поселения «Уфимского полуострова» // От древности к Новому времени (проблемы истории и археологии): сб. науч. работ. Вып. X. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 93–102.

Иванов В.А. Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Труды КАЭЭ. Вып. 6. 2009а. С. 61–68.

Иванов В.А. Еще раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности: сб. науч. статей, посвященный 75-летию д.и.н. Е.П. Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009б. С. 177–196.

Иванов В.А. Южное Предуралье в эпоху Великого переселения народов – археолого-географический контекст // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 8–23.

Иванов В.А. Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: мат-лы VIII Междунар. науч. конф / Редкол. В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Гос. истор. музей Южного Урала, 2020. С. 58–65.

Иванов В.А. Турбаслинская культура / Иванов, 2022а // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 345–356.

Иванов В.А. Кушнаренковская культура / Иванов, 2022б // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 357–363.

Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен

Южного Урала / АН СССР, БФ ИИЯЛ; под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1983. С. 104–127.

Иванов В.А., Кригер В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1987. С. 105–116.

Ишаев В.И., Смоляк А.Р. Раннесредневековый панцирь из могильника Матюхин Бугор (Ростовская область) // РА. 2017. № 4. С. 160–174.

Ищеригов П.Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 78–86.

Ищеригов П.Ф. Городище Уфа-II // БАС / АН СССР; БФ ИИЯЛ; под ред. А.П. Смирнова, Р.Г. Кузеева. Уфа: б.и., 1959. С. 97–99.

Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа-II // АЭБ. Т. I / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962. С. 140–150.

Казаков Е.П. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 136–140.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1996. С. 40–57.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Об этнокультурной ситуации в Урало-Поволжье в V–VII вв. н.э. // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: мат-лы Международной научно-практической конференции, посвященной 1000-летию Казани и 110-летию Национального музея Республики Татарстан

(12-17 сентября 2005) / Редкол.: Г.С. Муханов и др. Казань: Школа, 2005. URL: http://tatar.museum.ru/mat/4_tes_05.htm (дата доступа 12.07.2019)

Казаков Е.П. О территориях и этнонимах угров Урало-Поволжья в VI–XIV вв. н.э. // УАВ. 2007. Вып. 6-7. С. 145–150.

Казаков Е.П. К проблемам этнокультурной ситуации VII в. н.э. в лесостепи Урало-Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 2008. С. 43–44.

Казаков Е.П. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в гуннское время // УАВ. 2011а. Вып. 11. С. 102.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011б. № 12-13. С. 8–39.

Казаков Е.П. Женское погребение со стеклянным кубком второй половины VI в. н.э. в низовьях реки Камы // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / Гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Издат. центр ЮурГУ, 2013а. С. 180–191.

Казаков Е.П. Магьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия // II-й Международный Магьярский симпозиум: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013б. С. 173–181.

Казаков Е.П. Щербетский комплекс турбаслинско-именьковских памятников в VI–VII вв. н.э. // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018. С. 200–210.

Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир; М.: ИА РАН; Армавирский краеведческий музей, 2001. С. 41–58.

Казанский М.М. Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство: сб. к 70-летию Я.А. Шера / Отв. ред. В.В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 193–197.

Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в середине и второй половине VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир. Вып. 15). М.: ИА РАН, 2014а. С. 59–137.

Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // *Tractus Aevorum*. 2014б. Т. 1. № 1. С. 28–51.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / ГОУ ВПО «Липецкий гос. пед. ун-т», Ин-т истории материальной культуры РАН, Липецкая гор. науч. обществ. орг. «Археолог». Липецк: ЛГПУ и др.; СПб: б.и., 2010. С. 93–104.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии / Н.Ф. Калинин, 1951 // История Татарской АССР: (С древнейших времен до наших дней). Т. I / АН СССР, Ин-т яз., литературы и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: Таткнигоиздат, 1951. С. 23–96.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг.: Экспедиции на территории Татар. АССР (Труды Казанского филиала АН СССР. Серия исторических наук / АН СССР). Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.И. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975. 104 с.

Кенько П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси I–XIII вв.: свод археологических источников. Минск: Белорусская наука, 2012. 173 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2-х томах. Т. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. 688 с.

Кляшторный С.Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1 / АН СССР, Ин-т народов Азии; под ред. А.С. Тверитиновой. М.: Наука, 1964. С. 16–18.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. статей сов. и венг. археологов / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 95–117.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. (САИ Е1-2). М.: Наука, 1979. 112 с.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии (Хронология Восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. Стекланные бусы и поясные наборы). М.: ИА РАН, 2000. 361 с., ил., табл.

Коишевский Б.А. История археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник / Под ред. А.П. Смирнова. М.: б.и., 1948. С. 161–169.

Колпаков Е.М. Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.

Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонт Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antique*. № 2. 1999. С. 111–136.

Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья.

Т.1 / Ин-т археологии НАН Украины, Донецкий гос. ун-т; гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2000. С. 18–53.

Комар А.В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак: Академперіодика, 2005. С. 160–188.

Комар А.В. «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI–VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: мат-лы международного научного симпозиума «Великое переселение народов – один из важнейших факторов, определяющих новый этап взаимодействия и толерантности народов Евразии» (Ижевск, 29.07-01.08.2003 г.) и международной научно-практической конференции «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов» (Ижевск, 22-24.06.2005 г.) / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006. С. 107–111.

Комар А.В. Наследие Тюркских каганатов в Восточной Европе // Мәдени мұра – Культурное наследие. № 1. 2009. С. 100–103.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 2010. С. 169–206.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ, 2012. С. 133–141.

Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог находок // МАИЭТ. Вып. V / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1996. 712 с.

Король Г.Г. Новые находки блях в виде всадников "тюркской" традиции: (раннесредневековая металлическая пластика Центральной Азии) // ПИФК. Вып. 2 (68). 2020. С. 151–167.

Костюков В.П. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 151–160.

Котигорошко В.Г. Малокопаньский некрополь (ур. Челленица) // Карпатика. 2009. № 38. С. 58–133.

К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья: колл. монография / Сост. и науч. ред. Ф.А. Сунгатов; А.Н. Султанова, А.К. Бахшиева, В.И. Мухаметдинов, Р.Р. Русланова, Е.В. Русланов. Уфа: Самрау, 2018. 335 с.

Крапачева О.С. Обувные наборы эпохи раннего средневековья (III–VIII вв. н.э.) Уфимско-Бельского междуречья (к вопросу о классификации) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: мат-лы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2015. С. 65–70.

Крапачева О.С. Серьги с многогранником на конце (по материалам городища Уфа-II // Международная полевая школа в Болгаре: сб. мат-лов итоговой конференции / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань, Болгар: б.и., 2016. С. 41–45.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 225 с.

Краснов Ю.А., Смирнов А.П. Рец. на книгу: Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры (Археология СССР. САИ. Д1-32). М.: Наука, 1967. 48 с. // СА. 1969. № 2. С. 291–296.

Красноперов А.А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина/середина III – середина

VI вв. н.э.) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3 / Доклады конференции. Тюмень: «Вектор Бук». 2007а. С. 108–111.

Красноперов А.А. Обувь пьяноборско-мазунинского времени // II Емельяновские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Курган, 11-12 мая 2007 г.) / Редкол.: В.А. Кислицын (отв. ред.) и др. Курган: Изд-во КГУ, 2007б. С. 25–28.

Красноперов А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография / Отв. ред. В.С. Горбунов и др. Уфа: Китап, 2007в. С. 265–275.

Красноперов А.А. К атрибуции находки из Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: истоки, перспективы: мат-лы науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию ИА им. А.Х. Маргулана. Т. 2. Алматы: Хикари, 2011. С. 228–238.

Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатых инкрустаций) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 3 / Под ред. А.М. Воронцова, И.О. Гавритухина. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 218–254.

Красноперов А.А. Дата и связи погребения 727 Тарасовского могильника в Прикамье // *Stratum plus*. 2015. № 4. С. 207–231.

Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины –

середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018а. С. 56–86.

Красноперов А.А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018б. С. 130–178.

Красноперов А.А. Мелкие нашивные украшения из Бирского могильника // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. Г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов / Под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018в. С. 85–97.

Красноперов А.А. Финал мазунинских памятников на правом берегу Камы // Экология древних и традиционных обществ: Мат-лы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2-6 ноября 2020 г. / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 435–437.

Красноперов А.А. Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 2. 2022. С. 269–282.

Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: ИА РАН, 2019. 392 с.

Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы середины III – IV вв. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: мат-лы

Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20– 21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.

Кривошеев М.В., Борисов А.В. Климатический оптикум как фактор кризиса экономики степных номадов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 47–57.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 4-1 / Гл. ред. Р. Рашев. София: Национален археологически институт с музей на БАН, филиал Шумен, 2007. С. 91–124.

Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1986. С. 5–18.

Куфтерин В.В. Антропологический материал из кургана 7 могильника «Чайка-1»: результаты комплексной экспертизы // Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения. Мат-лы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 23 ноября 2018 г. / Отв. ред. А.В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018а. С. 119–123.

Куфтерин В.В. К вопросу об участии населения пьяноборской культуры в формировании народов Волго-Камья: дискретные признаки на черепках из Ново-Сасыкульского могильника // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. Г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов / Под общ. ред. А.И. Уразовой. Уфа: Мир печати, 2018б. С. 98–108.

Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). М.: «Памятники исторической мысли», 1998. С. 342–349.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2014. 472 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения эпохи великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка: Сборник посвящен памяти М.Б. Щукина. (Stratum библиотека) / Отв. ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Ун-т «Высшая антропологическая школа», 2011. С. 417–441.

Лифанов Н.А. От гипотезы к фантазии (Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье. СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 90 с.) // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 749–757.

Любчанский И.Э. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II–IV вв. н.э. южноуральского региона // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 197–217.

Любчанский И.Э. Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Мат-лы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Волгоградский гос. ун-т», Учреждение Российской академ. наук «Ин-т археологии»; редкол.: А.С. Скрипкин (отв. ред.) и др. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 7–36.

Любчанский И.Э., Денисова Д.В. Фибулы позднесарматского времени из могильников Южного Урала // Сарматы и внешний мир: Мат-лы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 124–129.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // БАС / Под ред. А.П. Смирнова, Р.Г. Кузеева. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. С. 114–142.

Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II // АЭБ. Т. I / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962а. С. 151–162.

Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // ВАУ. 1962б. № 2. С. 65–71.

Мажитов Н.А. Новые материалы о ранней истории башкир // АЭБ. Т. II / Уфим. ИИЯЛ АН СССР; под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: Башк. книж. изд-во, 1964. С. 148–157.

Мажитов Н.А. Работы в северной Башкирии // АО 1967 г. / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968а. С. 108–110.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н.э. / АН СССР; Уфим. ИИЯЛ. М.: Наука, 1968б. 162 с., 2 л. ил., табл.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VI–VIII вв. / Н.А. Мажитов, 1981а // Степи Евразии в эпоху Средневековья (Археология СССР). М.: Наука, 1981. С. 23–28.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981б. 162 с.

Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / АН СССР, БФ ИИЯЛ; под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1987. С. 117–130.

Мажитов Н.А. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. 1990. № 1. С. 261–266.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / УНЦ РАН; отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: б.и., 1993. С. 119–140.

Мажитов Н.А. Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 84–88.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Н.А. Мажитова; отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А., Саттаров Т.Р., Султанова А.Н., Иванова Е.В. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2006 года. Т. I. Уфа: ГУП «ГРИ «Башкортостан»», 2007. 160 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища древней Уфы. Уфа: ГУП «ГРИ Башкортостан», 2008. 112 с.

Мажитов Н.А., Саттаров Т.Р., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2007 года. Т. II. Уфа: ГУП «ГРИ «Башкортостан»», 2009а. 224 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова Н.А., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2008 года. Т. III. Уфа: ГУП РБ УПК, 2009б. 368 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2009 года. Т. IV. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2011. 224 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2010. 496 с.

Мажитов Н.А., Тамимдарова Р.Р., Шамсутдинов М.Р., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И., Амекачев Т.Р. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 г. Т. V. Ч. I. Уфа: Инеш, 2012. 184 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов/Д.: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3. С. 111–121.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: Мат-лы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. (УАВ. Вып. 14) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии: курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Издательский дом МавраевЪ, 2015. 451 с.

Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. Позднесарматская культура / В.Ю. Малашев, М.В. Кривошеев, 2022 // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4.

Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 18–37.

Маршак Б.И., Скалон К.М. Перещепинский клад (к выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии») // Л.: Гос. Эрмитаж. 1972. 20 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Мастыкова А.В., Казанский М.М., Сапрыкина И.А. Пашковский могильник № 1: в 2 т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.

Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения памятников I тыс. н.э. в Центральной Башкирии // V Уральское археологическое совещание / АН СССР, Коми фил.; редкол.: Я.Н. Безносиков, Г.М. Буров и др. Сыктывкар: изд-во «Коми», 1967. С. 54–55.

Матвеева Г.И. Памятники левобережья р. Белой I тыс. н.э. // АЭБ. Т. III / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Н.А. Мажитова; отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968а. С. 113–121.

Матвеева Г.И. Шареевский могильник // Из истории Башкирии. Тр. 92. Вып. 35. № 7. Уфа: БашГУ, 1968б. С. 5–20.

Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н.э. // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. С. 129–134.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья: межвуз. сб. статей / Куйбышев. гос. ун-т; редкол.: Г.И. Матвеева (отв. ред.) и др. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1981. С. 52–73.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Мат-лы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.

Матвеева Г.И. Памятники именьковской культуры (V–VII вв. н.э.) / Г.И. Матвеева, 2000 // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Редкол.: П.С. Кабытов (глав. ред.); и др. М.: Наука, 2000. С. 113–134.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура: учеб. пособие, 2-е изд., дополн. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 168 с.

Матвеева Г.И., Богачев А.В. Памятники раннеболгарского времени / Г.И. Матвеева, А.В. Богачев, 2000 // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Редкол.: П.С. Кабытов (глав. ред.); и др. М.: Наука, 2000. С. 155–189.

Матвеева Г.И., Трибунский С.А. О происхождении и хронологии памятников салиховского типа // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: мат-лы науч. конф. «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга». Ижевск, 28-30 марта 2000 г. / УдГУ, Ин-т истории и культуры народов Приуралья; редкол.: Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран, Л.Д. Макаров и др. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. С. 288–290.

Матвеева Г.И., Никитина А.В. Особенности памятников романовского типа эпохи Великого переселения народов на примере материалов исследования селища Романовка-II 1989 года // Вояджер: мир и человек. Теоретический и научно-методический журнал. № 6. Самара: Изд-во СамГТУ, 2015. С. 52–77.

Матвеева Н.П. Кушнаренковские комплексы в свете культурогенеза периода раннего средневековья в Зауралье // Современные проблемы

археологии России. Мат-лы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 160–162.

Матвеева Н.П. К вопросу о контактах урало-западносибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье (по материалам керамических коллекций) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49. № 1. 2021. С. 68–77.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньюбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. № 4/1 (80). 2013. С. 228–237.

Матрёнин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Мацулевич Л.А. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки // Seminarium Kondakovianum. I. Прага, 1927. С. 127–140.

Мингалёв В.В. Калачиковидные серьги харинского типа // Оборинские чтения. Мат-лы VI–VII археологических конференций. Вып 4 / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: б.и., 2006. С. 52–56.

Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 20–30.

Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1996. С. 148–164.

Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 145–154.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура / М.Г. Мошкова, 1989 // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР). М.: Наука, 1989. С. 191–202.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 186–200.

Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // РА. 2007. № 3. С. 103–111.

Нечвалода А.И. Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». 20-22 апреля 2016 г. Томск, Россия. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA_%D0%90_%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf дата обращения 20.11.2019

Обломский А.М. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье // Древности. Исследования. Проблемы: сб. статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. / Под ред. В.С. Синики и Р.А. Рабиновича. Кишинев-Тирасполь, 2018. С. 355–387.

Овсянников В.В. Раскопки городища Уфа-II в 1990 году // Башкирский край: сб. статей / Башк. гос. объедин. музей (краеведческий); Редкол.: М.И. Роднов (отв. ред.) и др.. Уфа: Конкорд-инвест, 1992. С. 65–79.

Овсянников В.В. Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Редкол.: В.Н. Васильев, В.К. Федоров, В.С. Горбунов (ред.) и др. Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. С. 52–88.

Овсянников В.В. Истоки и типологические связи кушнаренковского и кара-якуповского комплексов вооружения // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 138–150.

Овсянников В.В. Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения во 2-ой половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2006а. С. 74–76.

Овсянников В.В. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: мат-лы международного научного симпозиума «Великое переселение народов – один из важнейших факторов, определяющих новый этап взаимодействия и толерантности народов Евразии» (Ижевск, 29.07-01.08.2003 г.) и международной научно-практической конференции «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов» (Ижевск, 22-24.06.2005 г.) / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006б. С. 81–87.

Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н.э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов: мат-лы международного научного симпозиума «Великое переселение народов – один из важнейших факторов, определяющих новый этап взаимодействия и толерантности народов Евразии» (Ижевск, 29.07-01.08.2003 г.) и международной научно-практической конференции «Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов» (Ижевск, 22-24.06.2005 г.) / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006в. С. 88–93.

Овсянников В.В. Новые исследования Шиповского могильника на Средней Белой (II в. до н.э. – III в. н.э.) // XVII Уральское археологическое

совещание: мат-лы науч. конф. (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.) / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; МУ ИК НПЦ «Барсова гора»; отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 204–206.

Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; ИА РАН, 2014. С. 375–377.

Овсянников В.В. К вопросу о именковском компоненте в материальной культуре городища Уфа II // Вояджер: мир и человек. 2017. № 9. С. 32–42.

Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 218–240.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 114–135.

Останина Т.И. Наборные пояса из Кузубаевского клада VII в. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 257–271.

Останина Т.И. Удмуртский вариант именковской культуры: итоги изучения и особенности // Археология Евразийских степей. № 1: Эпоха Великого переселения народов: мат-лы Всерос. науч. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.» / Отв. ред. Т.Б. Никитина, Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ им. А.Х. Халикова, 2018. С. 257–292.

Останина Т.И. Мазунинская культура III–V вв. / Т.И. Останина, 2022 // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов /

ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 126–156.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

Перевозчикова С.А. Калачиковидные украшения на территории Евразии в первой пол. I тыс. н.э. // Вестник ЧелГУ. 2009б. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 5–12.

Перескоков М.Л. Находки позднееримского времени из Прикамья // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства: мат-лы междунаро. науч. конф. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Скифия-Принт, 2017а. С. 112–115.

Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского государственного университета: История. 2017б. № 1 (36). С. 84–97.

Перескоков М.Л. Пермское Предуралье в финале раннего железного века. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2018. 320 с.

Перескоков М.Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. 2022а. № 1 (56). С. 48–71.

Перескоков М.Л. Среднее Прикамье в III–V вв. Поздний этап гляденовской культуры / М.Л. Перескоков, 2022б // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 83–100.

Покровский М.В. Пашковский могильник № 1 // СА. 1936. № 1. С. 159–169.

Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник // АЭБ. Т. III / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Н.А. Мажитова; отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968. С. 105–112.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 203 с.

Пшеничнюк А.Х. Исследования по раннему железному веку // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / АН СССР, БФ, ИИЯЛ; под ред. А.Х. Пшеничнюка, В.А. Иванова. Уфа: БФ АН СССР, 1987. С. 67–76.

Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры / Под ред. А.С. Скрипкина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 67–84.

Родинкова В.Е. Исследования Суджанского археологического отряда ИА РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Администрация Липецкой обл. и др.; отв. ред.-сост. Н.Е. Чалых. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2020. С. 141–144.

Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры / И.Г. Розенфельдт, 1974 // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

Русланов Е.В. Костяные накладки на лук средневекового городища Уфа-II // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия: научные публикации, посвященные 80-летнему юбилею Н.А. Мажитова / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 70–86.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы

археологических раскопок 2015 года / ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»; отв. ред. И.О. Гавритухин. Уфа: Альфа-реклама, 2016. 266 с.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.

Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Белявская О.С. Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в лесостепном Приуралье // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 159–170.

Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Проценко А.С. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Т. V. Ч. II. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. 432 с.

Русланова Р.Р., Русланов Е.В. Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // Поволжская археология. 2022. № 2 (40.). С. 42–55.

Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э.: Монография / Удм. ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Шелест, 2019. 238 с.

Савельев Н.С. О происхождении Убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2017. № 17. С. 18–38.

Савельев Н.С., Котов В.Г., Овсянников В.В., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Ахметова Е.А. Древности Башкирского Урала: колл. монография / Сост. и науч. ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА АН СССР. 1979. Вып. 158. С. 91–96.

Савенко С.Н. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего средневековья из Кисловодской котловины // КСИА. Мат-лы научного семинара «Раннегосударственные образования и «Княжеская» Культура на северном Кавказе в конце античности – начале средневековья» (Махачкала, 13-17 ноября 2013 г.). Вып. 234. 2014. С. 115–139.

Сальников К.В. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии н.э. // СА. 1958. № 4. С. 23–32.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // III Уральское археологическое совещание в г. Уфе (февраль 1962 г.): тез. докладов / БФ АН СССР; ИИЯЛ. Науч.-координац. совет по вопросам истории Башкирии; Уральский совет координации и планирования науч.-исслед. работ по гуманитарным наукам; ред. К.В. Сальников. Уфа: б.и., 1962. С. 3–10.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Т. II / Уфим. ИИЯЛ АН СССР; под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 7–15.

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2. С. 5–15.

Семенов В.А. Петропавловский могильник VI–VII вв. в южной Удмуртии // ВАУ. 1967. Вып. 7. С. 164–171.

Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 43–62.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с., ил. (Серия «Historia Militaris»)

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 39–129.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Восточноевропейский археологический журнал. Киев, 2001. № 1(8). URL: <http://www.archeologia.ru/Library/Collection/aa10b3933eda> (дата доступа 09.04.2020)

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

Скрипкин А.С. Сарматы: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.

Смагулов Е.А. Бронзовый амулет из Сидака // Поволжская археология. 2017. № 1 (7). С. 206–222.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА СССР. 1952. № 28. 276 с.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири / МИА. 1957. № 58. С. 5–113.

Смирнов А.П. Из этнической истории Западного Приуралья // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. С. 79–84.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. С. 69–76.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городище междуречья Волги и Оки) / К.А. Смирнов, 1974 // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. С 30 таблицами и 26 рисунками в тексте / В обработке члена Императорской Археологической комиссии А.А. Спицына. Вып. 1 (единств.). СПб.: Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1901. 120 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / Археология СССР. САИ. Д 1-32. М.: Наука, 1967. 48 с.

Старостин П.Н. О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1971. С. 148–150.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, 2009. 144 с.

Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 6. С. 272–275.

Сташенков Д.А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // Поволжская археология. Вып. 3 (17). 2016. С. 225–246.

Сташенков Д.А., Вязов Л.А. Именьковская культура / Д.А. Сташенков, Л.А. Вязов, 2022 // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 364–386.

Сунгатов Ф.А. Новые материалы по истории турбаслинских племен // Проблемы археологии Урала и историографии Античности: тезисы научной конференции / Баш. гос. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа: б.и., 1990. С. 30–31.

Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 118–137.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа: Гилем, 1998. 169 с.

Сунгатов Ф.А. Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов // Древнетюрский мир: история и традиции. Мат-лы одноименной научной конференции / Редкол.: А.А. Арсланова, Л.Ф. Байбулатова; отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 24-25 января 2002. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 25–32.

Сунгатов Ф.А. Южный Урал в период Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов:

диалог культур: мат-лы VIII Междунар. науч. конф / Редкол. В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Гос. истор. музей Южного Урала, 2020. С. 66–83.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфический комбинат, 2004. 95 с., ил., табл.

Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал в скифо-сарматское время: сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / РАН; ИИЯЛ; НИЦ «Наследие»; отв. ред. Г.Т. Обыденновой, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 247–257.

Сунгатов Ф.А., Куфтерин В.В. Погребение с элементами поясного «геральдического» набора из могильника Чайка-1 // УАВ. 2020. Вып. 20. С. 96–108.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского грунтового могильника // УАВ. 2007. Вып. 6-7. С. 89–111.

Торгоев А.И. Геральдический пояс с Верхнего Таласа // Археологические вести. 2005. № 12. С. 88–91.

Федоров-Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // СА. 1965. № 3. С. 50–65.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров юго-западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. Вып. IX / Ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь: Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2002. С. 53–118.

Хайрединова Э.А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 125–160.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // АЭТ. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов

Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР, 1971. С. 7–34.

Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия: межвузовский сб. статей / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во КуГУ, 1986. С. 73–90.

Халиков А.Х. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 67–78.

Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. Т. 2 / Отг. ред. Д. Ангелов. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1981. С. 72–81.

Харламов П.В. Древковое вооружение кочевников Волго-Уральского региона в X–XIV вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3 (2). С. 576–586.

Чичко (Барынина) Т.В. Направление культурных импульсов в Приуралье и Прикамье во второй половине I тыс. н.э. // Труды КАЭЭ. Вып. 8. 2012. С. 195–202.

Шакиров А.В. Физико-географическое районирование Урала. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 617 с.

Шамсутдинов М.Р., Русланов Е.В., Романов А.А., Тагирова Р.Ш. «Городище Уфа-II». Материалы раскопок 2014 года. Уфа: ДизайнПресс, 2015. 320 с.

Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / АН СССР, Ин-т археологии; отв. ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука, 1978. С. 81–88.

Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистика // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков (Прага, 1966 г.): доклады и сообщения археологов СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 253–266.

Ширин Ю.В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: ИА им. А.Х. Халикова АН РТ; ИА РАН, 2014. С. 449–452.

Широбоков И.Г. Антропологический состав населения Среднего Прикамья в первой половине I тысячелетия н.э. // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): мат-лы Всерос. науч. конф. с международ. участием, 25-29 октября, 2016 г. / ФГБОУ ВО «УдГУ», Удм. ИИЯЛ УрО РАН; редкол.: Е.М. Черных (отв. ред.) и др. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2016. С. 272–274.

Шиманский Е.О. Динамика взаимодействия населения степной и лесостепной зон в первой половине I тыс. н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 34 (288). История. Вып. 53. С. 10–14.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Леонова Т.А., Шамсутдинов М.Р., Русланов Е.В. Уфа-II – средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года. Уфа: Инеш, 2013. 192 с.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.). (Прилож. К № 8-9 «Хозяйство Башкирии»). Уфа: Госплан БАССР, 1929. 28 с.

Щукин М.Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 28–33.

Шмуратко Д.В. Территория Среднего Прикамья в раннем средневековье (статистический анализ погребальных комплексов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 209–218.

Шмуратко Д.В. Статистические методы в археологических исследованиях: история развития (70-е гг. XX в. – начало XXI в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. Тамбов, 2013. С. 195–200.

Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование / Р.М. Юсупов, 2002 // Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 23–44.

Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1984. С. 71–94.

Скіба А.В. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ: Інститут археології НАН України, 2016. 236 с.

Трайкова Л.А. Коланът южно от Долен Дунав–края на III – началото на VII в. София: Национален археологически институт и музей, 2007. 556 с.

Cosma C. Graves of Avar military chiefs in Transylvania. Morminte de șefi militari avari din Transilvania / Cosma Călin. -Cluj-Napoca: Mega, 2018. 106 p.

Gavritukhin I.O. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links / I.O. Gavritukhin, 2018 // Belinskij A.B., Härke H. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P.49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

Gening V.F. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. *Eurasia Antiqua*. Band 1. Mainz am Rhein, 1995. S. 265–326.

Ivanišević V. Metal workshops of Caričin Grad (Justiniana Prima) // Sonderdruck Monographien Des RGZM Band 150. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. PP. 711–723.

Jaric E. Early medieval warfare objects from the central Balkans. Budapest, 2009. 87 c.

Kazanski M. Les influences steppiques dans l'équipement militaire et équestre des Slaves (V e–VIIe siècles) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / ed.: Călin Cosma. Cluj-Napoca: Mega, 2014. PP. 47–55.

Kazanski M. Deux appliqués de selle post-hunnique provenant de Jalpug (Delta du Danube): parallèles et datation. Aparaschivei D., Bilavschi G. (Eds.), *Studia Romana et Mediævalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata*, București, Brăila, Editura Academiei Române Publ., Editura Istros a Muzeului Brăilei „Carol I” Publ., 2018, pp. 169–187.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭТ – Археология и этнография Татарии
БашГУ – Башкирский государственный университет
БАС – Башкирский археологический сборник
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ – Башкирский научный центр
БФ – Башкирский филиал
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВО – Высшее образование
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВПО – Высшее профессиональное образование
ГБУ РИКМЗ – Государственное бюджетное учреждение
Республиканский историко-культурный музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ДонГУ – Донецкий государственный университет
ИА – Институт археологии
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИИГУ – Институт истории и государственного управления
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ – Курганский государственный университет
КО ИВ НАН – Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.
Крымского Национальной академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КуГУ – Куйбышевский государственный университет
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КФ – Казанский филиал
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАЭ ИЭИ – Музей археологии и этнографии Института этнографических исследований

МГУ – Московский государственный университет
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МУ – Муниципальное учреждение
НА – Научный архив
НПЦ – Научно-производственный центр
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГТУ – Пермский государственный технический университет
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РБ – Республика Башкортостан

РТ – Республика Татарстан
РИЦ – Редакционно-издательский центр
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СИКМ – Стерлитамакский историко-краеведческий музей
СМАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии
СО – Сибирское отделение
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
УАВ – Уфимский археологический вестник
УАС – Уральское археологическое совещание
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдмФИЦ – Удмуртский Федеральный исследовательский центр
УНЦ – Уфимский научный центр
УрО – Уральское отделение
УУНиТ – Уфимский университет науки и технологий
УФИЦ – Уфимский федеральный исследовательский центр
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮНЦ – Южный научный центр
ЮурГУ – Южно-Уральский государственный университет

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

І. Могильники

1. *Ангасякский могильник* находится на северной окраине с. Русский Ангасяк Дюртюлинского района РБ, на правом берегу р. Ангасяк, правого притока р. Белой.

Обнаружен во время строительства водяной мельницы еще в 1928 г., но, судя по отчету С.М. Васюткина, о грунтовом могильнике археологам стало известно только в 1964 г. К этому времени основная часть некрополя уже была разрушена, т.к. берег размывался рекой (Васюткин, отчет, 1966). Археологическим исследованием памятника в разные годы занимались Н.А. Мажитов (Мажитов, отчет, 1964), С.М. Васюткин и В.С. Горбунов Ф.М. Тагиров, отряд ИИЯЛ УНЦ РАН (Васюткин, отчет, 1966; Васюткин, Горбунов, отчет, 1971; Тагиров, 2007).

В период с 1964 г. по 2002 г. зафиксировано 95 погребений, относящихся к мазунинской культуре (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 18).

Ременная гарнитура зафиксирована в 38 погребениях некрополя, из которых – 17 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

2. *Ахмеровский II могильник* выявлен на северной окраине д. Ахмерово Ишимбайского района РБ, на высоком мысу, образованном надпойменной террасой правого берега р. Селеук, правого берега р. Белой и оврагом, выходящим к пойме реки.

Данный курганный могильник открыт в начале 50-х гг. разведочным отрядом археологической экспедиции Уральского государственного университета под руководством В.П. Викторова. В 1972-1973 гг. раскопки были проведены С.М. Васюткиным и В.С. Горбуновым, в 1974 г. – С.М. Васюткиным и В.К. Калининым (Васюткин, Горбунов, отчет, 1972; Горбунов, Васюткин, отчет, 1973; Васюткин, Калинин, отчет, 1974; Васюткин, 1977).

Вопрос о культурной принадлежности некрополя является дискуссионным (Смирнов К.Ф., 1971. С. 75–76; Васюткин, 1977. С. 87–89; Пшеничнюк, 1987. С. 74; Сунгатов, 1998. С. 114; Матвеева, Трибунский, 2000. С. 288–289; Овсянников, 2006а. С. 76; Малашев, 2007. С. 114–115).

Всего исследовано 27 курганов, содержащих 31 погребение (Васюткин, 1977. С. 67, 74). Ременная гарнитура обнаружена в погребении одного кургана.

3. Бахмутинский могильник находится в 0,5 км к востоку от д. Бахмутино Благовещенского района РБ, на правом берегу р. Уфа.

В 1911 г. Д.Н. Эдинггом и В.В. Гольмстен в окрестностях указанной деревни установлено нахождение грунтового могильника, в 1915 г. В.В. Гольмстен проведены археологические раскопки. В 1921 г. М.С. Смирновым и М.И. Касьяновым изучены 9 погребений (Смирнов, отчет, 1920-1921). Более масштабно Бахмутинский могильник обследован в 1928 г. А.В. Шмидтом, им раскопано 25 погребений (Шмидт, 1929. С. 16–21). К сожалению, на данный момент материалы раскопок 1915 г., 1921 г. и 1928 г. являются депаспортизированными. В 1960 г. могильник исследован Н.А. Мажитовым, в результате выявлено 14 погребений (Мажитов, отчет, 1960; Мажитов, 1968б. С. 21–25).

Бахмутинский могильник является памятником мазунинской / бахмутинской культур, в котором, судя по всему, встречаются погребения «других археолого-этнических групп населения» (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 20).

Ременная гарнитура обнаружена в 9 погребениях некрополя (раскопки 1960 г.), из которых – 7 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой. Вместе с тем, в настоящей работе использованы (прежде всего, при разработке типологии ременной гарнитуры) и депаспортизированные материалы раскопок 1915 г., 1921 г., 1928 г.

4. Береговский II курган находится в 4 км к северо-востоку от д. Береговка Мелеузовского района РБ, на правом берегу р. Белой.

Исследован в 1980 г. археологической экспедицией БГПИ (совр. БГПУ им. М. Акмуллы) под руководством В.С. Горбунова. Помимо ременной гарнитуры, в кургане обнаружены предметы конского снаряжения, железный нож и глиняный сосуд кушнаренковской культуры (Горбунов, 1984. С. 57–60).

5. Бирский могильник находится вблизи г. Бирска, на правом берегу р. Белой.

Обнаружен в нач. XX в. Н.И. Булычевым, научные исследования могильника начались в 1958 г. под руководством Н.А. Мажитова. Им же указанный некрополь изучен в 1959-1960 гг., 1962 г., 1978 г., 1981 г., 1983-1986 гг., 1990 г., 1991 г. (Мажитов, отчет, 1959; Мажитов, отчет, 1960; Мажитов, отчет, 1962; Мажитов, Агеев, отчет, 1978; Мажитов, отчет, 1981; Мажитов, отчет, 1983; Мажитов, отчет, 1984; Мажитов, отчет, 1985; Мажитов, отчет, 1990; Мажитов, отчет, 1991). В 2017 г. памятник исследован Р.Р. Руслановой (Русланова, Русланов, 2022. С. 42–52), материалы данного года раскопок в настоящей работе не учтены.

Бирский могильник является памятником мазунинской / бахмутинской культур, в котором, судя по всему, встречаются погребения «других археолого-этнических групп населения» (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 19).

Всего в период с 1959 г. по 1991 г. выявлено 692 комплекса. Ременная гарнитура обнаружена в 350 погребениях некрополя, из которых – 247 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

6. Булгарский I курган расположен в 800 м северо-восточнее д. Булгар Чекмагушевского района РБ, «на вершине высокой возвышенности» (Мажитов, 1981б. С. 18).

Обнаружен в 1971 г. Н.А. Мажитовым. Содержит одно разграбленное погребение, в котором помимо ременной гарнитуры, выявлены тлен черепа и обломки сосуда кушнаренковского типа (Мажитов, отчет, 1972; Мажитов, 1977. С. 224, табл. XVIII, 4, 8; Мажитов, 1981б. С. 18).

7. Галановский II могильник расположен на высокой террасе правого берега р. Белой, в районе улиц Галановой, Пушкина и Горная г. Уфы.

Памятник выявлен при прокопке водопроводной траншеи в 1960 г. Примыкает непосредственно к Галановскому I могильнику эпохи раннего железного века. В 1960-1961 гг. Н.А. Мажитовым проведены раскопки некрополя (Мажитов, отчет, 1961).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой. Исследователями отмечено неудовлетворительное состояние могильника, площадка которого в настоящее время застроена частными домами (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Всего обнаружено 3 погребения (кургана?), относящихся к турбаслинской культуре (Мажитов, отчет, 1961). Ременная гарнитура зафиксирована в 1 погребении (кургане?).

8. Дежневский (Уфимский) могильник находится на территории лесопарка в Орджоникидзевском районе г. Уфы, на высокой коренной террасе правого берега р. Белой, по обе стороны железнодорожной линии.

Памятник исследован Н.А. Мажитовым, в 1959 г. им раскопан один курган. В 1961 г. еще 7 курганов изучены А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1968). В 1967 г. раскопки 5 курганов произведены С.М. Васюткиным (Васюткин, отчет, 1967; Васюткин, 1970). В 1968 г. полевые исследования 9 курганов (группа «А»: курганы №№ 15, 31-36; группа «В»: курганы №№ 1-2) проводились экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР (совр. ИИЯЛ УФИЦ РАН) под руководством М.Х. Садыковой (Садыкова, отчет, 1968). В 1974 г. Н.Г. Рутто исследованы 2 кургана (Рутто, отчет, 1974). В 1989-1990 гг. экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) под руководством Н.А. Мажитова и Ф.А. Сунгатова изучены 22 кургана (Сунгатов, 1995. С. 118).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой.

Исследователями зафиксировано 55 насыпей, состояние которых удовлетворительное (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Как отмечает Ф.А. Сунгатов, на сегодняшний день исследованными являются 81 курган Дежневского могильника (К проблеме городов..., 2018. С. 155). Всего же выявлено, по одним данным исследователя, более 160 (Там же. С. 155), а по другим – более 200 курганных насыпей (Сунгатов, 2002. С. 26). Указанный некрополь оставлен носителями турбаслинской культуры (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1; Иванов, 2022. С. 349).

В настоящем исследовании удалось проанализировать материалы 37 курганов, в которых обнаружено, в общей сложности, 55 погребений. Ременная гарнитура выявлена в 14 курганах некрополя, содержащих 15 погребений. В 12 погребениях присутствует типологически определяемая ременная гарнитура.

9. Камбулатовский I могильник расположен в 300 м к северу от западной окраины д. Камбулатово Мелеузовского района РБ, на коренной террасе правого берега р. Белой.

В состав могильника входят два кургана (№№ 1 и 2) с одиночными погребениями, оба – изучены в 1983 г. В.А. Ивановым, В.С. Горбуновым и В.Н. Васильевым. Ременная гарнитура обнаружена в кургане № 1 некрополя. Кроме того, в данном комплексе зафиксированы кости животных и угли (Иванов и др., отчет, 1983. С. 23–24). В насыпь кургана, судя по всему, в ритуальных целях было воткнуто копьё с железным наконечником, которое относится к гораздо более позднему времени (Харламов, 2015. С. 579), нежели ременная гарнитура из данного кургана.

Культурная принадлежность погребенного в кургане № 1 неясна, но примечательно, что в кургане № 2 этого некрополя выявлен «плоскодонный глиняный сосуд биконической формы», в «тесте» которого зафиксирована примесь мелкотолченой раковины, а по «плечу» сосуда расположен орнамент из рядов «каплевидных насечек» (Иванов и др., отчет, 1983. С. 25).

Как отмечают В.С. Горбунов и В.А. Иванов, данный сосуд «своей формой, элементами и зоной размещения орнамента» повторяет керамику имендьяшевского типа (или бахмутинского – по классификации В.Ф. Генинга и Н.А. Мажитова) (Горбунов, Иванов, 1992. С. 108). Этот же сосуд Н.С. Савельевым отнесен к керамике имендьяшевского этапа убаларского культурного типа (III в. – сер. I тыс. н.э.) (Савельев, 2017. С. 33).

10. Кара-Тамакский могильник расположен недалеко от д. Кара-Тамак Бураевского района РБ, на берегу старого русла р. Быстрый Танып.

В 1959 г. при рытье траншеи здесь было обнаружено более 10 грунтовых захоронений с погребальным инвентарем. Н.А. Мажитовым в том же году проведены археологические раскопки, в ходе которых выявлено 19 погребений мазунинской (бахмутинской, – по определению Н.А. Мажитова) культуры, из которых 3 погребения оказались разрушенными (Мажитов, отчет, 1959; Мажитов, 1968б. С. 19–20).

Ременная гарнитура обнаружена в 10 погребениях некрополя (раскопки Н.А. Мажитова, 1959 г.), из которых – 5 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

11. Красногорский II могильник расположен вблизи д. Красногорка Мелеузовского района РБ, на правом берегу р. Белой.

Могильник состоит из 2 курганов с одиночными погребениями, которые исследованы в 1974 г. археологической экспедицией БГПИ (совр. БГПУ им. М. Акмуллы) под руководством В.С. Горбунова (Горбунов, 1984).

Ременная гарнитура обнаружена в обоих курганах некрополя. В данных комплексах также зафиксированы украшения из цветного металла, предметы конского снаряжения, железный нож, а также целый сосуд и отдельные фрагменты керамики кушнаренковского типа (Там же. С. 55–57).

12. Кувыковский могильник выявлен в 2 км к востоку от д. Кувыково Кушнаренковского района РБ, на высоком левом берегу р. Кармасан, на территории животноводческой фермы.

Впервые информацию о могильнике от местных жителей получил А.П. Шокуров. В 30-е гг. XX в. на территории могильника обнаружены человеческие кости и глиняные сосуды. В 1962 г. Н.А. Мажитов заложил 2 раскопа, на одном из которых обнаружено погребение с ременной гарнитурой (Мажитов, отчет, 1962). Некрополь относится к памятникам турбаслинской культуры (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1).

13. Кушнареноквский могильник расположен на территории с. Кушнаренково Кушнареноквского района РБ, в 0,4 км к северо-востоку от оконечности невысокого мыса, ограниченного с южной стороны небольшой речкой, а с западной – поймой р. Белой.

Данный памятник обнаружен в 1956 г. А.П. Шокуровым, который собрал материал из 15 погребений, разрушенных траншеей (Генинг, 1977. С. 90). Широкомасштабно некрополь изучен уже в 1959 г. объединенной экспедицией Института Антропологии МГУ под руководством М.С. Акимовой и Казанского университета под руководством В.Ф. Генинга (Акимова, Генинг, отчет, 1959). Могильник исследован как грунтовый, но расположение погребений позволило предположить В.Ф. Генингу, что изначально над ними были курганные насыпи (Генинг, 1977. С. 106). Примечательным является то, что на территории некрополя зафиксированы захоронения, совершенные как по обряду ингумации, так и кремации (Там же. С. 107). В 2018 г. могильник исследован Е.В. Руслановым (Русланова, Русланов, 2022. С. 52–54), материалы данного года раскопок не учтены.

Вопрос о культурной принадлежности некрополя является дискуссионным (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1; Генинг, 1972. С. 277; Генинг, 1977. С. 98, 112; Матвеева, 2004. С. 32–33; Казаков, 2011б. С. 17).

Таким образом, в настоящей работе были проанализированы материалы 30 погребений (раскопки М.С. Акимовой и В.Ф. Генинга, 1959 г.). Ременная гарнитура обнаружена в 10 погребениях некрополя, из которых – 8 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

14. *Лагеревский могильник* находится на юго-восточной окраине д. Лагерево Салаватского района РБ, на территории современного кладбища.

По сообщению Н.А. Мажитова, местные жители при рытье могил часто находили различные предметы из курганов (удила, стремяна и т.д.). Памятник исследован в 1964 г. (курганы №1-7) и 1972 г. (курганы №8-56) экспедицией Института языка, истории и литературы БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова (Мажитов, отчет, 1964; Мажитов, 1981б. С. 18–29, 68–84).

В.А. Ивановым Лагеревский могильник отнесен к смешанным кушнаренковско-караякуповским памятникам, в которых кушнаренковская керамика является преобладающим типом (Иванов, 1999. С. 56, рис. 6, 25).

Н.А. Мажитов выделил 2 хронологические группы в некрополе: к ранней группе отнесены курганы №№ 8-10, 14, 29, 43, 46, 54, 55-57, в которых выявлены, в общей сложности, 12 захоронений. Материалы из данной группы курганов использованы в настоящем исследовании. Типологически определяемая ременная гарнитура обнаружена в 10 курганах некрополя, содержащих 10 погребений.

15. *Мало-Качакский (Малокачаковский) могильник* расположен на территории д. Мало-Качак (совр. д. Мало-Качаково) Калтасинского района РБ, на краю надпойменной террасы р. Гарейка, притока р. Быстрый Танып.

Памятник обнаружен в 1959 г., во время рытья траншеи. В 1967 г. Н.А. Мажитовым исследовано одно погребение, содержащее инвентарь мазунинской (бахмутинской, – по определению Н.А. Мажитова) культуры (Мажитов, отчет, 1967). В 1970 г. участниками Башкирского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА РАН СССР под руководством С.М. Васюткина исследовано еще 14 погребений (Васюткин, отчет, 1970; Васюткин, 1971в).

Всего зафиксировано 15 грунтовых захоронений, оставленных носителями мазунинской культуры (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 16).

Ременная гарнитура обнаружена в 8 погребениях некрополя, из которых – 2 погребения с типологически определимой ременной гарнитурой (Белявская, 2018в).

16. *Манякский могильник* расположен в 1 км южнее д. Маняк Краснокамского района РБ, на краю коренного берега р. Быстрый Танып на распаханном поле (Мажитов, 1968а. С. 109; Мажитов, 1981б. С. 5).

Памятник изучен в 1967-1968 гг. экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР, вскрывшей 41 погребение (Мажитов, отчет, 1972; Мажитов, 1981б. С. 12–16). Как отмечает автор раскопок, данный некрополь исследован как грунтовый, но редкое расположение могил может являться признаком изначального наличия курганных насыпей, уничтоженных при распашке (Там же. С. 16).

Манякский могильник В.А. Ивановым отнесен к смешанным кушнаренковско-караякуповским памятникам, в которых кушнаренковская керамика является преобладающим типом (Иванов, 1999. С. 56, рис. 6, 1).

Ременная гарнитура обнаружена в 17 погребениях некрополя, из которых – 16 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

17. *Ново-Биккинский курган* находится в 1 км восточнее д. Ново-Биккино Чекмагушевского района РБ, на краю высокого оврага, по дну которого течет небольшой ручей.

Обнаружен в 1970 г. Н.А. Мажитовым (Мажитов, отчет, 1970). Одинокое погребение в кургане разрушено. В нем обнаружены пряжка, более 10 ременных накладок и наконечник ремня, а также различные украшения и 2 сосуда кушнаренковского типа (Мажитов, 1977. С. 219–220, табл. XVI, 2, 4; Мажитов, 1981б. С. 18). Рядом с курганом располагался «тайник» – яма овальной формы, в которой обнаружены 4 пряжки и около 10 накладок плохой сохранности (Там же. С. 18).

18. *Ново-Турбаслинский могильник* расположен на правом берегу старого русла р. Белой, на территории д. Ново-Турбаслы Благовещенского района РБ.

Впервые данный курганный могильник исследован московским археологом Ф.Д. Нефедовым в 1878 г. К сожалению, материалы раскопок более 40 курганов остались неизданными. В 1957-1958 гг. раскопки проводились экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Н.А. Мажитова, им же памятник изучен в 1992 г. (Мажитов, отчет, 1957; Мажитов, отчет, 1958; Мажитов, отчет, 1992; Сунгатов, 1995).

Рассматриваемый некрополь относится к памятникам турбаслинской культуры, в котором, по мнению ряда исследователей, прослеживаются черты погребальной обрядности других культурных обществ (Генинг, 1972. С. 277; Генинг, 1977. С. 98, 112; Казаков, 2011б. С. 17–18; Валиев, 2018).

В настоящем исследовании удалось проанализировать материалы 35 курганов, в которых выявлено 87 захоронений. Ременная гарнитура обнаружена в 18 погребениях некрополя, из которых – 17 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

19. *Новиковское погребение (г. Уфа)* обнаружено в 1878 г. при добыче известняка на загородной даче помещика В.А. Новикова (современная ул. Полярная на территории г. Уфы) (Ахмеров, 1970. С. 162). Погребальный инвентарь, зафиксированный «при человеческих костях», состоял из золотых цепочки и накладок, серебряного сосуда, железного меча, различных серебряных украшений, костяных накладок на лук (Булычев, 1902. С. 9–12; Ахмеров, 1970. С. 162–163).

Вопрос о культурной принадлежности данного погребения является дискуссионным (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1; С. 84, рис. 15; С. 86–87; Овсянников, 1995. С. 138–139; Белявская, 2021б. С. 352).

20. *Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа).*

Во время земляных работ во дворе Башмединститута в июне 1936 г. обнаружены три погребения (мужское, женское и детское). Часть богатого женского погребения с ременной гарнитурой исследовано М.И. Касьяновым, мужское и детское захоронения были полностью разрушенными (Коишевский, 1948. С. 168; Ахмеров, 1970. С. 163–164). Как отмечает Р.Б. Ахмеров, вблизи мужского погребения находилась «большая куча древесного угля, а также кое-где и кости животных». Погребальный инвентарь представлен костяными накладками на лук, частями железной кольчуги, наконечниками стрел. Вполне возможно, что покойник лежал в деревянном гробу, обитом железными пластинами. В детском погребении обнаружен обломок сосуда кушнаренковского типа (Там же. С. 164).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой. В ходе осмотра зафиксировано, что погребения уничтожены городской застройкой (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Вопрос о культурной принадлежности указанных погребений (в т.ч. женского комплекса с ременной гарнитурой) является дискуссионным (Сунгатов, 1998. С. 4, рис. 1; Сунгатов, 2020. С. 78; Овсянников, 1995. С. 138–139; Белявская, 2021б. С. 352).

21. Погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа).

В 1939 г. на территории современного Театра оперы и балета (бывш. Дворец культуры) при земляных работах обнаружены два погребения (№№ 1 и 2), которые были исследованы Б.А. Коишевский и М.И. Касьяновым (Коишевский, 1948. С. 168; Ахмеров, 1970. С. 164). Погребение № 1 было частично разрушено, в его заполнении зафиксированы обломки сосуда, бусы, металлические украшения, кости крупного животного. В погребении № 2 также выявлены бусы, сердоликовая гемма «с резным изображением сидящей человеческой фигуры, играющей на арфе» металлические украшения, железный нож. Примечательным является то, что данное

«погребение было совершено на материке и покрыто мощным слоем дубового угля» (Там же. С. 164–165).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой. В ходе осмотра зафиксировано его крайне неудовлетворительное состояние (разрушен городскими постройками) (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Ременная гарнитура обнаружена в обоих погребениях (в погребении № 1 – пряжки; в погребении № 2 – обувные накладки) (Ахмеров, 1970. С. 164–165), но, на настоящий момент, возможно соотнести только одну пряжку с погребением № 1, т.к. другие ременные принадлежности, судя по всему, утеряны или депаспортизированы.

22. Погребение на ул. Егора Сазонова (г. Уфа) выявлено в 1987 г. при выемке грунта в котловане под фундамент строящейся гостиницы. В погребении обнаружены пряжка, медальон с изображением воинов, лепной сосуд турбаслинской культуры, железное шило и кость барана (Гарустович, Иванов, 1994).

23. Погребение у г. Ишимбай обнаружено в 1961 г. при рытье траншеи на территории Рассольного хозяйства на правом берегу р. Белой.

Помимо ременной гарнитуры в захоронении зафиксированы колесовидные подвески, подвески-бубенчики, сердоликовая бусина, подвеска от серьги в виде трехгранной пирамидки, а также сосуд кушнаренковского типа по определению В.Д. Викторовой (1962. С. 170) или караякуповского типа по определению В.А. Иванова (1999. С. 56, рис. 6, 14).

24. Погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа) выявлено в 2009 г. И.И. Бахшиевым в результате археологического обследования строительного котлована (Бахшиев и др., 2017). Территория, на которой обнаружено данное захоронение мужчины, находится на площадке высокой коренной террасы правого берега р. Белой, в 0,4 км восточнее устья р. Сутолоки, на южной оконечности Уфимского полуострова.

Помимо ременной гарнитуры в данном комплексе зафиксированы железный нож с сохранившимися остатками деревянных ножен на лезвии и точильный камень. Погребение отнесено авторами раскопок к турбаслинской культуре (Там же. С. 53–55).

25. Погребение по ул. Мустая Карима (бывш. ул. Социалистическая) д. 33 (г. Уфа) обнаружено 30 мая 1946 г. при проведении земляных работ. В захоронении, помимо ременной гарнитуры, обнаружены фрагменты железного ножа, металлический (бронзовый ?) сосуд и фрагменты керамики (Ахмеров, 1949. С. 113–118; Ахмеров, 1970. С. 165–166).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой. В ходе осмотра зафиксировано его крайне неудовлетворительное состояние (разрушен городскими постройками) (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Данное погребение, предположительно – мужское, оставлено носителем турбаслинской культуры.

26. Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа) выявлено в 1970 г. во время проведения земляных работ.

Погребальный инвентарь данного комплекса, оставленного, судя по всему, носителями турбаслинской культуры, представлен ременной гарнитурой, железным мечом с богато украшенными ножнами, железным ножом, бронзовыми псалями, несколькими металлическими подвесками и бляшками (Ахмеров, 1974).

27. Салиховский могильник находится на северо-восточной окраине д. Салихово Ишимбайского района РБ.

Данный могильник, являющийся курганным, открыт Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета под руководством К.В. Сальникова в 1952 г. Раскопки могильника проведены этой же экспедицией в 1953 г., в результате исследовано 4 кургана (Сальников, 1958. С. 25–29). В 1967 г. в ходе раскопок,

проведенных под руководством С.М. Васюткина, исследовано еще 10 курганов (Васюткин, 1968а. С. 129). Им же в 1972 г. раскопаны 17 курганов (Васюткин, Горбунов, отчет, 1972; Васюткин, 1986. С. 180–181).

Вопрос о культурной принадлежности могильника является дискуссионным (Там же. С. 194–196; Васюткин, 1988. С. 78–79; Пшеничнюк, 1987. С. 74; Матвеева, Трибунский, 2000. С. 288–289; Малашев, 2007. С. 114; Богачев, 2011. С. 219–220).

Всего в исследованных 32 курганах выявлено 43 погребения. Ременная гарнитура обнаружена в 8 курганах некрополя, содержащих 8 погребений. Типологически определяемая ременная гарнитура зафиксирована в 6 погребениях.

28. Старо-Кабановский (Старокабановский) могильник расположен на южной окраине с. Старо-Кабаново Краснокамского района РБ, на краю правого берега р. Белой.

Памятник открыт С.М. Васюткиным в 1967 г., исследован им в 1967-1971 гг. (Васюткин, Останина, 1986). В 1989 г. небольшие раскопки проведены археологической экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) под руководством Н.А. Мажитова (Мажитов, отчет, 1989).

Всего в период с 1967 г. по 1989 г. зафиксировано 158 грунтовых погребений, относящихся к мазунинской культуре (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 14). Ременная гарнитура обнаружена в 106 погребениях некрополя, из которых – 71 погребение с типологически определяемой ременной гарнитурой.

29. Старо-Муштинский могильник находится у с. Старая Мушта Краснокамского района РБ, в междуречье рр. Кама и Белая.

Памятник открыт в 1982 г. Г.Н. Гарустовичем. В 1988 г. раскопки могильника проводились археологической экспедицией БГПИ (совр. БГПУ им. М. Акмуллы), в ходе которых исследованы 13 курганов (№№ 1-10, 13-15), содержащих 47 погребений (Гарустович, отчет, 1988). В 1989 г. Г.Н. Гарустовичем были продолжены раскопки: в результате изучены еще 3

кургана, а также заложены 2 раскопа. В 1991 г. археологической экспедицией ИИЯЛ БНЦ УрО РАН (совр. ИИЯЛ УФИЦ РАН) исследованы 9 погребений, обнаруженных в раскопе 1 (№№ 6-14) (Гарустович, отчет, 1991). В 2002 г. памятник изучен совместной экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) и Нефтекамского филиала ВЭГУ под руководством Ф.А. Сунгатова. В ходе полевых работ были заложены раскопы III и IV (Сунгатов, отчет, 2002)¹³.

В результате проведенных полевых работ зафиксировано 102 захоронения, 30 из которых являлись грунтовыми, а остальные – подкурганскими¹⁴ (Сунгатов и др., 2004. С. 47).

Вопрос о культурной принадлежности могильника является дискуссионным (Генинг, 1976. С. 108; Сунгатов и др., 2004. С. 72–73; Сунгатов, 2020. С. 69–70; Шмуратко, 2011. С. 217).

Ременная гарнитура обнаружена в 13 грунтовых погребениях и 10 курганах, включающих в себя 16 захоронений, – всего в 29 погребениях некрополя. Типологически определяемая ременная гарнитура зафиксирована в 23 погребениях.

30. Сынтыш-Тамакский могильник расположен на юго-западной окраине д. Сынтыш-Тамак Чишминского района (сейчас относится к Благоварскому району) РБ, рядом с современным кладбищем, на краю правого берега р. Чермасан, левого притока р. Белой.

Памятник открыт в 1963 г. С.М. Васюткиным. В 1966 г. им исследовано 18 курганов, один из которых хронологически относится к бронзовому веку (№ 8), а остальные – к эпохе Великого переселения народов и позднего Средневековья (Васюткин, отчет, 1966; Васюткин, 1967. С. 122–123; Антонов, 2020).

---

¹³ Здесь стоит отметить, что количество раскопов с грунтовыми захоронениями в полевых отчетах (Гарустович, отчет, 1991; Гарустович, отчет, 1991; Сунгатов, отчет, 2002) отличается от количества раскопов, указанных в публикации материалов исследований (Сунгатов и др., 2004). Во избежание еще большей путаницы в табл. 4, табл. 5 и табл. 7 использована нумерация раскопов в соответствии с данными из опубликованных источников, но графа «Год раскопок» оставлена пустой.

¹⁴ Наличие курганов в некрополе ставится под сомнение некоторыми исследователями (Гавритухин, 2022б. С. 279).

Типологически определяемая ременная гарнитура интересующего нас хронологического периода обнаружена в 3 погребениях, происходящих из 3 разных курганов некрополя.

31. **Чайка-1, могильник** находится на мысу коренной террасы правого берега р. Белой, в 0,4 км к северо-востоку от детского оздоровительного лагеря «Чайка» (г. Уфа, ул. Шафиева, 1-а).

Данный памятник выявлен в 2014 г. С.Л. Воробьевой при проведении археологической разведки на правом берегу р. Белой в пределах г. Уфы. Исследовано 2 кургана (№№ 1 и 8), один из которых (№ 1) относится к турбаслинской культуре, а другой (№ 8) – предположительно, к золотоордынской эпохе (Воробьева, отчет, 2014). В дальнейшем (2015 г., 2018 г.) Ф.А. Сунгатовым проведены раскопки еще 3 курганов (№№ 4, 5, 7). Курганы №№ 5 и 7 оставлены «турбаслинцами», а культурная принадлежность кургана № 4 на данный момент точно не установлена (Сунгатов, отчет, 2015; Сунгатов, отчет, 2018; К проблеме городов..., 2018. С. 156; Сунгатов, Куфтерин, 2020. С. 106).

Ременная гарнитура обнаружена в 3 курганах некрополя, из которых 2 кургана содержали типологически определяемые находки.

32. **Шареевский могильник** находится на территории д. Шареево Кармаскалинского района РБ, на левом берегу р. Белой.

Памятник обнаружен в 1940 г. местными жителями, во время строительства дороги. В 1963 г. Н.А. Мажитовым изучено одно погребение, в котором зафиксированы человеческие кости, обломок железной пряжки (?), а также сосуд турбаслинского типа с остатками трубчатой кости животного внутри (Мажитов, отчет, 1963). В 1966-1967 гг. исследования продолжены археологической экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) под руководством Г.И. Матвеевой (погребения №№ 1-16 – изучены в 1966 г., погребения №№ 17-19 – в 1967 г.). В 19 захоронениях встречаются сосуды как турбаслинского, так

и кушнаренковского типов (Матвеева, отчет, 1966; Матвеева, отчет, 1967; Матвеева, 1968б. С. 20).

Всего в период с 1963 г. по 1967 г. выявлено 20 погребений. Ременная гарнитура обнаружена в 5 погребениях некрополя, из которых – 3 погребения с типологически определимой ременной гарнитурой.

33. Шиповский могильник находится в 25 км к юго-востоку от г. Уфы, на правом, высоком и обрывистом берегу р. Белая, на окраине д. Шипово Иглинского района РБ.

Памятник открыт в 1960 г. А.П. Шокуровым и представляет собой курганно-грунтовый некрополь. В 1965-1967 гг., 1969 г., 1972 г. и 1978 г. могильник исследовался экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка. В 1989 г. могильник изучен экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН (нач. отряда – И.М. Акбулатов). В 1990-1991 гг. исследования проводились под руководством В.Н. Васильева. В 1993 г. и 1995 г. экспедиция ИИЯЛ УНЦ РАН продолжила проведение охранных работ под руководством В.В. Овсянникова (Овсянников, отчет, 1995; Овсянников и др., 2007. С. 4).

В настоящей работе использованы материалы раскопа XIII (исследования 1995 г.), в котором выявлено 272 грунтовых захоронения, оставленных носителями кара-абызской культуры. Ременная гарнитура обнаружена в 80 погребениях некрополя, из которых – 35 погребений с типологически определимой ременной гарнитурой.

34. Югомашевский могильник расположен на территории д. Югомаш / Югомашево (совр. д. Югамаш) Янаульского района РБ.

Сведения о памятнике получены от местных жителей Н.А. Мажитовым, заложившим в 1967 г. для проверки информации раскоп во дворе одного из домов. В результате обнаружено погребение, содержащее погребальный инвентарь мазунинской (бахмутинской, – по определению Н.А. Мажитова) культуры (Мажитов, 1968а. С. 108–109). В 1975 г. под руководством

С.М. Васюткина и В.К. Калинина на площадке некрополя проводились масштабные раскопки, общей площадью 646 кв. м. (Васюткин, Калинин, отчет, 1976. С. 2–3; Васюткин и др., 1976).

Всего зафиксировано 82 грунтовых захоронения, оставленных носителями мазунинской культуры (Останина, 1997. С. 247, рис. 1, 15). Ременная гарнитура обнаружена в 41 погребении некрополя, из которых – 22 погребения с типологически определимой ременной гарнитурой (Белявская, 2018а).

II. Поселения

1. *Кувыковское городище* находится в 3 км к северу-северо-западу от д. Кувыково Кушнаренковского района РБ. Памятник расположен на стрелке, образованной двумя глубокими оврагами, по которым протекают ручьи. С напольной стороны площадка поселения защищена валом и рвом.

Городище открыто в 1955 г. А.П. Шокуровым (Шокуров, отчет, 1955), а в 1965 г. исследовано Г.И. Матвеевой (Матвеева, отчет, 1965). Обнаруженный на территории памятника материал разнообразен и состоит из обломков сосудов бахмутинского типа, глиняных и каменных пряслиц, костяных наконечников стрел, орудий труда и украшений костюмного комплекса.

Ременная гарнитура представлена бронзовой пряжкой типа **ПБ.1.9в**, которая была обнаружена в 2013 г. местным жителем на площадке городища и передана им для изучения в Отдел Археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН (табл. 7). Изделие впервые опубликовано О.С. Белявской в 2019 г. (Белявская, 2019б. С. 191–192).

2. *Кушнаренковское селище* находится на северо-восточной окраине с. Кушнаренково Кушнаренковского района РБ, на краю широкого мыса, ограниченного ручьем и поймой левого берега р. Белой (Генинг, 1977. С. 113). В 1954-1955 гг. памятник исследован А.П. Шокуровым (Шокуров, отчет, 1955), в 1959 г. – объединенной экспедицией Казанского университета и

Института антропологии Московского университета под руководством М.С. Акимовой и В.Ф. Генинга (Генинг, 1977. С. 113–130).

На территории селища обнаружено большое количество фрагментов керамики романовско-именьковского, кушнаренковского, караякуповского, турбаслинского и бахмутинского типов, глиняные прясла, кости животных, наконечники стрел из кости и железа, стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые украшения и др. В ходе раскопок выявлены остатки жилищ, хозяйственные ямы и очаги. Общая площадь раскопок селища составляет 190 кв. м. (Шокуров, отчет, 1955; Генинг, 1977. С. 113).

Ременная гарнитура представлена накладкой типа **XVII.2** (табл. 6). Изделие впервые опубликовано В.Ф. Генингом в 1977 г. (Там же. С. 129, рис. 18, 2).

3. Ново-Турбаслинское II селище находится в 1,5 км к северо-западу от д. Ново-Турбаслы Благовещенского района РБ, на краю правого берега старого русла р. Белой. Поселение исследовано в 1958 г отрядом археологической экспедиции ИИЯЛ БФ АН СССР (Мажитов, 1962а. С. 151).

В ходе раскопок выявлены остатки 5 жилищ, содержащих немногочисленный материал: в основном, фрагменты сосудов бахмутинского, романовско-именьковского и кушнаренковского типов, а также несколько костяных наконечников стрел, глиняных прясел и т.д. Как отмечает Н.А. Мажитов, площадь Ново-Турбаслинского II селища составляет около 1500 кв. м (Там же. С. 151–158). Судя по плану раскопок поселения, в 1958 г. был исследован участок, по своей площади не превышающий 1/10 от общей площади памятника.

Ременная гарнитура представлена наконечником типа **IVA.3** (табл. 6). Данная находка впервые опубликована Н.А. Мажитовым в 1962 г. (Там же. С. 157, табл. II, 4).

4. Романовское II селище расположено в 1,5 км к северу от п. Романовка Уфимского района РБ, на второй надпойменной террасе

старицы р. Белой, на небольшом мысу прямоугольной формы (Матвеева, Никитина, 2015).

Данный памятник, вместе с поселениями Романовка I, III–VIII, открыт в 1959 г. Г.Н. Матюшиным, в 1960 г. им же проводились первые раскопки. В 1961 г. поселение исследовалось экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) под руководством К.В. Сальникова, в 1965 г., 1968 г. и 1989 г. – под руководством Г.И. Матвеевой, в 1968-1969 гг. – раскопки проводились Г.Н. Матюшиным. Общая площадь раскопок Романовского II селища составляет 1050 кв. м. (Матвеева, отчет, 1989; Матвеева, Никитина, 2015).

В ходе раскопок выявлены остатки постройки, наземной конструкции с очагом и несколько хозяйственных ям. Находки представлены предметами, связанными с производственной и хозяйственной деятельностью, а также различными украшениями костюмного комплекса и предметами вооружения. Керамический материал состоит из фрагментов сосудов бахмутинского, романовско-именьковского, турбаслинского и бахмутинского типов (Они же, 2015).

Ременная гарнитура представлена фрагментом накладки типа **XXII.1a1** (табл. 6). Изделие впервые опубликовано Г.И. Матвеевой в 2004 г. (Матвеева, 2004. С. 156, рис. 33, 15).

5. Уфа-I (Уфимское («Чертово»)), городище находится в восточной части г. Уфы, на 180-метровой террасе правого берега р. Уфы, на территории санатория «Зеленая роща». Площадка памятника расположена на узком мысу, с 3-х сторон она ограничена крутыми склонами террасы, а с напольной стороны защищена 86-метровым земляным валом, высота которого достигает 9 метров (Морозов, 2000. С. 145).

Впервые о городище упоминает П.С. Паллас, в 1894 г. небольшие раскопки на памятнике произвел Ф.Д. Нефедов, в 1910-1912 гг. городище раскапывала В.В. Гольмстен, в 1973 г. исследования проводил Ю.А. Морозов (Археологическая..., 1976. С. 125; Морозов, 2000. С. 145–146).

В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

Керамический материал, обнаруженный в ходе раскопок 1973 г., представлен фрагментами сосудов кара-абызской и бахмутинской культур. Кроме того, зафиксированы различные изделия из кости, глины, камня, цветного и черного металлов (Морозов, 2000. С. 147).

Ременная гарнитура представлена пряжкой из цветного металла типа **ПА.1.2г1** (табл. 6). Изделие впервые опубликовано Ю.А. Морозовым в 2000 г. (Морозов, 2000. С. 151, рис. 4, 13).

6. Уфа-II, городище выявлено П.Ф. Ищериковым в 1953 г., во время наблюдений за прокладкой водопровода по четной стороне ул. Пушкина г. Уфы. В 1957 г. на городище, во дворе усадьбы № 134 по ул. Пушкина, П.Ф. Ищериковым впервые были проведены археологические раскопки, давшие находки богатого и разнообразного поселенческого инвентаря. (Ищериков, 1959). В 1958 г. небольшой раскоп на городище заложен Н.А. Мажитовым (Ищериков, Мажитов, 1962). Исследования на территории памятника также вели М.Х. Садыкова (1968), Н.Г. Рутто (1974), В.В. Овсянников (1990) (Рутто, отчет 1975; Овсянников, 1992).

В 2006-2008 гг. раскопки городища проводились объединенной экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) и НПЦ при Министерстве культуры Республики Башкортостан, в 2009-2011 гг. экспедицией БашГУ (совр. УУНиТ) под руководством Ф.А. Сунгатова, Р.Б. Исмагилова, В.И. Мухаметдинова (Сунгатов, отчет, 2007; Сунгатов, отчет, 2008; Исмагилов, отчет, 2008; Мухаметдинов, отчет, 2011). В 2011 г. памятник осмотрен археологическим отрядом БГПУ им. М. Акмуллы под руководством Н.Б. Щербакова и И.А. Шутелевой (Щербаков, Шутелева, отчет, 2011).

С 2012 г. и по настоящее время изучение городища ведется силами музея-заповедника «Древняя Уфа» (раскопки Р.Р. Руслановой,

И.А. Шутелевой, М.Р. Шамсутдинова, Е.В. Русланова, О.С. Белявской, А.С. Проценко) (Шутелева и др., 2013; Шамсутдинов, отчет, 2015; Шутелева, отчет, 2015; Шамсутдинов, отчет, 2016; Русланова и др., 2020; Проценко, отчет, 2018; Белявская и др., 2022).

Материалы городища Уфа-II подробно рассмотрены в многочисленных публикациях, что позволяет ограничиться ссылкой на наиболее известные из них (Ищериков, 1959; Ищериков, Мажитов, 1962; Мажитов и др., 2009а; Мажитов и др., 2009б; Мажитов и др., 2011; Мажитов и др., 2012; Шутелева и др., 2013; Шамсутдинов и др., 2015; Русланов и др., 2016; К проблеме городов..., 2018; Белявская и др., 2022).

В настоящем исследовании использованы сведения о следующих ременных принадлежностях (табл. 6–7), обнаруженных на городище Уфа-II: наконечниках ремня типа **III.261** и типа **III.6a** (Мажитов и др., 2007. С. 56, рис. 113, 9, 10); накладке типа **XXIII.1** (К проблеме городов..., 2018. С. 136, табл. 15, 14); пряжкам типа **IIA.1.2д1** (Шамсутдинов, отчет, 2016) и типа **IIБ.1.10e** (Шамсутдинов и др., 2015. С. 69; Шамсутдинов, отчет, 2016; Русланов и др., 2016. С. 43).

7. Янгантауское селище расположено на правом берегу р. Юрюзань, вблизи с. Янгантау Салаватского района РБ.

В раскопе, заложенном в 1963 г. Н.А. Мажитовым, обнаружено большое количество обломков керамики. Как отмечает исследователь, большинство сосудов изготовлено из глины с примесью песка или дресвы и украшено косыми насечками, образующими иногда елочный узор, также встречены фрагменты сосудов кушнаренковского типа и сосудов, изготовленных на гончарном круге. Общая площадь раскопок Янгантауского селища составляет 30 кв. м. (Мажитов, отчет, 1963).

Ременная гарнитура представлена накладкой типа **XXII.2a** (табл. 6). Изделие впервые опубликовано О.С. Белявской в 2019 г. (Белявская, 2019б. С. 189–190).

III. Местонахождения

1. *Никольские находки* обнаружены, судя по всему, в нач. XX в., вблизи с. Никольское Уфимского уезда Уфимской губернии (совр. Нуримановский район РБ), в размытом берегу р. Уфа. Коллекция предметов, включающая в себя находки бус, серег, браслета, обломков гривен, сьюльгам, ременной гарнитуры (пряжек типа **ПА.1.2д1**, типа **ПА.1.3**, типа **ПА.2.3**, типа **ПВ.2.6**, типа **ПВ.2.8в**, типа **ПВ.2.9а**, типа **ПВ.2.9е**, накладок типа **XXIII.3а1**, типа **XXIV.6а** (табл. 7)), пронизей, подвесок и др., была передана не позднее 1904 г. в качестве дара в Императорский Российский Исторический музей им. Александра III (совр. Государственный исторический музей) графом А.П. Толстым (Булычев, 1904; Белявская, 2019в).

По предположению А.В. Шмидта, в данной местности мог находиться могильник бахмутинской культуры (Шмидт, 1929. С. 25). Впервые Никольские находки опубликованы Н.И. Булычевым (Булычев, 1904. С. 8–11), более подробно они рассмотрены в статье О.С. Белявской (Белявская, 2019в).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Расшифровка сокращений и условных обозначений к таблицам

1. × – неизвестный тип;
2. ПМ – подъемный материал;
3. погр. – погребение;
4. кург. – курган;
5. усл. обн. – условия обнаружения
6. жен. – женское;
7. муж. – мужское;
8. дет. – детское;
9. подр. – подросток;
10. * – неопределенное количество

Таблица 1

Источниковая база исследования: Могильники

<i>№ №</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Административное положение</i>	<i>Годы раскопок использованных комплексов</i>	<i>Использованные отчеты</i>	<i>Использованные публикации</i>	<i>Место хранения находок</i>
1	2	3	4	5	6	6
1.	Ангасякский могильник	РБ, Дюртюлинский район, с. Русский Ангасяк	1964; 1966; 1969; 1971; 1991	Мажитов, отчет, 1964; Васюткин, отчет, 1966; Васюткин, Горбунов, отчет, 1971	Васюткин, 1980; Тагиров, 2007	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
2.	Ахмеровский II могильник	РБ, Ишимбайский район, с. Ахмерово	1973	Васюткин, Горбунов, отчет, 1972; Васюткин, Калинин, отчет, 1974	Васюткин, 1977	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
3.	Бахмутинский могильник	РБ, Нуримановский район, д. Бахмутино (не сущ.)	1915; 1921; 1928; 1960	Мажитов, отчет, 1960	Шмидт, 1929; Мажитов, 1962б; Мажитов, 1968б	ГИМ; МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; НМ РБ; СИКМ
4.	Береговский II могильник	РБ, Мелеузовский район, с. Береговка	1980		Горбунов, 1984	АЛ БГПУ им. М. Акмуллы
5.	Бирский могильник	РБ, г. Бирск	1959; 1960; 1962; 1978; 1981; 1983-1985; 1990; 1991	Мажитов, отчет, 1959; Мажитов, отчет, 1960; Мажитов, отчет, 1962; Мажитов, Агеев, отчет, 1978; Мажитов, отчет, 1981; Мажитов, отчет, 1983; Мажитов, отчет, 1984; Мажитов, отчет, 1985; Мажитов, отчет, 1990; Мажитов, отчет, 1991	Мажитов, 1962б; Мажитов, 1968б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; НМ РБ; ИИГУ УУНиТ
6.	Булгарский I курган	РБ, Чекмагушевский район, с. Булгар	1971	Мажитов, отчет, 1967	Мажитов, 1977; Мажитов, 1981б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
7.	Галановский II могильник	РБ, г. Уфа	1960	Мажитов, отчет, 1961; Щербаков, Шутелева, 2011		
8.	Дежневский могильник	РБ, г. Уфа	1961; 1967; 1968; 1974; 1989; 1990; 2005	Васюткин, отчет, 1967; Садыкова, отчет, 1968; Рутто, отчет, 1974; Мажитов, отчет, 1989; Щербаков, Шутелева, отчет, 2011	Пшеничнюк, 1968; Васюткин, 1968а; Сунгатов, 1990; Сунгатов, 1995; Сунгатов, 2020	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; НМ РБ

	1	2	3	4	5	6
9.	Камбулатовский I могильник	РБ, Мелеузовский район, с. Камбулатово	1983	Иванов и др., отчет, 1983	Горбунов, Иванов, 1992	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
10.	Кара-Тамакский могильник	РБ, Бураевский район, с. Кара-Тамак	1959	Мажитов, отчет, 1959	Мажитов, 1962б; Мажитов, 1968б	НМ РБ
11.	Красногорский II могильник	РБ, Мелеузовский район, с. Красногорка	1974		Горбунов, 1984	
12.	Кувьковский могильник	РБ, Кушнаренковский район, с. Кувьково	1962	Мажитов, отчет, 1962		МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
13.	Кушнаренковский могильник	РБ, Кушнаренковский район, с. Кушнаренково	1959	Акимова, Генинг, отчет, 1959	Генинг, 1977	
14.	Лагереvский могильник	РБ, Салаватский район, с. Лагерево	1964; 1972	Мажитов, отчет, 1964	Мажитов, 1977; Мажитов, 1981б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
15.	Мало-Качакский могильник	РБ, Калтасинский район, д. Мало-Качаково	1967; 1970	Васюткин, отчет, 1970; Мажитов, отчет, 1967	Васюткин, 1971в; Белявская, 2018в	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
16.	Манякский могильник	РБ, Краснокамский район, с. Маняк	1967; 1968	Мажитов, отчет, 1967	Мажитов, 1977; Мажитов, 1981б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
17.	Ново-Биккинский курган	РБ, Чекмагушевский район, с. Ново-Биккино	1970	Мажитов, отчет, 1970	Мажитов, 1977; Мажитов, 1981б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
18.	Ново- Турбаслинский могильник	РБ, Благовещенский район, с. Ново-Турбаслы	1957; 1958; 1992	Мажитов, отчет, 1957; Мажитов, отчет, 1958; Мажитов, отчет, 1992	Мажитов, 1959; Сунгатов, 1995	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; НМ РБ
19.	Новиковское погребение	РБ, г. Уфа	1878		Булычев, 1902; Ахмеров, 1970	НМ РБ
20.	Женское погребение во дворе Башмединститута	РБ, г. Уфа	1936	Щербаков, Шутелева, отчет, 2011	Ахмеров, 1949; Ахмеров, 1970	НМ РБ
21.	Погребение № 1 у Театра оперы и балета	РБ, г. Уфа	1939	Щербаков, Шутелева, отчет, 2011	Коишевский, 1948; Ахмеров, 1949; Ахмеров, 1970	НМ РБ
22.	Погребение на ул. Егора Сазонова	РБ, г. Уфа	1987		Гарустович, Иванов, 1994	
23.	Погребение у г. Ишимбай	РБ, г. Ишимбай	1961		Викторова, 1962	

	1	2	3	4	5	6
24.	Погребение на ул. Менделеева, д. 10	РБ, г. Уфа	2009		Бахшиев и др., 2017	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
25.	Погребение на ул. Мустая Карима, д. 33	РБ, г. Уфа	1946	Щербаков, Шутелева, отчет, 2011	Ахмеров, 1949; Ахмеров, 1970	НМ РБ
26.	Погребение на ул. Тукаева	РБ, г. Уфа	1970		Ахмеров, 1974	НМ РБ
27.	Салиховский могильник	РБ, Ишимбайский район, с. Салихово	1967; 1972	Васюткин, отчет, 1967; Васюткин, Горбунов, отчет, 1972	Сальников, 1958; Васюткин, 1968а; Васюткин, 1986	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
28.	Старо-Кабановский могильник	РБ, Краснокамский район, с. Старо-Кабаново	1967-1971	Васюткин, отчет, 1967; Васюткин, отчет, 1968; Васюткин, отчет, 1970; Васюткин, Горбунов, отчет, 1971; Мажитов, отчет, 1989	Васюткин, 1968а; Васюткин, Останина, 1986	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
29.	Старо-Муштинский могильник	РБ, Краснокамский район, с. Старая Мушта	1988; 1989; 1991;2002	Гарустович, отчет, 1988; Гарустович, отчет, 1991; Сунгатов, отчет, 2002	Сунгатов и др., 2004	АЛ БГПУ им. М. Акмуллы; НМ РБ
30.	Сынтыш-Тамакский могильник	РБ, Благоварский район, с. Сынтыш-Тамак	1966	Васюткин, отчет, 1966	Васюткин, 1967	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
31.	Могильник Чайка-1	РБ, г. Уфа	2014; 2015	Воробьева, отчет, 2014; Сунгатов, отчет, 2015; Сунгатов, отчет, 2018	Сунгатов, Куфтерин, 2020	НМ РБ
32.	Шареевский могильник	РБ, Кармаскалинский район, с. Шареево	1966		Матвеева, 1968б	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
33.	Шиповский могильник	РБ, Иглинский район, с. Шипово	1995	Овсянников, отчет, 1995	Овсянников и др., 2007	НМ РБ
34.	Югомашевский могильник	РБ, Янаульский район, с. Югамаш	1967; 1975	Васюткин, Калинин, отчет, 1975	Мажитов, 1968а; Васюткин, Калинин, 1976	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

Таблица 2

Источниковая база исследования: Поселения

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Административное положение</i>	<i>Годы раскопок / обнаружения использованных материалов</i>	<i>Использованные отчеты</i>	<i>Использованные публикации</i>	<i>Место хранения</i>
1.	Кувьковское городище	РБ, Кушнаренковский район, д. Кувьково				ИИЯЛ УФИЦ РАН
2.	Кушнаренковское селище	РБ, Кушнаренковский район, с. Кушнаренково	1959	Акимова, Генинг, отчет, 1959	Генинг, 1977	
3.	Ново-Турбаслинское II селище	РБ, Благовещенский район, д. Ново-Турбаслы	1958		Мажитов, 1962а	МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
4.	Романовское II селище	РБ, Уфимский район, п. Романовка	1989		Матвеева, 2004; Матвеева, Никитина, 2015	
5.	Уфа-I	РБ, г. Уфа	1973		Морозов, 2000	
6.	Уфа-II	РБ, г. Уфа	2006; 2014; 2015; 2016	Шамсутдинов, отчет, 2016	Мажитов и др., 2007; Шамсутдинов и др., 2015; Русланов и др. 2016; К проблеме городов..., 2018	ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»
7.	Янгантауское селище	РБ, Салаватский район, д. Янгантау	1963	Мажитов, отчет, 1963		МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

Таблица 3

Источниковая база исследования: Местонахождения

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Административное положение</i>	<i>Годы обнаружения использованных материалов</i>	<i>Использованные отчеты</i>	<i>Использованные публикации</i>	<i>Место хранения</i>
1.	Никольские находки	РБ, Нуримановский район, с. Никольское	нач. XX в.		Бульчев, 1904; Белявская, 2019в	ГИМ

Погребальные комплексы с типологически определимой ременной гарнитурой

№ №	Название памятника	Год раскопок	Раскоп	Курган / погр.	Половозра стная хар- ка погребенно го	Пряжки	Наконеч- ники	Накладки	Блях и	Крепе- жи	Пет. крюч- ки
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	Ангасякский могильник	1964		1		×		XXVI.4			
2.	Ангасякский могильник	1966		4		ІБ.1					
3.	Ангасякский могильник	1966		5		ІА.1			ІА.2б		
4.	Ангасякский могильник	1966		14		ІБ.1.1					
5.	Ангасякский могильник	1966		15		ІБ.1.1					
6.	Ангасякский могильник	1966		19		×	×	XXVI.1			
7.	Ангасякский могильник	1969		28		ІА.1.1а1; ІБ.1.12в					
8.	Ангасякский могильник	1969		29	дет.	ІБ.1.1					
9.	Ангасякский могильник	1969		37		ІБ.1.1	ІІІ.9а	XXVI.1			
10.	Ангасякский могильник	1969		39		ІА.1.1а1; ×		×			
11.	Ангасякский могильник	1969		42		×	ІІІ.9б				
12.	Ангасякский могильник	1969		46		ІБ.1.1; ×					
13.	Ангасякский могильник	1971		68			ІІІ.9б				
14.	Ангасякский могильник	1971		69			ІІІ.9б				
15.	Ангасякский могильник	1991		80	жен.	ІА.1.2в1		XXVI.8	ІІ.2		
16.	Ангасякский могильник	1991		92	жен.	ІА.1.1а1					
17.	Ангасякский могильник	1991		93	жен.			XXVI.7			
18.	Ахмеровский ІІ могильник	1973		11		ІА.1.2а1; ІБ.1.10а					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
19.	Бахмутинский могильник	1960		2		ИБ.2; ×					
20.	Бахмутинский могильник	1960		5		ПБ.1.10е; ×	I.1.1б				
21.	Бахмутинский могильник	1960		6		ПА.1.2г1; ПА.1.2д1; ПБ.1.10д					
22.	Бахмутинский могильник	1960		7		ПБ.1.1б; ×					
23.	Бахмутинский могильник	1960		10		ПА.1.2д1					
24.	Бахмутинский могильник	1960		12		ПБ.1.10е					
25.	Бахмутинский могильник	1960		13		ПА.1.1а2					
26.	Береговский II могильник	1980		1		ПА.2.1б; ПВ.2.8б	III.5	XVIII.2д			
27.	Бирский могильник	1959		1		ПА.1.2д1					
28.	Бирский могильник	1959		2		ПБ.1.9в; ПБ.1.10е; ПБ.1.18	ПА.1б				
29.	Бирский могильник	1959		3		ПА.1.2д1; ПБ.1.14а					
30.	Бирский могильник	1959		5		ПБ.1.14б	I.1.2а				
31.	Бирский могильник	1959		8	жен.	×	ПА.3а	I.3б; VIII.1			
32.	Бирский могильник	1959		10		ПА.1.2д1					
33.	Бирский могильник	1959		12		ПБ.1.9в; ПБ.1.12д					
34.	Бирский могильник	1959		13		ПА.1.2д1					
35.	Бирский могильник	1959		15		ПБ.1.14а					
36.	Бирский могильник	1959		18	жен.	ПБ.2.5	I.1.1б; IVA.2	III.2; III.3; V.462; XXIV.9; ×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
37.	Бирский могильник	1959		21		ПБ.1.10е	*				
38.	Бирский могильник	1959		22		*	I.1.2.6				
39.	Бирский могильник	1959		25		ПА.1.2г2; ПА.1.8г					
40.	Бирский могильник	1959		29		ПБ.1.10е; *					
41.	Бирский могильник	1959		39	подр.	ПБ.1.10е					
42.	Бирский могильник	1959		40		ПБ.1.12д; *	ПА.36				
43.	Бирский могильник	1959		41		ПА.1.2г1					
44.	Бирский могильник	1959		42		ПА.1.8в; ПБ.1.12д					
45.	Бирский могильник	1959		43	дет.	ПА.1.261					
46.	Бирский могильник	1959		44		ПА.1.2д1					
47.	Бирский могильник	1959		46	дет.	ПБ.1.10е					
48.	Бирский могильник	1959		48		ПА.1.2г1					
49.	Бирский могильник	1959		50		ПА.1.261					
50.	Бирский могильник	1959		52		ПБ.1.9в; ПБ.1.1162					
51.	Бирский могильник	1959		53			I.1.26				
52.	Бирский могильник	1959		55	дет.	*		XXVI.3			
53.	Бирский могильник	1959		56		ПА.1.2д1					
54.	Бирский могильник	1959		57		*	I.1.1a				
55.	Бирский могильник	1959		58		ПА.1.2г2					
56.	Бирский могильник	1959		59		ПА.1.2г2					
57.	Бирский могильник	1959		60		ПА.1.2г2					
58.	Бирский могильник	1959		61		ПБ.1.9в	I.1.26; ПА.3a				
59.	Бирский могильник	1959		68		ПА.1.2г1	I.1.1a	VIII.1			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
60.	Бирский могильник	1959		70		ПА.1.2г1; ×					
61.	Бирский могильник	1959		71		ПБ.1.1161	I.1.26; ПА.4а	IV.2			
62.	Бирский могильник	1959		75		ПБ.1.10е	ПА.3б	IV.2			
63.	Бирский могильник	1959		76				IV.2			
64.	Бирский могильник	1959		77	муж.	ПБ.2.1а; ПБ.2.1б	III.261	VII.1			
65.	Бирский могильник	1959		78	дет.	ПБ.1.1161					
66.	Бирский могильник	1959		79			ПА.4а	IV.2			
67.	Бирский могильник	1959		81		ПБ.1.1162	I.1.26; ПА.4а	IV.2			
68.	Бирский могильник	1959		83		ПБ.2.1а	III.261	IV.2			
69.	Бирский могильник	1959		85				XX.2			
70.	Бирский могильник	1959		88		ПБ.2.1б	III.2в	VII.1			
71.	Бирский могильник	1959		89		ПБ.1.1162	ПА.4б	IV.2			
72.	Бирский могильник	1960		93		ПБ.1.1161	ПА.4а	IV.2			
73.	Бирский могильник	1960		95		ПБ.1.10е	ПА.4а				
74.	Бирский могильник	1960		100				IV.2			
75.	Бирский могильник	1960		101		ПБ.1.1161		IV.2			
76.	Бирский могильник	1960		108	жен.	ПБ.1.10е; ×	I.1.26; ПА.3а	IV.2			
77.	Бирский могильник	1960		111		ПБ.2.1б; ×	III.261	VII.1	IA.2		
78.	Бирский могильник	1960		112			I.1.2а	IV.2			
79.	Бирский могильник	1960		113		ПБ.1.1162		IV.2			
80.	Бирский могильник	1960		114		ПБ.1.10е					
81.	Бирский могильник	1960		116		ПБ.1.1162; ×					
82.	Бирский могильник	1960		117		ПБ.1.10е	×	IV.2			
83.	Бирский могильник	1960		119				IV.2			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
84.	Бирский могильник	1960		120				IV.2			
85.	Бирский могильник	1960		121		*	I.1.2a; I.1.2б; IIA.4a	IV.2			
86.	Бирский могильник	1960		123		ПБ.2.1a	III.2б1	IV.2; VII.1			
87.	Бирский могильник	1960		124		ПБ.2.1б		VII.1			
88.	Бирский могильник	1960		125	жен.	ПБ.1.10е	I.1.2a; I.1.2б; IIA.4a	IV.2			
89.	Бирский могильник	1960		126	жен.	ПБ.1.10е; ПБ.1.11б1	I.1.2a; I.1.2б; IIA.4a	IV.2			
90.	Бирский могильник	1960		127		ПВ.2.3					
91.	Бирский могильник	1960		128	жен.	ПБ.1.9в; ПБ.1.10е	I.1.2a; I.1.2б; IIA.4a	IV.2			
92.	Бирский могильник	1960		130	муж.	ПБ.2.1a; ПБ.2.1б	III.2б1	VII.1			
93.	Бирский могильник	1960		133		ПБ.1.11б1	I.1.2б; IIA.3б	IV.2			
94.	Бирский могильник	1960		134		*		IV.2; XX.2			
95.	Бирский могильник	1960		135				IV.2			
96.	Бирский могильник	1960		137		ПБ.1.10е; *	I.1.2a; I.1.2б; IIA.4a	IV.2; V.4б1			
97.	Бирский могильник	1960		138	жен.	ПВ.2.4; *					
98.	Бирский могильник	1960		139		ПБ.1.11б1; *					I.1
99.	Бирский могильник	1960		141				IV.2			
100.	Бирский могильник	1960		143				IV.2			
101.	Бирский могильник	1960		145				IV.2			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
102.	Бирский могильник	1960		147		ПБ.2.3					
103.	Бирский могильник	1960		148	жен.	×	I.1.2a; I.1.2б	IV.2			
104.	Бирский могильник	1960		154		ПБ.1.11б1	I.1.2б; ПА.3a	I.4в; IV.2			
105.	Бирский могильник	1960		155		ПБ.1.10е					
106.	Бирский могильник	1960		156		ПБ.2.1a; ПБ.2.1б; ПВ.2.3; ПВ.2.4	III.2б1				
107.	Бирский могильник	1960		157		ПБ.1.14б	×	×			
108.	Бирский могильник	1960		158		ПБ.1.11б1; ×	×				
109.	Бирский могильник	1960		161		ПБ.1.14б	I.1.2a				
110.	Бирский могильник	1960		164				IV.2			
111.	Бирский могильник	1960		165		ПБ.2.2a; ПБ.2.1б; ПВ.2.2	III.2б1	X.1б; XVII.3б; XXII.2в2; XXIII.3a2			
112.	Бирский могильник	1960		166		ПБ.1.10е	I.1.2б; ПА.4a	IV.2			
113.	Бирский могильник	1960		169		ПА.1.2д1; ПА.1.2д2					
114.	Бирский могильник	1960		170		ПБ.2.4					
115.	Бирский могильник	1962		172		ПБ.1.10е; ×					
116.	Бирский могильник	1962		173		ПБ.1.14a					
117.	Бирский могильник	1962		176			ПА.4a				
118.	Бирский могильник	1962		177		ПА.1.2д1					
119.	Бирский могильник	1962		181		ПВ.2.8г					
120.	Бирский могильник	1962		183				IV.2			
121.	Бирский могильник	1962		188				IV.2			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
122.	Бирский могильник	1962		189		ПБ.1.1162	*	IV.2			
123.	Бирский могильник	1962		194				XXIV.8a4			
124.	Бирский могильник	1962		195		ПБ.1.1161; *	I.1.26	IV.2			
125.	Бирский могильник	1962		197				XX.1; XXIV.3			
126.	Бирский могильник	1978		218		*		IV.2			
127.	Бирский могильник	1978		220		ПБ.2.5		X.1a; XXIV.1; XXIV.7		II.1	
128.	Бирский могильник	1978		221			I.1.26	IV.2			
129.	Бирский могильник	1978		222		ПА.1.3; *		IV.2			
130.	Бирский могильник	1978		224		*	ПА.36	IV.2			
131.	Бирский могильник	1978		225		ПБ.2.26; *		XV.3; XVII.3a; XXII.2в1; XXIII.36			
132.	Бирский могильник	1978		226		ПБ.1.10e; *	*	IV.2			
133.	Бирский могильник	1978		229				XXIV.2			
134.	Бирский могильник	1978		230				IV.2			
135.	Бирский могильник	1978		237		ПБ.1.9в; ПБ.1.10e					
136.	Бирский могильник	1978		238		ПБ.1.10e; ПБ.1.12д	ПА.4a				
137.	Бирский могильник	1978		239		ПБ.1.1161					
138.	Бирский могильник	1978		242		ПБ.1.9в					
139.	Бирский могильник	1978		243	жен.	ПБ.1.10e					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
140.	Бирский могильник	1978		245		ПБ.1.10е					
141.	Бирский могильник	1978		249			I.1.2.б; *				
142.	Бирский могильник	1981		257	жен.	*	I.1.1б; I.1.2б	IV.2			
143.	Бирский могильник	1981		263	муж.	ПВ.2.4					
144.	Бирский могильник	1981		265		ПБ.1.13в	I.1.2б	IV.2			
145.	Бирский могильник	1981		266		ПВ.2.4; *	*	IV.2			
146.	Бирский могильник	1981		270			ПА.2	V.1; XI.1			
147.	Бирский могильник	1981		272		ПБ.1.11б2	ПА.4а	IV.2			
148.	Бирский могильник	1981		280		ПБ.1.11б1; ПБ.1.13в	I.1.2а; ПА.1б ПА.4а	IV.2			
149.	Бирский могильник	1981		281				IV.2			
150.	Бирский могильник	1981		282			I.1.2б	IV.2			
151.	Бирский могильник	1981		283		*		IV.2			
152.	Бирский могильник	1981		285		ПБ.1.11б1; ПБ.1.12д	ПА.3б				
153.	Бирский могильник	1981		286		ПВ.2.4					
154.	Бирский могильник	1981		288		ПБ.1.10е	I.1.2б; ПА.4а	IV.2			
155.	Бирский могильник	1981		290		ПБ.1.10е	ПА.3б; *	IV.2; XX.2			
156.	Бирский могильник	1981		295		ПА.2.1а	*	XVII.1б			
157.	Бирский могильник	1981		296		ПБ.1.14б; *					
158.	Бирский могильник	1981		297		ПА.1.3		*			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
159.	Бирский могильник	1981		298		ПА.1.2д1; ПБ.1.10е; ×					
160.	Бирский могильник	1981		299		ПБ.2.4		ХIII.1			
161.	Бирский могильник	1981		307		ПА.1.1а1					
162.	Бирский могильник	1981		308		ПА.1.1а2					
163.	Бирский могильник	1981		311		ПБ.1.10е					
164.	Бирский могильник	1981		313		ПБ.1.1; ПБ.1.8			II.1		
165.	Бирский могильник	1981		315	дет.	ПБ.1.10в	I.1.1а				
166.	Бирский могильник	1981		319			I.1.1а; I.1.1б				
167.	Бирский могильник	1981		320		ПБ.1.1	I.6				
168.	Бирский могильник	1981		329		ПБ.1.1					
169.	Бирский могильник	1981		331		ПА.1.1а2					
170.	Бирский могильник	1981		332		ПБ.1.1					
171.	Бирский могильник	1981		333		×	I.6	XXVI.4			
172.	Бирский могильник	1981		335		ПБ.1.3					
173.	Бирский могильник	1981		337				XXV.1			
174.	Бирский могильник	1981		340				XXVI.4			
175.	Бирский могильник	1981		342		ПА.1.1а1					
176.	Бирский могильник	1981		343		ПБ.1.1; ×					
177.	Бирский могильник	1981		345		ПА.1.1а1					
178.	Бирский могильник	1981		346		ПА.1.1а1					
179.	Бирский могильник	1981		351		×			IB.1а		
180.	Бирский могильник	1983		352		ПБ.2.8б					
181.	Бирский могильник	1983		357			III.4а1	I.1а			
182.	Бирский могильник	1983		358			III.4б2				
183.	Бирский могильник	1983		359		×	IVБ.1.а	I.1в; XV.2; XXIV.5			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
184.	Бирский могильник	1983		360				XVII.1в; XIX.1а; XXIII.1			
185.	Бирский могильник	1983		361				XXIII.2			
186.	Бирский могильник	1983		363				XXIII.1			
187.	Бирский могильник	1984		371			III.161; III.461				
188.	Бирский могильник	1984		379		IIA.1.5					
189.	Бирский могильник	1984		381				XXVI.4			
190.	Бирский могильник	1984		382			III.4a1	XXIII.1			
191.	Бирский могильник	1984		384				XV.161			
192.	Бирский могильник	1984		396		IIБ.1.10e					
193.	Бирский могильник	1984		398		IIA.1.2г1	*				
194.	Бирский могильник	1984		399		IIA.1.2г2					
195.	Бирский могильник	1984		400		IIБ.2.7a1; *	III.4a2	XIV.26; XVIII.362			
196.	Бирский могильник	1984		401		IIБ.2.7a1	III.4a1	XVII.1а; XVIII.3а; XXII.1a1; XXIII.1			
197.	Бирский могильник	1984		402			III.1а				
198.	Бирский могильник	1984		405			III.4a1				
199.	Бирский могильник	1984		406		IIA.1.1a2					
200.	Бирский могильник	1984		410			III.1а; III.7	XV.1a1; XVII.1а; XVII.1в; XXI.1; XXIII.1			
201.	Бирский могильник	1984		416		IIБ.2.7a5	III.1а	XV.1a2; *			
202.	Бирский могильник	1985		417		IIБ.2.10	III.1а	XVIII.3а; XXII.1a1			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
203.	Бирский могильник	1985		419			III.161	XXII.1a1; XXIII.1			
204.	Бирский могильник	1985		422		IIA.1.1a1					
205.	Бирский могильник	1985		423		IIБ.1.1; IIБ.2.7a1; ×	V.1	I.1a; XV.162			
206.	Бирский могильник	1985		426				V.461			
207.	Бирский могильник	1985		427				XV.1a3			
208.	Бирский могильник	1985		430		IIA.1.7					
209.	Бирский могильник	1985		438			III.4a1				
210.	Бирский могильник	1990		461		IIБ.1.1		×			
211.	Бирский могильник	1990		462a		IIБ.1.3					
212.	Бирский могильник	1990		466			I.4.в				
213.	Бирский могильник	1990		467		IIA.1.1a1; ×		XXVI.3			
214.	Бирский могильник	1990		468a		IIA.1.1a1					
215.	Бирский могильник	1990		468б		IIA.1.1a2	×				
216.	Бирский могильник	1990		470		IIA.1.2в2					
217.	Бирский могильник	1990		481		IIБ.1.1	I.6				
218.	Бирский могильник	1990		483		IIA.1.1a1; ×					
219.	Бирский могильник	1990		485		IIБ.1.12в					
220.	Бирский могильник	1990		494		IIБ.1.6					
221.	Бирский могильник	1990		503		IIБ.1.3		×			
222.	Бирский могильник	1990		506a	подр.	IIA.1.2в1	I.1.1a	×			
223.	Бирский могильник	1990		506б		IIA.1.1a2					
224.	Бирский могильник	1990		507		IIA.1.1a2					
225.	Бирский могильник	1990		513		IIA.1.1a1					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
226.	Бирский могильник	1990		5166	подр.	ПБ.1.5; ×	I.1.16				
227.	Бирский могильник	1990		521		ПБ.1.5; ×					
228.	Бирский могильник	1990		523			III.4a1	I.1a			
229.	Бирский могильник	1990		536		ПБ.1.3		XXV.2a			
230.	Бирский могильник	1990		541		ПБ.1.1; ×	I.6				
231.	Бирский могильник	1990		549				XXVI.4			
232.	Бирский могильник	1990		550		ПБ.1.1; ПБ.1.3; ПБ.1.126		XXV.3		I.16	
233.	Бирский могильник	1991		551	дет.	ПА.1.1a1					
234.	Бирский могильник	1991		552		ПА.1.1a2					
235.	Бирский могильник	1991		555a		ПА.1.1a2					
236.	Бирский могильник	1991		557		ПБ.1.1					
237.	Бирский могильник	1991		559		ПА.1.2a2					
238.	Бирский могильник	1991		562		ПА.1.261; ×		XXVI.4			
239.	Бирский могильник	1991		563		ПБ.1.1	I.6				
240.	Бирский могильник	1991		565		ПБ.1.12в	×				
241.	Бирский могильник	1991		577	дет.	ПБ.1.126	I.1.1a	I.4a; IV.2			
242.	Бирский могильник	1991		578		ПБ.1.126					
243.	Бирский могильник	1991		581		ПА.1.2в1; ×					
244.	Бирский могильник	1991		585		×	I.1.16				
245.	Бирский могильник	1991		587		ПА.1.2в2					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
246.	Бирский могильник	1991		589		ПА.1.1a1					
247.	Бирский могильник	1991		590		×	I.1.1б				
248.	Бирский могильник	1991		592	дет.		I.1.1a; I.1.1б				
249.	Бирский могильник	1991		593		ПА.1.1a2; ×					
250.	Бирский могильник	1991		594		ПБ.1.12в					
251.	Бирский могильник	1991		596		×	I.4.a				
252.	Бирский могильник	1991		604		ПА.1.1a2; ПБ.1.9a					
253.	Бирский могильник	1991		606		ПБ.1.12в					
254.	Бирский могильник	1991		624			I.1.1б		IA.2		
255.	Бирский могильник	1991		627		ПА.1.2г1					
256.	Бирский могильник	1991		628		ПБ.1.12г	I.1.1a				
257.	Бирский могильник	1991		634		ПА.1.1a1					
258.	Бирский могильник	1991		641		ПА.1.1a1			×		
259.	Бирский могильник	1991		644		ПБ.1.12г	I.1.1a				
260.	Бирский могильник	1991		645		×	ПА.5	I.3a			
261.	Бирский могильник	1991		649		ПБ.1.1					
262.	Бирский могильник	1991		650		ПА.1.2б1					
263.	Бирский могильник	1991		653		ПБ.1.10г; ×	I.1.1a	I.4a; IV.2			
264.	Бирский могильник	1991		654		ПА.1.2в2					
265.	Бирский могильник	1991		655		ПА.1.2a; ПА.1.2в2					
266.	Бирский могильник	1991		658б		ПБ.1.1					
267.	Бирский могильник	1991		662		ПБ.1.12г					
268.	Бирский могильник	1991		665		ПА.1.2в1					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
269.	Бирский могильник	1991		670		ПБ.1.12г; ×					
270.	Бирский могильник	1991		675а		ПА.1.1а2					
271.	Бирский могильник	1991		677		ПБ.1.3					
272.	Бирский могильник	1991		680а		ПА.1.1а2; ПА.1.2в1					
273.	Бирский могильник	1991		686		ПА.1.2б1; ×		V.26			
274.	Бирский могильник	1991		687		ПБ.1.1					
275.	Бирский могильник	1991		688	подр.	ПА.1.1а1; ×					
276.	Булгарский I курган	1971		1				XI.1; XXIV.8а3			
277.	Галановский II могильник	1960		1		ПБ.2.1а	III.261				
278.	Дежневский могильник	1961		18/1		ПБ.1.15					
279.	Дежневский могильник	1967		30		ПА.1.2д1; ПБ.1.10е					
280.	Дежневский могильник	1968		1/3		ПБ.2.1а		VII.1			
281.	Дежневский могильник	1968		2		ПА.1.8д					
282.	Дежневский могильник	1989		1		ПБ.1.10е	ПБ.2				
283.	Дежневский могильник	1989		9		ПА.1.2г1					
284.	Дежневский могильник	1989		15/2		ПБ.1.10е					
285.	Дежневский могильник	1989		19/1		ПБ.1.13в					
286.	Дежневский могильник	1989		19/2		ПБ.2.1а	III.261	VII.1			
287.	Дежневский могильник	1989		20		ПБ.2.1а					
288.	Дежневский могильник	1990		21/2		ПБ.1.10е	ПА.36	III.1; VII.2а			
289.	Дежневский могильник	2005		103		ПБ.1.10е; ПБ.1.13в; ×	ПА.36; ПБ.1	VII.26			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
290.	Камбулатовский I могильник	1983		1		ПА.1.2д1; ПА.1.8б; ПА.2.2; ×					
291.	Кара-Тамакский могильник	1959		7		ПА.1.2г1					
292.	Кара-Тамакский могильник	1959		8а	муж.	ПА.1.1а1; ПА.1.2г2					
293.	Кара-Тамакский могильник	1959		8б		ПА.1.2г2	I.1.1б				
294.	Кара-Тамакский могильник	1959		16		×	ПА.1а	×			
295.	Кара-Тамакский могильник	1959		17а		ПА.1.2г1					
296.	Кара-Тамакский могильник	1959		18в		ПБ.1.12г; ×	I.1.1б				
297.	Кара-Тамакский могильник	1959		18д		ПБ.1.12г	ПА.3а				
298.	Красногорский II могильник	1974		1				XI.1; XII.1а			
299.	Красногорский II могильник	1974		2				XXII.2б			
300.	Кувыковский могильник	1962		1		ПБ.2.1а; ПБ.2.1б	III.2а	VII.1			
301.	Кушнарниковский могильник	1959		2		ПБ.2.7а2; ×	III.3а; ×	XI.1; XIV.2а; XVIII.2г; XXIV.8а1			
302.	Кушнарниковский могильник	1959		4		ПА.2.1б					
303.	Кушнарниковский могильник	1959		10				XXIV.3			
304.	Кушнарниковский могильник	1959		17		ПБ.2.8а; ПБ.2.8г	III.10	XI.1; XIV.1а; XVIII.2а; XVIII.2б			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
305.	Кушнаренковский могильник	1959		21			×	XII.1в; XVIII.2a			
306.	Кушнаренковский могильник	1959		21			III.10				
307.	Кушнаренковский могильник	1959		27	муж.	IIA.1.6б					
308.	Кушнаренковский могильник	1959		28				XV.1б1			
309.	Лагереvский могильник	1964		4/2				I.1a			
310.	Лагереvский могильник	1972		10				XVII.1a			
311.	Лагереvский могильник	1972		14				I.1a; XV.1a2			
312.	Лагереvский могильник	1972		29			×	I.1a; II.1; XXIII.1 ×			
313.	Лагереvский могильник	1972		43			×	I.1г; ×			
314.	Лагереvский могильник	1972		46/2			IIБ.2.9г	I.1a; XV.1a2; XVIII.3a; XXII.1a1; XXIII.1 ×			
315.	Лагереvский могильник	1972		54			IIA.2.3; ×				
316.	Лагереvский могильник	1972		55				XV.1a2; XVIII.3б1			
317.	Лагереvский могильник	1972		56				XXIII.1			
318.	Лагереvский могильник	1972		57			IIA.2.1б				
319.	Мало-Качакский могильник	1967		1			IIБ.1.12г				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
320.	Мало-Качакский могильник	1970	II	11		IIA.1.2г1	I.1.1б	IV.1			
321.	Манякский могильник	1967	I	1		IIВ.2.7б	III.6а; III.6б; III.11	I.1а; I.1в; V.5; XV.2; XXII.1б2; XXIV.10			
322.	Манякский могильник	1967	I	2				I.1а			
323.	Манякский могильник	1967	I	8				XVIII.2а			
324.	Манякский могильник	1967	I	9			III.4а1; *	XV.1б1; XVIII.2а			
325.	Манякский могильник	1967	I	12			III.1а				
326.	Манякский могильник	1967	I	17		IIA.1.5					
327.	Манякский могильник	1967	I	22				XIX.1а			
328.	Манякский могильник	1967	I	25			III.1а; III.1б1; III.4а1				
329.	Манякский могильник	1967	II	1		IIВ.1.5; *		XXIII.1 *			
330.	Манякский могильник	1967	II	2		IIВ.2.7а4	III.1а; III.1б1; III.1б2	I.1б; XVIII.1			
331.	Манякский могильник	1967	II	3		*		XV.1а2; XXI.1			
332.	Манякский могильник	1967	II	4		IIВ.2.7а3		*			
333.	Манякский могильник	1968	II	9		IIВ.2.8б		XVIII.3а			
334.	Манякский могильник	1968	II	10		*		I.1а; XV.1а2; XVII.1а; XXII.1а1			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
335.	Манякский могильник	1968	II	11		IIA.2.3; IIB.2.6		XXIII.1			
336.	Манякский могильник	1968	II	12		IIB.2.7a3	III.1a				
337.	Ново-Биккинский курган	1970		1		IIB.2.8б	IVA.1a; ×	X.1в; XXIV.8a2; ×			
338.	Ново-Биккинский курган	1970		1 («тайник»)		IIB.2.8a; IIB.2.9в	×	×			
339.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		8/1		IIB.2.1a					
340.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		9/3		IIA.1.4					
341.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		10/1		IIB.2.9a; ×	×				
342.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		10/2		×	III.163	XIV.161; ×			
343.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		11/1		IIB.2.16					
344.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		13/1				VI.2; XII.1в			
345.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		13/2		IIB.2.8a	III.3a	VI.2; XIV.161; XVII.2; XVIII.2б			
346.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		15/1			III.2в				
347.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		16/2			III.3a				
348.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		18/1		×	IVA.1a	IV.3; VI.1; IX.1			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
349.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		18/4				VI.2			
350.	Ново-Турбаслинский могильник	1958		21/1				XVI.16			
351.	Ново-Турбаслинский могильник	1958		23/1		ПВ.2.5					
352.	Ново-Турбаслинский могильник	1958		26/1			III.263	×			
353.	Ново-Турбаслинский могильник	1958		27/4		ПБ.1.10е					
354.	Ново-Турбаслинский могильник	1958		27/8			III.161; III.162; IVA.16	XV.1a4; XIX.16; XXII.1a2			
355.	Ново-Турбаслинский могильник	1992		30		ПБ.2.1a	III.261				
356.	Новиковское погребение	1878		1		ПВ.2.8a; ПВ.2.9б; ×	III.3a; IVA.1a	XXII.161; XXIV.6б			
357.	Жен. погр. во дворе Башмединститута	1936		2	жен.	ПВ.2.8г	III.10	XIV.162; XXIV.8б			
358.	Погр. у г. Ишимбай	1961		1		ПВ.2.9a					
359.	Погр. на ул. Менделеева	2009		1	муж.	ПА.1.2в1					
360.	Погр. на ул. Мустая Карима, д. 33	1946		1		ПБ.2.1a; ПБ.2.1б	×	VII.1			
361.	Погр. у театра Оперы и Балета	1939		1		ПВ.2.7a1					
362.	Погр. на ул. Тукаева	1970		1		×	I.3; III.262				
363.	Салиховский могильник	1967		1			I.5				
364.	Салиховский могильник	1967		7		ПА.1.6a					
365.	Салиховский могильник	1967		10		ПБ.1.13б					
366.	Салиховский могильник	1967		33		ПБ.1.10б					
367.	Салиховский могильник	1972		19		ПБ.1.13a		XXIV.4б			
368.	Салиховский могильник	1972		22		ПА.2.4	I.1.1a	XXVI.2			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
369.	Старо-Кабановский могильник	1967		1		ПА.1.2Г1					
370.	Старо-Кабановский могильник	1967		2		ПБ.1.12В					
371.	Старо-Кабановский могильник	1967		3		ПБ.1.12Г	I.1.1б				
372.	Старо-Кабановский могильник	1967		4		ПА.1.2В1; ПБ.1.12Г	I.1.1б	IV.2; V.4a1			
373.	Старо-Кабановский могильник	1967		12		ПА.1.262; ×	I.1.1a				
374.	Старо-Кабановский могильник	1967		13		ПА.1.2Г1; ×					
375.	Старо-Кабановский могильник	1967		14		ПА.1.2Г1					
376.	Старо-Кабановский могильник	1967		16		×	I.1.1б				
377.	Старо-Кабановский могильник	1967		17		ПБ.1.10Г; ×					
378.	Старо-Кабановский могильник	1967		19		×	I.6				
379.	Старо-Кабановский могильник	1967		20		ПБ.1.12В; ×					
380.	Старо-Кабановский могильник	1967		21		ПБ.1.10Г; ×					
381.	Старо-Кабановский могильник	1967		22		ПА.1.2В1; ПА.1.2Г2	×				
382.	Старо-Кабановский могильник	1968		24		ПА.1.2Г2; ×	I.1.1a				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
383.	Старо-Кабановский могильник	1968		25		ПА.1.2Г1					
384.	Старо-Кабановский могильник	1968		27		×	I.1.1б				
385.	Старо-Кабановский могильник	1968		31		ПБ.1.12Г	I.1.1б				
386.	Старо-Кабановский могильник	1968		35а		ПА.1.1а1; ПБ.1.12б	I.1.1б				
387.	Старо-Кабановский могильник	1968		36		ПБ.1.12В	I.1.1б				
388.	Старо-Кабановский могильник	1969		37		ПБ.1.12В					
389.	Старо-Кабановский могильник	1969		39б		×	I.1.1б				
390.	Старо-Кабановский могильник	1969		41		ПА.1.2Г1					
391.	Старо-Кабановский могильник	1969		42		ПБ.1.12В					
392.	Старо-Кабановский могильник	1969		45		ПА.1.2В1					
393.	Старо-Кабановский могильник	1969		46		ПБ.1.12В					
394.	Старо-Кабановский могильник	1969		53		ПА.1.1а1					
395.	Старо-Кабановский могильник	1969		54		ПБ.1.12а					
396.	Старо-Кабановский могильник	1969		55		ПА.1.2Г2; ×	I.1.1а				
397.	Старо-Кабановский могильник	1970		57а		ПА.1.1а1					
398.	Старо-Кабановский могильник	1970		59а		×	I.1.1б				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
399.	Старо-Кабановский могильник	1970		61		×		XXVI.10			
400.	Старо-Кабановский могильник	1970		62		ПБ.1.12а					
401.	Старо-Кабановский могильник	1970		65		ПА.1.261; ×					
402.	Старо-Кабановский могильник	1970		68		ПБ.1.12в	I.1.16				
403.	Старо-Кабановский могильник	1970		69а		ПБ.1.12г	I.1.16				
404.	Старо-Кабановский могильник	1970		69б		ПБ.1.12б	I.1.16				
405.	Старо-Кабановский могильник	1970		70б		ПБ.1.12г	I.1.16				
406.	Старо-Кабановский могильник	1970		72		ПБ.1.12г	I.1.1а				
407.	Старо-Кабановский могильник	1970		73		×	I.1.16				
408.	Старо-Кабановский могильник	1970		80	жен.	ПБ.1.9б; ×	I.1.16; ПА.1а	I.4а			
409.	Старо-Кабановский могильник	1970		84		×	I.1.16				
410.	Старо-Кабановский могильник	1970		86		ПА.1.2в2; ПБ.1.12в	ПА.1а	V.4а1		I.16	
411.	Старо-Кабановский могильник	1970		87		ПБ.1.12г	×				
412.	Старо-Кабановский могильник	1970		88		ПБ.1.12б	I.1.1а				
413.	Старо-Кабановский могильник	1970		90		ПБ.1.10д; ×	I.1.16; ×				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
414.	Старо-Кабановский могильник	1970		95		ПБ.1.9б	I.1.1a				
415.	Старо-Кабановский могильник	1970		98		ПБ.1.10в	I.1.1б	I.4a; IV.2			
416.	Старо-Кабановский могильник	1970		99		ПБ.1.10г; *	I.1.1б				
417.	Старо-Кабановский могильник	1970		100		ПБ.1.12г	I.1.1б				
418.	Старо-Кабановский могильник	1970		102		*	I.1.1б	I.4б; IV.2			
419.	Старо-Кабановский могильник	1970		106			I.1.1б				
420.	Старо-Кабановский могильник	1970		107		ПБ.1.12г	I.1.1б				
421.	Старо-Кабановский могильник	1971		112		ПА.1.2в1; ПБ.1.12г					
422.	Старо-Кабановский могильник	1971		113		ПБ.1.12a	I.1.1б				
423.	Старо-Кабановский могильник	1971		115		ПБ.1.9б; ПБ.1.10г	ПА.1a; *	I.4a; IV.2			
424.	Старо-Кабановский могильник	1971		116		ПА.1.2в1					
425.	Старо-Кабановский могильник	1971		117a		ПБ.1.12г		I.4a			
426.	Старо-Кабановский могильник	1971		120		ПБ.1.10в					
427.	Старо-Кабановский могильник	1971		123			I.1.1б				
428.	Старо-Кабановский могильник	1971		124		ПБ.1.9б; ПБ.1.12в	I.1.1a; I.1.1б				
429.	Старо-Кабановский могильник	1971		129		ПБ.1.12в	I.1.1б				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
430.	Старо-Кабановский могильник	1971		130		×	I.1.1a				
431.	Старо-Кабановский могильник	1971		132a	муж.	ПБ.1.10в; ×	×				
432.	Старо-Кабановский могильник	1971		135		ПБ.1.12г	I.1.1б	IV.2			
433.	Старо-Кабановский могильник	1971		137		×	I.1.1б				
434.	Старо-Кабановский могильник	1971		138		ПБ.1.12в; ×	I.1.1б				
435.	Старо-Кабановский могильник	1971		141		×		I.4a; IV.2			
436.	Старо-Кабановский могильник	1971		145		ПБ.1.9б; ×	ПА.1a; ×				
437.	Старо-Кабановский могильник	1971		149		ПБ.1.12г	I.1.1a				
438.	Старо-Кабановский могильник	1971		152		ПБ.1.12г	I.1.1б				
439.	Старо-Кабановский могильник	1971		153	дет.	ПБ.1.12в					
440.	Старо-Кабановский могильник	1971		154		×		IV.2			
441.	Старо-Муштинский могильник	1988		2/3	муж.	ПБ.1.12б; ×	×				
442.	Старо-Муштинский могильник	1988		2/4		ПБ.1.5; ×	ПА.1a				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
443.	Старо-Муштинский могильник	1988		2/5		ПА.1.1а1; ×	×				
444.	Старо-Муштинский могильник	1988		7/1		ПБ.1.12б					
445.	Старо-Муштинский могильник	1988		10/3		ПБ.1.12в		IV.2			
446.	Старо-Муштинский могильник	1988		10/6	муж.	ПА.1.1а1; ПБ.1.12б					
447.	Старо-Муштинский могильник	1988		15/3		ПА.1.2а2					
448.	Старо-Муштинский могильник	1989		16/1		ПА.1.2а2					
449.	Старо-Муштинский могильник	1989		17/1		ПБ.1.1					
450.	Старо-Муштинский могильник	1989		17/3		ПБ.1.12г	×				
451.	Старо-Муштинский могильник	1989		17/3 («тайник»)		ПА.1.2г1; ПА.1.2г2; ПБ.1.12г; ×	I.5; ПА.1а	I.2			
452.	Старо-Муштинский могильник		I	6		ПБ.1.12б	I.1.1б; ПА.1б				
453.	Старо-Муштинский могильник		I	8	дет.		I.1.1б				
454.	Старо-Муштинский могильник		I	12			I.1.1б	IV.2			
455.	Старо-Муштинский могильник		I	13		×	ПА.1а				
456.	Старо-Муштинский могильник		III	2		×	I.1.1а				

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
457.	Старо-Муштинский могильник		III	5			I.1.1a				
458.	Старо-Муштинский могильник		III	7			I.1.1a				
459.	Старо-Муштинский могильник		III	8		ПБ.1.5	I.1.1a; I.2	I.3a; XXV.2a; XXV.2б			
460.	Старо-Муштинский могильник		V	6		ПА.1.2г2; ПА.1.8a					
461.	Старо-Муштинский могильник		V	7		ПА.1.1a2					
462.	Старо-Муштинский могильник		V	9		ПА.1.1a2	I.1.1a				
463.	Старо-Муштинский могильник		VII	4		ПА.1.2г2					
464.	Старо-Муштинский могильник		VII	6			I.1.1a	I.4a			
465.	Сынтыш-Тамакский могильник	1966		1/2		ПБ.1.10е		*			
466.	Сынтыш-Тамакский могильник	1966		3		*	III.3a; *	XII.2; XVII.3в; XVIII.2б			
467.	Сынтыш-Тамакский могильник	1966		10		ПБ.2.9д; *	III.3a	VI.2; XV.163; XVI.1a; XVIII.2б			
468.	Могильник Чайка-1	2014		1	муж.	ПБ.1.10е; *					
469.	Могильник Чайка-1	2015		7	муж.	ПБ.2.1; ПБ.2.8a	I.4г; III.3a; III.3б	XII.16; XVIII.2б			
470.	Шареевский могильник	1966		8				XXII.2a			
471.	Шареевский могильник	1966		9		*		XVIII.2д			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
472.	Шареевский могильник	1966		16		ПА.1.5					
473.	Шиповский могильник	1995	XIII	37					ИБ.1а; ИБ.1б		
474.	Шиповский могильник	1995	XIII	43	жен.				ИБ.1а		
475.	Шиповский могильник	1995	XIII	44	муж.			IV.1; XXIV.4а			
476.	Шиповский могильник	1995	XIII	48б		ПА.1.1а1					
477.	Шиповский могильник	1995	XIII	59		ПА.1.1а1					
478.	Шиповский могильник	1995	XIII	60		ПБ.1.4					
479.	Шиповский могильник	1995	XIII	67		ПБ.1.4					
480.	Шиповский могильник	1995	XIII	82		ПА.1.1а1		XXIV.4а	ИБ.2		
481.	Шиповский могильник	1995	XIII	91		ПА.1.1а1					
482.	Шиповский могильник	1995	XIII	96		ПА.1.1а1					
483.	Шиповский могильник	1995	XIII	99	муж.	ПА.1.1а2					
484.	Шиповский могильник	1995	XIII	101						I.1а	
485.	Шиповский могильник	1995	XIII	102		×				I.1а	
486.	Шиповский могильник	1995	XIII	104	дет.	ПБ.1.4; ×					
487.	Шиповский могильник	1995	XIII	118	дет.	ПА.1.1а2					
488.	Шиповский могильник	1995	XIII	177	подр.	ПА.1.2б1					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
489.	Шиповский могильник	1995	XIII	183	подр.	×		XXIV.4a			
490.	Шиповский могильник	1995	XIII	187	жен.	IIA.1.2a2					
491.	Шиповский могильник	1995	XIII	197	жен.	IIБ.1.2	I.46	V.3; V.4a2			
492.	Шиповский могильник	1995	XIII	208	муж.	IIБ.1.4		×			
493.	Шиповский могильник	1995	XIII	217	жен.			XXIV.4a			
494.	Шиповский могильник	1995	XIII	228	муж.	IIA.1.261	III.8	XXVI.6			
495.	Шиповский могильник	1995	XIII	230	муж.			XXIV.4a; ×	×		
496.	Шиповский могильник	1995	XIII	244				XXIV.4a	IA.1		
497.	Шиповский могильник	1995	XIII	249	жен.			XXIV.4a			
498.	Шиповский могильник	1995	XIII	252	жен.	IIБ.1.1		XXIV.4a	IB.16		
499.	Шиповский могильник	1995	XIII	254		IIБ.1.13a	×				
500.	Шиповский могильник	1995	XIII	261	жен.	IIA.1.1a2; ×					
501.	Шиповский могильник	1995	XIII	264	муж.	IIБ.1.5		XXVI.6			
502.	Шиповский могильник	1995	XIII	268a	жен.	IIБ.1.1		XXVI.9	IB.1a		
503.	Шиповский могильник	1995	XIII	2686	дет.	IIA.1.1a2			IB.1a		
504.	Шиповский могильник	1995	XIII	269		IIБ.1.7			×		
505.	Шиповский могильник	1995	XIII	282	муж.	IIA.1.1a1	×				
506.	Шиповский могильник	1995	XIII	298	жен.	×		I.36			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
507.	Шиповский могильник	1995	XIII	303				XXIV.4a			
508.	Шиповский могильник	1995	XIII	313	жен.	ПА.1.16; ×					
509.	Югомашевский могильник	1967		1		ПА.1.2г2					
510.	Югомашевский могильник	1975	I	1		ПБ.1.12г					
511.	Югомашевский могильник	1975	II	6	подр.	ПБ.1.11a					
512.	Югомашевский могильник	1975	II	7		ПБ.1.9б; ПБ.1.12г	I.1.1б; ПА.3a	IV.2			
513.	Югомашевский могильник	1975	II	8		ПБ.1.9б; ×	ПА.1a				
514.	Югомашевский могильник	1975	II	10		ПА.1.2г1; ×					
515.	Югомашевский могильник	1975	II	11		ПА.1.1a2; ×					
516.	Югомашевский могильник	1975	II	15		×	I.1.1б; ПА.1a	IV.2			
517.	Югомашевский могильник	1975	II	16		×					
518.	Югомашевский могильник	1975	II	17		ПА.1.2г2					
519.	Югомашевский могильник	1975	II	19		ПА.1.2б2					
520.	Югомашевский могильник	1975	II	20		ПБ.1.9б; ×					
521.	Югомашевский могильник	1975	II	22		ПА.1.2б1; ×					
522.	Югомашевский могильник	1975	II	24		ПБ.1.11a; ×		×			
523.	Югомашевский могильник	1975	II	51				XXIV.4б			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
524.	Югомашевский могильник	1975	II	55		×					
525.	Югомашевский могильник	1975	II	61		ПБ.1.12г					
526.	Югомашевский могильник	1975	II	64	подр.	ПБ.1.12б	I.1.2.a; I.2	I.4a			
527.	Югомашевский могильник	1975	III	3		ПБ.1.12б; ×					
528.	Югомашевский могильник	1975	III	4		×	×	IV.2; V.2a			
529.	Югомашевский могильник	1975	III	5			I.1.1б	IV.2			
530.	Югомашевский могильник	1975	III	9		ПА.1.2в2; ×					

Таблица 5

Погребальные комплексы с типологически неопределимой ременной гарнитурой

№ №	Название памятника	Год раскопок	Раскоп	Курган / погр.	Половозрастн ая хар-ка погребенного	Пряжки	Наконеч- ники	Наклад- ки	Бляхи
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Ангасякский могильник	1966		10		×			
2.	Ангасякский могильник	1966		13		×			
3.	Ангасякский могильник	1966		21		×	×		
4.	Ангасякский могильник	1966		22		×			
5.	Ангасякский могильник	1969		31		×			
6.	Ангасякский могильник	1969		40		×			
7.	Ангасякский могильник	1969		41		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
8.	Ангасякский могильник	1969		43		×			
9.	Ангасякский могильник	1969		44		×			
10.	Ангасякский могильник	1969		47		×			
11.	Ангасякский могильник	1971		56		×			
12.	Ангасякский могильник	1971		57		×			
13.	Ангасякский могильник	1971		67		×			
14.	Ангасякский могильник	1971		70		×	×		
15.	Ангасякский могильник	1991		79		×			
16.	Ангасякский могильник	1991		82	жен.	×			
17.	Ангасякский могильник	1991		84		×			
18.	Ангасякский могильник	1991		86		×			
19.	Ангасякский могильник	1991		87		×			
20.	Ангасякский могильник	1991		90		×			
21.	Ангасякский могильник	1991		91		×			
22.	Бахмутинский могильник	1960		8		×			
23.	Бахмутинский могильник	1960		14		×			
24.	Бирский могильник	1959		6		×			
25.	Бирский могильник	1959		9		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
26.	Бирский могильник	1959		19		×	×		
27.	Бирский могильник	1959		23		×			
28.	Бирский могильник	1959		26		×			
29.	Бирский могильник	1959		27	жен.	×			
30.	Бирский могильник	1959		30		×			
31.	Бирский могильник	1959		33		×			
32.	Бирский могильник	1959		38		×	×		
33.	Бирский могильник	1959		45		×			
34.	Бирский могильник	1959		47		×			
35.	Бирский могильник	1959		51		×			
36.	Бирский могильник	1959		63		×			
37.	Бирский могильник	1959		67		×	×		
38.	Бирский могильник	1959		72		×			
39.	Бирский могильник	1959		73		×			
40.	Бирский могильник	1959		74		×			
41.	Бирский могильник	1959		74а			×		
42.	Бирский могильник	1960		91		×			
43.	Бирский могильник	1960		96	дет.	×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
44.	Бирский могильник	1960		104		×			
45.	Бирский могильник	1960		107		×			
46.	Бирский могильник	1960		122		×			
47.	Бирский могильник	1960		132	муж.	×			
48.	Бирский могильник	1960		136	дет.	×			
49.	Бирский могильник	1960		167		×			
50.	Бирский могильник	1962		175		×			
51.	Бирский могильник	1962		178		×			
52.	Бирский могильник	1962		186		×			
53.	Бирский могильник	1962		191		×			
54.	Бирский могильник	1962		192		×			
55.	Бирский могильник	1962		193		×			
56.	Бирский могильник	1962		196		×			
57.	Бирский могильник	1962		204		×			
58.	Бирский могильник	1978		217		×			
59.	Бирский могильник	1978		246		×			
60.	Бирский могильник	1978		248			×		
61.	Бирский могильник	1978		250			×		

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
62.	Бирский могильник	1978		251		×		×	
63.	Бирский могильник	1981		259	муж.	×	×		
64.	Бирский могильник	1981		260	подр.	×			
65.	Бирский могильник	1981		269	дет.	×			
66.	Бирский могильник	1981		277		×			
67.	Бирский могильник	1981		287		×			
68.	Бирский могильник	1981		300		×			
69.	Бирский могильник	1981		303		×			
70.	Бирский могильник	1981		304		×			
71.	Бирский могильник	1981		310		×	×		
72.	Бирский могильник	1981		314		×	×		
73.	Бирский могильник	1981		316		×			
74.	Бирский могильник	1981		318		×			
75.	Бирский могильник	1981		325		×			
76.	Бирский могильник	1983		354		×			
77.	Бирский могильник	1984		380		×			
78.	Бирский могильник	1984		383		×			
79.	Бирский могильник	1984		393		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
80.	Бирский могильник	1984		404		×			
81.	Бирский могильник	1984		407				×	
82.	Бирский могильник	1985		429		×			
83.	Бирский могильник	1990		463		×			
84.	Бирский могильник	1990		474		×			
85.	Бирский могильник	1990		475		×	×		
86.	Бирский могильник	1990		489		×			
87.	Бирский могильник	1990		491		×			
88.	Бирский могильник	1990		508		×			
89.	Бирский могильник	1990		511		×			
90.	Бирский могильник	1990		512		×			
91.	Бирский могильник	1990		519		×		×	
92.	Бирский могильник	1990		520	дет.	×			
93.	Бирский могильник	1990		530		×			
94.	Бирский могильник	1990		545		×			
95.	Бирский могильник	1990		548		×		×	
96.	Бирский могильник	1991		5556		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
97.	Бирский могильник	1991		566		×		×	
98.	Бирский могильник	1991		571		×			
99.	Бирский могильник	1991		572		×			
100.	Бирский могильник	1991		574		×			
101.	Бирский могильник	1991		582		×			
102.	Бирский могильник	1991		586		×			
103.	Бирский могильник	1991		594		×			
104.	Бирский могильник	1991		597		×			
105.	Бирский могильник	1991		600				×	
106.	Бирский могильник	1991		602a		×			
107.	Бирский могильник	1991		608		×			
108.	Бирский могильник	1991		609		×			
109.	Бирский могильник	1991		611		×			
110.	Бирский могильник	1991		615		×			
111.	Бирский могильник	1991		616		×		×	
112.	Бирский могильник	1991		622		×			
113.	Бирский могильник	1991		623				×	

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
114.	Бирский могильник	1991		625		×			
115.	Бирский могильник	1991		626		×			
116.	Бирский могильник	1991		637		×			
117.	Бирский могильник	1991		639		×			
118.	Бирский могильник	1991		640		×			
119.	Бирский могильник	1991		646		×			
120.	Бирский могильник	1991		657б		×			
121.	Бирский могильник	1991		658а				×	
122.	Бирский могильник	1991		660		×			
123.	Бирский могильник	1991		673		×			
124.	Бирский могильник	1991		678		×			
125.	Бирский могильник	1991		679		×			
126.	Бирский могильник	1991		684		×			
127.	Дежневский могильник	1961		5		×			
128.	Дежневский могильник	1967		11		×			
129.	Дежневский могильник	1974		2/1		×			
130.	Кара-Тамакский могильник	1959		4		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
131.	Кара-Тамакский могильник	1959		5		×	×		
132.	Кара-Тамакский могильник	1959		6		×			
133.	Кара-Тамакский могильник	1959		11	дет.	×			
134.	Кара-Тамакский могильник	1959		14		×			
135.	Кушнаренокский могильник	1959		16		×			
136.	Кушнаренокский могильник	1959		26	дет.			×	
137.	Мало-Качакский могильник	1970	I	2	дет.	×	×		
138.	Мало-Качакский могильник	1970	I	3		×			
139.	Мало-Качакский могильник	1970	I	6		×			
140.	Мало-Качакский могильник	1970	II	9		×	×		
141.	Мало-Качакский могильник	1970	III	12		×			
142.	Мало-Качакский могильник	1970	III	14		×			
143.	Манякский могильник	1967	I	14		×			
144.	Ново-Турбаслинский могильник	1957		11/2		×			
145.	Погр. на ул. Егора Сазонова	1987		1	муж.	×			
146.	Салиховский могильник	1967		5			×		
147.	Салиховский могильник	1972		35			×		
148.	Старо-Кабановский могильник	1967		5		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
149.	Старо-Кабановский могильник	1967		8		×			
150.	Старо-Кабановский могильник	1967		9		×	×		
151.	Старо-Кабановский могильник	1967		10		×			
152.	Старо-Кабановский могильник	1967		11		×			
153.	Старо-Кабановский могильник	1967		18		×			
154.	Старо-Кабановский могильник	1967		23		×			
155.	Старо-Кабановский могильник	1968		26		×			
156.	Старо-Кабановский могильник	1968		28		×			
157.	Старо-Кабановский могильник	1968		29		×			
158.	Старо-Кабановский могильник	1968		34		×			
159.	Старо-Кабановский могильник	1969		38		×			
160.	Старо-Кабановский могильник	1969		39a			×		
161.	Старо-Кабановский могильник	1969		40		×			
162.	Старо-Кабановский могильник	1969		43б		×			
163.	Старо-Кабановский могильник	1970		60		×			
164.	Старо-Кабановский могильник	1970		70a		×			
165.	Старо-Кабановский могильник	1970		74		×	×		

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
166.	Старо-Кабановский могильник	1970		77		×			
167.	Старо-Кабановский могильник	1970		85		×			
168.	Старо-Кабановский могильник	1970		89		×			
169.	Старо-Кабановский могильник	1970		94		×			
170.	Старо-Кабановский могильник	1970		97		×			
171.	Старо-Кабановский могильник	1970		101		×	×		
172.	Старо-Кабановский могильник	1970		108		×			
173.	Старо-Кабановский могильник	1971		111		×			
174.	Старо-Кабановский могильник	1971		114		×			
175.	Старо-Кабановский могильник	1971		122		×			
176.	Старо-Кабановский могильник	1971		125		×	×		
177.	Старо-Кабановский могильник	1971		128		×			
178.	Старо-Кабановский могильник	1971		131		×			
179.	Старо-Кабановский могильник	1971		1326	жен.	×			
180.	Старо-Кабановский могильник	1971		143		×			
181.	Старо-Кабановский могильник	1971		144		×			
182.	Старо-Кабановский могильник	1971		146		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
183.	Старо-Муштинский могильник	1988		2/6		×			
184.	Старо-Муштинский могильник	1988		5/1		×	×		
185.	Старо-Муштинский могильник	1988		8/3		×			
186.	Старо-Муштинский могильник	1988		13/1		×	×		
187.	Старо-Муштинский могильник	1988		14/8		×			
188.	Старо-Муштинский могильник	1988		14/10		×			
189.	Могильник Чайка-1	2018		5		×			
190.	Шареевский могильник	1963		1		×			
191.	Шареевский могильник	1966		13		×			
192.	Шиповский могильник	1995	XIII	35	жен	×			
193.	Шиповский могильник	1995	XIII	39		×			
194.	Шиповский могильник	1995	XIII	40	жен.	×			
195.	Шиповский могильник	1995	XIII	41	муж.	×	×		
196.	Шиповский могильник	1995	XIII	42	муж.	×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
197.	Шиповский могильник	1995	XIII	46	муж.	×			
198.	Шиповский могильник	1995	XIII	48а		×			
199.	Шиповский могильник	1995	XIII	54		×			
200.	Шиповский могильник	1995	XIII	58		×			
201.	Шиповский могильник	1995	XIII	63		×			
202.	Шиповский могильник	1995	XIII	69б		×			
203.	Шиповский могильник	1995	XIII	74		×			
204.	Шиповский могильник	1995	XIII	87	муж.	×	×		
205.	Шиповский могильник	1995	XIII	98		×			
206.	Шиповский могильник	1995	XIII	106		×			
207.	Шиповский могильник	1995	XIII	116		×			
208.	Шиповский могильник	1995	XIII	136	муж.	×			
209.	Шиповский могильник	1995	XIII	140	дет.			×	
210.	Шиповский могильник	1995	XIII	156		×			
211.	Шиповский могильник	1995	XIII	161					×
212.	Шиповский могильник	1995	XIII	162	дет.	×			
213.	Шиповский могильник	1995	XIII	174	дет.			×	
214.	Шиповский могильник	1995	XIII	188	муж.	×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
215.	Шиповский могильник	1995	XIII	192	муж.	×			
216.	Шиповский могильник	1995	XIII	202		×			
217.	Шиповский могильник	1995	XIII	209				×	
218.	Шиповский могильник	1995	XIII	213	муж.	×			
219.	Шиповский могильник	1995	XIII	216	подр.	×			
220.	Шиповский могильник	1995	XIII	220		×			
221.	Шиповский могильник	1995	XIII	222		×			
222.	Шиповский могильник	1995	XIII	223	жен.	×			
223.	Шиповский могильник	1995	XIII	224	муж.	×			
224.	Шиповский могильник	1995	XIII	229		×			
225.	Шиповский могильник	1995	XIII	238	жен.	×			
226.	Шиповский могильник	1995	XIII	246	муж.	×			
227.	Шиповский могильник	1995	XIII	253		×			
228.	Шиповский могильник	1995	XIII	255		×		×	
229.	Шиповский могильник	1995	XIII	260	жен.	×			
230.	Шиповский могильник	1995	XIII	267	муж.	×			
231.	Шиповский могильник	1995	XIII	271		×			
232.	Шиповский могильник	1995	XIII	274		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
233.	Шиповский могильник	1995	XIII	290	муж.	×			
234.	Шиповский могильник	1995	XIII	301	муж.	×			
235.	Шиповский могильник	1995	XIII	310		×			
236.	Шиповский могильник	1995	XIII	311	дет.	×			
237.	Югомашевский могильник	1995	I	2		×			
238.	Югомашевский могильник	1995	II	1		×			
239.	Югомашевский могильник	1995	II	2		×			
240.	Югомашевский могильник	1995	II	4		×			
241.	Югомашевский могильник	1995	II	9	дет.	×			
242.	Югомашевский могильник	1995	II	12		×			
243.	Югомашевский могильник	1975	II	14		×			
244.	Югомашевский могильник	1975	II	21		×			
245.	Югомашевский могильник	1975	II	23		×	×		
246.	Югомашевский могильник	1975	II	26		×			
247.	Югомашевский могильник	1975	II	28		×			
248.	Югомашевский могильник	1975	II	29		×	×		
249.	Югомашевский могильник	1975	II	32		×			
250.	Югомашевский могильник	1975	II	34		×			

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
251.	Югомашевский могильник	1975	II	40		x			
252.	Югомашевский могильник	1975	II	56		x			
253.	Югомашевский могильник	1975	II	60		x			
254.	Югомашевский могильник	1975	II	62		x			
255.	Югомашевский могильник	1975	II	67		x			

Таблица 6

Типологически определяемая ременная гарнитура в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Местонахождение</i>	<i>Пряжки</i>	<i>Ременные наконечники</i>	<i>Ременные накладки</i>
1.	Кушнаренковское селище	1959				XVII.2
2.	Ново-Турбаслинское II селище	1958			IVA.3	
3.	Романовское II селище	1989				XXII.1a1
4.	Уфа-I, городище	1973	кв. 14-16, ВД	ПА.1.2г1		
5.	Уфа-II, городище	2006	кв. Г1, горизонт 9; кв. Г2, горизонт 3		III.2б1; III.6а	
6.	Уфа-II, городище	2014	пласт XIX, хоз. Яма	ПБ.1.10е		
7.	Уфа-II, городище	2015	кв. Л2-В	ПБ.1.10е		
8.	Уфа-II, городище	2016	кв. 76, ПМ; кв. 81, пласт 4	ПА.1.2д1; ПБ.1.10е		
9.	Янгантауское селище	1963				XXII.2а

Таблица 7

Типы ременной гарнитуры в депортированных коллекциях / подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Местонахождение</i>	<i>Пряжки</i>	<i>Ременные наконечники</i>	<i>Ременные накладки</i>	<i>Инв. №</i>	<i>Место хранения</i>
	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Мало-Качакский могильник	1970	ПМ, кв. 3-Е	ПА.1.2г1				МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

	1	2	3	4	5	6	7	8
2.	Мало-Качакский могильник	1970	ПМ, кв. 1-Б	ПА.1.2в2				МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
3.	Старо-Муштинский могильник		ПМ, р. III	ПБ.1.13а				НМ РБ
4.	Старо-Муштинский могильник		ПМ, р. VI		I.1.1а; x			НМ РБ
5.	Бахмутинский могильник	1915		ПА.1.3			эксп.	ГИМ
6.	Бахмутинский могильник	1915				XXII.161	эксп.	ГИМ
7.	Бахмутинский могильник	1915				XXIII.3а1	эксп.	ГИМ
8.	Бахмутинский могильник	1915				XVIII.2в	Б-510.13	ГИМ
9.	Бахмутинский могильник	1915				VI.1	Б-510.15	ГИМ
10.	Бахмутинский могильник	1915				VI.1	Б-510.16	ГИМ
11.	Бахмутинский могильник	1915				XXIII.3а1	Б-510.17	ГИМ
12.	Бахмутинский могильник	1915				XV.164	Б-510.28	ГИМ
13.	Бахмутинский могильник	1915				XXIII.3а1	Б-510.35	ГИМ
14.	Бахмутинский могильник	1915				XVIII.3а	Б-510.66	ГИМ
15.	Бахмутинский могильник	1915				XX.2	Б-510.67	ГИМ
16.	Бахмутинский могильник	1915		ПА.2.3			Б-510.71	ГИМ
17.	Бахмутинский могильник	1915			ПА.16		Б-510.81	НМ РБ
18.	Бахмутинский могильник	1921				XVII.2	258/8	НМ РБ
19.	Бахмутинский могильник	1921				XVII.2		НМ РБ
20.	Бахмутинский могильник	1921				XV.1а3	258/5	НМ РБ
21.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.3а1	258/9	НМ РБ
22.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.3а1	258/10	НМ РБ
23.	Бахмутинский могильник	1921			IVA.1а		258/11/1,2,3,4	НМ РБ
24.	Бахмутинский могильник	1921		ПА.1.2д1			269	НМ РБ
25.	Бахмутинский могильник	1921				XV.161	260/7	НМ РБ
26.	Бахмутинский могильник	1921				XV.161	260/8	НМ РБ
27.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.1		СИКМ
28.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.1		СИКМ
29.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.1		СИКМ
30.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.1		СИКМ
31.	Бахмутинский могильник	1921				XXIII.3а1	261/4	НМ РБ
32.	Бахмутинский могильник	1921				XXII.2а	261/7	НМ РБ
33.	Бахмутинский могильник	1921				XXII.2а	261/8	НМ РБ

	1	2	3	4	5	6	7	8
34.	Бахмутинский могильник	1921			III.161		261/9	НМ РБ
35.	Бахмутинский могильник	1928			III.263		265	НМ РБ
36.	Бахмутинский могильник	1928		ПВ.2.9б			265	НМ РБ
37.	Бахмутинский могильник	1928		ПА.1.1а1			270	НМ РБ
38.	Бахмутинский могильник	1928		ПБ.1.14а			288/13	НМ РБ
39.	Бирский могильник	1991				XXVI.5		ИИГУ УУНиТ
40.	Никольские находки	нач. XX в.		ПА.1.3			Б-15/29	ГИМ
41.	Никольские находки	нач. XX в.		ПА.1.2д1			Б-15/30	ГИМ
42.	Никольские находки	нач. XX в.		ПА.1.3			Б-15/31	ГИМ
43.	Никольские находки	нач. XX в.		ПА.2.3			Б-15/35	ГИМ
44.	Никольские находки	нач. XX в.		ПВ.2.6			Б-15/36	ГИМ
45.	Никольские находки	нач. XX в.				XXIII.3а1	Б-15/37	ГИМ
46.	Никольские находки	нач. XX в.				XXIII.3а1	Б-15/38	ГИМ
47.	Никольские находки	нач. XX в.		ПВ.2.9е			Б-15/39	ГИМ
48.	Никольские находки	нач. XX в.		ПВ.2.9а			Б-15/40	ГИМ
49.	Никольские находки	нач. XX в.				XXIV.6а	Б-15/47	ГИМ
50.	Ново-Турбаслинский могильник	1957-1958 гг.		ПВ.2.8в				МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
51.	Городище Уфа-II					XXIII.1		
52.	Кувыковское городище	2013	ПМ	ПБ.1.9в				ИИЯЛ УФИЦ РАН

Таблица 8

Пряжки типа IA.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангажский могильник	5	1
ВСЕГО			1

Таблица 9

Пряжки типа IB.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангажский могильник	4	1
ВСЕГО			1

Таблица 10

Пряжки типа IB.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	2	1
ВСЕГО			1

Таблица 11

Пряжки типа ПА.1.1a1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангажский могильник	28	1
		39	2
		92	1
2.	Бирский могильник	307	1
		342	1
		345	1
		346	1
		422	1
		467	1
		468a	1
		483	1
		513	1
		551	1
		589	1
		634	1
		641	1
688	1		
3.	Кара-Тамакский могильник	8a	2
4.	Старо-Кабановский могильник	35a	1
		53	1
		57a	1
5.	Старо-Муштинский могильник	2/5	1
		10/6	1
6.	Шиповский могильник	486	1
		59	1
		82	1
		91	1
		96	1
		282	1
ВСЕГО			31

Таблица 12

Пряжки типа ПА.1.1a1 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1928	1
ВСЕГО			1

Таблица 13

Пряжки типа ПА.1.1а2 в погребальных памятниках

№№	Название памятника	Кург. / погр.	Кол-во, экз.
1.	Бахмутинский могильник	13	1
2.	Бирский могильник	308	1
		331	1
		406	1
		468б	1
		506б	1
		507	1
		552	1
		555а	1
		593	1
		604	1
3.	Старо-Муштинский могильник	р. V, п. 7	1
		р. V, п. 9	3
4.	Шиповский могильник	99	1
		118	1
		261	1
		268б	1
5.	Югомашевский могильник	р. II, п. 11	1
ВСЕГО			22

Таблица 14

Пряжки типа ПА.1.1б в погребальных памятниках

№№	Название памятника	Погр.	Кол-во, экз.
1.	Шиповский могильник	313	1
ВСЕГО			1

Таблица 15

Пряжки типа ПА.1.2а1 в погребальных памятниках

№№	Название памятника	Кург. / погр.	Кол-во, экз.
1.	Ахмеровский II могильник	11	1
ВСЕГО			1

Таблица 16

Пряжки типа ПА.1.2а2 в погребальных памятниках

№№	Название памятника	Кург. / погр.	Кол-во, экз.
1.	Бирский могильник	559	1
2.	Старо-Муштинский могильник	15/3	1
		16/1	1
3.	Шиповский могильник	187	1
ВСЕГО			4

Таблица 17

Пряжки типа ПА.1.2б1 в погребальных памятниках

№№	Название памятника	Кург. / погр.	Кол-во, экз.
1.	Бирский могильник	43	1
		50	1
		562	1
		650	1
		686	1
2.	Старо-Кабановский могильник	65	1
3.	Шиповский могильник	177	1
		228	1
4.	Югомашевский могильник	р. II, п. 22	1
ВСЕГО			9

Таблица 18

Пряжки типа ПА.1.262 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	12	1
2.	Югомашевский могильник	р. II, п. 19	1
ВСЕГО			2

Таблица 19

Пряжки типа ПА.1.2в1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангажакский могильник	80	1
2.	Бирский могильник	506а	1
		581	1
		665	1
		680а	1
3.	Погребение на ул. Менделеева (г. Уфа)	1	1
4.	Старо-Кабановский могильник	4	1
		22	1
		45	1
		112	1
		116	1
ВСЕГО			11

Таблица 20

Пряжки типа ПА.1.2в2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	470	1
		587	1
		654	1
		655	1
2.	Старо-Кабановский могильник	86	1
3.	Югомашевский могильник	р. III, п. 9	1
ВСЕГО			6

Таблица 21

Пряжки типа ПА.1.2в2 в материалах погребальных памятников (ПМ)

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Местонахождение</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Мало-Качакский могильник	кв. 1-Б	1
ВСЕГО			1

Таблица 22

Пряжки типа ПА.1.2г1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	6	2
2.	Бирский могильник	41	1
		48	1
		68	1
		70	2
		398	1
		627	1
3.	Дежневский могильник	9	1
4.	Кара-Тамакский могильник	7	1
		17а	1
5.	Мало-Качакский могильник	11	1
6.	Старо-Кабановский могильник	1	1
		13	1
		14	1
		25	1

		41	1
7.	Старо-Муштинский могильник	17/3 («тайник»)	3
8.	Югомашевский могильник	р. II, п. 10	1
ВСЕГО			22

Таблица 23

Пряжки типа ПА.1.2г1 в материалах погребальных памятников (ПМ)

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Местонахождение</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Мало-Качакский могильник	кв. 3-Е	1
ВСЕГО			1

Таблица 24

Пряжки типа ПА.1.2г1 в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-1	1973	1
ВСЕГО			1

Таблица 25

Пряжки типа ПА.1.2г2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	25	1
		58	1
		59	1
		60	1
		399	1
2.	Кара-Тамакский могильник	8а	1
		8б	1
3.	Старо-Кабановский могильник	22	1
		24	1
		55	1
4.	Старо-Муштинский могильник	р. V, п. 6	1
		р. VII, п. 4	1
		17/3 («тайник»)	3
5.	Югомашевский могильник	1	1
		р. II, п. 17	1
ВСЕГО			17

Таблица 26

Пряжки типа ПА.1.2д1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	6	1
		10	1
2.	Бирский могильник	1	1
		3	1
		10	2
		13	1
		44	1
		56	1
		169	1
		177	1
		298	1
3.	Дежневский могильник	30	1
4.	Камбулатовский I могильник	1	1
ВСЕГО			14

Таблица 27

Пряжки типа ПА.1.2д1 в материалах поселенческих памятников

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-II	2016	1
ВСЕГО			1

Таблица 28

Пряжки типа ПА.1.2д1 в депортированных коллекциях / подъемном материале с памятников

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	1
2.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			2

Таблица 29

Пряжки типа ПА.1.2д2 в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	169	1
ВСЕГО			1

Таблица 30

Пряжки типа ПА.1.3 в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	222	1
		297	1
ВСЕГО			2

Таблица 31

Пряжки типа ПА.1.3 в депортированных коллекциях / подъемном материале с памятников

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
2.	Никольские находки	нач. XX в.	2
ВСЕГО			3

Таблица 32

Пряжки типа ПА.1.4 в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	9/3	1
ВСЕГО			1

Таблица 33

Пряжки типа ПА.1.5 в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	379	1
2.	Манякский могильник	р. I, п. 17	1
3.	Шареевский могильник	16	1
ВСЕГО			3

Таблица 34

Пряжки типа ПА.1.6а в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	7	1
ВСЕГО			1

Таблица 35

Пряжки типа ПА.1.6б в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	27	1
ВСЕГО			1

Таблица 36

Пряжки типа ПА.1.7 в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	430	1
ВСЕГО			1

Таблица 37

Пряжки типа ПА.1.8а в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	р. V, п. 6	1
ВСЕГО			1

Таблица 38

Пряжки типа ПА.1.8б в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Камбулатовский могильник	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 39

Пряжки типа ПА.1.8в в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	42	1
ВСЕГО			1

Таблица 40

Пряжки типа ПА.1.8г в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	25	1
ВСЕГО			1

Таблица 41

Пряжки типа ПА.1.8д в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	2	1
ВСЕГО			1

Таблица 42

Пряжки типа ПА.2.1а в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	295	1
ВСЕГО			1

Таблица 43

Пряжки типа ПА.2.1б в погребальных памятниках

<i>№.№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Береговский II могильник	1	1
2.	Кушнаренковский могильник	4	1
3.	Лагеревский могильник	57	1
ВСЕГО			3

Таблица 44

Пряжки типа ПА.2.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Камбулатовский I могильник	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 45

Пряжки типа ПА.2.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Лагереvский могильник	54	1
2.	Манякский могильник	р. II, п. 11	1
ВСЕГО			2

Таблица 46

Пряжки типа ПА.2.3 в депаспортизированных коллекциях /
подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
2.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			2

Таблица 47

Пряжки типа ПА.2.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	22	1
ВСЕГО			1

Таблица 48

Пряжки типа ПБ.1.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	14	1
		15	1
		29	1
		37	1
		46	1
2.	Бирский могильник	313	1
		320	1
		329	1
		332	1
		343	2
		461	1
		481	1
		541	1
		550	1
		557	1
		563	1
		649	1
		6586	1
687	1		
3.	Старо-Муштинский могильник	17/1	1
4.	Шиповский могильник	252	1
		268a	1
ВСЕГО			23

Таблица 49

Пряжки типа ПБ.1.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	197	1
ВСЕГО			1

Таблица 50

Пряжки типа ПБ.1.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	335	1
		462а	1
		503	1
		536	1
		550	1
		677	1
ВСЕГО			6

Таблица 51

Пряжки типа ПБ.1.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	60	1
		67	1
		104	1
		208	1
ВСЕГО			4

Таблица 52

Пряжки типа ПБ.1.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	5166	1
		521	1
2.	Манякский могильник	р. II, п. 1	1
3.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 8	1
		2/4	1
4.	Шиповский могильник	264	1
ВСЕГО			6

Таблица 53

Пряжки типа ПБ.1.6 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	494	1
ВСЕГО			1

Таблица 54

Пряжки типа ПБ.1.7 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	269	1
ВСЕГО			1

Таблица 55

Пряжки типа ПБ.1.8 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	313	1
ВСЕГО			1

Таблица 56

Пряжки типа ПБ.1.9а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	604	2
ВСЕГО			2

Таблица 57

Пряжки типа ПБ.1.9б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	80	2
		95	1
		115	1
		124	1
		145	1
2.	Югомашевский могильник	р. II, п. 7	1
		р. II, п. 8	1
		р. II, п. 20	2
ВСЕГО			10

Таблица 58

Пряжки типа ПБ.1.9в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	2	2
		12	1
		52	1
		61	1
		128	2
		237	1
		242	1
ВСЕГО			9

Таблица 59

Пряжки типа ПБ.1.9в в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кувыковское городище	2013	1
ВСЕГО			1

Таблица 60

Пряжки типа ПБ.1.10а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ахмеровский II могильник	11	1
ВСЕГО			1

Таблица 61

Пряжки типа ПБ.1.10б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	33	1
ВСЕГО			1

Таблица 62

Пряжки типа ПБ.1.10в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	315	2
2.	Старо-Кабановский могильник	98	1
		120	1
		132а	1
ВСЕГО			5

Таблица 63

Пряжки типа ПБ.1.10г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	653	1
2.	Старо-Кабановский могильник	17	1
		21	1
		99	1
		115	1
ВСЕГО			5

Таблица 64

Пряжки типа ПБ.1.10д в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	6	1
2.	Старо-Кабановский могильник	90	1
ВСЕГО			2

Таблица 65

Пряжки типа ПБ.1.10е в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	5	2
		12	1
2.	Бирский могильник	2	1
		21	1
		29	1
		39	1
		46	1
		75	2
		95	2
		108	1
		114	2
		117	1
		125	2
		126	1
		128	1
		137	1
		155	1
		166	2
		172	1
		226	1
		237	1
		238	3
		243	1
		245	1
		288	2
290	1		
298	1		
311	1		
396	1		
3.	Дежневский могильник	30	3
		1	3
		15/2	2
		21/2	1
		103	3
4.	Ново-Турбаслинский могильник	27/4	1
5.	Сынтыш-Тамакский могильник	1/2	1
6.	Могильник Чайка-1	1	1
ВСЕГО			53

Таблица 66

Пряжки типа ПБ.1.10е в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-II	2014	1
		2015	1
		2016	1
ВСЕГО			3

Таблица 67

Пряжки типа ПБ.1.11а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Югомашевский могильник	р. II, п. 6	2
		р. II, п. 24	2
ВСЕГО			4

Таблица 68

Пряжки типа ПБ.1.1161 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	71	2
		78	1
		93	2
		101	1
		126	2
		133	1
		139	2
		154	2
		158	1
		169	1
		195	1
		239	1
		280	2
285	2		
ВСЕГО			21

Таблица 69

Пряжки типа ПБ.1.1162 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	52	2
		81	2
		89	1
		113	2
		116	2
		189	2
		272	4
ВСЕГО			15

Таблица 70

Пряжки типа ПБ.1.12а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	54	1
		62	1
		113	1
ВСЕГО			3

Таблица 71

Пряжки типа ПБ.1.12б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	550	1
		577	1

		578	1
2.	Старо-Кабановский могильник	35а	1
		696	1
		88	1
3.	Старо-Муштинский могильник	р. I, п. 6	1
		2/3	1
		7/1	1
		10/6	1
4.	Югомашевский могильник	р. II, п. 64	1
		р. III, п. 3	1
ВСЕГО			12

Таблица 72

Пряжки типа ПБ.1.12в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангарский могильник	28	1
2.	Бирский могильник	485	1
		565	1
		594	1
		606	1
3.	Старо-Кабановский могильник	2	1
		20	1
		36	1
		37	1
		42	1
		46	1
		68	1
		86	1
		124	1
		129	1
		138	1
		153	1
4.	Старо-Муштинский могильник	10/3	1
ВСЕГО			18

Таблица 73

Пряжки типа ПБ.1.12г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	628	1
		644	2
		662	1
		670	1
2.	Кара-Тамакский могильник	18в	1
		18д	1
3.	Мало-Качакский могильник	1	1
4.	Старо-Кабановский могильник	3	1
		4	1
		31	1
		69а	1
		70б	1
		72	1
		87	1
		100	1
		107	1
		112	1
		117а	1
135	1		
149	1		

		152	1
5.	Старо-Муштинский могильник	17/3	1
		17/3 («тайник»)	1
6.	Югомашевский могильник	р. I, п. 1	1
		р. II, п. 7	1
		р. II, п. 61	1
ВСЕГО			27

Таблица 74

Пряжки типа ПБ.1.12д в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	12	1
		40	3
		42	1
		238	1
		285	1
ВСЕГО			7

Таблица 75

Пряжки типа ПБ.1.13а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	19	1
2.	Шиповский могильник	254	1
ВСЕГО			2

Таблица 76

Пряжки типа ПБ.1.13а в погребальных памятниках (ПМ)

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Место-нахождение</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	р. III	1
ВСЕГО			1

Таблица 77

Пряжки типа ПБ.1.13б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	10	1
ВСЕГО			1

Таблица 78

Пряжки типа ПБ.1.13в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	265	1
		280	1
2.	Дежневский могильник	19/1	1
		103	1
ВСЕГО			4

Таблица 79

Пряжки типа ПБ.1.14а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	3	1
		15	1
		173	1
ВСЕГО			3

Таблица 80

Пряжки типа ПБ.1.14а в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
-----------	---------------------------	---------------------------------	---------------------

1.	Бахмутинский могильник	1928	1
ВСЕГО			1

Таблица 81

Пряжки типа ПБ.1.146 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	5	1
		157	1
		161	1
		296	1
ВСЕГО			4

Таблица 82

Пряжки типа ПБ.1.15 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	18/1	1
ВСЕГО			1

Таблица 83

Пряжки типа ПБ.1.16 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	7	1
ВСЕГО			1

Таблица 84

Пряжки типа ПБ.1.17 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	103	1
ВСЕГО			1

Таблица 85

Пряжки типа ПБ.1.18 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	2	1
ВСЕГО			1

Таблица 86

Пряжки типа ПБ.2.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	77	1
		83	2
		123	1
		130	1
		156	1
2.	Галановский II могильник	1	1
3.	Дежневский могильник	1/3	1
		19/2	1
		20	1
4.	Кувыковский могильник	1	1
5.	Ново-Турбаслинский могильник	8/1	1
		30	1
6.	Погр. на ул. М. Карима, д. 33 (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			14

Таблица 87

Пряжки типа ПБ.2.1б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	77	3
		88	2
		111	2

		124	2
		130	2
		156	2
		165	2
2.	Кувьковский могильник	1	3
3.	Ново-Турбаслинский могильник	11/1	1
4.	Погребение на ул. М. Карима, д. 33 (г. Уфа)	1	3
ВСЕГО			22

Таблица 88

Пряжки типа ПБ.2.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 89

Пряжки типа ПБ.2.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	225	1
ВСЕГО			1

Таблица 90

Пряжки типа ПБ.2.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	147	1
ВСЕГО			1

Таблица 91

Пряжки типа ПБ.2.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	170	1
		299	1
ВСЕГО			2

Таблица 92

Пряжки типа ПБ.2.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	1
ВСЕГО			1

Таблица 93

Пряжки типа ПБ.1.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	423	1
ВСЕГО			1

Таблица 94

Пряжки типа ПБ.2.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Могильник Чайка-1	7	2
ВСЕГО			2

Таблица 95

Пряжки типа ПБ.2.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 96

Пряжки типа ПВ.2.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	127	2
		156	2
ВСЕГО			4

Таблица 97

Пряжки типа ПВ.2.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	138	2
		156	1
		263	2
		266	1
		286	2
ВСЕГО			8

Таблица 98

Пряжки типа ПВ.2.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	220	1
2.	Ново-Турбаслинский могильник	23/1	1
ВСЕГО			2

Таблица 99

Пряжки типа ПВ.2.6 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 11	1
ВСЕГО			1

Таблица 100

Пряжки типа ПВ.2.6 в подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			1

Таблица 101

Пряжки типа ПВ.2.7a1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	400	1
		401	1
		423	1
2.	Погр. № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			4

Таблица 102

Пряжки типа ПВ.2.7a2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	2	2
ВСЕГО			2

Таблица 103

Пряжки типа ПВ.2.7a3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 4	1
		р. II, п. 12	1
ВСЕГО			2

Таблица 104

Пряжки типа ПВ.2.7а4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 2	1
ВСЕГО			1

Таблица 105

Пряжки типа ПВ.2.7а5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	416	1
ВСЕГО			1

Таблица 106

Пряжки типа ПВ.2.7б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. 1	1
ВСЕГО			1

Таблица 107

Пряжки типа ПВ.2.8а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Могильник Чайка-1	7	1
2.	Кушнаренковский могильник	17	2
3.	Ново-Биккинский курган	«тайник»	1
4.	Новиковское погр. (г. Уфа)	1	1
5.	Ново-Турбаслинский могильник	13/2	1
ВСЕГО			6

Таблица 108

Пряжки типа ПВ.2.8б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	352	1
2.	Береговский II могильник	1	1
3.	Манякский могильник	р. II, п. 9	1
4.	Ново-Биккинский курган	1	1
ВСЕГО			4

Таблица 109

Пряжки типа ПВ.2.8в в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Годы раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	1957-1958 гг.	1
ВСЕГО			1

Таблица 110

Пряжки типа ПВ.2.8г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	181	1
2.	Кушнаренковский могильник	17	1
3.	Жен. погр. во дворе Башмединститута	1	2
ВСЕГО			4

Таблица 111

Пряжки типа ПВ.2.9а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	10/1	2
2.	Погребение у г. Ишмбай	1	1
ВСЕГО			3

Таблица 112

Пряжки типа ПВ.2.9а в подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			1

Таблица 113

Пряжки типа ПВ.2.9б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Новиковское погребение	1878	1
ВСЕГО			1

Таблица 114

Пряжки типа ПВ.2.9б в депаспортизованных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1928	1
ВСЕГО			1

Таблица 115

Пряжки типа ПВ.2.9в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Биккинский курган	«тайник»	1
ВСЕГО			1

Таблица 116

Пряжки типа ПВ.2.9г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Лагереvский могильник	46/2	1
ВСЕГО			1

Таблица 117

Пряжки типа ПВ.2.9д в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Сынтыш-Тамакский могильник	10	1
ВСЕГО			1

Таблица 118

Пряжки типа ПВ.2.9е в подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			1

Таблица 119

Пряжки типа ПВ.2.10 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	417	1
ВСЕГО			1

Таблица 120

Ременные наконечники типа I.1.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	57	1
		68	1
		315	2
		319	1
		506а	1

		577	1
		592	1
		628	1
		644	1
		653	1
2.	Салиховский могильник	22	1
3.	Старо-Кабановский могильник	12	1
		24	2
		55	1
		72	1
		88	1
		95	1
		124	1
		130	1
4.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 2	1
		р. III, п. 5	1
		р. III, п. 7	1
		р. III, п. 8	2
		р. V, п. 9	1
		р. VII, п. 6	1
ВСЕГО			29

Таблица 121

Ременные наконечники типа I.1.1a в погребальных памятниках (ПМ)

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Место-нахождение</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	р. VI	1
ВСЕГО			1

Таблица 122

Ременные наконечники типа I.1.1b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	5	1
2.	Бирский могильник	18	1
		257	1
		319	1
		516б	1
		585	1
		590	1
		592	1
		624	1
3.	Кара-Тамакский могильник	8б	1
		18в	1
4.	Мало-Качакский могильник	11	1
5.	Старо-Кабановский могильник	3	1
		4	2
		16	1
		27	1
		31	1
		35а	1
		36	1
		39б	1
		59а	1
		68	1
		69а	1
		69б	1
		70б	1
73	1		

		80	1
		84	1
		90	1
		98	1
		99	1
		100	1
		102	1
		106	1
		107	1
		113	1
		123	1
		124	1
		129	1
		135	2
		137	1
		138	1
		152	1
6.	Старо-Муштинский могильник	р. I, п. 6	1
		р. I, п. 8	1
		р. I, п. 12	1
7.	Югомашевский могильник	р. II, п. 7	1
		р. II, п. 10	1
		р. II, п. 15	1
		р. II, п. 16	1
		р. II, п. 55	1
		р. II, п. 66	1
		р. III, п. 5	1
ВСЕГО			55

Таблица 123

Ременные наконечники типа I.1.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	5	1
		112	1
		121	1
		125	1
		126	1
		128	1
		137	1
		148	1
		161	1
		280	2
2.	Югомашевский могильник	р. I, п. 1	1
		р. II, п. 61	1
		р. II, п. 64	1
ВСЕГО			14

Таблица 124

Ременные наконечники типа I.1.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	22	1
		53	1
		61	1
		71	1
		81	1
		108	2
		121	1
		125	2
		126	2

		128	2
		133	1
		137	1
		148	2
		154	2
		166	1
		195	1
		221	2
		249	1
		257	1
		265	1
		282	1
		288	1
ВСЕГО			29

Таблица 125

Ременные наконечники типа I.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 8	1
2.	Югомашевский могильник	р. II, п. 64	1
		р. III, п. 3	1
ВСЕГО			3

Таблица 126

Ременные наконечники типа I.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 127

Ременные наконечники типа I.4a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	596	2
ВСЕГО			2

Таблица 128

Ременные наконечники типа I.4b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	197	1
ВСЕГО			1

Таблица 129

Ременные наконечники типа I.4в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	466	1
ВСЕГО			1

Таблица 130

Ременные наконечники типа I.4г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Могильник Чайка-1	7	1
ВСЕГО			1

Таблица 131

Ременные наконечники типа I.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	1	1
2.	Старо-Муштинский могильник	17/3 («тайник»)	1
ВСЕГО			2

Таблица 132

Ременные наконечники типа I.6 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	320	1
		333	1
		481	1
		541	1
		563	1
2.	Старо-Кабановский могильник	19	1
ВСЕГО			6

Таблица 133

Ременные наконечники типа II.1a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кара-Тамакский могильник	16	2
2.	Старо-Кабановский могильник	80	2
		86	2
		115	2
		145	1
3.	Старо-Муштинский могильник	2/4	2
		17/3 («тайник»)	2
		р. I, п. 13	2
4.	Югомашевский могильник	р. II, п. 8	2
		р. II, п. 15	2
ВСЕГО			19

Таблица 134

Ременные наконечники типа II.1b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	2	1
		280	1
2.	Старо-Муштинский могильник	р. I, п. 6	1
ВСЕГО			3

Таблица 135

Ременные наконечники типа II.1b в депортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 136

Ременные наконечники типа II.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	270	1
ВСЕГО			1

Таблица 137

Ременные наконечники типа ПА.3а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	8	1
		61	1
		108	2
		154	2
2.	Кара-Тамакский могильник	18д	1
3.	Югомашевский могильник	р. II, п. 7	1
ВСЕГО			8

Таблица 138

Ременные наконечники типа ПА.3б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	40	1
		75	2
		133	1
		224	1
		280	2
		285	2
		290	2
		290	2
2.	Дежневский могильник	21/2	2
		103	1
ВСЕГО			14

Таблица 139

Ременные наконечники типа ПА.4а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	71	2
		79	2
		81	2
		93	1
		95	2
		121	2
		125	2
		126	2
		128	2
		137	2
		166	2
		176	2
		238	2
		272	4
		280	2
288	2		
ВСЕГО			33

Таблица 140

Ременные наконечники типа ПА.4б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	89	3
ВСЕГО			3

Таблица 141

Ременные наконечники типа ПА.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	645	1
ВСЕГО			1

Таблица 142

Ременные наконечники типа ПБ.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	103	2
ВСЕГО			2

Таблица 143

Ременные наконечники типа ПБ.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	1/1	2
ВСЕГО			2

Таблица 144

Ременные наконечники типа П.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	402	1
		410	1
		416	1
		417	1
2.	Манякский могильник	р. I, п. 12	1
		р. I, п. 25	2
		р. II, п. 2	1
		р. II, п. 12	1
ВСЕГО			9

Таблица 145

Ременные наконечники типа П.1б1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	371	1
		419	1
2.	Манякский могильник	р. I, п. 25	1
		р. II, п. 2	1
3.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	2
ВСЕГО			6

Таблица 146

Ременные наконечники типа П.1б1 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок / обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	1
ВСЕГО			1

Таблица 147

Ременные наконечники типа П.1б2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 2	1
2.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	1
ВСЕГО			2

Таблица 148

Ременные наконечники типа П.1б3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	10/2	1
ВСЕГО			1

Таблица 149

Ременные наконечники типа П.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кувыковский могильник	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 150

Ременные наконечники типа III.261 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	77	2
		83	2
		111	2
		123	1
		130	1
		156	1
		165	1
2.	Галановский II могильник	1	1
3.	Дежневский могильник	19/2	1
4.	Ново-Турбаслинский могильник	30	1
ВСЕГО			13

Таблица 151

Ременные наконечники типа III.261 в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-II	2006	1
ВСЕГО			1

Таблица 152

Ременные наконечники типа III.262 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 153

Ременные наконечники типа III.263 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	26/1	1
ВСЕГО			1

Таблица 154

Ременные наконечники типа III.263 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок / обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1928	1
ВСЕГО			1

Таблица 155

Ременные наконечники типа III.2в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	88	1
2.	Ново-Турбаслинский могильник	15/1	1
ВСЕГО			2

Таблица 156

Ременные наконечники типа III.3а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	2	1
2.	Ново-Турбаслинский могильник	13/2	1
		16/2	1
3.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	2
4.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	2
		10	3
5.	Могильник Чайка-1	7	2
ВСЕГО			12

Таблица 157

Ременные наконечники типа Ш.36 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Могильник Чайка-1	7	1
ВСЕГО			1

Таблица 158

Ременные наконечники типа Ш.4а1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	357	1
		382	1
		401	1
		405	1
		438	1
		523	2
2.	Манякский могильник	р. I, п. 9	1
		р. I, п. 25	1
ВСЕГО			9

Таблица 159

Ременные наконечники типа Ш.4а2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	400	1
ВСЕГО			1

Таблица 160

Ременные наконечники типа Ш.4б1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	371	1
ВСЕГО			1

Таблица 161

Ременные наконечники типа Ш.4б2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	358	1
ВСЕГО			1

Таблица 162

Ременные наконечники типа Ш.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Береговский II могильник	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 163

Ременные наконечники типа Ш.6а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	359	1
2.	Манякский могильник	р. I, п. I	5
ВСЕГО			6

Таблица 164

Ременные наконечники типа Ш.6а в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-II	2006	1
ВСЕГО			1

Таблица 165

Ременные наконечники типа III.6б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. I	1
ВСЕГО			1

Таблица 166

Ременные наконечники типа III.7 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	410	1
ВСЕГО			1

Таблица 167

Ременные наконечники типа III.8 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	228	1
ВСЕГО			1

Таблица 168

Ременные наконечники типа III.9а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	37	1
ВСЕГО			1

Таблица 169

Ременные наконечники типа III.9б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	42	1
		68	1
		69	1
ВСЕГО			3

Таблица 170

Ременные наконечники типа III.10 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	17	1
		21	1
ВСЕГО			2

Таблица 171

Ременные наконечники типа III.11 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. 1	1
ВСЕГО			1

Таблица 172

Ременные наконечники типа IVA.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Биккинский курган	1	1
2.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	1
3.	Ново-Турбаслинский могильник	18/1	3
ВСЕГО			5

Таблица 173

Ременные наконечники типа IVA.1а в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок / обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	1
ВСЕГО			1

Таблица 174

Ременные наконечники типа IVA.16 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	1
ВСЕГО			1

Таблица 175

Ременные наконечники типа IVA.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	1
ВСЕГО			1

Таблица 176

Ременные наконечники типа IVA.3 в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинское II селище	1958	1
ВСЕГО			1

Таблица 177

Ременные наконечники типа V.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	423	1
ВСЕГО			1

Таблица 178

Ременные накладки типа I.1a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	357	2
		423	1
		523	2
2.	Лагеревский могильник	4/2	1
		14	1
		29	2
		46/2	2
3.	Манякский могильник	р. I, п. 1	1
		р. I, п. 2	1
		р. II, п. 10	4
ВСЕГО			17

Таблица 179

Ременные накладки типа I.1b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 2	3
ВСЕГО			3

Таблица 180

Ременные накладки типа I.1в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	359	1
2.	Манякский могильник	р. I, п. 1	2
ВСЕГО			3

Таблица 181

Ременные накладки типа I.1г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Лагеревский могильник	43	1
ВСЕГО			1

Таблица 182

Ременные накладки типа I.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр. / усл. обн.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	17/3 («тайник»)	6
ВСЕГО			6

Таблица 183

Ременные накладки типа I.3а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	645	3
2.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 8	56
ВСЕГО			59

Таблица 184

Ременные накладки типа I.3б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	8	11
2.	Шиповский могильник	298	1
ВСЕГО			12

Таблица 185

Ременные накладки типа I.4а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	577	4
		653	1
2.	Старо-Кабановский могильник	80	3
		98	6
		115	10
		117а	10
		141	11
3.	Старо-Муштинский могильник	р. VII, п. 6	2
4.	Югомашевский могильник	р. II, п. 64	8
ВСЕГО			55

Таблица 186

Ременные накладки типа I.4б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	102	5
ВСЕГО			5

Таблица 187

Ременные накладки типа I.4в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	154	12
ВСЕГО			12

Таблица 188

Ременные накладки типа II.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Лагереvский могильник	29	1
ВСЕГО			1

Таблица 189

Ременные накладки типа III.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	21/2	1
ВСЕГО			1

Таблица 190

Ременные накладки типа III.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	2
ВСЕГО			2

Таблица 191

Ременные накладки типа III.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	7
ВСЕГО			7

Таблица 192

Ременные накладки типа III.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Жен. погр. во дворе Башмединститута (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 193

Ременные накладки типа IV.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Мало-Качакский могильник	р. II, п. 11	1
2.	Шиповский могильник	44	1
ВСЕГО			2

Таблица 194

Ременные накладки типа IV.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	71	4
		75	48
		76	2
		79	23
		81	60
		83	4
		89	8
		93	3
		100	39
		101	1
		108	64
		112	5
		113	124
		117	2
		119	2
		120	8
		121	38
		123	7
		125	120
		126	64
		128	125
		133	24
		134	17
135	1		
137	59		
141	2		
143	1		
145	2		
148	24		
154	4		
164	2		
166	15		

		183	13
		188	2
		189	32
		195	2
		218	6
		221	9
		222	1
		224	4
		226	4
		230	5
		257	15
		265	1
		266	4
		272	70
		280	75
		281	7
		282	1
		283	2
		288	49
		290	1
		577	1
		653	2
2.	Старо-Кабановский могильник	4	126
		98	53
		102	33
		115	23
		135	61
		141	21
		154	12
3.	Старо-Муштинский могильник	10/3	14
		р. I, п. 12	11
4.	Югомашевский могильник	р. II, п. 7	2
		р. II, п. 15	1
		р. III, п. 4	1
		р. III, п. 5	14
ВСЕГО			1580

Таблица 195

Ременные накладки типа IV.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	18/1	1
ВСЕГО			1

Таблица 196

Ременные накладки типа V.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	270	3
ВСЕГО			3

Таблица 197

Ременные накладки типа V.2a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Югомашевский могильник	р. III, п. 4	20
ВСЕГО			20

Таблица 198

Ременные накладки типа V.26 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	686	1
ВСЕГО			1

Таблица 199

Ременные накладки типа V.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	197	1
ВСЕГО			1

Таблица 200

Ременные накладки типа V.4a1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	4	1
		86	1
ВСЕГО			2

Таблица 201

Ременные накладки типа V.4a2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	197	1
ВСЕГО			1

Таблица 202

Ременные накладки типа V.461 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	137	1
		426	2
ВСЕГО			3

Таблица 203

Ременные накладки типа V.462 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	1
ВСЕГО			1

Таблица 204

Ременные накладки типа V.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. 1	1
ВСЕГО			1

Таблица 205

Ременные накладки типа VI.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	18/1	1
ВСЕГО			1

Таблица 206

Ременные накладки типа VI.1 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	2
ВСЕГО			2

Таблица 207

Ременные накладки типа VI.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	13/1	5

		13/2	2
		18/4	1
2.	Сынтыш-Тамакский могильник	10	2
ВСЕГО			10

Таблица 208

Ременные накладки типа VII.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	77	2
		88	1
		111	2
		123	3
		124	1
		130	4
2.	Дежневский могильник	1/3	2
		19/2	1
3.	Кувыковский могильник	1	3
4.	Погр. на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа)	1	3
ВСЕГО			22

Таблица 209

Ременные накладки типа VII.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	21/2	2
ВСЕГО			2

Таблица 210

Ременные накладки типа VII.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Дежневский могильник	103	4
ВСЕГО			4

Таблица 211

Ременные накладки типа VIII.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	8	2
		68	4
ВСЕГО			6

Таблица 212

Ременные накладки типа IX.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	18/1	4
ВСЕГО			4

Таблица 213

Ременные накладки типа X.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	220	2
ВСЕГО			2

Таблица 214

Ременные накладки типа X.1б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 215

Ременные накладки типа Х.1в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Биккинский курган	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 216

Ременные накладки типа XI.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	270	2
2.	Булгарский I курган	1	1
3.	Красногорский II могильник	1	1
4.	Кушнаренковский могильник	2	4
		17	4
ВСЕГО			12

Таблица 217

Ременные накладки типа XII.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Красногорский II могильник	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 218

Ременные накладки типа XII.1б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Могильник Чайка-1	7	1
ВСЕГО			1

Таблица 219

Ременные накладки типа XII.1в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	21	3
2.	Ново-Турбаслинский могильник	13/1	2
ВСЕГО			5

Таблица 220

Ременные накладки типа XII.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	1
ВСЕГО			1

Таблица 221

Ременные накладки типа XIII.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	299	3
ВСЕГО			3

Таблица 222

Ременные накладки типа XIV.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	17	3
ВСЕГО			3

Таблица 223

Ременные накладки типа XIV.1б1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	10/2	4
		13/2	3
ВСЕГО			7

Таблица 224

Ременные накладки типа XIV.162 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Жен. погр. во дворе Башмединститута (г. Уфа)	1	2
ВСЕГО			2

Таблица 225

Ременные накладки типа XIV.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	2	4
ВСЕГО			4

Таблица 226

Ременные накладки типа XIV.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	400	1
ВСЕГО			1

Таблица 227

Ременные накладки типа XV.1а1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	410	2
ВСЕГО			2

Таблица 228

Ременные накладки типа XV.1а2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	416	1
2.	Лагеревский могильник	14	1
		46/2	2
		55	2
3.	Манякский могильник	р. II, п. 3	1
		р. II, п. 10	1
ВСЕГО			8

Таблица 229

Ременные накладки типа XV.1а3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	427	3
ВСЕГО			3

Таблица 230

Ременные накладки типа XV.1а3 в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	1
ВСЕГО			1

Таблица 231

Ременные накладки типа XV.1а4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	2
ВСЕГО			2

Таблица 232

Ременные накладки типа XV.161 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	384	2
2.	Кушнаренковский могильник	28	1
3.	Манякский могильник	р. I, п. 9	2
ВСЕГО			5

Таблица 233

Ременные накладки типа XV.161 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	2
ВСЕГО			2

Таблица 234

Ременные накладки типа XV.162 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	423	2
ВСЕГО			2

Таблица 235

Ременные накладки типа XV.163 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Сынтыш-Тамакский могильник	10	1
ВСЕГО			1

Таблица 236

Ременные накладки типа XV.164 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 237

Ременные накладки типа XV.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	359	2
2.	Манякский могильник	р. I, п. 1	3
ВСЕГО			5

Таблица 238

Ременные накладки типа XV.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	225	1
ВСЕГО			1

Таблица 239

Ременные накладки типа XVI.1a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Сынтыш-Тамакский могильник	10	2
ВСЕГО			2

Таблица 240

Ременные накладки типа XVI.1b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	21/1	1
ВСЕГО			1

Таблица 241

Ременные накладки типа XVII.1а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	401	1
		410	1
2.	Лагереvский могильник	10	1
3.	Манякский могильник	р. II, п. 10	1
ВСЕГО			4

Таблица 242

Ременные накладки типа XVII.1б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	295	1
ВСЕГО			1

Таблица 243

Ременные накладки типа XVII.1в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	360	1
		410	1
ВСЕГО			2

Таблица 244

Ременные накладки типа XVII.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	13/2	1
ВСЕГО			1

Таблица 245

Ременные накладки типа XVII.2 в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковское селище	1959	1
ВСЕГО			1

Таблица 246

Ременные накладки типа XVII.2 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	2
ВСЕГО			2

Таблица 247

Ременные накладки типа XVII.3а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	225	3
ВСЕГО			3

Таблица 248

Ременные накладки типа XVII.3б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 249

Ременные накладки типа XVII.3в в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	2
ВСЕГО			2

Таблица 250

Ременные накладки типа XVIII.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. II, п. 2	1
ВСЕГО			1

Таблица 251

Ременные накладки типа XVIII.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	17	3
		21	2
2.	Манякский могильник	р. I, п. 8	1
		р. I, п. 9	2
ВСЕГО			8

Таблица 252

Ременные накладки типа XVIII.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	17	2
2.	Ново-Турбаслинский могильник	13/2	1
3.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	2
		10	1
4.	Могильник Чайка-1	7	3
ВСЕГО			9

Таблица 253

Ременные накладки типа XVIII.2в в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 254

Ременные накладки типа XVIII.2г в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	2	1
ВСЕГО			1

Таблица 255

Ременные накладки типа XVIII.2д в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Береговский II могильник	1	1
2.	Шареевский могильник	9	1
ВСЕГО			2

Таблица 256

Ременные накладки типа XVIII.3а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	401	1
		417	1
2.	Лагеревский могильник	46/2	3
3.	Манякский могильник	р. II, п. 9	1
ВСЕГО			6

Таблица 257

Ременные накладки типа XVIII.3а в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 258

Ременные накладки типа XVIII.361 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Лагереvский могильник	55	1
ВСЕГО			1

Таблица 259

Ременные накладки типа XVIII.362 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	400	1
ВСЕГО			1

Таблица 260

Ременные накладки типа XIX.1a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	360	2
2.	Манякский могильник	р. I, п. 22	1
ВСЕГО			3

Таблица 261

Ременные накладки типа XIX.16 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	1
ВСЕГО			1

Таблица 262

Ременные накладки типа XX.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	197	1
ВСЕГО			1

Таблица 263

Ременные накладки типа XX.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	85	3
		134	2
		290	1
ВСЕГО			6

Таблица 264

Ременные накладки типа XX.2 в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 265

Ременные накладки типа XXI.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	410	1
2.	Манякский могильник	р. II, п. 3	1
ВСЕГО			2

Таблица 266

Ременные накладки типа XXII.1a1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	401	1
		417	1
		419	1
2.	Лагереvский могильник	46/2	1

3.	Манякский могильник	р. II, п. 10	1
ВСЕГО			5

Таблица 267

Ременные накладки типа XXII.1a1 в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Романовское II селище	1989	1
ВСЕГО			1

Таблица 268

Ременные накладки типа XXII.1a2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинский могильник	27/8	2
ВСЕГО			2

Таблица 269

Ременные накладки типа XXII.1b1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	2
ВСЕГО			2

Таблица 270

Ременные накладки типа XXII.1b1 в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	1
ВСЕГО			1

Таблица 271

Ременные накладки типа XXII.1b2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. 1	2
ВСЕГО			2

Таблица 272

Ременные накладки типа XXII.2a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шареевский могильник	8	1
ВСЕГО			1

Таблица 273

Ременные накладки типа XXII.2a в материалах поселенческих памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Янгантауское селище	1963	1
ВСЕГО			1

Таблица 274

Ременные накладки типа XXII.2a в депортированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	2
ВСЕГО			2

Таблица 275

Ременные накладки типа XXII.2b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Красногорский II могильник	2	1
ВСЕГО			1

Таблица 276

Ременные накладки типа XXII.2в1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	225	1
ВСЕГО			1

Таблица 277

Ременные накладки типа XXII.2в2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 278

Ременные накладки типа XXIII.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	360	2
		363	1
		382	1
		401	2
		410	1
		419	1
2.	Лагереvский могильник	29	1
		46/2	1
		56	1
3.	Манякский могильник	р. II, п. 1	1
		р. II, п. 11	1
ВСЕГО			13

Таблица 279

Ременные накладки типа XXIII.1 в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1921	4
2.	Городище Уфа-II	-	1
ВСЕГО			5

Таблица 280

Ременные накладки типа XXIII.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	361	2
ВСЕГО			2

Таблица 281

Ременные накладки типа XXIII.3а1 в депаспортизированных коллекциях / подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок/ обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник	1915	3
		1921	3
2.	Никольские находки	нач. XX в.	2
ВСЕГО			8

Таблица 282

Ременные накладки типа XXIII.3а2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	165	1
ВСЕГО			1

Таблица 283

Ременные накладки типа XXIII.3б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	225	5
ВСЕГО			5

Таблица 284

Ременные накладки типа XXIV.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	220	3
ВСЕГО			3

Таблица 285

Ременные накладки типа XXIV.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	229	1
ВСЕГО			1

Таблица 286

Ременные накладки типа XXIV.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	197	1
2.	Кушнаренковский могильник	10	1
ВСЕГО			2

Таблица 287

Ременные накладки типа XXIV.4а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	44	1
		82	6
		183	1
		217	6
		230	*
		244	*
		249	*
		252	3
		303	4
ВСЕГО			не менее 80

Таблица 288

Ременные накладки типа XXIV.4б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	19	5
2.	Югомашевский могильник	р. II, п. 51	1
ВСЕГО			6

Таблица 289

Ременные накладки типа XXIV.5 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	359	1
ВСЕГО			1

Таблица 290

Ременные накладки типа XXIV.6а в подъемном материале с памятников

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок / обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Никольские находки	нач. XX в.	1
ВСЕГО			1

Таблица 291

Ременные накладки типа XXIV.6б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 292

Ременные накладки типа XXIV.7 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	220	2
ВСЕГО			2

Таблица 293

Ременные накладки типа XXIV.8а1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнаренковский могильник	2	2
ВСЕГО			2

Таблица 294

Ременные накладки типа XXIV.8а2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Биккинский курган	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 295

Ременные накладки типа XXIV.8а3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Булгарский I курган	1	1
ВСЕГО			1

Таблица 296

Ременные накладки типа XXIV.8а4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	194	1
ВСЕГО			1

Таблица 297

Ременные накладки типа XXIV.8б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Жен. погр. во дворе Башмединститута (г. Уфа)	1	2
ВСЕГО			2

Таблица 298

Ременные накладки типа XXIV.9 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	18	1
ВСЕГО			1

Таблица 299

Ременные накладки типа XXIV.10 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Манякский могильник	р. I, п. 1	1
ВСЕГО			1

Таблица 300

Ременные накладки типа XXV.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	337	3
ВСЕГО			3

Таблица 301

Ременные накладки типа XXV.2а в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	536	2
2.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 8	1
ВСЕГО			3

Таблица 302

Ременные накладки типа XXV.2б в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Муштинский могильник	р. III, п. 8	3
ВСЕГО			3

Таблица 303

Ременные накладки типа XXV.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	550	1
ВСЕГО			1

Таблица 304

Ременные накладки типа XXVI.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	19	23
		37	7
ВСЕГО			30

Таблица 305

Ременные накладки типа XXVI.2 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Салиховский могильник	22	2
ВСЕГО			2

Таблица 306

Ременные накладки типа XXVI.3 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	55	3
		467	23
ВСЕГО			26

Таблица 307

Ременные накладки типа XXVI.4 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	1	15
2.	Бирский могильник	333	32
		340	11
		381	3
		549	5
		562	5
ВСЕГО			71

Таблица 308

Ременные накладки типа XXVI.5 в депаспортизированных коллекциях

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Год раскопок / обнаружения</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	-	1
ВСЕГО			1

Таблица 309

Ременные накладки типа XXVI.6 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	228	*
		264	*
ВСЕГО			не менее 44

Таблица 310

Ременные накладки типа XXVI.7 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	93	16
ВСЕГО			16

Таблица 311

Ременные накладки типа XXVI.8 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	80	5
ВСЕГО			5

Таблица 312

Ременные накладки типа XXVI.9 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	268а	1
ВСЕГО			1

Таблица 313

Ременные накладки типа XXVI.10 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	61	21
ВСЕГО			21

Таблица 314

Типы ремennых блях в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Тип</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Местоположение в захоронении</i>	<i>Кол-во</i>
1.	<i>IA.1</i>	Шиповский могильник	244	«В области пояса» погребенного	1
2.	<i>IA.2a</i>	Бирский могильник	111	«Между бедренными костями» погребенного	1
			624	«На поясе» погребенного	1
3.	<i>IA.2б</i>	Ангасякский могильник	5	«Примерно на уровне пояса» погребенного	1
4.	<i>IB.1a</i>	Шиповский могильник	351	«Снаружи левого таза» погребенного	1
			37	«Чуть ниже левого колена» погребенного	3
			43	«На поясе погребенного слева»	1
			268а	«На костях таза» погребенного	1
			268б	«Справа от черепа» погребенного	1
5.	<i>IB.1б</i>	Шиповский могильник	37	«В области пояса» погребенного	1
			252	«В области пояса» погребенного	1
6.	<i>IB.2</i>	Шиповский могильник	82	«В районе живота» погребенного	1
7.	<i>II.1</i>	Бирский могильник	313	«На поясе» погребенного	6
8.	<i>II.2</i>	Ангасякский	80	«Жертвенный комплекс»	1

	МОГИЛЬНИК		
ВСЕГО			21

Таблица 315

Ременные крепежи типа I.1a в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Шиповский могильник	101	3
		102	2
ВСЕГО			5

Таблица 316

Ременные крепежи типа I.1b в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Старо-Кабановский могильник	86	1
2.	Бирский могильник	550	1
		644	1
ВСЕГО			3

Таблица 317

Ременные крепежи типа II.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	220	1
ВСЕГО			1

Таблица 318

Ременные петельные крючки типа I.1 в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кург. / погр.</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	139	2
ВСЕГО			2

Таблица 319

Общее количество типологически определяемых пряжек в погребальных памятниках

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	13
2.	Ахмеровский II могильник	2
3.	Бахмутинский могильник, раскопки 1960 г.	11
4.	Береговский II курган	2
5.	Бирский могильник	258
6.	Галановский II могильник	1
7.	Дежневский могильник	22
8.	Камбулатовский I могильник	3
9.	Кара-Тамакский могильник	8
10.	Кувыковский могильник	4
11.	Кушнарниковский могильник	7
12.	Лагеревский могильник	3
13.	Мало-Качакский могильник	2
14.	Манякский могильник	9
15.	Ново-Биккинский курган	3
16.	Ново-Турбаслинский могильник	8
17.	Новиковское погребение (г. Уфа)	2
18.	Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа)	2
19.	Погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа)	1
20.	Погребение у г. Ишимбай	1
21.	Погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа)	1
22.	Погребение по ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа)	4
23.	Салиховский могильник	5
24.	Старо-Кабановский могильник	64
25.	Старо-Муштинский могильник	28

26.	Сынтыш-Тамакский могильник	2
27.	Могильник Чайка-1	4
28.	Шареевский могильник	1
29.	Шиповский могильник	24
30.	Югомашевский могильник	20
ВСЕГО		515

Таблица 320

**Общее количество типологически определяемых пряжек
в материалах поселений**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Городище Уфа-I, раскопки 1973 г.	1
2.	Городище Уфа-II, раскопки 2014 г.	1
3.	Городище Уфа-II, раскопки 2015 г.	1
4.	Городище Уфа-II, раскопки 2016 г.	2
ВСЕГО		5

Таблица 321

**Общее количество типологически определяемых пряжек
в депаспортизованных коллекциях / подъемном материале с памятников**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник, раскопки 1915 г.	2
2.	Бахмутинский могильник, раскопки 1921 г.	1
3.	Бахмутинский могильник, раскопки 1928 г.	4
4.	Кувыковское городище, ПМ	1
5.	Мало-Качакский могильник, ПМ	2
6.	Ново-Турбаслинский могильник	1
7.	Никольские находки	7
8.	Старо-Муштинский могильник, ПМ	1
ВСЕГО		19

Таблица 322

**Общее количество типологически определяемых наконечников ремней
в погребальных памятниках**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	4
2.	Бахмутинский могильник, раскопки 1960 г.	1
3.	Береговский II курган	1
4.	Бирский могильник	155
5.	Галановский II могильник	1
6.	Дежневский могильник	8
7.	Кара-Тамакский могильник	5
8.	Кувыковский могильник	1
9.	Кушнаренковский могильник	3
10.	Мало-Качакский могильник	1
11.	Манякский могильник	19
12.	Ново-Биккинский курган	1
13.	Ново-Турбаслинский могильник	13
14.	Новиковское погребение (г. Уфа)	3
15.	Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа)	2
16.	Салиховский могильник	2
17.	Старо-Кабановский могильник	51
18.	Старо-Муштинский могильник	17
19.	Сынтыш-Тамакский могильник	5
20.	Могильник Чайка-1	4
21.	Шиповский могильник	2
22.	Югомашевский могильник	17
ВСЕГО		316

Таблица 323

**Общее количество типологически определяемых наконечников ремней
в материалах поселений**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ново-Турбаслинское II селище, раскопки 1958 г.	1
2.	Городище Уфа-I, раскопки 2006 г.	2
ВСЕГО		3

Таблица 324

**Общее количество типологически определяемых наконечников ремней
в депаспортизированных коллекциях / подъемном материале с памятников**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник, раскопки 1915 г.	1
2.	Бахмутинский могильник, раскопки 1921 г.	2
3.	Бахмутинский могильник, раскопки 1928 г.	1
4.	Старо-Муштинский могильник, ПМ	1
ВСЕГО		5

Таблица 325

**Общее количество типологически определяемых ременных накладок
в погребальных памятниках**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	66
2.	Береговский II курган	1
3.	Бирский могильник	1444
4.	Булгарский I курган	2
5.	Дежневский могильник	10
6.	Кувыковский могильник	3
7.	Кушнарниковский могильник	30
8.	Красногорский II могильник	3
9.	Лагереvский могильник	22
10.	Мало-Качакский могильник	1
11.	Манякский могильник	33
12.	Ново-Биккинский курган	2
13.	Ново-Турбаслинский могильник	31
14.	Новиковское погребение (г. Уфа)	3
15.	Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа)	5
16.	Погребение по ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа)	3
17.	Салиховский могильник	7
18.	Старо-Кабановский могильник	397
19.	Старо-Муштинский могильник	93
20.	Сынтыш-Тамакский могильник	11
21.	Могильник Чайка-I	4
22.	Шарееvский могильник	2
23.	Шиповский могильник	129
24.	Югомашевский могильник	47
ВСЕГО		2349

Таблица 326

**Общее количество типологически определяемых ременных накладок
в материалах поселений**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Кушнарниковское селище, раскопки 1959 г.	1
2.	Романовское II селище, раскопки 1989 г.	1
3.	Янгантауское селище, раскопки 1963 г.	1
ВСЕГО		3

Таблица 327

**Общее количество типологически определяемых ременных накладок
в депортированных коллекциях / подъемном материале с памятников**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бахмутинский могильник, раскопки 1915 г.	10
2.	Бахмутинский могильник, раскопки 1921 г.	14
3.	Бирский могильник, раскопки 1991 г.	1
4.	Никольские находки	3
5.	Городище Уфа-II	1
ВСЕГО		29

Таблица 328

**Общее количество типологически определяемых ременных блях
в погребальных памятниках**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Ангасякский могильник	2
2.	Бирский могильник	9
3.	Шиповский могильник	10
ВСЕГО		21

Таблица 329

**Общее количество типологически определяемых ременных крепежей
в погребальных памятниках**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	3
2.	Старо-Кабановский могильник	1
3.	Шиповский могильник	5
ВСЕГО		9

Таблица 330

**Общее количество типологически определяемых петельных крючков
в погребальных памятниках**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Кол-во, экз.</i>
1.	Бирский могильник	2
ВСЕГО		2

Таблица 331

**Погребальные памятники Южного Приуралья с ременной гарнитурой,
материалы которых опубликованы до 1991 г. (включительно)**

<i>№№</i>	<i>Название памятника</i>	<i>Общее количество рассмотренных погребений</i>	<i>Погребения с ременной гарнитурой</i>	<i>Погребения с типологически определяемой ременной гарнитурой</i>
1.	Ангасякский могильник	71	28	14
2.	Ахмеровский II могильник	31	1	1
3.	Бахмутинский могильник (раскопки 1960 г.)	14	9	7
4.	Береговский II курган	1	1	1
5.	Бирский могильник	206	133	99
6.	Булгарский I курган	1	1	1
7.	Дежневский могильник	27	7	4
8.	Кара-Тамакский могильник	19	10	5
9.	Красногорский II могильник	2	2	2
10.	Кушнарниковский могильник	30	10	8
11.	Лагеревский могильник	12	10	10
12.	Манякский могильник	41	17	16
13.	Ново-Биккинский курган	1	1	1

14.	Ново-Турбаслинский могильник	81	17	16
15.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	1	1
16.	Женское погребение во дворе Башкирского мединститута (г. Уфа)	1	1	1
17.	Погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа)	1	1	1
18.	Погребение у г. Ишимбай	1	1	1
19.	Погребение по ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа)	1	1	1
20.	Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа)	1	1	1
21.	Салиховский могильник	43	8	6
22.	Старо-Кабановский могильник	155	105	71
23.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	3	3
24.	Шареевский могильник	20	5	3
ВСЕГО		764	374	274

Таблица 332

Погребальные памятники Южного Приуралья с ременной гарнитурой, материалы которых не опубликованы либо опубликованы после 1991 г.

№№	Название памятника	Общее количество рассмотренных погребений	Погребения с ременной гарнитурой	Погребения с типологически определенной ременной гарнитурой
1.	Ангасякский могильник	24	10	3
2.	Бирский могильник	486	217	148
3.	Дежневский могильник	28	8	8
4.	Галановский II могильник	3	1	1
5.	Камбулатовский I могильник	2	1	1
6.	Кувыковский могильник	1	1	1
7.	Мало-Качакский могильник	15	8	2
8.	Ново-Турбаслинский могильник	6	1	1
9.	Погребение на ул. Егора Сазонова (г. Уфа)	1	1	-
10.	Погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа)	1	1	1
11.	Старо-Кабановский могильник	3	1	-
12.	Старо-Муштинский могильник	102	29	23
13.	Могильник Чайка-1	3	2	2
14.	Шиповский могильник	272	80	35
15.	Югомашевский могильник	82	41	22
ВСЕГО		1029	403	248

Таблица 333

Соотношение погребений с типологически определенной и погребений с типологически неопределенной ременной гарнитурой

№№	Название памятника	Общее кол-во рассмотренных в исследовании погребений		Погребения с ременной гарнитурой		Погребения с типологически определенной ременной гарнитурой	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1.	Ангасякский могильник	95	100	38	40	17	17,8
2.	Ахмеровский II могильник	31	100	1	3,2	1	3,2
3.	Бахмутинский могильник, раскопки 1960 г.	14	100	9	64,2	7	50
4.	Береговский II курган	1	100	1	100	1	100
5.	Бирский могильник	692	100	350	50,5	247	35,6
6.	Булгарский I курган	1	100	1	100	1	100

7.	Галановский II могильник	3	100	1	100	1	100
8.	Дежневский могильник	55	100	15	27,2	12	21,8
9.	Камбулатовский I могильник	2	100	1	50	1	50
10.	Кара-Тамакский могильник	19	100	10	52,6	5	26,3
11.	Красногорский II могильник	2	100	2	100	2	100
12.	Кувыковский могильник	1	100	1	100	1	100
13.	Кушнаренокский могильник	30	100	10	33,3	8	26,6
14.	Лагереvский могильник	12	100	10	83,3	10	83,3
15.	Мало-Качакский могильник	15	100	8	53,3	2	13,3
16.	Манякский могильник	41	100	17	41,4	16	39
17.	Ново-Биккинский курган	1	100	1	100	1	100
18.	Ново-Турбаслинский могильник	87	100	18	20,6	17	19,5
19.	Новиковское погребение (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
20.	Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
21.	Погребение № 1 у Театра оперы и балета (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
22.	Погребение на ул. Е. Сазонова (г. Уфа)	1	100	1	100	-	-
23.	Погребение у г. Ишимбай	1	100	1	100	1	100
24.	Погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
25.	Погребение по ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
26.	Погребение на ул. Тукаева (г. Уфа)	1	100	1	100	1	100
27.	Салиховский могильник	43	100	8	18,6	6	13,9
28.	Старо-Кабановский могильник	158	100	106	67	71	44,9
29.	Старо-Муштинский могильник	102	100	29	28,4	23	22,5
30.	Сынтыш-Тамакский могильник	3	100	3	100	3	100
31.	Могильник Чайка-1	3	100	3	100	2	33,3
32.	Шареевский могильник	20	100	5	25	3	15
33.	Шиповский могильник	272	100	80	29,4	35	12,8
34.	Югомашевский могильник	82	100	41	50	22	26,8
ВСЕГО		1793	100	777	43,3	522	29,1

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

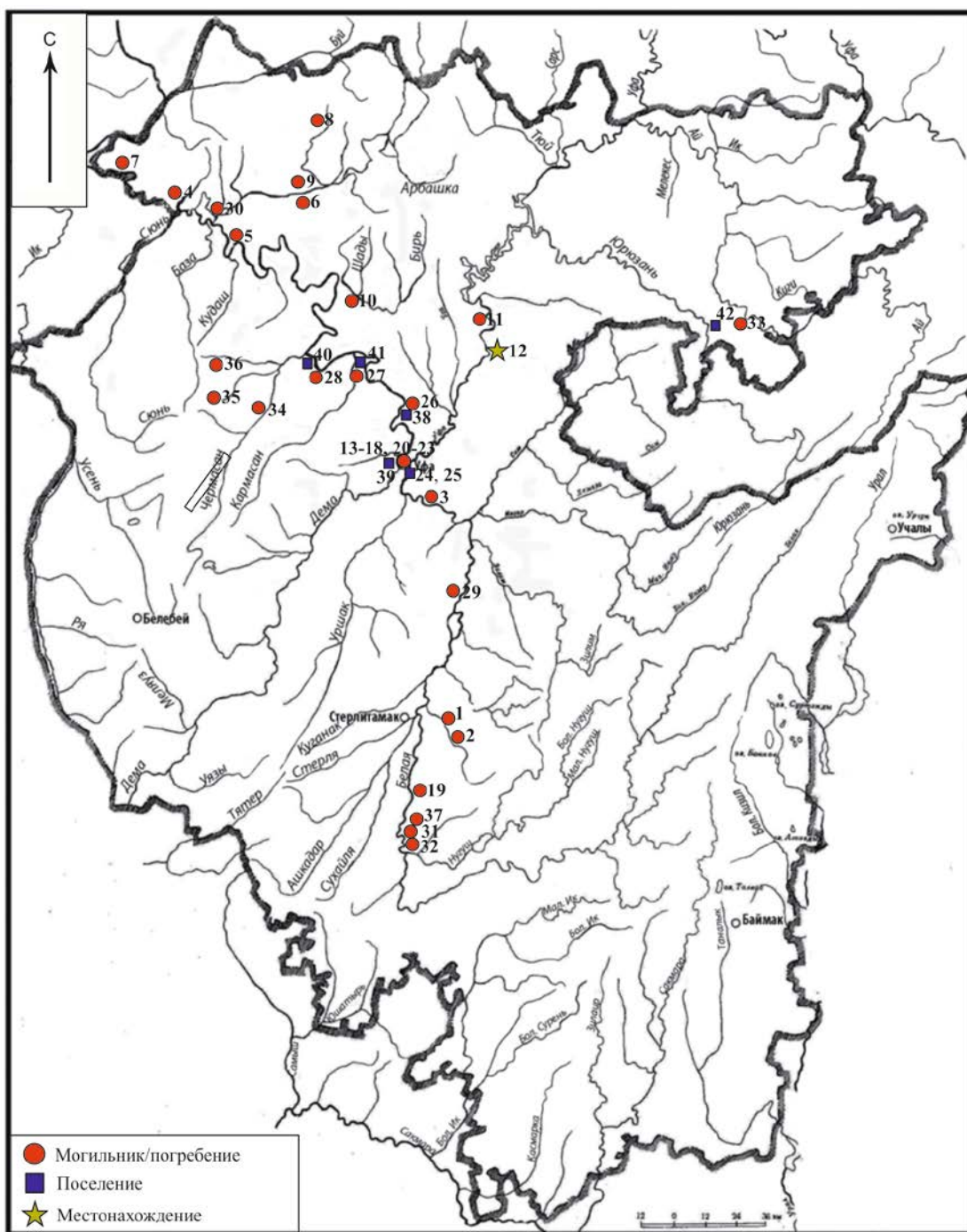

Рис. 1. Археологические памятники Южного Приуралья с находками ремennых гарнитур и их элементов
Основа карты по: (Русланова, 2018)

1 – Ахмеровский II могильник; 2 – Салиховский могильник; 3 – Шиповский могильник; 4 – Старо-Муштинский могильник; 5 – Ангасякский могильник; 6 – Кара-Тамакский могильник; 7 – Старо-Кабановский могильник; 8 – Югомашевский могильник; 9 – Мало-Качакский могильник; 10 – Бирский могильник; 11 – Бахмутинский могильник; 12 – Никольские находки; 13 – Новиковское погребение (г. Уфа); 14 – Дежневский могильник; 15 – Галановский II могильник; 16 – женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа); 17 – погребение № 1 во дворе Театра оперы и балета (г. Уфа); 18 – погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа); 19 – погребение у г. Ишимбай; 20 – погребение на ул. Тукаева (г. Уфа); 21 – погребение на ул. Егора Сазонова (г. Уфа); 22 – погребение на ул. Менделеева, д. 10 (г. Уфа); 23 – могильник «Чайка-1»; 24 – Уфа-I (Уфимское (Чертово)), городище; 25 – городище Уфа-II; 26 – Ново-Турбаслинский могильник; 27 – Кувыковский могильник; 28 – Кушнарниковский могильник; 29 – Шареевский могильник; 30 – Манякский могильник; 31 – Береговский II могильник; 32 – Красногорский II могильник; 33 – Лагеревский могильник; 34 – Сынтыш-Тамакский могильник; 35 – Ново-Биккинский курган; 36 – Булгарский I курган; 37 – Камбулатовский I могильник; 38 – Ново-Турбаслинское II селище; 39 – Романовское II селище; 40 – Кушнарниковское селище; 41 – Кувыковское городище; 42 – Янгантауское селище

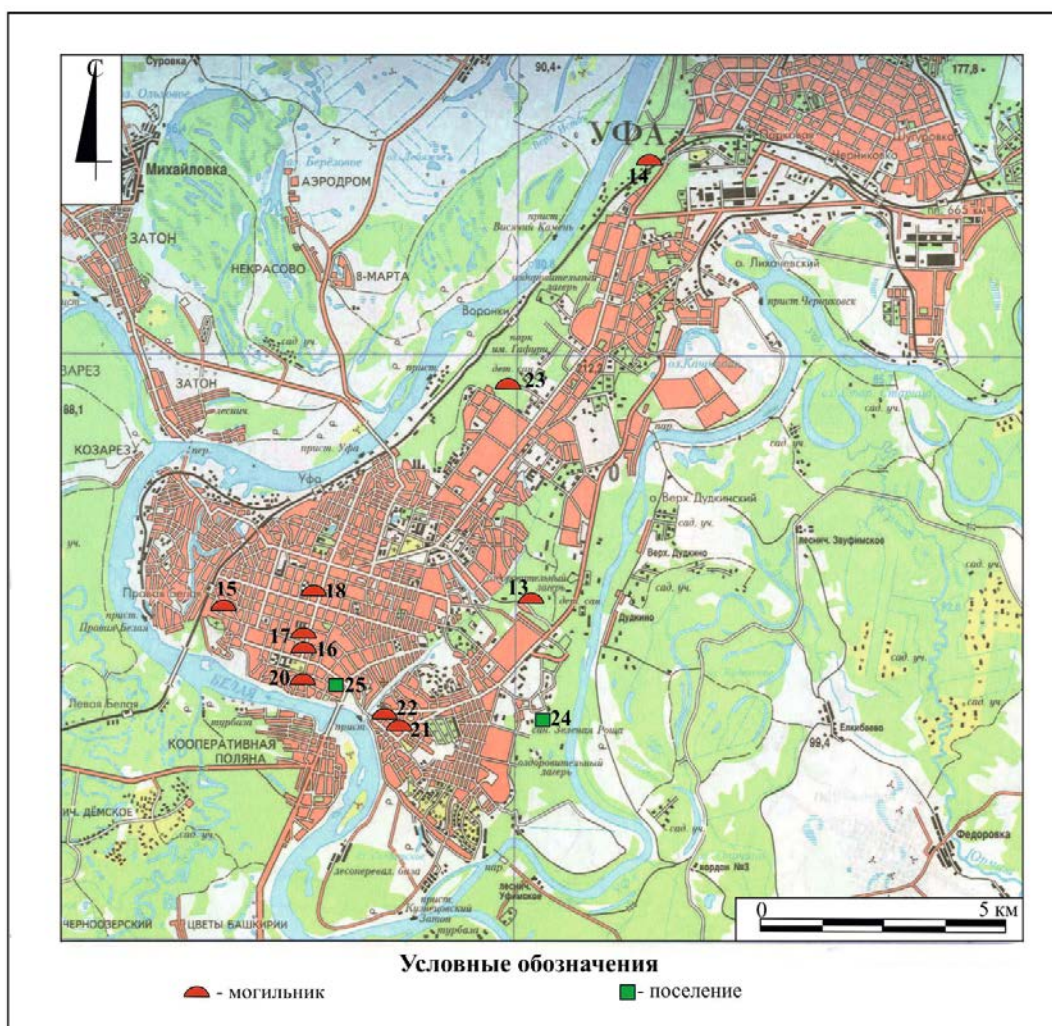

Рис. 2. Археологические памятники на территории г. Уфы с находками ременных гарнитур и их элементов
13 – Новиковское погребение; **14** – Дежневский могильник; **15** – Галановский II могильник; **16** – женское погребение во дворе Башмединститута; **17** – погребение № 1 во дворе Театра оперы и балета; **18** – погребение на ул. Мустая Карима, д. 33; **20** – погребение на ул. Тукаева; **21** – погребение на ул. Егора Сазонова; **22** – погребение на ул. Менделеева, д. 10; **23** – могильник «Чайка-1»; **24** – Уфа-I (Уфимское (Чертово)), городище; **25** – городище Уфа-II

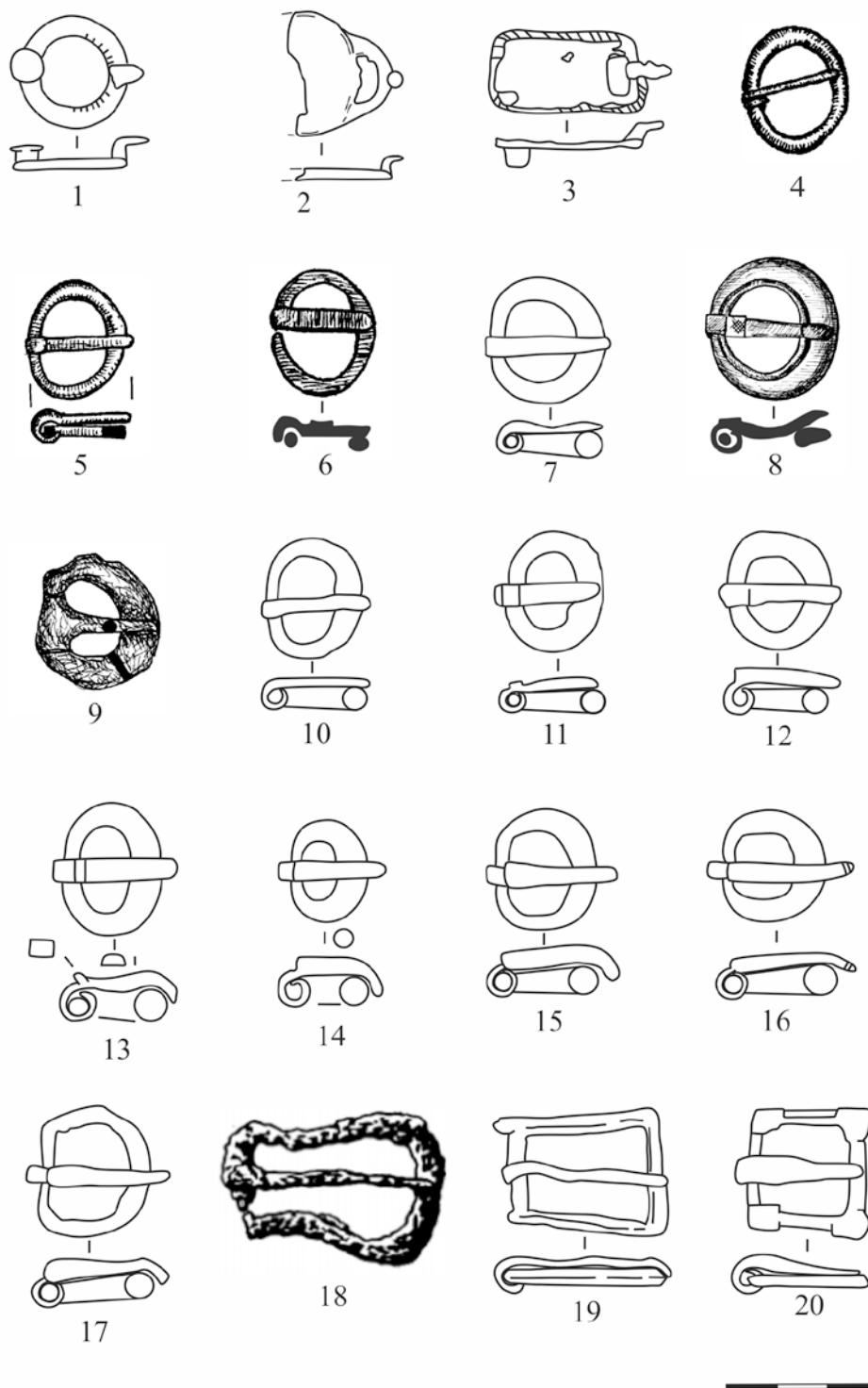

Рис. 3. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Ангасякский могильник, п. 5; **2** – Ангасякский могильник, п. 4; **3** – Бахмутинский могильник, п. 5 (раскопки 1960 г.); **4** – Шиповский могильник, п. 82; **5** – Шиповский могильник, п. 261; **6** – Шиповский могильник, п. 313; **7** – Ахмеровский II могильник, кург. 11; **8** – Шиповский могильник, п. 187; **9** – Шиповский могильник, п. 177; **10** – Старо-Кабановский могильник, п. 12; **11** – Старо-Кабановский могильник, п. 45; **12** – Старо-Кабановский могильник, п. 86; **13, 14** – Старо-Муштинский могильник, кург. 17/3 («тайник»); **15, 17** – Никольские находки; **16** – Бирский могильник, п. 169; **18** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 9, п. 3; **19** – Бирский могильник, п. 379; **20** – Салиховский могильник, кург. 7

1, 2, 3, 7, 11, 15–17, 19 – рисунки О.С. Белявской; **4–6, 8, 9** – по: (Овсянников и др., 2007); **10, 12** – по: (Васюткин, Останина, 1986); **13, 14** – по: (Гавритухин, 2022); **20** – по: (Васюткин, 1986)

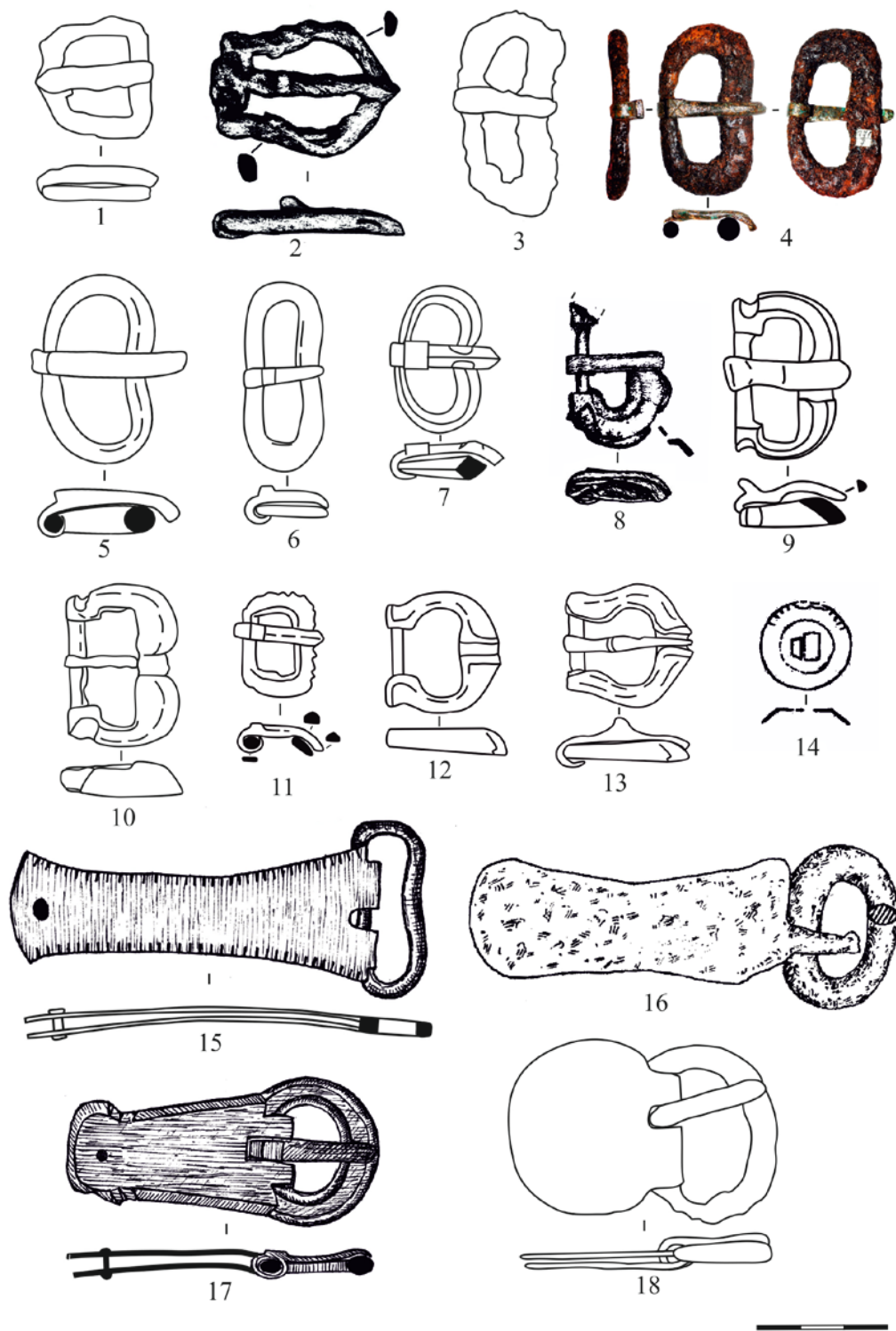

Рис. 4. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Кушнаренковский могильник, п. 27; 2 – Бирский могильник, п. 430; 3 – Старо-Мушгинский могильник, р. V, п. 6; 4, 11 – Камбулатовский I могильник, кург. 1; 5 – Бирский могильник, п. 42; 6 – Бирский могильник, п. 25; 7 – Дежневский могильник, кург. 2 (раскопки 1968 г.); 8 – Бирский могильник, п. 295; 9 – Береговский II могильник, кург. 1; 10 – Лагеревский могильник, кург. 57; 12 – Лагеревский могильник, кург. 54; 13 – Никольские находки; 14 – Салиховский могильник, кург. 22; 15 – Шиповский могильник, п. 268а; 16 – Ангасякский могильник, п. 37; 17 – Шиповский могильник, п. 197; 18 – Бирский могильник, п. 503

1, 3, 5, 6, 9, 10, 12, 13, 18 – рисунки О.С. Белявской; 2, 8 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); 4 – ОФ МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; 7 – по: (Амброз, 1989); 11 – рисунок И.О. Гавритухина; 14 – по: (Малашев, 2013); 15, 17 – по: (Овсянников и др., 2007); 16 – по: (Останина, 1997)

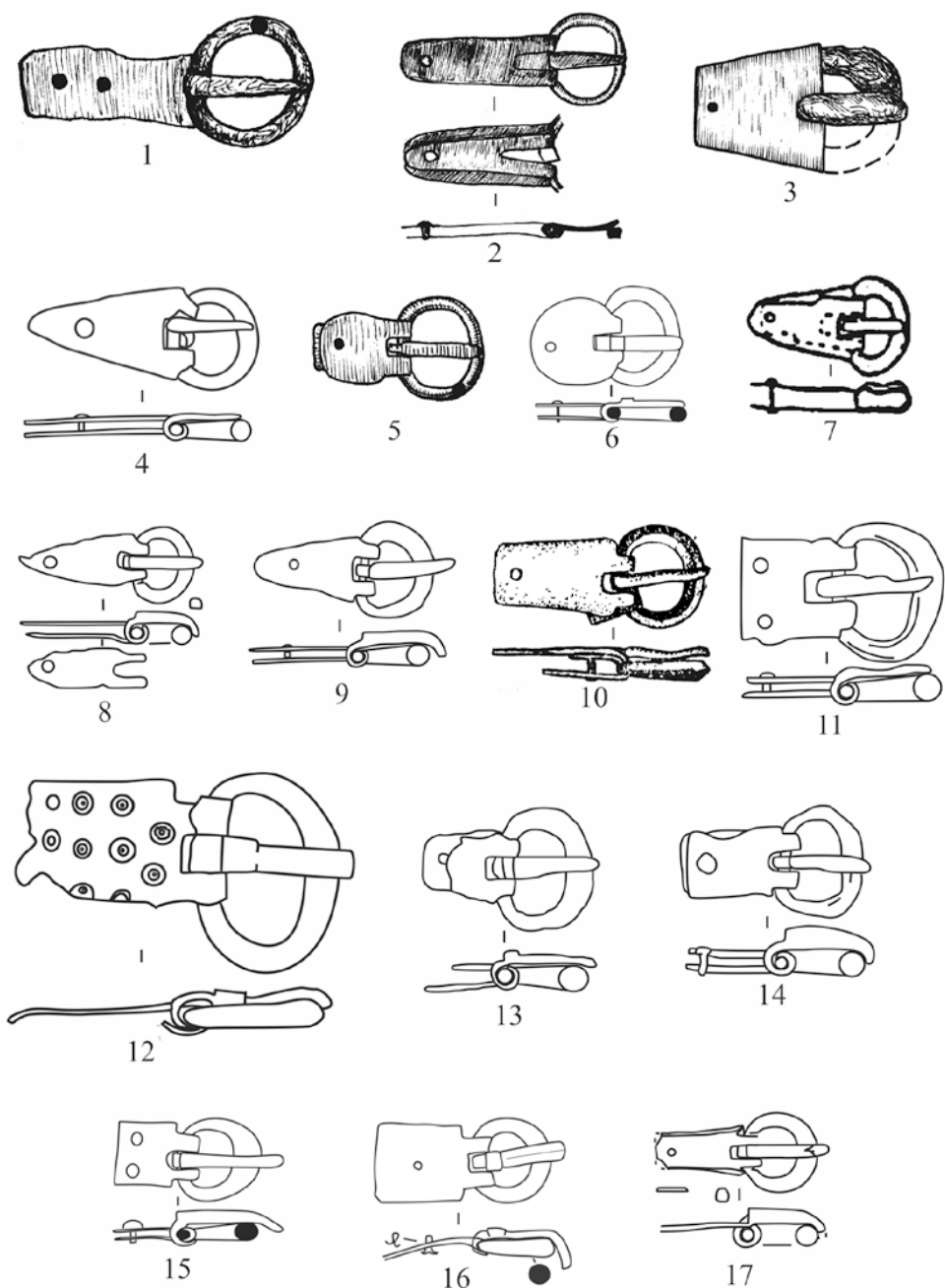

Рис. 5. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Шиповский могильник, п. 208; **2** – Шиповский могильник, п. 60; **3** – Шиповский могильник, п. 264; **4** – Бирский могильник, п. 494; **5** – Шиповский могильник, п. 269; **6** – Бирский могильник, п. 313; **7** – Бирский могильник, п. 604; **8** – Старо-Кабановский могильник, п. 80; **9** – Бирский могильник, п. 242; **10** – Ахмеровский II могильник, кург. 11 (раскопки 1973 г.); **11** – Старо-Кабановский могильник, п. 98; **12** – Салиховский могильник, кург. 33 (раскопки 1967 г.); **13** – Старо-Кабановский могильник, п. 17; **14** – Старо-Кабановский могильник, п. 90; **15** – Дежневский могильник, кург. 1 (раскопки 1989 г.); **17** – городище Уфа-II (раскопки 2016 г.); **18** – Югомашевский могильник, р. II, п. 24

1–3, 5 – по: (Овсянников и др., 2007); **8, 17** – по: (Гавритухин, 2022); **4, 6, 7, 9** – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); **10** – по: (Васюткин, 1986); **11, 13, 14** – по: (Васюткин, Останина, 1986); **12** – по: (Васюткин, 1980); **15** – по: (Сунгатов, 1995); **16** – рисунок И.О. Гавритухина

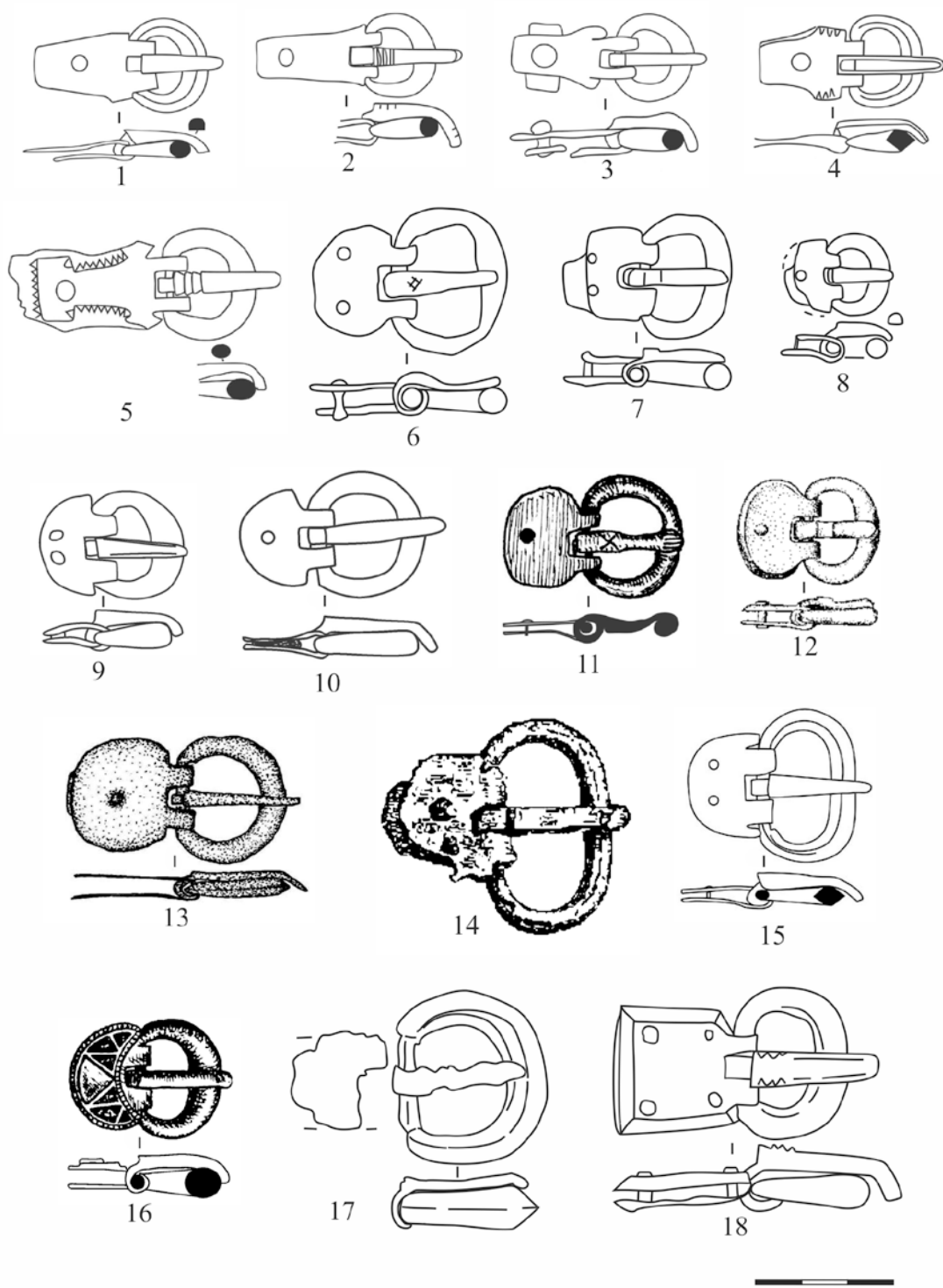

Рис. 6. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 71; **2** – Бирский могильник, п. 78; **3** – Бирский могильник, п. 272; **4** – Бирский могильник, п. 113; **5** – Бирский могильник, п. 89; **6** – Старо-Кабановский могильник, п. 54; **7** – Старо-Кабановский могильник, п. 35а; **8** – Старо-Кабановский могильник, п. 86; **9** – Старо-Кабановский могильник, п. 100; **10** – Бирский могильник, п. 285; **11** – Шиповский могильник, п. 254; **12** – Салиховский могильник, кург. 10 (раскопки 1967 г.); **13** – Бирский могильник, п. 265; **14** – Бирский могильник, п. 15; **15** – Бирский могильник, п. 161; **16** – Дежневский могильник, кург. 18, п. 1 (раскопки 1961 г.); **17** – Бахмутинский могильник, п. 7 (раскопки 1960 г.); **18** – Дежневский могильник, кург. 103 (раскопки 2005 г.)

1–5, 15 – по: (Амброз, 1980); **6, 7** – по: (Васюткин, Останина, 1986); **8** – по: (Гавритухин, 2022); **9, 10, 17, 18** – рисунки О.С. Белявской; **11** – по: (Овсянников и др., 2007); **12** – по: (Васюткин, 1986); **13** – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); **14** – по: (Мажитов, 1968); **16** – по: (Пшеничнюк, 1968)

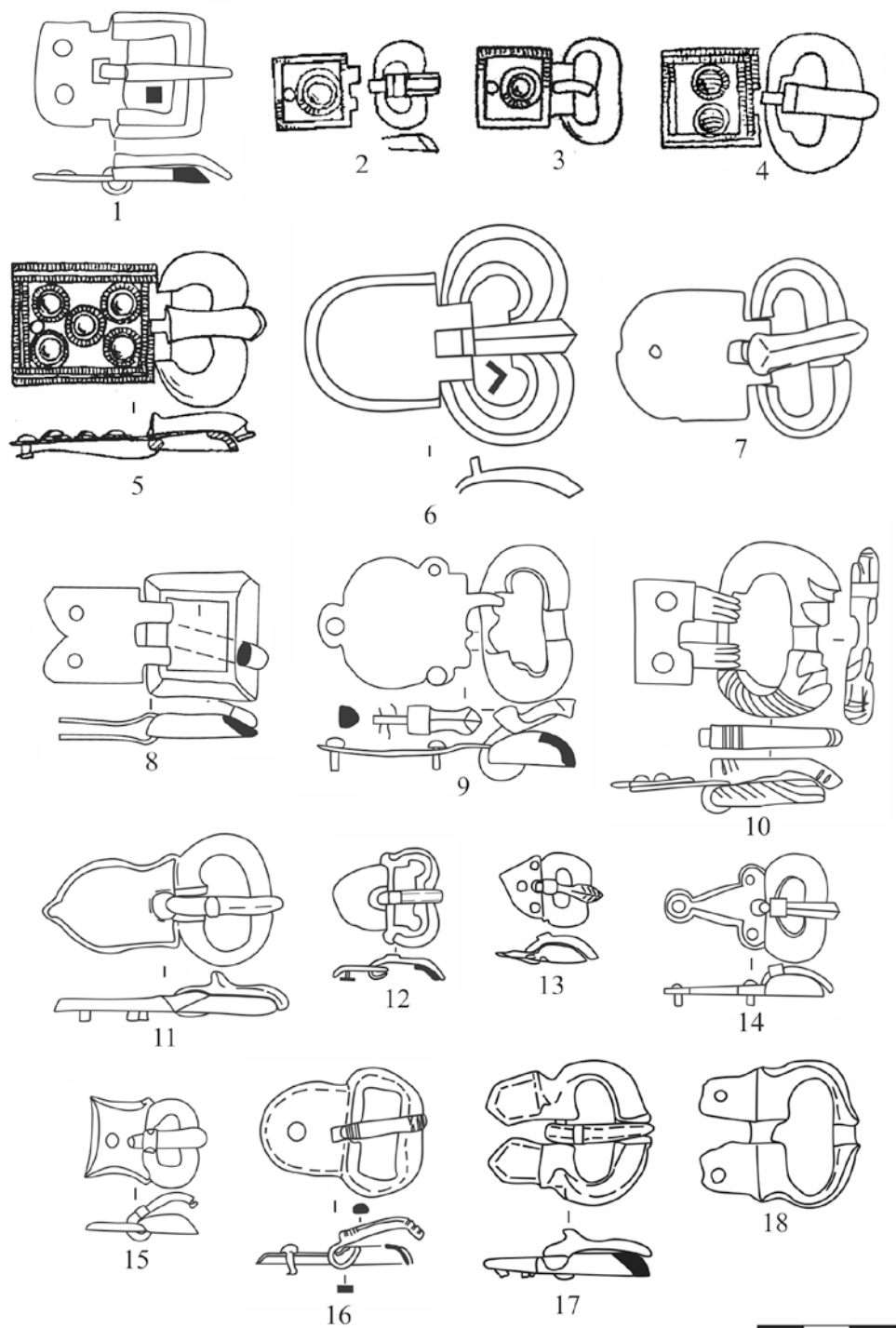

Рис. 7. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 2; **2** – Бирский могильник, п. 88; **3**, **6**, **13** – Бирский могильник, п. 165; **4** – погребение на ул. М. Карима, д. 33 (г. Уфа); **5** – Бирский могильник, п. 130; **7** – Бирский могильник, п. 225; **8** – Бирский могильник, п. 147; **9** – Бирский могильник, п. 170; **10** – Бирский могильник, п. 18; **11** – Бирский могильник, п. 423; **12** – могильник «Чайка-1», кург. 7 (раскопки 2015 г.); **14** – Бирский могильник, п. 127; **15** – Бирский могильник, п. 138; **16** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 23, п. 1; **17** – Никольские находки; **18** – Маняжский могильник, р. II, п. 11

1, **3**, **5**, **6**, **8–10**, **14**, **15** – по: (Амброз, 1980); **2**, **4** – по: (Амброз, 1989); **7**, **11**, **13**, **17**, **18** – рисунки О.С. Белявской; **12** – по: (Сунгатов, Куфтерин, 2020); **16** – рисунок И.О. Гавритухина

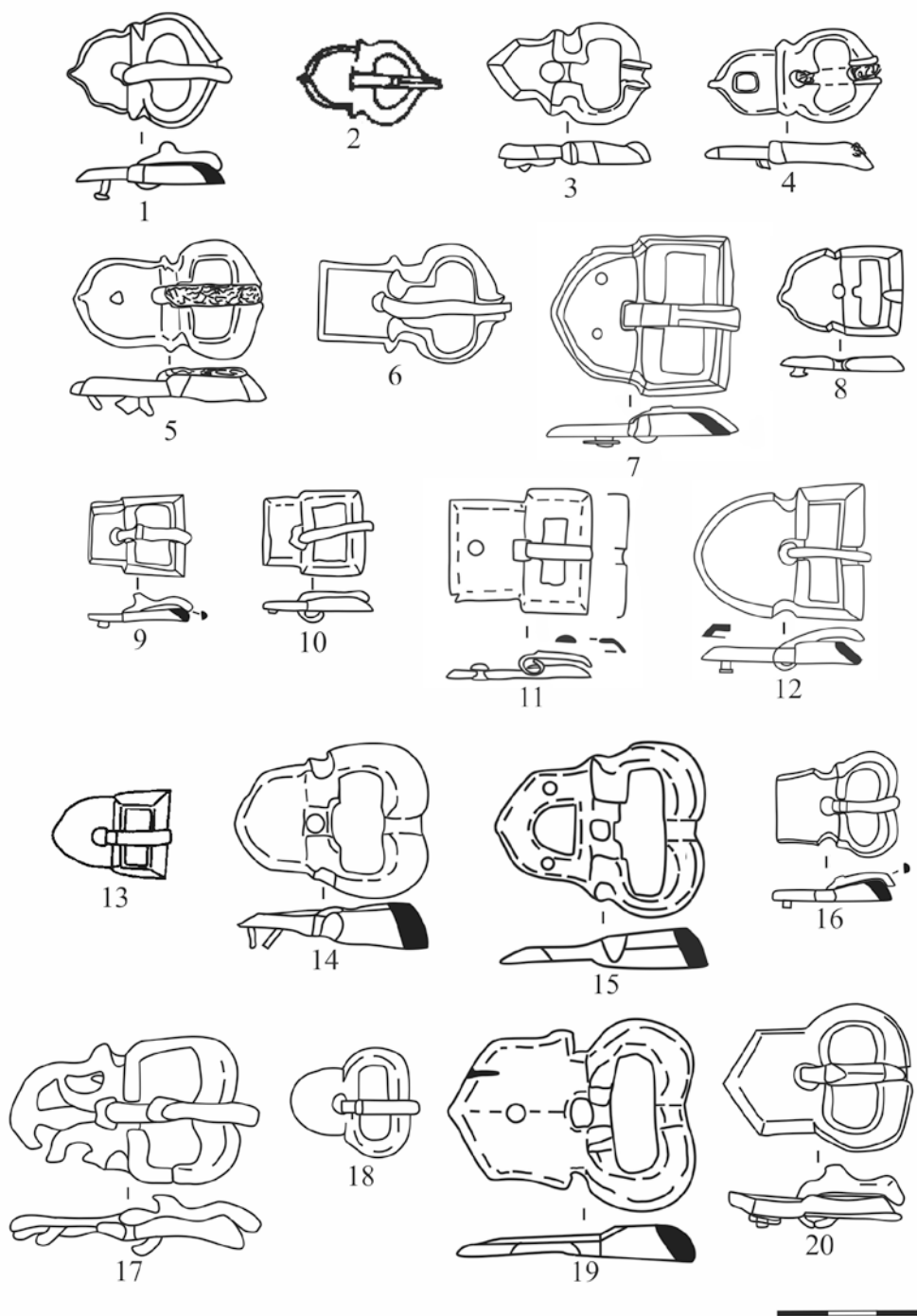

Рис. 8. Пряжки из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 400; **2** – Кушнаренковский могильник, п. 2; **3** – Манякский могильник, р. II, п. 4; **4** – Манякский могильник, р. II, п. 2; **5** – Бирский могильник, п. 416; **6** – Манякский могильник, р. I, п. 1; **7** – могильник «Чайка-1», кург. 7 (раскопки 2015 г.); **8** – женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа); **9** – Бирский могильник, п. 352; **10** – Манякский могильник, р. II, п. 9; **11** – Ново-Турбаслинский могильник, раскопки 1957-1958 гг., депаспортизировано; **12** – Бирский могильник, п. 181; **13** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 2; **14**, **19** – Никольские находки; **15** – Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); **16** – Ново-Биккинский курган («тайник»); **17** – Лагеревский могильник, кург. 46, п. 2; **18** – Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 10; **20** – Бирский могильник, п. 417

1, **3–10**, **13–20** – рисунки О.С. Белявской; **2** – по: (Богачев, 1992); **11** – рисунок И.О. Гавритухина; **12** – по: (Амброз, 1980)

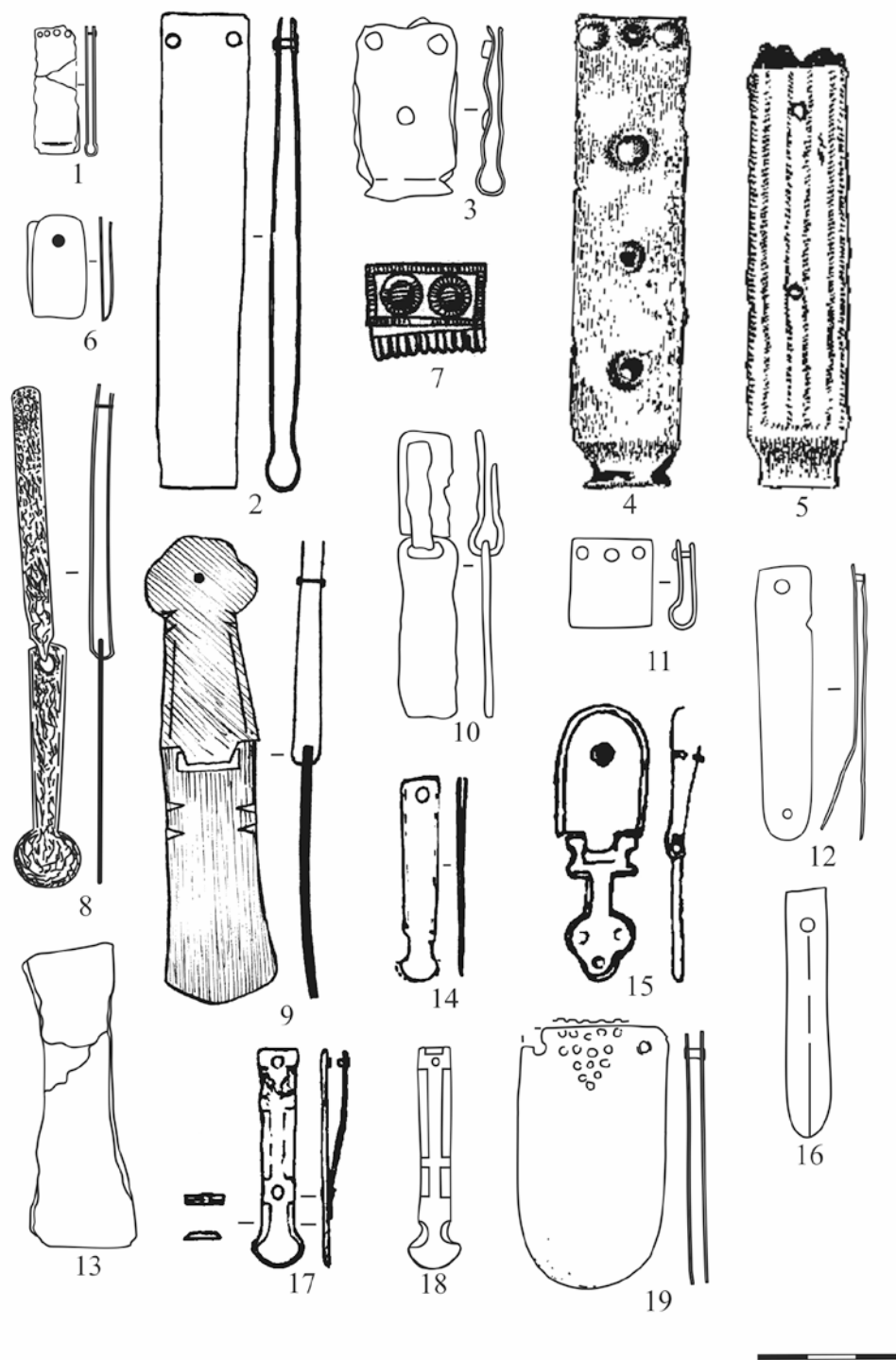

Рис. 9. Ременные наконечники из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 319; 2, 14 – Старо-Кабановский могильник, п. 80; 3, 4 – Бирский могильник, п. 128; 5 – Бирский могильник, п. 53; 6 – Югомашевский могильник, р. II, п. 64; 7 – погребение на ул. Тукаева (г. Уфа); 8 – Бирский могильник, п. 596; 9 – Шиповский могильник, п. 197; 10 – Бирский могильник, п. 466; 11 – Старо-Муштинский могильник, кург. 17, п. 3 («тайник»); 12 – Бирский могильник, п. 8; 13 – Бирский могильник, п. 481; 15 – могильник «Чайка-1», кург. 7 (раскопки 2015 г.); 16 – Бирский могильник, п. 75; 17 – Старо-Муштинский могильник, р. I, п. 6; 18 – Бирский могильник, п. 280; 19 – Бирский могильник, п. 270

1, 3, 6, 8, 12, 13, 18 – рисунки О.С. Белявской; 2, 11, 14, 17 – по: (Гавритухин, 2022); 4, 5 – по: (Мажитов, 19686); 7 – по: (Амброз, 1989); 9 – по: (Овсянников и др., 2007); 10 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); 15 – по: (Сунгатов, Куфтерин, 2020); 16 – по: (Амброз, 19716); 19 – рисунок И.О. Гавритухина

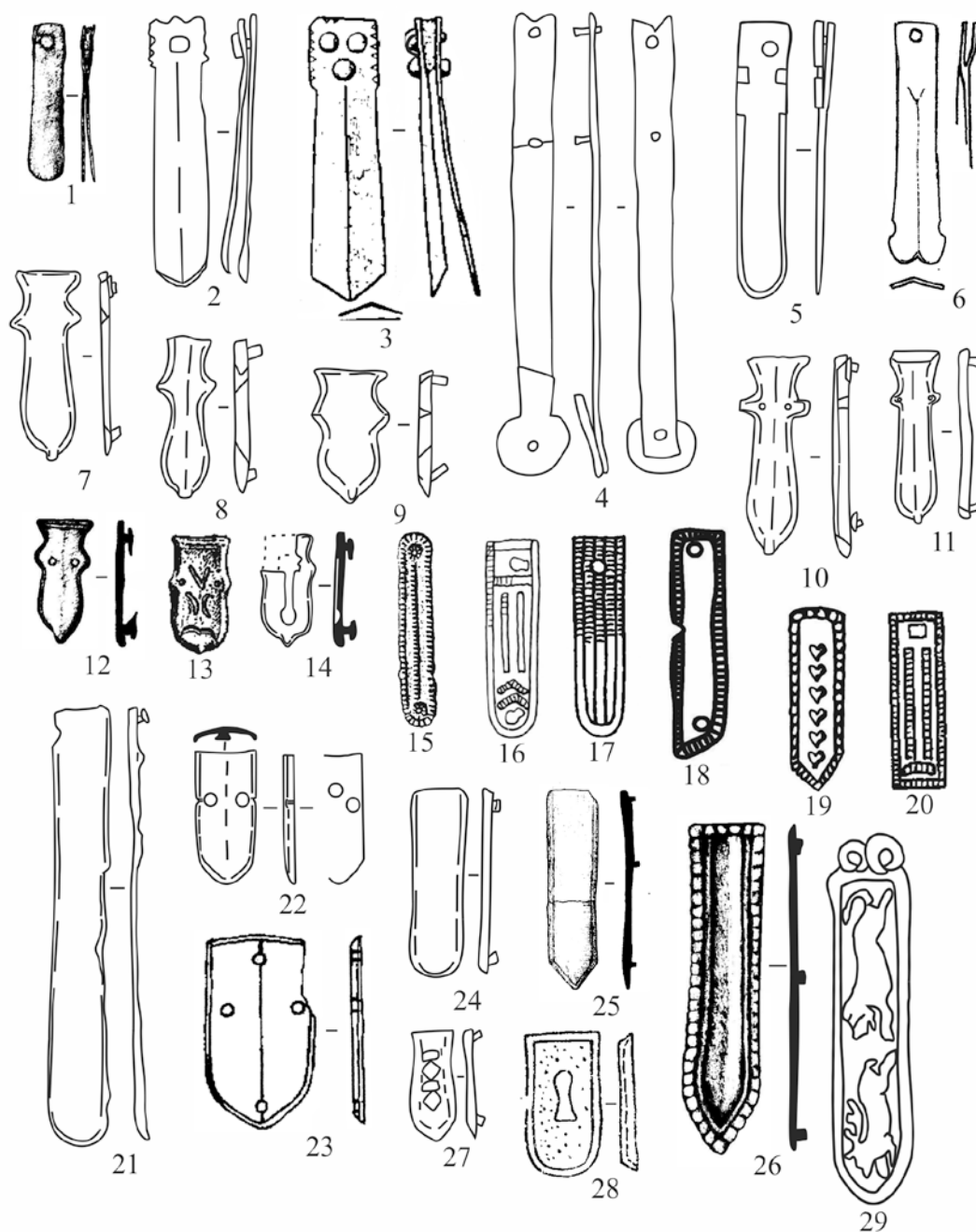

Рис. 10. Ременные наконечники из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 288; **2** – Бирский могильник, п. 128; **3** – Бирский могильник, п. 89; **4** – Бирский могильник, п. 645; **5** – Дежневский могильник, кург. 103 (раскопки 2005 г.); **6** – Дежневский могильник, кург. 1, п. 1 (раскопки 1989 г.); **7** – Бирский могильник, п. 417; **8** – Манякский могильник, р. II, п. 12; **9** – Манякский могильник, р. I, п. 25; **10** – Манякский могильник, р. I, п. 25; **11** – Бирский могильник, п. 419 (?); **12** – Бирский могильник, п. 371; **13** – Манякский могильник, р. II, п. 2; **14** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 10, п. 2; **15** – Кувыковский могильник, п. 1; **16** – Бирский могильник, п. 165; **17** – Бирский могильник, п. 130; **18** – погребение на ул. Тукаева (г. Уфа); **19** – Бахмутинский могильник (раскопки 1928 г., депаспортизировано); **20** – Бирский могильник, п. 88; **21** – Бирский могильник, п. 400; **22**, **23** – могильник «Чайка-1», кург. 7 (раскопки 2015 г.); **24** – Бирский могильник, п. 401; **25** – Бирский могильник, п. 438; **26** – Бирский могильник, п. 371; **27** – Бирский могильник, п. 358; **28** – Береговский II могильник, кург. 1; **29** – Бирский могильник, п. 410

1, **12**, **25**, **26**, **29** – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); **2**, **4**, **5**, **7–11**, **14**, **18**, **19**, **21**, **24**, **27** – рисунки О.С. Белявской; **3** – по: (Амброз, 1980); **6**, **22** – рисунки И.О. Гавритухина; **13** – по: (Мажитов, 1977); **15** – по: (Мажитов, отчет, 1963); **16**, **17**, **20** – по: (Амброз, 1989); **23** – по: (Сунгатов, Куфтерин, 2020); **28** – по: (Горбунов, 1984)

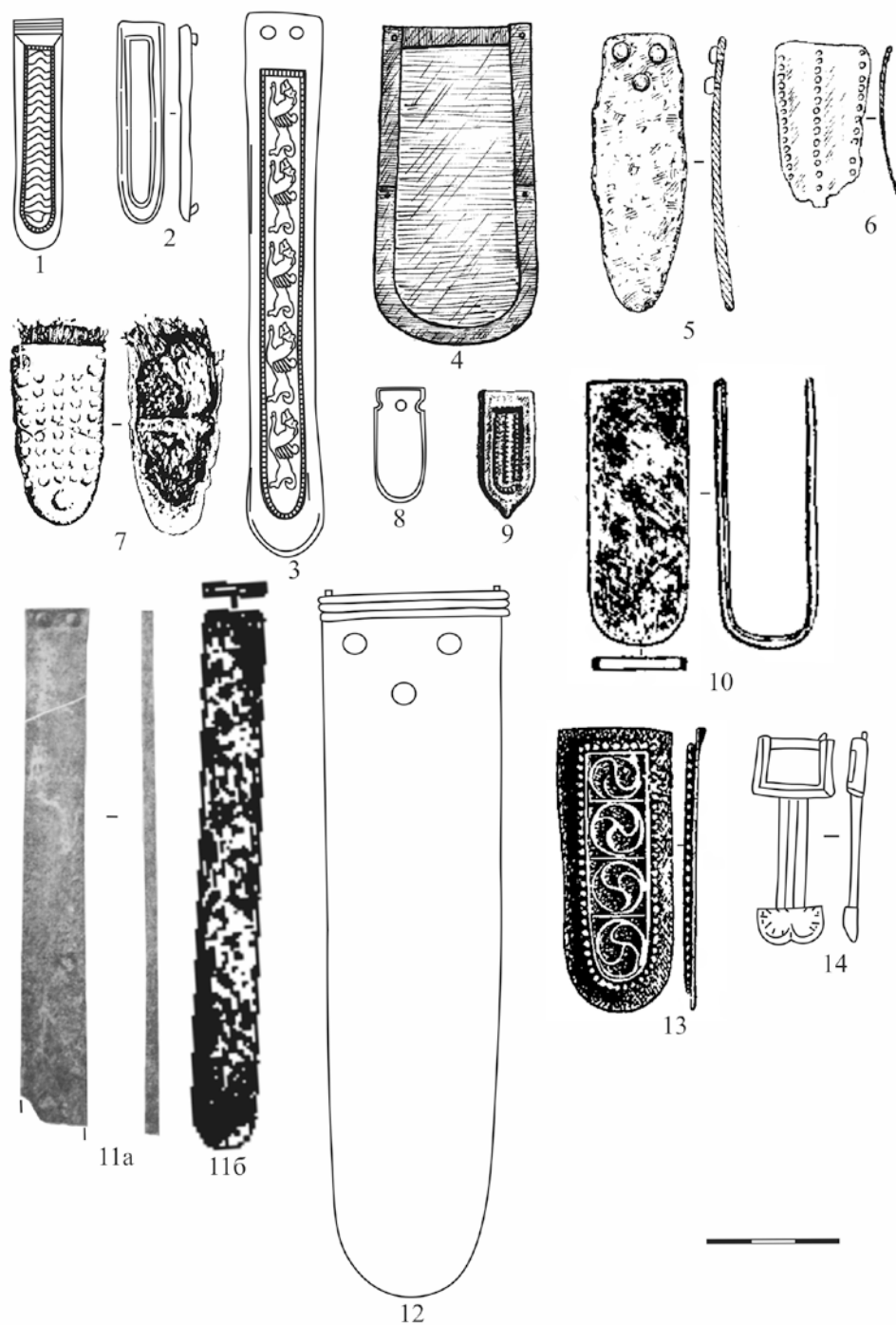

Рис. 11. Ременные наконечники из памятников Южного Приуралья

1 – городище Уфа-II, раскопки 2006 г.; 2, 3, 9 – Манякский могильник, р. I, п. 1; 4 – Шиповский могильник, п. 228; 5 – Ангазякский могильник, п. 37; 6 – Ангазякский могильник, п. 42; 7 – Ангазякский могильник, п. 68; 8 – Кушнаренковский могильник, п. 17; 10 – Ново-Биккинский курган; 11а, 11б – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8; 12 – Бирский могильник, п. 18; 13 – Ново-Турбаслинское II селище, (раскопки 1958 г.); 14 – Бирский могильник, п. 423

1–3, 14 – рисунки О.С. Белявской; 4 – по: (Овсянников и др., 2007); 5, 6 – по: (Останина, 1997); 7 – по: (Васюткин, 1980); 8 – по: (Амброз, 1989); 9, 10 – по: (Мажитов, 1981б); 11а – по: (Мажитов, 1959); 11б – по: (Сунгатов, 1998); 12 – по: (Амброз, 1980); 13 – по: (Мажитов, 1962а)

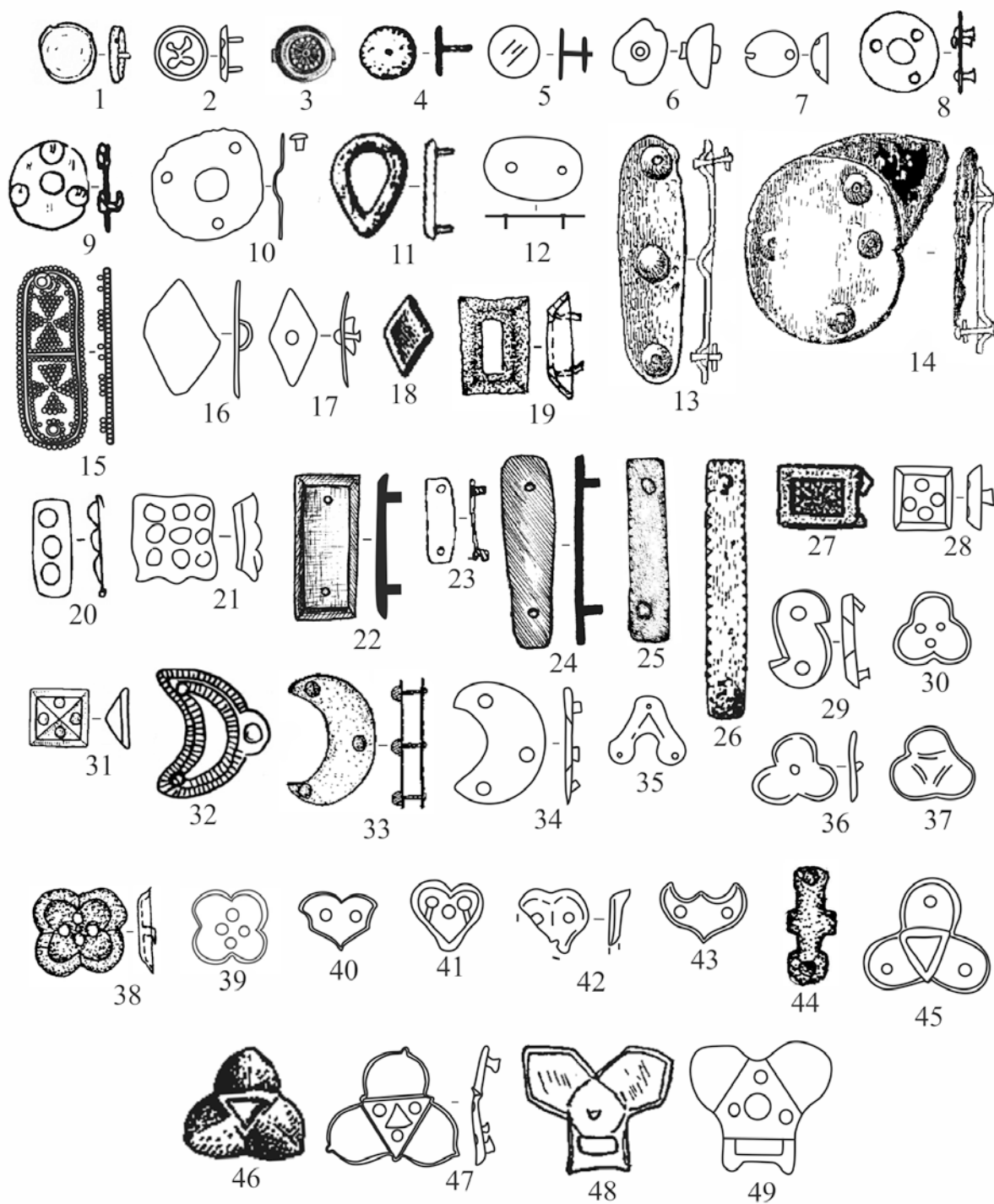

Рис. 12. Ременные накладки из памятников Южного Приуралья (расшифровка ниже)

Рис. 12. Ременные накладки из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 523; **2** – Манякский могильник, р. II, п. 2; **3, 27** – Манякский могильник, р. I, п. 1; **4** – Лагереvский могильник, кург. 43; **5** – Старо-Муштинский могильник, кург. 17, п. 3 («тайник»); **6** – Бирский могильник, п. 645; **7** – Бирский могильник, п. 8; **8** – Старо-Кабановский могильник, п. 80; **9** – Старо-Кабановский могильник, п. 102; **10** – Бирский могильник, п. 154; **11** – Лагереvский могильник, кург. 29; **12** – Дежневский могильник, кург. 21, п. 2 (раскопки 1990 г.); **13, 14, 26** – Бирский могильник, п. 18; **15, 47** – женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа); **16** – Мало-Качакский могильник, п. 11 (раскопки 1970 г.); **17** – Бирский могильник, п. 71; **18, 28, 29** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 18, п. 1; **19** – Бирский могильник, п. 270; **20** – Бирский могильник, п. 686; **21** – Югомашевский могильник, р. III, п. 4; **22, 24** – Шиповский могильник, п. 197; **23** – Старо-Кабановский могильник, п. 86; **25** – Бирский могильник, п. 426; **30** – Бирский могильник, п. 165; **31** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 1; **32** – Бирский могильник, п. 130; **33** – Дежневский могильник, кург. 21, п. 2 (раскопки 1990 г.); **34** – Дежневский могильник, кург. 103 (раскопки 2005 г.); **35** – Бирский могильник, п. 8; **36** – Бирский могильник, п. 220; **37** – Ново-Биккинский курган; **38** – Бирский могильник, п. 270; **39, 49** – Кушнарeнковский могильник, п. 2; **40** – Красногорский II могильник, кург. 1; **41** – могильник «Чайка-1», кург. 7 (раскопки 2015 г.); **42** – Кушнарeнковский могильник, п. 21; **43** – Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 3; **44** – Бирский могильник, п. 229; **45** – Кушнарeнковский могильник, п. 17; **46** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 2; **48** – Бирский могильник, п. 400

1, 6, 19, 20, 25, 38, 44, 48 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); **2, 7, 15, 16, 21, 28, 29, 34–36, 42, 43, 47** – рисунки О.С. Белявской; **3, 4, 11, 27, 37** – по: (Мажитов, 19816); **5** – по: (Сунгатов и др., 2004); **8** – по: (Гавритухин, 2022); **9, 23** – по: (Васюткин, Останина, 1986); **10** – рисунок А.А. Красноперова; **12, 33** – по: (Сунгатов, 1995); **13, 14, 26** – по: (Мажитов, 19686); **17, 30, 32** – по: (Амброз, 1980); **18, 46** – по: (Мажитов, 1977); **22, 24** – по: (Овсянников и др., 2007); **31** – по: (Ковалевская, 1972); **39, 45, 49** – по: (Генинг, 1977); **40** – по: (Горбунов, 1984); **41** – по: (Сунгатов, Куфтерин, 2020)

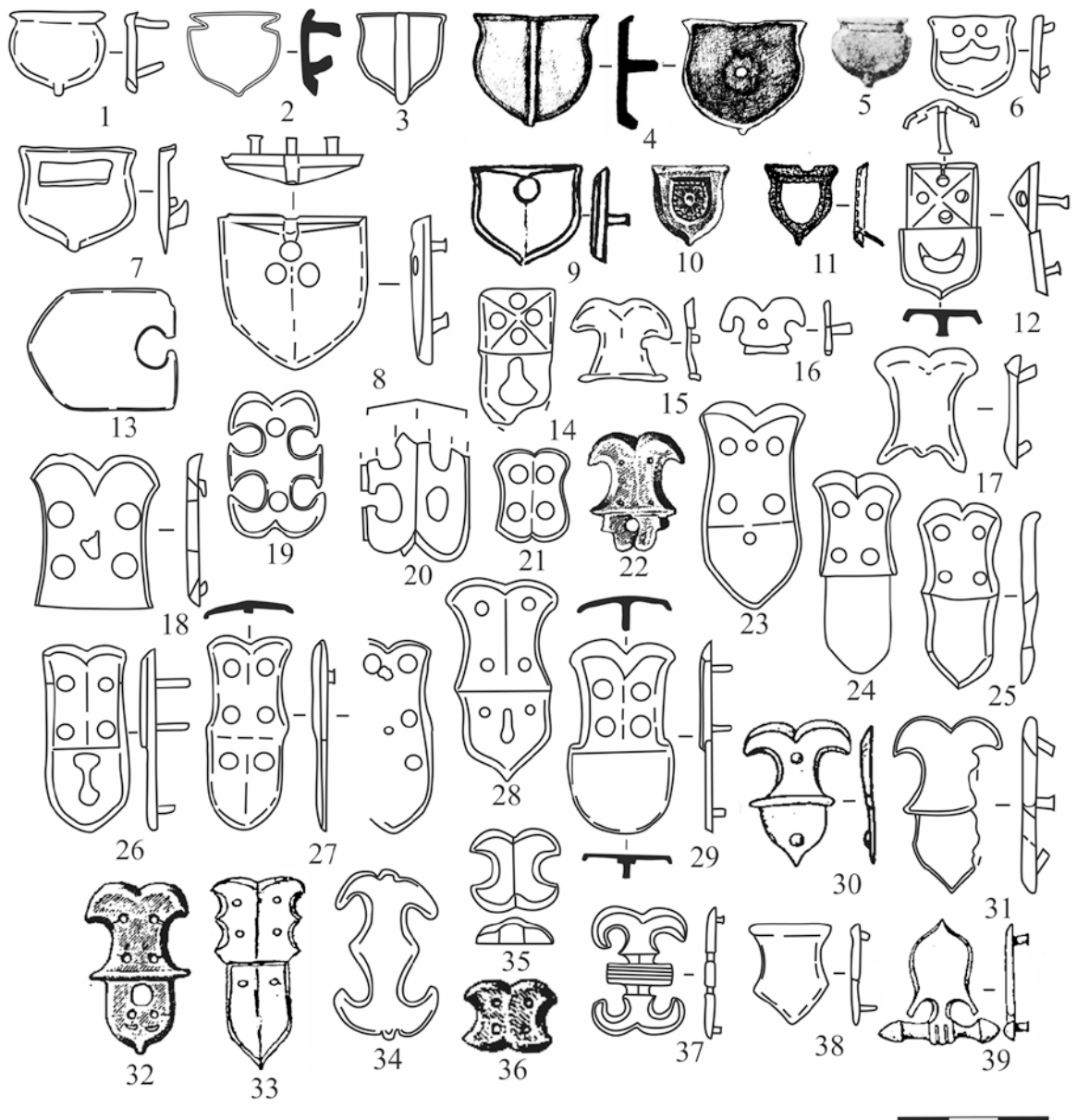

Рис. 13. Ремненные накладки из памятников Южного Приуралья

1, 15, 17, 38 – Бирский могильник, п. 410; 2 – Бирский могильник, п. 416; 3 – Бахмутинский могильник (раскопки 1921 г., депаспортизировано); 4 – Бирский могильник, п. 427; 5, 36 – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8; 6 – Бирский могильник, п. 384; 7 – Бирский могильник, п. 423; 8, 12 – Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 10; 9, 26, 31 – Бахмутинский могильник (раскопки 1915 г., депаспортизировано); 10 – Маняжский могильник, р. I, п. 1; 11 – Бирский могильник, п. 359; 13, 19 – Бирский могильник, п. 225; 14 – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 21, п. 1 (раскопки 1958 г.); 16 – Бирский могильник, п. 295; 18 – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 2 (раскопки 1957 г.); 20 – Бирский могильник, п. 165; 21, 27 – Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 3; 22 – Маняжский могильник, р. II, п. 2; 23 – Кушнаренковский могильник, п. 17; 24, 25 – Кушнаренковский могильник, п. 21; 28 – Кушнаренковский могильник, п. 2; 29 – Шареевский могильник, п. 9; 30 – Маняжский могильник, р. II, п. 9; 32 – Лагеревский могильник, кург. 55; 33 – Бирский могильник, п. 400; 34 – Бирский могильник, п. 197; 35 – Маняжский могильник, р. I, п. 22; 37 – Бирский могильник, п. 134; 39 – Маняжский могильник, р. II, п. 10

1, 3, 6, 7, 13–18, 21, 25, 31, 34, 38 – рисунки О.С. Белявской; 2, 4, 11, 19, 33 – материалы к диссертации А.Н. Султановой; 5 – по: (Мажитов, 1959); 8, 12, 27, 29 – рисунки И.О. Гавритухина; 9 – по: (Гавритухин, 2022а); 10, 22, 32, 36 – по: (Мажитов, 1981б); 20, 30, 35, 37, 39 – по: (Амброз, 1980); 23 – по: (Генинг, 1977); 24 – по: (Амброз, 1989); 26 – по: (Гавритухин, Иванов, 1999); 28 – по: (Мажитов, 1977)

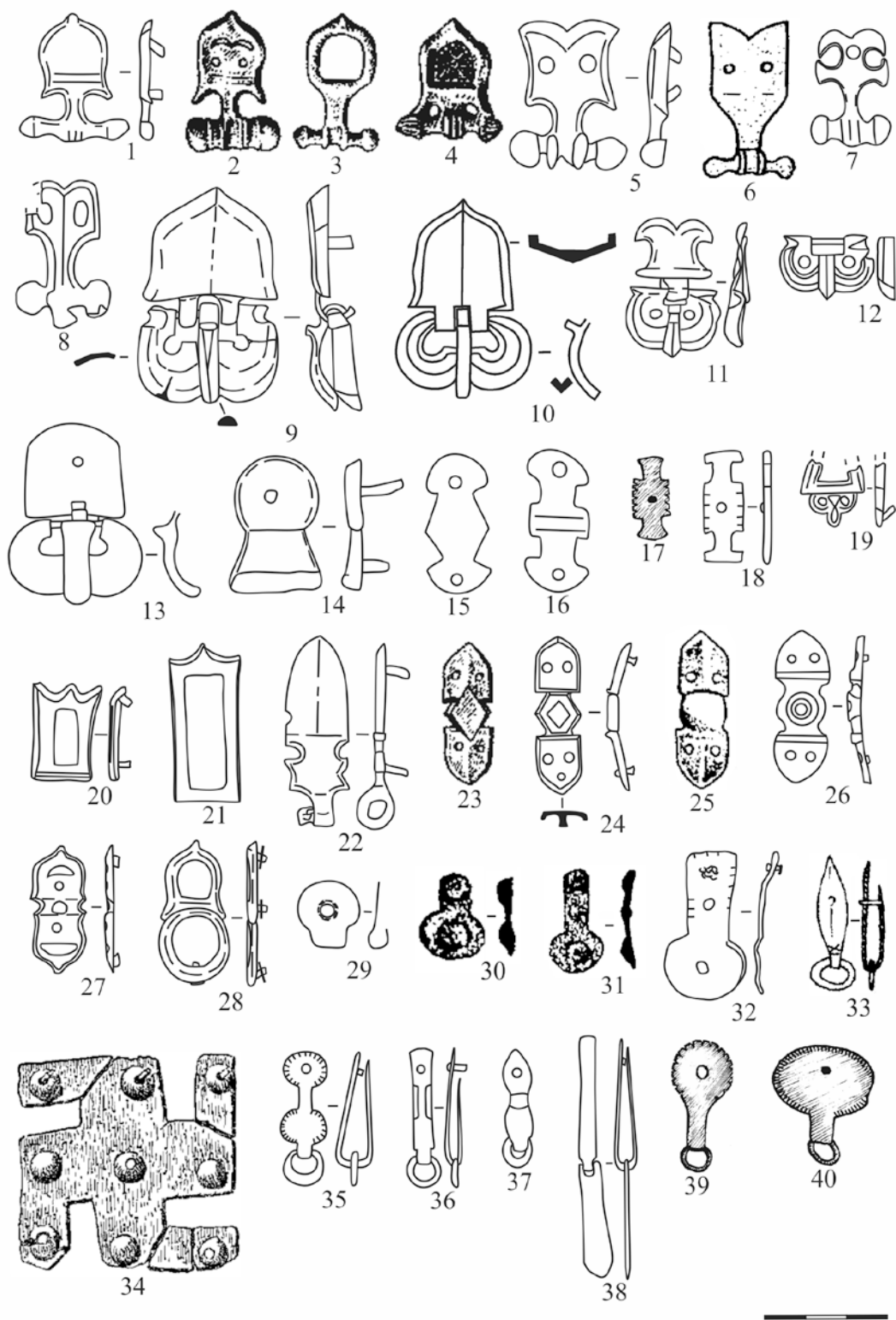

Рис. 14. Ременные накладки из памятников Южного Приуралья (расшифровка ниже)

Рис. 14. Ременные накладки из памятников Южного Приуралья

1 – Бирский могильник, п. 401; **2** – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8 (раскопки 1958 г.); **3, 21** – Новиковское погребение (г. Уфа); **5** – Янгантауское селище (раскопки 1963 г.); **6** – Красногорский II могильник, кург. 2; **7, 13** – Бирский могильник, п. 225; **8, 10** – Бирский могильник, п. 165; **9, 20** – Никольские находки; **11** – Бирский могильник, п. 361; **12** – Манянский могильник, р. II, п. 1; **14, 22** – Бирский могильник, п. 220; **15** – Бирский могильник, п. 229; **16** – Бирский могильник, п. 197; **17** – Шиповский могильник, п. 183; **18** – Югомашевский могильник, р. II, п. 51; **19** – Бирский могильник, п. 359; **23** – Кушнаренковский могильник, п. 2; **24** – Ново-Биккинский курган; **25** – Булгарский I курган; **26** – Бирский могильник, п. 194; **27** – женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа); **4, 28** – Манянский могильник, р. I, п. 1; **29** – Бирский могильник, п. 337; **30, 31** – Старо-Муштинский могильник, р. III, п. 8; **32** – Бирский могильник, п. 550; **33** – Ангасякский могильник, п. 37; **34** – Бирский могильник, п. 18; **35** – Салиховский могильник, кург. 22; (раскопки 1972 г.); **36** – Бирский могильник, п. 55; **37** – Ангасякский могильник, п. 1 (раскопки 1963 г.); **38** – Бирский могильник (депаспортизировано); **39** – Шиповский могильник, п. 228; **40** – Шиповский могильник, п. 264

1, 5, 9, 11, 13–16, 18–22, 27, 28, 32, 37, 38 – рисунки О.С. Белявской; **2–4** – по: (Мажитов, 1977); **6** – по: (Горбунов, 1984); **7, 29** – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); **8** – по: (Амброз, 1989); **10, 12, 26, 36** – по: (Амброз, 1980); **17, 39, 40** – по: (Овсянников и др., 2007); **23, 25** – по: (Мажитов, 1981б); **24** – рисунок И.О. Гавритухина; **30, 31** – по: (Сунгатов и др., 2004); **33** – по: (Останина, 1997); **34** – по: (Мажитов, 1968б); **35** – по: (Васюткин, 1986)

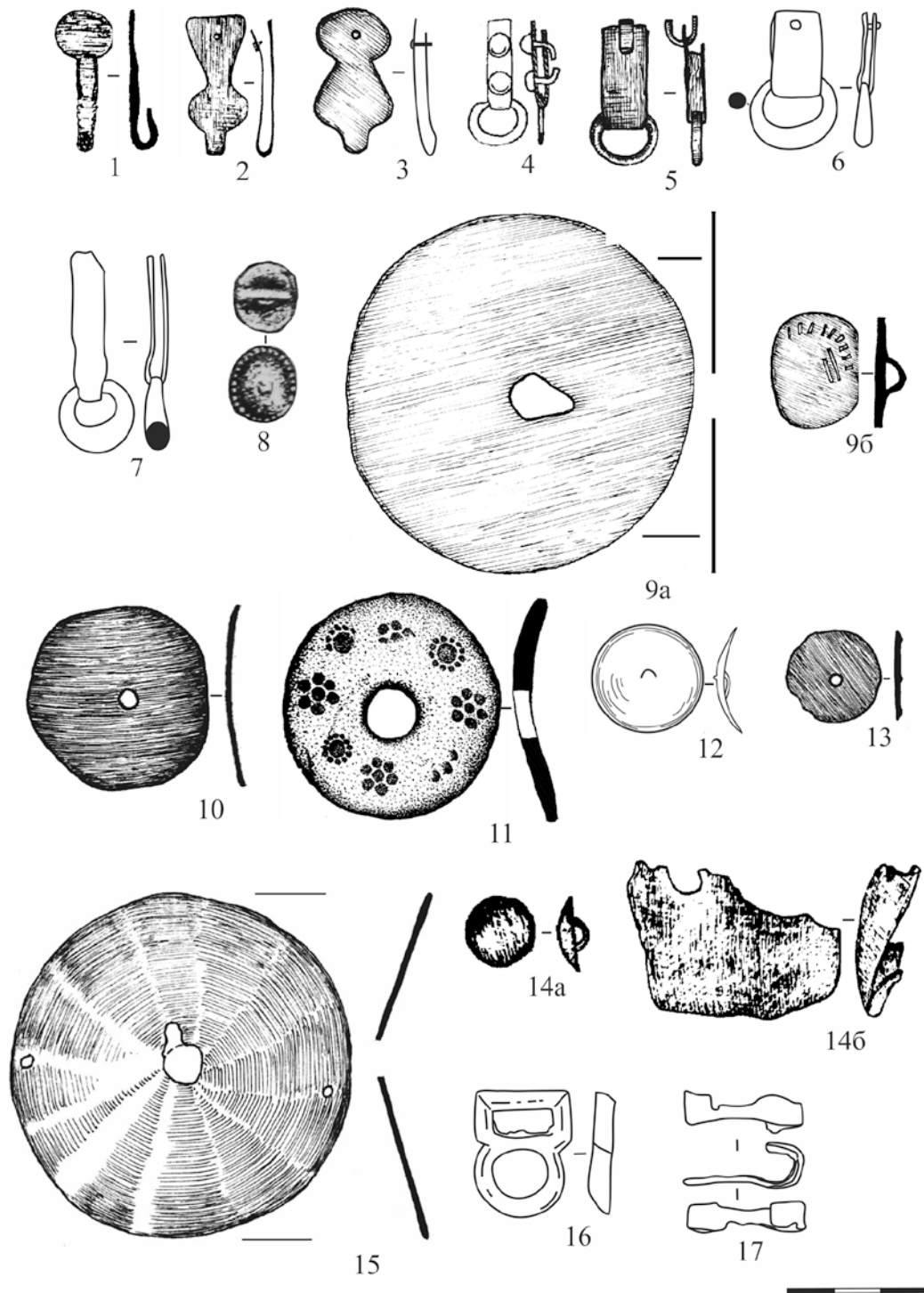

Рис. 15. Ременные накладки, бляхи, крепежи и петельные крючки из памятников Южного Приуралья

1 – Ангасякский могильник, п. 80; 2 – Ангасякский могильник, п. 93; 3 – Шиповский могильник, п. 268а; 4 – Старо-Кабановский могильник, п. 61; 5 – Шиповский могильник, п. 101; 6 – Бирский могильник, п. 550; 7 – Старо-Кабановский могильник, п. 86; 8 – Ангасякский могильник, п. 5; 9а, 9б – Шиповский могильник, п. 244; 10, 13 – Шиповский могильник, п. 37; 11 – Бирский могильник, п. 313; 12 – Бирский могильник, п. 111; 14а, 14б – Ангасякский могильник, п. 80; 15 – Шиповский могильник, п. 82; 16 – Бирский могильник, п. 220; 17 – Бирский могильник, п. 139

1, 2, 14а, 14б – по: (Тагиров, 2007); 3, 5, 9а, 9б, 10, 13, 15 – по: (Овсянников и др., 2007); 4 – по: (Останина, 1997); 6, 7, 16, 17 – рисунки О.С. Белявской; 8 – по: (Васюткин, 1980); 11 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); 12 – по: (Мажитов, 1968б)

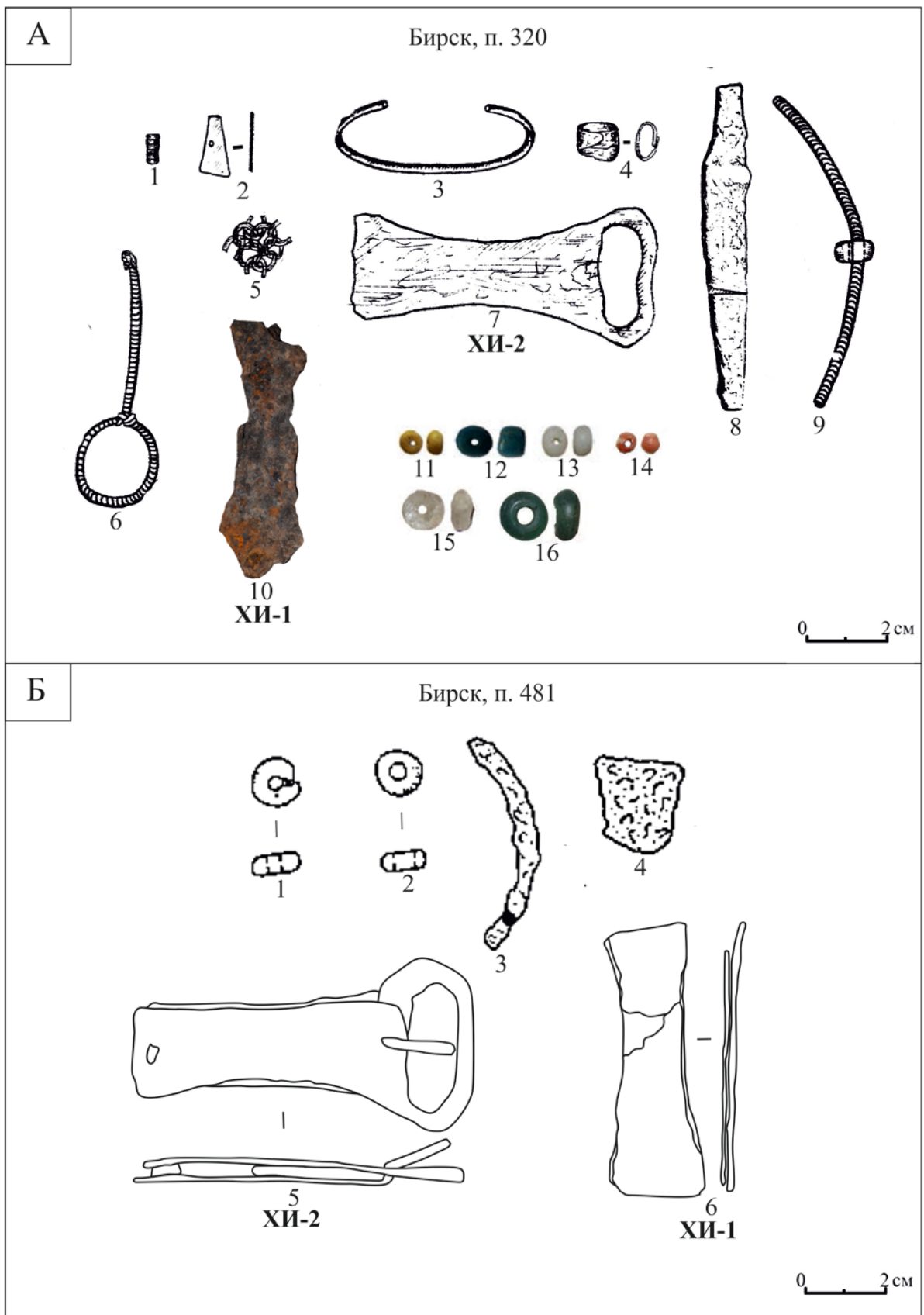

Рис. 16. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 320:
 1–9 – по: (Мажитов, отчет, 1981); 10 – фото О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ;
 11–16 – по: (Русланова, 2018)
 Б – Бирский могильник, п. 481:
 1–4 – по: (Мажитов, отчет, 1990); 5, 6 – рисунки О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ

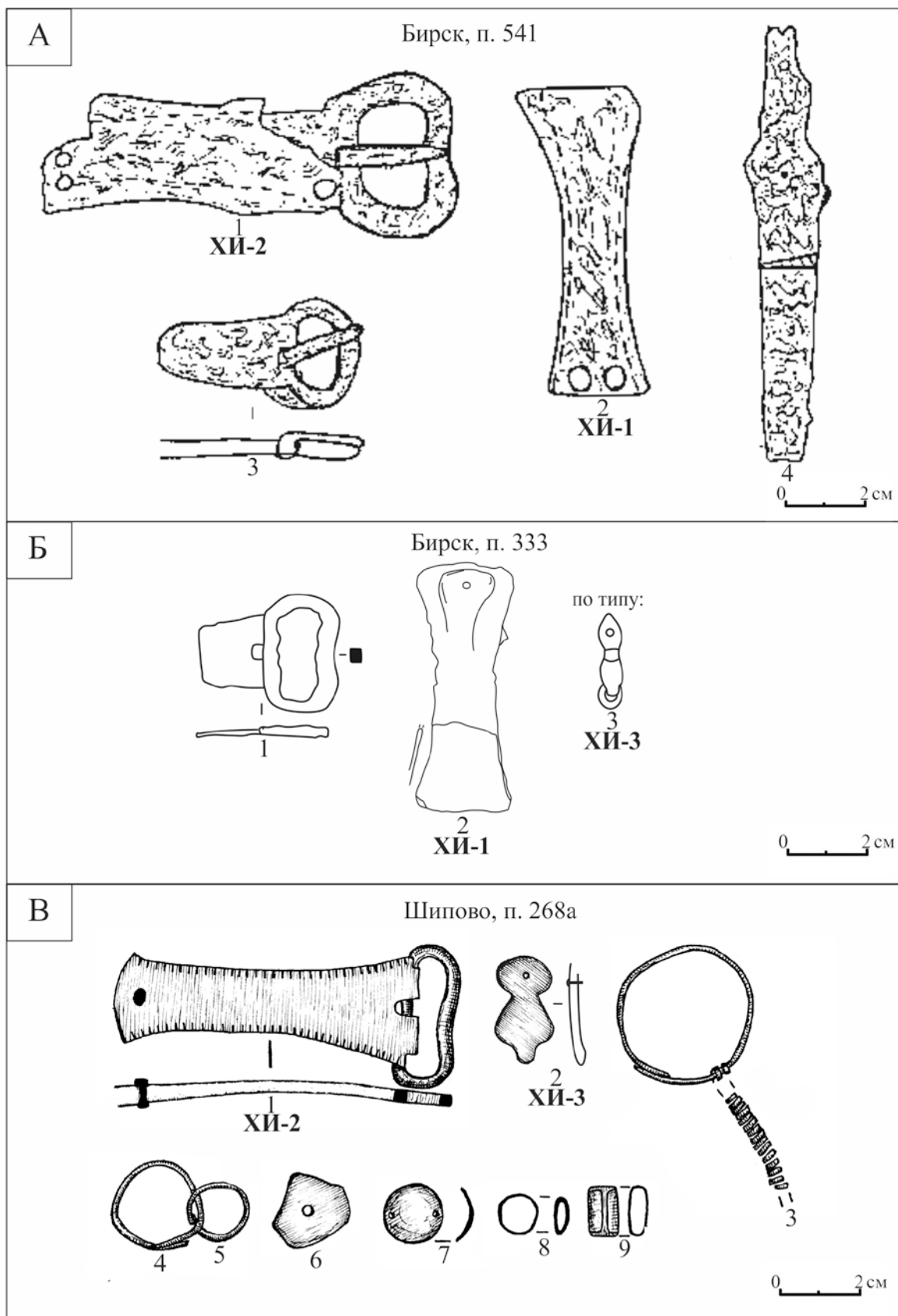

Рис. 17. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 541: 1–4 – по: (Мажитов, отчет, 1990)
 Б – Бирский могильник, п. 333: 1, 3 – рисунки О.С. Белявской; ИИГУ УУНиТ;
 2 – рисунок А.А. Красноперова
 В – Шиповский могильник, п. 268а: 1–9 – по: (Овсянников и др., 2007)

Ангасяк, п. 37

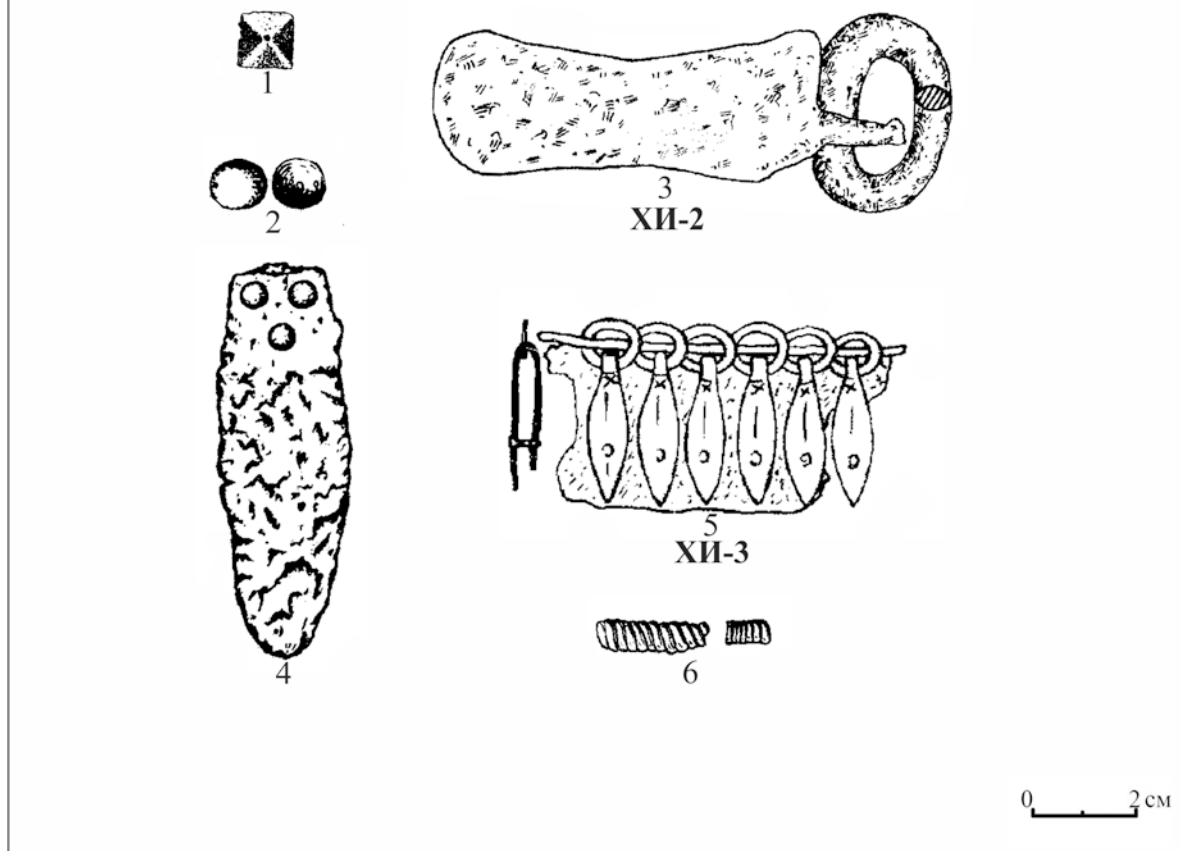

Рис. 18. Ангасякский могильник, п. 37
1, 2, 6 – по: (Васюткин, 1980); 3–5 – по: (Останина, 1997)

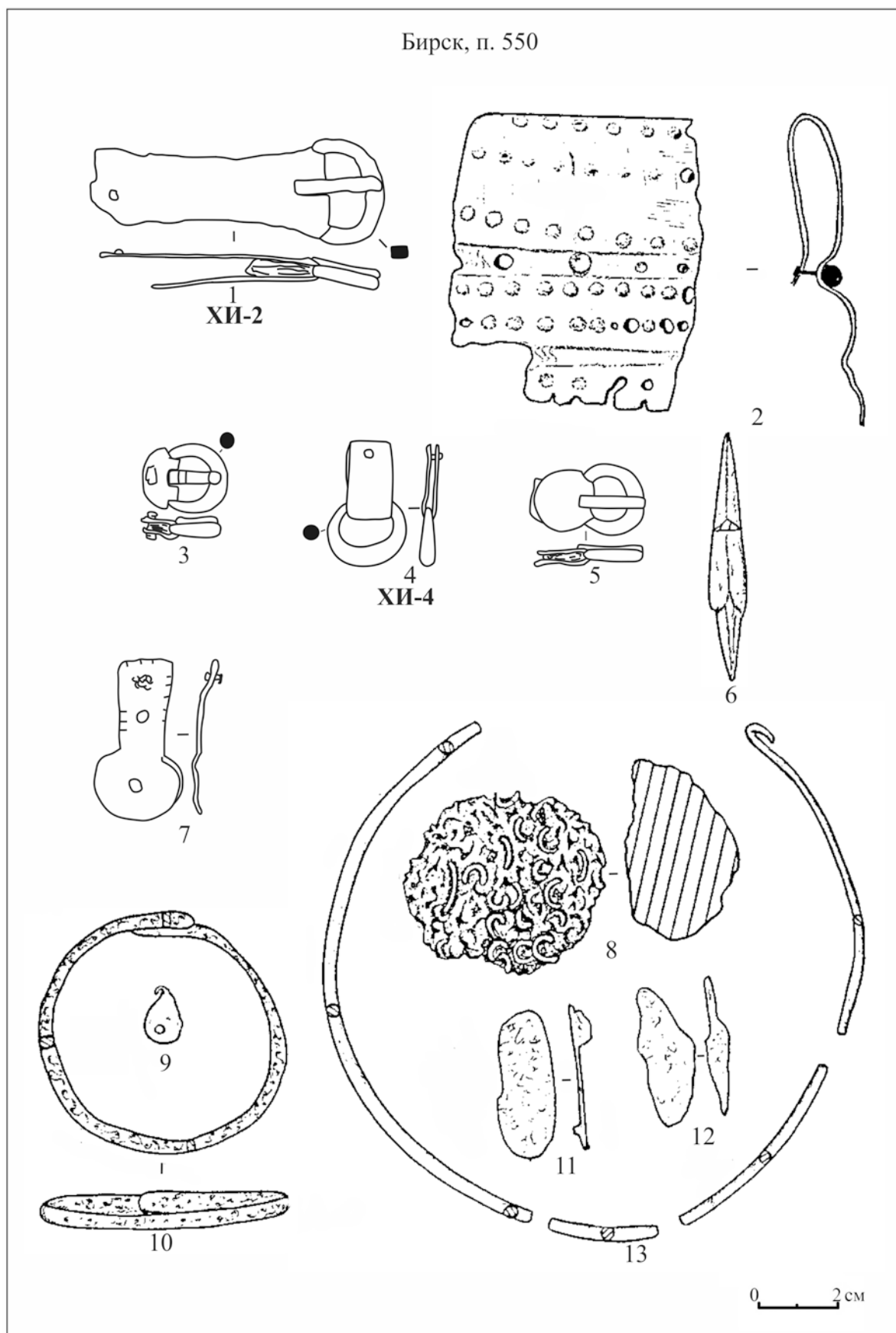

Рис. 19. Бирский могильник, п. 550
1, 3-5, 7 – рисунки О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ;
2, 6, 8-13 – по: (Мажитов, отчет, 1990)

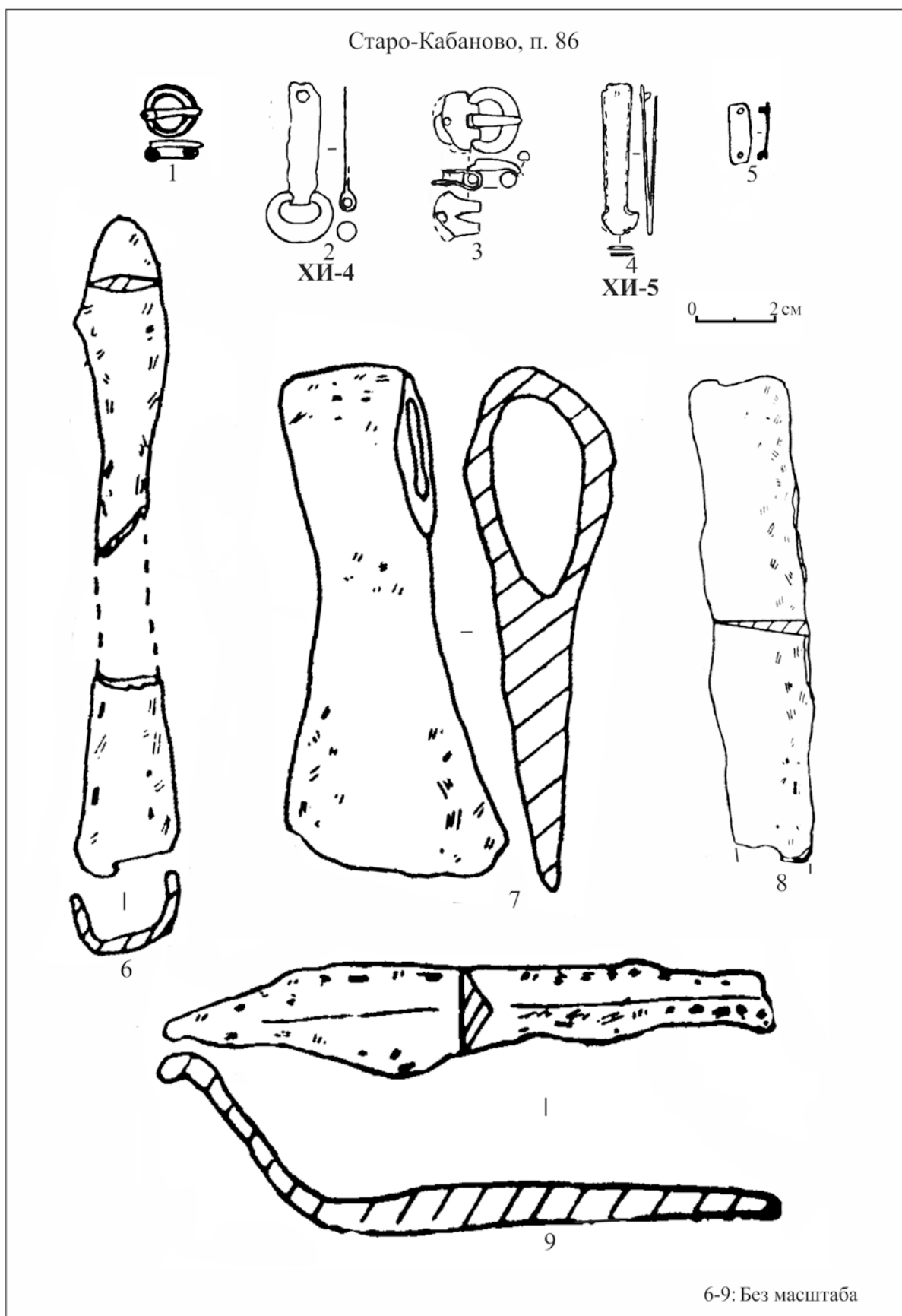
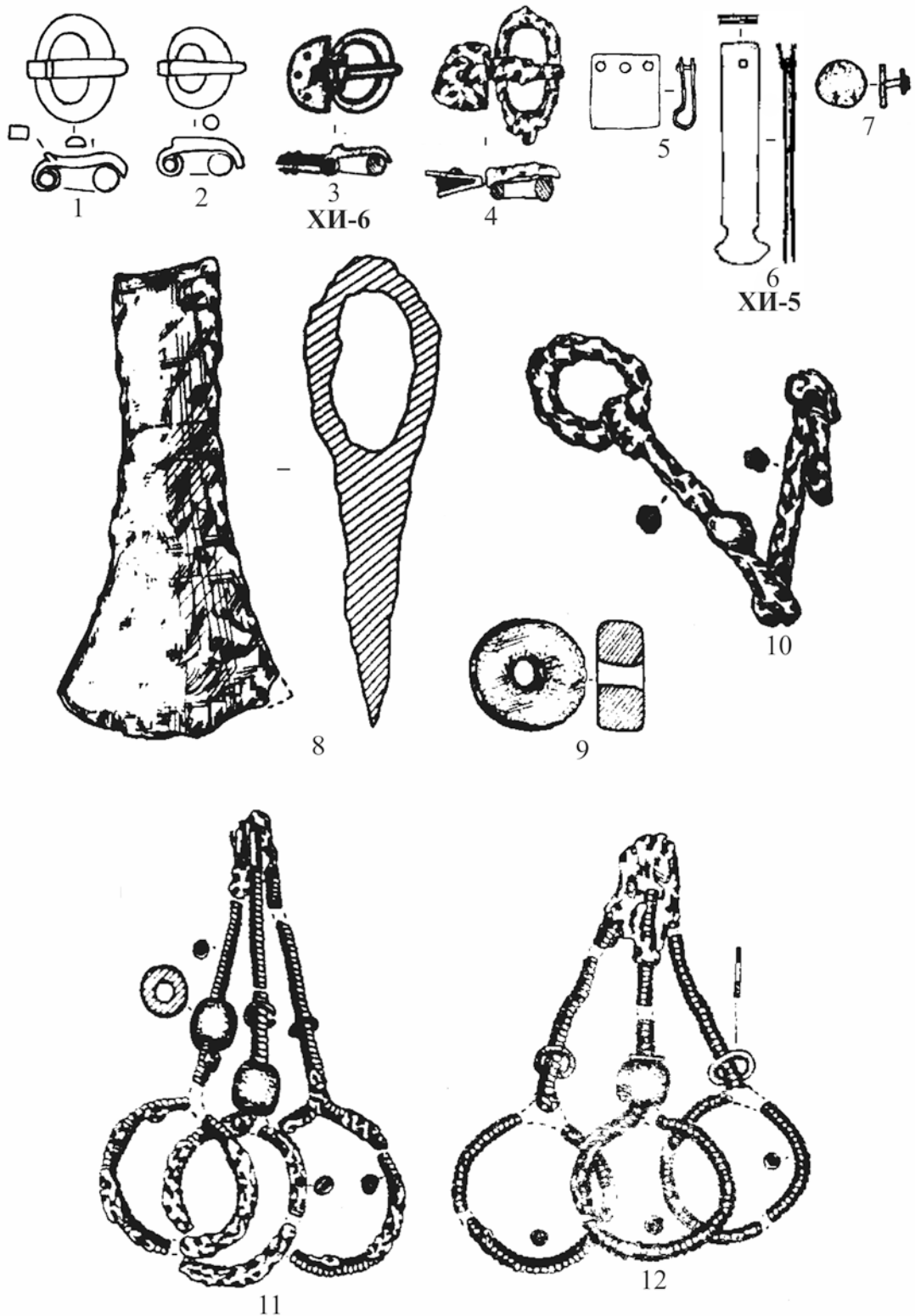

Рис. 20. Старо-Кабановский могильник, п. 86
1, 5-9 – по: (Васюткин, Останина, 1986);
2-4 – по: (Гавригухин, 2022)

Старая Мушта, кург. 17, п. 3 (тайник)

Без масштаба

Рис. 21. Старо-Муштинский могильник, кург. 17, п. 3 («тайник»)
1, 2, 5, 6 – по: (Гавритухин, 2022);
3, 4, 7, 8–12 – по: (Сунгатов и др., 2004)

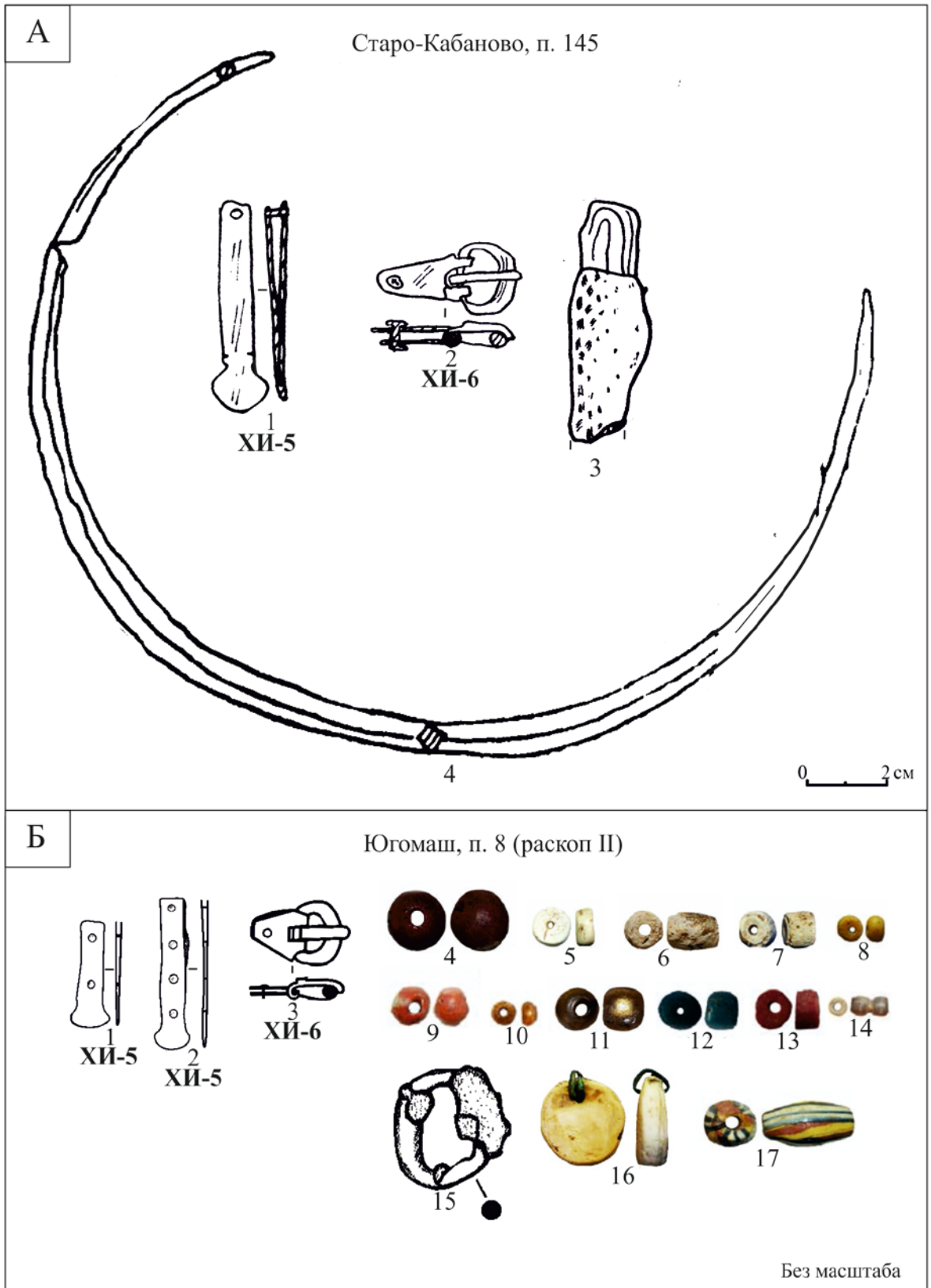

Рис. 22. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Старо-Кабановский могильник, п. 145: 1–4 – по: (Васюткин, Останина, 1986)
 Б – Югомашевский могильник, р. II, п. 8: 1–3, 15 – по: (Белявская, 2018а);
 4–14, 16, 17 – по: (Русланова, 2018)

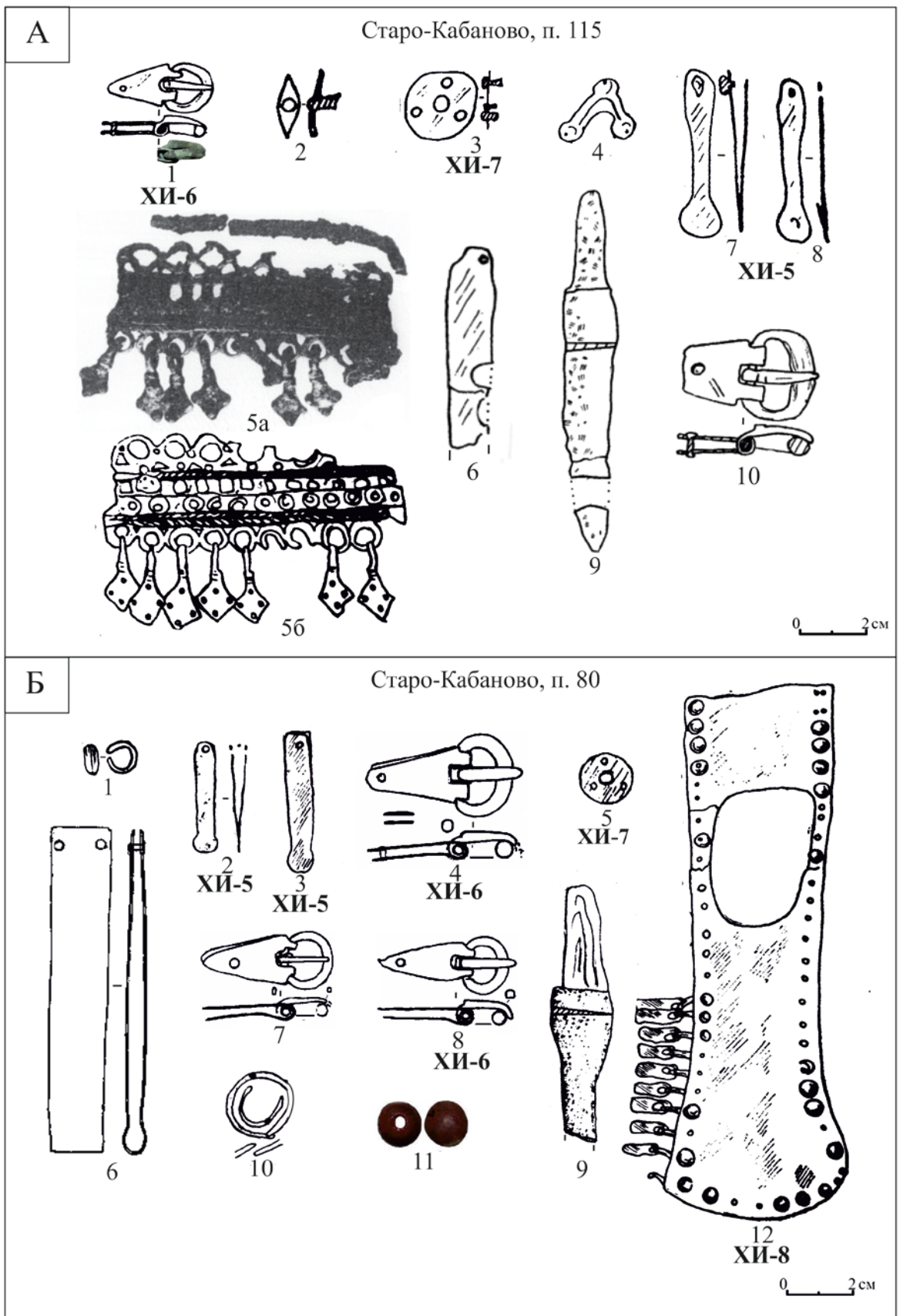

Рис. 23. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Старо-Кабановский могильник, п. 115: 2–4, 5б, 7, 8 – по: (Васюткин, Останина, 1986);
 5а, 6, 9 – по: (Красноперов, 2018в); 1, 10 – по: (Васюткин, Останина, 1986)
 Б – Старо-Кабановский могильник, п. 80: 1–3, 5, 9, 10, 12 – по: (Васюткин, Останина, 1986);
 4, 6–8 – по: (Гавритухин, 2022); 11 – по: (Русланова, 2018)

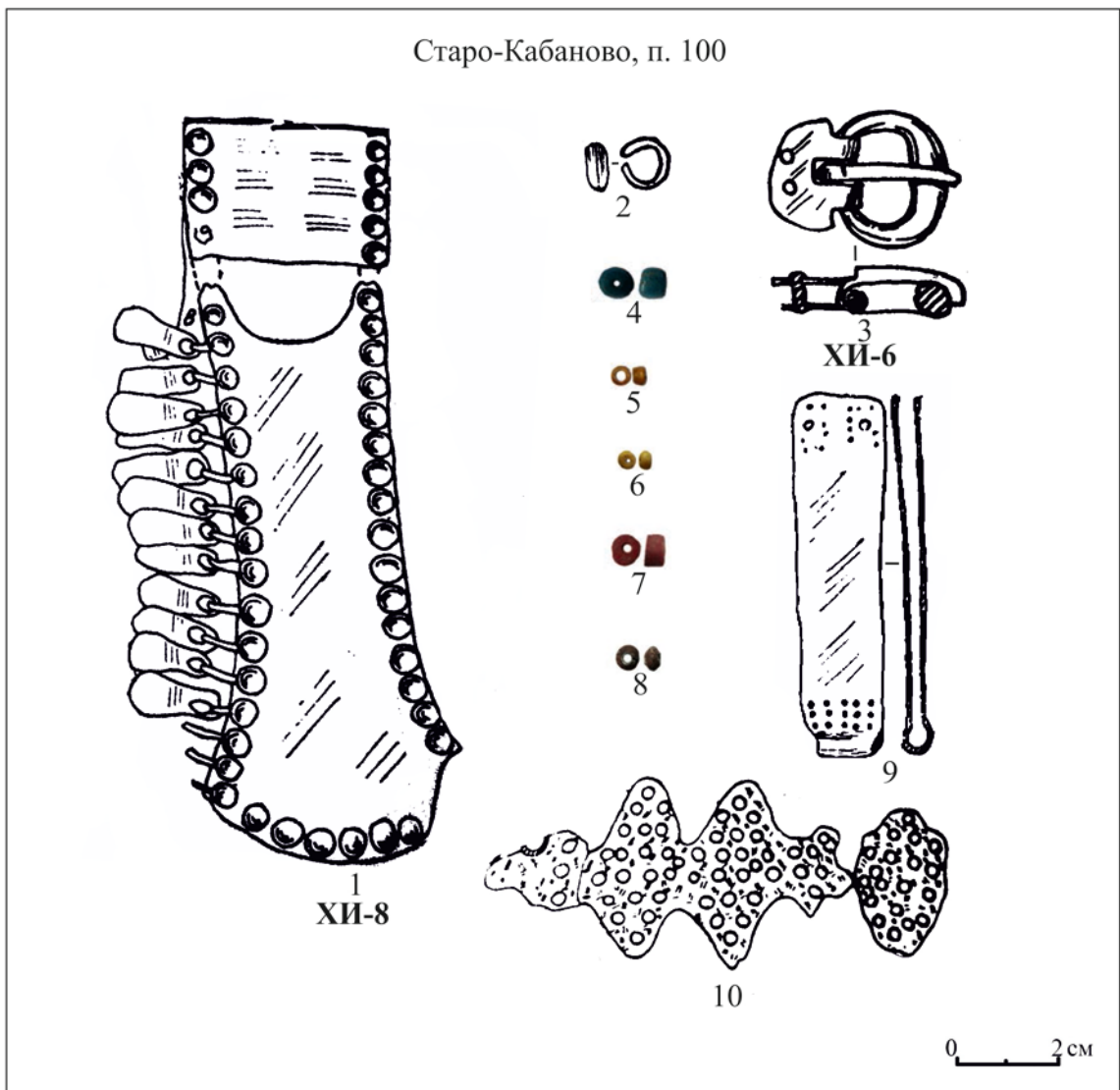

Рис. 24. Старо-Кабановский могильник, п. 100
1-3, 9, 10 – по: (Васюткин, Останина, 1986);
4-8 – по: (Русланова, 2018)

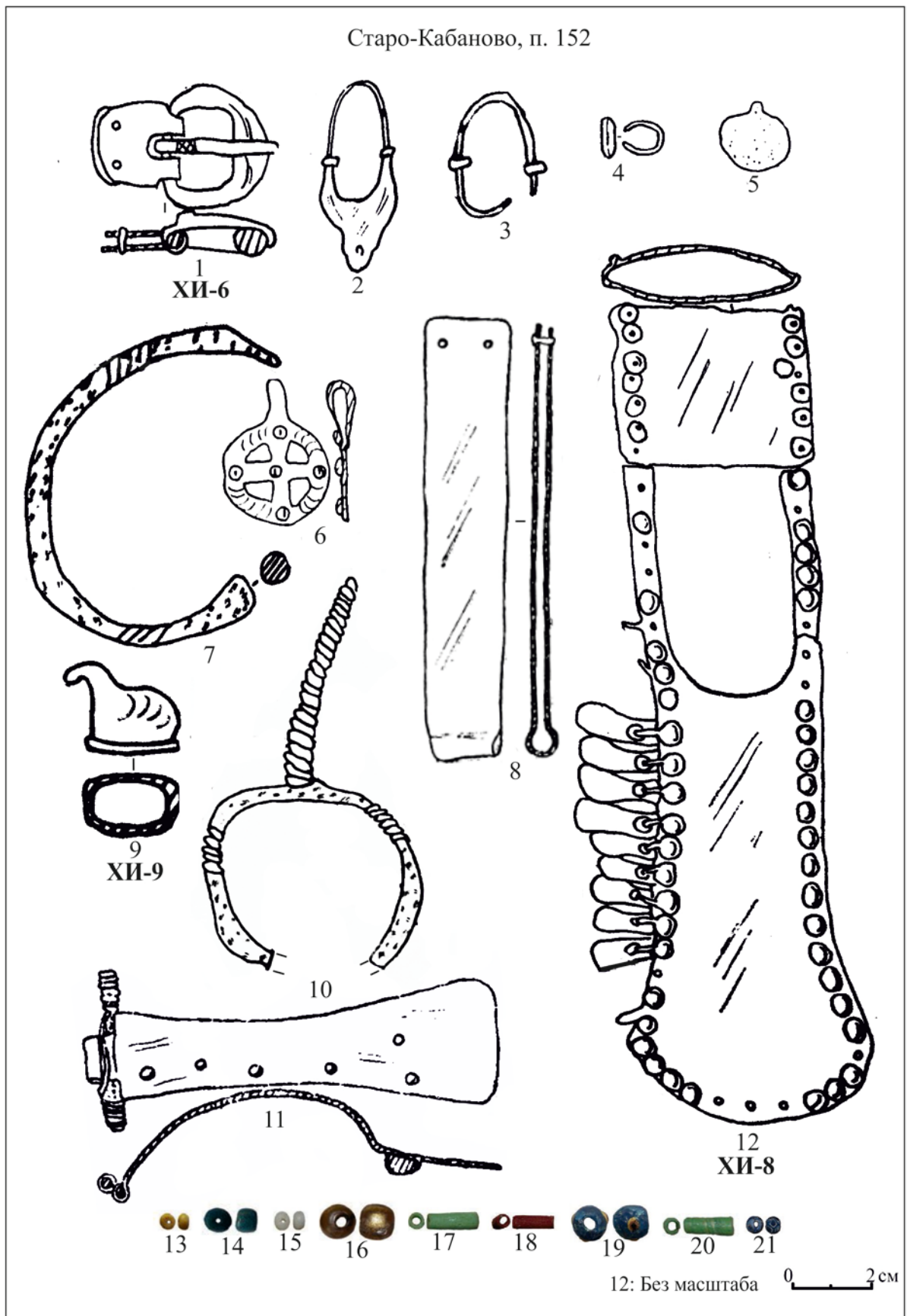

Рис. 25. Старо-Кабановский могильник, п. 152

1-12 – по: (Васюткин, Останина, 1986);

13-21 – по: (Русланова, 2018)

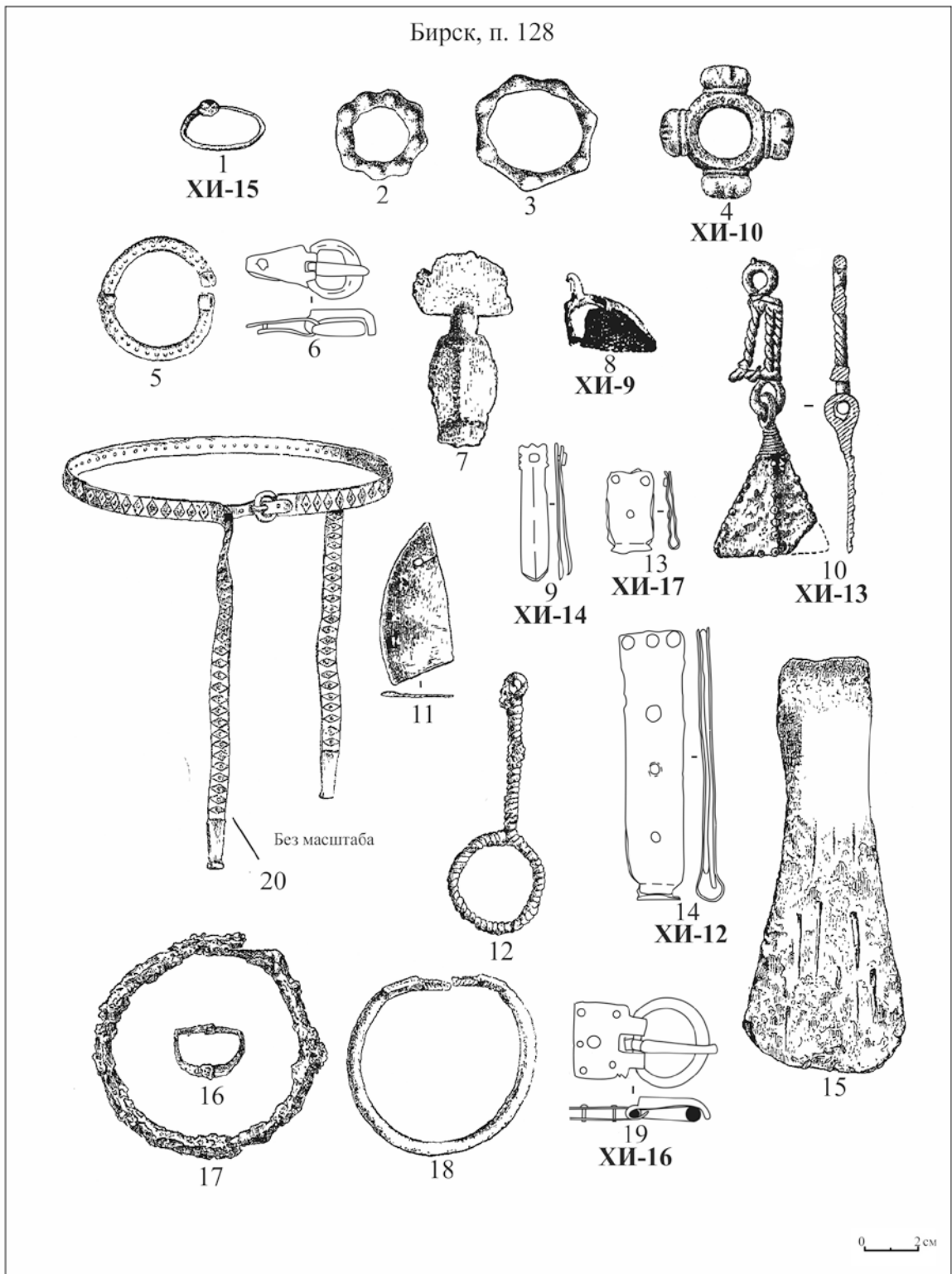

Рис. 26. Бирский могильник, п. 128
1-5, 7, 8, 10-12, 15-18 – по: (Мажитов, 1968б);
6, 9, 13, 14, 19 – рисунки О.С. Белявской, НМ РБ

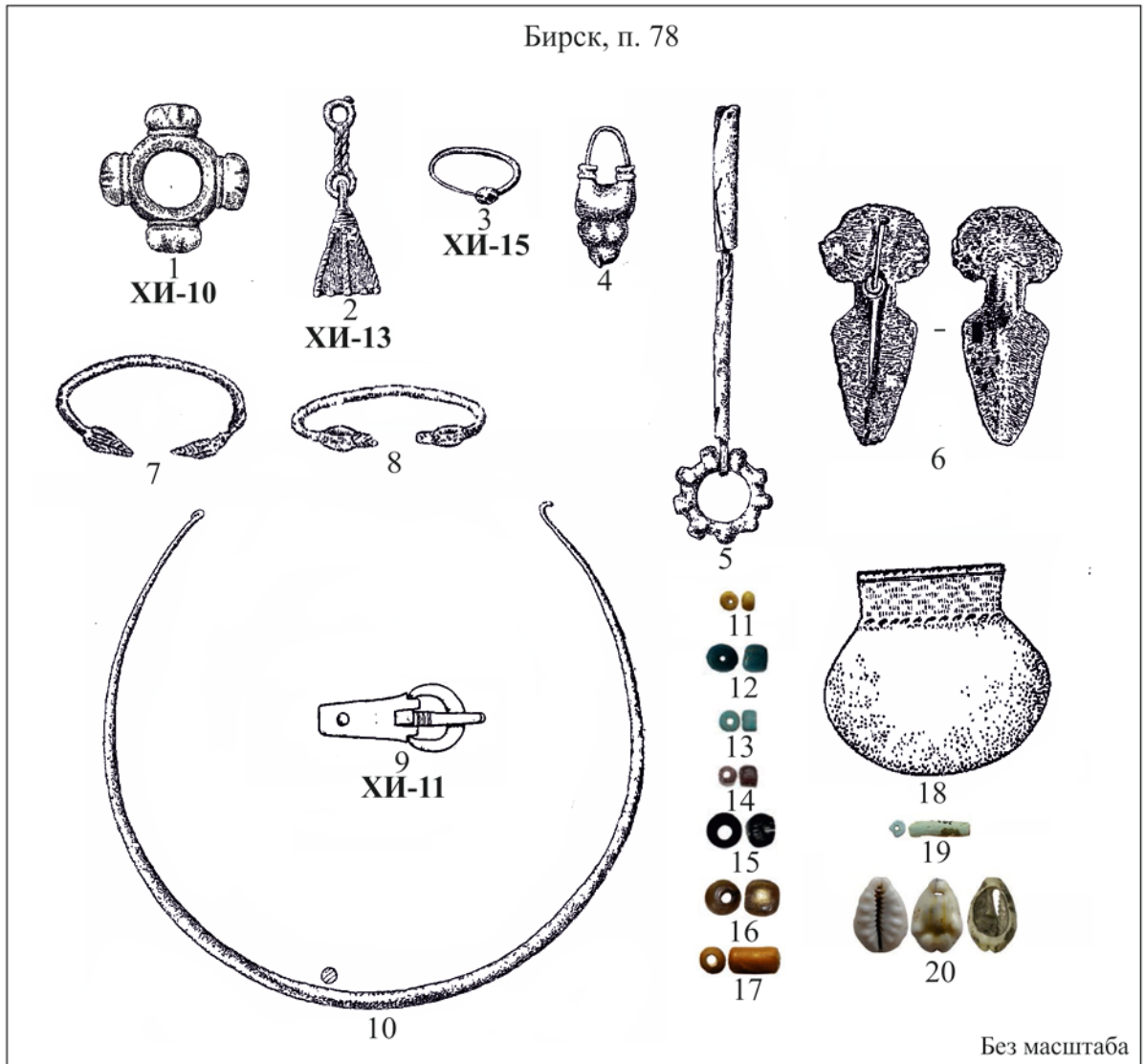

Рис. 27. Бирский могильник, п. 78
1-8, 10, 18 – по: (Мажитов, 1968б); 9 – по: (Амброз, 1980);
11-17, 19, 20 – по: (Русланова, 2018)

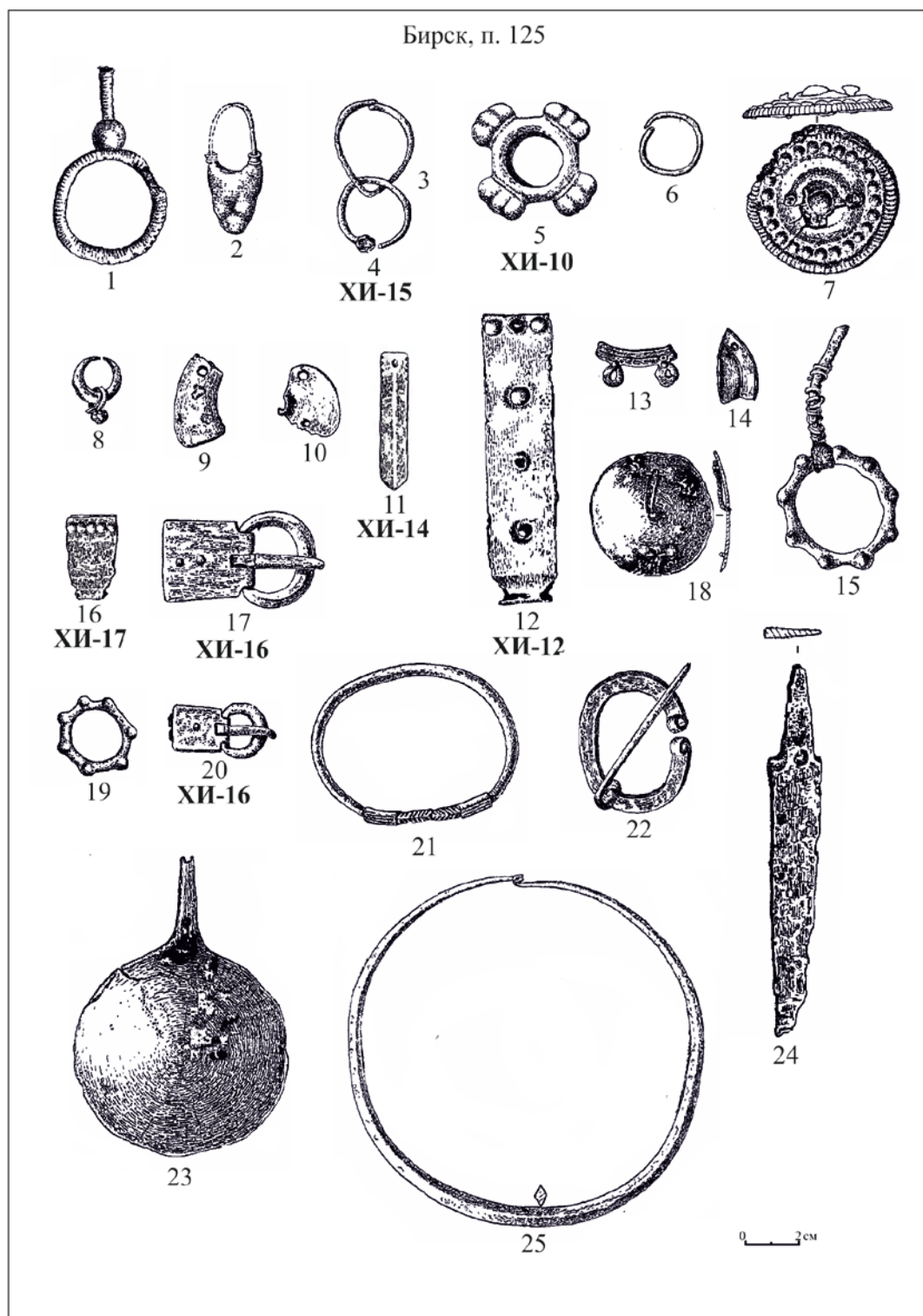

Рис. 28. Бирский могильник, п. 125
1-25 – по: (Мажитов, 1968б)

Бирск, п. 108

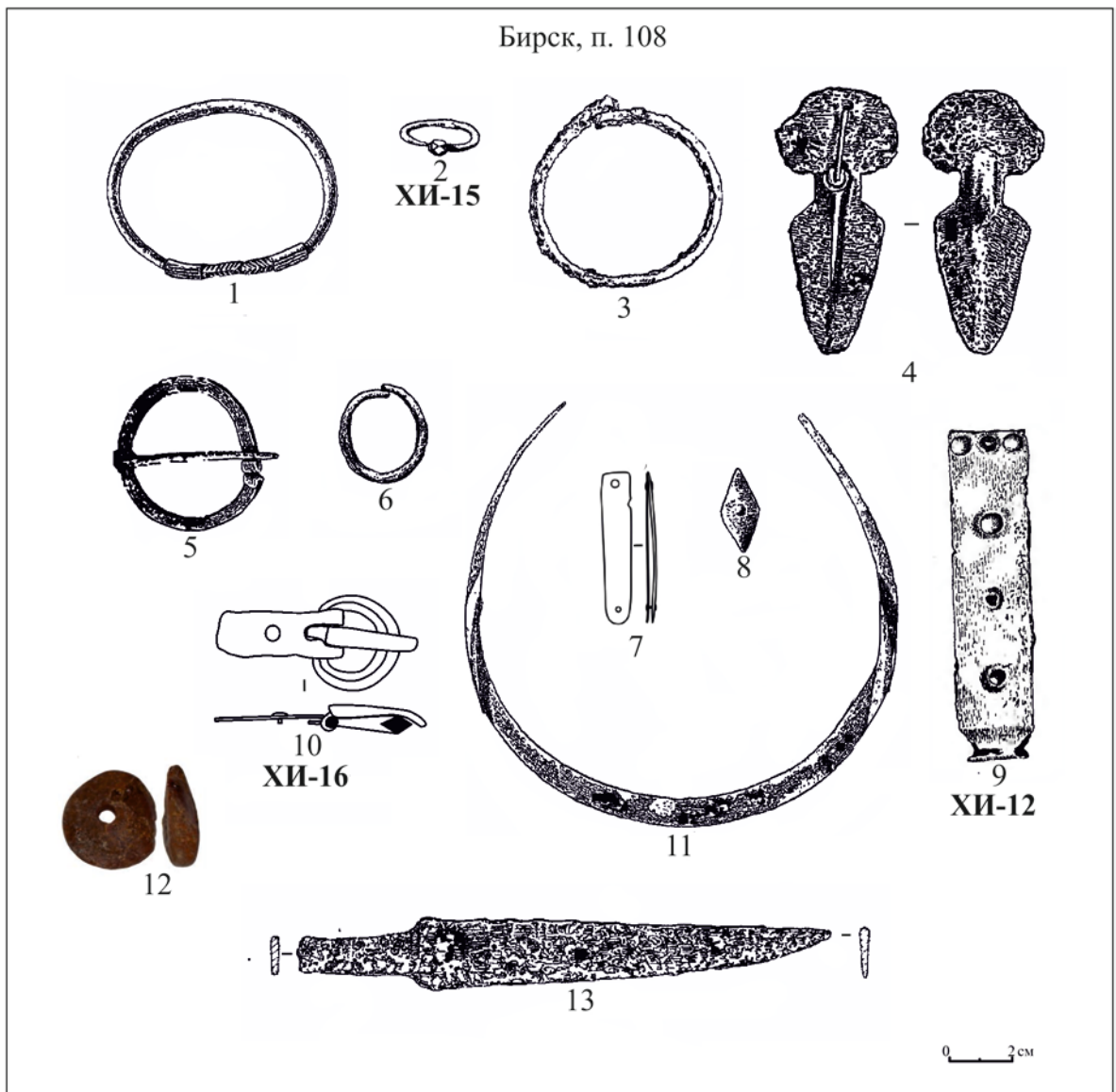

Рис. 29. Бирский могильник, п. 108
1–6, 9, 11, 13 – по: (Мажитов, 19686);
7, 10 – рисунки О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН;
12 – по: (Русланова, 2018)

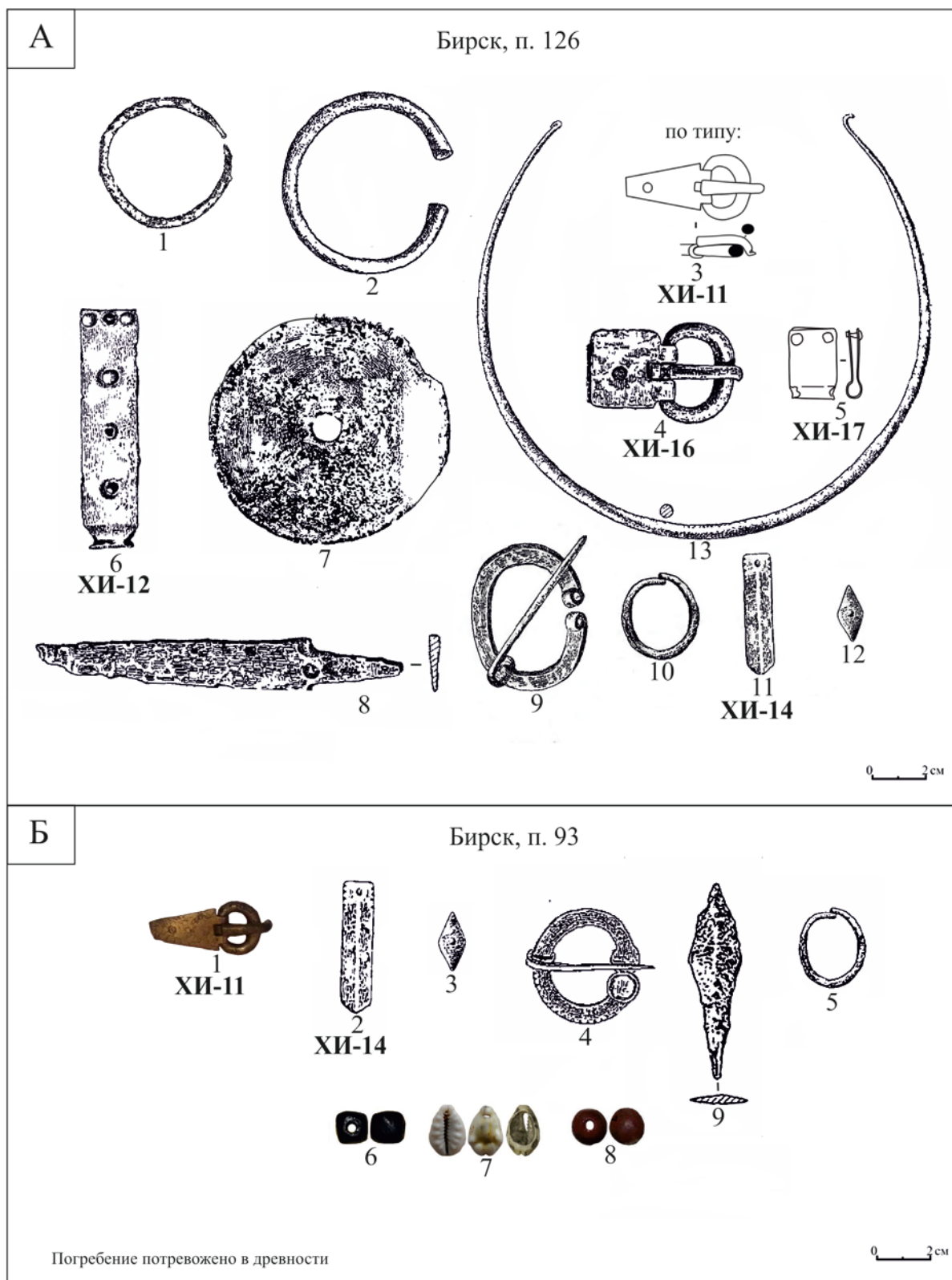

Рис. 30. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 126: 1, 2, 4, 6–12 – по: (Мажитов, 19686);
 3 – по: (Амброз, 1980); 5 – рисунок О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН
 Б – Бирский могильник, п. 93: 1 – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН;
 2–5 – по: (Мажитов, 19686); 6–8 – по: (Русланова, 2018)

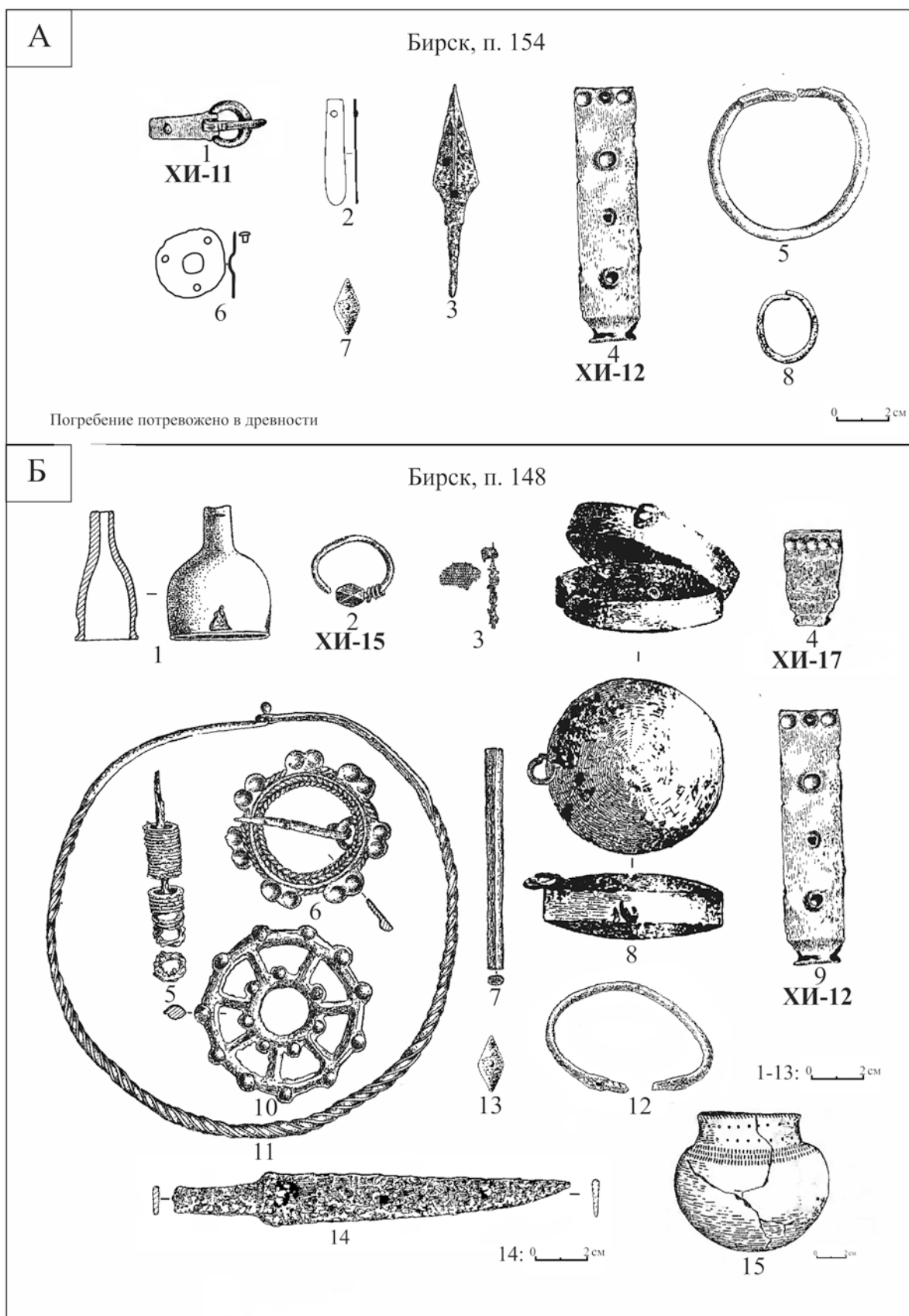

Рис. 31. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский, могильник, п. 154: 1, 3–5, 7, 8 – по: (Мажитов, 1968б);
 2 – рисунок О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; 6 – рисунок А.А. Красноперова
 Б – Бирский могильник, п. 148: 1–15 – по: (Мажитов, 1968б)

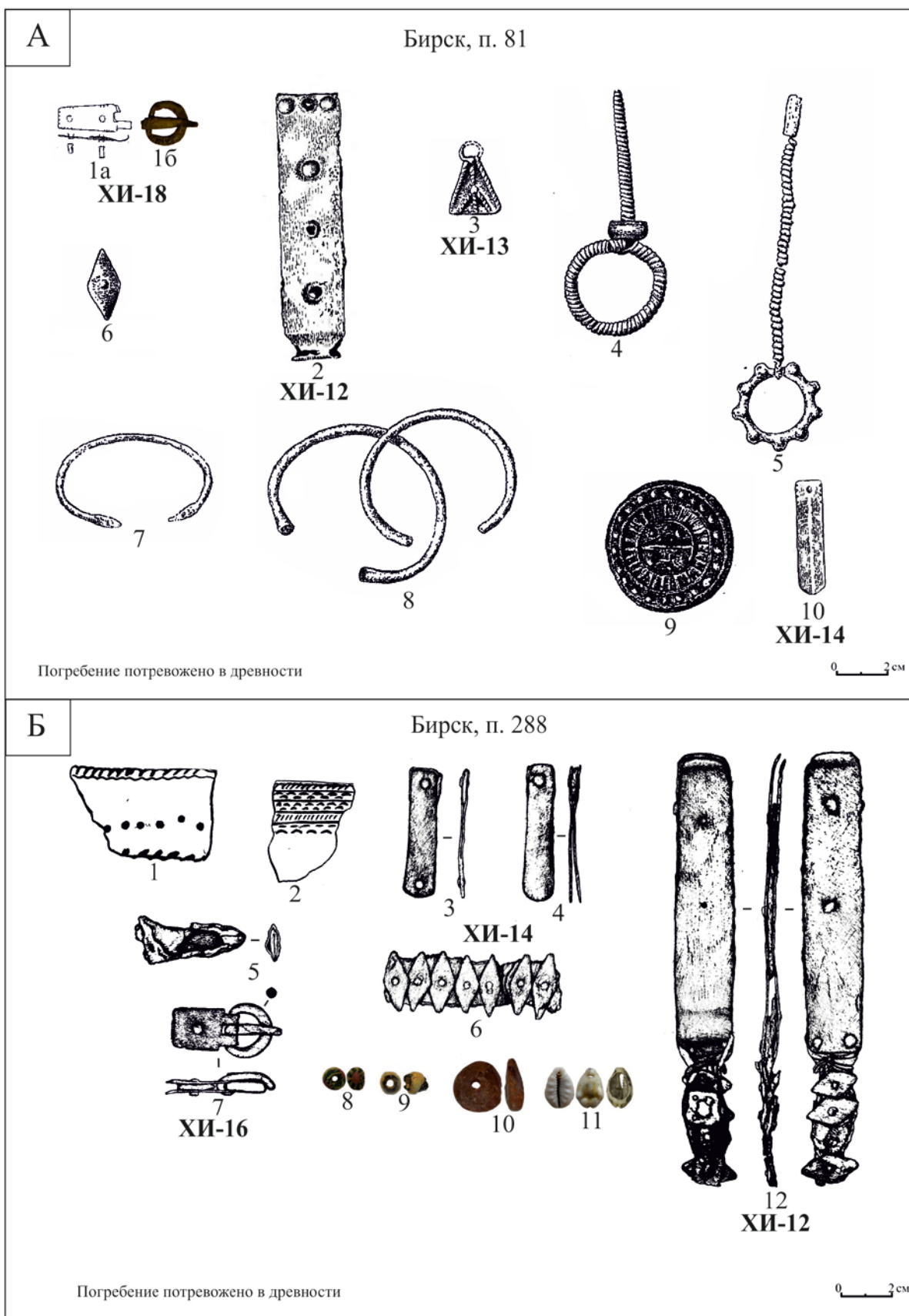

Рис. 32. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский, могильник, п. 81: 2–10 – по: (Мажитов, 19686);
 1а – рисунок А.А. Красноперова; 1б – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
 Б – Бирский могильник, п. 288: 1–14 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 8–11 – по: (Русланова, 2018)

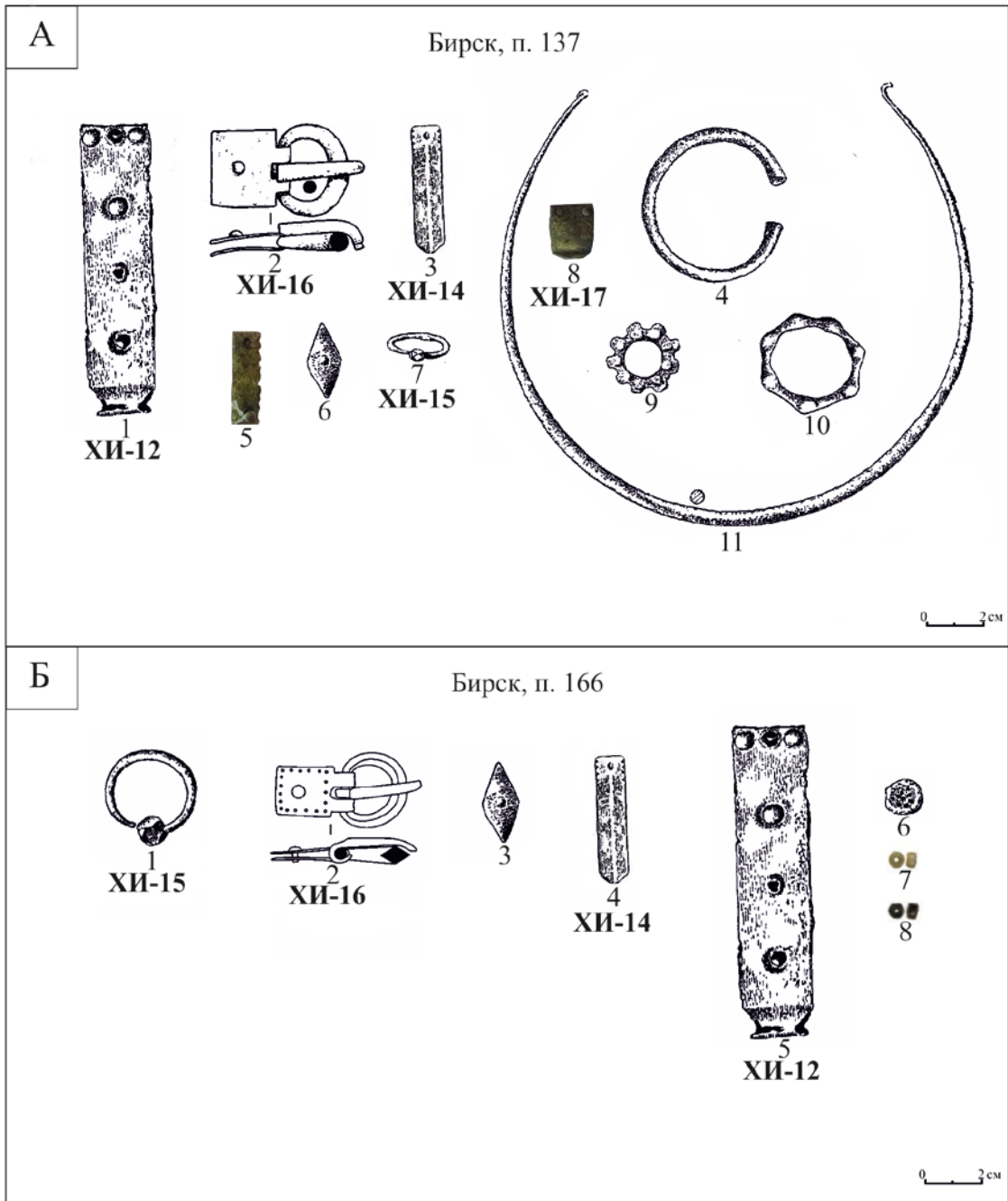

Рис. 33. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский, могильник, п. 137: 1, 3, 4, 6, 7, 9–11 – по: (Мажитов, 1968б);
 2 – по: (Амброз, 1980); 5, 8 – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН
 Б – Бирский могильник, п. 166: 1–6 – по: (Мажитов, 1968б);
 7, 8 – по: (Русланова, 2018)

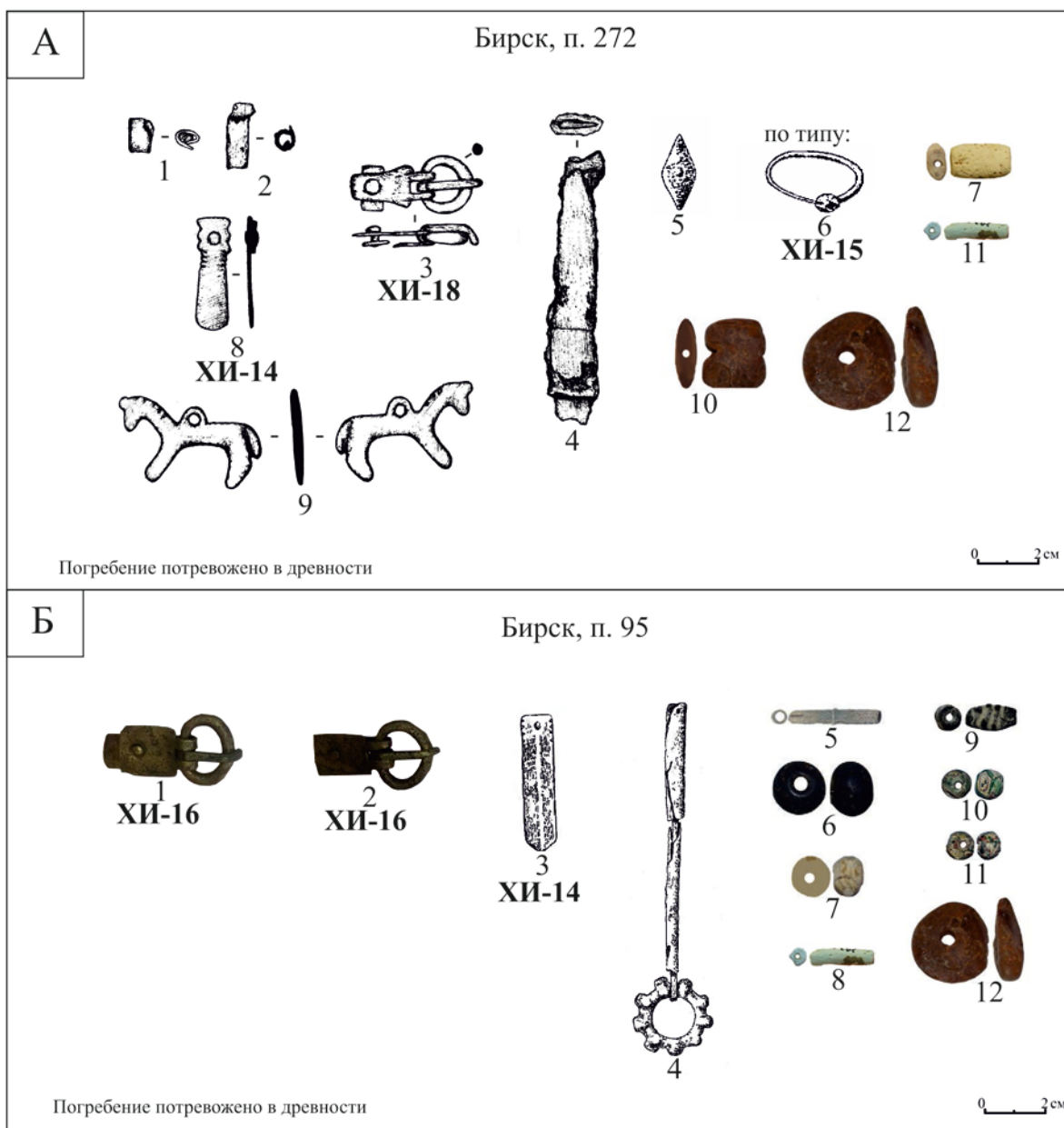

Рис. 34. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 272: 1–4, 8, 9 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); 5, 6 – по: (Мажитов, 19686); 7–12 – по: (Русланова, 2018)
 Б – Бирский могильник, п. 95:
 1, 2 – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН; 3, 4 – по: (Мажитов, 19686);
 5–12 – по: (Русланова, 2018).

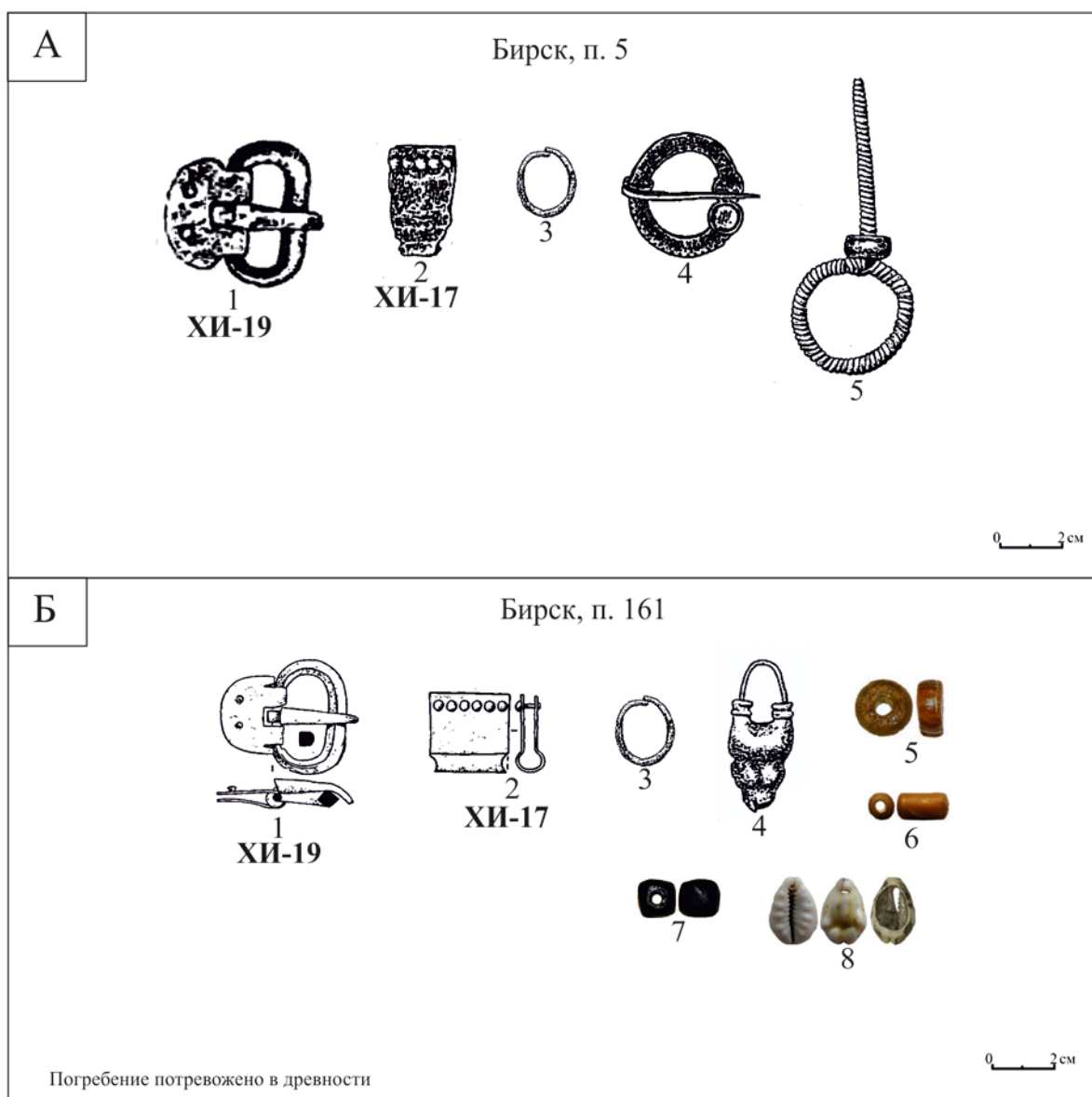

Рис. 35. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 5: 1–5 – по: (Мажитов, 1968б)
 Б – Бирский могильник, п. 161: 1, 2 – по: (Амброз, 1980);
 3, 4 – по: (Мажитов, 1968б); 5–8 – по: (Русланова, 2018)

Бирск, п. 130

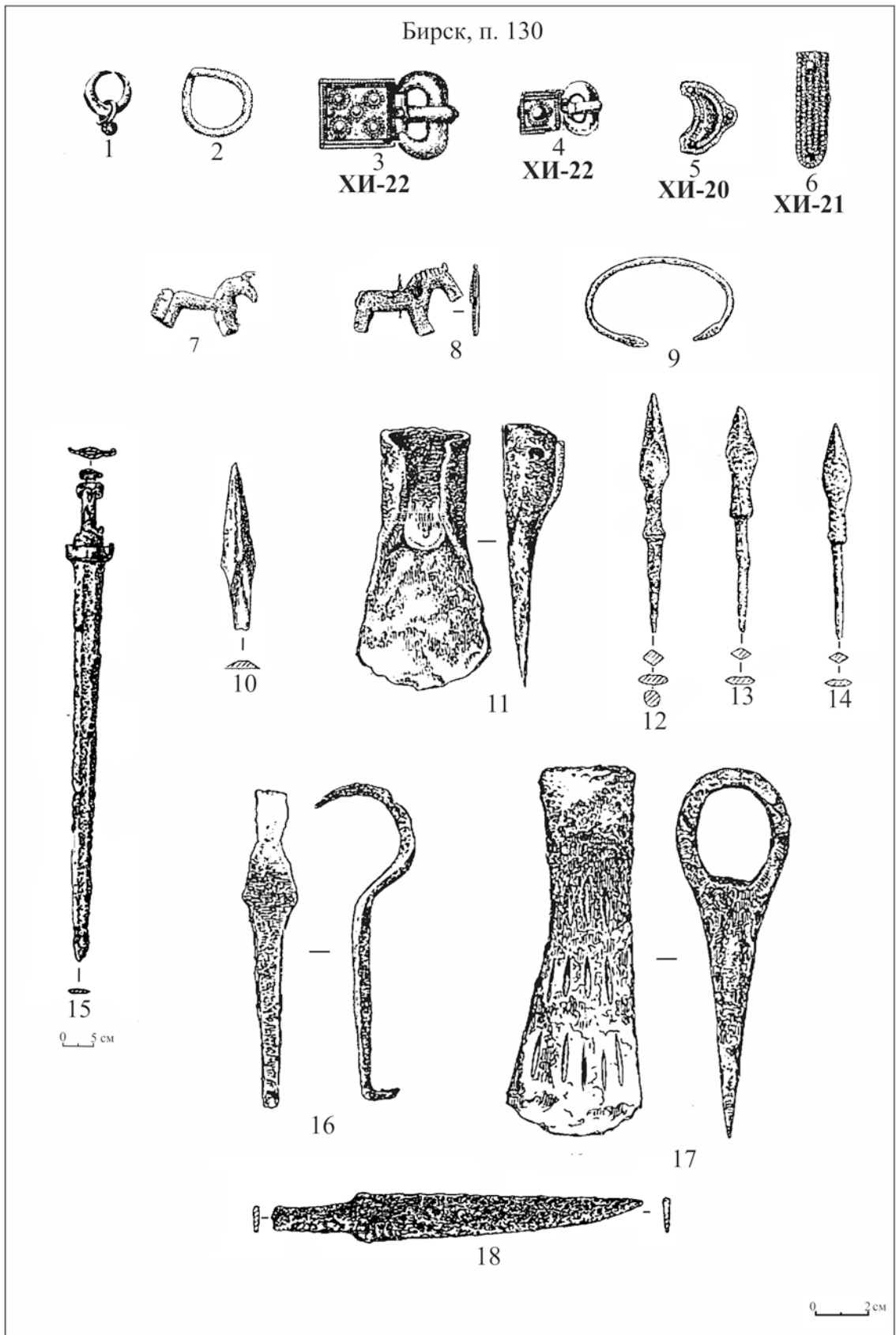

Рис. 36. Бирский могильник, п. 130
1-18 – по: (Мажитов, 1968б)

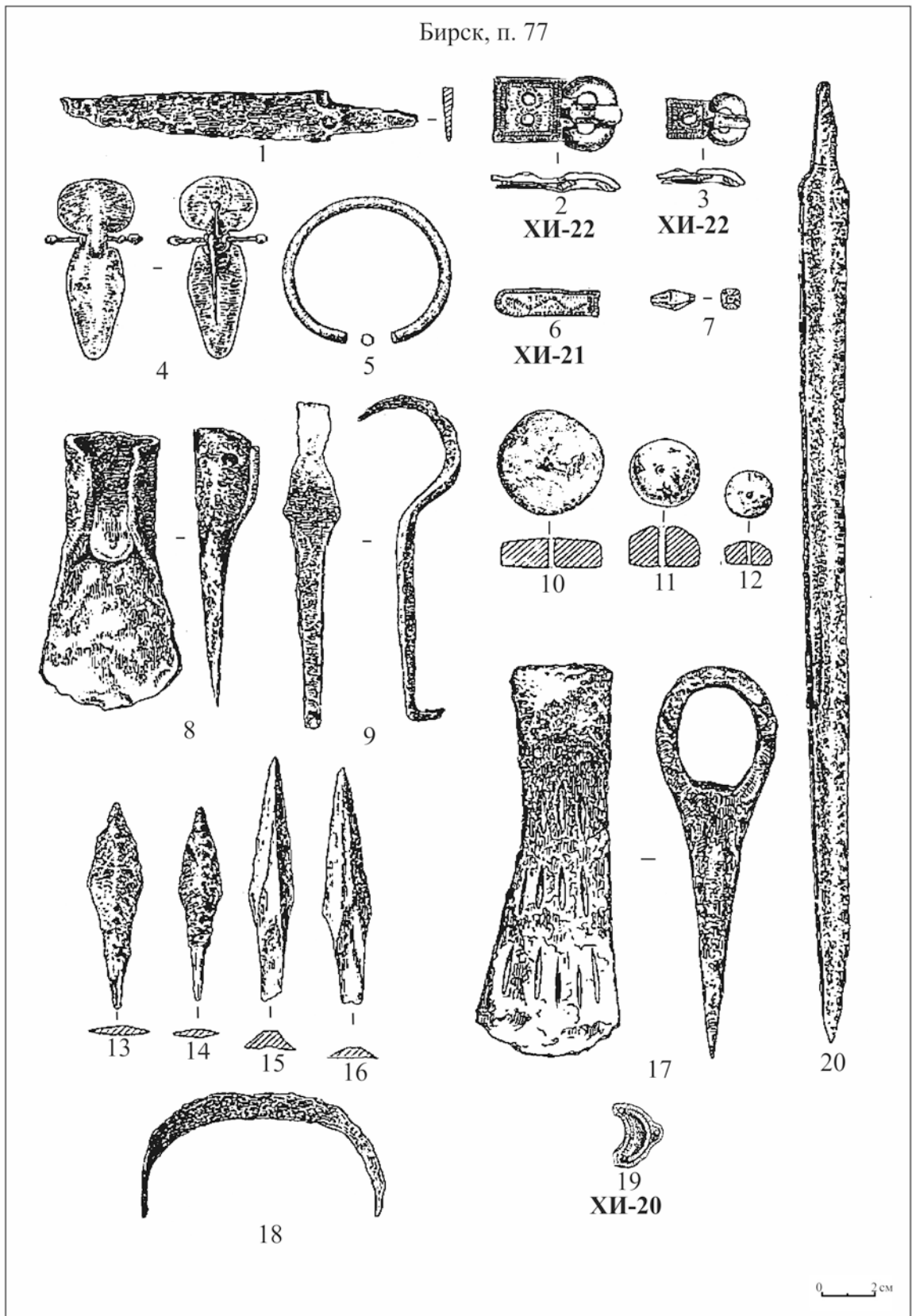

Рис. 37. Бирский могильник, п. 77
1-20 – по: (Мажитов, 19686)

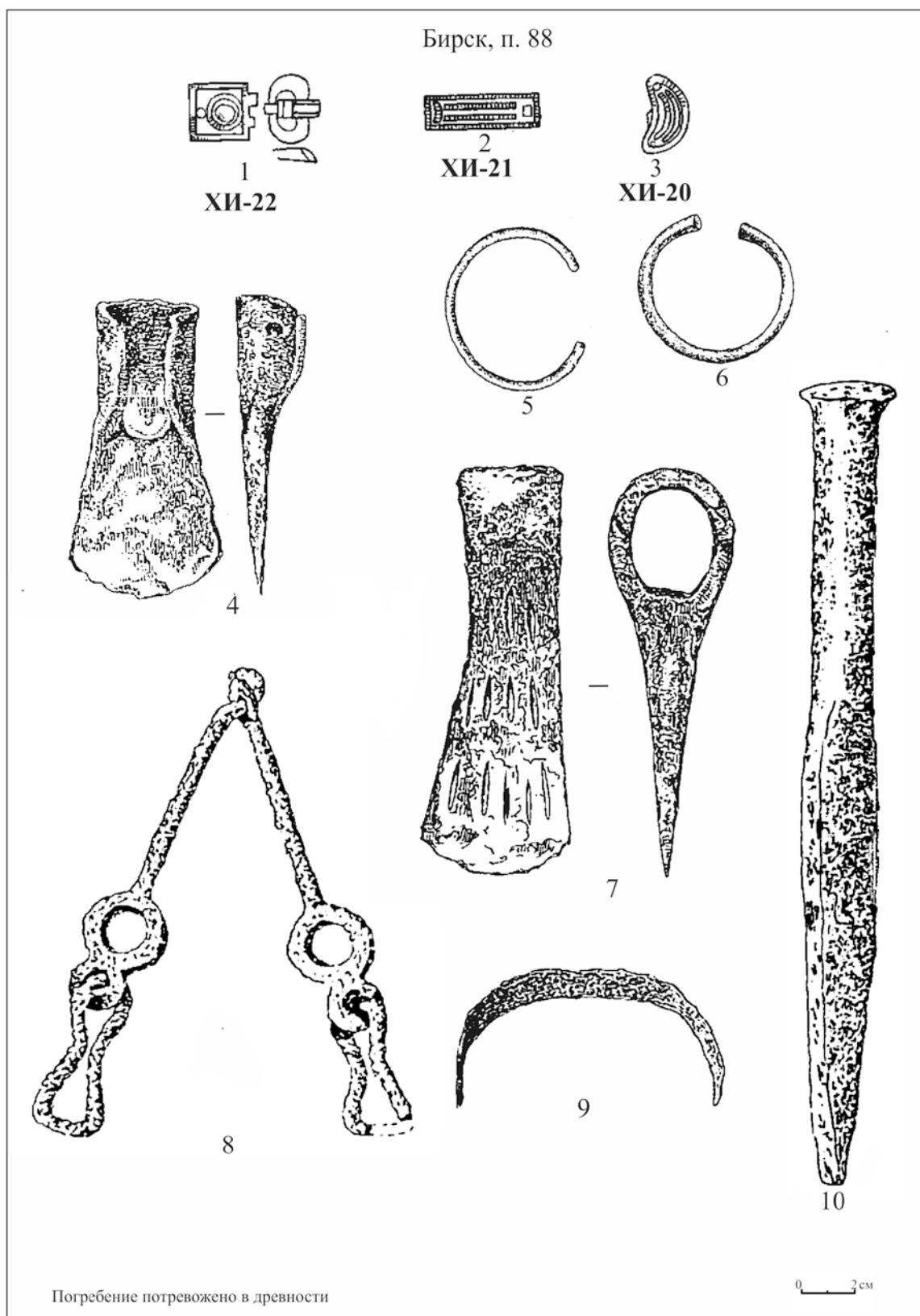
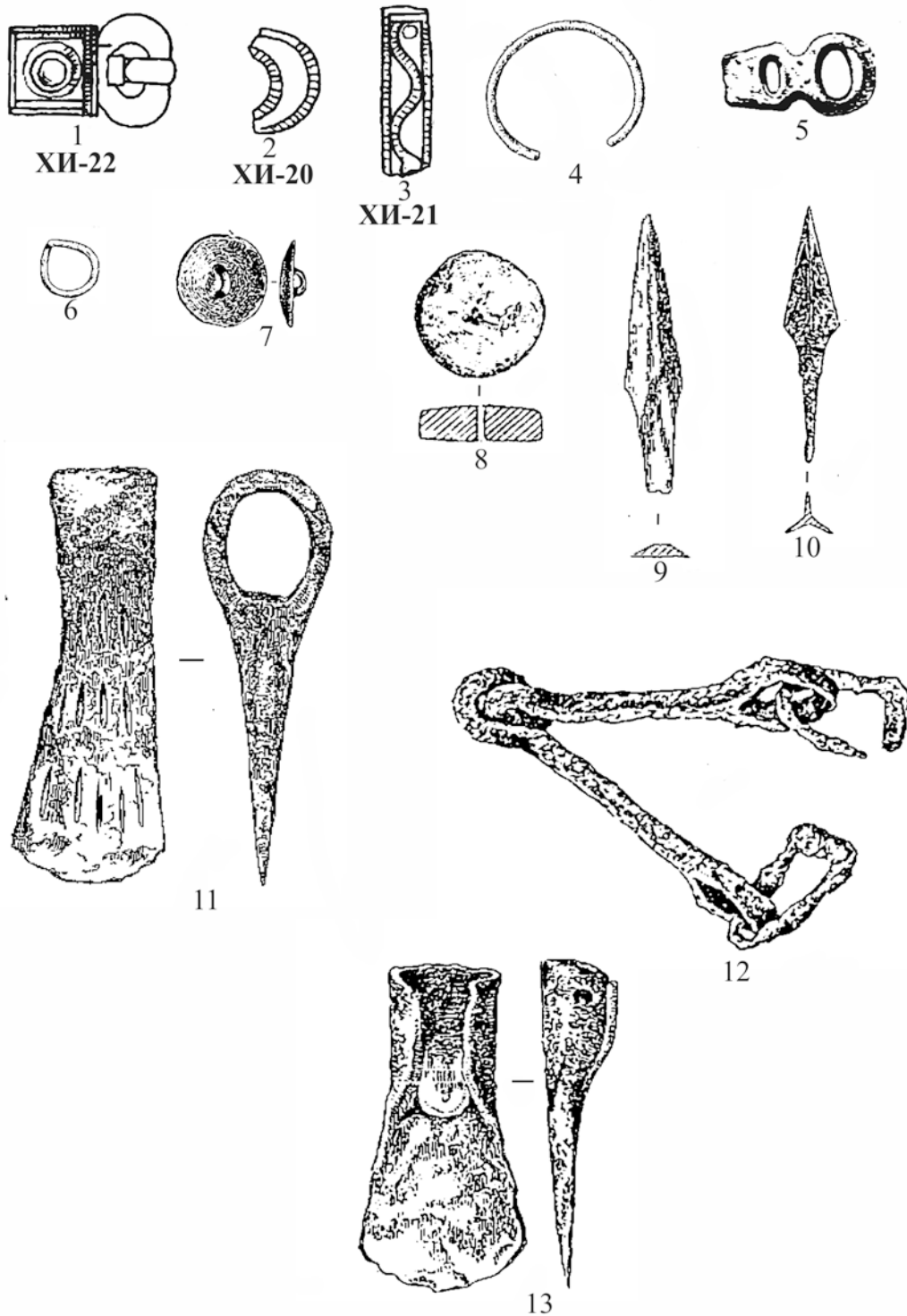

Рис. 38. Бирский могильник, п. 88

1-3 – по: (Амброз, 1989);

4-10 – по: (Мажитов, 1968б)

Погребение потревожено в древности

0 2 см

Рис. 39. Бирский могильник, п. 111

1-3 – по: (Амброз, 1989);

4-13 – по: (Мажитов, 1968б)

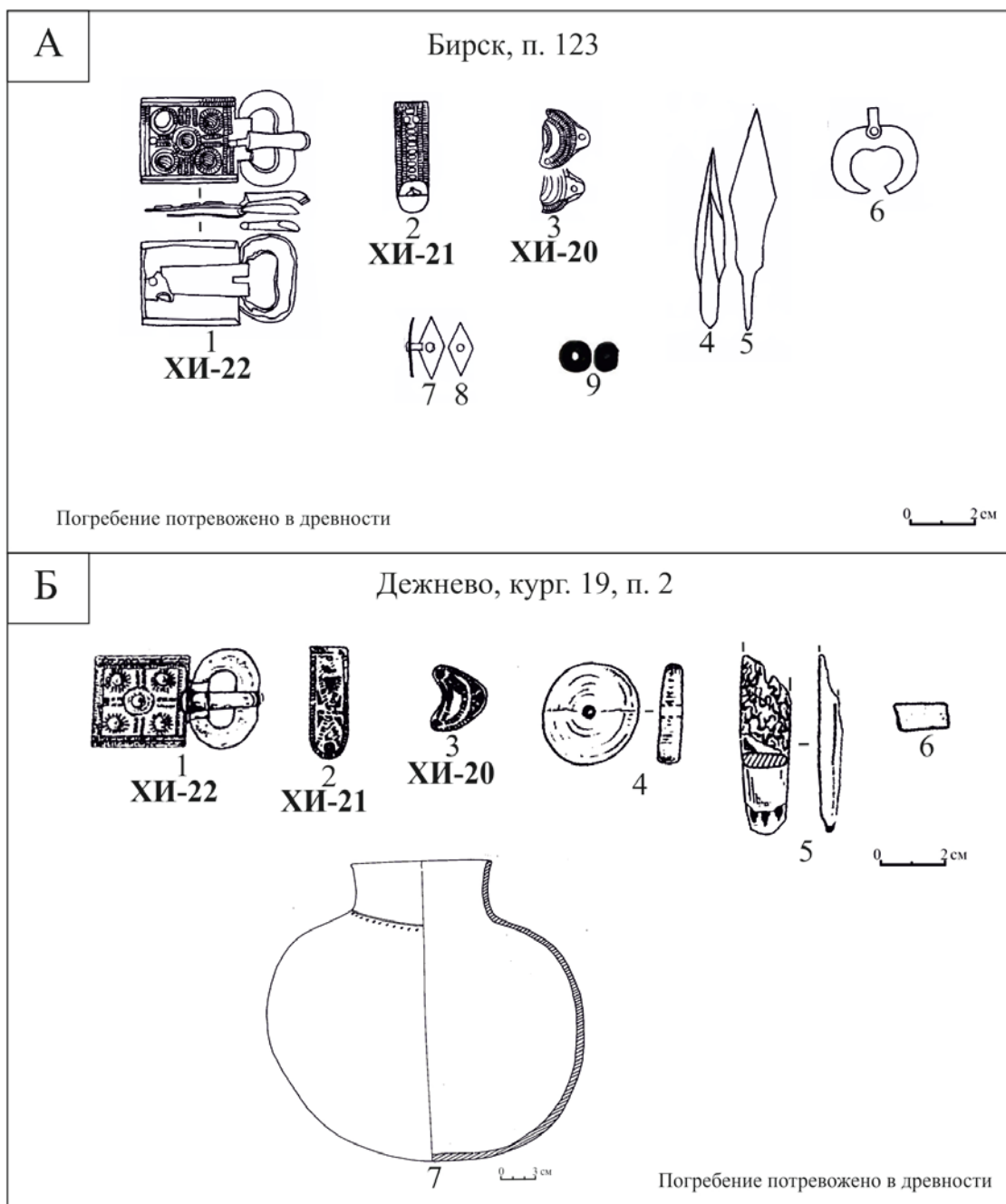
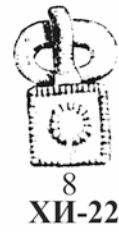
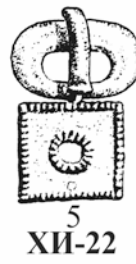
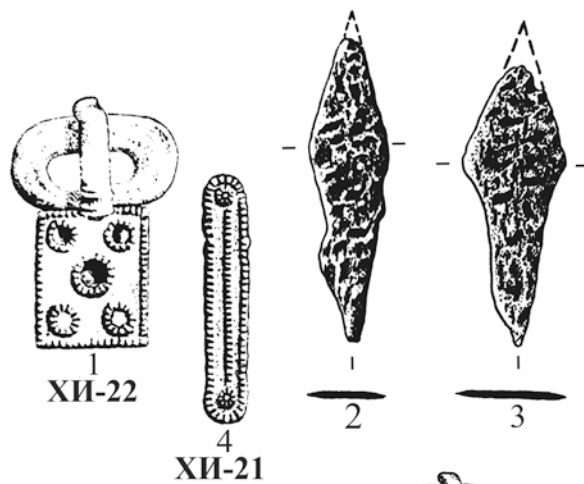

Рис. 40. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 123: 1–8 – по: (Амброз, 1989); 9 – по: (Русланова, 2018)
 Б – Дежневский могильник, кург. 19, п. 2:
 1–7 – по: (Мажитов, отчет, 1990)

Кувыково, п. 1

0 2 см

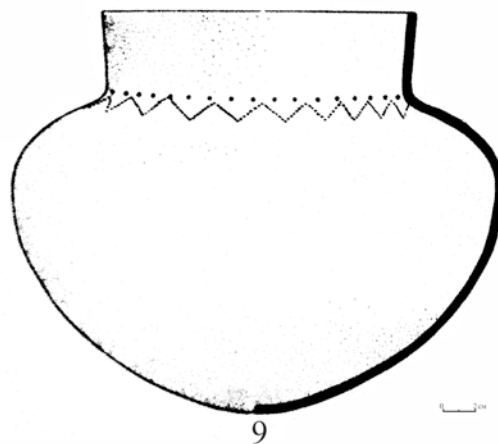

Рис. 41. Кувыковский могильник, п. 1
1-9 - по: (Мажитов, отчет, 1962)

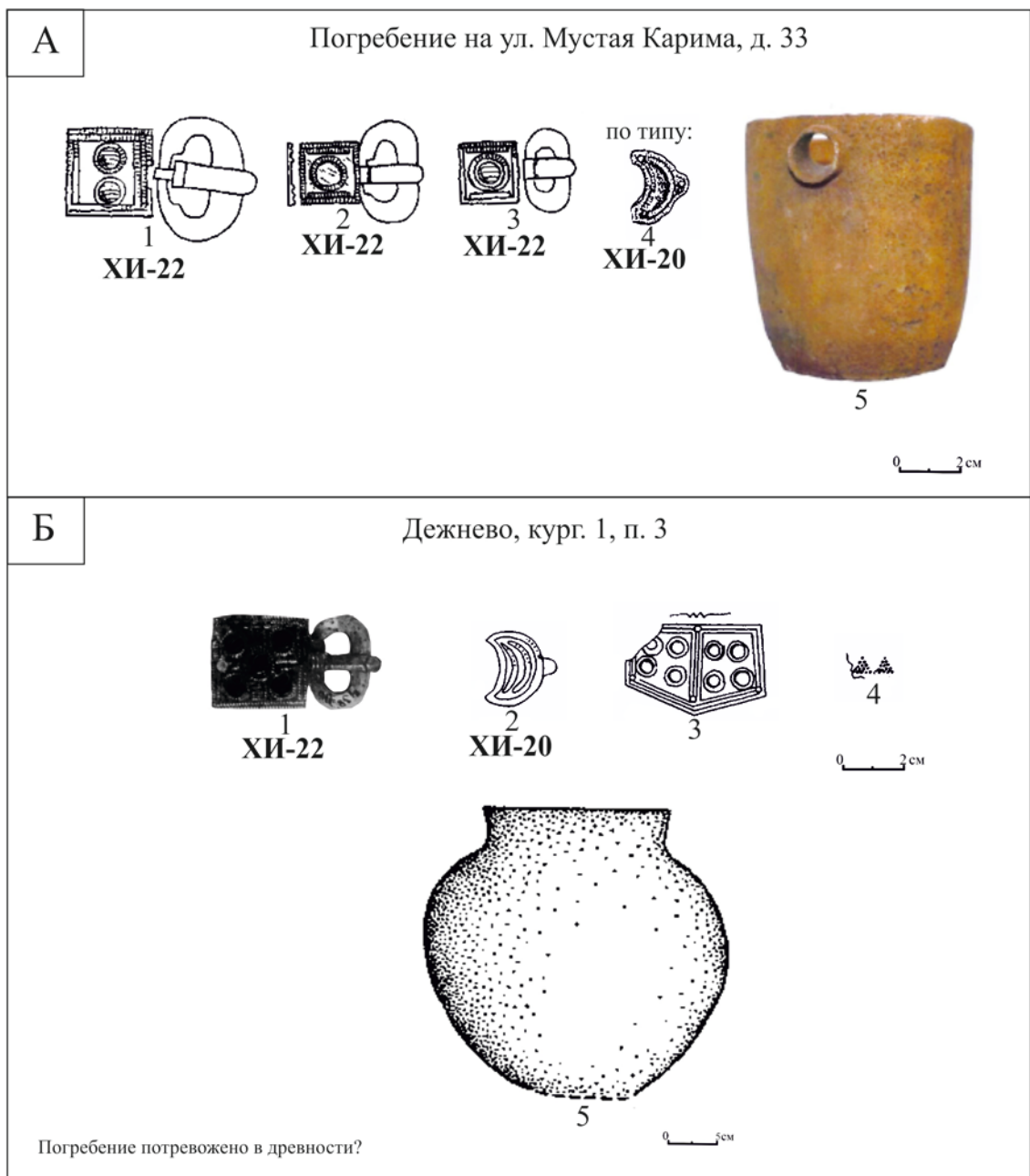

Рис. 42. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Погребение на ул. Мустая Карима, д. 33 (г. Уфа):
 1–3 – по: (Амброз, 1989); 4 – по: (Мажитов, 1968б); 5 – (К проблеме городов..., 2018)
 Б – Дежневский могильник, кург. 1, п. 3:
 1 – по: (Садыкова, отчет, 1968);
 2–4 – по: (Амброз, 1989); 5 – по: (Мажитов, 1977)

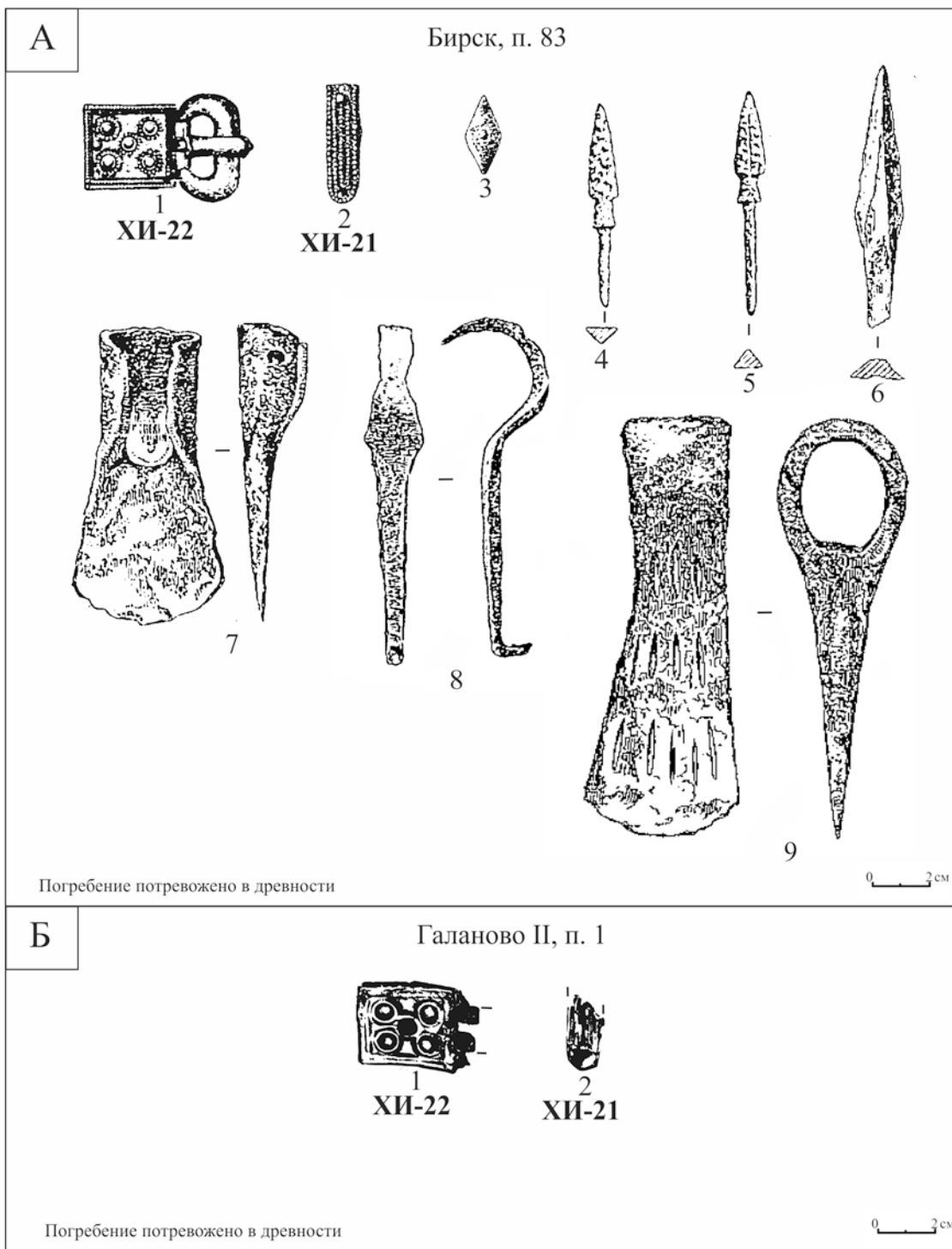

Рис. 43. Погребения с хроноиндикаторами
А – Бирский могильник, п. 88: **1–9** – по: (Мажитов, 1968б)
Б – Галановский II могильник, п. 1:
1, 2 – по: (Мажитов, отчет, 1961)

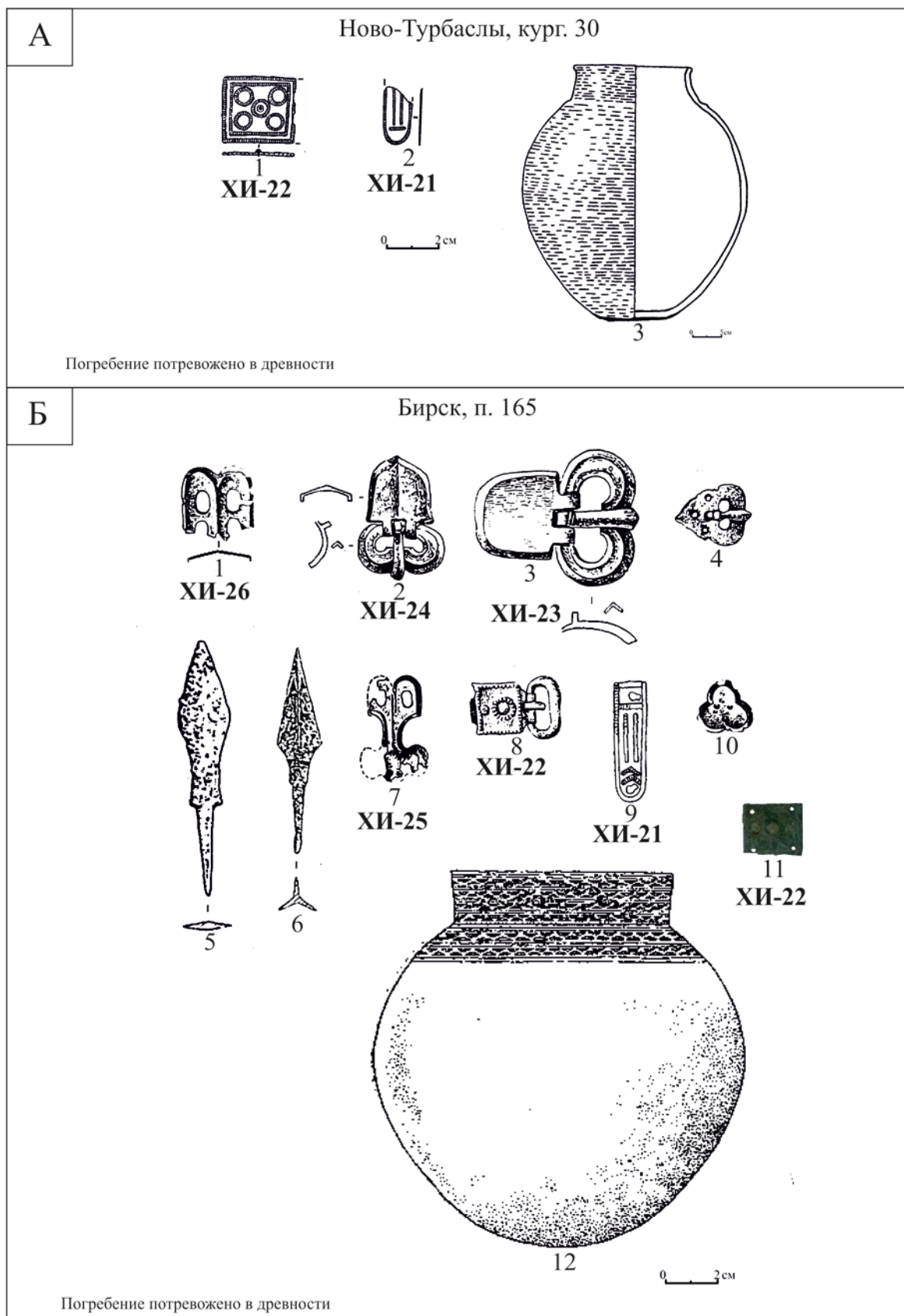
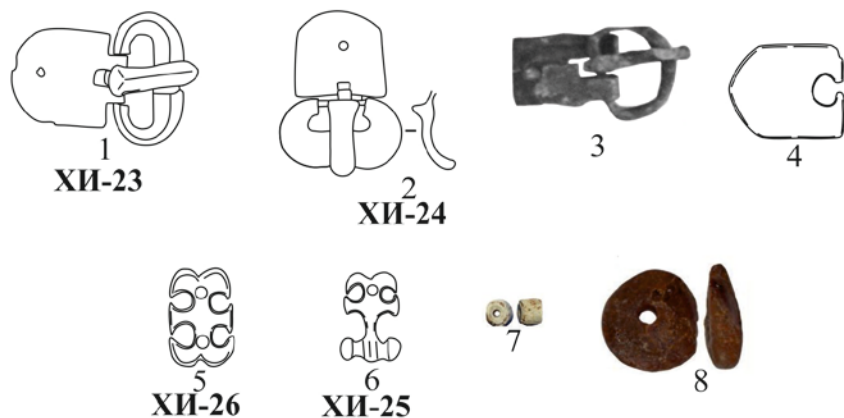
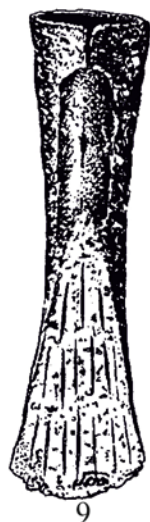

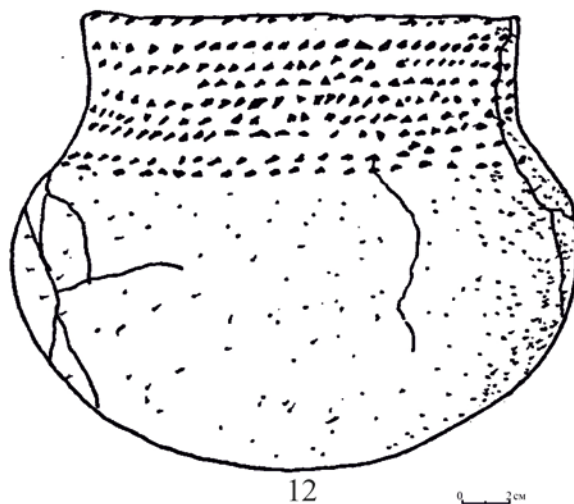
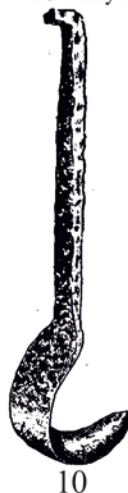
Рис. 44. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 30:
 1–3 – по: (Мажитов, отчет, 1992)
 Б – Бирский могильник, п. 165:
 1–10, 12 – по: (Мажитов, 19686); 11 – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН

по типу:

по типу:

0 3 см

9-11: Без масштаба

Рис. 45. Бирский могильник, п. 225
1, 2 – рисунки О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН; 3 – по: (Мажитов, Агеев, отчет, 1978)
5, 6, 9, 10–12 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
7, 8 – по: (Русланова, 2018)

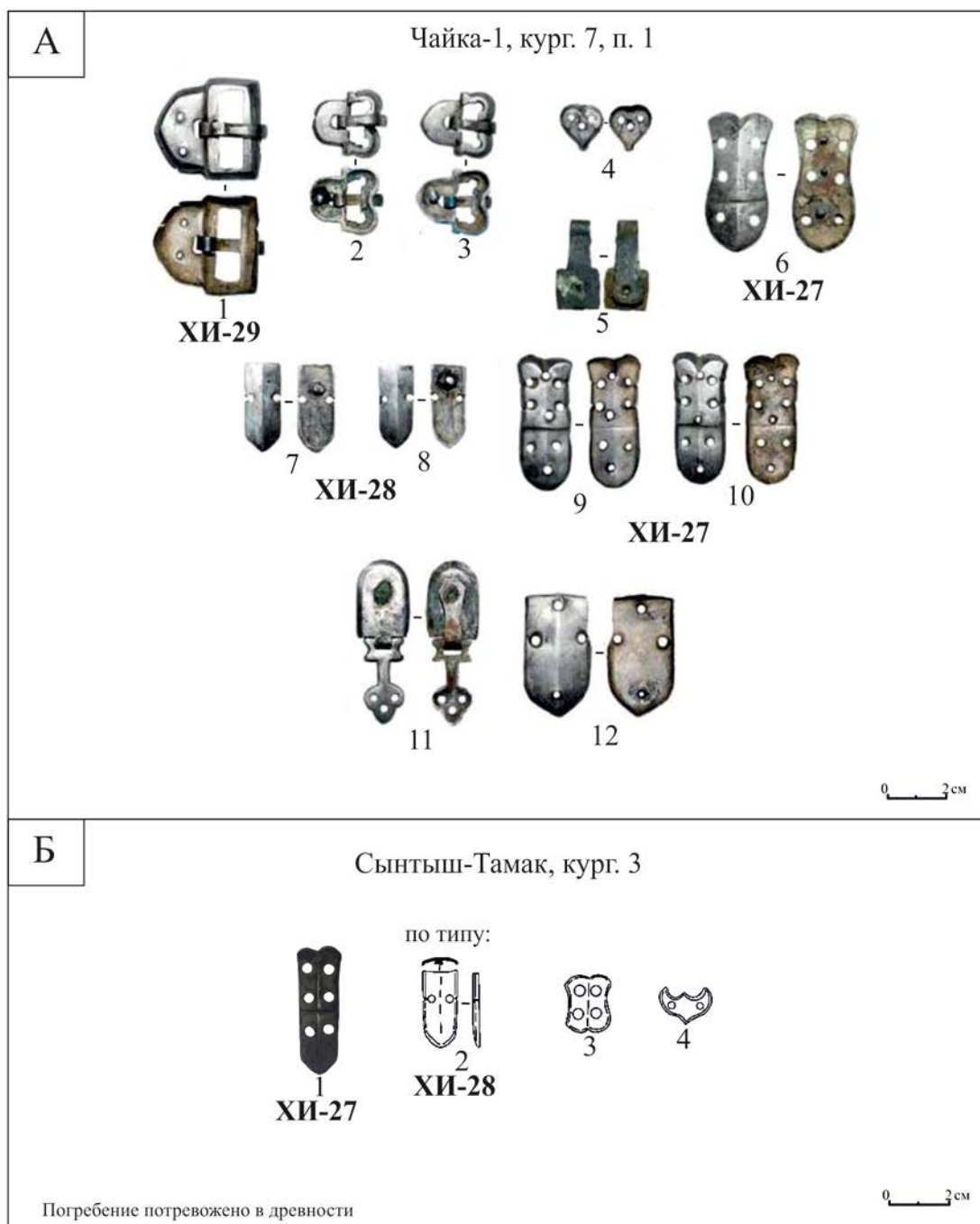

Рис. 46. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Могильник «Чайка-1», кург. 7, п. 1 (раскопки 2015 г.):
 1–9 – по: (Сунгатов, 2020)
 Б – Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 3:
 1 – фото О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УНЦ РАН; 2 – рисунок И.О. Гавритухина;
 3, 4 – рисунки О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

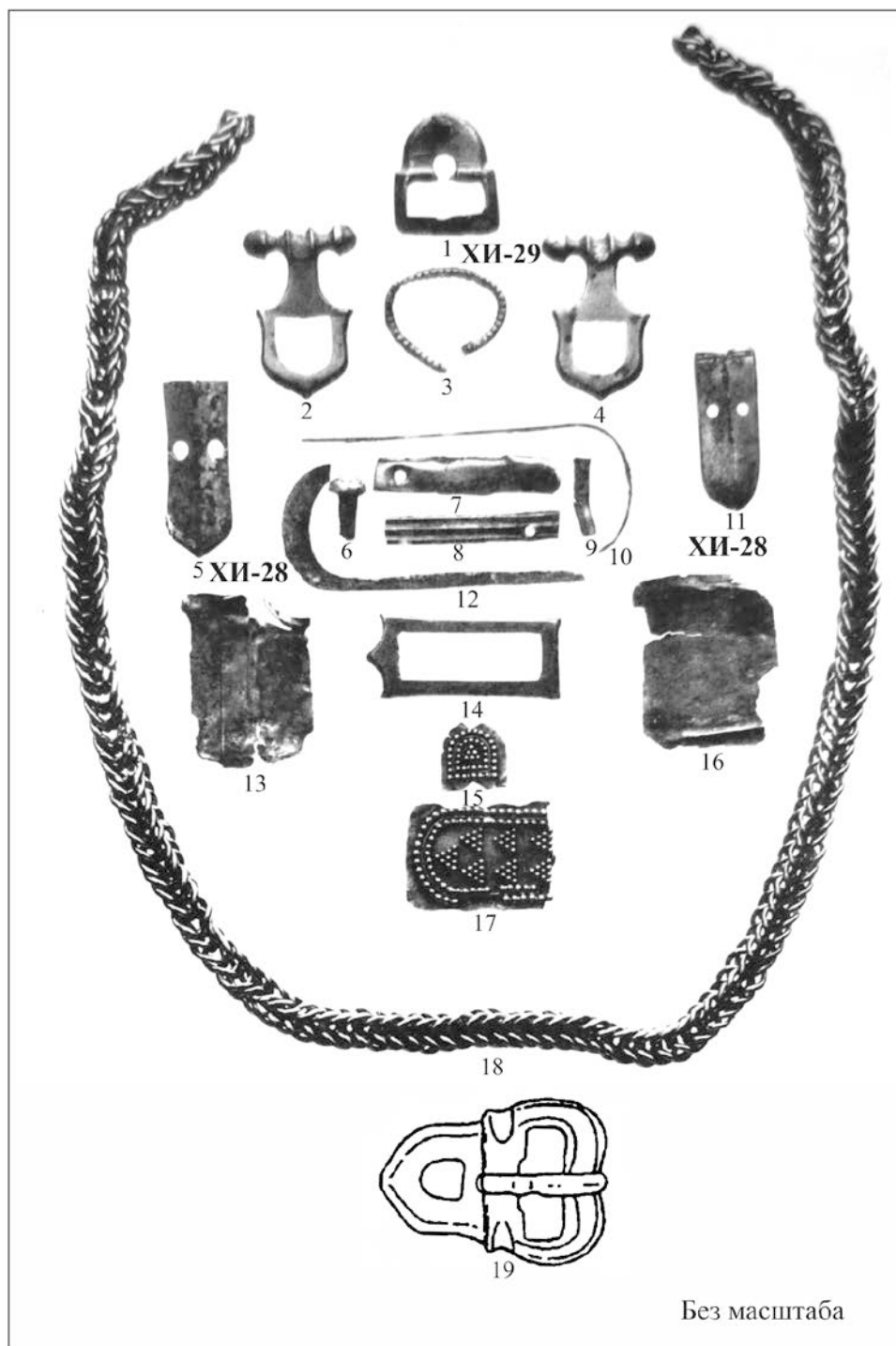
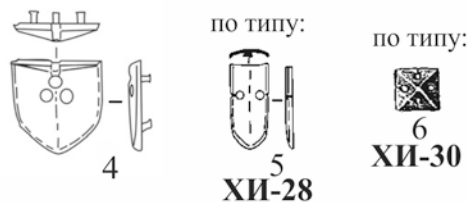
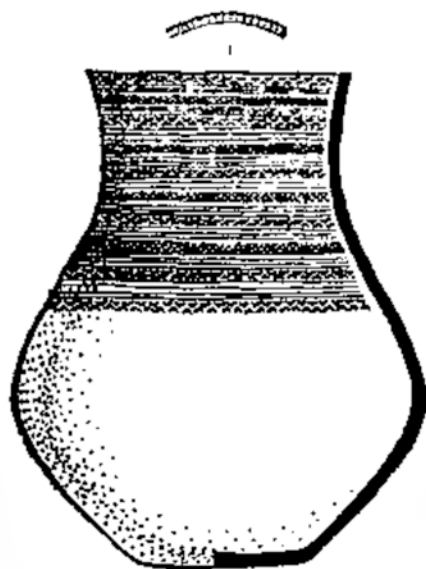

Рис. 47. Новиковское погребение (г. Уфа)
 1–18 – по: (Булычев, 1902); 19 – по: (Гавритухин, 1999)

Сынтыш-Тамак, кург. 10

0 2 см

7: Без указания масштаба

Рис. 48. Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 10
 1 – рисунок О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН;
 2–5 – рисунки И.О. Гавритухина;
 6, 7 – по: (Мажитов, 1977)

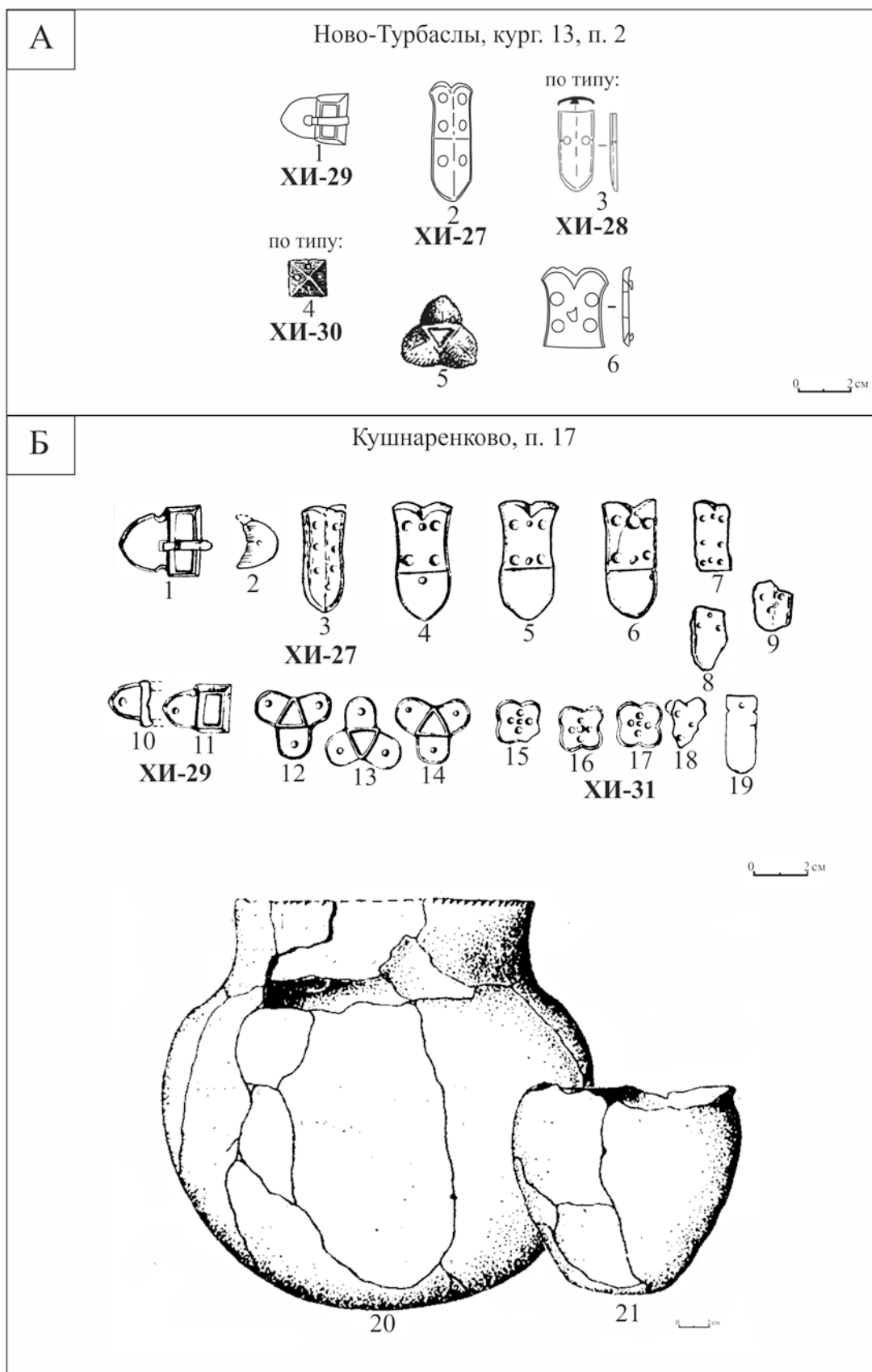
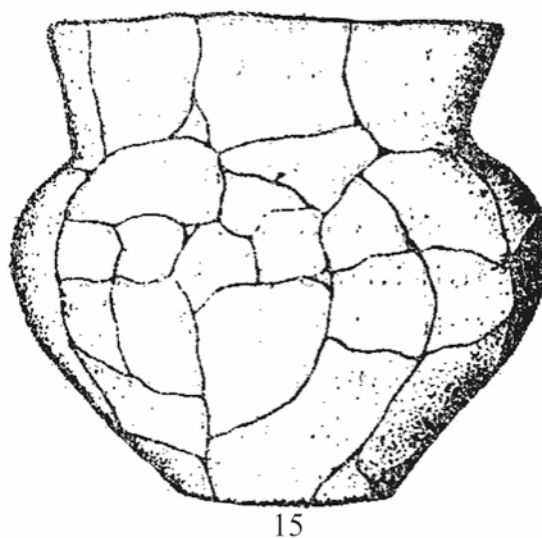
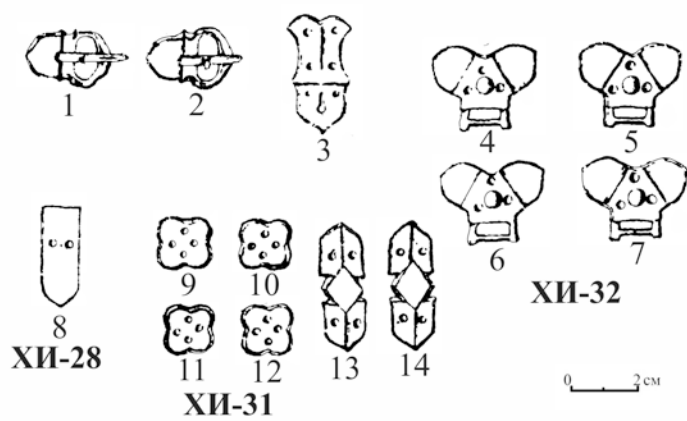

Рис. 49. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 2:
 1, 2, 6 – рисунок О.С. Белявской, НМ РБ; 3 – рисунок И.О. Гавритухина;
 4, 5 – по: (Мажитов, 1977)
 Б – Кушнареновский могильник, п. 17:
 1–21 – по: (Генинг, 1977)

Кушнарэнково, п. 2

15: Без масштаба

Рис. 50. Кушнарэнковский могильник, п. 2
1-15 – по: (Генинг, 1977)

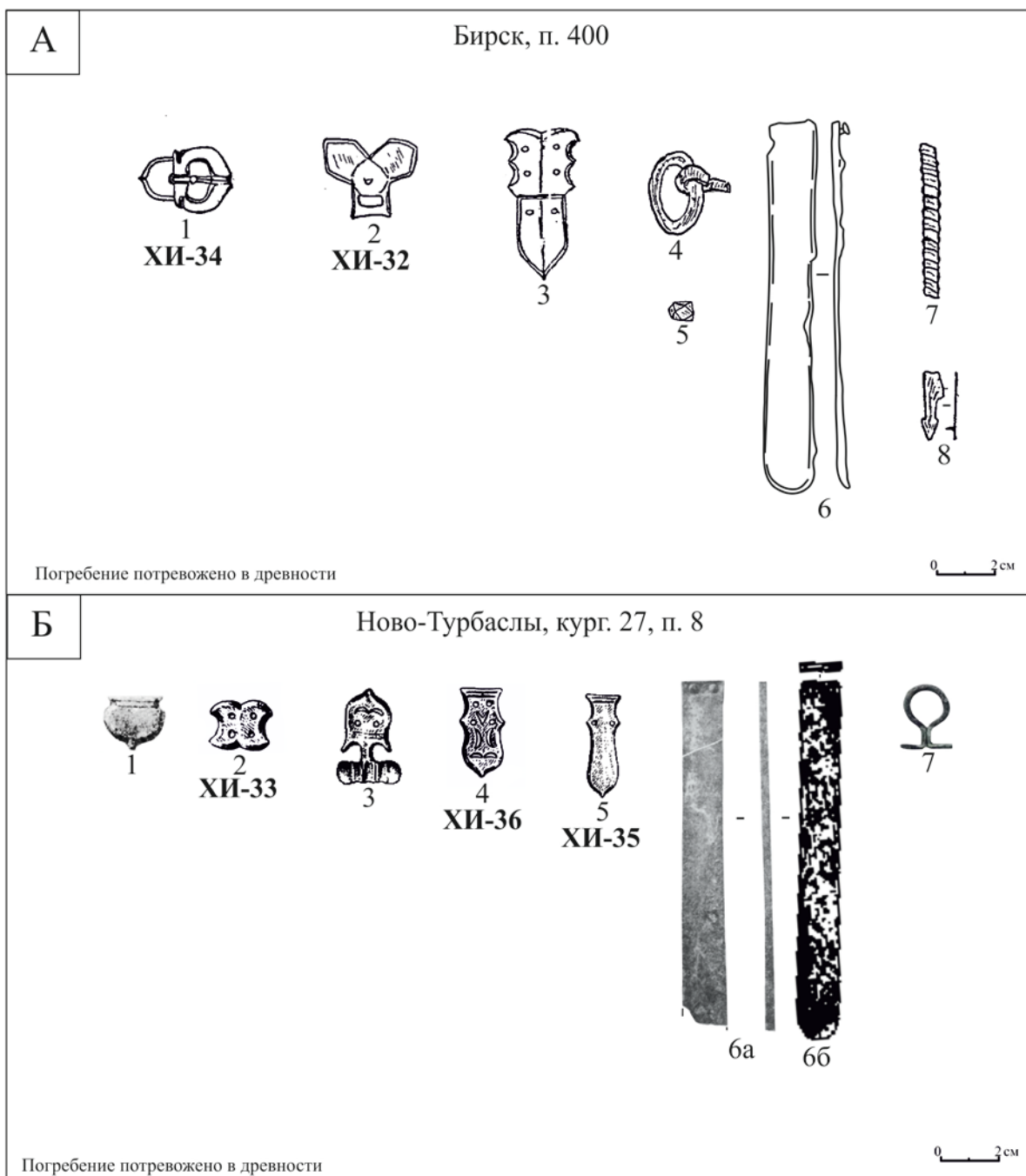

Рис. 51. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 400: 1–5, 7, 8 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 6 – рисунок О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ
 Б – Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8:
 1, 6а, 7 – по: (Мажитов, 1959);
 2–5 – по: (Мажитов, 1977); 6б – по: (Сунгатов, 1998)

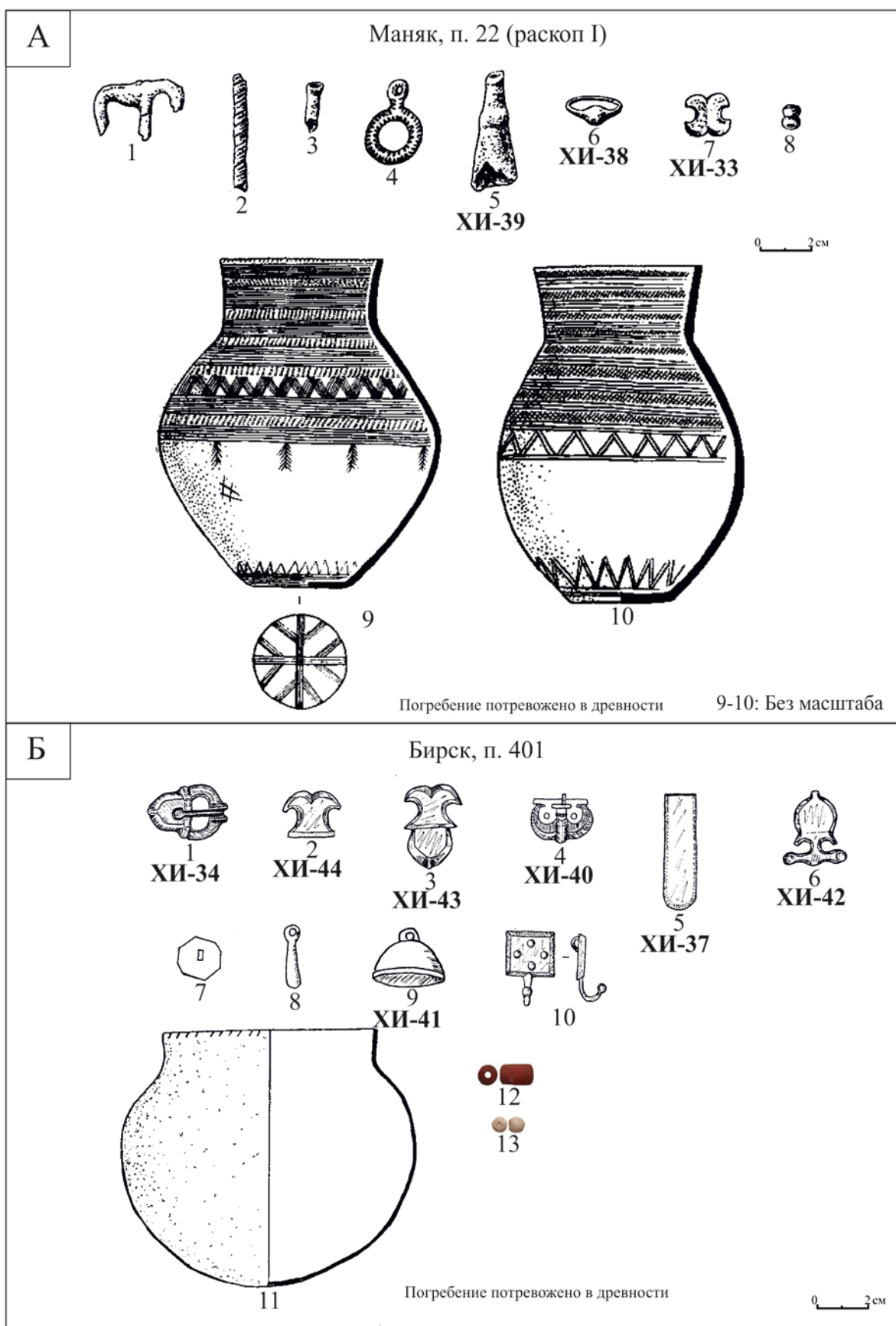

Рис. 52. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Манякский могильник, р. I, п. 22:
 1–8 – по: (Мажитов, 1981б); 9, 10 – по: (Мажитов, 1977)
 Б – Бирский могильник, п. 401:
 1–11 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 12, 13 – по: (Русланова, 2018)

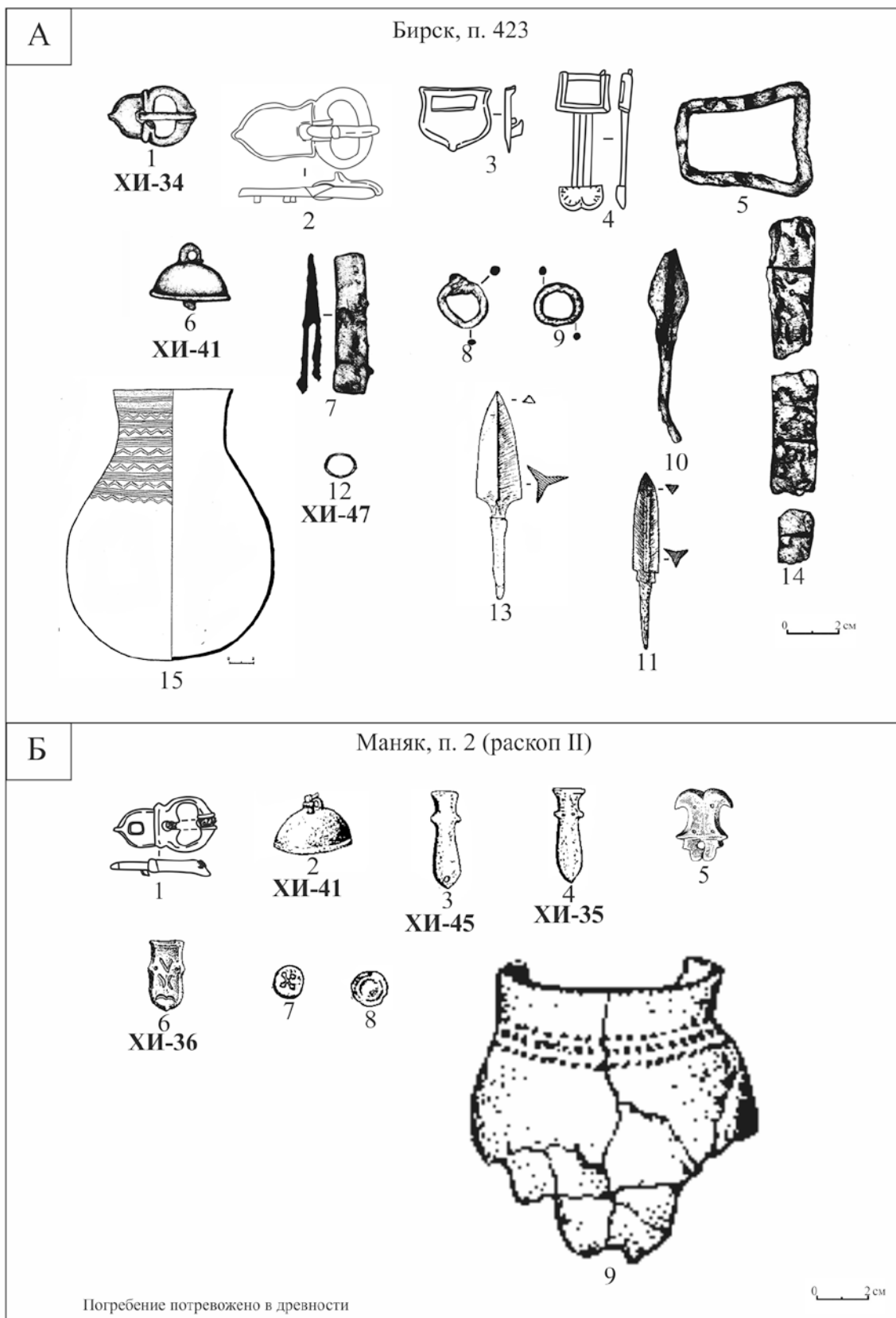
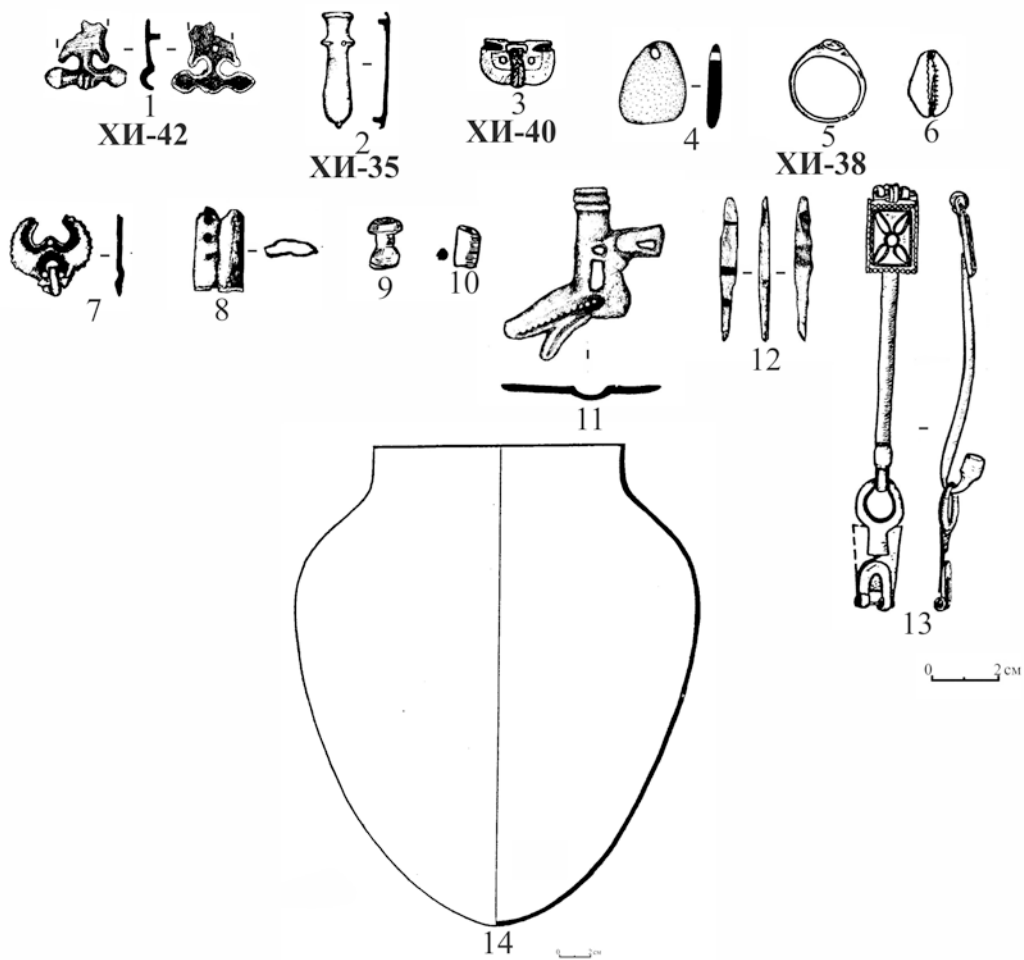

Рис. 53. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 423:
 1, 5–15 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 2–4 – рисунки О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ
 Б – Манякский могильник, р. II, п. 2:
 1 – рисунок О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ; 2–8 – по: (Мажитов, 1981б);
 9 – по: (Мажитов, 1977)

Бирск, п. 419

Погребение потревожено в древности

Рис. 54. Бирский могильник, п. 419
1-14 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000)

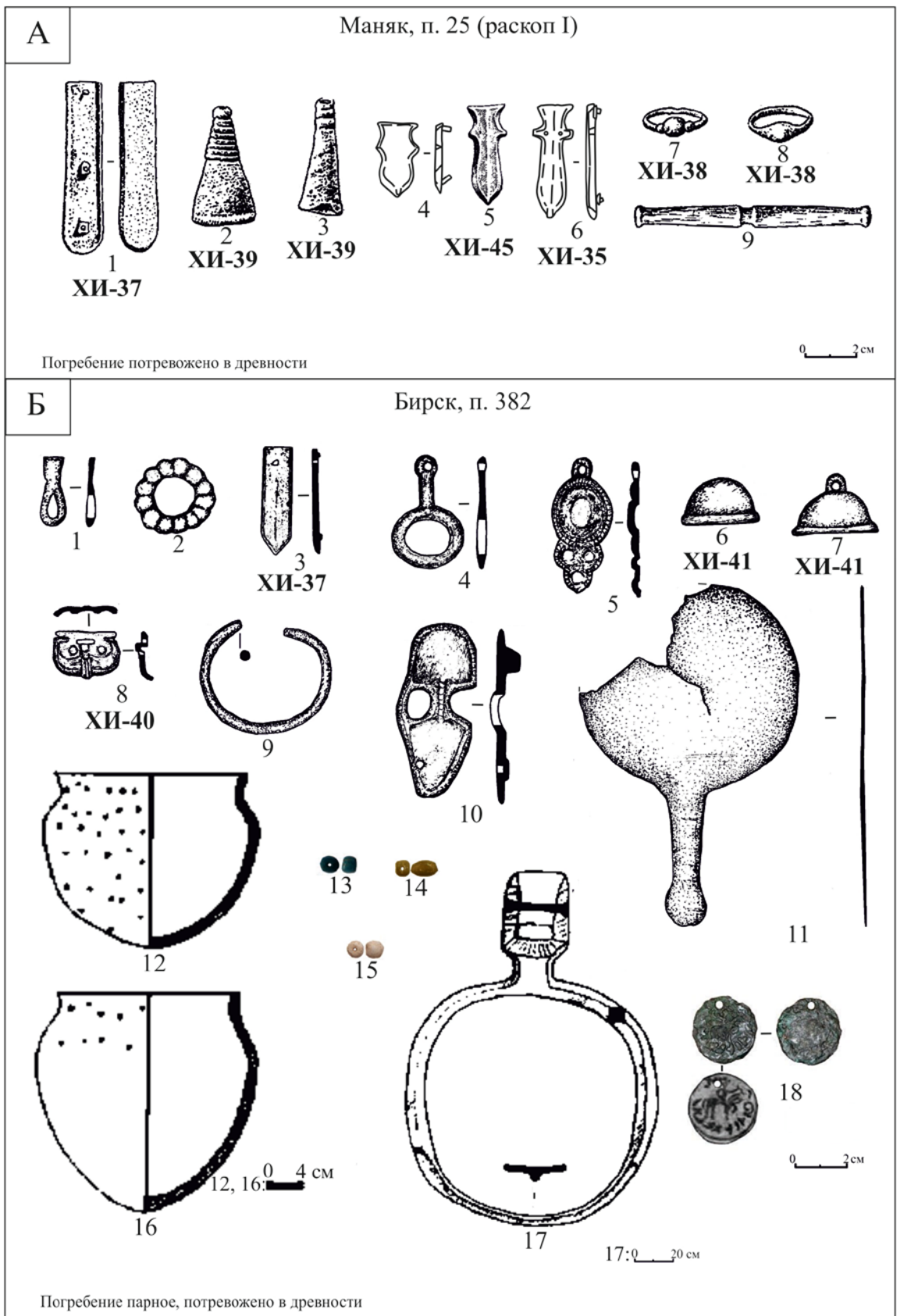

Рис. 55. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Манякский могильник, р. I, п. 25:
 1–3, 5, 7–9 – по: (Мажитов, 1981б); 4, 6 – рисунки О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ;
 Б – Бирский могильник, п. 382:
 1–11, 12, 16, 17 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 13–15, 18 – по: (Русланова, 2018)

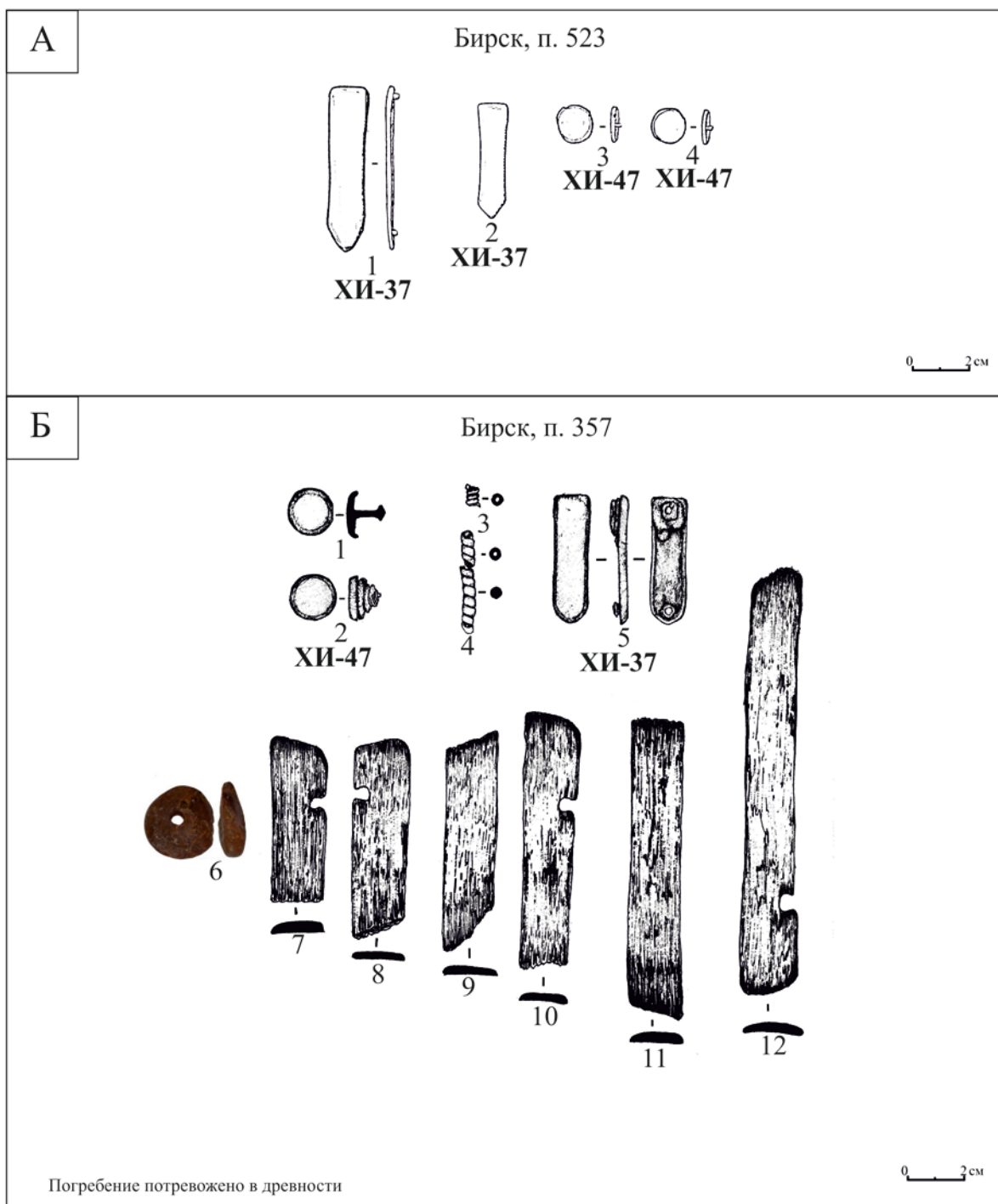

Рис. 56. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 523:
 1–4 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000)
 Б – Бирский могильник, п. 357:
 1–5, 7–12 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 6 – по: (Русланова, 2018)

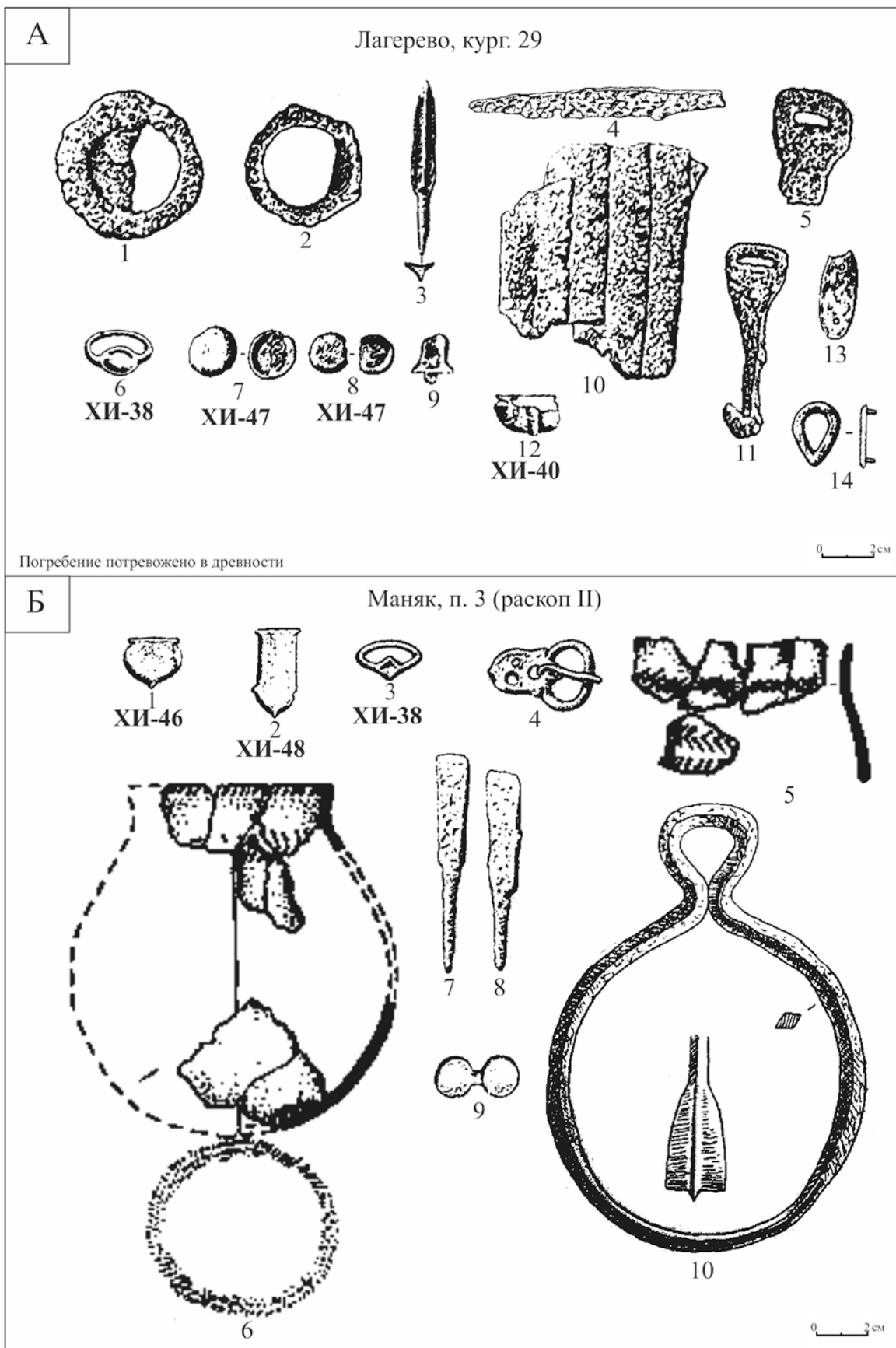

Рис. 57. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Лагереvский могильник, кург. 29:
 1–14 – по: (Мажитов, 1981б)
 Б – Манякский могильник, р. II, п. 3:
 1–4, 7–10 – по: (Мажитов, 1981б); 5, 6 – по: (Мажитов, 1977)

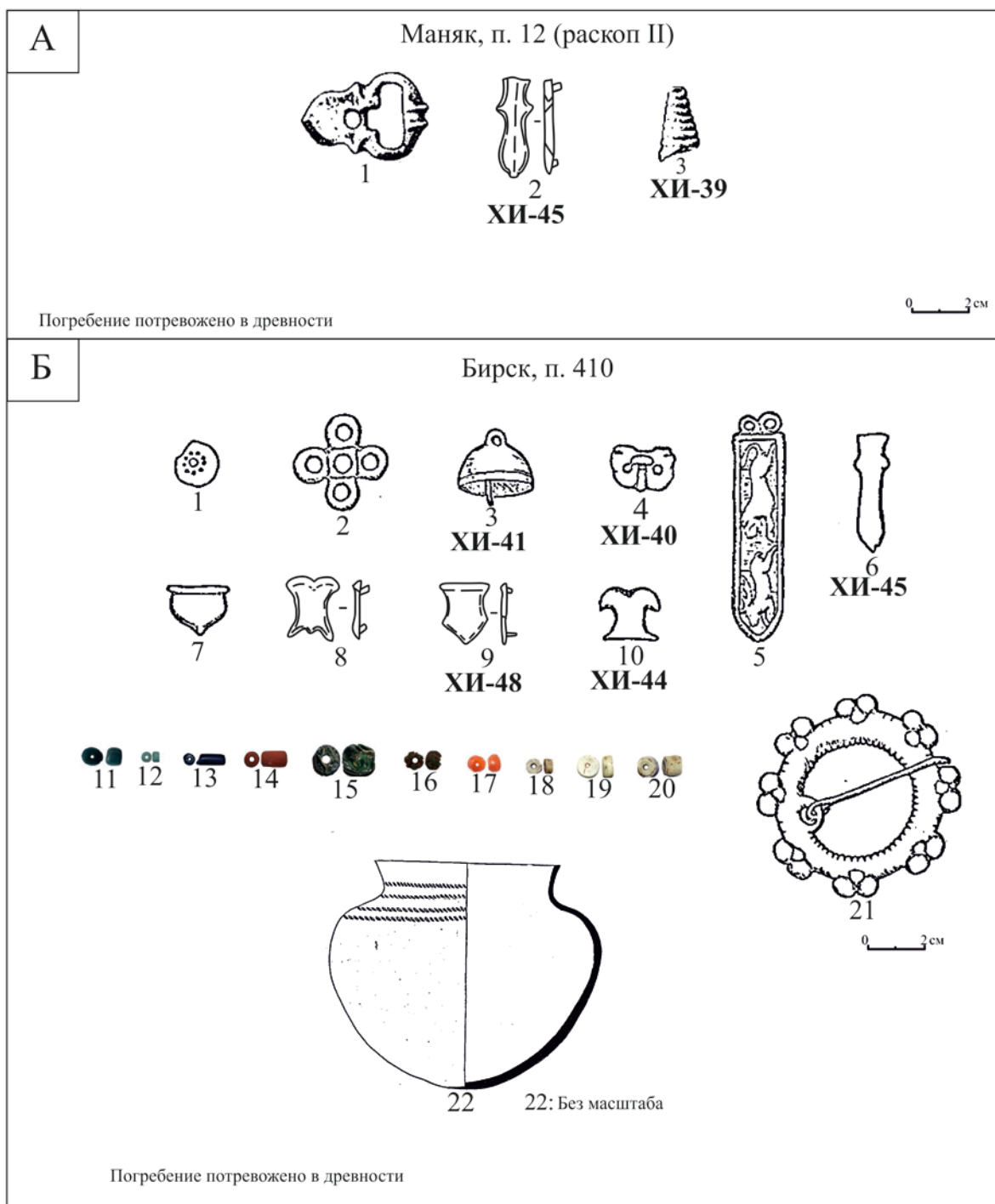

Рис. 58. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Манякский могильник, р. II, п. 12:
 1, 3 – по: (Мажитов, 1981б);
 2 – рисунок О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ
 Б – Бирский могильник, п. 410:
 1–7, 10, 21, 22 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000); 8, 9 – рисунки
 О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ;
 11–20 – по: (Русланова, 2018)

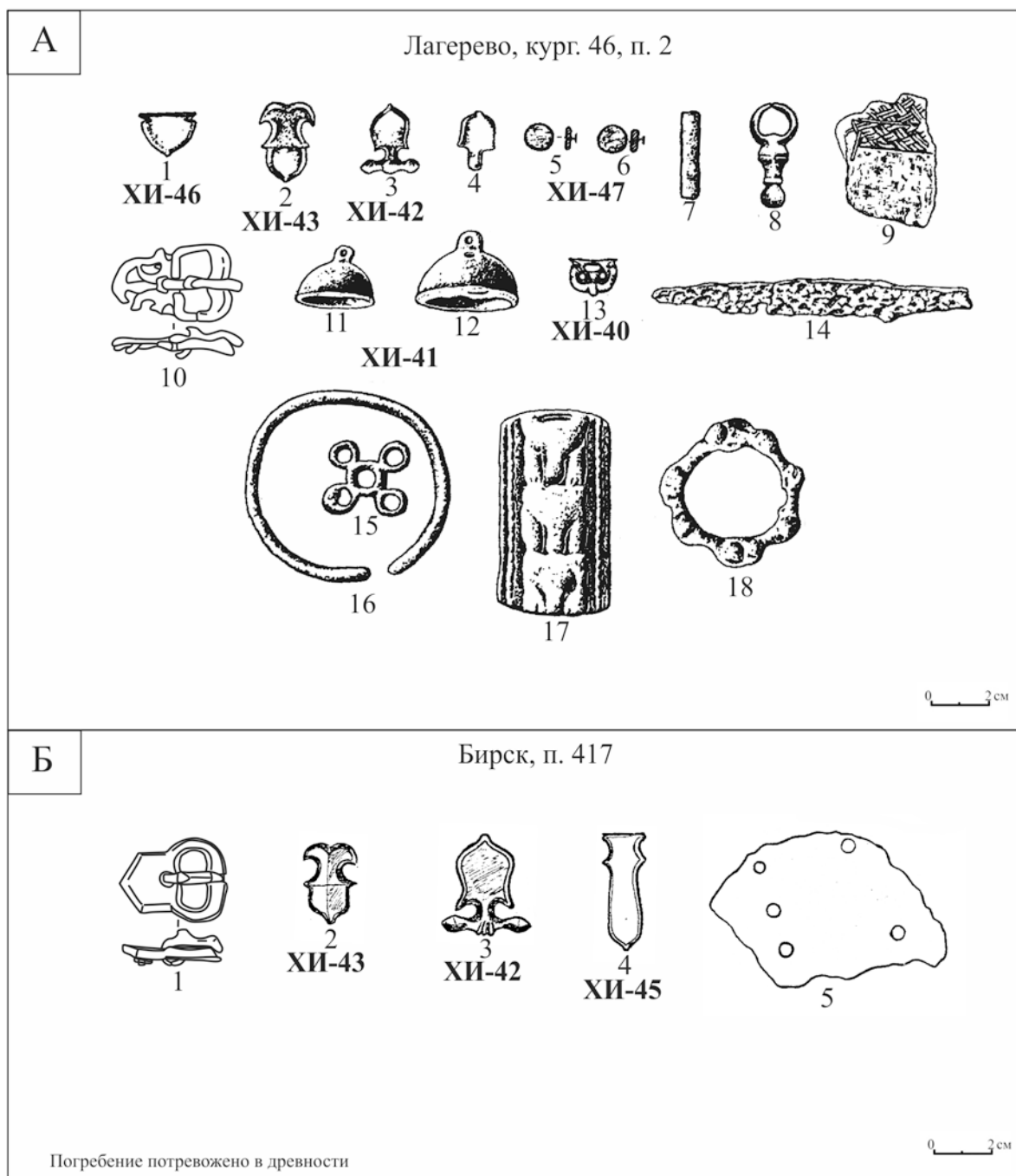

Рис. 59. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Лагеревский могильник, кург. 46, п. 2:
 1–9, 11–18 – по: (Мажитов, 1981б); 10 – рисунок О.С. Белявской, МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН
 Б – Бирский могильник, п. 417:
 1 – рисунок О.С. Белявской, ИИГУ УУНиТ;
 2–5 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000)

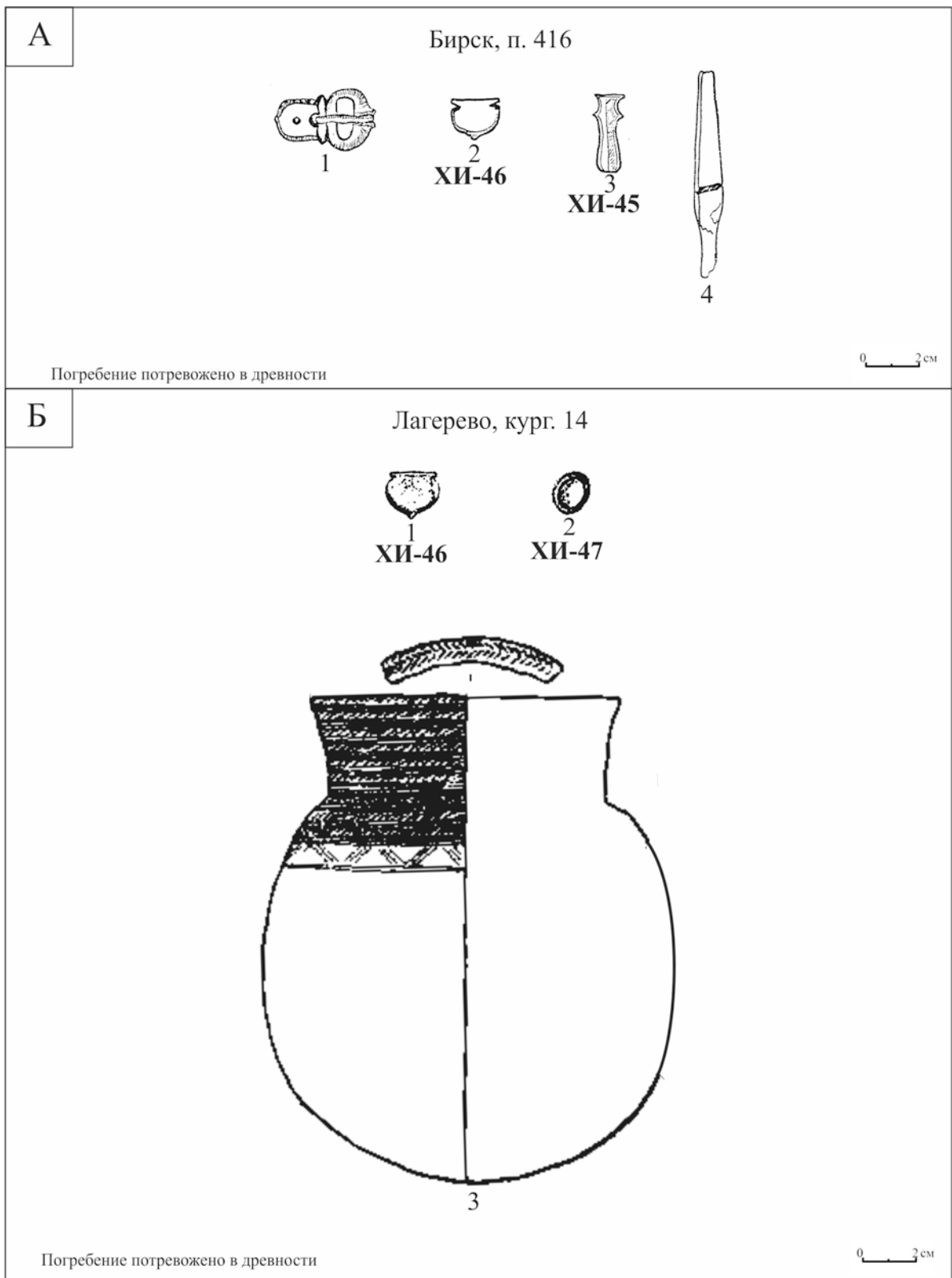

Рис. 60. Погребения с хроноиндикаторами
 А – Бирский могильник, п. 416:
 1–4 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000);
 Б – Лагеревский могильник, кург. 14:
 1–2 – по: (Мажитов, 1981б); 3 – по: (Мажитов, 1977)

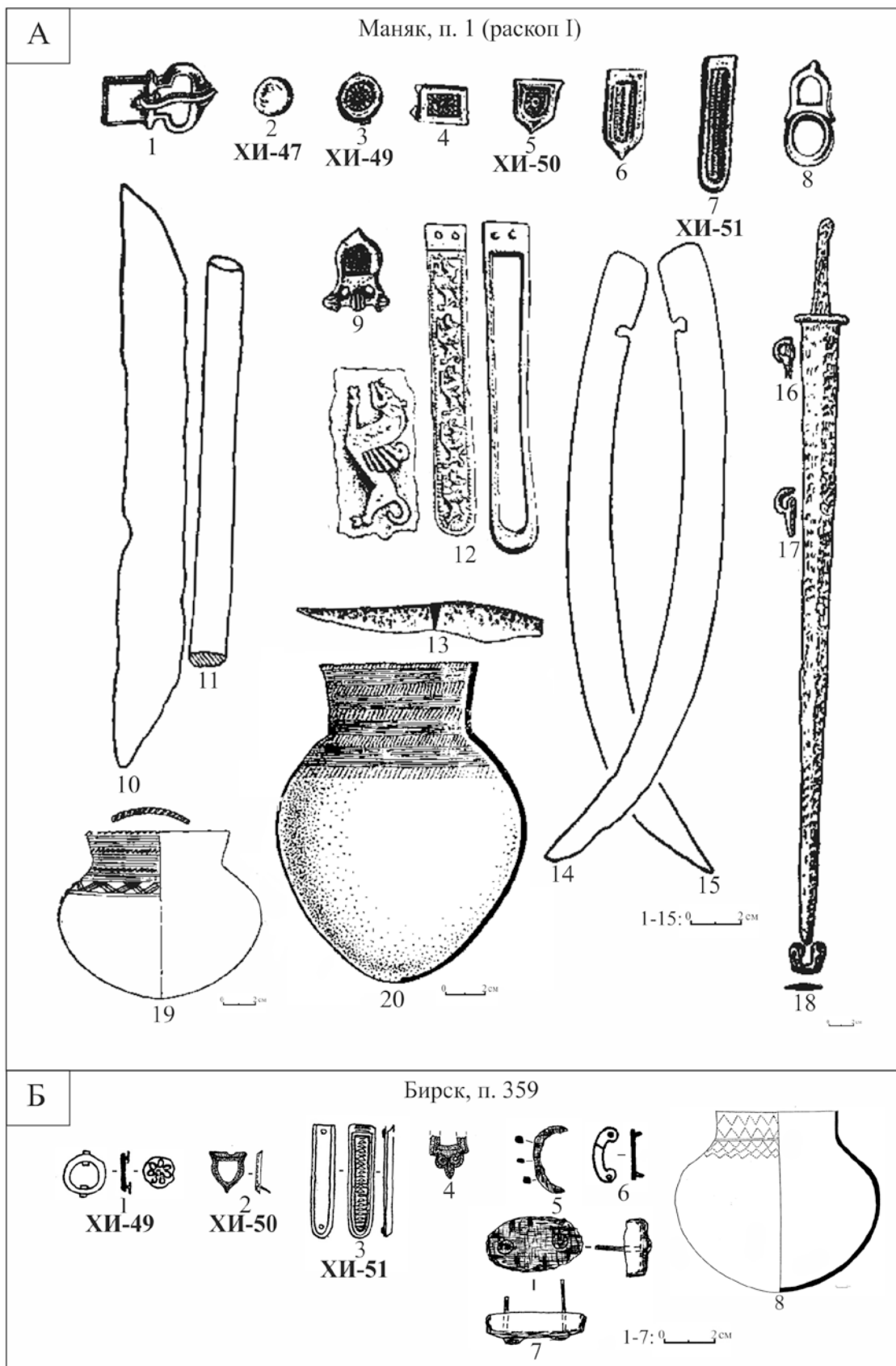

Рис. 61. Погребения с хроноиндикаторами

А – Манякский могильник, р. I, п. 1:

1–18 – по: (Мажитов, 1981б); 19, 20 – по: (Мажитов, 1977)

Б – Бирский могильник, п. 359:

1–8 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000)

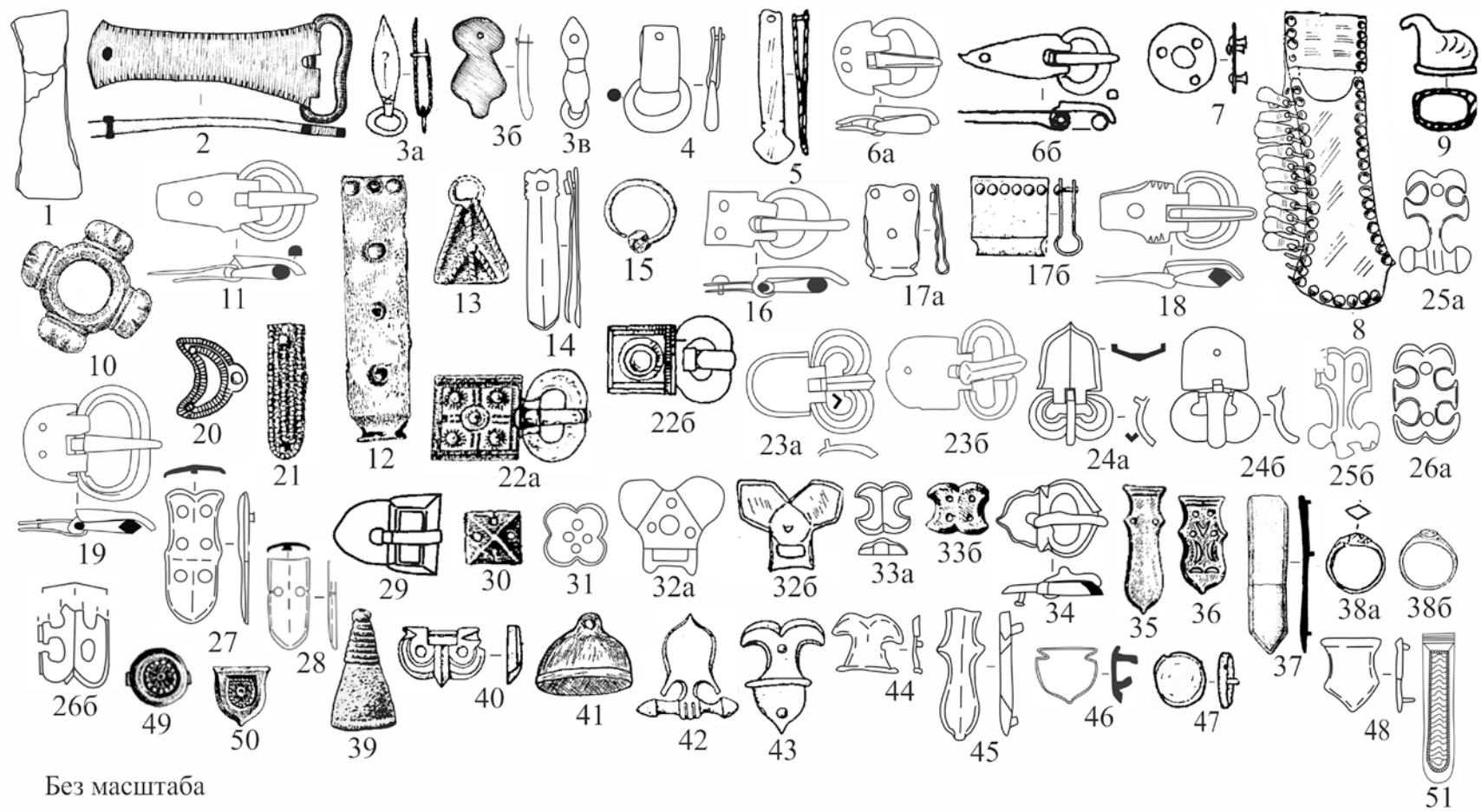

Рис. 62. Хроноиндикаторы (XII) из погребальных комплексов Южного Приуралья III – рубежа VII и VIII вв.

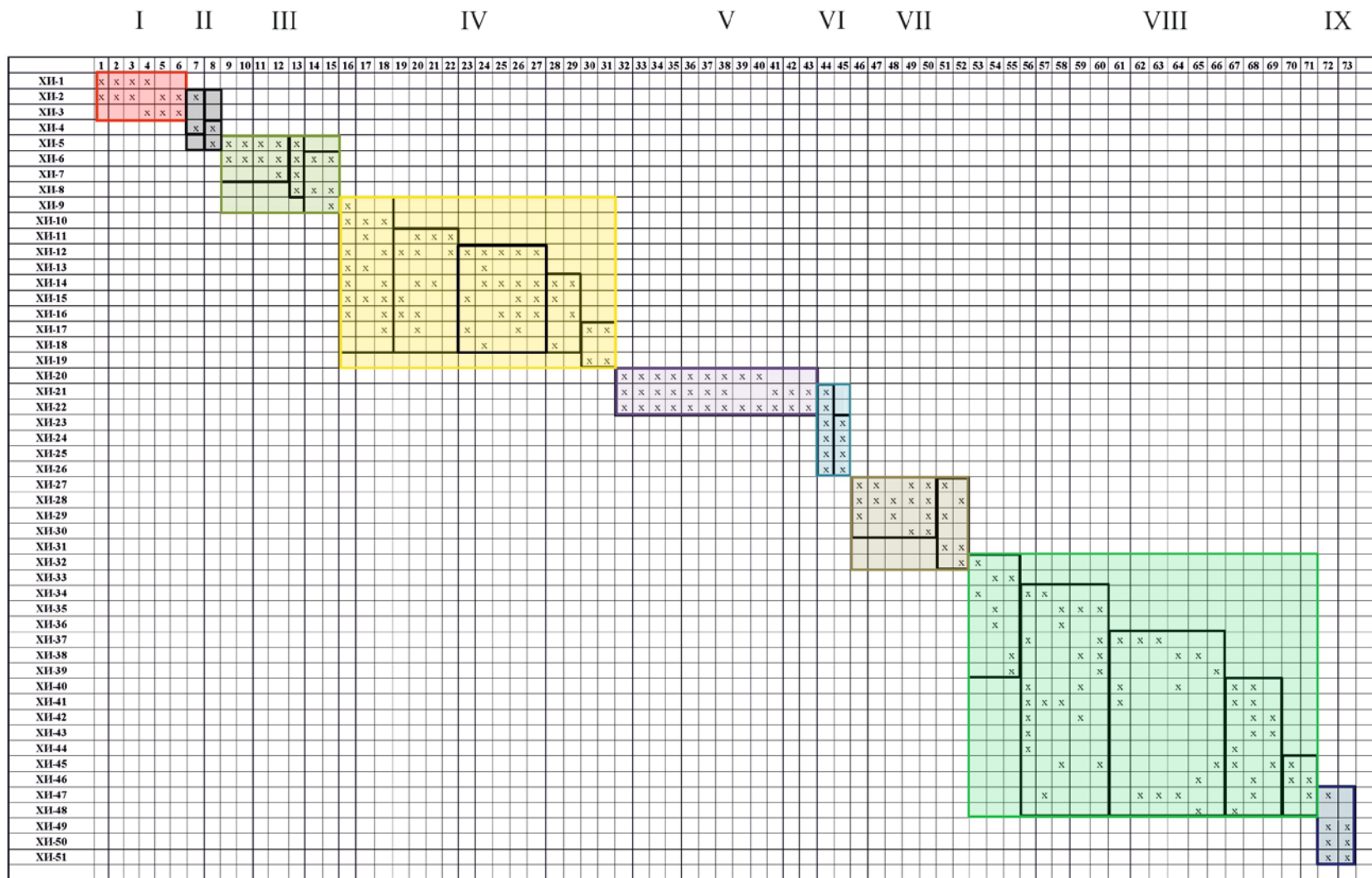

Рис. 63. Сериация погребений с ременными гарнитурами

В столбцах по вертикали указаны хроноиндикаторы (ХИ), в столбцах по горизонтали – погребальные комплексы (расшифровка ниже)

Погребальные комплексы, использованные в сериационной таблице:

1. Бирский могильник, п. 320;
2. Бирский могильник, п. 481;
3. Бирский могильник, п. 541;
4. Бирский могильник, п. 333;
5. Шиповский могильник, п. 268а;
6. Ангасякский могильник, п. 37;
7. Бирский могильник, п. 550;
8. Старо-Кабановский могильник, п. 86;
9. Старо-Муштинский могильник, кург. 17, п. 3 («тайник»);
10. Старо-Кабановский могильник, п. 145;
11. Югомашевский могильник, р. II, п. 8;
12. Старо-Кабановский могильник, п. 115;
13. Старо-Кабановский могильник, п. 80;
14. Старо-Кабановский могильник, п. 100;
15. Старо-Кабановский могильник, п. 152;
16. Бирский могильник, п. 128;
17. Бирский могильник, п. 78;
18. Бирский могильник, п. 125;
19. Бирский могильник, п. 108;
20. Бирский могильник, п. 126;
21. Бирский могильник, п. 93;
22. Бирский могильник, п. 154;
23. Бирский могильник, п. 148;
24. Бирский могильник, п. 81;
25. Бирский могильник, п. 288;
26. Бирский могильник, п. 137;
27. Бирский могильник, п. 166;
28. Бирский могильник, п. 272;
29. Бирский могильник, п. 95;
30. Бирский могильник, п. 5;
31. Бирский могильник, п. 161;
32. Бирский могильник, п. 130;
33. Бирский могильник, п. 77;
34. Бирский могильник, п. 88;
35. Бирский могильник, п. 111;
36. Бирский могильник, п. 123;
37. Дежневский могильник, кург. 19, п. 2;
38. Кувыковский могильник, п. 1;
39. Погребение на ул. М. Карима, д. 33 (г. Уфа);
40. Дежневский могильник, кург. 1, п. 3;
41. Бирский могильник, п. 83;
42. Галановский II могильник, п. 1;
43. Ново-Турбаслинский могильник, кург. 30;
44. Бирский могильник, п. 165;
45. Бирский могильник, п. 225;
46. Могильник «Чайка-1», кург. 7, п. 1;
47. Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 3;
48. Новиковское погребение (г. Уфа);
49. Сынтыш-Тамакский могильник, кург. 10;
50. Ново-Турбаслинский могильник, кург. 13, п. 2;
51. Кушнаренокский могильник, п. 17;
52. Кушнаренокский могильник, п. 2;
53. Бирский могильник, п. 400;
54. Ново-Турбаслинский могильник, кург. 27, п. 8;
55. Манякский могильник, р. I, п. 22;
56. Бирский могильник, п. 401;
57. Бирский могильник, п. 423;
58. Манякский могильник, р. II, п. 2;
59. Бирский могильник, п. 419;
60. Манякский могильник, р. I, п. 25;
61. Бирский могильник, п. 382;
62. Бирский могильник, п. 523;
63. Бирский могильник, п. 357;
64. Лагеревский могильник, кург. 29;
65. Манякский могильник, р. II, п. 3;
66. Манякский могильник, р. II, п. 12;
67. Бирский могильник, п. 410;
68. Лагеревский могильник, кург. 46, п. 2;
69. Бирский могильник, п. 417;
70. Бирский могильник, п. 416;
71. Лагеревский могильник, кург. 14;
72. Манякский могильник, р. I, п. 1;
73. Бирский могильник, п. 359

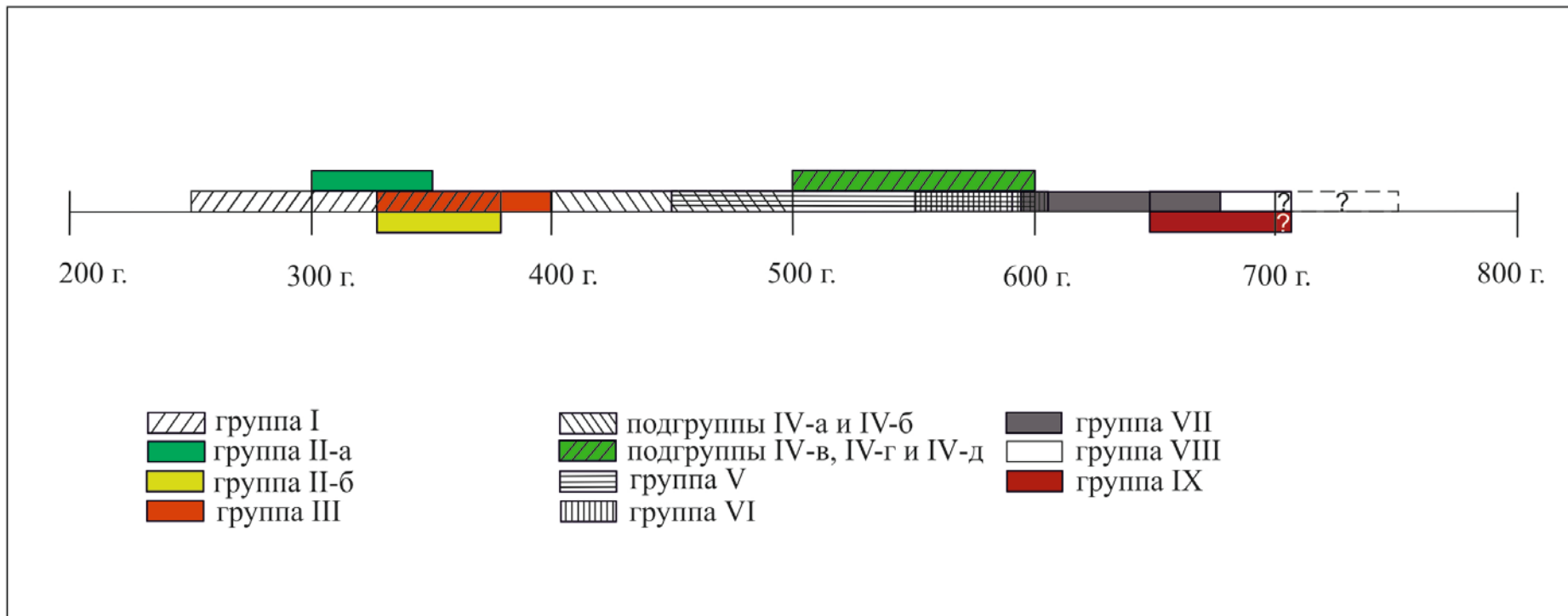
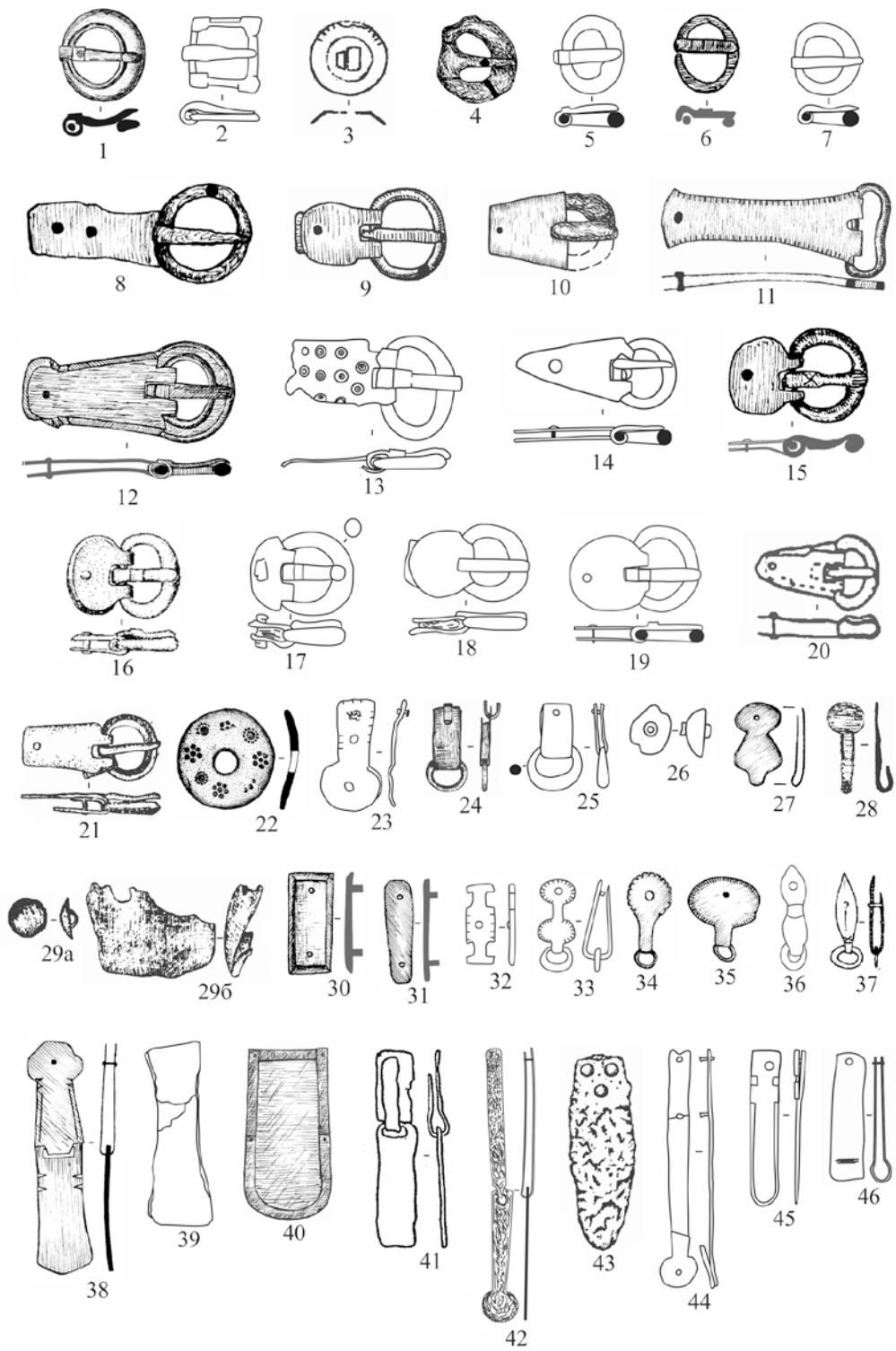

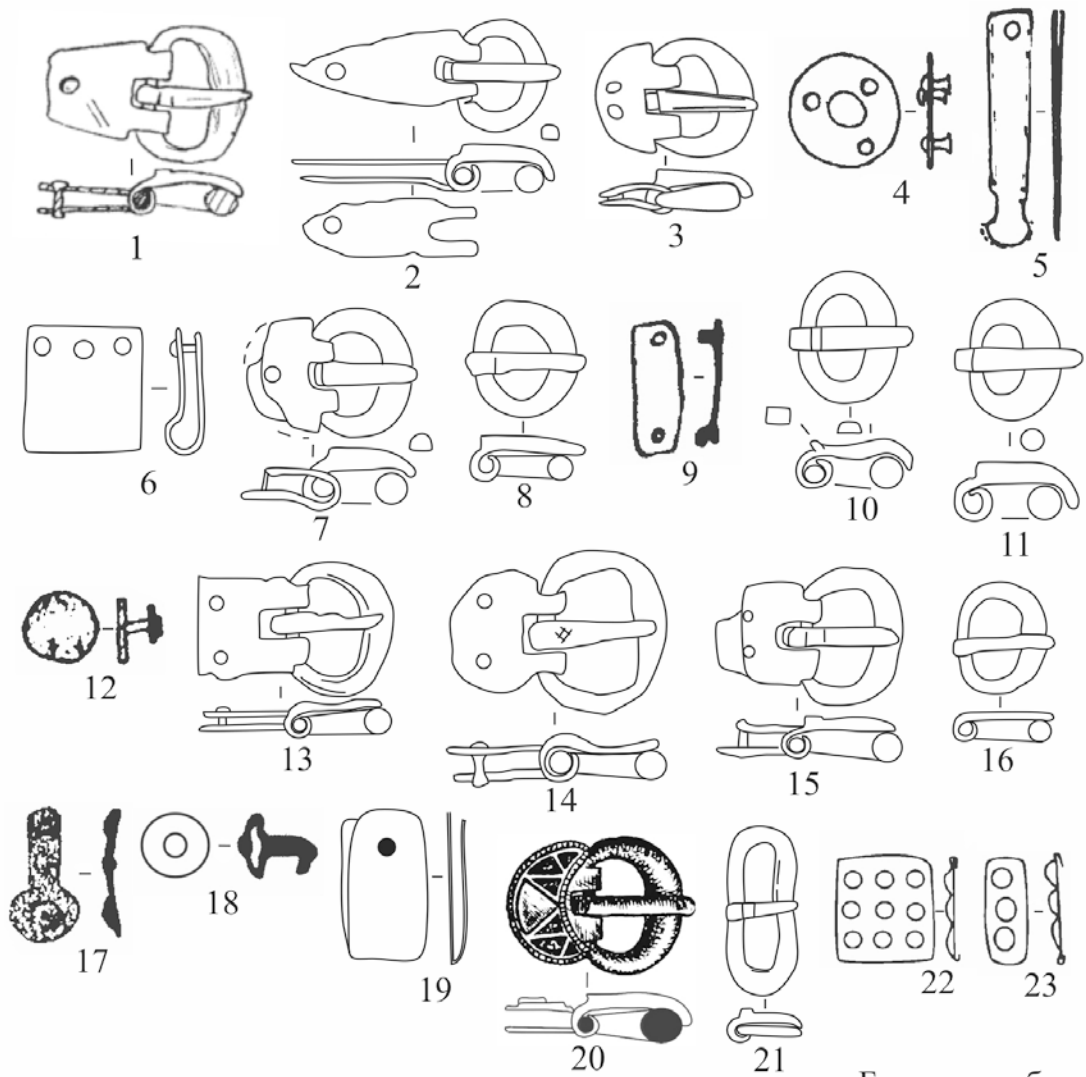
Рис. 64. Соотношение сериационных групп

Без масштаба

Рис. 65. Ременные гарнитуры Южного Приуралья III – 3-ей четв. IV в.

Без масштаба

Рис. 66. Ременные гарнитурсы Южного Приуралья 2-й четв. – 4-й четв. IV в., и, вероятно, IV в.

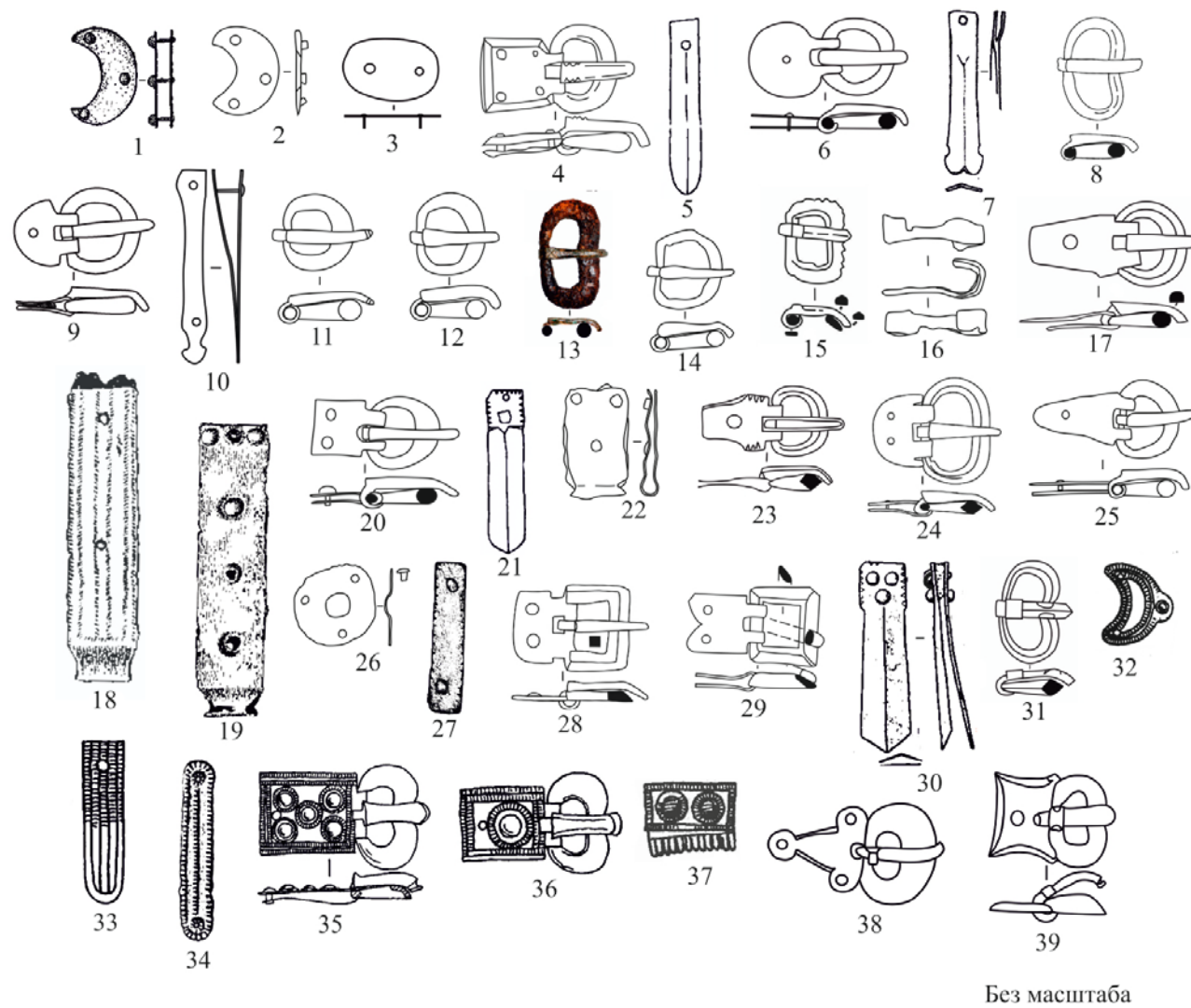
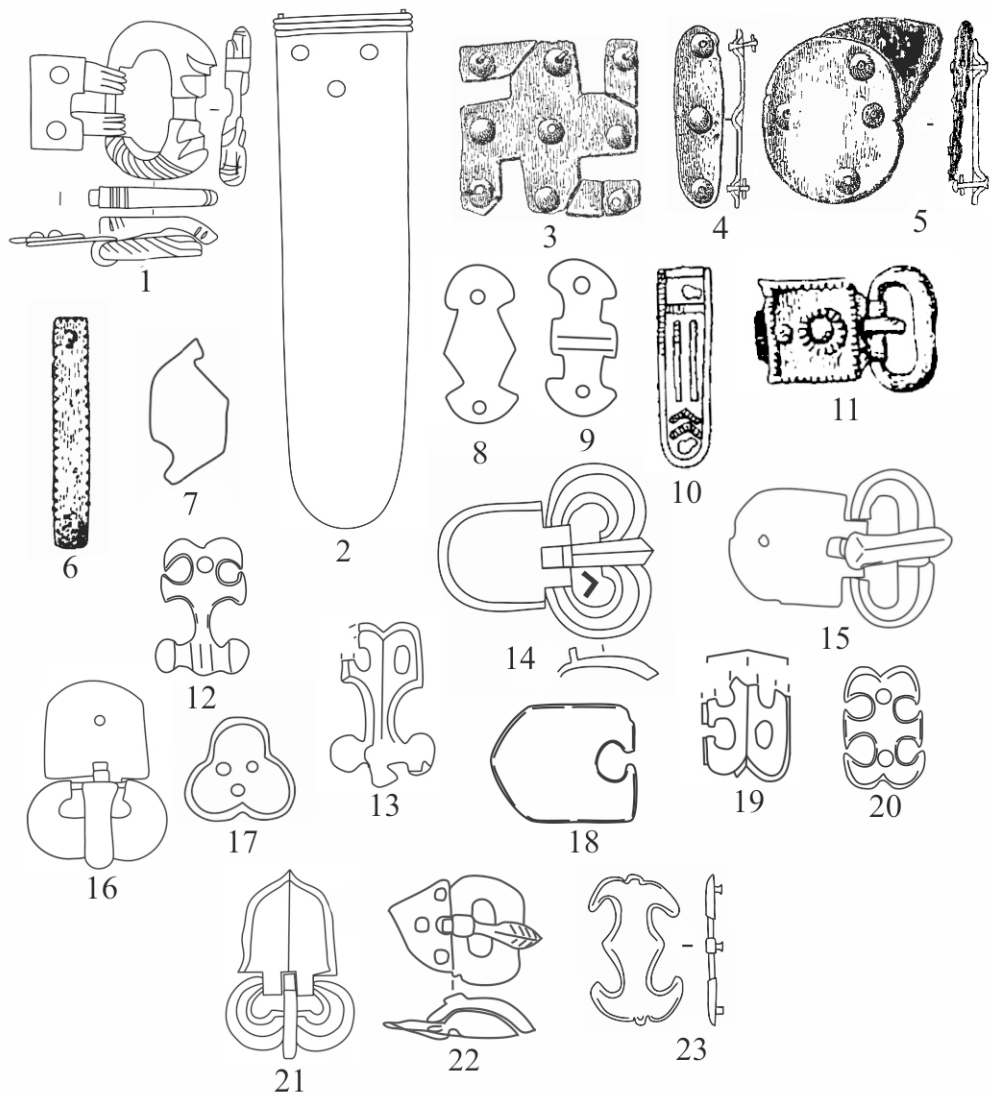
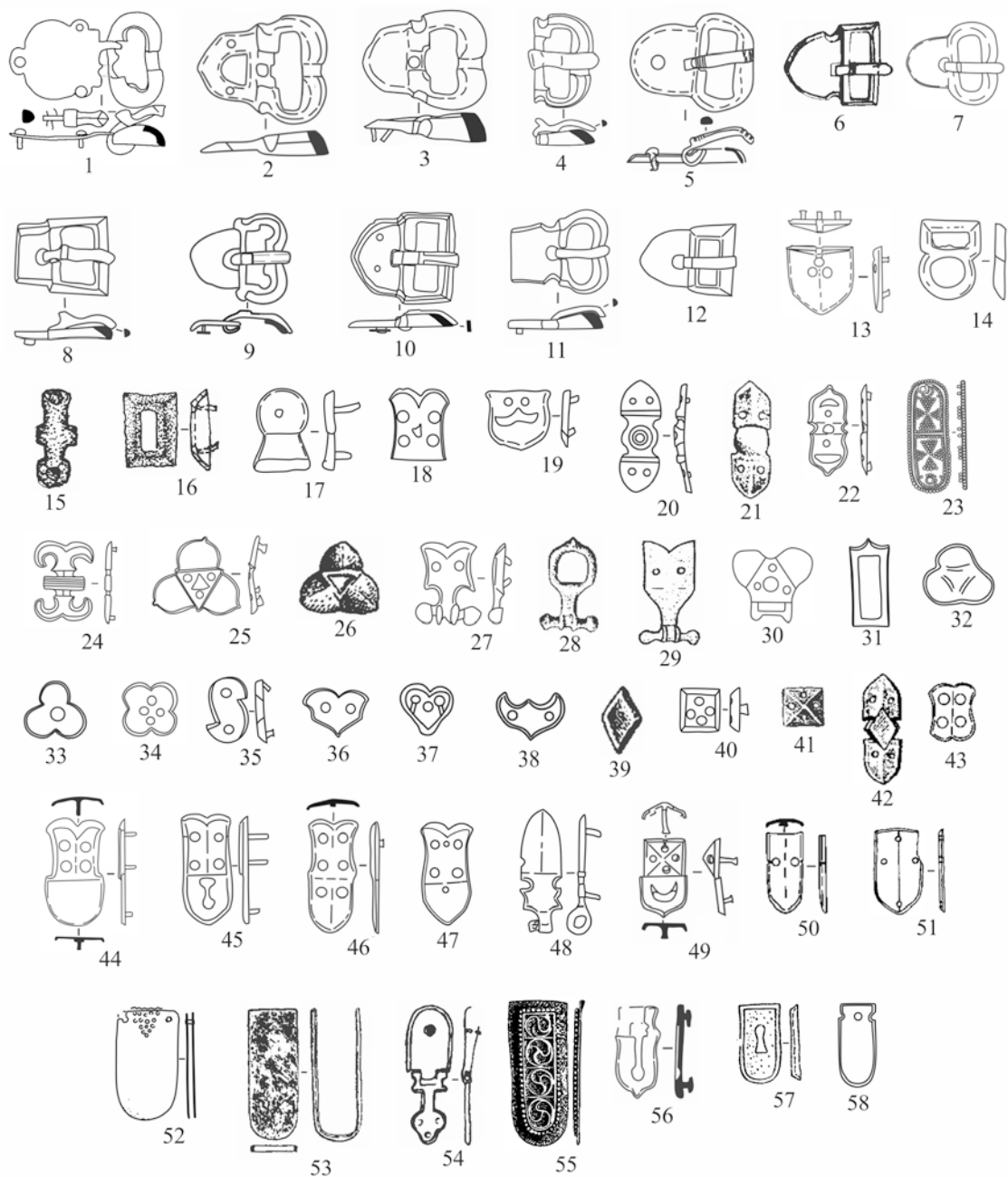

Рис. 67. Ременные гарнитуря Южного Приуралья V–VI вв. (некоторые детали могли появиться в послед. четв. IV в.)

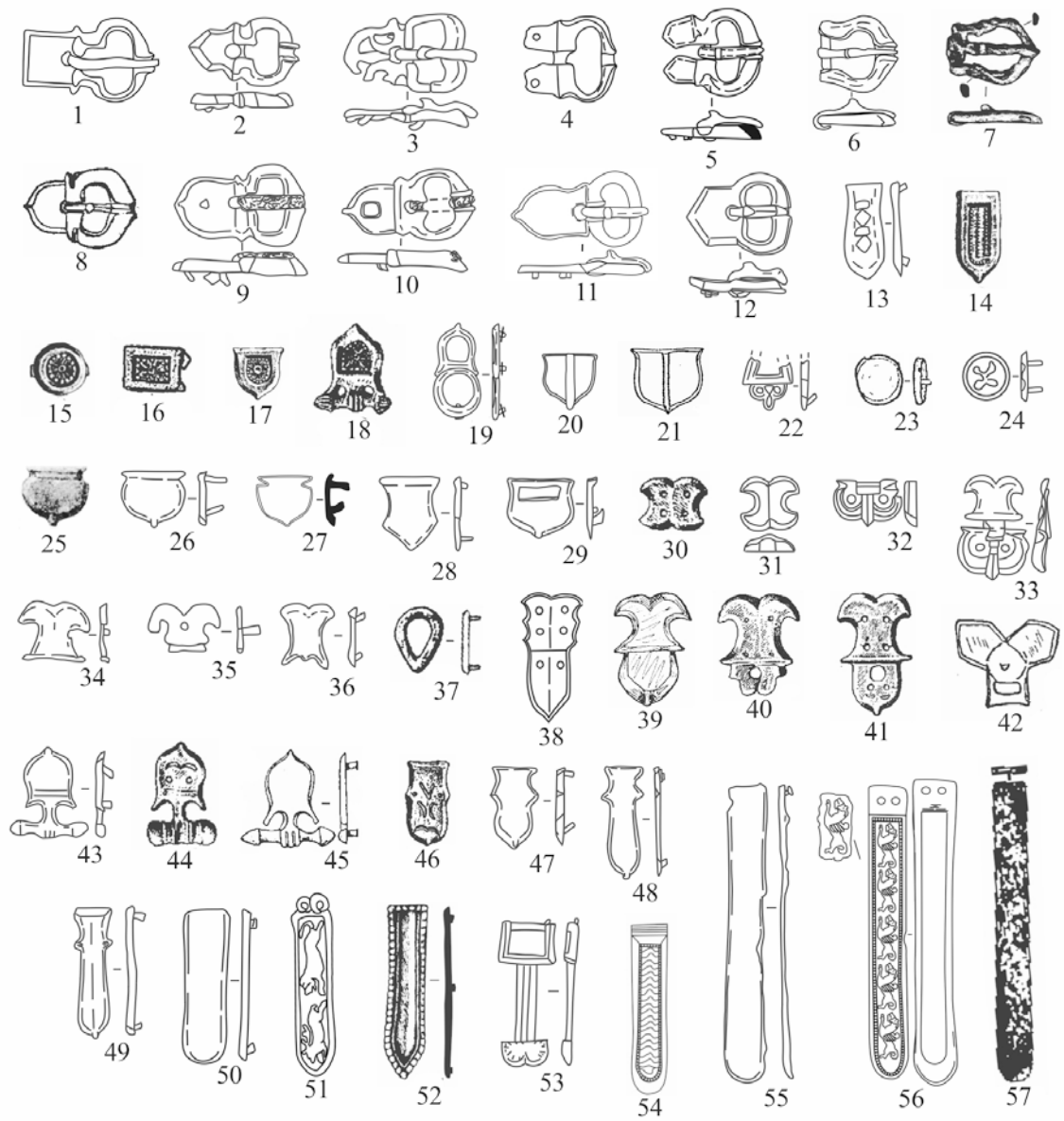
Без масштаба

Рис. 68. Ременные гарнитуры Южного Приуралья 2-ой пол. / 3-ей трети VI – нач. VII в.

Без масштаба

Рис. 69. Ременные гарнитурь Южного Приуралья конца VI – 3-ей четв. VII в.

Без масштаба

Рис. 70. Ременные гарнитуры Южного Приуралья
сер. / 2-ой пол. VII – рубежа VII и VIII вв.

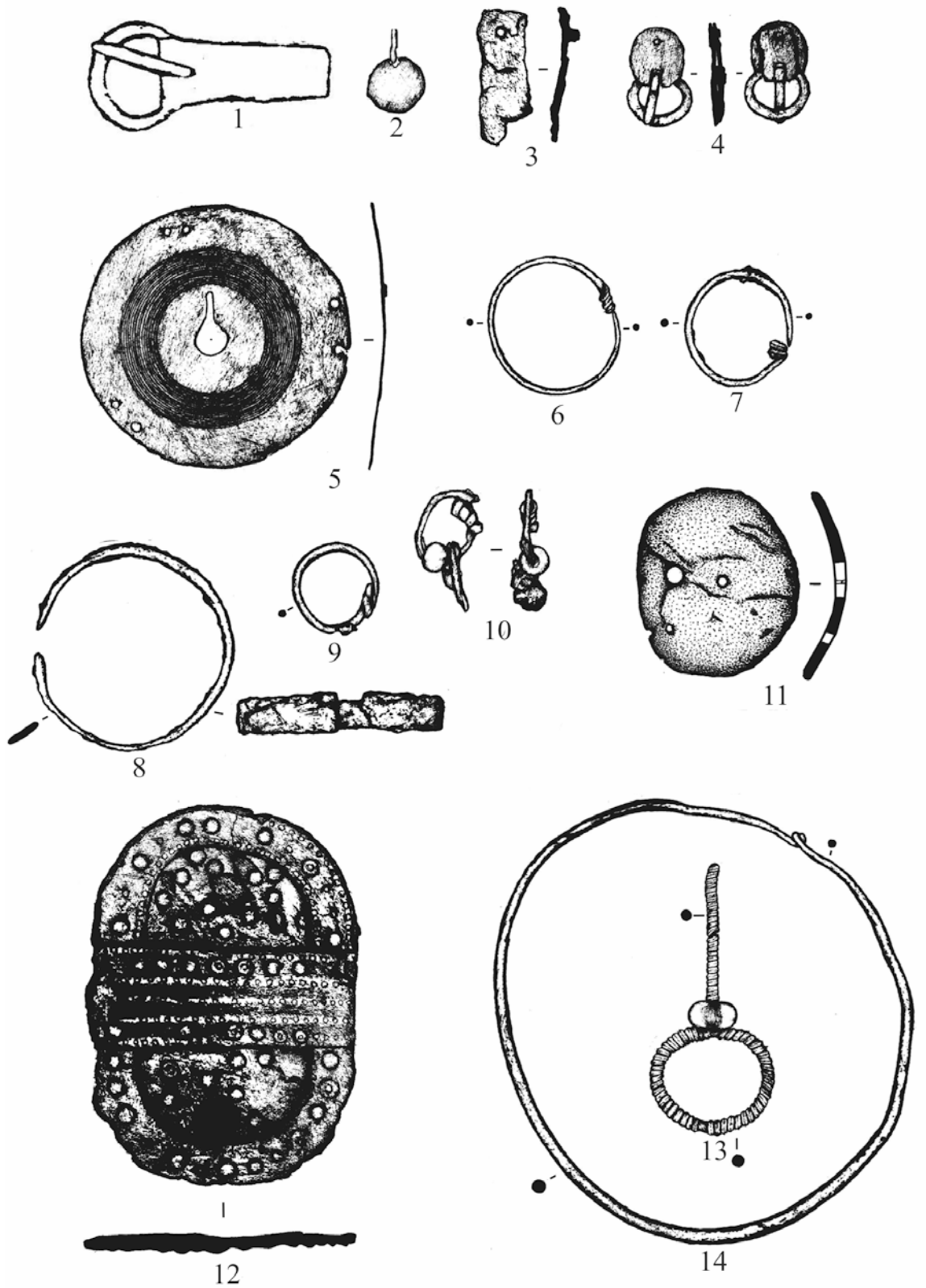

Рис. 71. Погребение с хроноиндикаторами, не учтенное в серии:
 Бирский могильник, п. 313
 1-14 – материалы к диссертации А.Н. Султановой (Султанова, 2000)

Рис. 72. Погребение с хроноиндикаторами, не учтенное в серии: Дежневский могильник, кург. 103 (раскопки 2005 г.)
 1–14 – по: (К проблеме городов..., 2018)

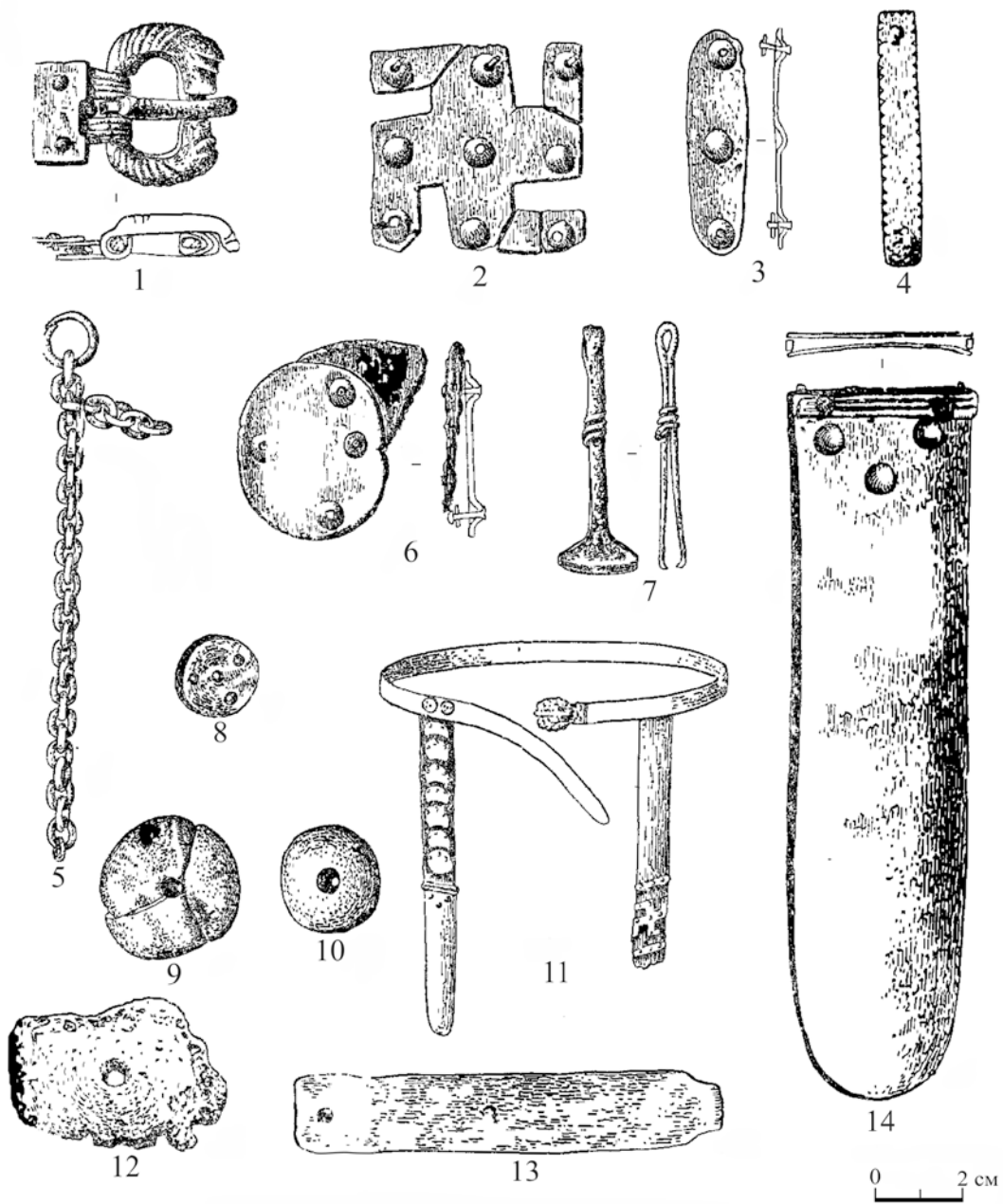

Рис. 73. Погребение с хроноиндикаторами, не учтенное в серии:
 Бирский могильник, п. 18
 1-14 – по: (Мажитов, 1968б)

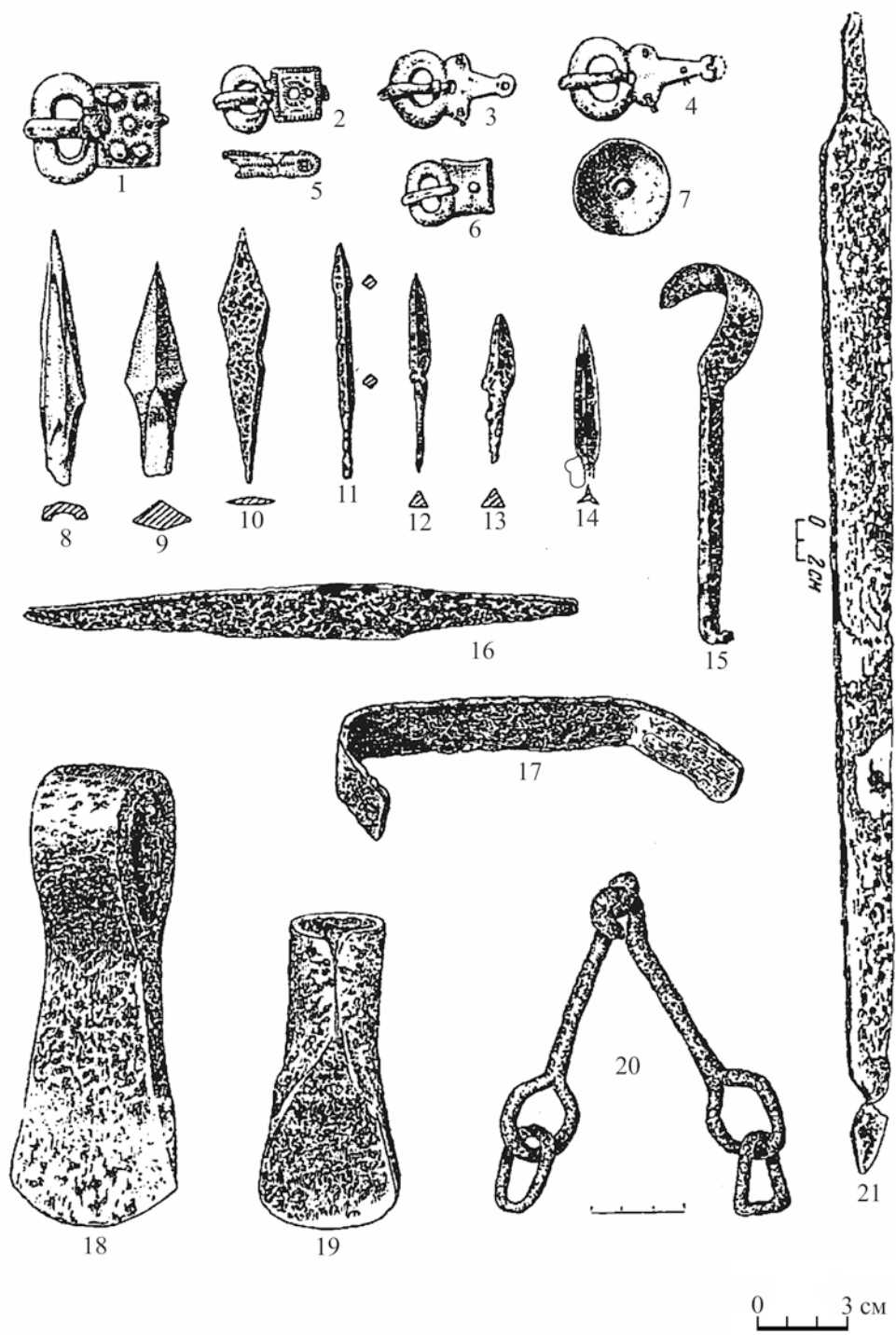
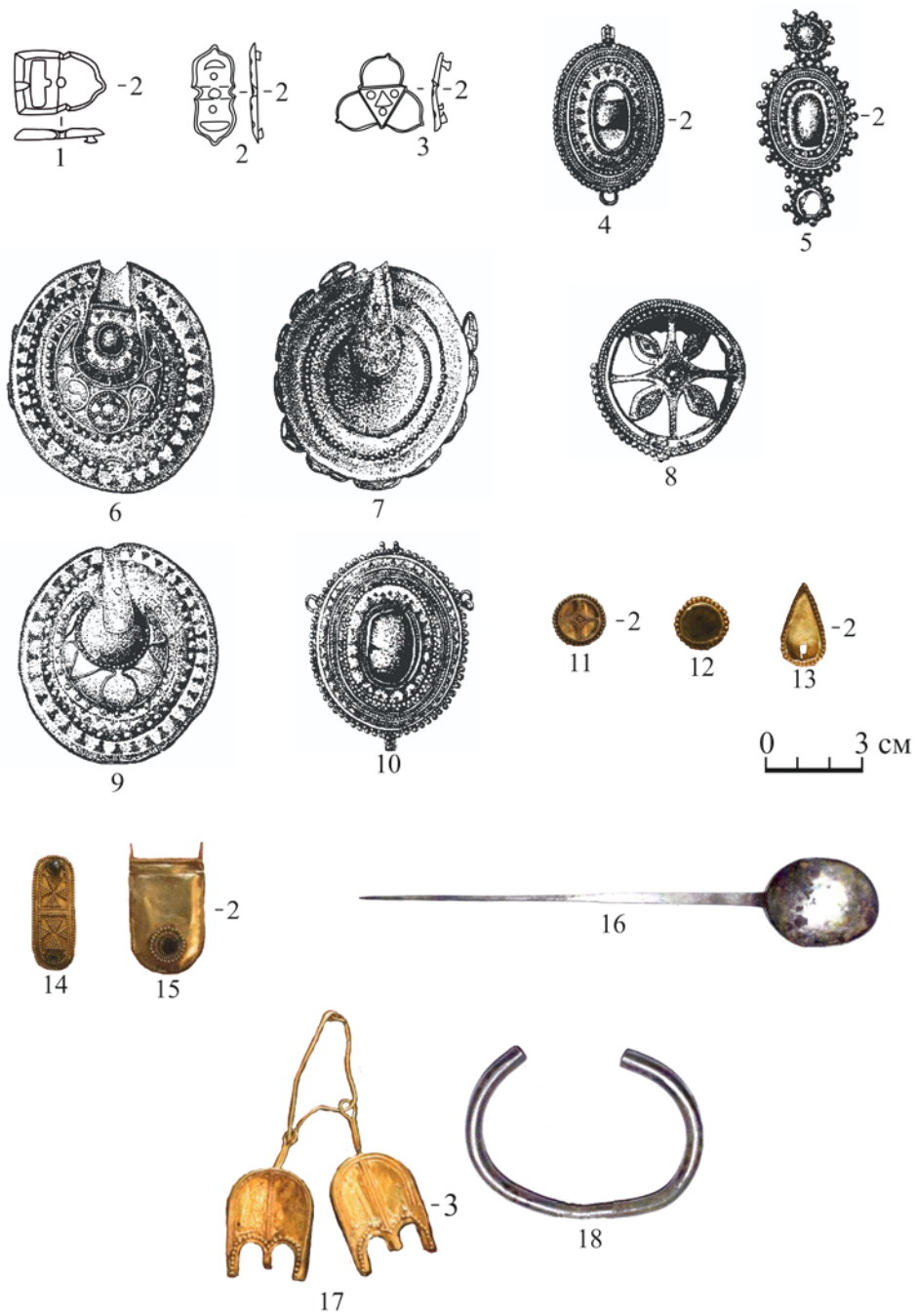

Рис. 74. Погребение с хроноиндикаторами, не учтенное в серии:
 Бирский могильник, п. 156
 1-21 - по: (Мажитов, 19686)

11-18 - Без масштаба

Рис. 75. Погребение с хроноиндикаторами, не учтенное в серии:
 Женское погребение во дворе Башмединститута (г. Уфа)
 1-3 – по: (Белявская, 2019а); 4-10 – по: (Смирнов, 1957);
 11-18 – по: (К проблеме городов..., 2018)

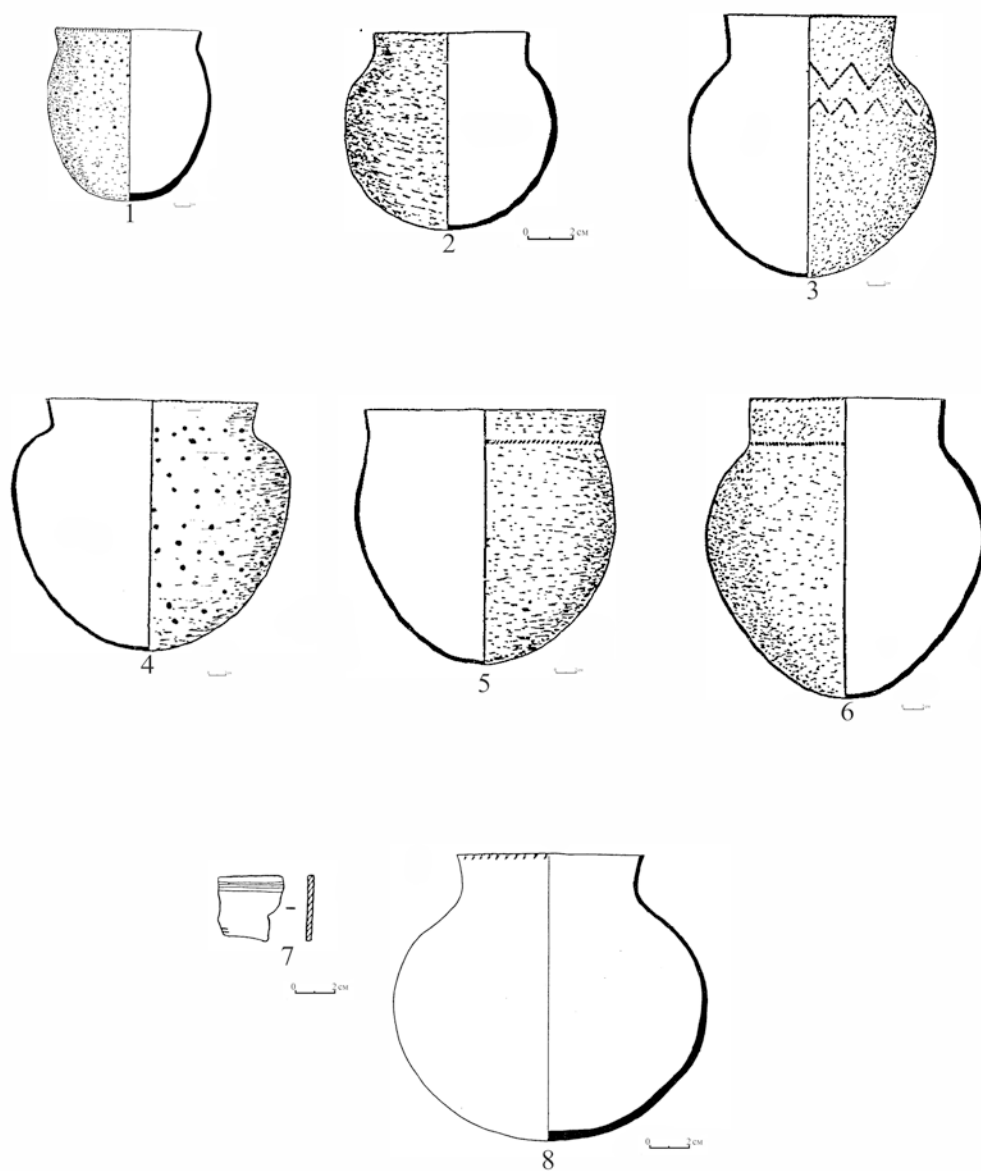

Рис. 76. Керамический материал из Бирского могильника
1-8 – по: (Султанова, 2000)

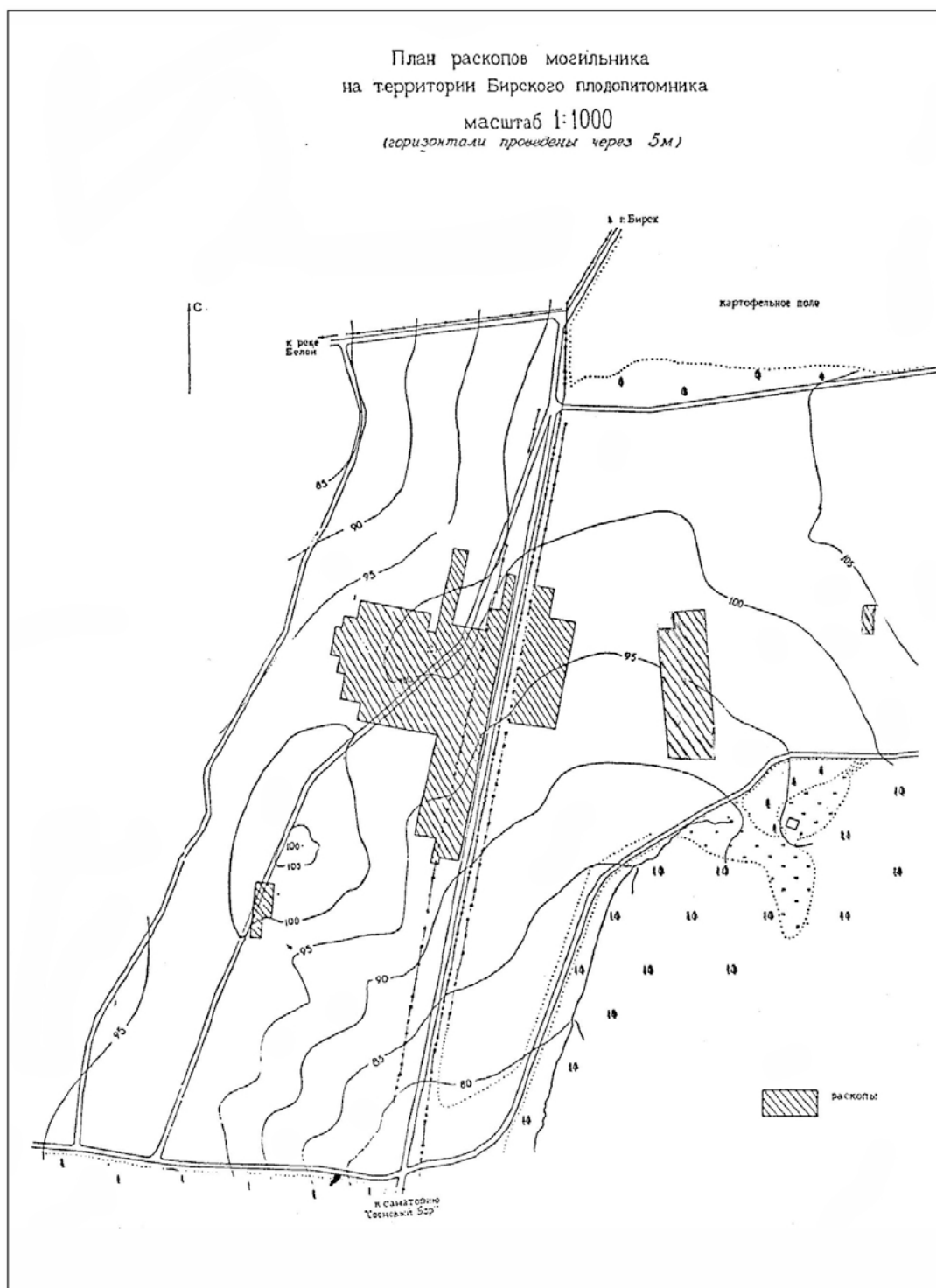

Рис. 77. Общий план Бирского могильника по: (Султанова, 2000)

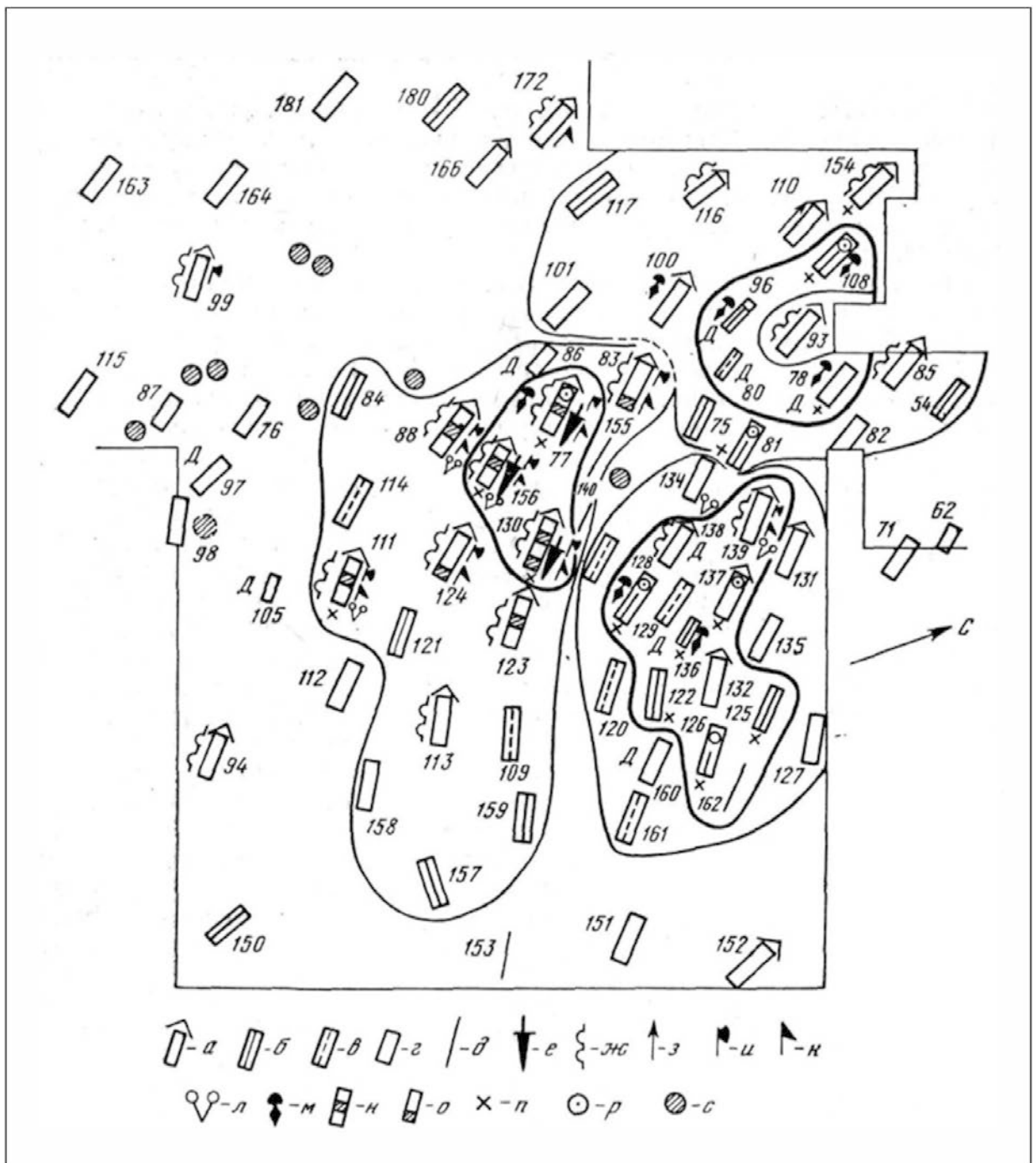

Рис. 78. Структура трёх семейных участков в зоне I-б Бирского могильника по А.К. Амброзу (1980)

а – погребение мужское; **б** – женское; **в** – предположительно женское; **г** – пол неизвестен; **д** – безынвентарное, неопределимое; **е** – с мечом; **жс** – со стрелами; **з** – с копьем; **и** – с проушным топором; **к** – со втульчатым топором; **л** – с удилами; **м** – с двухпластинчатой фибулой; **н** – с позолоченным поясом; **о** – с позолоченными застёжками обуви; **п** – с костями животного у ног погребённого; **р** – с жертвенным комплексом; **с** – жертвенные ямы с костями ног и головы лошади; буквой **д** на схеме отмечены детские погребения

Семейные участки зоны I-б обведены двойным контуром: внутренний очерчивает ненарушенные погребения, внешний – нарушенные

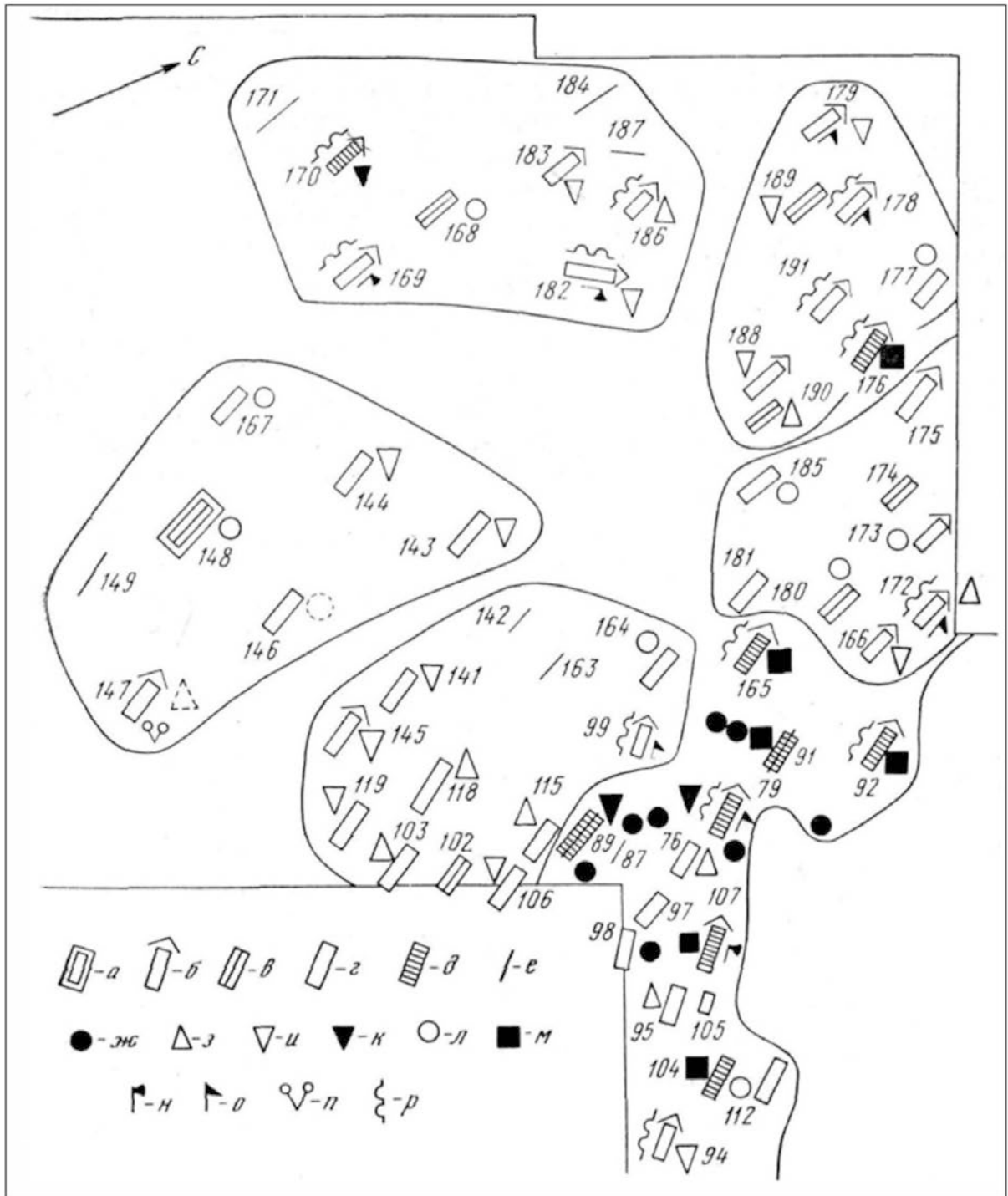

Рис. 79. Структура семейных участков в зоне II Бирского могильника по А.К. Амброзу (1980)

а – ненарушенное погребение (остальные – нарушенные); **б** – мужское; **в** – женское; **г** – пол неизвестен; **д** – предположительно самые поздние могилы; **е** – неопределимые; **жс** – жертвенные ямы с костями ног и головы лошади; **з, и, к** – с сосудами, покрытыми ямками по всей поверхности (**з** – без дополнительной орнаментации; **и** – с пояском простого дополнительного орнамента вверху; **к** – с пояском зигзагового орнамента вверху); **л** – с сосудами турбаслинской группы; **м** – с кушнаренковскими сосудами; **н** – с проушным топором; **о** – с втульчатым топором; **п** – с удилами; **р** – со стрелами

Криволинейными контурами показана граница I и II этнографических зон, а также очерчены предполагаемые семейные участки (до появления могил со сложно декорированной посудой)

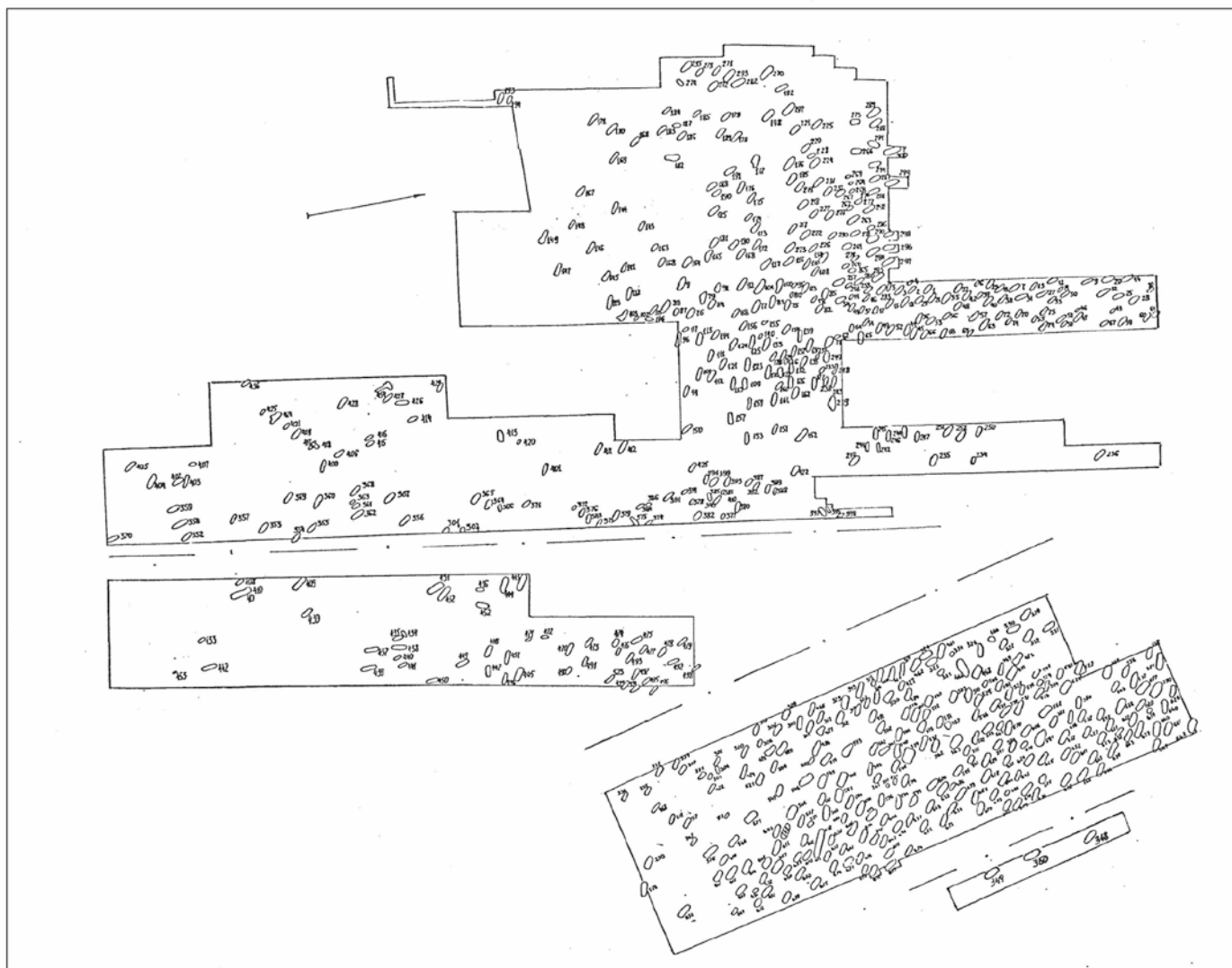

Рис. 80. План раскопов на Бирском могильнике
по: (Султанова, 2000)